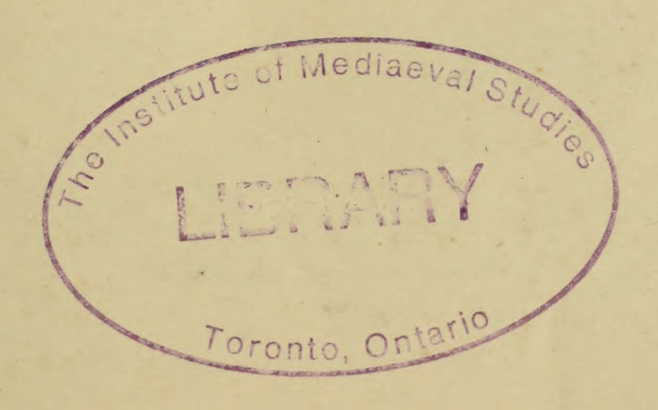

Express Book Service
£ 135.00
Dunnick

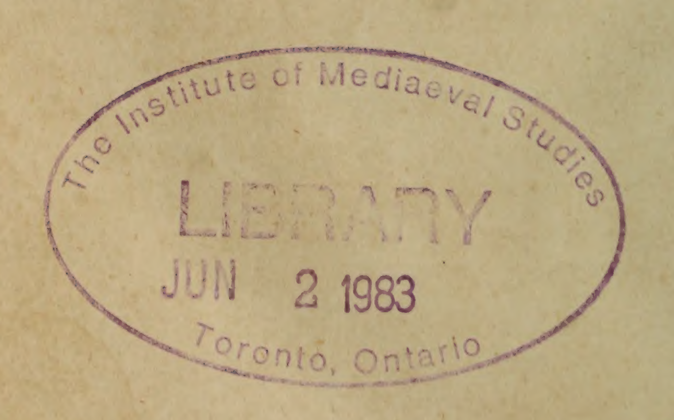
Е. А. Бѣловъ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

до

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1895.

Типографія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ буду говорить о цѣли этой книги, издаваемой для образованныхъ читателей, скажу нѣсколько словъ о своемъ взглядѣ на древнюю русскую исторію до Петра В.

Я долженъ предупредить читателей, что придерживаюсь мнѣнія покойнаго историка-юриста К. Д. Кавелина, что центральная фигура древней нашей исторіи—Іоаннъ Грозный.

О значеніи этой исторической личности я высказалъ свои мнѣнія въ статьяхъ: «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства» (Ж. М. Н. П. 1886 г. №№ 1, 2, 3) и «Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Васильевича Грознаго». (Ж. М. Н. П. 1887 г. №№ 1 и 2).

Отвѣтомъ на многія изъ возраженій, вызванныхъ моими статьями, можетъ считаться эта книга постольку, поскольку эти возраженія касаются моихъ воззрѣній на Іоанна Грознаго, какъ политическаго дѣятеля. Отвѣты эти заключаются въ объективномъ, на сколько возможно, изложеніи фактовъ. Среди возраженій на мои статьи, искренностью своею и отсутствіемъ задней мысли, выдѣляется книга Н. К. Михайловскаго—«Иванъ Грозный въ русской литературѣ». Мнѣ кажется, что если онъ станетъ на политическую точку зрѣнія, то недоумѣнія его разрѣшатся сами собой.

Въ послѣднее время все чаще и чаще въ область исторіи стала вторгаться психіатрія, чего нельзя оставить безъ вниманія. По русской исторіи первый опытъ психіатрическаго эскиза сдѣланъ проф. Ковалевскимъ, подъ заглавіемъ «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе».

Проф. Ковалевскій не въ первый разъ выступаетъ съ психіатрическими эскизами историческихъ личностей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ его редакціей изданъ переводъ книги доктора Айреланда — «Психозы въ исторіи». Въ предисловіи къ переводу проф. Ковалевскій говоритъ: «*Пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ событій весьма много облегчается при примѣненіи къ нимъ психіатрической точки зрѣнія*». Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы психіатрами соблюдалось основное правило, при которомъ только и могутъ труды ихъ надъ историческими темами принести пользу, а именно: чтобы только твердо-установленные психіатріей законы примѣнялись къ неоспоримымъ же историческимъ фактамъ, притомъ же не отрывочно, а въ связи съ добытыми уже историческою наукою выводами. Между тѣмъ психіатрами, когда они берутся за историческія темы, это основное правило нарушается то и дѣло.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ вышеупомянутой книги доктора Айреланда. О Великомъ Юліи Цезарѣ у Айреланда говорится, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ имѣлъ нѣсколько эпилептиформныхъ припадковъ, «но это могло быть», говоритъ Айреландъ, «слѣдствіемъ его безпокойной, энергической жизни, его напряженнаго положенія и половыхъ эксцессовъ». (Стр. 75). Во-первыхъ, несправедливо, что припадки съ нимъ случались въ послѣдніе годы—въ первый разъ съ Юліемъ Цезаремъ припадокъ случился въ 46 году до Р. Х., за годъ до его насильственной смерти. Это произошло во время битвы при Тапсѣ, подъ тяжестью, превышающаго человѣческія силы, горя, когда онъ не могъ остановить, всегда дотолѣ послушные ему, легіоны, отъ окончательнаго истребленія войскъ аристократической партіи. При Тапсѣ Цезарь увидѣлъ несогласимость своихъ стремленій—стоять во главѣ демократической партіи и щадить аристократію. Онъ видѣлъ передъ собой дилемму—или истреблять враговъ, или допустить истребить свою партію. Вотъ эту, главную причину—нравственное потрясеніе, Айреландъ упустилъ изъ виду. Другой примѣръ: какое вліяніе здоровье старика Цезаря могло имѣть на Августа, приходившагося ему внучатымъ племянникомъ, немощи котораго Айреландъ, хотя и весьма нерѣшительно, приписываетъ родству съ Цезаремъ?

Замѣтимъ, что для объясненія тиранніи Цезарей (Тиверія,

Каллигулы, Клавдія, Нерона), тираннію которыхъ вышеупомянутый авторъ также объясняетъ нервнымъ разстройствомъ, есть много фактовъ и безъ басенъ Светонія и другихъ анекдотистовъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду нравственное состояніе римскаго общества, въ первомъ столѣтіи до Р. Х. и въ первомъ столѣтіи по Р. Х., и борьбу разныхъ вѣрованій, которыя тогда проникли въ Римъ. Надо помнить, какую ненависть аристократія возбудила въ латинскомъ элементѣ Италіи со временъ Суллы. Когда убитъ былъ Каллигула, «этотъ», по выраженію Ренана, «колоссальный буффонъ», то народъ въ Римѣ оставался равнодушенъ; но когда убійцы провозгласили власть сената, то преторіанцы, тогда состоявшіе еще исключительно изъ латинскаго элемента, вытащили Клавдія изъ какого-то угла, куда онъ спрятался, и провозгласили его императоромъ. Вотъ гдѣ надо искать источника событій въ эпоху Цезарева Дома. Борьба разнообразныхъ вѣрованій, на которую мы указали выше, не могла пройти безъ слѣдовъ. Неронъ, у котораго воображеніе всегда брало перевѣсъ надъ умомъ, сдѣлался жертвою этой борьбы. По своей природѣ, онъ былъ до фанатизма враждебенъ вѣрованьямъ и богамъ, которые шли изъ Пелестины и Египта. Жизнерадостный эллинизмъ овладѣлъ всей его натурой и въ то время, какъ онъ тиранилъ Римъ, онъ всячески ласкалъ грековъ. Неуравновѣшенный умъ повелъ его къ весьма страннымъ поступкамъ: изъ любви къ эллинизму онъ публично пѣлъ на сценѣ и т. д. Если въ Неронѣ было помѣшательство, то оно происходило, главнымъ образомъ, изъ того вихря противоположныхъ идей, которыя тогда охватили Римъ. Наслѣдственный же психозъ, которымъ Айреландъ всецѣло объясняетъ то, что онъ называетъ неврозомъ или сумасшествіемъ Нерона, тутъ тѣмъ болѣе сомнителенъ, что нравы римскихъ матронъ того времени, особенно Агриппины Младшей, матери Нерона, не позволяютъ достовѣрно сказать, чей темпераментъ былъ Нерономъ унаслѣдованъ.

Слѣдующій же анекдотъ Светонія, приводимый Айреландомъ, не можетъ служить доказательствомъ наслѣдственности психоза Нерона. Домицій Агенобарбъ, его отецъ, въ отвѣтъ на поздравленіе съ рожденіемъ сына, будто бы отвѣчалъ: «Отъ меня и Агриппины можетъ произойти только самое отвратительное и вредное для людей исчадіе». (86 стр.). Развѣ можно психіатру на такомъ бульварномъ анекдотѣ что нибудь основывать?!

Въ собственномъ своемъ психіатрическомъ эскизѣ «Іоаннъ Грозный», котораго проф. Ковалевскій признаетъ параноикомъ, т. е. страдавшимъ однопредметнымъ помѣшательствомъ, авторъ основывается на весьма сомнительныхъ фактахъ.

Но отъ психіатріи возвратимся къ исторіи. Мы сказали, что Іоаннъ IV—центральная фигура въ древней русской исторіи. Эта мысль будетъ яснѣе для читателей, если къ Іоанну IV присоединимъ его дѣда, Іоанна III. Дѣятельность *этихъ двухъ удивительныхъ Іоанновъ*, какъ о нихъ выразился Пушкинъ, имѣетъ много общаго, только дѣятельность внука гораздо шире дѣятельности дѣда. Объединивъ Русь, оба они старались показать жителямъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ выгоды объединенія. Для этой цѣли оба покровительствовали мелкимъ городскимъ и особенно сельскимъ общинамъ. Поэтому, не даромъ половина XV вѣка и весь XVI в. многими называются золотымъ вѣкомъ сельскихъ общинъ. Іоаннъ III старался ограничить власть духовенства и владѣніе монастырей имѣньями. Рѣшительнѣе въ этомъ дѣлѣ поступилъ внукъ, дѣятельность котораго, въ силу обстоятельствъ, приняла болѣе широкіе размѣры. Указывая на вредный примѣръ владычества духовенства въ Византіи, онъ сильно ограничилъ власть духовенства и число монастырскихъ имѣній. Церковные вопросы и во внѣшней политикѣ играли въ его царствованіе важную роль, ибо не слѣдуетъ упускать изъ виду усилія іезуитовъ обратить въ католицизмъ сначала западную—Литовскую, а потомъ и восточную—Московскую Русь.

Понимая значеніе культурнаго развитія страны и выгоды сближенія съ Западной Европой, онъ усиливался овладѣть берегами Балтійскаго моря. Это не удалось ему, но онъ помѣшалъ образоваться, на мѣстѣ распадавшагося Ордена, отдѣльному государству, враждебному Россіи. Въ тяжелой борьбѣ онъ уступилъ необходимости, потерялъ свои завоеванія, но не уступилъ ни одного клочка русской земли и это совершилось при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ—когда на Волгѣ свирѣпствовалъ черемисскій бунтъ. Желая положить преграды требованіямъ бояръ—быть исключительными совѣтниками Царя, Іоаннъ создалъ чинъ Думнаго Дворянина и съ этихъ поръ дворяне, тогда низшій служебный классъ, стали возвышаться, и къ концу Московскаго періода, стали выше дѣтей боярскихъ. Въ вопросахъ: монастырскомъ, балтійскомъ и въ вопросѣ о возвышеніи дворянства на счетъ боярства—въ этихъ

вопросахъ Іоаннъ нашелъ себѣ достойнаго преемника только въ Петрѣ Великомъ.

Этою связью дѣятельности Петра съ дѣятельностью Іоанна объясняется непрерывность хода русской исторіи, ея послѣдовательность. Имѣя въ виду наглядно показать, какъ необходима, неизбѣжна и благодѣтельна была реформа Петра В., я, въ изложеніи хода внутренней исторіи Россіи, особенное вниманіе обращалъ на умственное развитіе древней Руси и на разложеніе ея учрежденій. Это разложеніе учрежденій покажетъ несправедливость обвиненія Петра въ какомъ-то насильственномъ разрывѣ древней и новой Россіи. Этотъ мнимый разрывъ состоялъ въ замѣнѣ невѣжества просвѣщеніемъ и приведеніемъ хоть въ нѣкоторый порядокъ крайне разстроенной государственной машины. Разложеніе продолжалось цѣлый, печальной памяти XVII вѣкъ, который начался кровавой смутой, продолжался среди бунтовъ и мятежей и кончился новой смутой. Кровавый Большой Стрѣлецкій Розыскъ былъ достойнымъ завершеніемъ исторіи этого печальнаго вѣка.

Что касается до обвиненія Петра въ колебаніи національнаго элемента и другихъ, направленныхъ противъ него обвиненій, то объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей книгѣ.

Чтобы понять все величіе дѣлъ Петра, особенно величіе его просвѣтительной дѣятельности, надобно пристально вглядѣться, съ какими умственными силами, или, лучше сказать, въ какомъ состояніи умственнаго безсилія, онъ засталъ Россію и повелъ ее на путь свѣта и знанія.

Евгеній Бѣловъ.

Главнѣйшія опечатки.

Стран.	Строка.		Напечатано:	Читать:
15	27	сверху	Ольга	Ольги
35	14	снизу	платили день	платили дань
52	27	»	Печескаго	Печерскаго
66	8	снизу	ввечевые	вѣчевые
84	5	сверху	ставилъ	оставилъ
95	27	»	Магисртъ	Магистръ
128	5	»	Ягайло-Яковъ	Ягайло-Яковъ или Ягелло-Яковъ.
162	13	снизу	со всей Россіи	со всей Россіей
167	14	сверху	оно внѣдрилось.	она внѣдрилась.
171	7	снизу	преслѣдованій	преслѣдованіи
174	33	»	1501 н 1502 г.	1501 и 1502 г.
224	1	сверху	послѣ паданія	послѣ паденія
225	26	»	возражали, ибо другіе	возражали другіе, ибо
230	11	»	кротко	кратко
245	4	снизу	гававей	гаваней
250	8	»	собствен-	собственнымъ
269	13	»	въ Москву	въ Литву
281	8	сверху	котому	которому
305	7	снизу	Гермогено	Гермогена
—	6	»	сильна	сильно
326	6	»	огранчичили	ограничили
327	3	»	Трехлѣтняя сессія	Трехлѣтнюю сессію
375	25	»	старыхъ книгъ	новыхъ книгъ
389	12	»	числоа заковъ	число казаковъ
407	26	»	шестиярусныхъ	шестияруснымъ.

ГЛАВА I.

Русскій народъ сложился изъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ основнымъ элементомъ былъ элементъ славянскій. Славяне такіе-же старожилы въ Европѣ, какъ и другія вѣтви арійскаго племени: пеласги, греки, римляне, кельты, германцы, литовцы [1]).

Въ этнографическій составъ русскаго народа вошли слѣдующія племена восточныхъ славянъ: Поляне—по среднему Днѣпру; Древляне — наиболѣе дикое изъ этихъ племенъ — къ югу отъ р. Припяти; Кривичи—по З. Двинѣ и верховьямъ Днѣпра, на его правой сторонѣ до болотъ, лежащихъ къ сѣверу отъ р. Припяти. Ильменскіе славяне—называемые лѣтописью исключительно славянами, и племена по р. Ловати также причисляются къ Кривичамъ, равно какъ Дреговичи между Припятью и З. Двиной; Полочане — по р. З. Двинѣ. Два племени: Радимичи—по р. Сожѣ и Вятичи—по верховьямъ р. Оки производятся лѣтописцемъ отъ ляховъ. Кромѣ того, по южному Бугу жили Дулѣбы на Волыни; Угличи и Тиверцы по р. Днѣстру до моря и къ западу до р. Дуная. Лѣтописецъ говоритъ, что страна Дулѣбовъ, Угличей и Тиверцевъ называлась у грековъ Великая Скуфь, т. е. В. Скифія. Есть основаніе полагать, какъ увидимъ ниже, что славянскій элементъ въ Восточной Европѣ, въ IX в. по Р. Х., когда возникло русское государство, распространялся гораздо далѣе, чѣмъ указано первоначальною лѣтописью.

Славяне долго жили въ родовомъ быту. Первоначальная лѣтопись говоритъ: «Каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Предки наши не знали семьи, какъ замѣчаетъ историкъ С. М. Соловьевъ. Да и слово семья первоначально имѣло другое значеніе. Семья—отъ со-

[1]) О старобытности славянъ въ Европѣ, см. Шафарика: Славянскія древности, т. 1.

имаю, означало только жену, супругу; отъ со-прягаю; гораздо позднѣе, жены въ письмахъ къ мужьямъ подписывались семьица твоя—такая-то. Семьяниться—вообще означало соединяться; въ XVI в., въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя (И. Р. Соловьева, т. 1, 47 прим.). Родъ развѣтвлялся, дѣлился на линіи, которыя обозначались словомъ племя. Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ; во главѣ линій стояли свои родоначальники, которые носили названіе: старшинъ, жупановъ, владыкъ, князей. Послѣднее названіе чаще всего встрѣчается у русскихъ славянъ. Слово князь или конязь происходитъ отъ слова конъ—граница, вершина, начало; корень-же конъ—отъ санскритскаго джанъ, джанатри, откуда латинское genitor, отсюда у русскихъ, у сербовъ новобрачные назывались князь и княгиня (Тамъ-же, пр. 52).

О нравахъ и обычаяхъ славянъ иностранные писатели говорятъ различно, что и понятно, ибо славяне, какъ и всѣ народы въ примитивной порѣ развитія, дѣйствовали подъ вліяніемъ впечатлѣнія и поэтому казались то крайне жестокими, то чрезвычайно кроткими. Говорятъ объ ихъ чрезвычайной жестокости съ плѣнными, и въ то-же время передаютъ, что если разъ плѣннику оставляли жизнь, то съ нимъ обращались кротко. Плѣнныхъ въ языческій періодъ не закрѣпощали на цѣлый вѣкъ, черезъ извѣстный срокъ они становились свободными. Первый русскій лѣтописецъ хвалитъ только Полянъ за ихъ кроткіе обычаи. Древляне, говоритъ онъ, жили поскотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое и брака у нихъ не было, а умыканіе женщинъ среди игрищъ. Точно также жили Радимичи, Вятичи, Сѣверяне. Многоженство было у всѣхъ славянъ, у которыхъ бракъ сталъ входить въ обычай. Женъ или увозили или покупали, давая за нихъ вѣно. Синкретизмъ [1]) этихъ формъ брака сохранялся долго. У раскольниковъ Витебской губерніи бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похищалъ невѣсты съ ея согласія. Похитивъ дѣвку, парень объѣзжалъ съ нею три раза священный дубъ, чѣмъ бракъ и закрѣплялся. Въ пѣсняхъ сохранилась память объ обычаѣ вѣнчаться вокругъ ракитова куста. Стенька Разинъ приказывалъ вѣнчать вокругъ деревьевъ. Въ иныхъ мѣстахъ молодые объѣзжали пруды, озерки. Обычай многоженства держался долго и послѣ принятія христіанства. Митрополитъ Іоаннъ говоритъ, что многіе—безъ труда, безъ страха и безъ срама двѣ жены имѣютъ. У славянъ-многоженцевъ долго сохранялся обычай, вынесенный безъ сомнѣнія изъ Индіи: одну изъ вдовъ покойника сожигали вмѣстѣ съ его трупомъ — или для того, чтобы служить ему въ будущей жизни, или для того, чтобы отворить ему двери рая.

---

[1]) Синкретизмъ—соединеніе противоположныхъ доктринъ или формъ.

Религія восточныхъ славянъ, какъ у всѣхъ арійскихъ народовъ, состояла въ обожаніи физическихъ силъ и явленій природы, въ поклоненіи душамъ предковъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ. Вслѣдствіе примитивнаго состоянія этихъ племенъ у нихъ не могъ развиться антропоморфизмъ, т. е. божества ихъ не получили опредѣленныхъ человѣкообразныхъ формъ, какъ у грековъ. У восточныхъ славянъ не было развитія личнаго начала, не было и антропоморфизма.

Верховный Богъ—Сварогъ—Небо, рядомъ съ нимъ обожали Мать Сырую Землю. Нѣкоторые изслѣдователи со Сварогомъ отожествляютъ Перуна, котораго первый нашъ лѣтописецъ называетъ Верховнымъ Богомъ славянъ, Богомъ грома и молніи, ибо лѣтописецъ Сварога отождествляетъ съ Гефестомъ или Вулканомъ, ковачемъ оружія. Перунъ-же былъ не только богомъ молніи и грома, но и оружія. Давая клятву, передъ идоломъ Перуна слагали оружіе. Въ клятвѣ говорилось: да будемъ изсѣчены оружіемъ своимъ и *да будемъ золоти, яко золото*, если не сохранимъ клятвы. Слова: *да будемъ золоти, яко золото* объясняютъ такъ: изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня. Но корень слова Перунъ—литовскій, а не славянскій; оно производится отъ литовскаго глагола perieti, что значитъ рождать, производить отъ теплоты (см. 74 прим. къ 1 тому исторіи Соловьева).

Верховное божество Сварогъ-Перунъ породило божества: Солнце и Огонь. Солнце носило названіе Дажь-Бога, въ словѣ о Полку Игоревѣ русскіе называются внуками Дажь-Бога. На значеніе Солнца, какъ отца народа, указываетъ и пѣсня: «Солнышко, солнышко», «Выгляни въ окошечко», «Твои дѣтки плачутъ», «Пить, ѣсть просятъ». Отсюда возгласы въ пѣсняхъ «Дидъ Ладо». Ладо—тоже названіе солнца, лада—луны. Ладо и лада—названія эти прилагались къ влюбленнымъ и супругамъ. Къ солнечнымъ божествамъ относится Лель, у полабскихъ славянъ отецъ, лѣла—тетка по церковно-славянски. Огню было отдѣльное поклоненіе, и въ христіанское время, духовные жаловались, что и огню молятся, зовутъ его Сварожичемъ. Дажь-Богъ, т. е. Солнце, носило также названіе персидское Хорса и ассирійское — Сема и Регла. Но гораздо чаще Солнцу воздавалась честь подъ именемъ Велеса и Купалы, Ярила то-же. Волосъ или Велесъ—скотій богъ и всякаго богатства, отчего въ древности скотницы значили сокровищницы. Купала или Ярила выражалъ по преимуществу производительную силу природы. Къ стихійнымъ богамъ причисляется Стрибогъ, богъ вѣтровъ.

Въ противоположность свѣтлому, жизненному началу, олицетворялись и темныя силы природы въ слѣдующихъ богахъ Морена, Кощей—оба олицетвореніе Зимы, Яга-Баба—снѣжныхъ бурь.

Къ родовымъ божествамъ и семейнымъ принадлежали: Родъ, Рожаница, Щуръ или Прадѣдъ, отсюда слово пращуръ и закли-

ваніе—«чуръ меня». Чуръ и Родъ перешли въ домового. Къ родовымъ божествамъ принадлежатъ и русалки, которыхъ считали рѣчными божествами. Названіе ихъ происходитъ не отъ русла рѣки, а отъ русый, свѣтлый; это души предковъ, которыя воскресаютъ съ весною, живутъ до Троицына дня въ водахъ, съ Троицына дня въ лѣсахъ, на деревьяхъ. Въ тѣсной связи съ русалками представляются водяные дѣды, лѣшіе, кикиморы.

Проповѣдники христіанства не отрицали этихъ боговъ, но считали ихъ нечистою силою, что было и на Западѣ. Это были, такъ сказать, захудалые боги. У русскихъ славянъ употребленъ былъ еще и такой пріемъ. Чтобы заставить забыть Перуна—Громовержца, его аттрибуты перенесли, на Илью Пророка, аттрибуты Волоса перенесены были на св. Власія. Старались, конечно, и дни христіанскихъ святыхъ помѣщать въ дни празднованія старыхъ боговъ. Такъ было и на Западѣ, напр. праздникъ св. Розаліи пріуроченъ былъ ко дню Флоры.

Годъ у славянъ начинался съ марта, и этотъ счетъ времени продолжался до XV вѣка и по введеніи церковнаго года, начинающагося съ сентября. Мѣсяцевъ было 12, но едва-ли они были солнечные (См. Русск. Ист. Бестужева-Рюмина, т. 1, стр. 19). Всѣ мѣсяца носили славянскія названія, сохранившіяся донынѣ у чеховъ и поляковъ.

Такъ какъ годъ начинался съ марта, то и мы начнемъ перечень праздниковъ языческихъ со встрѣчи весны.

Праздникъ этотъ, какъ и многіе другіе, пережилъ язычество; но, такъ какъ начало его совпадало съ великимъ постомъ, то встрѣча весны перенесена была отчасти на конецъ рождественскаго мясоѣда, на масляницу, отчасти на Свѣтлое Воскресеніе и на ѳоминую недѣлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на масляницѣ возятъ въ огромныхъ саняхъ мужика, который сидитъ на колесѣ вверху столба, колесо-же было символомъ солнца. Это привѣтъ возвращающемуся солнцу. Другой символъ воскресенія жизни — крашеныя яйца на пасхѣ; въ Радуницу, въ Ѳомино воскресенье, кличутъ весну—«весна красна, на чемъ пришла». Въ это время пары юношей и дѣвъ начинали вьюниться. Поминаютъ мертвыхъ на масляницѣ блинами, въ Радуницу — кладутъ красныя яйца на могилу, какъ-бы призывая мертвыхъ къ жизни. Эти оклички сохранились въ женскихъ причитаніяхъ о покойникахъ. — Есть причитанія съ обращеніями къ солнцу и мѣсяцу—освѣтить своимъ радостнымъ свѣтомъ могилушки, чтобы покойничкамъ, не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать.

Эта живая вѣра славянина въ вѣчно чередующуюся жизнь природы, въ непрерывную связь покойниковъ съ землею подготовила принятіе вѣры въ христіанское безсмертіе души и объясняетъ спокойствіе, съ которымъ умираетъ нашъ крестьянинъ. Въ Бѣлоруссіи крестьяне клали въ ямки, вырытыя на могилахъ, яйца, поливали

ихъ водою съ медомъ и взывали: Святые родзицели! Хадзыце къ намъ хлѣба и соли кушать. На могилы кладутъ и блины. Соловьевъ замѣчаетъ, что обряды, которые наблюдались при приготовленіи блиновъ указываютъ на религіозное значеніе этого кушанья. Къ весеннимъ праздникамъ принадлежалъ и Семикъ, зеленыя святки, совпадающія съ Троицынымъ днемъ. Святками назывались всѣ праздники вообще.

Самымъ важнымъ солнечнымъ праздникомъ былъ праздникъ Купалы, Ярилы тожъ, въ иныхъ мѣстахъ его называютъ Кострома, Коструба. Его празднованіе 23 іюня, Аграфенинъ день, наканунѣ Иванова дня. Соловьевъ полагаетъ, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ: къ солнцу, къ огню и водѣ; но главнымъ образомъ къ солнцу, которое всему даетъ жизнь. Въ эти дни солнце достигаетъ высшей силы, отсюда вѣрованіе въ цѣлебность травъ, собранныхъ въ этотъ день, отыскиваніе папоротника, который по повѣрью, цвѣтетъ въ этотъ день, а на самомъ дѣлѣ никогда не цвѣтетъ. Вѣрили, что цвѣтъ папоротника открываетъ клады; и вѣрили въ то, что въ ночь на Ивановъ день оживаетъ вся природа и деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Понимать-же языкъ ихъ можетъ только тотъ, у кого есть таинственный цвѣтокъ папоротника. Самое названіе ярилы показываетъ высочайшее развитіе половыхъ физическихъ пожеланій. Праздникъ сопровождался пѣснями, которыя указываютъ на фалическій характеръ праздника. На такой характеръ праздника Ярилы указываетъ принесеніе ему жертвы, изображенной въ пѣснѣ, которая начинается словами: Померъ онъ, померъ и оканчивается возгласами—ожилъ онъ, ожилъ. Читатели всю эту пѣсню найдутъ въ романѣ Печерскаго «Въ Лѣсахъ». Ярилѣ приносили въ жертву еще и бѣлаго пѣтуха, птицы, которая ранѣе другихъ привѣтствуетъ восходъ солнца. Съ чествованіемъ Ярилы приходилось много и долго бороться церкви. Кромѣ чествованія встрѣчи Ярилы отправлялись и проводы его.

Зимою, когда солнце начинало брать силу, отправлялся праздникъ коляды, праздникъ этотъ совпадаетъ съ праздникомъ Рождества Христова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коляду называютъ Авсень или Таусень, думаютъ, что это измѣненное слово ясень — одно изъ причитаній солнца. Гдѣ сохранилось колядованіе, тамъ собираются приношенія; въ древности эти приношенія шли или на жертвоприношеніе или на общій пиръ. На хорутанскомъ нарѣчіи колдовати, колядовати, до сихъ поръ значитъ приносить жертву, калдовавцъ—жрецъ, калдовница—жертвенникъ. Въ праздникъ коляды на столъ кладутъ плугъ, дабы мыши и кроты не портили нивъ. Въ вечерню Богоявленія кликали плугу (?). Одна изъ пѣсенъ ясно показываетъ что въ день коляды шло торжественное богослуженіе и приносилась общественная жертва:

Уродилась коляда
Накануне Рождества,
За рекою, за быстрою.
Въ техъ местахъ огни горятъ,
Огни горятъ великiе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На техъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы.
Поютъ песни колядушки;
Въ средине ихъ, старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возле котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарезати.

Въ позднейшемъ варiанте, где эта колядная песня превращена въ детскую песню, козелъ говоритъ самъ о себе, что означаетъ, или представленiе всей природы единымъ въ разнообразiи существомъ, способнымъ, во всехъ отдельныхъ своихъ проявленiяхъ до животныхъ, птицъ или растенiй говорить и разсуждать; или говорящiй козелъ въ данномъ случае знаменуетъ человека угрожаемаго быть принесеннымъ въ жертву. Вотъ слова этой песни, относящiяся къ жертвоприношенiю:

«Котлы кипятъ чугунные,
«Ножи точатъ булатные
«Меня козла колоть хотятъ.

Существованiе человеческихъ жертвъ у славянъ несомненно, какъ у всехъ народовъ; умилостивленiе человеческою жертвою боговъ всюду въ глубокой древности, считалось лучшимъ средствомъ спастись отъ беды. Стоитъ припомнить римскiя легенды о Курцiяхъ, Децiяхъ. У восточныхъ славянъ въ жертву, какъ и везде, приносили пленныхъ, ибо плененiе считалось наказанiемъ боговъ: язычники и славяне, при столкновенiи съ христiанами, приносили богамъ христiанъ. Думаютъ, что изъ этихъ языческихъ понятiй проистекло и сожиганiе еретиковъ въ среднiе века.

Жреческаго класса у русскихъ славянъ не было, но были толкователи воли боговъ—волхвы, кудесники, ведуны, ведьмы. Храмовъ не было, а жертвы приносили родоначальники со старшинами, князья племенные. Обязанность эта перешла потомъ къ наследственнымъ князьямъ, такъ Владимiръ, передъ принятiемъ христiанства, приносилъ вкупе съ боярами, жертву Перуну, именно двухъ варяговъ христiанъ.

Рядомъ съ славянами жили литовцы; къ литовскому племени принадлежали: Литовцы, Латыши, Голядь, Корсь, Пруссы. Изъ всехъ арiйскихъ племенъ это племя самое близкое къ славянскому. Оно дало названiе великому княжеству литовскому; населяли они следующiя нынешнiя губернiи — Ковенскую всю, части губернiй Сувалкской, Виленской, Минской и Гродненской. Литовцы отличались отъ славянъ сильнымъ развитiемъ жреческаго сословiя. Верховный жрецъ Криве былъ и верховнымъ судьей; князь ведалъ только военныя дела. Большая часть верховныхъ жрецовъ кончала жизнь во время общественныхъ бедствiй, самосожженiемъ для искупленiя бедъ. Подобныя воззренiя были у многихъ племенъ, какъ арiй-

скихъ, такъ и тюркскихъ. Германцы приносили своихъ князей въ жертву богамъ, во время общественнаго бѣдствія.

На обширныхъ пространствахъ сѣверной части Восточной Европы разбросаны были Финскія племена. Чудь, имя, которое русскіе давали всему финскому племени, Ямь, Весь, Меря, Черемиса, Мурома, Мордва, Ливы, Печера; Пермъ составлявшая главное населеніе Біарміи, страны отъ Сѣверной Двины до горъ Уральскихъ. Это была страна торговая. На Уралѣ жили Вогулы, къ югу отъ Біарміи Вотяки—и тѣ и другіе причисляются къ урало-финскимъ племенамъ.

На Волгѣ въ эпоху основанія русскаго государства существовало царство болгарское. Съ запада на востокъ оно простиралось отъ р. Суры до Уральскихъ горъ, на сѣверъ едва-ли были опредѣлены границы; на югъ, верховья Хопра и Дона и р. Самара. По главной рѣкѣ, перерѣзавшей эту страну, она называлась Камскою, дѣлилась на удѣлы, которые назывались мулюками. Народъ, населявшій это царство, принадлежалъ къ тремъ племенамъ—къ Турецкому, Финскому и Славянскому. Одинъ арабскій писатель ясно говоритъ, что Болгары сами себя называли смѣсью турокъ и славянъ; другой говоритъ, что языкъ ихъ похожъ на русскій. Главный городъ, по предположенію оріенталиста Григорьева, назывался просто Великій городъ, названіе Болгары дали ему арабы.

На юго-востокѣ нынѣшней Россіи, на низовьяхъ Волги и на Дону властвовали Хозары, народъ смѣшанный изъ Урало-финскаго и тюркскаго племени, подчинившій себѣ разныя славянскія племена—Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей. Главный городъ Итиль, близъ устья Волги. Главою государства считался Каганъ, онъ исповѣдывалъ Мозаизмъ, управлялъ-же государствомъ Пехъ или Бегъ. При несчастіяхъ Кагана умерщвляли, ибо несчастія значили, что Богъ имъ недоволенъ. Въ тоже время Кагану воздавались величайшія почести. Государство это было однако образцомъ вѣротерпимости. Въ городѣ Итилѣ для каждой вѣры учреждены были особые судьи: два для магометанъ, два для Хозаръ, которыхъ судили по закону Моисея, два для христіанъ и одинъ для руссовъ, славянъ — язычниковъ. Монетъ у Хозаръ не было, съ иноземныхъ купцовъ пошлину брали товарами, именно брали десятую часть. Торговля была транзитная. Товары получались изъ Руси, Болгаріи — камской и отправлялись въ Азію по Каспійскому морю. Печенѣги нанесли сильный ударъ хозарскому царству.

Крымскихъ евреевъ—караимовъ считаютъ остатками Хозаръ.

Таковы были этнографическіе матеріалы, изъ которыхъ въ теченіи времени сформировался русскій народъ съ его развѣтвленіями великорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ.—Великорусскій изъ смѣси славянъ съ финнами, малорусскій изъ смѣси славянъ съ тюркскими племенами торками, черными клобуками, и другими, пришедшими

послѣ; бѣлорусская вѣтвь, наименѣе смѣшанная, образовалась однако не безъ примѣси литовской.

Русское государство сложилось, въ IX вѣкѣ, въ эпоху весьма важныхъ всемірно-историческихъ событій и, можетъ быть, не безъ связи съ ними, хотя исторія и не можетъ пока указать на эту связь. За двадцать одинъ годъ до времени, съ котораго принято начинать русскую исторію, именно въ 843 г. имперія Карла Великаго, по Верденскому договору, заключенному между его внуками, распалась по національностямъ, съ этого года начинаются національныя исторіи Франціи, Германіи, Италіи.—Въ 842 г. въ Восточной Имперіи прекратилась церковная смута, вызванная иконоборствомъ, что повело къ усиленію миссіонерской дѣятельности, которая преимущественно коснулась славянъ; около 860 г., почти одновременно съ началомъ русскаго государства начинается дѣятельность славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія и переводъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Кириллъ и Меѳодій посѣтили и русскую землю. Около 860 года Хозарскій коганъ просилъ Греческаго императора прислать ученыхъ мужей, которые знали бы славянскій языкъ и могли бы поспорить съ іудеями и магометанами. При дворѣ хозарскомъ эти пренія были дѣломъ обыкновеннымъ и происходили совершенно свободно. Такова была вѣротерпимость у хозаръ. Это—время распри между константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ и папою Николаемъ 1-мъ т. е. начало раздѣленія церквей. Ссора началась изъ-за Дунайской Болгаріи; конечно, это былъ внѣшній предлогъ.—Замѣчательно, что окончательное раздѣленіе церквей послѣдовало въ годъ смерти Ярослава Владиміровича, въ 1054 г., когда можно было разсчитывать, что христіанство и восточный обрядъ крѣпко утвердились на Руси.

Такимъ образомъ основаніе русскаго государства, крещеніе кіевской Руси и утвержденіе въ ней христіанства совпадаетъ съ великимъ событіемъ раздѣленія церквей, которое имѣетъ такое же значеніе въ исторіи политической и культурной, какъ и въ исторіи церковной. Оно поставило во враждебныя отношенія Западъ и Востокъ Европы и замедлило политическое и культурное развитіе послѣдняго.

Такова была очевидная связь исторіи Россіи въ самомъ началѣ ея съ исторіей Запада. Но географическое положеніе Россіи въ центрѣ Восточнаго полушарія, между Европой и Азіей, поставили исторію Россіи въ связь съ исторіей, не только Европы, но и Азіи.

Въ IV в., по Р. Х., на равнинахъ нынѣшней Россіи, произошло столкновеніе Гунновъ съ Готами, борьба ихъ кончилась на Каталаунскихъ поляхъ въ Галліи. Гунны освободили славянъ отъ жестокой власти готовъ; но въ VI в. славяне испытали жестокое притѣсненіе отъ урало-финскаго племени Обровъ, по удаленіи ко-

торыхъ въ Паннонію на приднѣпровскихъ славянъ наложили дань хозары.—Завоеванія хозаръ, къ западу отъ Дона пріостановлены были нападеніями на хозарскую державу азіатскихъ выходцевъ—печенѣговъ. Борьба печенѣговъ съ хозарами продолжалась VIII в., и половину IX вѣка. Эта борьба ослабила хозарскую державу до такой степени, что хозары, безъ особаго сопротивленія, уступили власть надъ славянами другимъ пришельцамъ. — Кто-же были эти пришельцы? Самъ по себѣ этотъ вопросъ не имѣетъ особеннаго значенія, но съ нимъ до нѣкоторой степени связано пониманіе процесса образованія русскаго государства.

Лѣтопись, пришельцамъ, которые основали русское государство, даетъ названіе Варяго-Русь. Варягъ, отъ warg, изгнанный, бродяга. Отъ VIII до IX в. отряды такихъ варяговъ, изъ разныхъ народовъ, составляли на Балтійскомъ морѣ вольные флоты и занимались пиратствомъ. Разноплеменность варяговъ явно обозначена у нашего лѣтописца. У него перечисляются Варяго-Русь, Варяго-Свеи, Варяго-Урмяне (норманы), Варяго-Англяне.

Лѣтопись говоритъ, что Кривичи, Ильменскіе славяне, финскія племена Чудь, Меря, Весь, въ 862 г. изгнали какихъ-то варяговъ и въ томъ же году призвали другихъ. Одинъ изъ изслѣдователей русской исторіи г. Иловайскій доказываетъ баснословность разсказа о призывѣ трехъ братьевъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Басню объ этомъ призваніи онъ относитъ къ концу XI—или къ началу XII в. Тщеславная мысль, по его мнѣнію, о варяжскомъ происхожденіи княжескаго дома весьма естественно могла возникнуть въ то время, когда въ Европѣ гремѣла слава норманскихъ завоеваній, когда цѣлое Англійское королевство сдѣлалось добычею норманскихъ витязей, когда въ южной Италіи французскіе норманны основали королевство и грозились завоевать или разрушить Византію, когда на Руси свѣжи были воспоминанія о связи съ варягами—Владиміра и Ярослава. — Такая мысль всего скорѣе могла возникнуть при сыновьяхъ и внукахъ умной и честолюбивой Ингигерды, или Анны, супруги Ярослава, дочери шведскаго короля Олафа. Ея внукъ, Владиміръ Мономахъ также былъ женатъ на принцессѣ норманскаго происхожденія, именно, на Гидѣ, дочери англійскаго короля Гарольда; его сынъ Мстиславъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инга.—Такъ въ жилахъ главной линіи потомства Ярославова текло много норманской крови и вотъ изъ post hoc сдѣлали, ante hoc; т. е. давно прошедшія событія окрасили цвѣтомъ событій послѣдующихъ.

Слова, которыя лѣтопись вкладываетъ въ уста Олега, обращенныя къ Аскольду и Диру—«Вы не князья и не княжескаго рода, а вотъ вашъ князь, Игорь, сынъ Рюрика», прибавлены, чтобы доказать законность княженія Игоря и его потомства. Съ Игоря, по мнѣнію Иловайскаго, начинается достовѣрная исторія, ибо Игорь, первый русскій князь, упоминаемый византійцами. Въ «Розыска-

ніяхъ о началѣ Руси» изслѣдователь свелъ однородныя басни съ призваніемъ Рюрика, Синеуса и Трувора и замѣтилъ, что, признавая эту сказку, надо признать и сказку о Гостомыслѣ, о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбедѣ. Замѣчательно, что постоянно повторяемое мѣсто лѣтописи: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ» почти слово въ слово встрѣчается въ британскихъ лѣтописяхъ—земля наша велика и обширна и полна всякими богатствами, а порядка нѣтъ.—Такую рѣчь держатъ бритты передъ Англо-Саксонскими вождями. Какъ бритты просили помощи противъ Пиктовъ и Скоттовъ, а впослѣдствіи противъ датскихъ пиратовъ, такъ и Ильменскіе славяне, Кривичи, Чудь, Меря и Весь, просили помощи у варяговъ Руси, кто-бы они ни были, противъ другихъ варяговъ.

Все это доказательно; но теорія самого Иловайскаго о самостоятельномъ возникновеніи русской державы среди днѣпровскихъ славянъ не выдерживаетъ критики. Онъ смѣшалъ два факта различнаго характера: призваніе князей властителей и призваніе дружинъ балтійскихъ пиратовъ противъ другихъ пиратовъ; призваніе. какъ наемниковъ.

Лѣтописное преданіе разсказываетъ, что въ 862 г. призвано было три брата; но Синеусъ и Труворъ вскорѣ умерли, Рюрикъ остался одинъ, и, по лѣтописному счету годовъ, умеръ въ 879 г.

Изъ разсказа лѣтописи видно, что призванными варягами недовольны были. Вѣроятно, они, забывъ свою роль посредниковъ между призвавшими племенами и охранителей отъ набѣговъ подобныхъ имъ пиратовъ, стали притѣснять призвавшихъ. Сохранилось лѣтописное сказаніе о какомъ-то Вадимѣ, который возсталъ противъ Рюрика и былъ имъ убитъ.

Вадимъ, какъ и самъ Рюрикъ, лице, конечно, не историческое, но идея недовольства имъ выражаемая, безъ сомнѣнія, фактъ, означающій, что ильменскіе славяне возстали подъ предводительствомъ какого-то вождя; имя Вадимъ Соловьевъ считаетъ нарицательнымъ. Черезъ три года послѣ смерти Рюрика, по хронологіи лѣтописи [1]), призванныя дружины двинулись на югъ. Отношенія дружинъ къ Новгороду выражены словами, что для *поддержанія мира*, конечно, между призывавшими племенами) установлено было, чтобы Новгородъ платилъ варягамъ дань, по 300 гривенъ въ лѣто. Въ этомъ установленіи, имѣющемъ характеръ договора, ясно выражается и цѣль

[1]) Хронологія предположительная. Примѣръ, какъ строилась подобная хронологія, укажемъ изъ Древней Исторіи. Первая мессинская война продолжалась, по преданію 20 лѣтъ и кончилась въ 523 г.; вторая началась въ 685 г. Извѣстный поэтъ и предводитель спартанцевъ Тиртей, въ одной изъ пѣсенъ своихъ говоритъ, будемъ сражаться, какъ дѣды наши. Историки разсчитали, что въ 37 лѣтъ промежутка уже у дѣтей участниковъ первой войны выросли сыновья и сражаться во 2-мъ войнѣ приходилось внукамъ.

призванія варяговъ. Установленіе это соблюдалось до смерти Ярослава. Лѣтописецъ преемникомъ Рюрика называетъ Олега. На основаніи темныхъ выраженій различныхъ лѣтописныхъ списковъ, Карамзинъ называетъ Олега опекуномъ Игоря, сына Рюрика, а Соловьевъ говоритъ, что онъ занялъ мѣсто Рюрика, какъ старшій въ родѣ и сохранилъ власть по совершеннолѣтіи Игоря—и, если признать Олега за дѣйствительно историческое лицо, то вѣроятнѣе всего предположить, что онъ былъ избранъ дружиной; и дѣйствительно характеръ его дѣйствій носитъ печать характера дѣйствій начальника дружины. Олегъ пошелъ на Кіевъ и на пути занялъ Смоленскъ, безъ сомнѣнія, какъ пунктъ опоры на случай отступленія. Въ 883 г. онъ, вѣроломно умертвивъ Аскольда и Дира, занялъ Кіевъ. Объ этихъ князьяхъ лѣтописное преданіе говоритъ, что они были отъ племени Рюрика, мужи, которыхъ онъ обидѣлъ, не давши имъ ни села, ни города; но профессоръ Бестужевъ-Рюминъ на основаніи соображенія Эверса, дерптскаго профессора, склоняется принять мнѣніе, что Аскольдъ и Диръ были угры, властвовавшіе въ Кіевѣ съ согласія хозаръ, съ которыми по этому они никогда и не воевали (Р. И. Т. I стр. 70). Это мнѣніе Эверса невольно подтверждаетъ и наша лѣтопись разсказомъ о покореніи Олегомъ славянъ. Аскольда и Дира Олегъ вызвалъ обманомъ, сказавшись *угорскимъ* гостемъ. Онъ говоритъ сѣверянамъ:—«Я врагъ хозарамъ, а не вамъ». Радимичей велѣлъ спросить: — «Кому платите дань?» — «Хозарамъ».—«Не давайте имъ дани, давайте лучше мнѣ». И стали ему платить по два шляга отъ рала (отъ сохи). Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что, вѣроятно, эта дань была легче той, какую они платили хозарамъ. Такимъ образомъ Олегъ, уничтоживъ въ Кіевѣ угорскихъ намѣстниковъ хозаръ, склонилъ славянъ платить ему дань.—Но съ славянами къ западу отъ Днѣпра сладить было не такъ легко, тѣ дани въ ту пору никому не платили и въ охранѣ не нуждались.—О древлянахъ говорится, что Олегъ примучилъ ихъ. Хозары не могли препятствовать утвердиться въ Кіевѣ сѣвернымъ дружинамъ варяговъ. Но что за племя и что за имя «Русь», вѣроятно, навсегда останется загадкой. Лѣтопись указываетъ Русь на Балтійскомъ поморьѣ; отлична Русь и отъ нормановъ, и окъ другихъ гермавскихъ племенъ. Позднѣе Русью исключительно называется кіевская земля, Русь находятъ за карпатами. Впрочемъ думаютъ нѣкоторые, что эта закарпатская Русь—Кіевскіе колонисты. Въ 907 г. Олегу приписывается походъ на Константинополь, баснословно обставленный. Греческіе источники, какъ объ этомъ походѣ, такъ и о договорѣ, заключенномъ Олегомъ съ греками ничего не упоминаютъ.

Но за то византійскіе историки упоминаютъ о грозномъ нашествіи руссовъ въ 866 г. Объ этомъ нашествіи упоминаетъ въ своемъ посланіи патріархъ Фотій, называя Русь по гречески Ρῶς, но не упоминая именъ Аскольда и Дира. Русь произвела страшныя опусто-

шенія, но буря, къ счастію грековъ, разломала ихъ корабли. Свое спасеніе они считали чудомъ, приписывая его ризѣ Влахернской Божьей Матери. Это первое появленіе племени Русь въ исторіи, засвидѣтельствованное византійскими историками.

Наша лѣтопись говоритъ, что во время похода Олега подъ Царьградъ, мимо Кіева еще разъ прошли Угры. Въ Кіевѣ тогда оставался Игорь. Можетъ быть, они хотѣли попытаться возвратить Кіевъ и не рѣшились.

Какъ плохо хронологіей связаны между собою преданія первоначальной лѣтописи нашей, и какъ обличается сама собою баснословность этихъ преданій, показываетъ хронологія событій княженія Игоря, исторію котораго г. Иловайскій считаетъ достовѣрной.

Въ 882 г. Игорь былъ еще дитей, въ 912 начинаетъ княжить. Не груднымъ-же младенцемъ Олегъ повезъ Игоря въ походъ? Самое малое ему было лѣтъ десять, слѣдовательно въ 912 г. ему было сорокъ лѣтъ. Но дѣятельность свою Игорь обнаруживаетъ преимущественно въ сороковыхъ годахъ X-го вѣка; походы его на Византію начинаются съ 941, когда ему было-бы по этому по хронологіи нашей семьдесятъ или болѣе лѣтъ.

Такимъ образомъ ясно, что личная связь Игоря съ Олегомъ придумана. Несомнѣнно, что во время похода сѣверныхъ дружинъ на Константинополь, въ Кіевѣ оставалась часть сѣверныхъ дружинъ, имена вождей которыхъ намъ неизвѣстны, и что одинъ изъ этихъ вождей, именемъ Игорь, можетъ быть, значительно спустя по смерти Олега, утвердился въ Кіевѣ. Въ 941 г. Игорь пошелъ на Константинополь съ дружиною. Ладьи руссовъ потерпѣли отъ греческаго огня, а сухопутная дружина была разбита въ Малой Азіи. Въ 943 г. Игорь предпринялъ второй походъ на Константинополь, нанявши въ помощь печенѣговъ. Императоръ Романъ Локапенъ поспѣшилъ заключить миръ. Договоръ съ греками былъ подтвержденъ въ Кіевѣ, гдѣ оказалась уже христіанская церковь во имя Ильи пророка, въ которой христіане, вѣроятно, греческіе послы, приносили присягу на соблюденіе договора, а Русь въ томъ-же клялась передъ идоломъ Перуна. Въ сказаніяхъ нашихъ Игорь является княземъ скупымъ, отъ скупости и жадности онъ и погибъ. Въ 945 г. онъ пошелъ съ дружиною собирать дань съ племенъ славянскихъ, взялъ онъ дань и съ древлянъ; но ему показалось мало, и онъ воротился, а чтобы не дѣлиться данью съ большимъ числомъ людей, онъ большую часть дружины распустилъ, оставивъ при себѣ малую дружину. Замѣтивъ это, древляне возстали и, захвативъ Игоря въ плѣнъ, предали мучительной смерти. Его разорвали пополамъ посредствомъ пригнутыхъ и потомъ отпущенныхъ деревьевъ, къ которымъ привязаны были его ноги. Такъ разсказываетъ греческій писатель Левъ Діаконъ.

Послѣ Игоря остался малолѣтній сынъ Святославъ и вдова

Игоря, по имени Ольга. Воспитателями князя были Асмудъ и Свѣнельдъ. Управленіе въ свои руки взяла Ольга. Карамзинъ уже высказалъ мнѣніе, что это совершилось при помощи Асмуда и Свѣнельда. Дѣйствительно, сѣверная дружина находилась въ великой опасности. Изъ лѣтописнаго разсказа о сватовствѣ за Ольгу Мала, племеннаго князя древлянъ, видно, что посланные сваты думали передать власть надъ Кіевомъ своимъ князьямъ. Но дружина Игоря поняла опасность, и Ольга, поддержанная дружиною, страшно отомстила древлянамъ, сожгла городъ Коростень. Она, такимъ образомъ, въ глазахъ язычниковъ, совершила долгъ кровной мести за мужа. Мудрость этой женщины обнаружилась, однако, въ томъ, что она поняла въ тотъ дикій вѣкъ, что насиліе—плохая ограда власти, что грабительственный, насильственный характеръ собиранія дани можетъ довести малочисленную сѣверную дружину до гибели. Поэтому, совершивъ объѣздъ для собиранія дани, она на рр. Лугѣ и Мстѣ раздѣлила земли на погосты и установила дани и оброки, т. е. назначила опредѣленные взносы и работы. Въ нравахъ того вѣка было толковать и спорить о разныхъ вѣрахъ, и очень естественно, что пытливый умъ этой женщины заставилъ ее въ 957 г., ѣхать въ Константинополь, чтобы узнать, въ чемъ состоитъ христіанская вѣра. Здѣсь она крестилась, воспріемникомъ былъ императоръ Константинъ Багрянородный, въ крещеніи она наречена Еленою. Церковь чтитъ ее, какъ святую; лѣтопись называетъ мудрѣйшею изъ людей, какъ установительницу порядка.

Святославъ, сынъ Ольги, чисто героическій характеръ, который въ рѣзкихъ чертахъ изображенъ въ нашей лѣтописи. Въ походахъ онъ не зналъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною да мясомъ дикихъ животныхъ, и самъ жарилъ его на угляхъ; шатровъ у него не было—спалъ онъ подъ открытымъ небомъ, разостлавъ подсѣдѣльный войлокъ, а сѣдло положивъ въ изголовье. Думалъ онъ только о ратныхъ подвигахъ, дорожилъ только мнѣніемъ дружины. Тщетно мать уговаривала его креститься, онъ отвѣчалъ одно: «дружина будетъ смѣяться». Въ первый разъ онъ увидѣлъ ратное поле, еще будучи отрокомъ. Мать взяла его въ походъ, по обычаю онъ долженъ былъ первый начать битву, бросивъ копье. Но отрокъ могъ только ссунуть копье межъ ушей коня.

Свою самостоятельную боевую дѣятельность Святославъ началъ въ 964 г. Онъ, покоривъ Вятичей по р. Окѣ, платившихъ дань хозарамъ, обратилъ свое оружіе противъ послѣднихъ. Разбивъ Хозаръ въ открытомъ полѣ, онъ разрушилъ Бѣлую Вежу или Саркелъ, ихъ крѣпость на Дону, потомъ побѣдилъ Ясовъ (осетинъ) и Касоговъ (черкесъ). Думаютъ, что тогда-же онъ покорилъ Таматарху или, Фанагорію и всю ту часть Азовскаго поморья, которая потомъ называлась княжествомъ Тмутараканскимъ. Предложеніе императора Никифора Фоки помочь ему противъ царя Петра,

царя Болгаріи Дунайской, дало иное направленіе подвигамъ Святослава. Въ 967 г. Святославъ выступилъ въ Болгарію, безъ труда покорилъ это государство, раздираемое смутами и утвердился въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Но узнавши, что Кіеву, гдѣ осталась его мать съ его сыновьями, угрожали печенѣги, онъ поспѣшилъ домой и прогналъ въ степь печенѣговъ. Устроивъ Русскую землю, отдавши Кіевъ Ярополку, древлянскую землю Олегу, а новгородцамъ давши въ князья Владиміра, онъ спѣшилъ возвратиться въ Болгарію, гдѣ дѣла перемѣнились. Болгары оправились и отложились отъ власти русскаго князя; а на византійскомъ престолѣ, вмѣсто Никифора Фоки, сидѣлъ уже полководецъ Іоаннъ Цимисхій. Желаніе удержать Болгарію за собою, Святославъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Въ Переяславцѣ на Дунаѣ среда земли моей, греки шлютъ туда—золото, ткани и плоды; изъ Чехіи идетъ серебро, изъ Угріи кони, изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и невольники». Увлекаемый удобствами жизни, Святославъ, едва умерла Ольга, въ 969 г., снова вторгнулся въ Болгарію, которую онъ снова быстро завоевалъ, и даже занялъ Переяславу въ Балканахъ. Мирные переговоры съ Цимисхіемъ не удались. Тогда перейдя Балканы, онъ пошелъ къ Царьграду, но подъ Адріанополемъ былъ окруженъ многочисленными полчищами грековъ. Здѣсь-то Святославъ обратился къ дружинѣ со словами: «Уже некуда дѣться, волею или неволею нужно биться: не посрамимъ земли русскія, ляжемъ костьми, мертвымъ нѣтъ сраму; если-же побѣжимъ—то срамъ намъ будетъ, и все-таки не убѣжимъ. Станемъ крѣпко, я пойду впереди; не снесу головы, промышляйте сами о себѣ», «Гдѣ твоя голова ляжетъ, отвѣчала дружина,—тамъ и наши головы сложимъ». Была страшная сѣча—и Русь одолѣла. Раззоривъ нѣкоторые города, Святославъ возвратился въ Болгарію. Послѣ этого началась борьба Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Послѣдній сдѣлалъ огромныя приготовленія къ походу, но когда онъ подошелъ къ Балканамъ и нашелъ клейсуры, ущелья, незанятыми, то войскомъ Цимисхія овладѣла паника. Истребленіе греческаго войска въ клейсурахъ Балканъ Крумомъ въ IX в., было всѣмъ извѣстно, и потому опасались хитрости со стороны Святослава. Но Святославъ, по безпечности, оставилъ клейсуры незанятыми. Цимисхій догадался, и, чтобы ободрить свое войско, самъ пошелъ впереди. Занявъ балканскую Переяславу, Цимисхій двинулся къ Дунаю. Города болгарскіе отлагались отъ Святослава и сдавались Цимисхію. Виновникомъ этого событія былъ самъ Святославъ, возбудившій противъ себя болгаръ своею жестокостью. Святославъ, возвратившись, казнилъ 300 болгарскихъ бояръ. Гильфердингъ, извѣстный славистъ, думаетъ, что обнаруженъ былъ какой-либо заговоръ, и въ этой жестокости и во враждебномъ настроеніи болгаръ главная причина, почему Святославъ не удержался въ Болгаріи, а совсѣмъ не въ мнимыхъ побѣдахъ Цимисхія. Святославъ заперся въ Доро-

столѣ, дѣлалъ оттуда вылазки, но ни разу греки, не смотря на всѣ усилія, не могли отрѣзать русскимъ пути отступленія. Безполезный героизмъ, не управляемый умомъ, кончился тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ кончиться, и Святославъ, видя истощеніе своихъ силъ, помирился. Предложеніе мира сдѣлано было Цимисхіемъ, потерявшимъ надежду на рѣшительную побѣду. Святославъ, на обратномъ пути, въ 972 г., былъ убитъ печенѣгами.

Сыновья Святослава остались малолѣтками; предполагаютъ, что Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ, слѣдовательно при нихъ были воспитатели, по тогдашнему пѣстуны. Конечно отъ нихъ и зависѣлъ ходъ дѣлъ. Отъ нихъ пошла и первая княжеская усобица. Черезъ нѣсколько лѣтъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, воспитателя Ярополка, на охотѣ въ Древлянскихъ лѣсахъ убитъ былъ Олегомъ древлянскимъ. Черезъ два года, когда Ярополку было 16 лѣтъ, Олегу 15, кіевскій князь пошелъ ратью на древлянскаго; битва произошла недалеко отъ Овруча, Олегъ былъ разбитъ и бросился въ Овручъ, но былъ столкнутъ съ моста и убитъ. Лѣтописное преданіе передаетъ, что Ярополкъ, указывая Свѣнельду на трупъ брата, сказалъ: «Этого-ли ты хотѣлъ?» Владиміръ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ къ Варягамъ за море; Ярополкъ остался единовластнымъ. Возвратившись съ наемной дружиной варяговъ, Владиміръ пошелъ на Ярополка. Въ Полоцкѣ сидѣлъ тогда князь Роговолодъ. Онъ былъ союзникомъ Ярополка, за котораго была просватана дочь его Рогнѣда. По совѣту, Добрыни, Владиміръ послалъ сватать Рогнѣду за себя. Рогнѣда будто-бы отвѣтила: Не хочу розуть сына рабыни, намекая на то, что Малуша, мать Владиміра, была рабыня, ключница Ольги и указывая на свадебный обычай, слѣдуя которому жена, въ первый день свадьбы, въ знакъ покорности, разувала мужа. По наущенію Добрыни Владиміръ пошелъ на Роговолода побѣдилъ и убилъ его, а дочь его послѣ совершеннаго надъ нею насилія, опять по наущенію Добрыни, взялъ себѣ въ жены. Оставшіеся въ живыхъ члены семьи Роговолода были истреблены [1]). Дружины Владиміра, съ которыми онъ шелъ на Ярополка, состояли изъ Варяговъ, къ нимъ присоедирились и *вои* изъ Славянъ ильменскихъ, Кривичей и Чуди, которые усердно помогали ему. Вообще, по замѣчанію Соловьева, сѣверныя племена дѣйствовали дружнѣе

[1]) Въ этомъ преданіи много вымысла, дальнѣйшее-же преданіе совершенно принадлежитъ области поэзіи: въ Кіевѣ Владиміръ, какъ извѣстно. завелъ большой гаремъ, и рѣдко заглядывалъ къ Рогнѣдѣ, которая по происхожденію своему, предъявляла право на первенство и на особенное вниманіе. Рогнѣда изъ мести задумала убить самого Владиміра. Владиміръ будто - бы велѣлъ одѣться ей, какъ въ день свадьбы и дожидаться его. Но, она научила сына Изяслава войти въ спальню, когда туда придетъ отецъ и сказать:—ты не одинъ здѣсь. Слѣдуетъ отсылка въ Полоцкъ; но Рогнѣда имѣла еще дѣтей отъ Владиміра, ея сынъ былъ и Ярославъ. Изяславъ, какъ старшій получилъ Полоцкъ, а почему обособилось его потомство, увидимъ далѣе.

южныхъ, они призывали и изгоняли дружины, и, конечно, не безъ ихъ согласія, Владиміръ изгналъ и Ярополковыхъ посадниковъ, которыми новгородцы были недовольны, а потому и впослѣдствіи предпочитали посадникамъ князей, которые у нихъ выростали.

Ярополкъ съ одною дружиною своею не могъ противиться ополченію Владиміра. Лѣтопись говоритъ, что Добрыня склонилъ на свою сторону Блуда, воеводу Ярополка, и Блудъ уговорилъ Ярополка не надѣяться на Кіевлянъ и присовѣтовалъ ему бѣжать въ городокъ Родню, гдѣ Ярополкъ и заперся. Въ Роднѣ насталъ такой голодъ, что явилась поговорка—бѣда, какъ въ Роднѣ. Блудъ совѣговалъ Ярополку сдаться, онъ послѣдовалъ его совѣту и былъ убитъ. Сохранившійся отрывокъ изъ Іоакимовой лѣтописи, которому Соловьевъ придаетъ большое значеніе, дополняетъ и объясняетъ эти событія; Ярополкъ, воспитанный Ольгою, оказывалъ большое уваженіе христіанамъ, хотя самъ и не крестился, язычники его не любили и предали Владиміру, ярому тогда послѣдователю языческихъ боговъ, подобно отцу его Святославу.

Святославъ въ началѣ равнодушный къ вопросу о вѣрѣ, во время болгарской войны измѣнился Повѣривъ, что христіане, бывшіе въ его дружинѣ ему измѣняютъ, онъ воздвигъ на нихъ гоненіе. Таковы были отношенія при Святославѣ, что-же мудренаго, что вѣроисповѣдныя распри обнаружились во время усобицы его сыновей и дали побѣду тому изъ нихъ, который стоялъ тогда во главѣ сильнаго языческаго населенія сѣвера.

Передъ изложеніемъ исторіи княженія Владиміра Св. слѣдуетъ вспомнить, что русская почва уже подготовлена была къ принятію христіанства.

Первое наиболѣе достовѣрное упоминаніе о христіанствѣ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи относится, какъ выше указано, къ 860 г. Тогда хозарскій каганъ просилъ императора Михаила черезъ посла, чтобы онъ прислалъ въ Хозарію ученаго мужа, который могъ-бы поспорить о вѣрѣ съ магометанами и іудеями. Патріархъ Фотій говоритъ о сильномъ распространеніи христіанства въ средѣ народа Росъ, въ посланіи 866 г. При Игорѣ, менѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ, около 945 г., въ Кіевѣ упоминается церковь во имя пророка Иліи. Понятно, что въ княженіе Святослава, большею частію отсутствовавшаго изъ Кіева, гдѣ до смерти своей, до 969 г. оставалась Ольга, число христіанъ должно было еще усилиться.

Владиміръ началъ княжить съ 980 г. Начало княженія онъ ознаменовалъ ревностію къ язычеству, ибо съ нимъ были сѣверныя дружины, ревностные язычники, которымъ онъ былъ обязанъ побѣдою. Изъ ревности къ языческимъ богамъ онъ поставилъ на кіевскихъ горахъ идоловъ ихъ—Перуна, Волоса, Хорса и Дажь-Бога. Въ 983 г. трое варяговъ, громко провозгласившіе передъ язычниками—«Ваши боги дерево», были принесены, по повелѣнію Владиміра, въ жертву

этимъ богамъ и закланы передъ идолами. Но сѣверныя дружины отчасти разошлись постепенно; ревность оставшихся дружинниковъ къ языческимъ богамъ стала слабѣть, у другихъ, побывавшихъ въ Царьградѣ, совсѣмъ ослабѣла, и вотъ лѣтопись разсказываетъ, о посольствахъ къ Владиміру изъ различныхъ странъ съ предложеніями принять ту или другую вѣру; и о посольствахъ Владиміра къ грекамъ и нѣмцамъ, дабы развѣдать о ихъ вѣрованіяхъ. Соловьевъ, не принимая буквально эту простодушную легенду, говоритъ, что рѣчи, которыя приписывались посламъ, могли быть высказаны Владиміру купцами и дружинниками, бывшими въ разныхъ странахъ; восхвалять преимущественно греческую вѣру могли купцы и дружинники, долго жившіе въ Константинополѣ. Особенно на него долженъ былъ сильно дѣйствовать примѣръ Ольги, усиленіе христіанства въ Кіевѣ, даже среди дружинъ его. Въ дѣлѣ распространенія христіанства дружина всюду занимала первое мѣсто; люди, побывавшіе въ христіанскихъ странахъ, прежде домосѣдовъ переставали вѣрить въ своихъ боговъ. Извѣстный викингъ Гарольдъ Гаарфагеръ въ началѣ X в. говорилъ норманнамъ: Что мнѣ Торъ, этотъ кусокъ дерева? Такъ и на Русии ниціатива принятія христіанства, конечно, принадлежала дружинѣ, безъ воздѣйствія и полнаго согласія съ которой Владиміръ никогда не рѣшился-бы дѣйствовать въ такомъ важномъ дѣлѣ. Поэтому и окончательное рѣшеніе Владиміра принять христіанство въ преданіи связано съ военнымъ предпріятіемъ, съ покореніемъ греческаго города Корсуна, послѣ взятія котораго Владиміръ крестился и женился на греческой царевнѣ Аннѣ. Въ Кіевѣ введеніе христіанства не встрѣтило особеннаго сопротивленія и немногіе изъ тамошнихъ язычниковъ, не хотѣвшихъ оставить своихъ боговъ, бѣжали въ степи и лѣса, что усилило разбои; но на сѣверѣ введеніе христіанства не обошлось безъ принужденія. Въ Новгородѣ христіанство введено насиліемъ Добрынею и воеводою Путятой. О ихъ дѣятельности сложилась пословица: Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ. Такимъ образомъ при Владимірѣ христіанство успѣшно распространилось по водному пути изъ Кіева въ Новгородъ, т. е. по очень узкой полосѣ. При Владимірѣ Св. къ востоку отъ Днѣпра, по Окѣ и Волгѣ христіанство почти не распространялось даже въ самомъ Ростовѣ принималось слабо. Изъ внѣшнихъ предпріятій Владиміра лѣтопись упоминаетъ объ усмиреніи Вятичей и Радимичей, походы на Камскихъ Болгаръ и Ляховъ, у которыхъ онъ взялъ Перемышль, Червень;—но изъ народныхъ преданій въ лѣтопись наиболѣе перешло разсказовъ о борьбѣ съ Печенѣгами. Оно и понятно, эта борьба велась ради защиты русской земли отъ грабежей этихъ варваровъ.

Послѣ принятія христіанства самое важное дѣло Владиміра строеніе городовъ по рѣкамъ Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Онъ набралъ лучшихъ, что значитъ въ данномъ случаѣ храбрѣй-

шихъ мужей изъ сѣвернаго населенія и заселилъ ими вновь основанные города т. е. крѣпости, защищавшія Русь отъ степныхъ варваровъ. Изъ этихъ городовъ особенно замѣчательны: Василевъ на рѣкѣ Стугнѣ и Бѣлгородъ на рѣкѣ Днѣпрѣ.

Владиміръ умеръ 15 іюля 1015 года. Онъ не любилъ жить одинъ, его широкая натура требовала общества; любя дружину, съ нею онъ думалъ и о ратныхъ дѣлахъ и о земскомъ строѣ. Любилъ онъ пировать и пиры его остались въ памяти народной. Въ народной поэзіи, его называютъ не иначе, какъ ласковый князь Владиміръ; оттого и на службу къ нему шли богатыри съ разныхъ сторонъ. Время его—время богатырей. Для укрѣпленія христіанской вѣры, Владиміръ считалъ нужнымъ распространить книжное ученіе, набирая дѣтей у зажиточныхъ домохозяевъ и отдавая обучать ихъ грамотѣ. Эта одна черта показываетъ во Владимірѣ, по замѣчанію Костомарова, геніальнаго человѣка. Церковь нарекла его равноапостольнымъ. Насиліе при обращеніи въ христіанство въ Новгородѣ, должно приписать Добрынѣ, который какъ дядя и воспитатель его, самовластвовалъ. Онъ всегда отличался жестокимъ характеромъ. Подъ его вліяніемъ истреблено семейство Роговолода, совершено насиліе надъ Рогнѣдою; подъ его же вліяніемъ совершено убійство Ярополка. Послѣ Владиміра осталось 12 сыновей: 1) Вышеславъ отъ Олавы; 2) Святославъ отъ Мальфриды; 3) Мстиславъ отъ Адильи; эти три жены отърода варяжскаго; 4) Изяславъ, 5) Ярославъ, 6) Всеволодъ отъ Рогнѣды; 7) Борисъ, 8) Глѣбъ отъ царевны Анны; матерей слѣдующихъ трехъ сыновей: 9) Станислава (sic), 10) Судислава, 11) Позвизда — опредѣлить трудно; 12) Святополкъ, сынъ Ярополка, усыновленъ Владиміромъ, который. по убіеніи Ярополка, взялъ себѣ его жену, красавицу гречанку, уже беременною.

Съ именемъ Владиміра Святаго связанъ нашъ богатырскій эпосъ или былины о богатыряхъ. «Переходя отъ одной эпохи къ другой, былины захватили на пути своемъ, черты разныхъ эпохъ; передаваемыя отъ одного поколѣнія къ другому, въ устномъ преданіи народа, незнакомаго ни съ исторіей, ни съ географіей; онѣ приняли въ себя множество анахронизмовъ, противорѣчій исторіи и географіи,—богатыри временъ князя Владиміра сражаются съ Татарами, князь Олегъ воюетъ противъ турецкаго султана; въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ упоминается Литва. Упоминаются неизвѣстныя ни въ какой географіи Сафатъ-рѣка, рѣка Смородина, гора Сорочинская, городъ Кидишъ и пр.—Но несмотря на указанныя наслоенія позднѣйшаго времени, и анахронизмы, въ былинахъ мы находимъ много были, если не въ историческомъ, то въ бытовомъ смыслѣ. Пріурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ, лицамъ и событіямъ, онѣ выражаютъ характеръ народной жизни въ извѣстныя эпохи и черты народныхъ нравовъ и понятій, народнаго

быта и вкуса». (См. Исторія Рус. Словесности, И. Порфирьева, т. 1, стр. 49).

Съ этой вполнѣ объективной точки зрѣнія, чуждой односторонних ученыхъ увлеченій, мы и сдѣлаемъ бѣглое указаніе на былины. Были богатыри и до Владиміра, которые называются старшими, по отношенію къ богатырямъ цикла Владиміра. Послѣдніе называются младшими. Къ старшимъ богатырямъ причисляются—Святогоръ, Микула Селяниновичъ, Вольга Святославичъ или Волхъ Всеславьевичъ, Донъ Ивановичъ и Дунай Ивановичъ. Это богатыри стихійные, у Святогора такая сила, что земля его не выноситъ; въ одной изъ былинъ онъ говоритъ Ильѣ Муромцу, смѣясь надъ его ударами: «Ты, Илья, силенъ между людьми и будь между ними силенъ, а со мной тебѣ нечего мѣряться силой, видишь, какой я уродъ—меня и земля не держитъ». Нѣкоторыми чертами Святогоръ напоминаетъ Рустема. Микула Селяниновичъ изображаетъ богатыря-пахаря, который, силою превзошелъ богатырей ратныхъ. Въ немъ какъ бы олицетворяется сила плуга, сохи; перевѣсъ ея надъ силою меча; цѣлая дружина другого богатыря, Вольги Святославича, не могла выдернуть сохи Микулы изъ земли, а Микула выдернулъ ее одной рукой и бросилъ за ракитовъ кустъ. Вѣроятно, этотъ образъ сложился подъ вліяніемъ почитанія какого-либо бога земледѣлія. Вольга Святославичъ—типъ хитраго и жестокаго дружинника хищника. Въ немъ находимъ прообразъ тѣхъ жестокихъ дружинъ, которыя избивали Чудь, увозя съ собою женъ и дочерей побитыхъ. Такъ по былинѣ въ Индіи поступилъ и Вольга Святославичъ. Богатыри Дунай Ивановичъ и Донъ Ивановичъ или выражаютъ одно и то же рѣчное божество подъ двумя случайно различными названіями, или два разныя рѣчныя божества.

Богатырь Илья Муромецъ, главный богатырь эпохи Владиміра, составляетъ какъ-бы переходъ отъ старыхъ богатырей къ новымъ. Говорятъ, что на Илью пророка перенесены черты Перуна, а съ Ильи пророка перенесены на Илью Муромца. Оставляя эти догадки о миѳическомъ элементѣ въ Ильѣ Муромцѣ, обратимъ болѣе вниманія на земную сторону, отражающуюся о немъ въ былинахъ. Родиной его считается село Карачарово, близъ Мурома, гдѣ и до сего дня есть крестьянскія семьи Ильины, ведущія свой родъ отъ Ильи Муромца. Дѣйствительно, въ концѣ XII в. существовалъ какой-то Илья Муромецъ, даже святой, мощи котораго покоятся въ Кіевскихъ пещерахъ, а память празднуется 19 Декабря. Можетъ быть онъ былъ и крестьянскій сынъ, и богатырь, и святой за его борьбу съ язычниками, олицетворенными въ Идолищахъ, да въ Соловьяхъ-Разбойникахъ. Легенда, украшенная народною фантазіею, обезображенные анахронизмами подвиги богатыря отнесены ко времени Владиміра св.—Такъ даетъ поводъ думать начатое Владиміромъ вышеупомянутое заселеніе городковъ лучшими мужами

съ сѣвера. Замѣчательно, что были и другіе богатыри съ сѣвера, Добрыня превращенъ въ рязанца, Алеша Поповичъ въ жителя Ростова. Илья былинъ бьется съ Татарами, съ Литвой, съ Жидовиномъ, который олицетворялъ силу хозарскаго царства. Въ былинахъ объ Ильѣ-Муромцѣ, какъ о богатырѣ переходной эпохи, разумѣется великъ и элементъ чудеснаго. Сила у него была такая, что онъ боялся—земля его не снесетъ; калики-перехожіе чудодѣйственнымъ питьемъ должны были эту силу убавлять. И все таки онъ былъ сильнѣй всѣхъ богатырей.

Послѣ Ильи Муромца былины передъ всѣми богатырями отдаютъ предпочтеніе Добрынѣ Никитичу. Его въ былинахъ называютъ племянникомъ Владиміра, сыномъ гостя рязанскаго. Отчего въ былинѣ онъ изъ дяди превратился въ племянника? Отчего его отчество Никитичъ? Можетъ быть это слѣдъ поздней эпохи и справедливо предполагаютъ, что отчество Никитича стали давать, когда взошли въ силу Никитичи Романовы, начиная съ Ѳедора Никитича, отъ этого онъ и племянникъ: Ѳедоръ Никитичъ былъ племянникъ жены Грознаго. Добрыня историческій былъ суровъ, жестокъ, а Добрыня былинъ образецъ вѣжливости, *вѣжества*, благородства. Но Добрыня былинъ является также лицомъ энергичнымъ и часто жестокимъ. Ростовецъ Алеша Поповичъ порицается богатырями за отношеніе его къ женскому полу; на пиру сидитъ, руку ко княгинѣ Евпраксіи за пазуху кладетъ. Богатыри Чурила Пленковичъ и Дюкъ Стефановичъ хвастливые, хвастаются своимъ богатствомъ.

Замѣчательно, что въ былинахъ нѣтъ именъ богатырей, упоминаемыхъ въ лѣтописи. Эти богатыри Янъ Усмовичъ или Усмошвецъ, побѣдившій Печенѣжскаго богатыря; подъ 1004 г. онъ снова упоминается, какъ побѣдитель Печенѣговъ. Рогдай Удалой, его смерть показана подъ 1000 годомъ, Андрихъ, Добрянковъ встрѣчаются въ позднѣйшемъ лѣтописномъ спискѣ, въ Никоновскомъ. Изъ богатырей былинъ въ этомъ спискѣ лѣтописцемъ упоминается Поповичъ; но здѣсь онъ называется не Алексѣемъ, а Александромъ. Вмѣстѣ съ Усмошвецемъ онъ поражалъ Печенѣговъ. Богатыри упоминаются и послѣ Владиміра, въ битвѣ нар. Калкѣ съ Татарами пало 70 богатырей.

Въ былинахъ ласковый князь, Красно Солнышко Владиміръ самъ только и дѣлаетъ, что пируетъ, женитъ другихъ и самъ женится. Пиры Владиміра и его разгулъ болѣе всего поразили народное воображеніе. Ясно, что въ былинахъ Владиміръ язычникъ заслоняетъ Владиміра-христіанина.

По смерти Владиміра, между его сыновьями начались такія же усобицы, какъ и по смерти Святослава. За смертію Изяслава, старшаго сына Рогнѣды, умершаго при жизни отца, старшимъ въ родѣ считалъ себя Святополкъ, сынъ Ярополка, усыновленный Владимі-

ромъ. При жизни Владиміра онъ получилъ княжество Туровское, но Владиміръ болѣе всѣхъ любилъ младшихъ сыновей Бориса Ростовскаго и Глѣба Муромскаго. Святополкъ рано является врагомъ семьи Владиміра, къ которому, несмотря на усыновленіе, онъ не питалъ любви. Вѣроятно, съ дѣтства онъ отъ матери слышалъ, чей онъ сынъ, столь же вѣроятно, что именемъ пріемыша честили его члены семейства Владиміра. При Владимірѣ Святополкъ сблизился съ его врагомъ, Болеславомъ Польскимъ, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Еще при Владимірѣ Святополкъ сидѣлъ въ заключеніи. Должно однако замѣтить, что Владиміръ былъ въ ссорѣ и со вторымъ своимъ сыномъ, отъ Рогнѣды, Ярославомъ Новгородскимъ. Причиною ссоръ лѣтопись выставляетъ неуплату Новгородцами дани; но кромѣ того Ярославъ былъ, конечно, недоволенъ предпочтеніемъ младшихъ братьевъ. Когда Владиміръ умеръ, Святополкъ явился изъ Турова и началъ избіеніе сыновей Владиміра; убиты были Борисъ, Глѣбъ, Святославъ Древлянскій. Но сынъ Рогнѣды, Ярославъ, конечно, не уступилъ бы старшинство и сыновьямъ царевны Анны, Борису и Глѣбу; тѣмъ болѣе онъ не могъ уступить пріемышу, не сыну Владиміра. Святополкъ явился какъ бы мстителемъ за смерть своего отца, Ярополка; Ярославъ же мстилъ за братьевъ. Онъ разбилъ Святополка у Любеча и занялъ Кіевъ; но Святополкъ съ помощью Болеслава разбилъ въ свою очередь Ярослава на берегахъ Буга. Ссора Святополка съ Болеславомъ, удаленіе послѣдняго, дала возможность Ярославу оправиться; онъ на берегахъ Альты нанесъ пораженіе Святополку. Послѣдній бѣжалъ неизвѣстно куда и погибъ неизвѣстно гдѣ, *между Чехи и Лехи*, какъ выражается лѣтопись иносказательно.

Ярославъ (1019—1054), которому, по замѣчанію проф. Бестужева-Рюмина, позднѣйшіе грамотѣи дали прозвище Мудраго, оставшимся въ живыхъ братьямъ не далъ ни одному ни одного города, а послѣдняго изъ нихъ, Судислава, пережившаго другихъ, засадилъ въ порубъ т. е. въ тюрьму. Но онъ долженъ былъ вслѣдствіе этого выдержать борьбу съ однимъ изъ оставшихся братьевъ и съ племянникомъ.

Его племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго, въ 1021 г. напалъ на Новгородъ, ограбилъ его, не пощадивъ церквей. Ярославъ догналъ, отнялъ добычу и плѣнныхъ, однако долженъ былъ уступить ему два города Усвятъ и Витебскъ. Еще большую уступку онъ долженъ былъ сдѣлать брату своему, Мстиславу Тмутараканскому, который въ 1023 г. явился искать себѣ волости на Руси съ дружиною, набранною изъ Кавказскихъ народовъ. Мстиславъ, подобно дѣду, Святославу, исключительно былъ княземъ дружины, онъ любилъ свою дружину, ничего для нея не жалѣлъ. Естественно, что такой князь требованія свои къ брату подкрѣпилъ оружіемъ. Дѣло кончилось битвою у Листвена, поэтически описанною въ лѣтописи. Битва произошла ночною порою,

ночь была темная и бурная, съ дождемъ и грозою; удары мечей мѣшались съ громомъ, искры, сыпавшіяся отъ ударовъ, исчезали въ блескѣ молніи. Страшна была гроза, грозна была и битва. Наконецъ Ярославъ бѣжалъ съ его помощникомъ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ. Якунъ въ бѣгствѣ потерялъ свою луду, вытканную золотомъ, т. е. плащъ. Осмотрѣвъ поле битвы, Мстиславъ сказалъ:—вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ, а моя дружина цѣла,—дружина-же его состояла изъ Казаръ и Косоговъ. Побѣдивши, Мстиславъ оказалъ великодушіе, онъ послалъ сказать брату: «садись въ Кіевъ, а мнѣ будетъ та сторона» т. е. восточная сторона Днѣпра. Но Ярославъ не повѣрилъ брату и только въ 1025 г. явился въ Кіевъ и принялъ предложеніе Мстислава Владиміровича—земли къ Западу отъ Днѣпра остались за Ярославомъ, а къ Востоку за Мстиславомъ [1]).

При Ярославѣ были послѣднія враждебныя столкновенія съ греками. Византійскіе историки говорятъ, что какой-то родственникъ Владиміра св., вскорѣ послѣ смерти послѣдняго, съ 800 товарищей прибылъ проситься на службу, а кончилъ истребленіемъ какого-то греческаго отряда; но и его отрядъ также былъ истребленъ. Соловьевъ предполагаетъ, что это могъ быть одинъ изъ сыновей Владиміра, изъ которыхъ многіе пропали безъ вѣсти. Кромѣ того, въ 1043 г., самъ Ярославъ послалъ противъ грековъ старшаго сына своего, Владиміра, съ сильнымъ войскомъ, давъ сыну въ совѣтники тысяцкаго Вышату. Поводомъ къ походу послужили притѣсненія русскихъ купцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ. Походъ былъ не совсѣмъ удаченъ, буря разсѣяла русскія ладьи и часть войска была выкинута на берегъ. Эта часть была взята въ плѣнъ съ воеводою Вышатою. Многихъ плѣнниковъ ослѣпили. Владиміръ-же съ остатками своего флота разбилъ греческій флотъ и возвратился домой. Вышата-же три года пробылъ въ плѣну.

Враждебныя столкновенія съ греками вызвали важное явленіе во внутренней жизни. Тогда, по повелѣнію Ярослава, соборъ русскихъ епископовъ поставилъ перваго митрополита изъ русскихъ, Иларіона; ибо, во время враждебныхъ столкновеній съ греками, митрополитъ изъ грековъ держалъ всегда сторону послѣднихъ. Никоновская лѣтопись и говоритъ, что Ярославъ поставилъ русскаго митрополита *соблюдающася отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда.*

---

[1]) Характеристиченъ разсказъ лѣтописца о борьбѣ Мстислава съ Косожскимъ богатыремъ Редедею. Дѣло дошло до битвы между Косогами и дружиною Мстислава, Редедя предложилъ рѣшить споръ единоборствомъ Схватились—Мстиславъ сталъ изнемогать и взмолился о пощадѣ Божіей Матери.—Одолѣвши, онъ, по обѣщанію, построилъ въ Тмутаракани церковь во имя своей спасительницы, но это не помѣшало ему взять себѣ имѣніе, жену и дѣтей Редеди.

Изъ внутреннихъ распоряженій Ярослава замѣчательны:

Финансовая льготная грамота, данная имъ Новгороду. Политическаго строя она не касалась, но всегда была для новгородцевъ опорою противъ требованій князьями излишнихъ налоговъ. Въ этомъ смыслѣ она помогла много новгородцамъ въ укрѣпленіи вѣчеваго ихъ строя. Можетъ быть, новгородцы ждали большаго. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, за что былъ заточенъ, по повелѣнію Ярослава и черезъ три года убитъ въ Муромѣ Константинъ, сынъ Добрыни. Не требовалъ-ли онъ для Новгорода большихъ льготъ?

Владиміръ св., самъ будучи неграмотенъ, старался о распространеніи грамотности. Ярославъ—самъ грамотный человѣкъ—еще болѣе къ этому дѣлу прилагалъ стараніе. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано то-же, что при Владимірѣ въ Кіевѣ; у старостъ и священниковъ собраны были дѣти, въ числѣ 300 человѣкъ и велѣно было учить ихъ грамотѣ. Онъ, подобно отцу, продолжалъ построеніе городовъ. Городъ, построенный имъ на Волгѣ, названъ его языческимъ именемъ Ярославль, а въ землѣ чудской христіанскимъ его именемъ — Юрьевъ (Дерптъ у нѣмцевъ). По р. Роси поселилъ поляковъ и здѣсь началъ ставить города.

Ко времени Ярослава относится появленіе перваго юридическаго памятника нашего, извѣстнаго подъ именемъ Русской Правды и начало монастырей на Руси. Русская Правда—сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Такъ какъ вслѣдствіе появленія дружинъ, принятія христіанства, ***пошлина***, что значило въ древности старый обычай, пошатнулась, то и явилась потребность записыванія юридическихъ обычаевъ. Названіе — Русская Правда — этотъ памятникъ получилъ въ противоположность закону судному, заимствованному изъ Византіи, можетъ быть, еще при Владимірѣ. Въ Русской Правдѣ замѣтенъ шагъ впередъ въ развитіи русскаго общества, жестокіе обычаи еще удержались, но приложеніе ихъ къ практикѣ было ограничено и стѣснено. Такъ, обычай кровавой мести удержался; прежде обязанность мстить за убитаго возлагалась на весь его родъ. Русская Правда обязанность мести ограничила ближайшими степенями родства: братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянниковъ, какъ со стороны брата, такъ и со стороны сестры, и наоборотъ, племянники должны были мстить за дядю. Это ограниченіе показываетъ ослабленіе родового быта; оно введено, конечно, при Ярославѣ. Если мстителя не оказывалось, то убійца платилъ пеню или виру князю; но если убійца скрывался, то верьвь или округъ платилъ за это виру, которая называлась дикою вирою. Вира была различна, смотря по общественному положенію убитаго. За боярина назначалось 80 гривенъ; за простого человѣка 40 гривенъ. За увѣчье, за воровство,—за все положена была вира. Кромѣ уголов-

ныхъ дѣлъ, Русская Правда опредѣляла и гражданскія отношенія статьями, касающимися наслѣдства, договоровъ. Судъ производился или на княжескомъ дворѣ, или на торгу; судилъ или самъ князь, или его тіунъ. Суднымъ закономъ греческихъ царей пользовалось духовенство при разборѣ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію. Этому вѣдѣнію подлежали споры между дѣтьми и родителями, между мужьями и женами, дѣла по опекѣ надъ сиротами. Основаніе монастырей тѣсно связано съ возникновеніемъ письменности и духовной литературы, почему ниже мы и соединимъ оба эти факта.

Мы видѣли, какимъ образомъ, движеніе дружинъ съ сѣвера на югъ подъ предводительствомъ полубаснословнаго Олега, содѣйствовало заложенію фундамента русскаго государства на пространствѣ отъ Новгорода до Кіева. Начальники дружинъ сдѣлались князьями. До пришествія этихъ дружинныхъ князей восточные славяне управлялись вѣчами, народными сходками, исполнителями рѣшеній этихъ сходокъ были племенные князья.

Съ Игоря, во главѣ племенъ, сталъ дружинный князь. Кругъ власти и дружиннаго князя въ началѣ былъ не ясно очерченъ. Подобно племеннымъ князьямъ, онъ былъ вождемъ на войнѣ и судьею въ мирное время. Разница была однако въ томъ, что каждый изъ племенныхъ князей-родоначальниковъ имѣлъ значеніе только среди своего племени. Новые-же князья получили это значеніе среди всѣхъ восточныхъ славянскихъ племенъ. Это былъ князь надъ князьями племенными, которые упразднились мало-по-малу. Племена должны были платить дань кіевскому князю. Для полученія дани онъ совершалъ зимою, съ ноября объѣзды. Эти объѣзды назывались полюдьемъ. Мы видѣли, какъ неопредѣленность дани вызвала трагическую смерть Игоря и мѣры, принятыя Ольгою, прекратить эту неопредѣленность. Съ укрѣпленіемъ княжеской власти, явилась новая повинность, въ замѣну полюдья: возить повозы, т. е. доставлять дань въ опредѣленное мѣсто.

Авторитетъ своей власти надъ окрестными племенами кіевскіе князья могли поддерживать только при помощи дружинъ. По поводу слова дружина, Соловьевъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: дружина отъ другъ, а другъ отъ санскритскаго дру-иду, слѣдую. Слѣдовательно, дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ, откуда дорога или драга значитъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита. Французское слово route въ древнемъ языкѣ тоже имѣло значеніе дружины, отряда (И. Р. Т. 1, прим. 342). Ясно, по самой этимологіи слова, что дружина состояла изъ вольныхъ, добровольно сошедшихся людей, которые, по совершенію задуманнаго дѣла, могли и расходиться. Такъ въ былинѣ Дунай богатырь говоритъ:

«Служилъ я Дунай въ семи ордахъ,
Въ семи ордахъ, семи королямъ».

дружинниковъ, прославившихся своими подвигами, принимали всюду съ радостью. Такъ, князь Владиміръ Св., созывая дружину, въ былинѣ выражался такимъ образомъ:

Гой вы еси добры молодцы,
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ,
А по имени вамъ можно мѣсто дать
По изотчеству можно пожаловати.

Дружина—союзъ свободныхъ людей—составляла большую силу; ея мнѣніемъ всѣ князья дорожили; не только такіе воинственные, какъ Святославъ Игоревичъ, или Мстиславъ Владиміровичъ, но и такой князь, какъ Владиміръ Святой, говорившій: съ дружиною добуду золото и серебро. Однимъ словомъ дружина властвовала вмѣстѣ съ княземъ. Славянскій элементъ рано сталъ пробиваться и въ княжескую семью, если судить по имени Святослава, а тѣмъ болѣе въ дружину. При Владимірѣ Св. славянскій элементъ преобладалъ въ дружинѣ. Выше указано было на сѣверное славянское происхожденіе богатырей; на заселеніе лучшими, т. е. храбрѣйшими мужами съ сѣвера, городковъ вокругъ Кіева. Къ этому еще нужно прибавить, что мать Владиміра была славянка, что его дядя Добрыня, его воеводы: Вышата, Иванъ Творимиричъ, были славяне. Съ дружиною князь думалъ не только о ратяхъ, но и о земскомъ строѣ. Старшіе члены дружины назывались мужи, бояре. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* говорится: *гдѣ бояре думающіе, мужи храборствующіе*, слова мужи и бояре здѣсь синонимы. Члены младшей дружины назывались гридни, отъ слова гридь, толпа, по объясненію слависта Срезневскаго. Кромѣ того, на войну ходили отроки, дѣтскіе—домашніе слуги князя. Вои, ополченіе въ помощь дружинамъ, набирались изъ сельскихъ жителей и смердовъ [1]). Кромѣ того были наемныя войска изъ варяговъ, печенѣговъ, торковъ, касоговъ, хозаръ.

Весь послѣдующій ходъ русской исторіи до Іоанновъ и состоитъ въ повѣствованіи о томъ, какъ князь выросъ въ самодержца, а дружинники превратились въ служебное сословіе.

При Ярославѣ Владиміровичѣ начали оказывать свое вліяніе и монастыри. Извѣстіе о монастыряхъ встрѣчается уже при Владимірѣ; но они не имѣли такого вліянія, какъ кіево-печерскій монастырь, основанный двумя выходцами изъ Приднѣпровья, Антоніемъ изъ Любеча и Ѳеодосіемъ изъ Василёва. Аскетическіе подвиги монаховъ этого монастыря произвели особенно сильное впечатлѣніе на народное воображеніе и много содѣйствовали къ утвержденію христіанства на Руси. Въ этомъ великая заслуга всѣхъ монастырей. Но, къ сожалѣнію, въ нихъ-же зародился и духъ рели-

---

[1]) Слово смердъ славянское, въ кошубскомъ нарѣчіи польскаго языка — Smird,—значитъ бѣдный селянинъ (Соловьевъ. И. Р. Т. 1, пр. 371).

гіозной нетерпимости, особенно со времени игуменства второго настоятеля, Θеодосія. Онъ даже вооружался противъ вѣротерпимости, то и дѣло повторяя: «кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою». Подъ впечатлѣніемъ вражды, возбужденной раздѣленіемъ церквей, онъ запрещалъ православнымъ выдавать дочерей замужъ за латинянъ, брать у нихъ женъ и кумиться съ ними, цѣловать ихъ, даже ѣсть и пить съ ними изъ одного сосуда. Замѣчательно, что эти запрещенія впослѣдствіи раскольники обратили противъ самихъ православныхъ, по ихъ терминологіи, никоніанцевъ. Къ іудеямъ онъ питалъ какую-то особенную ненависть, всячески имъ досаждалъ, желая, чтобы они его убили. Конечно, ни Θеодосій, ни другіе кіево-печерскіе учители не думали никого насильно загонять въ монастыри; но ихъ проповѣди были поняты, какъ наставленіе пренебречь дѣлами міра сего. О вредѣ такого аскетическаго направленія Н. И. Костомаровъ высказалъ слѣдующее: «Мысль, что Богу всего угоднѣе одиночная, подвижническая жизнь инока вытѣсняла христіанскую добродѣтель изъ міра. Благочестивые люди стремились не къ тому, чтобы въ людскомъ обществѣ совершить подвиги любви Христовой, а къ уединенному затворничеству. Словамъ Христа, что тотъ недостоинъ Его, кто ради Него и Евангелія не оставитъ отца, матери, жены и всего, что есть для него дорогого въ мірѣ, давали смыслъ поступленія въ монастырь, тогда какъ эти евангельскія слова означали требованіе отъ христіанина предпочитать всякимъ кровнымъ, родственнымъ отношеніямъ — правду, возвѣщенную ученіемъ Спасителя и подкрѣпленную примѣромъ его жизни и смерти».

Потребности русской паствы глубже всѣхъ оцѣнены были новгородскимъ архіепископомъ Лукою. Лука Жидята (ум. 1059 году) не вдавался въ объясненія мало понятной для его современниковъ догматики; но старался объяснить народу сущность христіанской нравственности и дать наставленіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Онъ говорилъ просто, ибо и обращался къ людямъ простымъ:—«Вѣруйте въ Бога, въ Троицѣ славимаго, вѣруйте въ воскресеніе и жизнь вѣчную и муку вѣчную». Болѣе-же всего говорилъ о любви къ ближнему. Любовь имѣйте, говорилъ онъ, со всякимъ человѣкомъ, особенно съ братіею и да не будетъ у тебя одно на сердцѣ, другое на устахъ. Не рой подъ братомъ ямы, да не вринетъ тебя Господь въ худшее. Прощайте другъ другу, не творите зла за зло. Не хорошо говорить срамныя слова, не пей безъ мѣры. и все въ такомъ-же духѣ.

Слова митрополита Иларіона проникнуты другимъ характеромъ. Эти слова составляютъ часть одного сочиненія «О законѣ Моисеомъ даннемъ и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, и пр., Иларіонъ сравниваетъ законъ и благодать съ Агарью и Саррой— Агарь—раба, Сарра—свободная, прежде раба, потомъ свободная,

т.-е. прежде іудеи, потомъ христіане. Далѣе таже мысль высказывается такимъ образомъ: Іаковъ старшаго сына Манассію благословилъ лѣвою рукою, а младшаго Ефрема—правой. Такимъ образомъ Ефремъ сдѣлался старшимъ по благословенію Іакова. Такъ и іудеи были прежде христіанъ, но христіане сдѣлались больше іудеевъ по благодати Христовой.

Думаютъ, что эта проповѣдь о превосходствѣ христіанства надъ іудействомъ вызвана была тогдашними современными отношеніями русскаго христіанства къ іудейству, которое будто-бы, не успѣвъ склонить русскихъ къ своей вѣрѣ, продолжало еще свою пропаганду. Это предположеніе сдѣлано Шевыревымъ, московскимъ профессоромъ сороковыхъ годовъ [1]).

Вѣроятно, сравненія эти были поняты буквально, особенно, благословеніе правой и лѣвой рукой и приняты, конечно, какъ доказательство первенствующаго значенія обряда.—Главная-же мысль краснорѣчиваго проповѣдника о національной узкости ветхозавѣтнаго іудейства и объ общечеловѣческой широтѣ христіанства, за этими сравненіями, едва-ли была понята.

Съ увлеченіемъ неофитовъ нѣкоторыми проповѣдниками высказывались мысли неумѣстныя для народа, полудикаго, полуязыческаго; мысли, впослѣдствіи оказавшіяся даже вредными. Такъ напр., подъ видомъ аскетическаго самовосхваленія прославлялось невѣжество: «я де за эллинскими премудростями не гонялся, ***риторскихъ астрономовъ*** (sic) не читалъ, съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, а читалъ только благодатныя книги, чтобы очистить душу отъ грѣха». Такія рѣчи могли раздаваться въ первые вѣка христіанства, которое осмѣивалось языческими философами; тогда онѣ вызывались взаимнымъ раздраженіемъ. Но какой смыслъ они могли имѣть въ кіевской землѣ, въ XI в., въ безграмотной странѣ? Впослѣдствіи-же эти слова давали орудіе тупымъ книжникамъ, начетчикамъ, противъ самой русской церкви.

Должно еще замѣтить, что такія рѣчи были противны и великой традиціи славянскихъ первоучителей. Въ аскетическихъ увлеченіяхъ забыли, что одинъ изъ славянскихъ первоучителей назывался Философомъ, былъ профессоромъ Философіи въ коллегіи, при храмѣ Св. Софіи въ Константинополѣ. И впослѣдствіи первоучителей помнили только ученые; въ народѣ-же они были почти забыты до нашего времени.

Посредницею между Русью и Византіей въ дѣлѣ передачи церковной письменности была Болгарія. Въ церковной письменности оттуда заимствовано и много апокрифическихъ и богомильскихъ сказаній [2]).

---

[1]) Пропаганда іудейства едва-ли не фантазія проф. Шевырева.

[2]) *Прим.* Апокрифъ значитъ тайная книга. Такія книги существовали у послѣдователей всѣхъ религій. У Грековъ въ періодъ упадка язычества таковы были кни-

Богомильское воззрѣніе на физическое строеніе міра до сихъ поръ держится въ нашемъ народѣ. Кто не знаетъ народной сказки о томъ, что земля стоитъ на китахъ? Это ученіе богомильское.

Ученіе богомиловъ о физическомъ строеніи земли, по своему младенческому міросозерцанію, было доступно самой грубой массѣ; ученіе это выражалось въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Вопросъ: Что держитъ землю? Отвѣтъ: Вода.

В. Что держитъ воду? О. Великій камень.

В. Что держитъ Великій Камень? О. Четыре Золотые Кита.

Отъ богомиловъ-же идетъ суевѣрный толкъ о происхожденіи лихорадокъ-трясовицъ отъ двѣнадцати дочерей царя Ирода, которыя посланы на землю, чтобы мучить людей.

Сами учители церковные покровительствовали отчасти распространенію всякихъ басенъ. Князь А. Курбскій, жалуясь въ XVI в., что многіе отцы и учители церкви не переведены на славянскій языкъ, говоритъ: «нынѣшняго вѣка мнящіеся учители, грѣхъ нашихъ ради, больше въ ***Болгарскіе басни***, ибо паче въ бабскія бредни упражняются, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются». И. Р. Сл. Порфирьева, т. I, стр. 228 и 229. Сначала апокрифамъ не придавали значенія, ибо они являлись въ видѣ священныхъ повѣстей, сюжеты которыхъ заимствованы были изъ Св. Писанія.—Писались они съ цѣлью нравоучительной и часто отъ имени библейскихъ лицъ. Естественно, что собственная фантазія авторовъ часто принимала обширные размѣры. Опасность отъ этихъ фантазій замѣтили только тогда, когда разные ересіархи стали сочинять и распространять апокрифы ради собственныхъ цѣлей. Изъ апокрифовъ, касающихся Ветхаго Завѣта у насъ особенно распространена была, такъ называемая книга Эноха, гдѣ повѣствуется, какъ со-

---

ги Гермеса. У Евреевъ 10 книгъ будто-бы найденныхъ Эздрою послѣ Вавилонскаго плѣненія. У Христіанъ было много апокрифическихъ сказаній о Богоматери. Были апокрифическія Евангелія. Церковь считала ихъ поддѣльными. Апокрифы отвергались во всѣхъ религіяхъ оффиціальными ихъ представителями, потому что эти тайныя книги вносили въ общество мысли и факты, не принятыя оффиціальной религіей. Такъ въ апокрифическихъ Евангеліяхъ разсказываются факты и чудеса, которыхъ нѣтъ въ Четверо-евангеліи и которые не соотвѣтствуютъ духу и характеру христіанства. Что касается до богомильскихъ сказаній, то они выходили отъ послѣдователей богомильской ереси. Богомильство-же есть одна изъ вѣтвей Манихейской ереси, которая возникла во II вѣкѣ по Р. Х. Персидскій жрецъ, Манесъ или Манихей создалъ свою ересь изъ двухъ религій: изъ Христіанства и изъ Зороастровой религіи. Изъ Зороастровой религіи онъ взялъ ученіе о двухъ началахъ—добромъ и зломъ, которые создали міръ и человѣка. У Манеса этотъ дуализмъ принялъ такую форму: у Бога было два сына—Христосъ и Сатанаилъ. Они то и создали общими силами человѣка; Христосъ создалъ душу, Сатанаилъ—тѣло, которое со всѣми его проявленіями считалось нечистымъ. У Манихейскихъ сектъ вслѣдствіе такого воззрѣнія образовалось свое фантастическое міросозерцаніе. Манихейскія секты распространились и на Западѣ Европы со всѣми фантазіями и суевѣріями Манихейства.

зданы были Ангелы и какъ часть ихъ пала, о чемъ у Моисея ничего не говорится. Фантазія составителя этой книги и договорила недосказанное, основываясь, можетъ-быть, отчасти на древне-еврейскихъ преданіяхъ. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ наиболѣе распространено было и у насъ, и на Западѣ Хожденіе Богородицы по мукамъ, это прототипъ Дантовой поэмы. По ея молитвамъ и слезамъ Христосъ далъ покой мучащимся въ аду отъ Великаго четверга до Пятидесятницы.

Народъ, читая апокрифы, не понималъ, что они имѣютъ значеніе только нравоучительное и фактамъ, въ нихъ разсказаннымъ, давалъ полную вѣру.

Апокрифическій характеръ имѣютъ и такъ называемые духовные стихи, содержаніе которыхъ также заимствовано изъ священныхъ книгъ и точно также переплетено съ остатками собственныхъ языческихъ вѣрованій, съ отрывками космогоническихъ вѣрованій другихъ народовъ. Двоевѣрная поэзія этихъ стиховъ еще сильнѣйшее вліяніе оказала на складъ народныхъ мнѣній, чѣмъ вышеупомянутые апокрифы. Изъ этихъ стиховъ особенно замѣчательна Голубиная Книга, пѣсня ѳ Страшномъ Судѣ и о нищественствѣ.

О происхожденіи Голубиной Книги говорится такъ, какъ будто ее даровалъ самъ Богъ:—Выходила туча сильная, грозная,—

— Выпадала книга Голубиная. Книга сообразно младенческому міросозерцанію, по размѣру громадна, въ маленькой-де книгѣ и ума мало. — Долины Книга сороку саженъ.—Поперечины двадцати саженъ.—Этотъ размѣръ книги еще малъ сравнительно съ книгою, о которой говорится въ апокрифическихъ Вопросахъ Іоанна Богослова. Тамъ сказано: Видѣхъ Книгы лежаща, яко мню, ровно семь горъ толщина ихъ, долготы-же ихъ умъ человѣческій не можетъ разумѣти. Но и Голубиная Книга размѣровъ достаточныхъ:

На рукахъ держать, не сдержать будетъ,
На налой положить Божій, не уложится.

Здѣсь уже видна чисто народная черта: какъ силу богатырей опредѣляли ростомъ, такъ и содержательность книги. Книга, видѣнная Іоанномъ Богословомъ, по отношенію къ Голубиной книгѣ, это святогоры, богатыри чудища, по отношенію къ младшимъ богатырямъ.

Названіе книги Голубиной приводитъ въ недоумѣніе изслѣдователей, ибо голубь у христіанъ символъ Святаго Духа, а въ древней миѳологіи, эта сладострастная птица символъ производительной силы; птица Афродиты, да, кажется, и Астарты. Книгу Голубиную никто не могъ прочесть, является царь Давидъ:

До Божьей книги онъ доступается,
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.

Подходитъ Владиміръ Святой и между нимъ и Давидомъ начинается бесѣда, изъ которой и состоитъ содержаніе Голубиной Книги.

Въ Голубиной Книгѣ Владиміръ спрашиваетъ: «Отъ чего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ?» Давидъ отвѣчаетъ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце Красное отъ Лица Божьяго,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ;
Звѣзды чистыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ;
Вѣтры буйные отъ Святаго Духа;
У насъ умъ разумъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ Небесныхъ,
У насъ міръ—народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени,
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь—руда наша отъ Чермна-Моря.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ словъ: — У насъ міръ-народъ отъ Адамія,—прибавлено:

Отъ того у насъ Цари пошли
Отъ святой главы, отъ Адамовой,
Отъ того зачались князья—бояры—
Отъ святыхъ мощей Адамовыхъ,
Отъ того крестьяне православные,
Отъ свята колѣна, отъ Адамова.

Воззрѣніе чисто браминское — брамины изъ головы; кшатріи, воины — изъ рукъ; вайсіи, купцы—изъ туловища; судры, ремесленники и земледѣльцы—изъ ногъ Брамы.

Нѣкоторые изслѣдователи Голубиную Книгу относятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси. Историкъ Соловьевъ, отнеся эту книгу къ первымъ вѣкамъ принятія нами христіанства, въ вопросахъ Владиміра, обращенныхъ къ Давиду, находитъ аналогію съ лѣтописнымъ преданіемъ о вопросахъ, съ которыми Владиміръ обращался къ греческому проповѣднику о содержаніи Ветхаго и Новаго Завѣта. но кажется здѣсь сходство только въ формѣ: въ отдаленные врехена все излагалось въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Далѣе Владиміръ спрашиваетъ о главныхъ предметахъ. Вопросы въ обычномъ средневѣковомъ духѣ: «Какой Царь надъ Царями—Царь? Какой городъ городамъ отецъ? Какая гора всѣмъ горамъ мати? и пр.». Давидъ даетъ такіе отвѣты: «Надъ Царями Царь—*Бѣлый* т. е. русскій, православный». Прозваніе Царя бѣлымъ весьма вѣроятно древнее и связано съ миѳологіей арійской вообще и съ нашей въ частности; въ языческій періодъ оно относилось, вѣроятно къ какому нибудь солнечному божеству. Вспомнимъ Бѣлъ-Бога. Далѣе Давидъ отвѣчаетъ: «Іерусалимъ всѣмъ городамъ городъ, ибо въ немъ пупъ земли». Въ средніе вѣка Іерусалимъ, во всей Европѣ вообще, считали центральнымъ пунктомъ вселенной; Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати, потому что преобразился на ней самъ

Христосъ. Всѣмъ камнямъ камень Бѣлъ-Латырь, или Алатырь-Камень, чудодѣйственный, лечебный, какимъ онъ считался въ древности.

Стихи о Страшномъ Судѣ разнообразны, одни начинаются описаніемъ пришествія Антихриста, въ другихъ о немъ не упоминается. Объ Антихристѣ говорится:—И сойдетъ на землю бездушный Богъ.— Бездушный Богъ Антихристосъ. Стихи о Страшномъ Судѣ показываютъ намъ съ какими нравственными запросами слагатели обращались къ своимъ слушателямъ. Эти запросы яснѣе всего видны изъ грѣховъ, за которые Вѣчный Судія приговариваетъ къ вѣчнымъ мученіямъ:

Къ Божьей Церкви Вы не хаживали,
Писанья Божьяго не слушивали,
Со слезами Богу не маливались,
Великаго говѣнья не гавливали,
Земныхъ поклоновъ не справливали,
Не имѣли Вы ни среды, ни пятницы
Постомъ и молитвою,
Ни святаго воскресенья трехдневнаго,
Ни какого годового господняго праздника.

Стихи, въ которыхъ описываются адскія мученія, составляютъ особый отдѣлъ, въ нихъ описывается тьма кромѣшная; погреба глубокіе и мразы лютые — іереямъ и судіямъ неправеднымъ; котлы мѣдные, змѣи сосущія—мужамъ беззаконникамъ и женамъ беззаконницамъ; смола кипучая и скрежетаніе зубное, и плачъ непрерывный — глумотворцамъ и просмѣшникамъ; вытягиваніе языковъ и повѣшаніе за языки на удахъ желѣзныхъ—клеветникамъ и злоязычникамъ; чады горькіе и смрады великіе — пьяницамъ и корчемникамъ; повѣшаніе за хребты надъ калеными плитами и на гвоздьи желѣзные—плясунамъ и волынщикамъ; червь неусыпающій—сребролюбцамъ и грабителямъ.

Эти грубыя фантазіи сказателей, одни и тѣ же во всей Европѣ; великій итальянскій поэтъ Данте въ своей Божественной комедіи, изъ этихъ грубомладенческихъ фантазій создалъ роскошную картину среднихъ вѣковъ, пригвоздивъ къ позорному столбу за злыя дѣянія имена императоровъ и папъ въ поученіе будущимъ временамъ.— Но, по замѣчанію Порфирьева, описаніе рая не удавалось ни древнимъ поэтамъ, ни самому Данте. Нѣкоторые писатели, какъ напр. Рамбо въ «Histoire de la civilisation francaise» говоритъ, подобныя картины адскихъ мученій были полезны для дикарей, внушая имъ спасительный страхъ, но и этотъ писатель долженъ былъ ослабить свои замѣчанія, сознавшись, что благодаря этимъ страхамъ. христіанство западной Европы въ Средніе Вѣка представляло странное зрѣлище. Изъ-за страха діавола какъ-бы забыли Бога.

Что касается до вліянія этихъ страховъ на русскую жизнь, то много-ли оказали вліянія, напр. чады горькіе и смрады великіе на уменьшеніе пьянства? Изъ глубокой древности раздается на Руси

та пѣсня, которую геніальный критикъ Бѣлинскій называетъ страшно трагическою, поющая про гибель цѣлаго народа, гибнущаго отъ пьянства. Вотъ эта пѣсня:

Да спасибо тебѣ, тебѣ синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ, злу тоску кручину!
Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ-же меня молодца полюбила.
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Издыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо-же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину.

Духовные стихи, запугивавшіе воображеніе простыхъ людей, ослабляя энергію воли, оставляли человѣка безпомощнымъ въ невзгодахъ жизни.

Всѣ разсмотрѣнныя нами произведенія, заимствованныя Русью изъ Византіи и Болгаріи, имѣли громадное вліяніе на народное міросозерцаніе, къ нимъ принадлежатъ и стихи о нищенствѣ, которые остаются не безъ вліянія и на экономическія понятія.

Духовные стихи распѣваются и нынѣ нищими-калѣками. Но названіе древнее было другое, не калѣки, а калиги, отъ caliga—высокій башмакъ, обувь странниковъ, преимущественно ходившихъ въ Іерусалимъ и вообще къ святымъ мѣстамъ. Русскій Паломникъ XII в., игуменъ Даніилъ подтверждаетъ, что, при вступленіи въ пещеру Гроба Господня ему велѣли снять обувь—калиги. Въ былинахъ калиги называются пилигримами, а не русскимъ словомъ паломникъ, старчище-пилигримище, отъ латинскаго слова peregrinus—думаютъ, что это были сначала покаявшіеся богатыри, которые не могли вдругъ оставить свои богатырскіе обычаи. Вотъ какъ калиги, подойдя къ Кіеву, просятъ милостыню у В. К. Володиміра:

«Становились они во единый кругъ,
«Клюки, посохи въ землю потыкали,
«А и сумочки изповѣсили.
«Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
«Владиміръ—князь стольно-кіевскій!
«Дай-ка намъ каликамъ милостыню,
«Не рублемъ беремъ и не полтиною,
«Беремъ-то мы цѣлыми тысячами.
«Дрогнула матушка сыра земля,
«Съ деревъ вершины попадали,
«Подъ княземъ конь окорячился,
«А богатыри съ коней попадали.
Тутъ было сорокъ каликъ со каликою!

Нынѣшніе нищіе, говоритъ пр. Порфирьевъ, совсѣмъ не помнятъ древняго богатырскаго времени, свое сословіе убогихъ ни-

щихъ ведутъ изъ другого источника. Извѣстно евангельское повѣствованіе о Лазарѣ и о богачѣ, о наказаніи вѣчными муками тѣхъ, которые не накормили алчущаго, не напоили жаждущаго.

Въ духовномъ стихѣ нищіе, передъ вознесеніемъ Христа на Небо, расплакались и говорятъ ему:

Гой еси, Христосъ царь Небесный!
На кого то ты насъ оставляешь?
На кого ты насъ покидаешь?

Христосъ хотѣлъ дать имъ золотую гору; но Іоаннъ Златоустъ отвѣтилъ, что гору у нихъ зазнаютъ князи и бояре, пастыри и власти, да торговые гости. Златоустъ проситъ Христа, дать имъ его святое Христово имя, которое ихъ и будетъ поить, кормить. Христосъ былъ доволенъ совѣтомъ Златоуста.

Этотъ полудуховный, полуязыческій родъ литературы, извѣстный подъ названіемъ Духовныхъ Стиховъ, усвоился русскимъ народомъ и возродился въ разныхъ сектахъ, порожденныхъ расколомъ.

Что касается до матеріальнаго быта того времени, то съ достовѣрностію можно указать на значительную торговлю въ IX, X и XI вв. Хотя договоры Игоря съ Греками отсутствуютъ у Греческихъ писателей, можетъ-быть, формально такого договора не существовало; но, безъ сомнѣнія, полицейскими распорядками въ Константинополѣ указано было русскимъ купцамъ, гдѣ жить, опредѣлены были разныя взысканія на случай взаимныхъ столкновеній, что, конечно, было необходимо. Вѣроятно, что эти, еще до Игоря установившіеся порядки, и внесены въ лѣтопись, подъ именемъ договоровъ. Русь буйствовала въ Константинополѣ, и статьи предполагаемыхъ договоровъ запрещаютъ русскимъ купцамъ грабить села и деревни. Вѣроятнѣе всего, что по этому поводу Игорь съ дружиною и давалъ клятву въ Кіевѣ передъ греческими купцами.

Императоръ Константинъ Багрянородный, писатель X вѣка, говоритъ, какъ лодки славянъ, однодеревки, по нынѣшнему душегубки, почти что выдолбленныя колоды, собирались у Кіева, продавались здѣсь Кіевской Руси. Кіевская Русь, дойдя, по Днѣпру до порога Неясыть, высаживалась на берегъ и около 6 т. шаговъ шла берегомъ, ведя за собою скованныхъ рабовъ, назначенныхъ въ продажу. Далѣе плыли по Днѣпру и Черному Морю въ Константинополь. Рабы, конечно, главнымъ образомъ были военноплѣнные; но когда послѣднихъ не доставало, то продавали и своихъ. Послѣднее доказывается правилами митрополита Іоанна, который жилъ нѣсколько позже разсмотрѣннаго нами времени, онъ умеръ въ 1089, слѣдовательно 34 года по смерти Ярослава. Митрополитъ Іоаннъ доказывалъ торговцамъ рабами, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ Половцевъ. Отъ Половцевъ, точно также, какъ отъ ихъ предшественниковъ, Печенѣговъ, и другихъ смежныхъ кочевниковъ, получались лошади, овцы, рогатый скотъ.

Торговлю русскихъ купцовъ съ Востокомъ подтверждаетъ арабскій писатель Ибнъ-Хордадбегъ, жившій во второй половинѣ IX в. Онъ говоритъ о торговлѣ Руси въ Итилѣ, на Каспійскомъ морѣ и о русскихъ караванахъ въ Багдадѣ. О торговлѣ русскихъ въ Багдадѣ мѣхомъ упоминаютъ и другіе восточные писатели. Мѣха (скры) возили и въ европейскія страны. Въ Болгарахъ, въ Итилѣ Русь заселяла цѣлыя слободы и имѣла свои склады. Кромѣ Византіи, Русь въ Европѣ торговала съ Германіей, Угріей, Чехіей. Вездѣ продавали мѣха, невольниковъ и свои произведенія, медъ и воскъ. Изъ Византіи привозили паволоки (ткань), вино, плоды, золото, какъ товаръ. Вѣроятно, часть этихъ товаровъ сбывали въ Скандинавію, Камскую Болгарію и Хозарію. Изъ Угріи присылали коней, изъ Чехіи—серебро. На Востокѣ при посредствѣ Арабовъ торговали съ Самаркандомъ, Бухарою. Въ X в. Русь черезъ Чехію проникала къ баварцамъ, которымъ продавала лошадей и невольниковъ. Въ 1027 г. Поляки съ Русскими доходили до Сициліи.

Вообще Русь въ эту пору на Западѣ была болѣе извѣстна, чѣмъ Польша. Польскій лѣтописецъ Мартинъ Галлъ выражается на этотъ счетъ весьма опредѣленно: «Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что черезъ нее проѣзжали иностранные купцы въ Русь». (См. Погодина—Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига. Т. II, стр. 781). Кіевъ былъ средоточіемъ южной торговли, преимущественно Кіевской; Новгородъ былъ средоточіемъ сѣверной торговли. Уже въ обозрѣнный нами періодъ, до 1054 г., при Ярославѣ упоминается о цѣломъ участкѣ въ Новгородѣ, населенномъ Нѣмцами.

При сильномъ торговомъ движеніи монета была необходима, какъ относительно совершеннѣйшее орудіе мѣны. Монета была металлическая; но такъ какъ металловъ было не такъ много, чтобы ихъ хватало и на внѣшнюю и на внутреннюю торговлю, то во внутренней торговлѣ употреблялись кожаныя деньги; такія деньги медленно выходили изъ употребленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просуществовали до временъ Петра Великаго, какъ видно изъ Указа 1700 г. Происхожденіе кожаныхъ денегъ въ Россіи ясно. Самый дорогой товаръ нашъ былъ мѣхъ; наиболѣе дорогой мѣхъ былъ куній. Куній мѣхъ, вѣроятно, долго служилъ и орудіемъ обмѣна, такъ напр. за раба давали столько-то куньихъ мѣховъ, за коня—столько-то. Когда сырой этнографическій матеріалъ IX, X и XI вв. получилъ нѣкоторую организацію и оттѣнокъ общественности и даже государственности, то единицами мѣны явились части мѣховъ, тогда явилась кожаная монета, извѣстная подъ именемъ куньихъ мордокъ, или просто кунъ. Ко времени Ярослава, а можетъ-быть, и ранѣе, явилось серебро.

Крупная монета называлась гривною; но она сначала была вѣсовая, слѣдовательно номинальная монета. Потомъ вошла въ употребленіе денежная, которая называлась гривною кунъ. По изслѣдованію

Погодина денежная система того и отчасти послѣдующаго времени представляется, сравнительно съ денежною системою нашего времени, въ такомъ видѣ:

Гривна серебра Новгородская, вѣсовая въ фунтъ сер.	20 р.
Гривна кунъ	10 »
» »	20 нагатъ
	25 кунъ
	50 рѣзаней
Ногата—$2^1/_2$ рѣзаня или.	50 коп.
Куна—2 рѣзаня	40 »

Выходитъ, что самая мелкая монета, рѣзань, равнялась нашимъ 20 к.

Смоленская гривна была вдвое легче, ногата слѣдовательно равнялась 25 к., куна 20, рѣзань 10 коп.

Должно однако замѣтить, что изслѣдователь цѣну Смоленской гривны опредѣлилъ на основаніи позднѣйшаго свидѣтельства, именно на основаніи договора, заключеннаго въ 1228 году княземъ Мстиславомъ съ Ригою.

Кіевская гривна была почти средняя между Новгородскою и Смоленскою. Кіевская Ногата . . . 40 к. сер.
» Куна . . . . 30 » »
» Рѣзань . . . 15 » »

Вопросъ—которая изъ двухъ гривенъ, Новгородская, или Кіевская древнѣе? Несомнѣнно только, что денежная гривна существовала при Ярославѣ. Въ Ярославовой Правдѣ за убійство назначалось 40 гривенъ; но конечно не 40 ф. серебра, а сорокъ гривенъ кунъ.

Что за монета щлягъ, которою будто-бы Радимичи платили дань? Карамзинъ, не объясняя основанія, называетъ ихъ шиллингами, которые, по его мнѣнію, Радимичи могли получить отъ Хозаръ. Но во-первыхъ новыя изслѣдованія говорятъ, что у Хозаръ своей монеты не было, во вторыхъ, какую такую обширную торговлю могли вести Радимичи, чтобы собрать достаточно монеты, хотя-бы и мелкой, на уплату дани? Чѣмъ Радимичи платили день Хозарамъ, и потомъ русскимъ князьямъ — мы не знаемъ. Точно также не знаемъ, что за монета была щлягъ или шлягъ.

Въ Русской Правдѣ упоминаются части гривны кунъ — ногаты, куны, рѣзани, безъ сомнѣнія, это были, по мнѣнію Погодина, части гривны кунной, денежной. Найденныя въ шестидесятыхъ годахъ монеты въ Нѣжинѣ изслѣдователь считаетъ Кіевской рѣзанью.

Что касается кожанныхъ денегъ, то едва ли въ ту пору они ходили повсюду. Впослѣдствіи это могло быть. Въ концѣ XIII в. упоминаются новыя куны.

Что же это за новыя куны? Вѣроятно, вновь нарѣзанныя, которыя шли на смѣну старыхъ. Это, говоря по нынѣшнему, смѣна старыхъ ассигнацій новыми. Куны, т. е. въ данномъ случаѣ куньи мордки, безъ сомнѣнія, были клейменыя.

ГЛАВА II.

Въ означенный періодъ времени дѣйствуютъ три главные фактора—князь, дружина и вѣче. Сила вѣча старыхъ городовъ въ Поднѣпровьѣ, а потомъ въ области Оки и Волги, была сломлена силою дружинъ и потому вѣче здѣсь не играло главной роли. Но на сѣверѣ вѣчевой строй удержался въ Новгородѣ, а потомъ и во Псковѣ. Новгородъ, съ перваго появленія пришлыхъ дружинъ съ князьями, поставилъ себя къ нимъ въ совершенно особыя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ будетъ подробнѣе сказано въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь укажемъ только на обстоятельство, на которое наши историки, считая его маловажнымъ, не обращали вниманія. Между тѣмъ оно-то прежде всего доказываетъ особенное положеніе Новгорода передъ другими княжествами. Новгородъ, пока въ силѣ былъ Кіевъ, стоялъ, какъ извѣстно, въ непосредственной зависимости отъ Великаго Князя Кіевскаго; но Кіевскій князь, равно, какъ и другіе князья, вездѣ на Руси могли до безконечности дробить свои княжества, но Новгородской земли, т. е. территоріи, зависѣвшей отъ Новгорода, никто дѣлить не могъ, и она осталась нераздѣльной до присоединенія Новгорода къ Москвѣ во второй половинѣ XV вѣка. Въ XIV вѣкѣ отъ Новгорода отдѣлился его меньшій братъ Псковъ; но отдѣлился добровольно, а не по княжеской волѣ, ибо Новгородцы никогда не признавали князей своими государями. На этомъ основаніи, въ 1477 г., и возникъ споръ между Новгородомъ и Великимъ Княземъ Іоанномъ III о наименованіи его нѣкоторыми Новгородцами Государемъ, ибо наименованія этого не носилъ ни одинъ Великій Князь съ тѣхъ поръ, какъ пошла земля русская.

Всѣ послѣдующіе князья были потомки Ярослава Владиміровича, за исключеніемъ князей полоцкихъ, которые вели свой родъ отъ Изяслава единоутробнаго брата Ярослава. Потомки Ярослава, или какъ обыкновенно ихъ называетъ князь Курбскій, въ своей исторіи Грознаго, княжата отъ племени св. Владиміра, размножались быстро. Въ концѣ XIII в. означенныхъ княжата считалось 66 че-

ловѣкъ. Впрочемъ уже передъ нашествіемъ татаръ бывали случаи, что однимъ городомъ кормилось двое князей. Чѣмъ болѣе развѣтвлялся княжескій родъ, слѣдовательно чѣмъ болѣе росло число княжествъ, тѣмъ сильнѣе становилась и безъ того сильная дружина. Усобицы князей росли, каждый князь старался переманить дружинниковъ на свою сторону. Только непосѣдливость дружинъ мѣшала имъ однимъ вполнѣ овладѣть русскою землею; ибо часто совершались переходы князей съ одной волости на другую, такъ что образовался глаголъ волоститься, считаться волостями.

Поэтому для пониманія событій всей послѣдующей русской исторіи до Грознаго. необходимо понять, на чемъ, т. е. на какихъ основаніяхъ, устанавливалось княжеское старшинство, какими основаніями руководствовались князья при дѣленіи волостей.

Объясненіемъ и освѣщеніемъ княжескихъ отношеній наука русской исторіи обязана Сергѣю Михаиловичу Соловьеву. Онъ, держась буквально словъ лѣтописи, объяснялъ княжескія отношенія родовыми отношеніями. Конечно, теорія его односторонняя, но она все-таки настолько освѣтила событія, что дала возможность выбраться изъ хаоса, такъ называемой удѣльной, или по Костомарову, удѣльно-вѣчевой системы. Выяснилось, что самое названіе *удѣльной* неправильно, преждевременно, что *удѣлы* появились не ранѣе конца XIII в. Въ основѣ раздѣленія Россіи, по завѣщанію Ярослава, лежалъ древній основной принципъ родовой собственности — принадлежность этой собственности всему роду вкупѣ. Такъ точно, до XIV вѣка, всѣ князья вкупѣ, считали всю Русь, за исключеніемъ Новгорода и его территоріи, своею общею родовою собственностью. На основаніи этого родового принципа, князья и волостились, *передвигаясь* съ одной волости на другую, по старшинству въ родѣ и неимѣли никакого права передавать или удѣлять, доставшееся имъ по старшинству княжество, сыну.

Какимъ-же образомъ совершалось выдѣленіе, обособленіе княжествъ?

Ярославъ, умирая сказалъ сыновьямъ: — Кіевъ поручаю старшему моему сыну и старшему брату вашему Изяславу — слушайтесь его, какъ меня, пусть онъ будетъ для васъ вмѣсто отца, завѣщалъ имъ не выгонять изъ волостей другъ друга; а ты, Изяславъ, если кто захочетъ обидѣть брата, помогай обиженному.

Когда родъ княжескій все болѣе и болѣе раздѣлялся на линіи, явились братья двоюродные, троюродные, четвероюродные, всѣ князья продолжаютъ называть себя просто братьями. Соловьевъ замѣчаетъ, что русскій языкъ до сихъ поръ невыработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, и въ лѣтописяхъ даже не встрѣчается названія двоюродный, троюродный братъ.

Старшій князь долженъ былъ, какъ отецъ, блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о че-

сти всѣхъ родичей. Старшій князь, впрочемъ съ согласія родичей, наказывалъ виновныхъ. Младшіе обязаны были повиноваться старшему. Эта обязанность выражалась въ такихъ терминахъ—ходить въ послушаніи старшему, ѣздить подлѣ стремени старшаго, быть въ его волѣ, смотрѣть на него.

Какія-же причины усобицъ? Нарушеніе старшимъ справедливости, какъ понимали ее князья: если старшій не давалъ волостей, младшіе кричали — мы ихъ добудемъ, и начиналась усобица; если старшій обращался съ князьями не по родственному, а какъ съ подчиненными. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, дядя имѣлъ преимущество передъ племянникомъ, старшій братъ передъ младшимъ, тесть передъ зятемъ, старшій шуринъ передъ младшими шурьями, и передъ младшими зятьями. Всѣ князья строго считались старшинствомъ, которое приближало ихъ къ Кіевскому столу. Но если князь умиралъ, не бывши на Кіевскомъ столѣ, то родъ его лишался права на полученіе старшаго стола. Князья восходили по ступенямъ лѣстницы и когда одна ступень вынималась, то и восхожденіе кончалось. Князья, лишенные права на старшинство, считались изгоями. [1]).

Стремленіе князей изгоевъ добыть себѣ волости служило чаще всего источникомъ усобицъ. Эти-же князья были причиною обособленія княжествъ. Такъ еще до Ярослава обособилось княжество Полоцкое, ибо Изяславъ, сынъ Владиміра и Рогнѣды, единоутробный братъ Ярослава, умеръ за два года до смерти отца и княжество Полоцкое обособилось. Потомъ обособилась земля Галицкая, въ потомствѣ Владиміра Ярославича, также умершаго прежде отца, слѣдовательно, не бывшаго великимъ княземъ. Потомство того и другого лишилось права восходить по лѣстницѣ старшинства, добывать Кіевъ.

Такимъ образомъ ясно, что въ ходѣ русской исторіи въ періодѣ, къ описанію котораго мы приступаемъ, дружинный элементъ былъ почти равносиленъ элементу княжескому. Третій элементъ, вѣче, былъ, какъ сказано выше, подавленъ силою дружинъ и князей, а болѣе первыми. Съ утвержденія сѣверныхъ дружинъ въ Кіевѣ, до 1054 г., тамъ вѣче собиралось только нѣсколько разъ и эти вѣча совсѣмъ не имѣли характера верховной власти, какъ это было потомъ въ Новгородѣ. Характеръ этихъ вѣчъ былъ случайный: въ 983 г. городскіе старцы и бояре требуютъ принесенія идоламъ человѣческой жертвы, и Владиміръ исполняетъ это требованіе. Но что это за вѣче, въ которомъ участвуютъ только старѣйшины, безъ всякой примѣси остального населенія? И чей голосъ для Владиміра былъ обязательнѣе старцевъ городскихъ или бояръ? Можно съ увѣренностью сказать по-

[1]) Изгои трои, сказано въ одномъ позднемъ памятникѣ: поповъ сынъ грамотѣ не знающій, холопъ изъ холопства вышедшій, также аще князь осиротѣетъ—изгой есть. Изгой, слѣдовательно, всякій человѣкъ, вышедшій изъ среды своей.

слѣднихъ.—Въ 987 г. тотъ-же Владиміръ совѣщался съ городскими старцами, и опять съ боярами о принятіи христіанства. Въ обоихъ случаяхъ голосъ городскихъ старцевъ имѣлъ въ той мѣрѣ значеніе, въ какой онъ былъ подкрѣпленъ боярами въ этихъ совѣщательныхъ собраніяхъ, почему-то считающихся вѣчами. Оба эти совѣщанія нѣчто въ родѣ собранія нынѣшнихъ свѣдущихъ людей. Единственное Кіевское вѣче, заслуживающее это названіе было вѣче 1024 года, которое рѣшило не принимать Мстислава Тмутараканскаго. Въ слѣдующій періодъ т. е. съ 1054 г., дружины еще болѣе усилились и естественно сила вѣча еще болѣе ослабѣла.

У каждаго князя была своя дружина, которая, если съ княземъ жила дружно, вмѣстѣ съ нимъ и подвигалась къ стольному городу Кіеву, гдѣ вмѣсто областнаго, пріобрѣтала общерусское вліяніе. Но это передвиженіе изъ волости въ волость не мѣшало дружинникамъ пріобрѣтать и владѣть дворами, селами въ оставляемой волости. Понятно, что новая дружина приходившая въ ту мѣстность съ новымъ княземъ, охраняла имущества ея предшественниковъ. Въ подобныхъ случаяхъ дружины конечно были солидарны; но въ другихъ случаяхъ этой солидарности не бывало и часто случалось, что нѣкоторые изъ членовъ старой или новой дружины уходили служить къ другимъ князьямъ.

Дружина удерживала свое первоначальное дѣленіе т. е. бояръ или мужей, гридней, примыкавшихъ къ послѣднимъ отроковъ, дѣтскихъ. Бояре, т. е. старшіе дружинники, имѣли свою дружину.

Званіе членовъ старшей дружины, да отчасти и младшей, было наслѣдственное. Извѣстный знатокъ нашихъ лѣтописей Погодинъ, говоритъ: «какъ были роды княжескіе, такъ точно были роды боярскіе и роды отроковъ или дѣтскихъ, впослѣдствіи дѣтей боярскихъ. О пожалованіи въ это званіе, о пріобрѣтеніи его заслугами, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго указанія въ древнее время, нѣтъ даже намека. (Погодинъ: Р. И. т. 2, стр. 692). Мужи или бояре, по выраженію проф. Сергѣевича, сильны были собственною силою, а не пожалованіемъ. Погодинъ даже нѣкоторыя должности считалъ наслѣдственными: такъ у Андрея Боголюбскаго воеводою былъ Борисъ Жидиславичъ, у его брата Всеволода—Михаилъ Борисовичъ, у сына его Юрія—Жирославъ Михаиловичъ (Р. И. т. 2, стр. 693).

Какъ-же пополнялась дружина?

Друженники первоhазрядные являлись сами или приглашались князьями, какъ можно видѣть изъ сказаннаго въ первый главѣ. Значеніе ихъ опредѣлялось силою, какъ увидимъ впослѣдствіи, которую они приводили съ собою. Также приглашались и чины младшей дружины.

Значительная часть княжескихъ усобицъ происходила отъ подстрекательства дружинниковъ, что оказалось уже при усобицѣ сыновей Святослава Игоревича, стоитъ вспомнить только роль Свѣ-

нельда и Добрыни. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ярополка, глядѣвшаго на трупъ Олега, слѣдующія слова, обращенныя къ Свѣнельду: «этого-ли ты хотѣлъ»? Можно положительно сказать, что во все время съ 1054 г. по 1300 г., не было ни одного важнаго событія, которое-бы совершилось безъ согласія дружинъ.

Ярославъ оставилъ пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ четверо сѣли въ Приднѣпровьи, охрана котораго на длинномъ его протяженіи была особенно затруднительна; старшій, Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, отъ него-же зависѣлъ и Новгородъ съ его недѣлимою территоріею; Святославъ въ Черниговѣ, отъ него зависѣли земли по Окѣ и Тмутракань; Всеволодъ въ Переяславлѣ; Вячеславъ въ Смоленскѣ, а пятый, Игорь, во Владимірѣ на Волыни.

Изяславъ (1054—1077 гг.). Ярославичи въ его княженіе жили сначала мирно; но миръ нарушенъ былъ князьями изгоями. Изгои, нарушившіе миръ, были племянники Ярославичей.—Первый изъ нихъ былъ Ростиславъ Владиміровичъ, сынъ того Владиміра, котовый при Ярославѣ ходилъ на Грековъ. Считая себя обдѣленнымъ братьями, которые не дали ему Смоленска по смерти Вячеслава, Ростиславъ явился въ Новгородъ. Здѣсь еще жива была память объ его отцѣ, и онъ легко собралъ дружину, въ числѣ старшихъ членовъ его дружины были Порѣй и Вышата. Послѣдній былъ сынъ Изяславова посадника Остроміра, погибшаго въ походѣ на Чудь. Съ этой дружиной онъ явился въ Тмутаракани, гдѣ тогда правилъ именемъ отца князь Глѣбъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго. Несмотря на помощь отца, Глѣбъ былъ изгнанъ; но Ростиславъ, сдѣлавшійся грознымъ сосѣдомъ Византіи, былъ отравленъ Греками, и Глѣбъ снова здѣсь вокняжился [1]).

Почти въ тоже время нарушенъ былъ миръ другимъ изгоемъ, двоюроднымъ племянникомъ Ярославичей, Всеславомъ Брячиславичемъ. Онъ, подобно отцу, заявлялъ притязанія на Новгородъ. Этотъ князь имѣлъ язвину на головѣ и носилъ повязку. Язвинѣ приписывали какое-то волшебное свойство, и этотъ хитрый князь прослылъ волшебникомъ. Онъ ограбилъ Новгородъ. Ярославичи, выступивъ противъ него, взяли приступомъ городъ Минскъ и здѣсь, со своими, поступили такъ-же, какъ поступали въ борьбѣ съ Финскими инородцами, избили все мужское населеніе, а женщинъ и дѣтей роздали дружинникамъ въ рабство. Раззоривши Минскъ, Ярославичи встрѣтили самого Всеслава на берегахъ рѣки Немези, побѣдили его, но, опасаясь вести борьбу долѣе, завели съ Всеславомъ переговоры и, когда онъ только что вступилъ въ палатку Изяслава, вѣроломно схватили и заключили въ порубъ. Порубъ—это глубокая

---

[1]) Сохранилась каменная плита, надпись на которой гласитъ, что князь Глѣбъ въ 1068 г. мѣрилъ проливъ между городами Корчевомъ (Керчью) и Тмутараканемъ. Она извѣстна подъ именемъ Тмутараканскаго камня.

яма огороженная, куда спускали преступника по лѣстницѣ. Пищу ему подавали сверху.

Во время этихъ усобицъ въ степи произошелъ переворотъ. Печенѣги, которые въ 1036 году, въ послѣднiй разъ подходили къ Кiеву, были вытѣснены Узами. или Торками, а послѣднiе Куманами или Половцами. Всѣ эти народы были Тюрко-Татарскаго племени. Печенѣги, а за ними Торки, перешли Дунай, съ согласiя византiйскаго правительства. Они слились съ Сербами и Болгарами, а часть Торковъ захваченная русскими князьями и поселенная въ Кiевскомъ и Переяславскомъ княжествахъ, вошла, какъ этнографическiй элементъ, въ составъ южнорусскаго населенiя.—До слiянiя съ русскими, они были извѣстны подъ названiемъ Черныхъ Клобуковъ.

Въ 1068 году, Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ Половцевъ, которые все болѣе и болѣе наступали на русскую землю. Князья разбиты были на голову и бѣжали. Изяславъ и Всеволодъ въ Кiевъ, Святославъ въ Черниговъ. Когда князья прибѣжали въ Кiевъ съ разбитыми убылыми дружинами, горожане стали просить оружiя, говоря, что они готовы еще биться. Изяславъ отказалъ; онъ, вѣроятно, опасался дать имъ въ руки оружiе, отъ котораго поляне отвыкли со временъ хозарскихъ. Открылся мятежъ, горожане освободили колодниковъ и въ томъ числѣ Всеслава Полоцкаго, котораго провозгласили Кiевскимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ къ Болеславу II, Польскому королю, и съ нимъ пошелъ возвратить себѣ Кiевъ.

Семь мѣсяцевъ Всеславъ сидѣлъ въ Кiевѣ, пока Изяславъ изготовлялся съ Болеславомъ къ походу. Половцы продолжали грабить, но Святославъ, мужественный князь Черниговскiй, къ счастью для русской земли, остановилъ эти грабежи, разбивъ главныя толпы Половцевъ на берегахъ Снова (притока Десны).

Между тѣмъ къ Кiеву приближались Изяславъ съ Болеславомъ, кiевляне выступили на встрѣчу съ Всеславомъ; но послѣднiй своей дружины не имѣлъ, а на военное искусство и мужество кiевлянъ надѣяться не могъ и потому ночью тайно покинулъ кiевскую рать и бѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кiявляне, воротившись въ городъ, послали просить заступничества у братьевъ Изяслава, грозя въ случаѣ отказа зажечь городъ и бѣжать въ Грецiю. Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «не води Ляховъ, не губи Кiева, знай, намъ жаль отцовскаго стола». Они вступились за Кiевъ, какъ за общее достоянiе. Изяславъ не исполнилъ обѣщанiя не мстить. Его сынъ, Мстиславъ, вошелъ въ городъ въ 1069 г. съ передовою дружиною, избилъ множество гражданъ, другихъ ослѣпилъ. Лѣтопись говоритъ, что погибло много невинныхъ; онъ мстилъ за за освобожденiе Всеслава, дружинники его мстили за старую дружину, которая также пострадала отъ Кiевлянъ при освобожденiи полоцкаго князя. — Братья казались согласными, въ 1072 г., по случаю пе-

ренесенія мощей Бориса и Глѣба, пировали съ *великою любовью*, но въ слѣдующемъ году началась *котора*, распря, по ничтожному случаю; знакъ, что послѣ Кіевскихъ побіеній между братьями уже не было взаимнаго довѣрія. Святославъ и Всеволодъ, узнавъ о сношеніи Изяслава помимо ихъ съ Всеславомъ, вооружились; Изяславъ долженъ былъ вторично бѣжать изъ Кіева. Святославъ Ярославичъ сѣлъ въ Кіевѣ и сидѣлъ съ 1073 по 1076 г. Изяславъ тщетно искалъ помощи у Германскаго Императора Генриха IV, потомъ у Папы Григорія VII, подчинивъ ему, не имѣя самъ никакой власти, и русскую землю, и церковь, давши такимъ образомъ папамъ мнимое право заявлять свои притязанія на подчиненіе имъ русской церкви. Но только смерть Святослава и уступчивость Всеволода доставили Изяславу снова Кіевскій столъ, который ему пришлось занимать только одинъ годъ.

Изяславъ занялъ Кіевскій столъ, Всеволодъ Черниговскій. Они вывели Олега Святославича изъ Владиміра-на Волыни и хотѣли предоставить сыновьямъ Святослава только Рязанско-Муромскія земли. Олегъ Святославичъ противъ дядей соединился съ другимъ обдѣленнымъ племянникомъ, съ Борисомъ Вячеславичемъ. Племянники выгнали дядю, Всеволода, изъ Чернигова. Тогда дядья Изяславъ и Всеволодъ выступили оба противъ племянниковъ въ 1077 году, на Нижатиной Нивѣ, близъ Чернигова, произошла битва. Изяславъ и Борисъ были убиты. Всеволодъ остался побѣдителемъ, Олегъ ушелъ въ Тмутаракань.

Такъ кончились княженія двухъ старшихъ Ярославичей. Одинъ изъ нихъ, Святославъ, былъ большой книголюбецъ, какъ и отецъ его. — Конечно, въ странѣ, которая только при дѣдѣ этихъ князей, приняла христіанство, прежде всего и болѣе всего должны были интересоваться религіозными вопросами. На эти вопросы искали отвѣтовъ въ сборникахъ, въ болгарскихъ переводахъ съ греческаго. Сборники эти въ переводахъ называютъ то Синаксаріи, что и значитъ собственно сборникъ, то прологами. Прологъ, тоже греческое слово и значитъ предисловіе. Переводчикъ и давалъ всѣмъ Синаксарамъ названіе прологовъ, которыя содержали краткое описаніе житій святыхъ. Болѣе другихъ подобныхъ сборниковъ получилъ извѣстность — Сборникъ Святослава. Этотъ Сборникъ переведенъ для Симеона, Болгарскаго Царя, и переписанъ, въ 1073 г., для Святослава Ярославича, князя Черниговскаго. Въ этомъ сборникѣ замѣчательнѣйшія статьи — отрывокъ изъ Іоанна Златоуста, именно поученіе о злой женѣ; краткій Лѣтописецъ отъ Августа до Константина и одна реторическая статья «объ образѣхъ», т. е. о тропахъ и фигурахъ, термины славянскіе, напр. аллегорія—инословіе, метафора, *перевodъ* (sic), отступленіе—въспятословіе; сарказмъ—лихорѣчіе; иронія—поношеніе, и т. д. Къ сборнику приложенъ рисунокъ, изображающій Святослава, его

супругу и его пятерыхъ сыновей. Эти пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ и Ярославъ. Всѣ въ цвѣтныхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ золотыми кушаками. На самомъ Святославѣ наброшенъ плащъ или корзно, застегнутый пряжкою на правомъ плечѣ. Клобуки или шапки оторочены мѣхомъ, у Святослава верхъ золотой, у сыновей просто синій. На княгинѣ длинное верхнее платье съ широкимъ, отложнымъ воротникомъ, рукава широкіе, подъ которыми замѣтны золотыя поручи нижняго кафтана. Голова обернута фатой, поясъ золотой. Эти изображенія—древнѣйшій памятникъ книжной живописи. Къ 1076 г. относится другой сборникъ, который также носитъ названіе Святославова. Въ этомъ второмъ сборникѣ статьи исключительно религіознаго содержанія, изъ которыхъ особенно замѣчательно: «Поученія дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры». «Поученіе Іоанна Златоуста о злой женѣ» имѣло большое вліяніе на развитіе суроваго взгляда нашихъ предковъ на женщину.

Около того-же времени явилось Сказаніе о письменахъ славянскихъ Черноризца Храбра, вѣроятно, жившаго въ началѣ X вѣка. Онъ положительно свидѣтельствуетъ, что славянская азбука, такъ называемая Кирилица, изобрѣтена Константиномъ Философомъ, котораго обыкновенно зовутъ Кирилломъ. Между прочимъ онъ говоритъ, что еще живы люди, которые видѣли Константина и Меѳодія, слѣдовательно все дѣло могли узнать у нихъ лично. Что касается до вычурной азбуки, такъ называемой глаголиты, то нѣтъ основанія приписывать ея изобрѣтеніе Кириллу, а Кирилицу называть ея упрощеніемъ, равно какъ нѣтъ твердаго основанія приписывать ея изобрѣтеніе, католическимъ монахамъ. Могли-ли они надѣяться вытѣснить легко понимаемую Кирилицу, трудно понимаемой глаголицей? Черноризецъ Храбръ, между прочимъ, говоритъ, что славяне-язычники письмёнъ не имѣли, *а чертами и рѣзами чтяху и гадаху*. Эти черты и рѣзы, нѣчто въ родѣ скандинавскихъ рунъ, по которымъ тоже производились гаданія. Не изъ этихъ-ли чертъ и рѣзъ, какъ догадывался покойный славистъ проф. Григоровичъ, вышла глаголита?

О языкѣ, на который Кириллъ и Меѳодій переводили книги священнаго писанія, говорятъ различно: Гильфердингъ считаетъ этотъ языкъ языкомъ македонскихъ болгаръ, что доказывается по его мнѣнію, живою рѣчью нынѣшнихъ македонскихъ болгаръ. Въ Россіи памятникомъ древне-славянскаго богослужебнаго языка осталось Остроміро Евангеліе, списанное въ 1057 г. для посадника Остроміра. Это Евангеліе Апраксосъ, т. е. расположено по недѣлямъ, въ порядкѣ церковной службы. Языкомъ его объясняютъ этимологическія формы русскаго языка и правила правописанія. Нынѣшній церковно-славянскій языкъ представляетъ смѣшеніе формъ древне-славянскаго и русскаго языка.

Христіанство усвоивалось болѣе всего князьями и дружиною, народъ-же на Сѣверѣ и по Окѣ встрѣчалъ его враждебно и принималъ туго; такъ было и въ Польшѣ. При Болеславѣ II, современникѣ Изяслава, поднялись польскіе крестьяне не только противъ пановъ, но и духовенства.

У насъ то и дѣло язычество выказывало свою живучесть. Леонтій, первый епископъ въ Ростовѣ, св. Кукша, проповѣдникъ христіанства въ землѣ Вятичей, по Окѣ, были убиты. Въ 1071 г. въ Кіевѣ явился волхвъ, который предсказывалъ, что Днѣпръ потечетъ обратно, что тамъ, гдѣ нынѣ Русь — будетъ Грецiя, а гдѣ Грецiя — Русь. Этотъ волхвъ внезапно исчезъ. Около тогоже времени, въ Ростовской области два волхва изъ Ярославля ходили по Волгѣ и возмущали народъ своимъ ученіемъ. Они разсказывали такія вещи, въ которыхъ видны явные слѣды богомильства; они проповѣдывали, что Дьяволъ сотворилъ нечистое тѣло, а Богъ—душу. Антихристъ сидитъ въ безднѣ, но они вѣруютъ въ его могущество. Тогда въ Ростовской землѣ былъ голодъ. Виновницами голода волхвы считали бабъ, по ученію богомиловъ, источникъ всякой нечистоты и зла. Они говорили, что бабы подъ кожею скрываютъ хлѣбъ, медъ и рыбу. Матерей, женъ, сестеръ приводили къ нимъ, они показывали видъ, что подъ кожею дѣлали надрѣзы и какъ-бы оттуда вынимали съѣстные припасы. Такъ они дошли до Бѣлоозера, гдѣ воевода Янъ, сынъ того Вышаты, который, съ Владиміромъ Ярославичемъ, ходилъ въ походъ на Грековъ, собиралъ дань отъ имени Святослава, ибо Ростовская земля зависѣла отъ Черниговскаго князя. Янъ велѣлъ схватить волхвовъ, грозя бѣлоозерцамъ, что не уйдетъ отъ нихъ, пока не схватятъ и не представятъ ему волхвовъ. Волхвы были схвачены, связаны, брошены въ лодку и отданы мщенію родственниковъ убитыхъ ими людей. Въ проповѣди этихъ волхвовъ съ богомильствомъ связана и нѣкоторая доля финскихъ суевѣрій; напримѣръ они говорили, что дьяволъ создалъ человѣческое тѣло изъ ветошки, которую Богъ, вымывшись въ банѣ, бросилъ на землю [1]).

Точно также въ началѣ семидесятыхъ годовъ XI вѣка, въ Новгородѣ какой-то волхвъ открыто ругался надъ христіанствомъ. Епископъ вышелъ на площадь, сталъ съ крестомъ посреди и звалъ къ себѣ вѣрныхъ; но только князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною приложился ко кресту, народъ весь сталъ на сторону волхва. Тогда-то князь Глѣбъ Святославичъ, видя страшное колебаніе въ народѣ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь-ли, что будетъ съ тобою?» Волхвъ отвѣ-

[1]) Мы уже указывали выше на слѣды *болгарскихъ глупостей*, какъ выражается кн. Курбскій, въ нынѣшнихъ суевѣріяхъ нашего народа. Здѣсь сдѣлаемъ еще одно указаніе: въ народѣ осталось напр. убѣжденіе, что собаку создалъ чертъ, оттого она и песъ, и въ церковь ее не пускаютъ. Церковь слѣдуетъ святить, если въ нее забѣжитъ собака.

чалъ: «сотворю великое чудо». Въ отвѣтъ на это князь Глѣбъ топоромъ разсѣкъ голову волхва. Мятежъ укротился.

Княженіе третьяго сына Ярослава было печально. Всеволодъ Ярославичъ (1077 г. по 1093) былъ человѣкъ слабый и въ то-же время властолюбивый. Народъ Кіевскій въ это время страдалъ отъ обидъ княжескихъ тіуновъ; неблаговидный поступокъ Всеволода съ дѣтьми Святослава вызвалъ борьбу между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода, которая по имени ихъ сыновей Олега и Владиміра Мономаха называется борьбою Ольговичей и Мономаховичей. Эта борьба вытекла изъ слѣдующаго обстоятельства: Изяславъ, сѣвшій на кіевскій столъ послѣ вторичнаго изгнанія, не признавалъ законнымъ вокняженіе Святослава, что ставило потомство послѣдняго въ ряды князей изгоевъ. Изяславъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Но, замѣчаетъ историкъ Соловьевъ, Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ Святославомъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Всеволодомъ (И. Р. Т. 2, стр. 28). Противъ Всеволода возстали сыновья Святослава; тогда подняли голову и обиженные изгои—сыновья Ростислава, отравленнаго греками въ Тмутаракани, Рюрикъ, Василько и Володарь, и сынъ 5-го Ярославича—Давидъ Игоревичъ. Половцы радовались усобицамъ, которые отдавали имъ Русь въ добычу. Тогда-то, говорится въ поэтическомъ памятникѣ дружинно-княжескаго періода, начались тѣ времена, когда на землѣ сѣялись и росли усобицы и въ княжихъ крамолахъ сокращался родъ людской, когда въ русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу.

Усобицу начали Святославичи, но не они были въ ней виноваты. Всеволодъ посадилъ старшаго сына своего, Владиміра Мономаха, въ Черниговѣ, а племянника, Ярополка Изяславича, во Владимірѣ на Волыни, отдавъ ему и Туровъ. Въ 1079 г. Олегъ и Романъ Святославичи, старшій братъ которыхъ, Глѣбъ, уже умеръ, явились изъ Тмутаракани съ половцами и хозарами въ предѣлахъ кіевскихъ; но подкупленные варвары убили Романа, а Олега, безъ сомнѣнія, съ согласія греческаго императора, родственника Всеволода, женатаго на внучкѣ Константина Мономаха и, конечно, съ согласія Всеволода, отправили въ Грецію, гдѣ его заточили на о. Родосѣ. Въ Тмутаракань Всеволодъ послалъ своего посадника Ратибора. Но едва усѣлся посадникъ въ Тмутаракани, являются изгои, Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ, и выгоняютъ Ратибора. Черезъ годъ ихъ выгоняетъ самихъ Олегъ, возвратившійся съ Родоса. Володарь и Давидъ были отпущены; хозарская дружина избита Олегомъ. Володарь съ братьями пріютились на Волыни у Ярополка, котораго они-же и выгнали. Владиміръ Мономахъ, по приказанію отца, изгоняетъ Ростиславичей изъ Волыни и снова сажаетъ Ярополка на княженіе во Владимірѣ-на-Волыни. Однако Все-

володъ не долго оставался въ мирѣ и съ Ярополкомъ, вслѣдствіе полнаго произвола своихъ дѣйствій. Давидъ Игоревичъ засѣлъ въ устьяхъ Днѣпра съ набранною имъ дружиною и захватилъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Греціей, гречниковъ, что наносило сильный ударъ торговлѣ и благосостоянію Кіева. Всеволодъ спѣшилъ удовлетворить Давида; но изъ волости чужой, именно онъ далъ Давиду Игоревичу Дорогобужъ на Волыни. Ярополкъ возропталъ; Владиміръ Мономахъ, опять по повелѣнію отца, выгналъ его и посадилъ во Владимірѣ-на-Волыни Давида Игоревича. Но въ слѣдующемъ, 1085 г., Ярополкъ мирится съ Мономахомъ и опять садится во Владимірѣ-на-Волыни. Ростиславичи въ это время утвердились въ Перемышлѣ и Червенскихъ городахъ, что въ нынѣшней Галиціи. На этихъ князей пало подозрѣніе въ убійствѣ Ярополка, павшаго отъ руки какого-то дружинника, бѣжавшаго къ Ростиславичамъ. Въ 1086 г. Всеволодъ самъ предпринялъ походъ противъ Ростиславичей; но походъ былъ безполезенъ — Ростиславичи остались въ занятыхъ ими городахъ. Въ самомъ началѣ княженія Всеволода опять поднялся Всеславъ, за которымъ гонялся Мономахъ, ибо Всеславъ сжегъ предмѣстія Смоленска. Мономахъ вторгнулся въ Полоцкое княжество и опять пострадалъ Минскъ. Мономахъ самъ сознается, что онъ не оставилъ въ Минскѣ ни челядина, ни скотины.

Къ этой картинѣ усобицъ должно прибавить борьбу съ Половцами, которыхъ то приводили князья, то они вторгались безъ всякаго повода, оставляя кровавые слѣды, несмотря на удачныя битвы съ ними Владиміра Мономаха. Такъ, въ 1092 г., Половцы взяли три города, въ Переяславскомъ княжествѣ, именно Пѣсоченъ, Переволоку, Прилуки и, по обоимъ берегамъ Днѣпра, пожгли и раззорили много селъ. Однажды заратились было Торки, поселенные въ Переяславскомъ княжествѣ. Они были усмирены Мономахомъ.

Таково было княженіе послѣдняго изъ Ярославичей. Княженіемъ Всеволода заканчивается княженіе сыновей Ярослава, княженіе перваго изъ его внуковъ, оканчивая XI столѣтіе, переходитъ въ XII-ое.

Поэтому здѣсь считаемъ умѣстнымъ закончить въ нѣсколькихъ словахъ обозрѣніе умственной жизни русскаго общества въ XI столѣтіи. Къ концу XI столѣтіи, если не къ началу XII столѣтія относятъ Сборники, извѣстные подъ названіемъ Палей и Пчелъ. Палеи имѣли историческій характеръ въ библейскомъ направленіи. Повѣствованія Ветхозавѣтной исторіи сопровождались толкованіями. Но особенно въ Палеяхъ было много апокрифическихъ сказаній, какъ напр. о паденіи Сатанаила и десятаго чина Ангеловъ, о хожденіи Сиѳа въ рай передъ смертію Адама, откровеніе Авраама, повѣсть о Соломонѣ и Китоврасѣ. Китоврасъ—это Кентавръ древней миѳологіи. Кромѣ того, сюда вошли списки царей Вавилонскихъ, Персидскихъ, Египетскихъ и Римскихъ до Тиверія, и Греческихъ императоровъ до паденія Константинополя.

Пчелы имѣютъ другой характеръ. Пчелы содержатъ въ себѣ большею частію краткія изреченія изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей Церкви, равно какъ изреченія разныхъ древнихъ свѣтскихъ писателей, какъ напр. Плутарха, Демокрита, Діогена, Исократа, Геродота, Эврипида, Пиѳагора, Демосѳена, Аристотеля, Эпикура и пр. Авторъ Исторіи Русской Словесности, Порфирьевъ, по поводу Пчелъ, говоритъ, что эти Сборники были весьма полезны, они придавали образованію того времени, заключенному въ узко-богословскій кругъ нѣкоторое разнообразіе (Т. 1, стр. 203) [1]).

По смерти Всеволода, Кіевляне желали посадить на великокняжескій столъ Владиміра Мономаха, но Владиміръ Мономахъ весьма разсчетливо отказался исполнить желаніе Кіевлянъ, зная, что принявши кіевскій столъ, онъ вооружитъ противъ себя старшихъ двоюродныхъ братьевъ, Святополка Изяславича и Олега Святославича, которые неминуемо прекратили-бы свою вражду и возстали-бы на него. Соловьевъ замѣчаетъ, что внуки Ярослава Владиміровича находились въ томъ-же положеніи, какъ и отцы ихъ, слѣдовательно и распредѣленіе волостей, слѣдуя обычному родовому праву, должно было оставаться такое-же, какъ у ихъ отцовъ. Такъ Олегъ долженъ былъ получить Черниговъ не потому, что онъ былъ сыномъ Святослава, а потому, что онъ, послѣ Святополка, былъ старшимъ изъ двоюродныхъ братьевъ; ибо волости также считались старшинствомъ, какъ и князья. Вначалѣ за Кіевомъ слѣдовалъ Черниговъ, за Черниговомъ—Переяславль.

Что касается до желанія Кіевлянъ имѣть княземъ Мономаха, то Соловьевъ объясняетъ это желаніе двумя обстоятельствами:—1) среди подвиговъ другихъ храбрыхъ князей подвиги Мономаха, разумѣя подъ этимъ борьбу съ половцами, всегда были полезны Кіеву; 2) Святополкъ Изяславичъ, долго жившій въ Новгородѣ, передъ смертью Всеволода перешедшій въ Туровъ, былъ имъ мало извѣстенъ. Можетъ быть на желаніе Кіевлянъ имѣть Мономаха княземъ, помимо Святополка, вліяло и то обстоятельство, что они помнили свирѣпыя казни, Мстислава Изяславича, брата Святополка, въ 1069 г.

Но желаніе Кіевлянъ на этотъ разъ не было принято во вниманіе, и Святополкъ Изяславичъ, по родовымъ разсчетамъ, сѣлъ на Кіевскій столъ. Онъ княжилъ 1093 на 1112 г. Въ Кіевъ онъ привелъ сѣверную дружину, вѣроятно, набранную имъ въ Новгородѣ. Половцы прислали въ это время пословъ для заключенія мира, при чемъ разумѣется требовали даровъ. Не посовѣтовавшись со старою Кіевскою дружиною, Святополкъ Изяславичъ и его сѣверная дружина не хотѣли начать новаго княженія покупкою мира и рѣшили

[1]) Это разнообразіе было, однако, весьма незначительно, и вообще его было очень мало до Петра Великаго. Но читатель долженъ имѣть въ виду, что однообразная допетровская литература занимаетъ насъ настолько, насколько она вліяла на умственный складъ русскаго народа.

вести съ Половцами войну, нарушивъ обычай международныхъ сношеній, наблюдавшійся даже варварами. Половецкихъ пословъ посадили въ тюрьму. Половцы немедленно вторгнулись въ Кіевскую волость и осадили Торческъ, а загоны ихъ или отдѣльные отряды исполосовали всю русскую землю. Святополкъ, поздно увидавъ ничтожность своей дружины передъ грознымъ ополченіемъ варваровъ, пригласилъ на помощь Владиміра Мономаха. Мономахъ съ его братомъ Ростиславомъ и Святополкъ были разбиты. При отступленіи, которое походило на бѣгство, Ростиславъ утонулъ въ р. Стугнѣ. Святополкъ бѣжалъ въ Кіевъ, Владиміръ въ Черниговъ, а Половцы усиливъ грабежи, взяли Торческъ, жителей полонили. Вездѣ было одно и тоже, города и села опустѣли, нивы поросли сорными травами и, вмѣсто табуновъ коней, стадъ коровъ и овецъ, рыскали дикіе звѣри. Лѣтописецъ дополняетъ картину разсказомъ, какъ вели по степи половецкой русскихъ плѣнниковъ нагихъ, босыхъ, какъ они со слезами распрашивали другъ друга—кто откуда родомъ?

Таковы-то были половецкіе погромы. Святополкъ отъ надменности перешелъ въ смиренный тонъ и, чтобы сколько нибудь облегчить бѣду, поспѣшилъ жениться на дочери Тугаркана, одного изъ половецкихъ хановъ.

Но хановъ было много у половцевъ; въ слѣдующемъ 1094 г. Олегъ Святославичъ явился, опять съ половцами, передъ Черниговомъ. Мономахъ не смѣлъ самъ долго противиться и бѣжалъ въ Переяславль. Къ довершенію бѣды началась усобица, захватившая отдаленные города, Ростовъ, Суздаль, Муромъ. Главнымъ образомъ усобица шла между Мономахомъ и Олегомъ. Съ обѣихъ сторонъ нанимали Половцевъ, которые разумѣется могли грабить, сколько имъ угодно. Усобица кончилась только въ 1097 г. Князья съѣхались дѣлать рядъ на устроеніе мира.

Съѣхались князья въ Любечѣ, на р. Днѣпрѣ, въ Черниговской волости. Князья говорили: «Зачѣмъ губить русскую землю, поднимая сами на себя которы? А половцы землю нашу несутъ розно и ради чего идутъ усобицы? Станемъ жить въ одно сердце и блюсти русскую землю».

Съ нѣкоторыми измѣненіями раздѣлъ былъ сдѣланъ такой же, какъ и отцами ихъ; Святополкъ Изяславичъ получилъ Кіевъ и оставилъ за собою городъ Туровъ, Мономахъ получилъ всѣ волости Всеволода—Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую волость. Новгородъ съ его недѣлимою территоріей остался въ рукахъ Мстислава, сына Мономаха. На Любечскомъ съѣздѣ было временно нарушено единеніе Кіева и Новгорода. Святополкъ, вѣроятно, былъ уступчивъ вслѣдствіе опасенія притязаній Олега Святославича на Кіевскія волости. Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ получили Черниговскую волость; за изгоями, за Давидомъ Игоревичемъ, оставили Владиміръ на Волыни; за Ростиславичами: за Володаремъ—Пере-

мышль, за Василькомъ—Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ не нарушать мира, «да будетъ», говорили они, «крестъ честной и вся земля русская на зачинщика».

Но какъ мало хорошія слова имѣли значенія въ устахъ князей, какое глубокое недовѣріе царило между ними, оказалось немедленно. Лѣтопись говоритъ, что будто бы дружинники Давида Игоревича: Турякъ, Лазарь и Василь,—сообщили своему князю, вѣроятно, только слухъ, что Василько и Мономахъ сговорились лишить волостей Святополка и его, Давида. Давидъ Игоревичъ, возвращаясь домой со съѣзда, заѣхалъ въ Кіевъ и сообщилъ слухъ Святополку. Послѣдній безъ особенныхъ колебаній повѣрилъ и, когда, вслѣдъ за Давидомъ, прибылъ и Василько, то въ Бѣлгородѣ его и ослѣпили. Эта византійская жестокость, гдѣ ослѣпленіе государей, принцевъ и вообще людей знатныхъ было дѣломъ обыкновеннымъ, въ русской землѣ возмутила всѣхъ. Владиміръ Мономахъ и Олегъ съ Давидомъ Святославичемъ выступили къ Кіеву противъ Святополка. Послѣдній свалилъ всю вину на Давида Игоревича. Мачиха Мономаха и митрополитъ старались примирить князей, и дѣло ограничилось тѣмъ, что князья поручили Святополку наказать Давида Игоревича. Но Святополкъ только черезъ два года, въ 1099 г., выступилъ въ походъ противъ Давида Игоревича. На Волыни-же въ эти два года шла усобица; Давидъ Игоревичъ хотѣлъ у Ростиславичей отнять города, данные имъ на съѣздѣ въ Любечѣ; но былъ разбитъ, осажденъ во Владимірѣ-на-Волыни и принужденъ былъ выдать Ростиславичамъ дружинниковъ своихъ, на которыхъ складывалъ всю вину. Изъ нихъ двое, Лазарь и Василь, были повѣшены Ростиславичами, а Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ.

Наконецъ, въ 1099 г. выступилъ и Святополкъ, онъ заставилъ Давида отдать ему Владиміръ-на-Волыни, а Давиду далъ Червенъ. Потомъ Святополкъ пошелъ и на Ростиславичей, говоря: «они сидятъ на землѣ отца моего и брата моего». Онъ разумѣлъ Ярополка, убитаго, какъ думали, Ростиславичами. Но на Рожни Полѣ былъ разбитъ. Въ усобицу князья вмѣшали угровъ и поляковъ, а потомъ и половцевъ.

Чтобы кончить усобицы князья въ 1100 г. съѣхались въ Увѣтичехъ или въ Витичевѣ. Князья на этомъ съѣздѣ, отдѣльно другъ отъ друга, совѣщались со своими дружинами, что дѣлать съ Давидомъ Игоревичемъ. И по общему рѣшенію князей у него отняли окончательно Владиміръ-на-Волыни и дали ему Бужскъ и Острогъ, да Святополка обязали дать ему Дубно и Чарторыйскъ, Владиміръ Мономахъ обѣщалъ двѣсти гривенъ, да Святославичи—Олегъ и Давидъ, тоже по двѣсти гривенъ.

Мономахъ искусно велъ свои дѣла. Святополкъ Изяславичъ теперь желалъ свести изъ Новгорода Мстислава. Мономахъ прислалъ въ Кіевъ Мстислава съ Новгородскими послами, пусть де Новго-

родцы возьмутъ твоего сына, а моему, дай Владиміръ-на-Волыни. Новгородцы отказались исполнить волю Святополка, зная, что по смерти Святополка, Владиміръ Мономахъ не уступитъ Кіева Святославичамъ, и Черниговскимъ князьямъ снова будетъ угрожать опасность изгойства. Это было въ 1102 году.

Съ 1101 года по 1111 г. князья, главнымъ образомъ руководимые Мономахомъ, ежегодно предпринимали походы противъ Половцевъ. Но самымъ знаменитымъ былъ походъ 1111 г., оставившій глубокое впечатлѣніе. Въ этотъ походъ прошли чуть не сквозь всю землю Половецкую, отъ р. Ворсклы къ устью Дона и два раза разбили Половцевъ; первый разъ 24 марта, наканунѣ Лазарева Воскресенія, и второй разъ, въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, на р. Сальницѣ (Салъ). Побѣда была полная, главнымъ героемъ былъ Мономахъ.

Въ началѣ 1113 г. умеръ Святополкъ Изяславичъ. *Владиміръ Всеволодовичъ* Мономахъ (1113—1125) не принадлежитъ къ историческимъ дѣятелямъ, которые идя впередъ, разрушаютъ старое. Мономахъ былъ охранитель стараго, но, какъ часто бываетъ въ исторіи, охранители, подобные ему, незамѣтно подготовляютъ новое. Мономахъ выставляется строгимъ охранителемъ родовыхъ княжескихъ отношеній. Но обстоятельства заставили его сѣсть на великокняжескій престолъ помимо старшаго двоюроднаго брата, Олега Святославича. Обстоятельства не благопріятствовали Олегу, Кіевляне не любили Святополка и его семейство, точно также не любили и Святославичей, особенно Олега, который столько разъ наводилъ на Русскую землю Половцевъ. Мономахъ же былъ первымъ защитникомъ Русской земли отъ варваровъ во все время княженія Всеволода и Святополка. Онъ возбуждалъ князей въ походы противъ Половцевъ. Въ 1103 г. съѣхались князья на совѣщаніе касательно набѣговъ Половецкихъ. Князья молчали, Мономахъ прервалъ молчаніе, онъ обратился къ Святополку: «братъ говори же, ты—старшій». Святополкъ отвѣчалъ—«начни братъ лучше ты».—«Какъ же я буду говорить», отвѣчалъ Мономахъ, «противъ меня, и моя, и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и пахаря и пашню, а не подумаютъ, что весною смердъ станетъ пахать на своей лошади, придетъ половчанинъ убьетъ стрѣлою смерда, а его лошадь, его жену, дѣтей возьметъ себѣ, а гумно спалитъ. Что вы объ этомъ не подумаете?» Князья пошли, только Олегъ отговорился болѣзнью; не ходилъ онъ въ походъ на Половцевъ и въ 1111 г., контрастъ былъ рѣзокъ. Рѣзокъ былъ контрастъ и со Святополкомъ: Владиміръ былъ щедръ, Святополка же и его семью ненавидѣли за жадность и корыстолюбіе. Въ Кіевѣ открылся страшный мятежъ противъ іудеевъ, которымъ покровительствовалъ Святонолкъ и которые брали съ жителей большіе проценты. Кіевляне, говоритъ лѣтопись, собрали, по смерти Святополка, вѣче; обстоятельства были трудныя, Кіевляне

разграбили не только жидовъ, но и дворъ тысяцкаго Путяты, который держалъ сторону Святославичей. Кіевляне звали Мономаха на Кіевскій столъ, но Мономахъ медлилъ; послѣ грабежа ему послали сказать—иди въ Кіевъ, а то грозитъ большая бѣда и пограбятъ не одинъ дворъ Путяты, или дворы соцкихъ и жидовъ, доберутся и до двора вдовы Святополка и до монастырей. Народъ въ Кіевѣ могъ понять, что только Мономахъ могъ справится съ обстоятельствами, тѣмъ болѣе могъ понять, что старая Кіевская дружина была за Мономаха. Хотя тысяцкій Путята, изъ семьи Вышатичей, держалъ сторону Святославичей, но большинство вліятельныхъ дружинниковъ и при Святополкѣ держало сторону Мономаха. Это безъ сомнѣнія Всеволодовы мужи. Одинъ изъ нихъ, Ратиборъ, оставилъ стольный Кіевъ и ушелъ въ Переяславль къ Мономаху, у котораго пользовался большимъ вліяніемъ. Въ 1095 г. къ этому Ратибору пріѣхалъ пріятель изъ Кіева и, по ихъ наущенію, Мономахъ допустилъ умертвить Половецкихъ князей, прибывшихъ къ нему для мирныхъ переговоровъ. Эти отношенія къ старой Всеволодовой дружинѣ, даютъ поводъ сказать, что Кіевское вѣче дѣйствовало тогда подъ вліяніемъ дружинниковъ Всеволода.

Но этого мало, въ одномъ спискѣ лѣтописи есть мѣсто, приводимое у Татищева, изъ котораго можно заключить, что не вѣче призвало Мономаха, а дружина. Вотъ это мѣсто: По смерти Святополка, кіевляне, сошедшись въ церкви Св. Софіи, учинили совѣтъ объ избраніи на великое княженіе, на которое, безъ всякаго спора, всѣ согласно выбрали Владиміра Всеволодовича (И. Р. Соловьевъ, т. 2, прим. 154).

Какое вѣче могло собраться въ храмѣ Св. Софіи, кромѣ остатковъ старшей дружины Всеволода?

Ольговичи не протестовали противъ избранія Мономаха, замѣчаетъ историкъ. Какъ они могли протестовать? Въ Кіевѣ противъ нихъ дружина и народъ; города, данные имъ, отовсюду окружены были землями, гдѣ властвовали Мономаховичи; на союзъ съ Святополковичами, съ племенемъ Изяслава, надежды не было.

Все это отлично понималъ Мономахъ, и подождавъ, изъ приличія, пока Святославичи подадутъ свой голосъ и не дождавшись его, сѣлъ на кіевскій столъ.

Княженіе Владиміра Мономаха, не только сравнительно съ княженіями его двухъ предшественниковъ, но и вообще по тѣмъ временамъ было мирно, за исключеніемъ нѣсколькихъ событій; на сосѣдей инородцевъ, на Чудь, на Камскихъ Болгаръ самъ Мономахъ не ходилъ, а посылалъ сыновей. Только противъ непокорныхъ князей Мономахъ выступалъ самъ; въ 1120 г. противъ минскаго князя, Глѣба, котораго сначала помиловалъ, а потомъ плѣнилъ и увелъ въ Кіевъ, гдѣ Глѣбъ и умеръ. Замѣчательны были отношенія къ Ярославу Святополковичу, сидѣвшему во Владимірѣ-на-Волыни, ко-

торый женатъ былъ на внучкѣ Мономаха, на дочери Мстислава. Отношенія Мономаха и его сына Мстислава къ Ярославу Святополковичу, ясно показываютъ всю путаницу, которая царила въ тогдашней Руси. По женѣ, Ярославъ приходился внукомъ Владиміру Мономаху, по смерти котораго, онъ долженъ былъ наслѣдовать кіевскій столъ, какъ старшій сынъ старшаго двоюроднаго брата Мономаха. Ярославъ, конечно, тогда не могъ бы уступить Кіева и тестю своему Мстиславу, не подвергая родъ Святополка Изяславича изгойству. Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимірѣ-на-Волыни; онъ искалъ помощи у сосѣдей и пришелъ ко Владиміру-на-Волыни съ большимъ войскомъ изъ Угровъ, Чеховъ, Поляковъ и дружинъ Ростиславичей. Но, при осадѣ бывшаго своего стольнаго города, Владиміра-на-Волыни, Ярославъ былъ убитъ изъ засады въ 1123 г. Братъ его Изяславъ, больной и бездѣтный, умеръ послѣ Мономаха; такимъ образомъ линія Святополка Изяславича отошла въ изгойство.

Къ началу XII вѣка очень важное проявленіе умственной жизни въ средѣ княжеской и дружинной, выразилось въ появленіи первой лѣтописи, которая взялась рѣшить вопросъ—откуда пошелъ русскій народъ, кто въ Кіевѣ сперва княжилъ и какъ установилась русская земля.

Исходнымъ пунктомъ для нашей лѣтописи послужилъ хронографъ грека Георгія Амартола, жившаго въ IX вѣкѣ, въ славяно-болгарскомъ переводѣ. Изъ Амартола взятъ разсказъ о нападеніи Руси на Царьградъ, въ 865 г., о нападеніи Игоря въ 941 г. За Амартоломъ слѣдуютъ труды Нестора, которому несомнѣнно принадлежитъ «Житіе Преподобнаго Θеодосія, игумена Печескаго». Источникомъ служили бесѣды старца Θеодора, бывшаго келаремъ при Θеодосіи. О дѣтствѣ Θеодосія Θеодоръ въ свою очередь слышалъ отъ матери игумена, считающагося настоящимъ основателемъ Кіево-Печерскаго монастыря. Житіе даетъ нѣкоторые черты изъ быта городскихъ жителей того времени. Другое сочиненіе Нестора — «О житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба». Имя Нестора, послѣ означенныхъ трудовъ, сдѣлалось столь знаменитымъ, что ему приписали и начальную лѣтопись, но это несправедливо. Между лѣтописью и вышеупомянутыми сочиненіями Нестора, существуютъ, говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, противорѣчія. Между прочимъ тотъ, чье сочиненіе вошло въ лѣтопись, говоритъ, что онъ пришелъ къ Θеодосію, а Несторъ въ житіи Θеодосія говоритъ, что онъ постригся при Стефанѣ, преемникѣ Θеодосія и о Θеодосіи, какъ выше указано, говоритъ по преданію. Разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ въ лѣтописи принадлежитъ не Нестору, а Іакову Черноризцу. Проф. Бестужевъ-Рюминъ между прочимъ указалъ, какія отдѣльныя сказанія вошли въ лѣтопись.— Названіе лѣтописи Несторовой, встрѣчается только въ позднѣй-

шемъ спискѣ лѣтописи. Сочинитель лѣтописи не только называетъ себя, но и обозначаетъ годъ ея окончанія. Въ одномъ спискѣ XIV в., послѣ 1160 г. читаемъ: Игуменъ Сильвестръ Святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимірѣ, княжаще въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игумянящи у Святаго Михаила, 6624 отъ Сотворенія Міра, индикта 9 лѣта, т. е. 1116 по Р. Х. Индиктъ, счетъ времени по пятилѣтіямъ, введенный Константиномъ В., для сбора податей. Лѣтопись озаглавлена такъ: Се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть. Въ одномъ спискѣ въ заглавіи вставлено послѣ словъ Се повѣсть временныхъ лѣтъ «черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго». Эта вставка и подала поводъ къ недоумѣніямъ. На такомъ шаткомъ основаніи авторъ Исторіи Русской словесности, Порфирьевъ, думаетъ, что Несторъ все-таки былъ причастенъ труду, далъ остовъ, а Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго Выдубецкаго монастыря, дополнилъ. Но если-бы это было такъ, то Сильвестръ непреминулъ-бы объ этомъ упомянуть. Сильвестръ окончилъ лѣтопись, какъ сказано, въ 1116 г. Черезъ два года Владиміръ Мономахъ велѣлъ его поставить епископомъ въ городъ Переяславль южный, который при наслѣдникахъ Мономаха сталъ послѣ Кіева старшимъ городомъ, отнявъ старшинство у Чернигова. Лѣтопись явно составлена подъ вліяніемъ Мономаха, о чемъ говорено уже было при разборѣ басни о призваніи трехъ братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Оно явно пристрастно къ роду Мономаха. Это и понятно;—къ вышеуказаннымъ заслугамъ Мономаха, должно прибавить, что онъ былъ сынъ византійской царевны, а простодушное духовенство того времени не отличало въ Византіи церковь отъ государства, не замѣчало стремленій византійскаго правительства, поставить русскую землю въ вассальныя отношенія къ Константинополю, чему противились князья. Въ началѣ повѣсти Временныхъ Лѣтъ разсказывается о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о потопѣ, о разселеніи племенъ. Кромѣ того вошли и апокрифическія сказанія изъ Палей, какъ напр. подробности о паденіи Сатанаила, о Каинѣ и Авелѣ, изложенныя въ тѣхъ же выраженіяхъ, по замѣчанію Порфирьева, въ какихъ разсказаны въ Палеяхъ. Разныя сказанія лѣтописецъ собиралъ отовсюду, отдѣльные эпизоды ему передавали дружинники, что ясно видно изъ разсказа объ ослѣпленіи Василька; самъ лѣтописецъ ссылается на девяностолѣтняго старца Яна, умершаго въ 1106 г. Отъ какого-то Гюрятя Роговича, новгородца, лѣтописецъ слышалъ о дикомъ народѣ Югрѣ. Тамъ и сямъ вставлены поученія; заимствованныя событія переносятся изъ одного вѣка въ другой; такъ въ разсказъ о крещеніи Владиміра вставленъ Символъ Вѣры. Рядомъ съ такимъ заимствованіемъ прямо анекдотическій отвѣтъ Владиміра магометанамъ, что онъ не принимаетъ

ихъ вѣру потому, что Руси веселіе пити. Такой сборный характеръ лѣтописи, далъ поводъ современнымъ изслѣдователямъ назвать, какъ первоначальную лѣтопись, такъ и ея продолженія — Сводами лѣтописными, или просто сводами [1]).

Къ началу XII вѣка относится и поученіе Владиміра Мономаха къ дѣтямъ. Это поученіе было результатомъ патріархальнаго обычая дѣду или отцу давать наставленіе, передъ смертію, младшимъ членамъ семьи. Мономахъ имѣлъ образцы этихъ поученій—въ поученіи дѣтямъ Ксенофонта и Өеодоры, которое помѣщено въ Святославовомъ сборникѣ 1076 г. Находятъ также, что разсказъ Мономаха о битвахъ и охотахъ напоминаетъ изображеніе подвиговъ одного изъ 12 сыновей Іакова, какъ они разсказаны въ апокриөическомъ сказаніи: «Завѣты 12 патріарховъ». Но тѣмъ не менѣе сказаніе объ охотахъ и битвахъ въ поученіи Мономаха даетъ любопытныя черты и для быта нашихъ князей и дружинъ ихъ. Дѣятельный самъ, онъ совершилъ 83 похода; въ мирное время, съ разсвѣтомъ совѣщался съ дружиною, производилъ судъ; и дѣтямъ совѣтуетъ быть дѣятельными, не давать въ обиду смерда и убогой вдовицы. Согласно съ характеромъ времени, монашескую жизнь считалъ образцовою; но дѣятельная его природа и чтеніе священнаго писанія вызвали у него самого болѣе свѣтлый, жизненный взглядъ: онъ учитъ, что милость Божія заслуживается *не черничествомъ*, *не одиночествомъ*, *не голодомъ*, какъ иные терпятъ, но дѣлами милости, правды и любви. Поученіе заканчиваетъ завѣщаніемъ дѣтямъ: любить другъ друга. «Молвитъ бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложъ есть». Такой характеръ носитъ и посланіе Мономаха къ Олегу Святославичу, написанное въ первую усобицу при Всеволодѣ.

Къ началу XII вѣка относится также «Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила». Неизвѣстно, въ какомъ монастырѣ Даніилъ былъ игуменомъ. Разсказъ его отличается наивнымъ простодушіемъ. Разсказывая о р. Іорданѣ, онъ говоритъ—Іорданъ рѣка течетъ быстро, вода мутна, но весьма сладка. Разсказываетъ, какъ при водосвятіи Духъ Св. сходитъ въ видѣ голубя, добавляетъ, что однако видятъ только праведники, а народъ не видитъ. Въ свою книгу онъ вноситъ массу апокрифическихъ сказаній, какъ напр., что крестъ,

---

[1]) Изъ списковъ этой лѣтописи, особенно замѣчательны Лаврентьевскій, названный такъ, по дьякону Лаврентію, списавшему лѣтопись въ 1377 г Первоначальная лѣтопись продолжена Лаврентьевскій списокъ Суздальскаго Извода, по нынѣшнему Суздальской редакціи. Ипатьевскій списокъ, тоже конца XIV или начала XV вѣка, названъ по Ипатьевскому монастырю, гдѣ найденъ —Этотъ списокъ Кіевскаго извода. Кромѣ того явились лѣтописи -- Новгородскія. Начало ихъ можетъ быть одновременно съ кіевскою, потомъ псковскія, тверскія, московскія.- Въ московскій періодъ лѣтопись получила прямо уже офиціальный характеръ. Изъ списковъ московскаго періода замѣчательны — Воскресенскій, Никоновскій и близкая къ нему Царственная книга.

на которомъ распятъ Христосъ, былъ водруженъ надъ камнемъ гдѣ погребена была глава Адама; когда Христосъ на крестѣ предалъ духъ свой, и разодралась церковная завѣса, и распались камни, то распался и этотъ камень и въ разсѣлину сошла вода изъ ребра Христова и омыла грѣхи Адама и всего міра. Конечно, это преданіе изъ апокрифовъ, откуда и внесено матеріальное понятіе объ искупленіи. Къ тому-же разряду апокрифическихъ сказаній относится разсказъ о пещерѣ, въ которой будто-бы Христосъ научилъ учениковъ пѣть—«Отче Нашъ иже еси на небесѣхъ и пр. и пр.». Подобныхъ разсказовъ, говоритъ Порфирьевъ, очень много. При чтеніи «Хожденія» становится понятно, отчего въ древней Руси въ народѣ ходило много апокрифическихъ сказаній (И. Р. Сл. ч. 1, стр. 390).

По смерти Владиміра Всеволодовича, Мономаха, старшимъ въ родѣ оставался одинъ изъ Святославичей, Ярославъ; но какъ могъ этотъ князь, слабый отъ природы, подумать о возвращеніи права своего отца, когда за это право не осмѣлился начать борьбу и отважный братъ его, Олегъ Святославичъ? Передъ Ярославомъ стоялъ грозный Мстиславъ, побѣдитель Олега. Могъ-ли онъ теперь напомнить князьямъ и дружинамъ забытыя событія, напомнить, что Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ княземъ Святославомъ но и дѣдомъ Мстислава? Мономахъ, въ дѣлахъ, касавшихся усиленія рода его, не прибѣгалъ къ насилію, но велъ ихъ такъ, что достигалъ возвышенія своей линіи безъ кровопролитія. Сидя въ Переяславлѣ, онъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что вопреки обычаю, его сынъ оставленъ былъ, вѣроятно на время, въ Новгородѣ; а когда Святополкъ захотѣлъ, сына своего перевести въ Новгородъ, оказалось поздно. Мономахъ былъ друженъ съ Святополкомъ и съ родомъ его. Когда Мономахъ сѣлъ въ Кіевѣ, Олегъ, зная его родство и дружбу съ Ярославомъ Святополковичемъ, не смѣлъ протестовать а когда Ярославъ Святополковичъ погибъ, было уже поздно. А для Ярослава Святославича возставать противъ Мономаха было еще позднѣе, тѣмъ болѣе, что онъ не смогъ удержать старшинство, въ своей линіи, и долженъ былъ выдержать борьбу съ племянникомъ, которой начинается княженіе Мстислава.

Мстиставъ Владиміровичъ Великій (1125—1132), лѣтописецъ говоритъ, что онъ унаслѣдовалъ *потъ отца своего*, Мономаха. Это образное выраженіе показываетъ, что онъ наслѣдовалъ труды отца, былъ продолжателемъ его дѣлъ, особенно главнаго. Главное-же дѣло въ тѣ времена состояло въ борьбѣ со степными варварами, и Мстиславъ выполнилъ его вполнѣ, прогнавъ варваровъ не только за Донъ, но и за Волгу. Среди Мономаховичей царило полное согласіе, братья и сыновья безпрекословно повиновались Мстиславу и силы ихъ были грозны. Его братъ, Ярополкъ, изъ Переяславля наблюдалъ за степными варварами, на Половцевъ онъ наводилъ страхъ; другой

братъ, Вячеславъ, сидѣлъ въ Туровѣ, Юрій въ Ростовской области, Андрей на Волыни. Старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ сидѣлъ въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ его другой сынъ, Ростиславъ. Но былъ сынъ старше Ростислава, самый даровитый изъ Мстиславичей, Изяславъ, его пока отецъ оставилъ при себѣ. Въ то же время среди Святославичей обнаружился раздоръ, среди нихъ въ первый разъ открыто нарушены были права дядей. Всеволодъ Олеговичъ, женатый на дочери Мстислава, врасплохъ напалъ на дядю своего, Ярослава Святославича, перебилъ его дружину и выгналъ изъ Чернигова. Дядя принесъ жалобу Мстиславу, который грозилъ наказать нарушителя порядка; но Всеволодъ провелъ все лѣто въ переговорахъ, и бояре Кіевскіе, имъ подкупленные, вмѣстѣ съ его женою хлопотали за него у тестя. Мстиславъ нашелъ выходъ—онъ созвалъ соборъ изъ кіевскихъ священниковъ, на соборѣ предсѣдательствовалъ Гавріилъ, игуменъ Андреевскаго монастыря, любимецъ Мономаха. Митрополита тогда не было. Соборъ былъ противъ кровопролитія. Но такъ какъ Мстиславъ далъ клятву наказать Всеволода, то Соборъ освободилъ Мстислава отъ клятвы. Ярославъ удалился въ Муромъ. Курскъ и Посемье, земли по р. Семи (Сейму), перешли въ родъ Мономаха, отданы были Изяславу Мстиславичу. Наложивъ руку на земли Святославичей, Мстиславъ послалъ братьевъ и сыновей противъ Полоцкихъ князей, за опустошеніе Новгородскихъ земель. Мстиславъ еще болѣе укрѣпилъ нетолько связь Новгорода съ Кіевомъ, но и связь своей семьи съ Новгородомъ. По второму браку, онъ женился на новгородской боярышнѣ, его примѣру послѣдовалъ и его сынъ Всеволодъ, также взявшій за себя дочь новгородскаго боярина. Кривскіе князья, какъ Ярославичи называли полоцкихъ князей, не могли устоять противъ Мономаховичей. Ихъ всѣхъ захватили въ плѣнъ: Давида, Ростислава, Святослава Всеславичей и племянниковъ ихъ Роговолодовичей. Мстиславъ отослалъ ихъ въ Грецію къ своему родственнику, къ императору Іоанну Комнену. По городамъ Мстиславъ поставилъ посадниковъ, но потомъ въ Полоцкъ, изъ Курска, переведенъ былъ Изяславъ Мстиславичъ.

По смерти Мстислава В., на Кіевскій столъ сѣлъ старшій по немъ братъ Ярополкъ (1132—1139). Въ его княженіе произошелъ, давно ожидаемый Ольговичами, разладъ въ семьѣ Мономаховичей. Разладъ начался изъ-за Переяславскаго княжества между дядями и племянниками. «Переяславль, говоритъ Соловьевъ, былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха и, по выдѣленіи Чернигова въ особую волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій столъ». (Соловьева И. Р. т. 2, стр. 95, изд. 4-е). Ярополкъ наслѣдовалъ отъ отца военныя доблести; но не наслѣдовалъ того искусства, съ которымъ отецъ умѣлъ дожидаться, чтобы обстоятельства чрезъ дру-

гихъ приготовили выгодную для него отмѣну того, или другаго стараго обычая. Ярополкъ слишкомъ ясно показалъ свое предпочтеніе племянниковъ, сыновей Мстислава, своимъ младшимъ братьямъ — Вячеславу Туровскому, человѣку крайне неспособному, Юрію Ростовскому и Андрею Волынскому. Ярополкъ посадилъ въ Переяславлѣ племянника своего, Всеволода, призвавъ его изъ Новгорода. Младшіе дяди Всеволода, Юрій Ростовскій, прозванный Долгорукимъ и Андрей Волынскій, вспомнили печальную судьбу Ярослава Святославича Черниговскаго, изгнаннаго Всеволодомъ Ольговичемъ, и начали борьбу съ братомъ. На сторону Ярополка сталъ Всеволодъ Ольговичъ. Усобицы продолжались до конца княженія Ярополка, вполнѣ выказавъ его политическую неспособность и безхарактерность; онъ, изгнавши Юрія Ростовскаго изъ Переяславля, неизвѣстно почему, не оставилъ тамъ Всеволода, а передалъ Переяславль второму племяннику, Изяславу, вызвавъ его изъ Полоцка; потомъ отмѣнилъ это рѣшеніе и посадилъ въ Переяславлѣ неспособнаго брата своего, Вячеслава Туровскаго. Храбрый съ Половцами, Ярополкъ, въ борьбѣ семейной, запутался. Переяславль снова отошелъ къ Юрію Ростовскому, потомъ Ярополкъ посадилъ въ Переяславлѣ младшаго брата, Андрея Волынскаго. Начавъ борьбу изъ-за племянниковъ, Ярополкъ кончилъ тѣмъ, что ихъ вооружилъ противъ себя. Они сблизились съ Ольговичами.

Вся эта путаница уронила значеніе Кіева и черезъ тридцать лѣтъ по смерти Ярополка это значеніе совсѣмъ сокрушилось.

Ближайшими слѣдствіями усобицъ были: потеря Мономаховичами Курска и Посемья; потеря Полоцкаго княжества, въ которое полоцкіе князья возвратились изъ Греціи. Новгородъ почти совсѣмъ освободился отъ вліянія Кіева; во Псковѣ явился отдѣльный князь, чего Псковичи давно добивались. Почти тогда-же начали жить особою политическою жизнію на с. в. земли Суздальская и Рязанская; на ю. з., по смерти Василько и Володаря сынъ послѣдняго, Владимірко, перенесъ столицу свою въ Галичъ на Днѣстрѣ, и Червонная Русь стала называться Галицкимъ княжествомъ; она обособилась при преемникѣ Ярополка.

Раздоръ среди Мономаховичей далъ возможность Всеволоду Ольговичу занять Кіевскій столъ, хотя его отецъ не былъ великимъ княземъ — однако болѣе всего помогало ему родство съ Мстиславичами, которымъ онъ приходился шуриномъ. Чтобы досадить дядямъ, Мстиславичи приняли сторону шурина. Всеволодъ Ольговичъ до конца своей жизни, до 1146 г., удержался въ Кіевѣ. Онъ обѣщалъ послѣ себя передать Кіевскій столъ отважнѣйшему изъ братьевъ жены своей, Изяславу Мстиславичу; но не сдержалъ слова и передалъ Кіевъ своему брату, Игорю Ольговичу. На эту передачу согласились князья, притворно согласился и Изяславъ Мстиславичъ,

у котораго была сильная сторона среди Кіевлянъ. Лѣтописецъ прямо говоритъ, что Кіевляне обманывали Игоря.

Непрочность мимолетнаго возвышенія Ольговичей обнаружилась быстрымъ паденіемъ Игоря. Игорь Ольговичъ и братъ его Святославъ Ольговичъ взяли съ Кіевлянъ присягу, но вмѣстѣ съ присягою Кіевляне заявили жалобы на тіуновъ и мечниковъ Всеволода, изъ первыхъ указывали на Ратшу и Тудара. Братья дали клятву судить справедливо. Но это не помогло. Кіевляне уже успѣли сослаться съ Изяславомъ Мстиславичемъ, котораго кромѣ Кіевлянъ пригласили и Черные Клобуки съ жителями Поросья (по р. Роси). Послы говорили ему — ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ, *не хотимъ переходить точно по наслѣдству*. Изъ этихъ словъ выводится, что Кіевляне не были знакомы съ понятіемъ о наслѣдственности въ одной линіи. Намъ же кажется, что Кіевляне отличали понятіе о частномъ наслѣдствѣ, отъ порядка чередованія князей на княжествахъ. Еще вѣроятнѣе, что слова, «не хотимъ переходить точно по наслѣдству» говорятъ дружинники, считавшіе себя въ правѣ, служить кому угодно. Горожане и въ Кіевѣ, и въ Курскѣ говорили дружинѣ: не поднимемъ руки на племя Мономаха, когда Изяславъ пригласилъ ихъ противъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ отвѣчалъ: «Братья! Всеволода я по правдѣ считалъ братомъ старшимъ, ибо старшій братъ и зять мнѣ, какъ отецъ: а съ этимъ, какъ Богъ нами управитъ, либо голову сложу передъ вами, либо достану столъ отцовскій и дѣдовскій». Изяславъ могъ говорить такъ: за него стояли Кіевскіе бояре, служившіе Всеволоду. Игорь же тщетно заискивалъ ихъ расположенія. Понятно поэтому, что Игорь былъ разбитъ въ первомъ сраженіи, взятъ въ плѣнъ и засаженъ въ монастырь. Въ начавшейся войнѣ Изяславъ Мстиславичъ нашелъ союзниковъ въ черниговскихъ князьяхъ, Давидовичахъ, двоюродныхъ братьяхъ Ольговичей, сыновьяхъ Давида Святославича, а Ольговичи въ Юріи Владиміровичѣ Ростовскомъ, въ дядѣ Изяслава Мстиславича. Союзъ Юрія съ Ольговичами заключенъ былъ въ 1147 г., въ неизвѣстномъ дотолѣ городкѣ, въ Москвѣ, который по сему случаю впервые упоминается въ лѣтописяхъ. Когда Изяславъ Мстиславичъ сталъ брать окончательно перевѣсъ надъ Ольговичами, а Юрій имъ помочь не могъ, ибо на суздальскія земли напалъ князь Рязанскій, союзникъ Изяслава, тогда Давидовичи задумали примириться съ Ольговичами, и захватить въ свои руки самого Изяслава Мстиславича. Узнавши объ этомъ, Изяславъ призвалъ къ оружію Кіевлянъ. Кіевлянами овладѣлъ воинскій энтузіазмъ и въ тоже время проявилась ненависть къ Ольговичамъ. Уже при первомъ вступленіи въ Кіевъ Изяслава Мстиславича, Кіевляне перебили большую часть дружины Всеволода Ольговича. Теперь ненависть къ Ольговичамъ дошла до высшей степени: народъ бросился къ монастырю, гдѣ заключенъ былъ Игорь и, дабы не выпустили его какъ выпустили Всеслава при

Изяславѣ Ярославичѣ, кричалъ, надобно убить Игоря. Лѣтописецъ говоритъ, что братъ Изяслава, Владиміръ, тщетно уговаривалъ толпу успокоиться; безпорядочныя толпы овладѣли Игоремъ и умертвили его. Безъ сомнѣнія, и эта смерть была не безъ подстрекательства дружинниковъ, сторонниковъ Изяслава, которые могли бояться, что приверженцы Игоря выкрадутъ его изъ монастыря. Слова, которыя приписываютъ Кіевлянамъ, «мы вѣдаемъ, оже не кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ ни вамъ, ни намъ колибо», вѣроятны, ибо народъ, грабившій и убивавшій Черниговскихъ дружинниковъ, имѣлъ основаніе также бояться возвращенія Ольговичей, какъ и Кіевская дружина, предавшая Игоря.

Эта смерть конечно не могла прекратить борьбы дяди съ племянникомъ, Юрія Ростовскаго съ Изяславомъ. Изяславъ Мстиславичъ сознавалъ личныя свои силы, лѣтопись приводитъ его любимую поговорку: «Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту». Это былъ князь мужественный, лично отважный и искусный полководецъ, твердый, никогда не падавшій духомъ, умѣвшій поговорить съ народомъ. Явился онъ въ Новгородѣ, побывалъ на вѣчѣ и сразу завоевалъ симпатію Новгородцевъ. Во время пребыванія въ Новгородѣ Изяславъ задалъ пиръ на весь міръ, и бирючи (герольды) ходили по городу и приглашали народъ на Городище отобѣдать съ Великимъ Княземъ.

Борьба Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Владиміровичемъ возобновлялась нѣсколько разъ. Въ первый разъ Изяславъ въ 1149 г. разбитъ былъ при Переяславлѣ, Юрій занялъ Кіевъ, но не удержался и уступилъ Кіевъ старшему брату Вячеславу. Но и этотъ сидѣлъ въ Кіевѣ недолго, онъ былъ изгнанъ Изяславомъ. Во второй разъ Изяславъ снова потерпѣлъ пораженіе, но и Юрій въ 1151 г. еще разъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева. Третья усобица была самая замѣчательная. Изяславъ и Юрій сразились на р. Днѣпрѣ; первый особенно искусно устроилъ свой рѣчной флотъ: его ладьи, прикрытыя сверху, двигались взадъ и впередъ, не поворачиваясь. Здѣсь Юрій былъ разбитъ. Изяславъ довершилъ свою побѣду на берегахъ р. Рутъ.

Во время этой борьбы Юрію помогалъ Владимірко Галицкій, а Изяславу зять его Гейза, король Угорскій. Изяславъ и Гейза, въ 1152 г. нанесли на берегахъ р. Сана сильное пораженіе союзнику Юрія. Однако Юрій, въ 1154 г. готовился снова начать войну, несмотря на то, что съ 1151 г. Изяславъ призвалъ къ себѣ, прежде имъ же выгнаннаго старшаго дядю, Вячеслава, и его именемъ прикрывалъ свою власть. Смерть Изяслава отвратила усобицу.

Юрій, требовавшій нѣсколько разъ, чтобы Вячеславъ оставался въ Кіевѣ, но чтобы выгналъ племянника, не смѣлъ безъ повода начинать борьбу за Кіевъ съ Вячеславомъ. Но слабый Вячеславъ не имѣлъ силы держатся въ Кіевѣ, онъ призвалъ изъ Смоленска вто-

рого своего племянника, Ростислава. Однако ихъ обоихъ изгналъ изъ Кіева Изяславъ Давидовичъ, который и занялъ Кіевскій столъ въ томъ же 1154 г. Но сидѣлъ недолго и по первому требованію Юрія Ростовскаго очистилъ Кіевъ.

Юрій Владиміровичъ Ростовскій, по прозванію Долгорукій, княжилъ въ Кіевѣ съ 1154 по 1157 г., по годъ его смерти. Его дѣятельность, какъ увидимъ ниже, имѣетъ особенное значеніе для Суздальскаго края.

По смерти Юрія Владиміровича Кіевляне снова призвали Изяслава Давидовича, который въ 1159 г. изгнанъ былъ Мстиславомъ Изяславичемъ въ союзѣ съ Ярославомъ Остомысломъ Галицкимъ; тогда Изяславъ Давидовичъ вступилъ въ союзъ съ Андреемъ Суздальскимъ, сыномъ Долгорукаго. Въ 1161 г. еще разъ Изяславъ Давидовичъ занялъ Кіевъ.

Эти усобицы, среди которыхъ гибли населенія цѣлыхъ волостей со всѣмъ ихъ благосостояніемъ, обезсиливали русскую землю и въ будущемъ готовили еще большія бѣдствія. Въ дикихъ усобицахъ своихъ князья не ограничивались битвами дружинъ, они мстили достоянію своихъ враговъ. Такъ, во время союза Давидовичей съ Изяславомъ, они не могли взять Новгорода-Сѣверска и съ досады ограбили села, въ которыхъ были склады Ольговичей. На р. Рахнѣ они захватили 1000 жеребцовъ и три тысячи кобылъ, а хлѣбъ и жилища пожгли; въ другихъ мѣстахъ забирали медъ, вино, всякаго рода утварь, а жилища опять сожигали. Но этого мало, князья не щадили и самыхъ церквей. Въ Путивлѣ изъ церкви Вознесенія захватили серебряные сосуды, кадильницы, шитые золотомъ покровы. евангеліе въ кованомъ переплетѣ, богослужебныя книги и даже колокола.

Замѣтимъ еще одно явленіе во время этихъ усобицъ. Лѣтописи, въ первый разъ упоминаютъ о вольныхъ русскихъ дружинахъ, подъ именемъ Бродниковъ, которые на этотъ разъ служили русскимъ князьямъ. Справедливо замѣчено, что Бродники—предшественники казацкихъ дружинъ. Въ то время, когда въ степяхъ Черниговскихъ явились Бродники, на юго-западѣ явились такія-же дружины—Берладники, названныя такъ по городку Берладу, гдѣ находили пріютъ всякаго званія безпріютники, начиная съ князей. Одинъ изъ Галицкихъ князей, бѣжавшій отъ усобицъ въ Берладъ, получилъ спеціально имя Берладникъ.

Этотъ Берладникъ—Иванъ, двоюродный братъ Галицкаго князя Ярослава, былъ союзникомъ Изяслава Мстиславича. По смерти Изяслава, Иванъ Берладникъ ушелъ въ Грецію, гдѣ говорятъ, умеръ отъ отравы. Этому извѣстію можно дать вѣру, потому что незадолго до этого Берладники, товарищи Ивана, грабившіе на сушѣ и на морѣ, ограбили городъ Олешье, складочное мѣсто товаровъ, которые Днѣпромъ шли въ Грецію и изъ Греціи. Тогда, послѣ изгна-

нія Изяслава Давидовича, на Кіевскомъ столѣ сидѣлъ Ростиславъ Мстиславичъ. Онъ послалъ противъ Берладниковъ судовую рать, подъ начальствомъ боярина, Юрія Нестеровича, который догналъ Берладниковъ и отнялъ у нихъ награбленное. Русскіе купцы, ходившіе за товарами въ Византію, назывались *гречниками*, а которые ходили въ Приазовскій край и въ Тавриду назывались *залозниками*. Товары туда и оттуда возили до пороговъ, гдѣ перегружались и шли сухимъ путемъ мимо пороговъ. Усобицы князей дали возможность Половцамъ наносить сильный вредъ русской торговлѣ, ибо они грабили гречниковъ и залозниковъ. Великій Князь Ростиславъ въ 1167 г. посылалъ дружину для огражденія гречниковъ и залозниковъ, а въ слѣдующемъ 1168 г., для той же цѣли выступило ополченіе князей.

Вообще же въ теченіи шести лѣтъ, по смерти Изяслава Давыдовича, когда княжилъ Ростиславъ, старшій въ родѣ Мономаховичей, все было тихо и покойно,

По смерти Ростаслава 1168 г. оказались уже послѣдствія борьбы дядей съ племянниками, разшаталось единство княжескаго рода по линіямъ. Старшая линія Мономаховичей признавала старшимъ въ родѣ Мстислава Изяславича, младшая линія Мономаховичей—Андрея Юрьевича Суздальскаго, который былъ старше Изяслава; но тутъ приходилось считаться съ народнымъ мнѣніемъ Кіевлянъ, которые, не имѣя законнаго органа для выраженія своихъ мнѣній, выражали ихъ, по смерти нелюбимыхъ князей, мятежами и местью надъ дружинами князей. Когда въ 1157 г. скончался Юрій Долгорукій, народъ бросился избивать суздальскихъ бояръ, грабить ихъ имущество; не пощадили и княжескаго загороднаго двора, названнаго Долгорукимъ, «Раемъ». По обыкновенію народъ и любовь и ненависть свою перенесъ съ отцевъ на сыновей ихъ. Въ Кіевѣ любили Изяслава и эту любовь перенесли на сына его Мстислава; Юрія не любили, не любили и Андрея Суздальскаго. У Ольговичей старшимъ въ родѣ считался Святославъ Всеволодовичъ, сынъ Великаго Князя Всеволода Ольговича. Такимъ образомъ у каждой линіи былъ свой кандидатъ на старшинство. Но былъ еще живъ младшій сынъ Мстислава Великаго отъ второй его жены, Новгородской боярыни, Владиміръ Мстиславичъ. Но тутъ въ родовыхъ отношеніяхъ князей, передъ нами открывается слѣдующее явленіе, обыкновенное при раннихъ бракахъ: младшіе дяди бывали часто моложе своихъ племянниковъ, такъ и тутъ Владиміръ былъ моложе Мстислава Изяславича. Какъ дядя, онъ предъявлялъ притязаніе на старшинство, будучи годами моложе племянника. Сначала Владиміръ Мстиславичъ вмѣстѣ съ другими князьями, съ Черными Клобуками (потомками Торковъ, Берендѣевъ и даже Печенѣговъ) призвалъ Мстислава Изяславича княжить въ Кіевѣ, а потомъ сталъ составлять противъ него заговоръ, вошелъ въ сношеніе съ нѣкоторыми князьями

и Черными Клобуками. Но тутъ вполнѣ обнаружилось самостоятельное значеніе дружины, когда, уговорившись съ Черными Клобуками, Владиміръ Мстиславичъ сталъ готовиться къ походу противъ Мстислава Изяславича и сказалъ объ этомъ своимъ боярамъ, то послѣдніе дали отвѣтъ, который ярко освѣщаетъ тогдашнія отношенія. «Ты князь задумалъ это дѣло самъ собою, мы ничего не знали, не идемъ за тобою». Владиміръ Мстиславичъ бѣжалъ въ суздальскую землю къ своему двоюродному брату. Мстиславъ Изяславичъ занялъ Кіевъ и началъ княженіе свое блистательнымъ походомъ на Половцевъ. Но противъ него поднялась гроза на сѣверѣ; князь Суздальскій Андрей, собравшись съ силами, предъявилъ свои неоспоримыя права на старшинство. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы Мстиславъ, который подобно отцу, признавалъ одинъ принципъ, не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту, чтобы онъ уступилъ Суздальскому князю Кіевъ безъ сопротивленія. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, воспользовавшись раздоромъ Мстислава съ южными князьями, двинулъ противъ него, кромѣ своихъ ростовскихъ, владимірскихъ, суздальскихъ дружинъ, 11 князей, изъ которыхъ 8 пришли съ южными дружинами. Не пошелъ только Михаилъ, родной братъ Боголюбскаго да Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, что не помѣшало идти всѣмъ остальнымъ Ольговичамъ.

Въ Вышгородѣ сошлись враги Мстислава, отсюда выступили вкупѣ, обложили Кіевъ и взяли его штурмомъ или, какъ тогда говорили, на щитъ. Читатель уже знаетъ какая бѣда постигала города, взятые на щитъ, какъ напр., Минскъ, въ которомъ Мономахъ не оставилъ ни челядина. ни скотины, по его собственнымъ словамъ. Еще большая бѣда угрожала Кіеву, къ жителямъ котораго дружины, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ князей, питали сильное озлобленіе. Могли-ли дружины Ольговичей забыть судьбу Игоря Ольговича и его дружинъ? Могли-ли суздальскія дружинники забыть избіеніе ихъ братій въ 1157 году? Городъ взятъ былъ 8 марта и отданъ на разграбленіе. Грабежъ продолжался цѣлыхъ два дня. Лѣтописецъ говоритъ, что никому не давали пощады, однихъ убивали, другихъ вязали, женъ уводили въ плѣнъ, разлучая съ мужьями, младенцы рыдаху, зряще матерей своихъ уводимыхъ въ плѣнъ.

Покойнымъ нашимъ историкомъ, Н. И. Костомаровымъ, высказана была мысль, многими схваченная безъ всякой повѣрки, что раззореніе Кіева, въ 1169 г. было результатомъ вражды сѣвернаго населенія къ южному. Но эта этнографическая теорія вражды не выдерживаетъ критики. Такая теорія прямо противорѣчитъ лѣтописи, которая говоритъ, что грабили Смоляне и Суздальцы, Черниговцы и Ольгова дружина, не различая сѣверныхъ и южныхъ дружинъ. Выше мы указали, какой перевѣсъ въ числѣ южныхъ князей передъ сѣверными былъ въ ополченіи, которое подъ Кіевъ привелъ Мстиславъ Андреевичъ. Къ этому еще должно

прибавить, что Смолянъ Приднѣпровья, едва-ли не слѣдуетъ причислять, по ихъ близкой связи съ Кіевомъ къ южанамъ, и едва-ли ихъ можно ставить въ рядъ съ Суздальцами и Ростовцами.

Такимъ образомъ эти соображенія, основанныя на фактахъ и ненависть дружинъ къ Кіевлянамъ, точно также, какъ судьба всѣхъ городовъ, взятыхъ на щитъ, объясняютъ и безъ теоріи этнографической ненависти, трагическую участь Кіева въ 1169 г. Напомнимъ для соображенія читателя, какъ за 100 лѣтъ до раззоренія Кіева войсками Боголюбскаго, именно въ 1069 г., свирѣпствовали надъ Кіевлянами Мстиславъ Изяславичъ, внукъ Ярослава, и его дружины.

Мстиславъ Андреевичъ, вождь соединенныхъ дружинъ, возвратился, по выраженію Ипатьевскаго списка лѣтописи, съ великою честію и славою. Но далеко не всѣ раздѣляли такой взглядъ на роковое событіе 1169 г., въ нѣкоторыхъ спискахъ стоятъ слова «и возвратился съ проклятіемъ». На всѣхъ людяхъ тогда былъ стонъ, тоска и плачъ неутѣшный. Церкви, по обычаю, были пограблены, а союзники южныхъ князей—Половцы, сожгли было и печерскій монастырь.

ГЛАВА III.

По взятіи Кіева Андрей Юрьевичъ Боголюбскій не остался на югѣ, не взялъ себѣ Кіева, который отдалъ брату своему Глѣбу Переяславскому, а самъ удалился опять на сѣверъ. Этотъ поступокъ Андрея, говоритъ Соловьевъ, былъ событіемъ чрезвычайной важности, событіемъ поворотнымъ, отъ котораго исторія приняла *иной ходъ*, съ котораго начинается на «Руси новый порядокъ вещей» (И. Р. Т. 2. стр. 235, изд. 4). Историкъ выражается осторожно, онъ не говоритъ, что отсюда начался новый порядокъ, а только начинается, и этотъ новый порядокъ сначала едва замѣтенъ. Сильнѣйшій князь русской земли пренебрегаетъ Кіевомъ, про который говорили, что *здѣсь* вся честь, вся слава и величіе, глава всѣмъ русскимъ землямъ; туда отъ дальнихъ странъ стекались всякіе люди и товары, отъ всѣхъ странъ собирается всякое добро. И вотъ такой городъ мѣняется на мало вѣдомый кому Владиміръ-на-Клязьмѣ. Андрей и его преемники не будутъ уже мѣнять Владимірско-Суздальскаго княжества, напротивъ, они будутъ усиливать его; тогда зародились, вмѣсто родовыхъ, территоріальныя отношенія, которыя выясняются въ концѣ XIII в., когда впервые появляется и слово удѣлъ, названіе территоріи, переходящей наслѣдственно въ той или другой линіи.

Территоріальный вопросъ въ Кіевскомъ періодѣ не игралъ такой роли, какъ въ послѣдующемъ.

Изяславъ Мстиславичъ въ жизнь свою перемѣнилъ шесть волостей—какая ему была нужда усиливать которую-либо изъ этихъ волостей? Всѣ его стремленія клонились къ тому, чтобы быть старшимъ и сидѣть въ Кіевѣ. Или какая надобность была князю Новгородъ-Сѣверскому заботиться объ увеличеніи своей волости, зная, что по смерти дяди онъ перейдетъ въ Черниговъ, а прежнюю волость уступитъ двоюродному брату, сыну прежняго князя Черниговскаго. (Тамъ-же). Родовыя отношенія продолжали жить еще на югѣ; но на сѣверѣ онѣ были ослаблены сначала, а потомъ вы-

тѣснены территоріальными. Значеніе князя на югѣ, подъ конецъ Кіевскаго періода, опредѣлялось числомъ и силою князей его линіи, которые его поддерживали; на сѣверѣ съ самаго начала все зависѣло отъ силы княжества. И здѣсь является старшій столъ, Владимірскій, и за него идетъ борьба; но князь, получившій владимірскій столъ, не оставляетъ своего удѣла; напротивъ, пользуясь положеніемъ в. князя, усиливаетъ его. Усиленію значенія и власти сѣверныхъ князей весьма много помогла борьба старыхъ вѣчевыхъ городовъ съ ихъ пригородами.

Туземное населеніе Ростовско-Суздальской земли было финское. Ее населяло племя Меря, ближайшее къ Мордвѣ. Часть племени Меря была конечно истреблена славянскими колонистами, изъ позднѣйшихъ извѣстій мы знаемъ, какъ велись войны съ инородцами—мужчинъ побивали, женъ и дѣтей брали въ плѣнъ. Дѣти, рожденныя отъ иноплеменницъ, усиливали въ краѣ славянскій элементъ, успѣвшіе бѣжать, бѣжали въ лѣса и сливались съ ближайшими своими родичами, Мордвою. Русская колонизація въ этотъ край шла съ с.-з. и запада, отъ новгородскихъ и смоленскихъ кривичей, съ юга изъ земли Вятичей. Кажется, въ этой колонизаціи нужно отличать: древнѣйшую эпоху, до княжескую, чисто народную, и собственно княжескую. Самымъ древнимъ русско-славянскимъ поселеніемъ былъ Ростовъ Великій. Изъ городовъ, построенныхъ князьями, замѣчательны: Ярославль, построенный Ярославомъ Владиміровичемъ; Владиміръ-на-Клязьмѣ — Владиміромъ Мономахомъ. Болѣе всего построено городовъ въ Суздальской землѣ Юріемъ Долгорукимъ. Ему приписываютъ построеніе: Москвы, Дмитрова, Костромы, Галича, называемаго Мерянскимъ, въ отличіе отъ Галича на р. Днѣстрѣ, Стародуба. Названія нѣкоторыхъ городовъ—Галичъ, Переяславль, Звенигородъ; рѣкъ: Трубежа, притоковъ Клязьмы—Ирпени съ притокомъ Почайной и Лыбеди, свидѣтельствуютъ, что князья и дружинники любили переносить на новыя мѣста старыя названія, чего не дѣлалось въ колонизаціяхъ чисто народныхъ.

Отношеніе старыхъ вѣчевыхъ городовъ къ пригородамъ и къ новымъ княжескимъ городамъ, въ лѣтописи обозначено ясно: «Новгородцы бо изначала и Смолняне и Кіяне и Полочане и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся и на что-же старѣйшіи сдумаютъ на томъ-же пригороды станутъ». Т. е., что на вѣчахъ старыхъ городовъ положено, то пригороды должны были исполнять. Вѣча старыхъ городовъ высшая политическая власть, распространявшаяся на цѣлыя волости. Должно замѣтить, что волость терминъ политическій, а земля—географическій. Напр. Новгородская земля, территорія, населенная новгородскими кривичами, а волость новгородская—территорія, подчиненная Новгороду, новгородскому вѣчу. Были вѣча и въ пригородахъ и въ княжескихъ городахъ, но ихъ власть за ограду городскую не выходила.

Этотъ порядокъ дѣлъ задумалъ измѣнить Андрей Юрьевичъ. Покоривъ Кіевъ, онъ захотѣлъ подчинить и Новгородъ, самаго сильнаго представителя вѣчевыхъ порядковъ. Новгородцы тогда пригласили къ себѣ въ князья Романа, сына Мстислава Изяславича. Раздосадованный этимъ приглашеніемъ, Андрей двинулъ свою рать на Новгородъ. Но здѣсь князь Романъ и посадникъ Якунъ нанесли жестокое пораженіе Суздальцамъ; плѣнныхъ было такое множество, что пару Суздальцевъ продавали по ногатѣ. Однако, несмотря на на побѣду, Новгородъ долженъ былъ смириться передъ Андреемъ, когда послѣдній прекратилъ подвозъ хлѣба. Съ этихъ поръ прекращеніе *подвоза хлѣба* было самымъ сильнымъ оружіемъ въ рукахъ суздальскихъ князей противъ Новгорода.

На югѣ смуты не прекращались; Мстиславъ Изяславичъ старался возвратить себѣ Кіевъ и выгнать Глѣба Юрьевича; но вскорѣ оба умерли. Андрей посадилъ въ Кіевъ старшаго смоленскаго Ростиславича, Романа, брата его Давида въ Вышгородѣ, а другаго брата Мстислава въ Бѣлгородѣ. Вскорѣ до Андрея дошелъ слухъ, что его братъ, Глѣбъ, былъ отравленъ и указывали даже на бояръ, которые его отравили. Андрей потребовалъ выдачи ихъ. Ростиславичи отказали; тогда Андрей приказалъ имъ выѣхать изъ Русской земли. Давидъ и Мстиславъ не послушались. Андрей прислалъ посла съ надменнымъ приказаніемъ Давиду и Мстиславу убираться изъ Русской земли. Въ отвѣтъ на это приказаніе, Мстиславъ Ростиславичъ, Храбрый по прозванію, приказалъ схватить Андреева посла и остричь ему бороду и голову. Отправляя обратно посла въ Суздаль, Мстиславъ велѣлъ сказать Андрею: «Мы тебя чтили какъ отца, но ты поступаешь съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками, такъ Богъ насъ разсудитъ». Андрей снова послалъ сильную рать къ Кіеву. Кіевъ былъ оставленъ Ростиславичами. Они заперлись въ Бѣлгородѣ и Вышгородѣ. Мстиславъ Храбрый отчаянно защищалъ этотъ городъ и нанесъ жестокое пораженіе Андреевой рати.

Это пораженіе значительно уменьшило результаты побѣды 1169 г. Андрей готовился возобновить походъ; но въ Кіевъ вдругъ пришло извѣстіе о насильственной смерти его 29 іюня 1175 г., онъ былъ убитъ собственными слугами.

Андрей явно стремился князей обратить въ подручниковъ, въ городахъ подавить ввечевые порядки, гдѣ они уцѣлѣли, а дружинниковъ свести въ рядъ простыхъ слугъ. Онъ началъ дѣло, которое тянулось до конца XVI в. и даже далѣе. Онъ не держалъ при себѣ старшихъ дружинниковъ, бояръ, которые привыкли говорить, «ты князь одинъ задумалъ это дѣло, мы за тобой нейдемъ». Онъ окружилъ себя дворомъ и дворовою стражею. Старшими въ этой новой дружинѣ были родственники Андрея, Кучковичи. Обращеніе Андрея съ окружающими было сурово, даже жестоко. Жестокій отъ природы, онъ сдѣлался еще

болѣе жестокъ въ старости. Сынъ половецкой княжны, онъ окружилъ себя выходцами съ Кавказа; отъ руки одного изъ нихъ онъ и погибъ.

Въ Андреѣ рано проявилось предпочтенiе къ сѣверу. Юрiй Долгорукiй, надѣясь видѣть въ немъ преемника своего на кiевскомъ столѣ, посадилъ его въ Вышгородѣ, откуда Андрей бѣжалъ на сѣверъ еще при жизни отца своего, въ 1155 г. Это бѣгство впослѣдствiи было украшено религiозными легендами, о похищенiи имъ изъ Вышгорода иконы Богородицы, писанной по преданiю Евангелистомъ Лукою. Легенда, сложившаяся впослѣдствiи, повѣствуетъ, что Андрей хотѣлъ помѣстить икону въ Ростовѣ, но вслѣдствiе видѣнiя, долженъ былъ помѣстить во Владимiрѣ, что придало особое значенiе этому городу. Впослѣдствiи, чтобы поднять политическое значенiе Москвы, она была перенесена въ этотъ городъ. На мѣстѣ видѣнiя возникъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Владимiра, городъ Боголюбовъ, гдѣ Андрей большею частiю и жилъ. Здѣсь онъ построилъ церковь Рождества Богородицы, а во Владимiрѣ на Клязьмѣ—Успенiя Богородицы.

Изъ политической дѣятельности Андрея, непосредственно касавшейся суздальской земли, замѣчательны два похода на Камскихъ Болгаръ; но оба оставшiеся безъ результата.

При Андреѣ Боголюбскомъ не было старшихъ бояръ, но бояре старыхъ городовъ суздальской земли, равно какъ и самые города, особенно Ростовъ Великiй, не оказывали сожалѣнiя о несчастной кончинѣ Боголюбскаго. Напротивъ, жители Владимiра-на-Клязьмѣ искренно оплакивали его смерть, ибо они опасалась, потерять свою городскую независимость и снова подпасть подъ власть ростовскихъ посадниковъ.

Вслѣдствiе такого положенiя дѣлъ, старые города суздальской земли стали во враждебныя отношенiя къ Владимiру-на-Клязьмѣ и, зная, что братья Боголюбскаго—Михаилъ и Всеволодъ Юрьевичи точно также утвердятъ свое мѣстопребыванiе во Владимiрѣ, вызвали къ себѣ ихъ племянниковъ, суздальскихъ Ростиславичей, сыновей Ростислава Юрьевича, умершаго при жизни отца. Споръ дядей съ племянниками возобновился и въ суздальской землѣ; но онъ не имѣлъ той искренности, какъ въ Кiевѣ. На сѣверѣ на сей разъ вопросъ о правахъ дядей служилъ прикрытiемъ для стремленiя пригорода отдѣлиться отъ зависимости вѣчеваго города. Лѣтописецъ ясно обозначаетъ сознательность дѣйствiй Владимiрцевъ. Подъ 1176 г. (по Лавр. списку) онъ хвалитъ Владимiрцевъ за то, что они поддержали, по его выраженiю, правду Божiю, т. е., призвавши братьевъ Боголюбскаго, стали противъ бояръ и старыхъ городовъ. Города старый Ростовъ и Суздаль, говоритъ лѣтописецъ, и всѣ бояре не хотѣли послѣдовать правдѣ Божьей, а желали поставить свою правду. «Смиримъ Владимiръ, это нашъ пригородъ»,—говорили граж-

дане вѣчевыхъ городовъ. «На сей разъ», продолжаетъ лѣтописецъ, «Богъ уталлъ правду отъ премудрыхъ», подразумѣвая подъ этимъ словомъ старые города и бояръ, «а открылъ ее *мезеннiимъ* владимірцамъ». Слово *мезенніи*, младшіе, дѣтскіе, лучше всего показываетъ, какъ высокомѣрно тогда смотрѣли на жителей пригородовъ, вѣроятно также, какъ въ дружинномъ быту на отроковъ и дѣтскихъ.

Первая борьба дядей съ племянниками на суздальской землѣ продолжалась недолго. Послѣ мимолетнаго успѣха племянниковъ и смерти старшаго Юрьевича, въ 1176 г., на Владимірскомъ столѣ утвердился Всеволодъ Юрьевичъ (1176—1212), по своему многочисленному потомству, прозванный Большое Гнѣздо.

Всеволодъ Юрьевичъ разбилъ ростовцевъ и суздальцевъ близъ Владиміра, на берегахъ рѣчки *Калокши*, вмѣстѣ съ ихъ союзникомъ, Глѣбомъ Рязанскимъ.—Чтобы понять паденіе вѣчевыхъ городовъ отъ Ростова-Великаго до Великаго Новгорода нужно имѣть въ виду ненависть къ нимъ пригородовъ. Эту ненависть отлично иллюстрируетъ требованіе владимірцевъ, обращенное къ Всеволоду. Послѣ калокшинской побѣды, бояре Всеволода и жители Владиміра требовали казни плѣнныхъ суздальцевъ и ростовцевъ, твоихъ и нашихъ враговъ, говорили они Всеволоду.

Но ни насильственная смерть Андрея, ни усобица по смерти его, не умалили силы суздальской земли. Поэтому такому человѣку, съ выдающимся умомъ, какъ Всеволодъ Юрьевичъ нетрудно было, подобно Боголюбскому, проявить во всей русской землѣ свой авторитетъ; но съ большимъ тактомъ и съ большею сдержанностію. Такъ, захвативъ въ плѣнъ племянниковъ, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, онъ ихъ отпустилъ по ходатайству князя черниговскаго, удержавъ въ плѣну только Глѣба Рязанскаго, который съ наемными половцами раззорялъ суздальскія земли, между прочимъ сжегъ Москву и, что болѣе всего было досадно Всеволоду, разграбилъ Боголюбовъ.

Всеволодъ былъ единокровный, но не единоутробный братъ Боголюбскаго, онъ былъ отъ второй жены Юрія Долгорукаго. Юность свою онъ провелъ въ южной Руси и въ Византіи. Пребываніе въ послѣдней не осталось безъ слѣда, въ политическихъ отношеніяхъ Всеволодъ былъ большой хитрецъ.—Онъ поддерживалъ Святослава Всеволодовича на кіевскомъ столѣ, чѣмъ значительно ослаблялъ его связь съ черниговскими Ольговичами. Святославъ Всеволодовичъ звалъ Ольговичей противъ рязанскаго князя. Ольговичи сочли нужнымъ спросить Всеволода. Всеволодъ не дозволилъ этого похода, не желая усиливать въ Рязани вліяніе черниговскихъ князей, родственниковъ, рязанскихъ. Самъ Всеволодъ нѣсколько разъ воевалъ съ рязанскими князьями и подчинилъ ихъ своей волѣ.—Романъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Изяславича, врага Боголюбскаго, избѣгалъ ссоры съ сильнымъ Всеволодомъ. Всеволодъ, по смерти Святослава Всеволо-

довича, посадилъ на кіевскій столъ Рюрика Ростиславича Смоленскаго. Романъ-же свергнулъ Рюрика съ кіевскаго стола, постригъ его въ монахи, но Всеволодъ приказалъ кіевскій столъ отдать старшему сыну Рюрика Ростиславича. Такъ палъ Кіевъ и такъ имъ распоряжались сильные князья. Всеволодъ готовъ былъ наложить руку и на Новгородъ, но энергическая готовность Мстислава Удалого, сына Мстислава Ростиславича Храбраго, защищать городъ Св. Софіи, гдѣ покоился прахъ отца его, остановила Всеволода. Одно изъ самыхъ важныхъ событій княженія Всеволода Юрьевича, это присяга владимірцевъ не только Всеволоду, но и его дѣтямъ. По поводу этого факта Соловьевъ замѣчаетъ: значитъ, они не боялись, подобно кіевлянамъ, переходить по наслѣдству; это справедливо, но только нужно замѣтить глубокую разницу въ положеніи Кіева и Владиміра на Клязьмѣ. Во-первыхъ во время Кіевскаго періода и не нарождался еще вопросъ о старыхъ и новыхъ городахъ, во-вторыхъ, тогда города считались старшинствомъ престоловъ княжескихъ и Кіевъ терялъ значеніе старшаго стола старшаго князя. Напротивъ, значеніе Владиміра-на-Клязьмѣ, едва поднявшееся, только выигрывало отъ наслѣдственности.

Съ боярствомъ Всеволодъ жилъ мирно; но, въ союзѣ съ боярствомъ, онъ продолжалъ церковную политику Андрея Боголюбскаго, не принималъ въ свои города епископовъ изъ грековъ. отсылалъ ихъ назадъ и ставилъ своихъ. Дружина при Всеволодѣ была сильна. Когда въ началѣ своего княженія Всеволодъ осадилъ Торжокъ, то дружина требовала рѣшительнаго приступа. Щадя городъ, Всеволодъ откладывалъ дѣло; но дружина стала роптать и говорила князю: «мы не цѣловаться съ ними пришли». Всеволодъ долженъ былъ уступить и Торжокъ постигла обыкновенная участь городовъ, взятыхъ на щитъ.

Всеволодъ, по счету одноименныхъ великихъ князей былъ третьимъ. 1—Всеволодъ Ярославичъ, 2—Всеволодъ Ольговичъ, 3—Всеволодъ Юрьевичъ. Но въ древней Руси всѣ одноименныя князья различались только по отечеству, счетъ же ихъ — дѣло позднихъ историковъ, для облегченія памяти читателя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такой счетъ бросаетъ ложный свѣтъ на древній, особенно Кіевскій періодъ, указывая какъ-бы на наслѣдственность столовъ въ прямой линіи, чего не было.

Всеволодъ Юрьевичъ заканчиваетъ XII вѣкъ и блистательно начинаетъ XIII вѣкъ, продолженіе котораго было самымъ бѣдственнымъ временемъ въ русской исторіи.

Со времени Ярослава тяжелымъ гнетомъ надъ русской землей лежали княжескія усобицы и половецкіе набѣги. Тягость, которую Русь испытывала отъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, ярко изображена въ произведеніи, которое носитъ загла-

віе «Слово о Полку Игореви».—Это единственное поэтическое произведеніе, дошедшее до насъ, носящее свѣтскій характеръ, столь чуждый письменности того времени. — Удивительнѣе всего, что мысль поэта была секуляризована до такой степени, что онъ вспоминаетъ языческихъ боговъ—Хорса, Дажъ-Бога, именами которыхъ онъ пользуется для образности своихъ выраженій. Поэтъ по мнѣнію ученыхъ, принадлежалъ къ числу Черниговскихъ дружинниковъ.Поэтъ изображаетъ походъ Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго, противъ Половцевъ въ 1185 г. Онъ взялъ съ собою брата своего, Всеволода, племянника своего, Святослава Ольговича, и сына, Владиміра. Князья отправились въ походъ, не спросясь В. Князя, одержали побѣду надъ передовымъ отрядомъ Половцевъ и самонадѣянно углубились въ степи; но на берегахъ р. Каялы были окружены Половцами и взяты въ плѣнъ. Игорю удалось бѣжать. Поэтъ съ укорами обращается къ князьямъ за бѣдствія русской земли. При этомъ онъ обнаруживаетъ большой политическій смыслъ, напр. онъ такъ рисуетъ могущество Ярослава Осмомысла Галицкаго: «Галицкій Ярославъ Осмомыслъ! ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю, затворилъ ворота Дунаю, метая бремены, т. е. стѣнобитные камни за облака; ты отворяешь ворота Кіеву» и т. д.

Нельзя обрисовать лучше международное положеніе Галича.

Въ «Словѣ о Полку Игоревн» воззрѣніе на природу, конечно, языческое, но еще болѣе поэтическое. — Вся природа представляется одушевленною, раздѣляющею съ человѣкомъ и горе, и радость. Когда русскіе князья попали въ плѣнъ, поэтъ говоритъ—«никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печали къ землѣ преклонилось, Ярославна высказываетъ свое горе солнцу, вѣтру, Днѣпру.

Но свѣтская словесность, говоритъ г. Порфирьевъ, при исключительномъ религіозномъ направленіи книжнаго образованія, не могла развиться; по этому-то «Слово о Полку Игоревн» и стоитъ одиноко (Ист. рус. словесности Порфирьева, Т. 1, стр. 412).

Слѣдствія такой исключительности выказались особенно въ Словѣ, т. е. посланіи, Даніила Заточника. Вмѣсто поэтической грусти Ярославны мы видимъ цѣлый рядъ упрековъ, обрушивающихся на женщину. «Слово» Заточника обращено было, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ Юрію Долгорукому, а по другимъ—къ неизвѣстному князю. Точно также неизвѣстно, кто былъ сей Даніилъ. Это «Слово», сатира противъ злыхъ женъ, оно проникнуто вообще жестокою ненавистію къ женщинѣ. Такъ Заточникъ приводитъ такую притчу. У одного человѣка умерла злая жена, а онъ, по смерти ея, началъ продавать дѣтей, люди сказали ему: зачѣмъ продаешь дѣтей? Онъ отвѣчалъ: если они уродились въ мать, то выросши, меня продадутъ. Такой мрачный взглядъ, такой типъ злой жены списанъ Заточни-

комъ, говоритъ Порфирьевъ, конечно не съ русской женщины, а съ разныхъ восточныхъ сказаній и съ греческихъ поученій о женахъ. Подъ вліяніемъ подобныхъ сочиненій нашей древней письменности, продолжаетъ Порфирьевъ, образовался тотъ презрительный взглядъ на женщину, который выразился здѣсь крутымъ и жестокимъ обхожденіемъ и всего болѣе способствовалъ ея униженію (И. Р. Сл. Т. 1, стр. 410).

Въ XII в. славился, какъ проповѣдникъ, Еп. Кириллъ Туровскій, онъ подражалъ Іоанну Златоусту, современники и прозвали его вторымъ Златоустомъ; но у Кирилла, по отзыву спеціалистовъ, недостаетъ практическаго нравственнаго направленія, доступности и современности. Поэтому онъ оставался чуждъ русской жизни; страсть къ аллегоріямъ дѣлала его малопонятнымъ, и онъ самъ сознается, что его проповѣди слушали немногіе.

Для пониманія степени религіознаго развитія массъ русскаго народа, въ XII в., имѣетъ значеніе, такъ называемыя, «Впрошанія» Кирика епископу Новгородскому, Нифонту, въ которыхъ, по выраженію Порфирьева, выразилось младенческое пониманіе вѣры въ народѣ, обращавшемъ вниманіе только на букву и внѣшнюю форму, на мелочи, которыя только и были доступны его пониманію. И дѣйствительно, вопросы Кирика болѣе, чѣмъ наивны, такъ онъ спрашиваетъ.—«Если кто яйцемъ потолчетъ въ зубы до обѣдни, можно-ли давать причастіе? Или такой вопросъ: «если попу случится въ портъ (одежду) вшити платъ женскій, то можно-ли ему служить обѣдню въ этой одеждѣ? отвѣтъ данъ такой: а чѣмъ жена погана? Такія явленія, говоритъ Порфирьевъ, были слѣдствіемъ того, что христіанство, бывшее источникомъ просвѣщенія, распространялось у насъ одинокою силою, безъ всякихъ пособій науки и образованности. (И. Р. Сл. Т. I, 412 стр.). Это мнѣніе проф. Порфирьева вполнѣ справедливо. Отсутствіе даже богословской науки, отсутствіе умѣнья различать сущность дѣла отъ формы видны на каждомъ шагу; но не видно ни малѣйшаго усилія этой бѣдѣ пособить и просвѣтить русскій народъ. Не видно усилія объяснить требованія христіанской нравственности, а письменность нашихъ грамотниковъ въ ихъ произведеніяхъ шла даже ей на перекоръ. Христіанство, сдѣлавъ женщину орудіемъ искупленія, высоко подняло значеніе матери. На это значеніе разные Даніилы Заточники и Кирики не обращали вниманія. Вообще, должно сказать, что въ этомъ пунктѣ на Западѣ, благодаря вліянію рыцарства, духовенство шло другимъ путемъ. У насъ, говоря о женщинѣ, то и дѣло вспоминали о грѣхопаденіи, которое черезъ нее вошло въ міръ; на Западѣ чаще говорили объ искупленіи черезъ женщину, чѣмъ о грѣхопаденіи. Такой пріемъ былъ гораздо практичнѣе, возвышая значеніе женщины въ грубомъ и жестокомъ обществѣ.

Часто, не понимая значенія словъ и послѣдствій, какія изъ ихъ

поученій происходили, разные начетчики, въ родѣ монаха Кирика, вносили путаницу въ бѣдныя религіозныя понятія народа. Напр., какое уваженіе не только къ женщинѣ, но и къ освященному церковью браку, могли выносить простые безграмотные люди изъ слѣдующаго положенія: если женщина, родивши дитя, начнетъ преставлятися *въ тотъ день, или на другой день*, то дать ей причастіе, вынесши ее въ иную комнату и омывши ее. Можно было себѣ представить, какія мученія должна-бы выносить женщина, особенно у бѣдныхъ людей, у которыхъ кромѣ одной избы ничего не было. Кромѣ того, возбуждались различныя мысли, противныя ученію о бракѣ. Съ одной стороны бракъ признавался таинствомъ, установленнымъ Христомъ, а съ другой стороны слѣдствіе брака, рожденіе дѣтей, какъ у богомиловъ, признавалось дѣломъ нечистымъ. Читатель можетъ подумать, что рѣчь идетъ только о тѣлесной чистотѣ, но онъ глубоко ошибется. У того-же Кирика, изъ котораго мы взяли только-что приведенныя положенія, есть такого рода вопросы и отвѣты: «Если у человѣка изо рта идетъ гной, то можно-ли его причащать?»—«Очень должно, ибо не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, который идетъ изъ устъ, но смрадъ грѣховный». Ясно, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ взглядѣ, по которому рожденіе считалось дѣломъ нечистымъ. Ересь богомиловъ пошла въ этомъ отношеніи дальше. Она дѣтей новорожденныхъ называла діаволищами, ибо по ихъ ученію, тѣло человѣка — произведеніе сатаны, а душа создана Богомъ. Это глупо, но покрайней мѣрѣ послѣдовательно. См. Памятники россійской словесности XII в., изданные Калайдовичемъ. Рыцарство, освященное церковью, создало на западѣ цѣлый культъ женщины. На Руси не было и подобія такого культа. Иловайскій, въ своей Русской Исторіи, разбирая «Слово о полку Игоревѣ», говоритъ: «русская придворная княжеская поэзія имѣла такой-же аристократическій характеръ, какъ и рыцарская поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ, въ Западной Европѣ». (Т. 1, часть 2, стр. 345). Сходство есть только въ одномъ пунктѣ: автору слова о полку также мало нужды до смердовъ, какъ и трубадурамъ до сервовъ. Надобно забыть жизнь южной Франціи въ XII и XIII вв. Надобно забыть, что поэзія трубадуровъ прославляла борьбу съ папствомъ, помогала развитію ереси, на духовенство нападала съ такимъ ожесточеніемъ, что самое слово prêtre, по милости трубадуровъ, сдѣлалось браннымъ словомъ. Надобно забыть, что трубадуры прославляли свободную внѣ брачную любовь, чтобы понять, какъ невозможно сравнивать образъ Ярославны съ дамами трубадуровъ, засѣдавшихъ въ cour d'amour. Причитанія Ярославны, хотя и поэтически выраженныя, но всетаки причитанія, по существу одинаковыя съ причитаніями женъ смердовъ, могутъ-ли быть сравнены съ свободнымъ проявленіемъ женской страсти въ поэзіи трубадуровъ?

Возвратимся къ политической исторіи. У Всеволода было шесть сыновей, изъ нихъ трое старшихъ играли видную роль въ послѣдующихъ событіяхъ. Всеволодъ передъ смертью отдалъ Владиміръ-на-Клязьмѣ старшему сыну, Константину, благословивъ его на старшинство, а Ростовъ Великій отдалъ второму сыну, Юрію. Но этимъ дѣленіемъ не былъ доволенъ Константинъ, ибо, какъ полагаетъ Соловьевъ, онъ не вѣрилъ въ прочность торжества пригорода Владиміра или, какъ можно думать, живя въ Великомъ Ростовѣ, усвоилъ себѣ воззрѣнія бояръ и жителей его. Лѣтописецъ говоритъ, что Константинъ прислалъ сказать отцу: «Батюшка, если хочешь благословить меня старшинствомъ, то дай мнѣ *старый начальный* городъ Ростовъ и къ нему Владиміръ; или, если тебѣ угодно, дай Владиміръ и къ нему Ростовъ».

Ясно, что Константинъ на перемѣну отношеній среди городовъ суздальской земли смотрѣлъ односторонне. Въ этой перемѣнѣ онъ видѣлъ только волю его дяди и отца. Волѣ пригородовъ, сочувствію духовенства онъ не придавалъ значенія, не понимая ихъ силы. Всеволодъ созываетъ бояръ и ни до какого рѣшенія съ ними не доходитъ; тогда онъ призываетъ епископа Іоанна и, по совѣту послѣдняго, не думая долго, лишаетъ Константина старшинства. Фактъ этотъ не укрылся отъ проницательности историка. Мало того, говоритъ Соловьевъ, что на сѣверѣ отнято было старшинство стараго города и передано пригороду, отцомъ отнято было старшинство у старшаго сына. Любопытно, что бояре не рѣшились присовѣтовать эту мѣру, присовѣтовалъ ее епископъ (И. Р. Т. II, стр. 328, изд. 4).

Замѣчательно, что въ то-же время, Всеволодъ Юрьевичъ долженъ былъ уступить, по поводу дѣлъ Новгородскихъ, Мстиславу Мстиславичу, князю Торопецкому, по прозвищу Удалому, сыну Мстислава Ростиславича Храбраго, побѣдителя Боголюбскаго. Мстиславъ Мстиславичъ былъ заклятый консерваторъ и грозный защитникъ Новгорода, старѣйшаго вѣчника. Поэтому онъ былъ естественнымъ врагомъ защитниковъ пригородовъ.

Усобица началась немедленно по смерти Всеволода Юрьевича. Сначала торжествовалъ Юрій, соединившись съ 3-мъ братомъ своимъ, Ярославомъ, кн. Переяславскимъ. Константинъ два раза былъ изгнанъ изъ Владиміра. Онъ уже готовъ былъ оставить надежду возвратить себѣ старшинство, когда новгородскія событія доставили ему сильнаго союзника. Юрій отдалъ Новгородъ третьему сыну Всеволода, Ярославу Переяславскому. Ярославъ Всеволодовичъ не поладилъ съ Новгородомъ, засѣлъ въ Торжкѣ и не пропускалъ хлѣбъ въ Новгородъ. Въ Новгородѣ насталъ голодъ; голодная смерть угрожала Новгородской землѣ. Новгородцы прислали звать Ярослава въ Новгородъ, куда онъ послалъ намѣстниковъ. Выведенные изъ терпѣнія, Новгородцы послали просить помощи у защитника всякой старины, у Мстислава Мстиславича. Узнавъ, что творится на сѣ-

верѣ, Мстиславъ немедленно отозвался на призывъ и, явившись въ Новгородъ на вѣче, — провозгласилъ, не бывать Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ, а гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ, и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда. Мстиславъ, защитникъ старины, соединяется съ Константиномъ Всеволодовичемъ, несмотря на то, что Ярославъ былъ его зять. Юрій и Ярославъ въ 1216 году разбиты были на голову на берегахъ р. Липицы.

Юрій бѣжалъ такъ поспѣшно, что по дорогѣ къ Владиміру, заморивъ трехъ коней, прискакалъ на четвертомъ, а Ярославъ, заморивши 4-хъ коней, прискакалъ въ Переяславль на пятомъ. Ярославъ много пролилъ крови въ Новгородѣ, въ Торжкѣ и на Волокѣ. Такимъ-же жестокимъ человѣкомъ остался онъ и послѣ пораженія. Бывшихъ у него въ плѣну новгородцевъ и смольнянъ, казнилъ съ особеннымъ ожесточеніемъ. Говорятъ, что онъ заморилъ въ одной избѣ полтораста новгородцевъ.

Во Владимірѣ сѣлъ на княжескій столъ старшій изъ Всеволодовичей. Константинъ, человѣкъ крайне добрый. Зная свое слабое здоровье, онъ распорядился передъ смертію такимъ образомъ: старшаго сына своего, Василька, посадилъ на Ростовскій столъ, а Всеволода — на Ярославскій, Владимірскій-же столъ завѣщалъ брату Юрію, давъ ему Суздаль, и взявши съ него присягу быть, по старинѣ, «въ отца мѣсто» его дѣтямъ.

Вторичное княженіе Юрія Всеволодовича ознаменовалось счастливымъ походомъ на Камскихъ Болгаръ и основаніемъ Нижняго-Новгорода, при впаденіи Оки въ Волгу, въ 1221 г.

Дальнѣйшая судьба Россіи связана съ судьбою Суздальско-Владимірскаго княжества. Но великій переворотъ, превратившій раздробленную Россію въ Московское царство, суждено было произвести не потомству Юрія или Константина Всеволодовичей, а потомству Ярослава Всеволодовича. Его потомки, до Ивана Васильевича Грознаго включительно, отличались суровостію характера. Только Иванъ, братъ Калиты, да послѣдній его потомокъ, больной царь Θеодоръ Ивановичъ, составлялъ исключеніе.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о судьбѣ южной Руси и о западныхъ окраинахъ передъ нашествіемъ Татаръ. Переяславское княжество, игравшее столь значительную роль въ кіевскій періодъ русской исторіи, потеряло значеніе уже въ суздальскій періодъ, передъ нашествіемъ татаръ, хотя Всеволодъ и его сынъ Юрій и посылали туда княжить своихъ сыновей.

Черниговское княжество съ Новгородъ-Сѣверскимъ принадлежали, какъ уже было указано выше, той отрасли дома Ярослава, которая происходила отъ его сына, Святослава и, которую, по имени внука его, Олега, называлась Ольговичами. Въ общемъ ходѣ русской исторіи было указано, какъ Мономаховичи хотѣли оттѣснить Ольговичей отъ Кіевскаго стола, какъ Ольговичи вступили въ борьбу

и двое изъ нихъ, Всеволодъ и Игорь, занимали Кіевскій столъ. Передъ самымъ нашествіемъ татаръ другой Всеволодъ, Всеволодъ Святославичъ, сѣлъ на Кіевскій столъ (1210—1215), и одинъ изъ князей племени Мономаха сѣлъ на Черниговскій столъ. Такимъ образомъ установилось равенство Ольговичей съ домомъ Мономаха, но это было ненадолго, Всеволодъ вскорѣ былъ изгнанъ изъ Кіева Мстиславомъ Мстиславичемъ Удалымъ. Мстиславъ Удалой не занялъ самъ Кіева, а отдалъ его двоюродному брату своему, Мстиславу Романовичу. Во время татарскаго разгрома въ Черниговѣ княжилъ братъ Всеволода, Мстиславъ Святославичъ.

Судьба нѣкоторыхъ Новгородъ-Сѣверскихъ князей, извѣстна своей трагичностію. Сыновья Игоря Святославича, героя Слова о полку Игоревомъ, увлеклись желаніемъ вокняжиться въ богатомъ Галичѣ. Ихъ было трое: Святославъ, Романъ и Владиміръ, они были повѣшены галицкими боярами. Первая борьба дядей съ племянниками произошла, какъ мы видѣли, въ родѣ князей Черниговскихъ. Ярославъ Святославичъ былъ изгнанъ изъ Черниговской земли Всеволодомъ Ольговичемъ. Онъ бѣжалъ въ Муромскую землю и былъ основателемъ Рязанско-Муромскаго княжества. Отъ Черниговскаго княжества зависѣла Тмутаракань (Матарха или Таматарха), столь часто упоминаемая въ X и XI вв., но въ послѣдней четверти XII вѣка, когда половецкія орды окончательно утвердились въ южныхъ степяхъ нашихъ, о Тмутаракани какъ-бы забываютъ. Она перешла во власть Византіи вмѣстѣ съ городомъ Корчево или Керчь на другой сторонѣ Киммерійскаго Босфора.

Смоленское княжество занимало выгодное географическое положеніе, которымъ однако не воспользовались Смоленскіе князья; ибо какъ до татаръ, такъ и послѣ, до перехода во власть Литвы, въ числѣ Смоленскихъ князей не было выдающагося человѣка. Это княжество оставалось въ родѣ Ростислава Мстиславича, втораго сына Мстислава Великаго. Онъ остался памятенъ только тѣмъ, что устроилъ для Смоленска особую епископію. Съ потомствомъ его Смольняне однако не ладили. Во время перваго нашествія татаръ въ Смоленскѣ княжилъ—Мстиславъ Давыдовичъ († 1231). Онъ извѣстенъ договоромъ, который заключилъ съ Ригою, и который показываетъ, какъ обширна была торговля Смоленска.

Изъ удѣльныхъ Смоленскихъ княжествъ замѣчательно Торопецкое, гдѣ княжилъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой.

Туровское княжество, земля Дреговичей, Владиміромъ Святымъ отдано было Святополку, усыновленному имъ, сыну Ярополка. Святополкъ былъ женатъ на дочери польскаго короля, Болеслава Храбраго. При ней былъ католическій епископъ, который будто-бы распространялъ здѣсь католицизмъ, хотя тогда еще не было окончательнаго раздѣленія церквей. Святополка заподозрили въ желаніи, оставивъ пріемнаго отца, отдаться тестю. Вслѣдствіе этого Святополкъ,

его жена и католическій епископъ посажены были въ темницу и въ точности неизвѣстно, когда были освобождены—до или по смерти Владиміра.

Изяславъ, княжившій въ Туровѣ при Ярославѣ, сдѣлавшись в. княземъ, отдалъ Туровъ старшему сыну своему, Святополку. Нѣкоторое время здѣсь княжили Мономаховичи; но съ 1157 г., въ лицѣ Юрія Ярославича, здѣсь вокняжилось снова потомство Святополка Изяславича. У этого Юрія было шесть сыновей, между которыми раздѣлилось небольшое бѣдное Туровское княжество. Княжескія фамиліи, носящія прибавленіе къ фамиліямъ и имени Святополкъ и, вѣроятно, множество дворянскихъ фамилій на Волыни происходятъ отъ потомства этихъ шести сыновей Юрія Ярославича, внука Святополка Изяславича.

Земля Волынская съ 1117 г. перешла къ племени Мономаха. Знаменитый внукъ его, Изяславъ Мстиславичъ, и правнукъ Мстиславъ Изяславичъ, здѣсь находили средства и опору въ борьбѣ за Кіевскій столъ. Праправнукъ Мономаха, Романъ Мстиславичъ, княжившій при жизни отца въ Новгородѣ, врагъ Андрея Боголюбскаго, при Всеволодѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла Южной Руси, благодаря дружбѣ съ нимъ. Замѣшательства въ Галичѣ, отзывавшіяся и на Волыни, привлекли его вниманіе къ дѣламъ Галича. Романъ, какъ мы видѣли изъ отношеній его къ Рюрику Ростиславичу, былъ человѣкъ суровый. Литовцевъ, дѣлавшихъ набѣги на Волынь, онъ усмирялъ жестокимъ образомъ. Есть извѣстіе, что онъ пахалъ на плѣнныхъ литовцахъ, и что будто-бы про него сложилась такая пословица: «Романе, Романе, худо живеши—Литвою ореши». Извѣстіе это считаютъ не совсѣмъ достовѣрнымъ, ибо оно сообщается позднимъ польскимъ писателемъ; но оно не противорѣчитъ описанію характера Романа, какъ его рисуетъ намъ Волынскій лѣтописецъ. «Романъ, говоритъ онъ, устремлялся на поганыхъ, какъ левъ и губилъ ихъ, какъ крокодилъ, землю ихъ облеталъ, какъ орелъ, сердитъ былъ, какъ рысь, а храбръ, какъ туръ».

Такой-то князь взялся возстановить тишину въ Галичѣ, нарушенную крамолами тамошнихъ бояръ.

Въ общемъ ходѣ русской исторіи указано какимъ образомъ Галицкая земля перешла въ родъ старшаго сына Ярослава, Владиміра Ярославича. У Владиміра былъ сынъ Ростиславъ, погибшій въ Тмутаракани. Его сыновья, Рюрикъ и Володарь, получили Перемышль, Василько—Теребовль, потомство Василька прекратилось въ 1144 г., судьба Галицкой или Червонной Руси осталась въ рукахъ потомства Володаря. У Володаря было два сына: Владимірко и рано умершій Ростиславъ. Владимірко, въ 1144 г., изгнавъ племянника Ивана Ростиславича—Берладника, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ власть надъ всей Галицкой землей. Политика Владимірко направлена была къ ослабленію сосѣдняго Волынскаго княжества и

Кіева, почему онъ и поддерживалъ Юрія Долгорукаго. Онъ дѣйствовалъ такъ хитро и искусно, что война не касалась его владѣній и потому благосостояніе Галицкаго княжества быстро возрастало. Владимірко былъ человѣкъ вѣроломный и самъ цинически смѣялся надъ своими клятвами. Такъ однажды бояринъ Изяслава Мстиславича сталъ упрекать его за нарушеніе крестоцѣлованія, «не боишься-де ты креста». Владимірко, уже больной, вынулъ крестикъ и, показывая его, смѣясь говорилъ: «сей ли крестъ малый?» т. е., страшенъ-ли этотъ маленькій крестикъ? Въ 1152 г. Владимірко умеръ, и его мѣсто занялъ его сынъ, Ярославъ, прозванный Осмомысломъ [1]), выше указано было, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ изображалось его могущество. Но это могущество оказалось непрочнымъ. Переходъ власти отъ отца къ сыну, малочисленность княжескаго рода въ Галичѣ чрезвычайно усилили дружинный элементъ въ Галичѣ. Бояре, изъ поколѣнія въ поколѣніе оставаясь въ Галичѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлались землевладѣльцами, составили могучую корпорацію, въ среду которой рѣдко проникали элементы изъ другихъ слоевъ общества. Въ Кіевской Руси дружинники говорили князьямъ, «ты задумалъ дѣло безъ насъ, не пойдемъ за тобою». Въ Галичѣ ссора князей съ дружинниками, неминуемо вела къ потрясенію всей земли. Вѣроятно, Владимірко и Ярославъ Осмомыслъ особенно, стали мало обращать вниманія на голосъ бояръ. Послѣдніе воспользовались семейными несогласіями Ярослава. У Ярослава была любовница, какая-то Анастасья изъ роду Чагра, а его жена, княгиня Ольга Юрьевна, бѣжала съ сыномъ, Владиміромъ, въ Польшу. Галицкіе бояре, выступивъ подъ знаменемъ защитниковъ семейнаго начала, схватили Настасью и сожгли ее живою, избивъ, всю ея родню, а съ князя взяли присягу жить съ женою Ольгою, дочерью Юрія Долгорукаго. Но, несмотря на это, Ярославъ, умирая, завѣщалъ Галичъ Олегу, внѣ брачному сыну отъ Анастасіи или, какъ его называли, Настасьичу, а Владиміру отказалъ Перемышль. Бояре и самъ Владиміръ присягнули исполнить это распоряженіе, но, конечно, не исполнили. Владиміръ Ярославичъ, подобно отцу, обзавелся любовницей, какою-то попадьей, отнявъ ее у живого мужа, и съ боярами ни о чемъ не совѣтовался. Бояре снова заволновались и, снова подняли знамя охраны семейнаго начала. Зная привязанность Владиміра къ попадьѣ, они потребовали ея выдачи. Владиміръ, помня участь Настасьи, бѣжалъ, захвативъ съ собою попадью и двухъ прижитыхъ съ нею сыновей.

Около 1200 г. въ Галичѣ утвердилъ свою власть Романъ Волынскій.

---

[1]) Несмотря на всѣ филологическія переставки буквъ, слово Осмомыслъ смысла не имѣетъ и, вѣроятно, справедлива догадка А. Н. Майкова, въ примѣчаніи къ его переводу Слова, что его должно замѣнить словомъ *Остросмыслъ*.

Утвердившись въ Галичѣ, Романъ началъ такое жестокое преслѣдованіе бояръ, какого русская исторія не видала. даже при Грозномъ. Твердя свою любимую поговорку, «не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть», онъ, по словамъ польскаго писателя Кадлубка, разсѣкалъ бояръ съ головы до ногъ пополамъ и зарывалъ живыми въ землю. Ужасъ, наводимый Романомъ, отозвался всюду; его вліяніе во всей русской землѣ возрасло до такой степени, что Волынскій лѣтописецъ называетъ его самодержцемъ всей русской земли. Это вліяніе можно объяснить только сочувствіемъ всѣхъ князей политикѣ Романа, видѣвшихъ въ немъ мстителя за униженіе Ярослава и Владиміра, за вмѣшательство бояръ въ ихъ семейныя дѣла.

Романъ-же всегда былъ вѣренъ самому себѣ; папа Иннокентій III прислалъ къ нему посольство съ предложеніемъ признать папу главою церкви, за что папа обѣщалъ ему дать королевскую корону и вооружить его мечемъ св. Петра. Романъ, вынувъ свой мечъ и показывая его легату, спросилъ «таковъ-ли у папы»?

Романъ погибъ въ 1205 г. въ походѣ противъ поляковъ.

Послѣ него начались опять смуты, въ 1211 повѣшены были боярами Новгородъ-Сѣверскіе князья; въ 1215 г. на Галицкомъ столѣ сѣлъ бояринъ Владиславъ, котораго скоро изгнали и котораго русскіе князья клятвенно обѣщали не принимать въ свои дружины. Этотъ Владиславъ и другіе бояре завели переговоры съ Угорскимъ королемъ, съ цѣлью передать ему Галичъ. За Галичъ начались споры между Уграми и Ляхами. Одинъ изъ польскихъ князей призвалъ на помощь Мстислава Удалаго, онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Уграми; но этотъ удалой боецъ въ политикѣ былъ дитя и произвелъ сильную путаницу въ галицкихъ дѣлахъ, выдавъ одну дочь за Даніила Романовича, а другую за угорскаго королевича. Поэтому Даніилъ Романовичъ только въ 1229 г. могъ усѣсться прочно въ Галичѣ.

Что касается до исторіи Полоцкой волости, то изъ всѣхъ частныхъ исторій отдѣльныхъ частей русской земли, эта исторія самая печальная. Даже оптимисты сознаются, что, со времени возвращенія полоцкихъ князей изъ Греціи въ 1140 г., въ теченіи столѣтія, до временъ татарскаго и литовскаго завоеванія, мы не встрѣчаемъ на Полоцкомъ столѣ ни одной личности, отмѣченной печатью энергіи или политическаго смысла.

Полоцкъ принадлежалъ къ старымъ властнымъ вѣчевымъ городамъ, и вѣче было въ немъ сильно, а князья не умѣли ни поладить, ни сладить съ полоцкимъ вѣчемъ. Но вѣчевое начало, какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ Полоцкѣ, не имѣло той сознающей себя силы, которая дѣйствуетъ открыто; въ борьбѣ внуковъ Всеслава полоцкое вѣче держало сторону минскаго князя Ростислава Глѣбовича, хотя послѣдній не имѣлъ никакого права на старшій Полоцкій столъ. Полочане схватили своего князя Роговолода Бо-

рисовича и выдали его сопернику; но не поладивши съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ, его хотѣли схватить и выдать Роговолоду. Ростиславъ, узнавши о намѣреніи полочанъ, бѣжалъ. Между соперниками началась усобица, кончившаяся торжествомъ Глѣбовича. Въ усобицы полоцкія вмѣшались Новгородъ, Черниговъ и Смоленскъ. По договорной грамотѣ Мстислава Давидовича, князя Смоленскаго, заключаютъ, что въ первой половинѣ XIII в., Полоцкая земля зависѣла отъ Смоленска. Именно въ грамотѣ сказано, что Смоленскій князь признаетъ Западную Двину свободною для торговыхъ судовъ на всемъ ея теченіи. Договоръ-же признается обязательнымъ, какъ для Смоленской волости, такъ и для Полоцкой и Витебской. Но изъ этихъ словъ нельзя вывести заключенія о степени зависимости, да и самая зависимость еще вопросъ. Вѣроятно вопросъ о свободномъ плаваніи по р. Западной Двинѣ былъ рѣшенъ общимъ согласіемъ Смолянъ и Полочанъ. Какъ бы то ни было, но Полоцкіе князья, лишенные всякаго политическаго соображенія, не только не подумали объ утвержденіи русской власти на всемъ теченіи Западной Двины и на Балтійскомъ поморьѣ, но своею безтактностію сами помогли здѣсь утвердиться Нѣмцамъ, какъ показываютъ событія, предшествовавшія означенному договору.

Бременскіе купцы плавали къ устью Двины съ 1159 г. Сопровождавшій ихъ монахъ Мейнгардъ, съ позволенія полоцкаго князя Владиміра, построилъ церковь близь деревни Икскуль. Мейнгардъ назначенъ былъ епископомъ, что ясно показывало намѣреніе нѣмцевъ утвердиться въ краѣ, ибо для одного прихода изъ временно пріѣзжавшихъ купцовъ, епископа не требовалось. Третій епископъ, Альбертъ, въ 1201 г., положилъ основаніе Ригѣ. Летскія и финскія племена заволновались; но у русскихъ князей и тутъ не обнаружилось особеннаго пониманія обстоятельствъ. Правда, князь Владиміръ, возбуждаемый Ливскими старшинами, готовъ былъ начать борьбу съ рижскимъ епископомъ; но въ 1210 г. заключилъ съ нимъ миръ. Уговорились, что Ливы будутъ платить дань полоцкому князю, а если они не заплатятъ, то за нихъ заплатитъ епископъ. Этотъ Владиміръ не понималъ, что означеннымъ договоромъ, онъ узаконилъ власть нѣмцевъ въ Ливоніи. Въ 1212 году онъ-же заключилъ съ рижскимъ епископомъ союзъ противъ Литвы. Дѣйствія нѣкоторыхъ младшихъ Полоцкихъ князей показываютъ, что въ Полоцкой землѣ не было и тѣни единства; князь Всеволодъ изъ Герцика лишенъ былъ княжества за невѣрность нѣмцамъ. Князь Вячко Кокенгаузенскій заключилъ союзъ съ Альбрехтомъ, но одинъ нѣмецкій рыцарь захватилъ Вячко въ плѣнъ. Альбертъ или Альбрехтъ, возведенный уже въ санъ архіепископа, велѣлъ его освободить и далъ ему 20 воиновъ въ помощь для укрѣпленія Кокенгаузена. Неизвѣстно на какомъ основаніи Вячко

не повѣрилъ Альбрехту и приказалъ Латышамъ и Русскимъ умертвить его нѣмецкую охрану. Не заподозрилъ-ли Вячко, что охрана его вмѣстѣ съ тѣмъ и его стража? Противъ Кокенгаузена двинулось сильное нѣмецкое ополченіе, и Вячко бѣжалъ въ Русь. Въ 1223 г. Новгородцы посадили его въ Юрьевѣ; но и здѣсь архіепископъ Альбрехтъ не далъ ему покоя. Нѣмцы осадили Юрьевъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія взяли его, сожгли, всѣхъ защитниковъ перебили, въ числѣ ихъ погибъ и Вячко. О Новгородѣ пока замѣтимъ только, что и тамъ прозорливости было не болѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ. Враги его имѣли два орудія противъ него: прекращеніе подвоза хлѣба изъ Суздальской земли и соли изъ-за границы. И съ этимъ зломъ Новгородскіе политики сладить не могли. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда грянулъ первый татарскій громъ.

ГЛАВА IV.

Гроза пришла издалека, изъ степей Монголіи, изъ-за Байкала. Въ началѣ XIII в., въ одной Монгольской ордѣ произошелъ большой переворотъ. До этого переворота Монголы раздѣлялись на множество мелкихъ Ордъ, питались отъ стадъ, на верблюдахъ перевозили свои кибитки-жилища. Лошадиное мясо и заквашенное кобылье молоко, или кумысъ, были любимою ихъ пищею и любимымъ питьемъ. Религіозныя представленія Монголовъ были очень неясны, они поклонялись небу, солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ, стихіямъ безъ всякихъ формъ и образовъ, душамъ предковъ; жрецовъ у нихъ, конечно не бывало, ихъ замѣняли шаманы-гадатели. При этомъ Монголы отличались полною вѣротерпимостію. Каждая орда имѣла своего князя, свое привилегированное сословіе бековъ, нойоновъ, свой совѣтъ, курилтай, на которомъ Ханъ съ беками рѣшалъ всѣ дѣла. Переворотъ, произведенный въ началѣ XIII в., совершенъ былъ Темучиномъ, ханомъ одной орды, который, покоривъ остальныхъ хановъ, въ 1203 г., созвалъ Великій Курилтай и провозгласилъ себя Великимъ Ханомъ. Онъ подчинилъ себѣ, кромѣ Монголовъ, и многія Татарскія племена, на которыхъ перешло имя Монголовъ. Темучинъ, принявъ имя Чингизъ-Хана, т. е. Великаго Хана, началъ рядъ завоеваній. Завоеванія Чингиза носили характеръ колоссальныхъ грабежей. Опустошивъ Китай, срывъ до основанія Бухару, Самаркандъ, онъ двинулъ свои полчища на Персію, Индію, повсюду оставляя за собою однѣ развалины. Ужасъ, наведённый Чингисъ-Ханомъ, былъ такъ великъ, что народы Азіи не смѣли и думать о сопротивленіи.

Онъ умеръ въ 1227 г., раздѣливъ свою громадную Имперію между 4 сыновьями — старшій сынъ его, Джучи, уже умеръ и его часть наслѣдовалъ сынъ Джучи, Бату-Ханъ; второй сынъ Чингиза, Джагатай, наслѣдовалъ Туркестанъ и Центральную Азію; третій, Мангу—Персію и четвертый, Октай-Ханъ—Китай. Чингисъ-Ханъ далъ Монголамъ письменный уставъ—Яса, основанный на обы-

чаяхъ Монголовъ. Яса была обязательна для его наслѣдниковъ и Ханъ, нарушившій этотъ уставъ, подвергался суду Великаго Курилтая и лишался власти. Самъ Чингизъ не держался никакой опредѣленной религіи; но одинаково боялся боговъ всѣхъ религій, желалъ всѣхъ ихъ задобрить. Считая, что каждая религія чтитъ своего Бога, онъ одинаково боялся оскорбить Бога христіанъ, Бога магометанъ, Бога буддистовъ. Поэтому и законы его покровительствовали одинаково, какъ всѣмъ религіямъ, такъ и служителямъ всѣхъ религій. За ругательство надъ какой-бы то ни было религіей, будь то христіанство или могометанство, шаманство или буддизмъ, положена была смертная казнь. Ища помощи всѣхъ боговъ, преемники Чингиза любили присутствовать при богослуженіи разныхъ религій, въ томъ числѣ и христіанской. Они приказывали надъ больными читать Евангеліе, нѣкоторые, садясь въ купель, заставляли надъ собою совершать обрядъ крещенія, смотря на этотъ обрядъ какъ на заклинаніе отъ разныхъ болѣзней. (О вѣротерпимости хановъ, см. статью оріенталиста В. В. Григорьева, о достовѣрности Ханскихъ ярлыковъ въ сборникѣ «Россія и Азія».

За нѣсколько лѣтъ до смерти Чингисхана, именно въ 1223 г., изъ Персіи вторгнулся въ Закавказье одинъ Монгольскій отрядъ. Въ Закавказьѣ этотъ отрядъ столкнулся съ Половцами или Кипчаками. Монголы преслѣдовали Кипчаковъ и въ южныхъ степяхъ нашихъ. Половцы просили помощи у Русскихъ князей. Русскіе князья съѣхались въ Кіевѣ; на этомъ съѣздѣ предсѣдательствовали три Мстислава: Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, тогда князь Галицкій; Мстиславъ Романовичъ Кіевскій и Мстиславъ Святославичъ Черниговскій. Изъ сподвижниковъ ихъ особенно выдавался Даніилъ Романовичъ, тогда княжившій на Волыни, зять Мстислава Удалого.

Монголы прислали пословъ къ русскимъ князьямъ, которымъ приказано было сказать, что русскимъ нѣтъ нужды помогать своимъ исконнымъ врагамъ—Половцамъ, что противъ русскихъ они, т. е. монголы, ничего не имѣютъ. Половцы-же твердили «сегодня Монголы возьмутъ нашу землю, а завтра и вашу». Въ совѣтѣ князей перевѣсъ, вопреки благоразумію, взялъ голосъ Мстислава Галицкаго, т. е., такого князя, который никогда умныхъ совѣтовъ не давалъ. Онъ до такой степени отличался политической несообразительностію, что даже самыя побѣды его зачастую обращались во вредъ русской землѣ. Прозвище Удалого, плѣнявшее современниковъ, слава безкорыстнаго борца за русскую землю, придавали его голосу сильный авторитетъ. Между тѣмъ безкорыстіе его совѣта вступиться за Половцевъ подлежитъ болѣе, чѣмъ сомнѣнію, ибо онъ женатъ былъ на Половецкой княжнѣ. Вѣроятнѣе всего, ему хотѣлось помочь своимъ Половецкимъ родственникамъ. Мало этого, конечно, по его совѣту, монгольскіе послы были выданы Половцамъ и умерщвлены. Монголы прислали еще посольство и велѣли ска-

зать: «мы не хотѣли съ вами воевать, вы умертвили нашихъ пословъ—да будетъ ваша воля».

Подъ вліяніемъ того-же Мстислава Мстиславича князья рѣшились, не дожидаясь врага на границѣ, выступить противъ него въ степь. Пораженіе нѣсколькихъ передовыхъ монгольскихъ дружинъ ободрило князей и они легкомысленно все болѣе и болѣе углублялись въ степь. На берегахъ рѣки Калки, 31 мая 1224 гг., русскіе встрѣтили главные силы Монголовъ, слѣпо повиновавшихся старшему вождю. Не то было въ русскихъ полкахъ, изъ трехъ Мстиславовъ ни одинъ не хотѣлъ поступаться старшинствомъ. Мало этого, Мстиславъ Мстиславичъ, желая себѣ одному присвоить честь побѣды, началъ битву, не дождавшись, пока подходившія дружины прочихъ князей изготовятся къ битвѣ. Поэтому Мстиславъ Кіевскій и Мстиславъ Черниговскій стояли въ бездѣйствіи, пока Мстиславъ Удалой и его зять, Даніилъ Романовичъ, выказали чудеса безполезной храбрости: половцы, союзники Удалого, не выдержали напора монголовъ и бѣжали. Монголамъ уже не трудно было послѣ этого сокрушить Мстислава Мстиславича и его зятя. Русскіе послѣдовали за Половцами.

Татарскіе вожди, отрядивъ часть своего войска для преслѣдованія бѣжавшихъ, съ остальнымъ напали на Мстислава Кіевскаго, укрѣпившагося на горѣ. Мстиславъ Кіевскій, огородивъ свой станъ телѣгами и кольями, три дня отбивался отъ Монголовъ. Наконецъ, этотъ Мстиславъ дался въ обманъ. Монголы обязывались отпустить его за выкупъ. Съ Монголами были *Бродники* и вождь ихъ, Плоскиня, *присягнулъ на крестѣ* за исполненіе договора. Но договоръ не былъ исполненъ, Монголы безпощадно избили и это ополченіе. Мстиславъ Романовичъ съ младшими князьями брошены были подъ доски, на которыя побѣдители сѣли пировать. Подъ досками естественно князья задохнулись. Мстиславъ Удалой съ зятемъ успѣли спастись; но Мстиславъ Черниговскій съ семью князьями погибъ во время преслѣдованія. Остатокъ черниговскихъ полковъ привелъ назадъ князь Михаилъ, замученный впослѣдствіи въ ордѣ.

Совершенно справедливо Мстислава Мстиславича называютъ главнымъ виновникомъ бѣдствія; но нельзя оправдывать и другихъ князей, не подумавшихъ передъ походомъ избрать главнаго вождя.

Монголы дошли до Днѣпра, но потомъ повернули назадъ къ Волгѣ, прошли черезъ Камскую Болгарію и, черезъ тѣ широкія ворота, которыя образуются отрогами Урала и сѣверными берегами Каспійскаго моря, откочевали въ Азію.

И это страшное бѣдствіе ни чему не научило русскихъ князей [1]).

[1]) Г. Иловайскія удивляется, какъ мало политики того времени знали о переворотахъ, совершившихся въ глубинѣ Азіи. Вотъ его слова: «Какъ мало знали и какъ мало опасались за будущее, доказываютъ слова современнаго Суздальскаго лѣтописца о Василькѣ Константиновичѣ Ростовскомъ. Этотъ князь

Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, Галицкій не долго прожилъ послѣ пораженія на Калкѣ; но и въ короткое время напуталъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо: самовольно, вопреки обычному праву, отдалъ русскій Галичъ, по совѣту бояръ, зятю своему, Угорскому королевичу Андрею, а себѣ ставилъ только Понизье-Торческъ. Онъ умеръ въ 1228 г.

Старшій зять Мстислава, Даніилъ Романовичъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ отвоевали Галичъ отъ Угровъ, хотя большинство Галицкаго боярства стояло за Угорскаго короля, который поддерживалъ боярскія притязанія. На сторонѣ бояръ стоялъ двоюродный братъ Романовичей, князь Александръ Бельзскій. Бояре стремились низвести княжескую власть къ нулю. Разъ на пиру одинъ изъ бояръ плеснулъ изъ чаши въ лицо Даніилу и эта дерзость была прощена. (И. Р. Т. 1, ч. 2, Иловайскій). Но Даніилъ находилъ поддержку на вѣчѣ, въ народѣ. Разъ отправляясь въ походъ противъ Александра Бельзскаго, Даніилъ, созвавъ вѣче, спросилъ—сохранитъ-ли народъ къ нему вѣрность? «Мы вѣрны тебѣ и Богу», а соцкій Микула напомнилъ ему пословицу его отца. «Господинъ, не погнетши пчелъ, меду не ѣсть». Такимъ образомъ бояре и въ Галичѣ, какъ потомъ въ Москвѣ, въ XVI в., не умѣли заручиться сочувствіемъ народа. Кромѣ Угровъ на Галичъ простиралъ виды и Михаилъ Черниговскій, успѣвшій было его захватить на нѣкоторое время.

Однако Романовичи возсторжествовали; во время нашествія Бату-Хана, Даніилъ сидѣлъ въ Галичѣ, а въ Кіевѣ былъ его намѣстникъ.

До 1236 года Монголы не двигали въ Европу большихъ силъ. Угедей, преемникъ Чингиза, доканчивалъ завоеваніе сѣвернаго Китая и довершилъ другія ихъ предпріятія. Чингизъ-Ханъ, какъ говорятъ, начерталъ планъ дальнѣйшихъ завоеваній. Удивительны однако слова историковъ, что о монголахъ не было ни слуху, ни духу, когда есть извѣстіе, что уже въ 1229 г. развѣдочные отряды ихъ доходили до Великаго Города въ Камской Болгаріи, о чемъ знали Половцы. Наше пораженіе на Калкѣ должно было-бы убѣдить русскихъ князей, что новый врагъ опаснѣе Половцевъ.

опоздалъ съ своею сѣверною дружиною и благополучно вернулся. Простодушный книжникъ, конечно, *не предчувствовалъ* (sic), какая гроза собиралась надъ самой Суздальской землей и какая мученическая кончина ожидала Василька Константиновича. (И. Р. Иловайскаго, Т. 1, часть 2, 363 стр.). Весьма странный упрекъ политикамъ XIII в., что они не знали, что дѣлается въ глубинѣ Азіи, когда они не видѣли какая сила, съ начала XIII в., возникла на берегахъ Балтійскаго Поморья. Книжники-же наши, сидя въ монастыряхъ, что могли знать, кромѣ историческихъ басенъ? Что можно требовать отъ людей, которые вѣрили Меѳодію Патросскому, что Гедеонъ загналъ какой-то народъ въ пустыню между *Сѣверомъ* и *Востокомъ* (sic) который явится передъ кончиною свѣта и поплѣнитъ всю землю отъ Востока до Эвфрата, Тигра и Понтскаго моря? Да и во всей Европѣ той поры географическія свѣдѣнія были не лучше.

Половцы были раздроблены на мелкія орды, враждебныя другъ другу, что и спасло Россію отъ Половецкаго ига. Монголы-же, хотя и раздѣленные по смерти Чингиза, однако продолжали подчиненіе единой волѣ, хотя и ограниченной Великимъ Курилтаемъ и Ясою. Военное устройство Монголовъ, ихъ тактика и вообще военное искусство далеко превосходило военное искусство Половцевъ, которыхъ въ теченіи почти двухъ вѣковъ мы часто отражали, но и тѣхъ изъ нашихъ степей выгнать не могли. Развѣдочная служба у Монголовъ доведена была до совершенства, благодаря многочисленности ихъ табуновъ. Въ развѣдочныхъ отрядахъ или загонахъ у каждаго воина было по пяти коней, вѣеромъ разсыпались они впереди главныхъ силъ. Въ войнахъ съ Китаемъ Монголы научились искусству брать города. Съ Монголами въ тѣсной связи находились подчиненные имъ и сначала покоренные ими, а потомъ слившіеся съ ними Татары, единоплеменные Кипчакамъ или Половцамъ. Раздробленная Россія, при взаимной зависти и враждѣ князей, не могла имъ противостоять. Дружины князей были храбры, но малочисленны. Кромѣ дружинъ еще горожане могли владѣть оружіемъ; вся же масса сельскаго населенія, зависѣвшая при томъ отъ разныхъ князей, была безоружна.

Въ 1236 г. Бату-Ханъ, сынъ Джучи, съ Субудай Багадуромъ, побѣдителемъ при Калкѣ, съ цѣлою ордою, въ которой было болѣе 500 т. ратниковъ, перешелъ Яикъ и поручилъ Багадуру покорить Камскую Болгарію, что и было исполнено имъ осенью того же года. Великій Городъ былъ разрушенъ, вся страна была опустошена, масса жителей избита.

Въ началѣ зимы 1237 г. Монголо-Татары двинулись на русскую землю, къ предѣламъ рязанскимъ. Бату-ханъ, расположившись станомъ на берегахъ какой-то рѣчки, отправилъ къ рязанскимъ князьямъ посольство, требуя, чтобы они выдали ему десятую часть отъ коней и людей. Рязанскіе князья просили помощи у Черниговскихъ, но Черниговскій князь Михаилъ и другіе князья отказали подъ тѣмъ предлогомъ, что Рязанскіе князья не прислали помощи на Калку, а В. К. Владимірскій только собирался помочь. Между тѣмъ Рязанскіе князья, въ порывѣ благороднаго негодованія, рѣзко отказали Бату въ его требованіи. Бату вступилъ въ Рязанскую землю. Рязань, послѣ пятидневнаго сопротивленія, была взята и разрушена, Рязанская земля опустошена, масса жителей погибла подъ мечами Монголовъ.

Раззоривъ Рязанскую землю, Монголы-Татары двинулись въ Суздальскую волость, Юрій Всеволодовичъ, оставивъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, удалился къ Новгородскимъ предѣламъ и расположился на берегахъ р. Сити, притокѣ Мологи. Монголы-Татары сожгли города Коломну, Москву. Въ началѣ февраля 1238 г. они окружили Владиміръ-на-Клязьмѣ. 8 февраля, сдѣлали рѣшительный приступъ,

варвары ворвались въ городъ съ трехъ сторонъ, а потомъ взяли и Кремль, сыновья Юрія погибли въ битвахъ съ варварами, а В. Княгиня, съ дочерьми, снохами и внучатами и со многими боярынями и съ епископомъ Митрофаномъ искали спасенія въ храмѣ Богородицы на хорахъ, гдѣ всѣ и сгорѣли, ибо Монголо-Татары, напередъ ограбивъ храмъ, натаскали хворосту и, обложивъ его дровами снаружи, зажгли. Городъ былъ раззоренъ и въ тоже время раззоренъ былъ Суздаль, а за тѣмъ города Ярославль, Галичъ-Мерянскій, Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Волоколамскъ, Тверь. Въ теченіи февраля было взято 14 городовъ и множество слободъ и погостовъ. 4 марта того-же 1238 г. В. Князь Юрій съ братьями разбитъ былъ на берегахъ Сити и погибъ съ племянникомъ, Василькомъ Константиновичемъ. Раззоривъ Торжокъ, и не доходя ста верстъ до Новгорода, Бату поворотилъ на Югъ. На обратномъ движеніи геройское сопротивленіе оказалъ Козельскъ, гдѣ сидѣлъ малолѣтній князь Василій (изъ Черниговскихъ Ольговичей). Семь недѣль защищался городъ, за что Бату прозвалъ его злымъ. По взятіи городъ былъ раззоренъ, жители истреблены. Говорятъ, что самъ Василій утонулъ въ крови. Покоривъ Половцевъ, разрушивъ города Южный Переяславль, Черниговъ, зимою 1239 г. Бату послалъ докончить покореніе Мордовской земли и раззорить уцѣлѣвшія земли Владимірско-Суздальскаго княжества. Главныя же силы Монголо-Татаръ двинулись на Кіевъ, гдѣ тогда княжилъ Михаилъ Черниговскій. Онъ малодушно бѣжалъ, а въ Кіевъ прибылъ намѣстникъ Даніила Галицкаго. Въ 1240 г. Бату обложилъ Кіевъ. При немъ были лучшіе его воеводы, Богадуръ и Бурундай. Кіевляне оказали отчаянное сопротивленіе. Но когда стѣнобитныя орудія пробили стѣну, враги ворвались въ городъ. 6 декабря, въ Николинъ день, Кіевъ окончательно былъ взятъ. Раззоривъ Кіевъ, Монголо-Татары разрушили Галичъ на Днѣстрѣ, Владиміръ на Волыни. Опустошивъ земли Кіевскую, Волынскую, Галицкую, они не могли взять только—Кременца. Князья Болоховскіе сдались добровольно и обязались сѣять для татаръ просо и пшеницу.

Въ 1241 г. Бату оставилъ Русь и цѣлый годъ опустошалъ Угорское королевство. Въ 1242 г. черезъ Болгарію и Валахію онъ воротился въ русскія южныя степи. Польшу нашествіе Бату захватило мимоходомъ и то дорого ей стоило. Поляки съ нѣмецкими рыцарями были разбиты при Лигницѣ. Города Судуміръ, Краковъ и Бреславль было раззорены.

Бату-Ханъ съ главной ордой своей расположился въ Поволжскихъ и Подонскихъ степяхъ; остатки Печенѣговъ, Половцевъ, Торковъ, обращенные въ рабство, по единоплеменности съ татарами, скоро слились съ послѣдними и усилили въ Ордѣ тюркскій элементъ въ ущербъ монгольскому; тюркскій элементъ, наконецъ, взялъ перевѣсъ. Ярлыки ханскіе, т. е. указы, сначала писа-

лись по-монгольски, потомъ по-татарски. Подлинники до насъ не дошли; но переводы дѣлались пословно, слово за словомъ съ подлинника, поэтому и можно отличить монгольскій синтаксическій строй рѣчи отъ татарскаго (см. вышеназванную статью: о достовѣрности ярлыковъ). Батыева Орда, расположившаяся въ кочевьяхъ половцевъ или кипчаковъ, получила названіе Кипчакской Орды. Кочевой бытъ Орда сохранила, въ лѣтнее время кочевала въ сѣверныхъ частяхъ степи, а на зиму передвигалась къ морямъ Каспійскому и Черному. Главное мѣстопребываніе хана, называлось Сарай; названіе обращенное потомъ въ собственное имя. Сарай кипчакской орды расположенъ былъ на Ахтубѣ, рукавѣ Нижней Волги, гдѣ теперь городъ Царевъ. Сюда на поклонъ должны были являться русскіе князья, откуда иногда посылали ихъ ко двору верховнаго хана за Байкалъ.

Первый князь, который долженъ былъ явиться на поклонъ къ Бату, былъ Ярославъ Всеволодовичъ. Узнавши о гибели брата своего, Юрія, онъ пріѣхалъ княжить во Владимірѣ, очистилъ церкви отъ труповъ, призвалъ изъ лѣсовъ бѣжавшихъ жителей и, какъ старшій въ родѣ, роздалъ волости — Суздаль брату Святославу, Стародубъ на Клязьмѣ,—Ивану. Ростовъ остался въ линіи Константина.

Чтобы успокоить жителей и закрѣпить свою власть, Ярославъ отправился на поклонъ къ Бату. Бату принялъ его съ честію и утвердилъ за нимъ старшинство надъ всѣми князьями. Сына своего, Константина, Ярославъ послалъ въ глубь Монголіи, на поклонъ къ Великому Хану. Но посылкой сына не удовольствовались и, по возвращеніи его, Ярославъ, на старости лѣтъ, долженъ былъ отправиться самъ. Онъ былъ свидѣтелемъ избранія преемника Угедею, Гаюка. По монгольскому обычаю его приняли съ честію. Тогда еще продолжала править мать Гаюка, ибо ханскія жены и вообще женщины у монголовъ пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ у византійскихъ книжниковъ. Регентша угощала Ярослава изъ собственныхъ рукъ. Вскорѣ Ярославъ заболѣлъ и умеръ. Плано-Карпини, католическій монахъ-миссіонеръ, присланный папою, разсказываетъ, что Ярославъ былъ отравленъ ханшею и прибавляетъ невѣроятный слухъ, что ханша обѣщала старшинство его сыну Александру, прозванному впослѣдствіи Невскимъ. Наши лѣтописи винятъ какого-то слугу, который будто-бы оклеветалъ Ярослава, что могло быть слѣдствіемъ какой-нибудь личной мести и еще вѣроятнѣе предположеніе Соловьева, что причина его смерти была одинакова съ причиною смерти всѣхъ князей, погибшихъ въ Ордѣ, именно наговоры родичей. И дѣйствительно, князья несли свои родовыя дрязги изъ поколѣнія въ поколѣніе, забывая изъ-за нихъ совершенно благо русской земли. И донесли эту ношу до XVI в., до встрѣчи съ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Язва наговоровъ, доносовъ была

такъ велика, что отъ нее не былъ избавленъ даже такой князь, какъ Александръ Невскій. Ярославъ погибъ въ глуши Монголіи, въ 1246 г.

Въ томъ-же году погибъ въ Ордѣ князь Михаилъ Черниговскій, два раза бѣгавшій отъ Бату въ Угрію.—Воротившись окончательно, онъ не могъ, безъ утвержденія Бату, занять свое Черниговское княжество и съ цѣлію выпросить себѣ утвержденіе и заявить свою покорность, Михаилъ, въ сопровожденіи боярина Ѳеодора, явился къ Бату.—Онъ долженъ былъ пройти въ ставку хана сквозь огни, для очищенія. Духовникъ Михаила понялъ это, какъ поклоненіе огню, чего совсѣмъ не требовалось, и идоламъ. Вѣроятно, за идоловъ приняты были войлочныя чучела, стоявшія у порога. Вѣроятно, это были свернутыя на подобіе человѣческихъ фигуръ, войлоки, на которыхъ ханы сидѣли во время Курилтая, въ день воцаренія. Михаилъ отказался исполнить обрядъ очищенія и вѣроятно прибавилъ нѣсколько бранныхъ словъ. По закону Ясы, онъ былъ казненъ за поруганіе чужой вѣры.

Что-же это за обрядъ очищенія? Вышеупомянутый католическій францисканскій монахъ, Плано-Карпини, разсказываетъ слѣдующее. Когда его и его свиту повели представлять Бату, то объявили, что имъ надобно пройти между двухъ огней. Монахи сначала воспротивились; но когда имъ объяснили, въ чемъ дѣло, они, не менѣе русскихъ вѣрующіе христіане, согласились. Дѣло состояло въ слѣдующемъ суевѣріи.—Ступайте смѣло, если съ вами нѣтъ яду или чего-нибудь вреднаго для хана, а если есть ядъ, то огонь его очиститъ.—Если такъ, отвѣчалъ Плано-Карпини, то мы идемъ.

Бату былъ хитрый политикъ и потому постоянно оказывалъ, по завѣту Чингиза, покровительство всѣмъ религіямъ, строго преслѣдуя религіозные раздоры. Вообще монгольскіе ханы чужды были какого-бы то ни было фанатизма, особенно-же Бату, про котораго персидскіе историки говорятъ, что онъ не исповѣдовалъ никакой религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ, но вѣрилъ въ единаго Бога.

Тяжелое иго налегло на Россію.—Ни въ чемъ эта тягость такъ не выразилась, какъ въ способѣ собранія дани. Дань въ ордѣ собиралъ—Даруга, внѣ орды—Баскакъ. Характерно, что Даруга и Баскакъ имѣютъ одно и тоже значеніе—давитель. Баскаковъ сопровождали сильные отряды и за непослушаніе имъ цѣлые города и села стирались съ лица земли. Дань отдавалась на откупъ бухарскимъ и хивинскимъ, вообще ховарезмійскимъ купцамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Бессермены. Отсюда произошло и слово бусурманъ, подъ которымъ народъ объединилъ сначала всѣ нехристіанскіе народы, а потомъ и христіанскіе, не греческой церкви. Такъ какъ бессермены вносили большія откупныя суммы, то они, при сборѣ дани, старались себя вознаградить, да и съ баскаками подѣлиться. — У кого было три сына, одного брали въ Орду, брали въ Орду всѣхъ

холостыхъ мущинъ и незамужнихъ женщинъ. Огромное количество русскихъ плѣнныхъ появилось на рынкахъ Крыма и Константинополя. Венеціанскіе и генуэзскіе купцы ихъ скупали, и продавали въ мусульманскіе страны С. Африки. Правильный сборъ дани введенъ былъ не вдругъ.

Въ Софійскомъ Временникѣ, подъ 1240 г., помѣщенъ плачъ земли русской, о гибели ея чадъ: «сыны, сыны русскіе!.. вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я-же, безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездомная. Но кого мнѣ прежде оплакивать—мужа-ли, чадъ-ли любимыхъ? Вдовство мое—опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа».

И въ дѣйствительности Русь плакала и стенала, а князья продолжали свои интриги, приготовляясь наводить на русскую землю татаръ, какъ наводили прежде половцевъ.

Въ это время появился кіевскій Патерикъ, житіе святыхъ.—Составитель Патерика, инокъ Поликарпъ, говоритъ, что первые русскіе составители житій имѣли подъ рукою древніе патерики и имъ подражали; этимъ подражаніемъ, говоритъ Порфирьевъ, объясняется то сходство, какое мы видимъ въ подвигахъ нашихъ святыхъ съ подвигами святыхъ греческихъ. (И. Р. Сл. т. I, стр. 414). Но у историка это синхронистическое совпаденіе появленія Патерика Поликарпа съ татарскимъ разгромомъ вызываетъ вопросъ — отчего-же съ этимъ руководствомъ къ терпѣливому перенесенію страданій, не дано было и слово ободренія? надежды?

На этомъ вопросѣ пока остановимся, намъ еще придется о немъ говорить.

ГЛАВА V.

Во второй половинѣ XIII в. съ 1240 г. произошла громадная перемѣна въ княжескихъ отношеніяхъ. Тѣнь родовыхъ отношеній еще надолго сохраняется, но уже мало-по-малу на первый планъ выдвигается вопросъ территоріальный. Князья, переходя на старшіе столы, оставляли за собою княжества, которыми они владѣли, передавали ихъ дѣтямъ по наслѣдству, усиливая владѣнія своей линіи.

Первый примѣръ въ этомъ направленіи подалъ Ярославъ Всеволодовичъ, занявши, по кончинѣ Юрія, Владиміръ-на-Клязьмѣ, и оставивъ за собою прежнее свое княжество, сѣверный Переяславль, чего прежде не бывало.

Когда пришла вѣсть о смерти Ярослава, то по старинѣ старшій Владимірскій столъ занялъ его меньшой братъ, Святославъ Всеволодовичъ. Онъ утвердилъ въ 1246 г. племянниковъ на *удѣлахъ*, данныхъ имъ покойнымъ в. княземъ. По поводу этого утвержденія, С. М. Соловьевъ замѣчаетъ: «Здѣсь впервые считаемъ себя вправѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія княжескія волости не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова (И. Р., т. III, примѣчаніе 293).

Въ то время, когда надъ Россіей разразилась страшная гроза съ Востока, ея западные сосѣди не давали ей покоя. Уже въ 1239 г., когда Бату шелъ къ югу, Литва напала на Смоленскъ, но Ярославъ Всеволодовичъ разбилъ литовцевъ въ окрестностяхъ этого города и спасъ его. Пока Ярославъ усиливался по возможности сгладить слѣды монгольскаго разгрома въ Владимірско-Суздальскомъ княжествѣ и ѣздилъ на поклоненіе къ Бату, а потомъ отправился къ В. Хану, на сѣверо-западѣ Россіи продолжалась упорная борьба Новгорода и Пскова со шведами, ливонцами и литвою. Героемъ этой борьбы былъ Александръ Ярославичъ, внукъ Всеволода.

Въ 1240 г. шведы, съ папскою буллою, которая провозглашала Новгородцевъ союзниками язычниковъ, врагами Христа и ослушниками намѣстника Св. Петра. выступили противъ Новгорода. Александръ немедленно взялся за оружіе и разбилъ ихъ на берегахъ р. Невы. За эту побѣду его прозвали Невскимъ. Вышеупомянутая булла папы, названіе Римлянъ, которое наши сказанія даютъ шведамъ, ясно показываютъ, что война носила характеръ религіозной борьбы, почему побѣда на берегу Невы произвела столь сильное впечатлѣніе, что Александру дано прозваніе по мѣсту побѣды, чего прежде не бывало. Но у Александра, какъ и у отца его, былъ нравъ крутой, самовластный, и потому, несмотря на побѣду на берегахъ Невы, онъ съ новгородцами не поладилъ, и выѣхалъ изъ Новгорода. Но едва онъ оставилъ Новгородъ, какъ явился новый врагъ. Ливонскіе нѣмцы напали на Псковскую волость. Онь взяли Изборскъ и подступили ко Пскову. Псковъ исполнялъ всѣ требованія ливонцевъ, тамъ съ нѣмцами началъ властвовать какой-то Твердило Ивановичъ. Подчинивъ себѣ Псковъ, нѣмцы, вмѣстѣ съ Чудью, вторглись въ Вотскую пятину, побрали всѣхъ лошадей и, думая здѣсь утвердиться, на Копорьѣ построили крѣпость. Новгородцы опять послали за Александромъ. Александръ явился на призывъ и, въ 1242 г., разбилъ нѣмцевъ на льду Чудскаго озера. Псковъ былъ освобожденъ. Въ 1245 г. Александръ нанесъ пораженіе литовцамъ.

Александръ Невскій не походилъ на южныхъ князей, въ немъ не было ни капли той безумной отваги, какою напр. отличался Мстиславъ Удалой. Александръ, говоритъ современникъ, гдѣ сражался, тамъ и побѣждалъ, съ искусствомъ полководца, отъ соединялъ и личную отвагу; но его побѣды давали другіе результаты, чѣмъ побѣды Мстислава. И это отъ того, что у него желѣзная воля соединялась съ гибкостью характера, военныя дарованія съ талантами государственнаго человѣка. Его политику можно объяснить французской пословицей: il faut reculer, pour mieux sauter.

Еще при жизни отца, въ 1242 г., Бату призвалъ Александра въ орду и, конечно, онъ исполнилъ всѣ требованія монгольскаго этикета, какъ почти всѣ князья и, вѣроятно, митрополиты. Бату принялъ его съ честью. По смерти отца, онъ, съ братомъ Андреемъ, отправился снова къ Бату, а оттуда за Байкалъ къ В. Хану.
Въ то время, какъ въ Ордѣ, старшіе Ярославичи спорили за Владиміръ, самый младшій ихъ братъ, Михаилъ Хоробритъ, князь Московскій, выгналъ дядю, Святослава, безъ всякаго на то права, изъ Владиміра. Такъ ослабли родовыя отношенія. Михаилъ еще до возвращенія старшихъ братьевъ погибъ въ битвѣ съ литовцами; но Святославъ уже никогда не могъ возвратить себѣ великаго княженія.

Въ Ордѣ Владиміръ-на-Клязьмѣ дали Андрею, Кіевъ—Александру; но Александръ этимъ дѣленіемъ былъ недоволенъ и отправился

къ Сартаку, сыну Бату, жаловаться, что Андрей отнялъ у него старшинство. Противъ Андрея послано было татарское войско, Андрей бѣжалъ въ Швецію, но вскорѣ возвратился и получилъ отъ брата Суздаль. Вслѣдъ за тѣмъ у Александра началась вражда съ его братомъ Ярославомъ, кн. Тверскимъ, который захватилъ было Новгородъ, и этотъ братъ долженъ былъ смириться передъ Невскимъ. Во время борьбы Невскаго съ Ярославомъ обнаружилась характеристическая черта во взаимномъ отношеніи партій въ Новгородѣ. Лучшіе люди, т. е. бояре и молодшіе т. е. народъ—вмѣстѣ выступили противъ Александра. Послѣдніе дали клятву не выдавать посадника изъ партіи лучшихъ; но лучшіе этимъ не довольствовались, они хотѣли заставить князя принять власть *исключительно* на условіяхъ ихъ стороны.

Въ 1255 г. умеръ Бату, а затѣмъ и Сартакъ. Кипчакская Орда досталась Берке. При немъ произведена вторая перепись, вѣроятно болѣе полная, чѣмъ первая, и установлена опредѣленная дань мѣхами. Въ 1257 г. пріѣхали численники, и тутъ настала самая трудная пора дѣятельности Александра Невскаго. Молодшіе люди не хотѣли допустить *взять число*, т. е. допустить переписи, на сторонѣ ихъ стоялъ и Василій, сынъ Невскаго, который бѣжалъ отъ отца во Псковъ. Съ помощью лучшихъ людей Александру удалось допустить ханскихъ чиновниковъ взять число. Потомъ онъ изгналъ изъ Пскова сына своего Василія, а совѣтниковъ его жестоко наказалъ. Но только-что успокоилось въ Новгородѣ, начались волненія въ Суздальской землѣ—въ Ростовѣ, Владимірѣ, въ Суздали, Переяславлѣ и Ярославлѣ; народъ собирался на вѣча и отовсюду выгонялъ ханскихъ чиновниковъ. Надъ русской землей готова была снова разразиться гроза, страшнѣе Батыевой грозы. Александръ, въ четвертый разъ на старости лѣтъ, отправившись въ Орду, смягчилъ гнѣвъ Берке и не допустилъ погибнуть окончательно русской землѣ. На обратномъ пути, въ 1263 г., онъ скончался въ Городцѣ на Волгѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ много потрудился за русскую землю, за Новгородъ, за Псковъ, не щадя живота, и за вѣру православную [1]).

Ханъ, по смерти Невскаго, утвердилъ Великимъ Княземъ его брата, Ярослава Ярославича Тверскаго. Андрей Суздальскій, соперникъ Невскаго, вскорѣ умеръ. Ярославъ, подобно отцу и брату, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, оставилъ за собою, переходя на

[1]) Соловьевъ считаетъ Александра Невскаго самымъ виднымъ историческимъ лицомъ отъ Мономаха до Димитрія Донского; но, по нашему мнѣнію, онъ былъ выше того и другого своею прозорливостью. По смерти, имя его было очень прославлено; но при жизни его не любили и онъ очень мало заботился, что объ немъ думаютъ, сознавая свое значеніе. Его особенно не любили на югѣ, гдѣ братъ его, Андрей, имѣлъ союзниковъ и породнился съ Даніиломъ Галицкимъ.

великокняжескій столъ, княжество, въ которомъ онъ сидѣлъ дотолѣ, т. е., Тверь. При исключительно родовыхъ отношеніяхъ князь, ставшій старшимъ въ родѣ, Великимъ Княземъ, переселялся, какъ мы уже говорили, съ дружиною въ стольный городъ Кіевъ; основатели Суздальско-Владимірскаго княжества, Андрей и Всеволодъ Юрьевичи, оставались во Владимірѣ. Въ потомствѣ Всеволода еще перемѣна: Александръ Невскій жилъ, ставши Великимъ Княземъ, то въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, то во Владимірѣ, куда впослѣдствіи перенесены были останки его, и гдѣ они покоились до Петра Великаго. Братъ Невскаго, Ярославъ, тоже жилъ, то въ Твери, то въ Новгородѣ, то во Владимірѣ.

Теперь настала пора, когда Великіе Князья болѣе всего старались усилить и увеличить свои собственныя владѣнія, и Ярославъ Ярославичъ съ этою цѣлію сталъ тѣснить Новгородъ. Сначала онъ имѣлъ сильныхъ приверженцевъ въ молодшихъ людяхъ, которые не долюбливали его брата, Александра, за крутой нравъ, но онъ скоро потерялъ своихъ приверженцевъ. Не разсчитывая сладить съ Новгородомъ собственными силами, онъ обратился за помощію къ Татарамъ. Ханъ далъ ему войско и онъ выступилъ въ походъ. Но Новгородъ спасенъ былъ братомъ Ярослава, Василіемъ, кн. Костромскимъ, не по сочувствію къ быту Новгорода, а по зависти къ брату, какъ замѣчаетъ Соловьевъ. Василій очень боялся усиленія княжества своего брата, что повело-бы и къ гибели княжества Костромскаго. Этотъ фактъ былъ первымъ проявленіемъ новой, территоріальной политики князей. Василій бросился въ Орду и представилъ Хану, что Ярославъ не правъ, Новгородцы ни въ чемъ передъ Ханомъ виноваты не были. Ханъ воротилъ татарскія войска. Въ 1272 г., по смерти Ярослава, Василій, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, хотѣлъ властвовать въ Новгородѣ на всей своей волѣ и, когда Новгородцы отказались принять его на этомъ условіи, то онъ, при помощи татаръ, захватилъ Торжекъ и всѣ пути изъ Суздальской земли въ Новгородъ. Въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ, грозилъ голодъ, и Новгородцы смирились. Василій Ярославичъ умеръ въ 1276 г. и погребенъ въ Костромѣ.

Во внутреннихъ отношеніяхъ, вскорѣ по смерти Невскаго, произошла и другая важная перемѣна.

Въ 1266 г. умеръ Ханъ-Берке, первый изъ Хановъ принявшій исламизмъ, вѣроятно, вслѣдствіе усиленія татарскаго элемента; но это принятіе исламизма не было обязательнымъ для его преемниковъ и нисколько не измѣнило силы Ясы и духа вѣротерпимости. Въ связи съ этимъ событіемъ Соловьевъ напрасно приводитъ обращеніе въ магометанство какого-то Изосима, который, въ 1262 г., свирѣпствовалъ въ Ярославлѣ и тамъ былъ убитъ. Изосимъ могъ перемѣнить вѣру въ угоду какому-нибудь сборщику податей и едва ли Ханъ интересовался такими пустяками. Со смертію Берке ми-

новало самое тяжелое двадцатипятилѣтіе ига и была, по выраже нію лѣтописи, ослаба отъ татарскаго насилія.

На Сѣверо-Западѣ продолжалась борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ томъ-же 1266 г. Псковитяне призвали Литовскаго князя Довмонта, который княжилъ во Псковѣ до 1299 г., и былъ щитомъ Пскова. Въ 1266 г. Довмонтъ съ отрядомъ Псковичей совершилъ набѣгъ на Литву и возвратился съ большимъ полономъ. Въ 1268 г. Довмонтъ, вмѣстѣ съ другими семью князьями разбилъ Нѣмцевъ при Раковорѣ, въ 1269 г. отразилъ Магистра отъ Пскова.

Призваніе Довмонта, его болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее княженіе, передача имъ власти его сыну Давиду—все показываетъ, какъ ослабѣли связи среди князей отъ племени Св. Владиміра, которые въ былое время не допустили-бы подобныхъ фактовъ. До какой степени въ это время окрѣпли новыя территоріальныя отношенія показываетъ переходъ княжествъ къ дочерямъ. Въ Ярославлѣ княжилъ родъ Константина Всеволодовича Ростовскаго, прекратившійся въ 1261 г. Княжество Ярославское перешло къ дочери послѣдняго князя. Мать княжны пріискала ей жениха въ лицѣ одного изъ князей Смоленскихъ, Ѳедора, къ которому и перешло Ростовское княжество. Это былъ предокъ князей Курбскихъ.

Съ 1276 г., послѣ смерти В. К. Василія Костромскаго, начинается борьба между сыновьями Невскаго. Она продолжалась до первыхъ годовъ XIV в. Причина этой гибельной борьбы все та-же, стремленіе усилить свои княжества — отчины, съ одной стороны, желаніе помѣшать этому усилію, съ другой стороны. Соперники искали помощи у татаръ.

Дмитрій Александровичъ Переяславскій занялъ Владимірскій столъ и Новгородъ. Его братъ, Андрей Александровичъ, боясь усиленія брата, поспѣшилъ въ Орду, рядомъ наговоровъ на брата, успѣлъ вооружить хана Менгу Темира противъ Димитрія и выступилъ противъ него съ татарскими полками, Димитрій долженъ былъ бѣжать. Въ продолженіе борьбы Андрей еще два раза наводилъ татаръ. Въ 1293 г. татарами вновь разграбленъ былъ Владиміръ и раззорено было 14 суздальскихъ городовъ. Димитрій въ свою очередь обращался за помощью къ хану Ногаю, кочевавшему на югѣ. Въ 1294 г. онъ скончался, но спокойствіе въ русской землѣ и по смерти его не возстановилось.—Въ 1296 г. Андрей съ большой силой дважды подступалъ къ Переяславлю, гдѣ княжилъ его племянникъ, Иванъ Дмитріевичъ. Онъ соединился съ княземъ Михаиломъ Тверскимъ и съ младшимъ изъ родныхъ дядей своихъ, Даніиломъ Александровичемъ Московскимъ. Но союзники не помогли ему взять Переяславль, и Андрей отступилъ. Въ 1302 г. князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій умеръ бездѣтнымъ. «По старинѣ», говоритъ Соловьевъ, «великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностію, по общему совѣту, со всѣми родичами, съѣ-

лать съ ними рядъ, по древнему выраженію». (И. Р. Т. Ш, стр. 236, изд. 4). Но старыя преданія и связи съ каждымъ часомъ разрушались все болѣе и болѣе—и въ началѣ XIV в. мелкій *удѣльный* князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій счелъ себя въ правѣ свою отчину—удѣлъ завѣщать по своей волѣ, какъ свою собственность, младшему дядѣ, Даніилу Александровичу Московскому. Въ 1303 г. умеръ Даніилъ Алексанровичъ; но сынъ его, Юрій, отстоялъ Переяславль отъ притязаній Андрея, который умеръ въ 1304 г. За этотъ Переяславль и началась борьба между Москвою и Тверью. Андрей былъ родоначальникъ князей Суздальскихъ, отъ которыхъ пошли князья Шуйскіе; Даніилъ родоначальникъ великихъ князей Московскихъ и перваго русскаго царя, Ивана Васильевича Грознаго; Михаилъ Тверской родоначальникъ тверскихъ князей.

Во время этихъ событій на сѣверо-западѣ то и дѣло возобновлялась борьба со Шведами и Ливонцами.

Шведы, потерпѣвъ пораженіе въ 1240 г. на берегахъ Невы, старались прочнѣе укрѣпиться къ сѣверу отъ Финскаго залива. Въ 1293 г., завоевавъ часть русской Кареліи, они построили Выборгъ который новгородцы безуспѣшно пытались разрушить. Въ 1295 г. шведы построили Кексгольмъ на берегу Ладожскаго озера, но на этотъ разъ новгородцы успѣли прогнать шведовъ и разрушить Кексгольмъ. Въ 1300 г. шведы рѣшились закрѣпить за собою устья Невы и, при впаденіи рѣчки Охты въ эту рѣку, построили, при помощи итальянскихъ мастеровъ, крѣпость Ландскрону. Новгородцы энергично возстали противъ этого захвата, взяли крѣпость и срыли ее до основанія. Пскову угрожали Ливонцы и въ 1294 г. Великій Магисртъ Ливонскаго Ордена подступилъ ко Пскову; но Довмонтъ, это было въ послѣдній годъ его жизни, не только отразилъ нѣмцевъ, но и разбилъ ихъ на голову. Память Довмонта свято чтилась во Псковѣ.

Въ остальныхъ княжествахъ князья вездѣ раболѣпствовали передъ баскаками, наговаривали ханамъ другъ на друга и съ помощью татаръ губили другъ-друга.

Худо было въ суздальской землѣ, въ другихъ было еще хуже. Въ Курскомъ княжествѣ напр., всѣ дани взялъ на откупъ баскакъ Ахматъ.—Въ земляхъ удѣльныхъ курскихъ князей, Олега Рыльскаго и Святослава Липецкаго, Ахматъ устроилъ слободы, жителямъ которыхъ онъ далъ большія льготы. Число жителей, изъ добровольныхъ переселенцевъ въ эти слободы, возрастало въ убытокъ вышеназваннымъ князьямъ.—Олегъ и Святославъ отправились жаловаться къ хану Телебугѣ въ Золотую орду, Ахматъ же къ сопернику послѣдняго, къ Ногаю. Ногай далъ Ахмату войско, съ которымъ онъ пошелъ раззорять земли означенныхъ князей. Добычу свозили въ вышеозначенныя слободы. Ахматъ захватилъ 13 бояръ Олега и повѣсилъ ихъ на деревьяхъ, часть одежды ихъ отдалъ купцамъ и

странникамъ, сказавши: «объявляйте всюду, такъ будетъ со всякимъ, кто будетъ спорить съ баскакомъ». Ахметъ отправился къ Ногаю, оставивъ въ слободахъ своихъ братьевъ, которыхъ, разбойническимъ образомъ, захватилъ и убилъ, князь Святославъ Липецкій.— Олегъ Рыльскій испугался, поспѣшилъ въ Орду жаловаться на брата. Ханъ далъ ему войско. Съ этимъ войскомъ Олегъ разбилъ Святослава Липецкаго, захватилъ его и убилъ. Братъ Святослава, Александръ, въ свою очередь отправился въ Золотую Орду и, воротясь съ ханскимъ войскомъ, захватилъ Олега съ двумя его сыновьями и всѣхъ убилъ.

Всѣ эти событія внушительно объясняютъ, кто былъ виновникомъ вѣковаго татарскаго ига.

Заднѣпровье, сильно раззоренное татарами, въ тоже время страдало отъ внутреннихъ смутъ. На сѣверѣ русскую землю раздирали княжескія смуты; въ Галичинѣ, въ сильнѣйшемъ княжествѣ Заднѣпровья, смута шла отъ бояръ.

Во время нашествія Бату Даніилъ Романовичъ бѣжалъ въ Уґрію, а потомъ въ Польшу, гдѣ оставался, пока гроза миновала. Возвратившись, онъ засталъ боярскую смуту, которая воскресла во время всеобщаго бѣдствія, и продолжалась десять лѣтъ. Въ смуту вмѣшался князь Черниговскій, Ростиславъ Михайловичъ, имѣвшій партію между черниговскими боярами. Дѣло дошло до открытой усобицы; въ битвѣ при Ярославлѣ, что въ Галичинѣ, Ростиславъ и Черниговскіе бояре, съ ихъ союзниками-ляхами и уграми были разбиты. Ожесточеніе побѣдителей было такъ велико, что даже такой добродушный князь, какъ Даніилъ, и тотъ увлекся чувствомъ мести. Первые попавшіеся въ плѣнъ бояре были умерщвлены жестокимъ образомъ, въ числѣ ихъ той-же участи подвергся угорскій воевода Фильній и извѣстный бояринъ Владиславъ, когда-то сѣвшій было на галицкій столъ. Что касается до Ростислава Михайловича, то онъ навсегда оставилъ русскую землю; угорскій король далъ ему княжество Мачву, въ сербскихъ земляхъ, зависѣвшихъ тогда отъ Угріи, а именно на правой сторонѣ Дуная, при впаденіи Савы.

Только что утихла смута,—отъ Бату пришло грозное слово: «дай Галичъ», т. е. напоминаніе, чтобы Даніилъ ѣхалъ въ Орду изъявить покорность. Даніилъ на этотъ разъ понялъ, что о сопротивленіи думать было нельзя. Когда онъ возвратился изъ Угріи—города лежали въ развалинахъ, вонь отъ смердящихъ труповъ не дозволяла приближаться къ нимъ, а боярская смута помѣшала поправить хотя отчасти зло. Дѣлать было нечего, надобно было ѣхать на поклонъ къ Бату. Даніилъ, какъ и Александръ Невскій, долженъ былъ исполнить обычный этикетъ—пройдя межъ огнями—стать передъ Бату на колѣни. Бату принялъ его милостиво и, въ знакъ милости, попоцивалъ кумысомъ. Когда князь выпилъ предложен-

ное ему, Бату будто бы сказалъ: «теперь ты нашъ—татаринъ». Отъ Бату Даніилъ отправился на поклонъ къ главной женѣ Хана, которая, въ знакъ благоволенія, прислала ему мѣхъ съ виномъ.—«Злѣе зла честь татарская», говорилъ Даніилъ и тогда же задумалъ свергнуть иго, для чего искалъ союза съ угорскимъ королемъ, которому оказывалъ помощь противъ чешскаго короля въ борьбѣ ихъ за австрійское наслѣдство. Для той-же цѣли, онъ вошелъ въ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV, изъявляя согласіе на Унію. Папа обѣщался проповѣдовать крестовый походъ. Должно замѣтить, что на Унію въ то же время изъявилъ согласіе и Михаилъ Палеологъ, возстановитель греческой имперіи. Сношенія съ папою ни тому, ни другому существенной пользы не принесли, Европѣ было не до крестовыхъ походовъ. Даніилу папа прислалъ королевскій вѣнецъ, и папскій легатъ короновалъ Даніила этимъ вѣнцомъ, въ 1255 г., въ годъ смерти Конрада IV, послѣдняго императора изъ дома Гогенштауфеновъ, въ годъ, въ который въ Европѣ началась смута, господство кулака, Faust-recht, кулачное право. Между тѣмъ Даніилъ, въ надеждѣ на папскую помощь, началъ борьбу съ татарами, она шла успѣшно, пока пограничными землями управлялъ баскакъ-Курмеса; но, когда мѣсто послѣдняго занялъ Бурундай, дѣла измѣнились. Бурундай началъ опустошеніе галицкихъ и польскихъ земель. По одному его требованію, Василько Романовичъ отправился съ нимъ въ походъ на Литву. Потомъ Бурундай потребовалъ, чтобы Даніилъ разрушилъ всѣ воздвигнутыя имъ укрѣпленія, и это было исполнено. Видя тщету папскихъ обѣщаній, Даніилъ прекратилъ сношенія съ Римомъ и тщетно папа Александръ IV слалъ упреки Даніилу. Въ 1264 г. Даніилъ умеръ, оставивъ Галицію тремъ сыновьямъ: Льву, Мстиславу и Шварну. Волынь осталась за его вѣрнымъ другомъ и братомъ, Василькомъ.

Во время нашествія Бату Черная или Принѣманская Русь, неизвѣстно какимъ образомъ, очутилась подъ властію литовскаго князя Миндовга. Миндовгъ такъ хитро устраивалъ свои дѣла, сила его была такъ велика, что противъ него составилась коалиція, въ которой съ Ливонскимъ орденомъ соединился Даніилъ Романовичъ. Видя, что съ коалиціей ему не сладить, Миндовгъ, въ столицѣ своей Новогрудкѣ, принялъ крещеніе отъ папскаго легата и получилъ королевскій санъ въ 1251 г. Потомъ, при посредствѣ сына своего Войшлега, заключилъ союзъ съ Даніиломъ. Шварнъ, сынъ Даніила, женился на дочери Миндовга. Но Литва была недовольна крещеніемъ Миндовга, поэтому онъ отрекся отъ христіанства и началъ жестокую войну съ прусскимъ орденомъ. По смерти жены своей, Миндовгъ, захватилъ жену Довмонта, сестру первой его жены, что и заставило послѣдняго искать убѣжища во Псковѣ. Миндовгъ кончилъ жизнь насильственною смертью около 1263 г. Его сынъ Войшлегъ, удалившійся было въ монастырь, вышелъ изъ монастыря и

страшно мстилъ людямъ, которыхъ онъ заподозрилъ въ смерти отца. Насытившись местью, Войшлегъ усыновилъ зятя своего, Шварна. Такимъ образомъ, счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, въ руки потомства Даніила отдавалась Черная Русь, Литва и Полоцкія земли, ибо Полоцкъ тогда уже входилъ въ число литовскихъ княжествъ.

Но буйство и жадность Льва Даніиловича, брата Шварна, разрушили эту счастливую случайность. Левъ, будучи кумомъ Войшлега, злобился на послѣдняго, что онъ все завѣщалъ его брату, а ему, куму, ничего. Вслѣдствіе такой низкой злобы, Левъ, въ пьяномъ видѣ, убилъ Войшлега и тѣмъ разорвалъ связь Литвы съ Галицкой Русью. Только Василько Романовичъ не допускалъ усобицъ. Онъ умеръ въ 1271 году.

Левъ Даниловичъ отнялъ у Шварна его удѣлъ, это еще болѣе сдѣлало его ненавистнымъ литвинамъ. Къ счастію благодушный сынъ Василько Романовича, Владиміръ, поддержалъ миръ съ галицкимъ княземъ, со Львомъ Даниловичемъ; но, будучи бездѣтнымъ, завѣщалъ Владиміро-Волынское княженіе не Льву, а его брату Мстиславу Даниловичу. Левъ помышлялъ-было отнять это наслѣдство у брата, и сынъ его, Юрій, захватилъ волынскую крѣпость, Берестье; однако, когда ему погрозили татарами, онъ возвратилъ Берестье.

Левъ Даниловичъ совсѣмъ запутался въ татарскихъ отношеніяхъ. Еще при жизни Владиміра Васильковича, полки галицкіе и волынскіе, съ князьями во главѣ, должны были присоединиться къ полкамъ татарскимъ. Въ 1282 году оба хана, заволжскій Телебуга и заднѣпровскій Ногай, пошли на Угровъ; въ 1285 г.—на поляковъ. Галицкіе князья, слабо-державшіе власть въ своихъ земляхъ, простирали свои честолюбивые виды на люблинскую землю. Князь Левъ Даниловичъ, пользуясь ослабленіемъ Польши отъ внутреннихъ смутъ, и отъ татарскаго погрома съ 1285 года, захватилъ на нѣкоторое время Люблинъ.

Этотъ Левъ крѣпко держался татарскаго союза, постоянно имѣя около себя татаръ. Татары, однако, не поддались льстивой политикѣ галицкихъ князей и, чтобы не дать усилиться Галицкому княжеству, возбуждали въ немъ усобицы и ссоры съ Поляками. Левъ Даніиловичъ умеръ въ 1301 году, оставивъ Галицкое княжество сыну своему Юрію, которому досталась и Волынь послѣ дяди; но и это счастливое обстоятельство не помогло Галицкому княжеству.

Вообще, какъ самъ Даніилъ Романовичъ, такъ и его потомки не отличались государственными способностями. Еслибы они, владѣя Галиціей и Волынью, съумѣли удержаться въ Литвѣ, отъ которой зависѣло Полоцкое княжество, то они могли-бы образовать сильное западно-русское государство. Не разъ имъ представлялись чрезвычайно благопріятныя для нихъ политическія условія, но они сами разрушали эти условія. Вѣроломство Льва Даніиловича, убив-

шаго Войшлега, было роковымъ событіемъ не только въ исторіи западной Руси, но и вообще въ исторіи Россіи и Польши.

Центръ политической жизни перенесенъ былъ, какъ мы видѣли, на сѣверъ. То-же должно было совершиться и въ сферѣ церковной. Митрополитъ Кириллъ II, занимавшій митрополичью каѳедру съ 1243 по 1280 г., въ самый тяжелый періодъ ига, большую часть времени проводилъ въ суздальской землѣ. Кириллъ II былъ родомъ русскій, поставленный русскими епископами безъ утвержденія константинопольскаго патріарха: Константинополь, съ 1204 года былъ уже столицею латинской имперіи. По возстановленіи греческой имперіи въ 1261 г. патріархъ, по смерти Кирилла, въ преемники ему назначилъ грека Максима, который окончательно оставилъ раззоренный Кіевъ и, въ 1300 г., перенесъ свое мѣстопребываніе во Владиміръ-на-Клязьмѣ, сохраняя титулъ митрополита кіевскаго и всея Руси. Уже Кириллъ II получилъ льготные ярлыки отъ хановъ, а Максимъ самъ ѣздилъ за ними въ Орду. Этимъ полученіемъ ярлыковъ и митрополиты признали свою зависимость отъ утвержденія хановъ.

Монгольское иго не могло не отозваться въ поученіяхъ церковныхъ пастырей. Серапіонъ, епископъ владимірскій, посвященный въ епископы Кирилломъ, въ проповѣдяхъ рисуетъ мрачную картину ига, приписывая оное грѣхамъ паствы. Онъ, какъ-бы не подозрѣваетъ, что есть непосредственные виновники ига, или не смѣетъ о нихъ говорить. Послѣднее вѣроятнѣе. Замѣчательно, что даже такой крупный фактъ, какъ обѣщаніе Даніила подчинить русскую церковь папѣ, не вызвало ни одного протеста и, конечно, это молчаніе происходило не отъ равнодушія къ этому вопросу. Для его паствы гораздо полезнѣе могли быть его двѣ проповѣди о суевѣріяхъ. Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ, что думалъ, его паства утвердилась въ писаніи. «Но вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхованію и сожигаете невинныхъ людей и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество, весь городъ. Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія узнали вы, что отъ волхованій бываетъ голодъ на землѣ и опять волхованіемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитайте ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ три года не родится хлѣбъ не только на Руси, но и въ землѣ латинской—волхвы это сдѣлали?» Такихъ разумныхъ поученій въ XIII ст. едва-ли найдемъ въ тотъ вѣкъ и въ Западной Европѣ. И противъ страха бѣсовъ Серапіонъ даетъ не менѣе разумныя наставленія. Въ одномъ изъ своихъ поученій противъ вредныхъ суевѣрій Серапіонъ жестоко нападаетъ на тѣхъ, которые вѣрятъ, что погребеніе самоубійцъ, утопленниковъ и удавленниковъ наводитъ бездождіе, засуху и другія бѣдствія.

Мы знаемъ, что проповѣди Серапіона не умалили суевѣрія, но въ исторіи народнаго развитія важно и указаніе пути, который ведетъ къ умаленію, если не къ истребленію зла.

Въ настоящее время кому извѣстны подобныя проповѣди? Ученымъ, которые занимаются русскою исторіей или исторіей русской литературы, для которыхъ онѣ только историческій матеріалъ. Но неизвѣстны кому наиболѣе нужны—народу, до нынѣ погруженному въ тѣ-же суевѣрія.

Вообще-же разные памятники XIII в. свидѣтельствуютъ, что подъ внѣшнимъ покровомъ христіанства, продолжали поклоняться: «Мокошѣ и Перуну, Роду съ Роженицею, огневи, камени, рѣкамъ, брегинямъ и древамъ».

ГЛАВА VI.

Кіевъ, уже потерявшій свой авторитетъ съ 1169 г. послѣ разгрома Бату, лежалъ въ развалинахъ. Плано-Карпини, на пути къ Хану, заѣзжалъ въ Кіевъ и свидѣтельствуетъ, что отъ большого города оставалось 200 домовъ, обитатели которыхъ жили въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ, опасаясь вновь появленія татаръ. Владиміръ-на-Клязьмѣ, раззоренный Бату и вновь раззоренный татарами во время усобицы сыновей Невскаго, сохранилъ на сѣверѣ авторитетъ стольного города сильнѣйшаго князя. Но Владиміръ-на-Клязьмѣ лежалъ на главномъ пути татаръ въ русскую землю. Поэтому съ начала XIV в. и сталъ играть важнѣйшую роль въ нашей исторіи городъ, до той поры мимоходомъ упоминаемый и раззоренный во время нашествія Бату,—это Москва. Москва былъ городъ, лежавшій въ сторонѣ отъ торной татарской дороги, по которой ходила ихъ главная сила, а главное—Москва лишена была всякихъ традицій. Недаромъ ея князь, вышеупомянутый Михаилъ Александровичъ Хоробритъ, ни на кого не обращая вниманія, согналъ дядю со старшаго стола. Москва для XIV вѣка была тѣмъ-же, чѣмъ Петербургъ для XVIII в., новымъ мѣстомъ.

Умные и хитрые московскіе князья съумѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами. И на новомъ мѣстѣ безъ дружинъ князья были безсильны. Поэтому на новомъ мѣстѣ образовалась и новая дружина съ ея подраздѣленіями изъ разнообразныхъ элементовъ русской земли. Сюда шли дружинники съ раззореннаго юга и изъ богатаго Новгорода. Послѣдніе, вѣроятно, вслѣдствіе раздора партій, часто принимавшаго ожесточенный характеръ. Уже при Даніилѣ Александровичѣ († 1303 г.), изъ страшно опустошенной земли Черниговской, прибылъ бояриъ Бяконтъ, родоначальникъ Плещеевыхъ, изъ роду которыхъ вышелъ самый видный политическій дѣятель XIV в., митрополитъ Алексѣй. По смерти Даніила, изъ Новгорода прибылъ бояринъ Акинфъ, бывшій бояриномъ у князя Андрея Александровича Городецкаго. Акинфъ, по преданію, былъ

предокъ Бутурлиныхъ. Въ началѣ-же княженія Юрія Даниловича (1303—1325), Москву усилило прибытіе изъ Волыни, черезъ Кіевъ, боярина Родіона Нестерова съ сыномъ Иваномъ и съ нимъ-же княжатъ, дѣтей боярскихъ и двора его (людей?) до тысячи и до семисотъ. Родіонъ былъ предокъ Квашниныхъ. Изъ перечисленія силъ Родіона Нестерова, которое дѣлаетъ лѣтописецъ, позволительно заключить, что въ ряды старшей княжеской дружины, бояръ, становились мужи, у которыхъ была своя собственная сильная дружина.

Въ самомъ началѣ своего прибытія въ Москву, Родіонъ Нестеровъ оказалъ московскому княжеству и князьямъ его огромную услугу въ борьбѣ за Переяславль-Залѣсскій.

Въ то время, когда Юрій поѣхалъ въ Орду, куда отправился и тверской князь, тверичи хотѣли захватить въ свои руки Переяславль-Залѣсскій, который открылъ-бы путь во Владиміръ-на-Клязьмѣ по собственно тверскимъ землямъ и давалъ-бы сильному тверскому князю ключъ къ преобладанію въ суздальской землѣ и къ удержанію за тверскимъ княземъ сана В. К. Владимірскаго. — Но въ Москвѣ очень хорошо понимали значеніе Переяславля.—Вышеупомянутый бояринъ Акинфъ, разсердившись на Юрія, за предпочтеніе ему Родіона Нестерова, отъѣхалъ въ Тверь, и, во время отсутствія Юрія, осадилъ съ тверскими полками Переяславль. Братъ Юрія, Иванъ Даниловичъ, предупреждая тверичанъ занялъ Переяславль, но очутился самъ въ осадѣ, въ которой Акинфъ держалъ его три дня. На помощь осажденнымъ прибылъ Родіонъ Нестеровъ съ его сильною дружиной. Напавши на тверичанъ съ тыла, онъ далъ возможность Ивану Даниловичу сдѣлать отчаянную вылазку. Тверичи были разбиты, Переяславль остался за Москвою и съ тѣхъ поръ тверскимъ князьямъ стало трудно доставать великокняжескій вѣнецъ черезъ голову московскихъ князей: протянутыя къ нему руки, всегда могли быть остановлены *).

Такимъ образомъ удержаніе Переяславля за Москвою имѣло значеніе рѣшающаго факта въ послѣдующей борьбѣ Москвы съ Тверью за великокняженіе.

Передъ началомъ борьбы съ Тверью, Москва владѣла, кромѣ Переяславля-Залѣскаго, еще двумя пунктами, важными какъ въ промышленномъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Даніилъ отнялъ у рязанскихъ князей Коломну, городъ при устьѣ Москвы-рѣки, а Юрій, въ самомъ началѣ своего княженія, у смоленскихъ князей захватилъ Можайскъ, въ верховьяхъ р. Москвы.

При такихъ обстоятельствахъ въ Ордѣ, въ буквальномъ смыслѣ, съ аукціона продавалось великокняженіе. Ханскіе вельможи, князьямъ

---

*) Бояринъ Акинфъ былъ убитъ собственноручно Родіономъ Нестеровымъ, который, поднося отрубленную голову своего соперника князю Ивану Даниловичу, сказалъ: «Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а *моего мъстника*, голова.

Михаилу Ярославичу тверскому и Юрію Даниловичу московскому, прямо говорили, что кто изъ нихъ больше дастъ, того ханъ и утвердитъ В. Княземъ. — Во время торга Михаилъ Ярославичъ наддалъ больше, Юрій отступился и Михаилъ Ярославичъ остался В. Княземъ. Изъ тверскихъ князей, онъ уже былъ не первымъ, носившимъ титулъ В. Князя. Тверское княжество выдѣлилось изъ Владиміро-Суздальскихъ земель единовременно съ московскимъ. О городѣ-же Твери въ первый разъ упоминается въ 1209 г., по поводу заключенія въ этомъ городѣ мира между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Новгородомъ. Первый князь тверской, носившій титулъ В. К. Владимірскаго былъ Ярославъ Ярославичъ Тверской, отецъ Михаила. Подобно отцу своему, Михаилъ сильно тѣснилъ Новгородъ, желая заставить новгородцевъ признать его своимъ княземъ на всей его волѣ. Новгородцы, конечно, оказывали сопротивленіе и Михаилъ Ярославичъ прибѣгнулъ къ обыкновенной экзекуціи. Онъ, захвативши Торжекъ, Бѣжецкъ, остановилъ подвозъ хлѣба. Новгородцы смирились. Но, въ 1314 г., Михаилъ отправился въ Орду, взять подтвердительный ярлыкъ у новаго хана, Узбека. Новгородцы вспомнили, что противъ отца Михаила имъ помогъ Василій Костромской и призвали къ себѣ княжить Юрія Московскаго. Юрій пріѣхалъ только на второй призывъ княжить на всей новгородской волѣ. Но недолго Юрій оставался въ Новгородѣ, какъ пришелъ приказъ Узбека явиться ему въ Орду. Михаилъ-же возвратился изъ Орды съ татарскимъ войскомъ и налегъ на Новгородъ съ новою силою, пока Юрій, на котораго онъ нажаловался, жилъ въ Ордѣ. У Михаила два раза доходило до вооруженнаго столкновенія съ Новгородомъ. Вдругъ, во время послѣдняго столкновенія, онъ узналъ, что Юрій идетъ на него съ татарскими полками.

Юрій не даромъ жилъ въ Ордѣ, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти себѣ много друзей среди приближенныхъ Хана и такую благосклонность Хана Узбека, что тотъ выдалъ за него свою любимую сестру, Кончаку, нареченную въ крещеніи Агафіею, что Карамзинъ находилъ несогласнымъ съ ревностію Узбека къ вѣрѣ Магомета. Но арабскій историкъ Абульгази говоритъ, что Узбекъ до вступленія на престолъ не былъ Магометаниномъ и принялъ магометанство изъ какихъ-то видовъ. Этотъ мнимый ревнитель магометанства и самъ былъ женатъ на христіанкѣ, на дочери Императора Андроника III и дозволялъ католическимъ монахамъ проповѣдовать христіанство. (См. Россію и Азію Григорьева, статью о ярлыкахъ).

Между Юріемъ и Михаиломъ началась война; въ 40 верстахъ отъ Твери, при селѣ Бартеневѣ, произошла битва, Юрій былъ разбитъ; его жена, братъ Борисъ и многіе его бояре попали въ плѣнъ. Михаилъ и Юрій заключили перемиріе, но окончательное рѣшеніе ихъ спора предоставили Хану. Но, къ несчастію Михаила, до исполненія договора, жена Юрія умерла въ плѣну.

Юрій поспѣшилъ въ Орду, гдѣ оклеветалъ Михаила, сказавъ, что Кончаку въ Твери отравили. Посолъ ханскій Кавгадый, сопровождавшій Юрія, не только подтвердилъ клеветы эти, но еще добавилъ своихъ. Михаилъ былъ вызванъ въ Орду и казненъ руками русскихъ. Окончательный ударъ нанесъ ему какой-то Романецъ, звѣрство котораго дошло до такой степени, что онъ вырѣзалъ у Михаила сердце. Когда иноземные купцы, въ городѣ Маджарахъ, хотѣли его похоронить, Московскіе бояре не дали имъ поглядѣть на покойника и отнесли гробъ его въ хлѣвъ. Лѣтописи, по обычаю, не объясняютъ причину такой дикой вражды; но есть основаніе думать, что между Московскими и Тверскими боярами вражда была еще сильнѣе, чѣмъ между ихъ князьями; ибо торжество Твери отбрасывало и бояръ московскихъ на второй планъ. Въ 1320 г. Юрій возвратился съ ярлыкомъ Хана на Великокняженіе. Но Димитрій Михайловичъ Тверской въ свою очередь наговорилъ на Юрія въ Ордѣ; этотъ Димитрій, по прозванію Грозныя Очи, встрѣтивъ въ Ордѣ Юрія, убилъ его, за что Ханъ велѣлъ казнить самого Димитрія, но великое княженіе отдалъ его брату, Александру Михайловичу.

Однако значеніе Московскаго княжества не поколебалось. Преемникъ Юрія, Иванъ Даниловичъ Калита, еще при жизни брата въ его отсутствіе правившій Москвою, привлекъ къ себѣ Петра, митрополита *Кіевскаго и всея Руси*, уговоривъ его, избрать Москву своимъ мѣстопребываніемъ. Калита видѣлъ, что пребываніе митрополита Максима во Владимірѣ-на-Клязьмѣ придавало этому городу весьма важное значеніе. «Понятно», говоритъ Соловьевъ, «что для города, стремившагося къ первенству, важно было, чтобы митрополитъ утвердилъ въ немъ свое мѣстопребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время церковью и единымъ митрополитомъ, мало того пребываніе митрополита въ Москвѣ способствовало ея возрастанію и обогащенію, ибо въ нее со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду къ митрополиту. Наконецъ, митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать въ пользу того князя, въ городѣ котораго онъ имѣлъ мѣстопребываніе? (Соловьевъ И. Р. т. III, изд. IV, стр. 276).

Преемникъ митрополита Петра († 1326 г.), Ѳеогностъ, остался въ Москвѣ.

Другіе князья тѣмъ болѣе досадовали на совершившійся фактъ, что измѣнить его было уже нельзя. И сѣверные, и южные князья понимали значеніе этого факта, князь Юрій Львовичъ, еще по смерти митрополита Максима, хотѣлъ поставить особаго митрополита для южнаго Галича; но этому, къ счастію, воспротивился Константинопольскій патріархатъ, оставивъ за Петромъ древній титулъ митрополита Кіевскаго и всея Руси, титулъ во всѣхъ предѣлахъ Русской земли напоминавшій о ея единствѣ.

Политическое значеніе митрополитовъ въ то время лучше всего видно изъ формы договорныхъ грамотъ между князьями. До временъ Василія Дмитріевича грамоты эти начинались словами: «По благословенію отца нашего митрополита». Съ княженія Василія Дмитріевича стали писать такъ: «Божіею Милостію и Пречистыя Богоматери».

По смерти брата, Юрія, Ивану Даниловичу Калитѣ не удалось пріобрѣсти великое княженіе; но въ 1327 г. въ Твери случилось событіе, которымъ воспользовался Калита. Въ Тверь прибылъ ханскій посолъ Шевкалъ или Чолъ-Ханъ, называемый въ нашей лѣтописи Щелканомъ, двоюродный братъ Узбека. По обыкновенію всѣхъ Татарскихъ пословъ, онъ и его Татары дозволяли себѣ разныя притѣсненія. Онъ разсердился за что-то на князя Александра, выгналъ его изъ дворца, и самъ сталъ жить въ немъ. Вѣроятно, это насиліе и подало поводъ къ молвѣ, что Чолъ-Ханъ хочетъ самъ княжить въ Твери, а жителей обратить въ татарскую вѣру. Тверской лѣтописецъ однако ничего не знаетъ о намѣреніи Чолъ-Хана обращать жителей въ магометанскую вѣру, что не согласно и съ личною политикою Узбека и вообще съ политикою наслѣдниковъ Чингиза, которые, и принявши магометанство, строго держались его завѣтовъ, выраженныхъ въ Ясѣ. Но тѣмъ не менѣе притѣсненія были велики, и ничтожнаго случая достаточно было, что-бы вывести тверичей изъ терпѣнія. У одного дьякона Татары стали отнимать лошадь, дьяконъ закричалъ о помощи, сбѣжался народъ, обидчики были убиты. Весь городъ пришелъ въ волненіе, среди котораго Чолъ-Ханъ былъ убитъ.

Иванъ Даниловичъ, узнавши о случившемся въ Твери, поскакалъ въ Орду и представилъ князя Александра главнымъ виновникомъ избіенія Татаръ и смерти Чолъ-Хана. Узбекъ сильно разгнѣвался, и далъ ярлыкъ на великое княженіе Московскому князю, а Тверское отдалъ Константину Михайловичу. Вслѣдъ за тѣмъ, Иванъ Даниловичъ съ 50 т. татаръ пошелъ на Тверь и сильно опустошилъ Тверскую волость, Александръ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ не захотѣли принять сына притѣснителя Михаила, но во Псковѣ Александра Михайловича приняли, а Узбекъ между тѣмъ требовалъ отъ князей, чтобы они доставили ему Александра. Псковичи не думали его выдавать, тогда, по просьбѣ Калиты, митрополитъ Ѳеогностъ послалъ отлученіе всему Пскову, вмѣстѣ съ княземъ Александромъ. Александръ бѣжалъ въ Литву, откуда воротился во Псковъ подъ покровительствомъ Гедимина и, прокняживъ во Псковѣ еще нѣсколько лѣтъ, послалъ къ Узбеку сына, Ѳеодора, просить прощенія. Вслѣдъ за сыномъ отправился въ Орду и самъ Александръ. Узбекъ его простилъ и возвратилъ ему Тверь. Но его возвращеніемъ недовольны были нѣкоторые Тверскіе бояре, которые и отъѣхали къ Калитѣ. Калита-же снова вооружилъ Узбека противъ Александра.

Узбекъ потребовалъ послѣдняго въ Орду и его постигла участь отца его, Михаила: онъ былъ казненъ.

Въ санѣ Великаго Князя Владимірскаго, Калита добился права взимать съ князей дань, назначенную въ Орду, такъ называемые *Ордынскіе выходы* и самому ее доставлять. Значительная частица этихъ выходовъ конечно оставалась въ рукахъ такого скопидома, какъ Иванъ Даниловичъ, за которымъ не даромъ осталось прозвище Калиты, что значитъ мѣшокъ съ деньгами. Этотъ скопидомъ скупалъ волости у обѣднѣвшихъ князей; такъ у обѣднѣвшихъ потомковъ Константина Всеволодовича онъ купилъ Угличъ, Бѣлоозерскъ, Галичъ Мерянскій. Тогдашній Ростовскій князь, Константинъ Васильевичъ, зять Калиты, находился у него въ полномъ повиновеніи. Ростовомъ управляли намѣстники Калиты, которые страшно притѣсняли старѣйшій городъ земли Суздальской, городъ съ вѣчевыми воспоминаніями. Притѣсненія сопровождались издѣвательствами. Въ 1330 г. намѣстники, Василій Кочева и Миняй, мучили старшаго Ростовскаго боярина Аверкія, его сначала повѣсили внизъ головой, подержавши такъ, сняли и, надругавшись, отпустили. Вѣроятно, стародавніе Ростовскіе боярскіе роды, высокомѣрно посмотрѣли на бояръ *Мезиннаго* города Москвы и, въ лицѣ Аверкія, жестоко поплатились. Выступилъ Калита противъ Новгорода, но, узнавъ, что Новгородцы призвали къ себѣ княжить Литовскаго князя Наримонта-Глѣба, сына Гедимина, отступилъ и заключилъ съ Новгородомъ миръ, опасаясь затѣять борьбу съ могущественнымъ Гедиминомъ. Сурова и жестока была личность Калиты; но Москва была имъ довольна. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Даниловичъ, Московскій князь, говоритъ Никоновская лѣтопись, сталъ Великимъ Княземъ, наступила тишина великая по всей русской землѣ, и перестали Татары ее воевать. Калита умеръ 31 марта, 1341 г.

Такимъ образомъ при Даніилѣ, Юріи и Иванѣ Калитѣ совершилась закладка Московской исторіи. Въ житіи Сергія Радонежскаго говорится о началѣ княженія Калиты: и *наста насилованіе многа*, сирѣчь княженіе великое Московское досталось Ивану Даниловичу, купно-же и Ростовское къ Москвѣ. Тогда-же, вѣроятно появились и Ярославскія пословицы—«Москва на крови стоитъ, Москва слезамъ не вѣритъ». И вотъ съ одной стороны мы видимъ радость о наставшей тишинѣ—это радость жителей Московскаго княжества и великаго княжества Владимірскаго, но не на радость, хотя и на пользу, началось такое время для остальной сѣверной Руси.—Съ удивительнымъ чутьемъ это явленіе понято въ одной пѣснѣ про царя Ивана Васильевича Грознаго:

Зачиналась каменна-славна Москва,
Зачинался въ ней и грозный Царь...

Насталъ великій историческій процессъ объединенія Русскихъ земель; но, въ силу исторической необходимости, процессъ шелъ

въ безпощадно жестокой формѣ, ибо объединялась земля, въ которой все отзывалось взаимной враждой. Княжескія линіи, во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ, враждовали другъ съ другомъ; бояре разныхъ городовъ старались другъ друга унизить, въ средѣ бояръ одного княжества тогда уже шелъ счетъ мѣстами, какъ мы видѣли изъ примѣра борьбы Родіона Нестерова съ Акинфомъ; пригороды ненавидѣли старые города, и Владиміръ, и Москва доказали это на Ростовѣ. Отношеніе Владиміра на Клязьмѣ къ Ростову, при братьяхъ Боголюбскаго и отношеніе къ тому же городу Московскихъ бояръ при Калитѣ, идутъ изъ одного источника. При такихъ обстоятельствахъ, за возрастающую власть ухватилось угнетенное, раздавленное простолюдье и помогло усиленію этой власти, которая силою подавила раздоры. Но, къ сожалѣнію, во время этого процесса объединенія, задавлены были и начала свободной земской жизни, что горько отозвалось и на самомъ простолюдьи.

Москва взяла перевѣсъ надъ другими княжествами потому, что въ первую половину XIV в. въ ней дружно и согласно дѣйствовали три фактора — князь, митрополитъ, бояре, чего не было въ другихъ княжествахъ. Курбскій жестоко налгалъ, что кровожадный родъ князей московскихъ впервые началъ избивать родственниковъ, и этому, съ легкой руки Карамзина, вѣрили. Выше мы указывали факты, доказывающіе противное; по этому здѣсь ограничимся указаніемъ на событія въ маленькомъ Брянскомъ княжествѣ, въ началѣ XIV вѣка. Въ 1309 году князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ своего племянника, князя Василія, изъ Брянска. Василій бѣжалъ въ Орду, гдѣ, получивъ войска, пошелъ на Святослава Глѣбовича, который погибъ въ неравной борьбѣ. Завладѣвъ Брянскомъ, Василій, съ тѣмъ-же татарскимъ войскомъ, пошелъ къ Корочеву и убилъ тамошняго князя, Святослава Мстиславича. Вездѣ, говоритъ Соловьевъ, князья обнаруживаютъ одинаковыя стремленія усилиться во что-бы то ни было насчетъ другихъ. (И. Р. т. III, гл. V). Въ 1339 г. Корочевскій князь былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василіемъ Пантелеичемъ; въ 1340 г., незадолго до смерти Калиты, Брянцы убили князя своего, Глѣба Святославича. Въ томъ-же 1340 г., одинъ изъ Рязанскихъ князей Иванъ Коротополъ, возвращаясь изъ Орды, встрѣтилъ родственника, князя Александра Пронскаго, ѣхавшаго въ Орду съ выходомъ. Иванъ напалъ на него, взялъ въ плѣнъ, ограбилъ, привелъ въ Переяславль-Рязанскій и убилъ.

Послѣ Калиты одинъ за другимъ княжили два старшіе сына его, Симеонъ и Иванъ. Третій, Андрей, умеръ не будучи Великимъ Княземъ.

Симеонъ Ивановичъ, по прозванію Гордый, княжилъ 1341—53 г. По смерти Калиты князья—Тверской, Суздальскій, Ярославскій отправились въ Орду просить ярлыка на великое княженіе

Владимірское. Но Ханъ Узбекъ, по расположенію къ Калитѣ, далъ ярлыкъ на великое княженіе Симеону, отдавши, по выраженію лѣтописи, «подъ руцѣ его вси князи Русскіе». Преемникъ Узбека, Чанибекъ, утвердилъ великое княженіе за Симеономъ и далъ ярлыкъ, подтверждающій церковныя льготы митрополиту Ѳеогносту, но не вдругъ. Хану донесли, что митрополитъ пользуется большими доходами, и онъ потребовалъ отъ него ежегодныхъ даней. Отъ этихъ даней Ѳеогностъ отговорился; но до 600 рублей, большія деньги по тому времени, роздалъ Хану, ханшамъ и ихъ любимцамъ. Въ княженіе Симеона не встрѣчается извѣстій не только о Татарскихъ погромахъ, но и о посѣщеніи Русской земли Баскаками и Ханскими послами, которые дорого обходились. Братья Симеона, въ договорахъ между собою постоянно обязывались имѣть его вмѣсто отца, но уже называли *Господинъ Великій Князь*, противъ чего такъ возставали южные князья, во время Боголюбскаго. Остальные князья ему повиновались. Симеонъ пять разъ ѣздилъ въ Орду, и каждый разъ возвращался съ великою честью. Это внушало страхъ князьямъ. Литовскій князь, Ольгердъ, старался поссорить его съ Ханомъ, но неудачно. У Симеона вышло, въ самомъ началѣ его княженія, столкновеніе съ Новгородомъ. Во время отсутствія Симеона въ Орду, Новгородскіе повольники пограбили волости, которыя Симеонъ считалъ своими. Возвратившись, онъ послалъ въ Торжекъ за сборомъ дани, сборщики стали обижать жителей, Новгородцы заступились, послали небольшой отрядъ въ Торжекъ, схватили княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ податей и заковали ихъ. Новоторжцы, справедливо опасаясь мести со стороны Великаго Князя, послали сказать Новгородцамъ, чтобы они садились на коней и спѣшили имъ на помощь; но Новгородцы отказались и *Новоторжская чернь* встала на бояръ, говоря: зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватали княжихъ людей, и намъ теперь будетъ плохо». «Чернь вооружилась, выпроводила Новгородцевъ изъ города и начала бить и грабить своихъ бояръ, которымъ приходилось спасаться въ Новгородъ. Симеонъ не замедлилъ явиться въ Торжекъ со всею Низовою ратью и согласился на миръ по старымъ грамотамъ, но Новгородъ долженъ былъ заплатить Великому Князю 1000 р. и сверхъ того уступить Черный Боръ, такъ называлась подать съ черни.

Разсказываютъ, что при этомъ случаѣ Симеонъ Ивановичъ сильно унизилъ Новгородъ: будто-бы онъ велѣлъ предстать передъ нимъ посадникамъ и тысяцкимъ босыми, и при всѣхъ князьяхъ просить прощенія на колѣняхъ. Не даромъ-же его прозвали Гордымъ.

Симеонъ былъ женатъ три раза; первая его жена, дочь в. к. Литовскаго, Гедимина, умерла. Со второй, Евпраксіей, дочерью одного изъ Смоленскихъ князьковъ, онъ развелся по очень стран-

ному предлогу. Онъ объявилъ, что когда онъ ложится съ нею спать, она кажется ему мертвецомъ. Отославши ее къ отцу, Симеонъ велѣлъ ее выдать замужъ, что и было исполнено. Въ третьемъ бракѣ, что не менѣе характерично для того времени, онъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Тверской, дочери Александра Михайловича, убитаго въ ордѣ по навѣтамъ Калиты, отца Симеона.

Княженіе Симеона Гордаго, спокойное въ политическомъ отношеніи, ознаменовано было страшнымъ естественнымъ бѣдствіемъ, поразившимъ почти всю Европу, именно: изъ Азіи занесена была чума, получившая у насъ названіе «черной смерти». Она всюду уносила массу жертвъ и у насъ, по лѣтописнымъ преданіямъ, священники едва успѣвали хоронить ея жертвы. Въ мартѣ 1353 г. отъ этой эпидеміи скончался митрополитъ Ѳеогностъ, а черезъ шесть недѣль в. к. Симеонъ, двое его сыновей и братъ Андрей. Весь свой удѣлъ, полученный отъ отца, Симеонъ завѣщалъ своей вдовѣ, съ тѣмъ, чтобы по смерти ея онъ перешелъ къ брату его, Ивану. У Андрея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти родился сынъ Владиміръ, прозванный впослѣдствіи Храбрымъ. За исключеніемъ удѣла Андрея, Иванъ Ивановичъ соединилъ вскорѣ въ своихъ рукахъ всѣ владѣнія отца. Въ завѣщаніи къ братьямъ, Симеонъ приказывалъ слушаться владыку, Алексѣя. При Ѳеогностѣ Алексѣй былъ Владимірскимъ епископомъ и намѣстникомъ митрополита, т. е. вѣдалъ церковные суды и управлялъ церковными имѣніями. Онъ сынъ боярина Ѳеодора Бяконта, родоначальника бояръ Плещеевыхъ, былъ крестникомъ Калиты и пользовался особымъ расположеніемъ Симеона. Ѳеогностъ назначилъ его своимъ преемникомъ. По желанію Ивана Ивановича, онъ отправился въ Константинополь, гдѣ и поставленъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Кромѣ владыки Алексѣя, Симеонъ приказалъ слушаться старыхъ бояръ, «которые отцу нашему и намъ добра хотѣли». Если мы вспомнимъ, что и Алексѣй принадлежалъ къ роду старыхъ бояръ, которые отцу Симеона желали добра, то намъ, и безъ желанія Ѳеогноста будетъ понятно, почему сыновья Калиты такъ настойчиво домогались поставленія Алексѣя въ митрополиты.

Иванъ Ивановичъ Красный, т. е. красивый, 1353—59, былъ человѣкъ кроткій, тихій, простодушный, а между тѣмъ обстоятельства были трудныя — въ исканіи Владимірскаго стола у него явился опасный соперникъ въ лицѣ Константина Суздальскаго, въ Литвѣ выставили соперника митрополиту Алексѣю и, что было всего хуже, въ средѣ истого московскаго боярства, было неспокойно. Но Иванъ Ивановичъ нашелъ умнаго и дальновиднаго руководителя въ лицѣ митрополита Алексѣя. Соперникъ Ивана на великокняженіе, Константинъ, былъ внукомъ сына Невскаго, Андрея Александровича Городецкаго, собственно Суздальскаго князя, называвшагося Горо-

децкимъ только потому, что онъ жилъ въ Городцѣ на Волгѣ, а не въ своей столицѣ, Суздалѣ. Къ этому княжеству принадлежалъ и Нижній-Новгородъ. Въ потомствѣ Андрея суздальское княжество раздѣлилось на суздальское собственно и нижегородское; но внукъ его, Константинъ, соединилъ оба княжества опять, столицу однако утвердилъ не въ Суздалѣ, а въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ укрѣпилъ свою столицу, перестроилъ и расширилъ Спасопреображенскій соборъ, границы княжества довелъ до устьевъ Суры. Константинъ Васильевичъ княжилъ, по выраженію лѣтописи, честно и грозно, боронилъ свою отчину отъ сильныхъ князей и татаръ. Онъ вспомнилъ, что его дѣдъ былъ старше Даніила, младшаго сына Невскаго; не хотѣлъ знать, что отецъ его не былъ в. княземъ, точно также, какъ этого не хотѣлъ знать и Калита, ибо Даніилъ Александровичъ также не бывалъ в. княземъ. За Константина стояли новгородцы и не жалѣли денегъ, но Чанибекъ отдалъ предпочтеніе Ивану Ивановичу московскому. Тутъ сказалось вліяніе митрополита Алексѣя, который пользовался особымъ благоволеніемъ ханши Тайдулы. Она приписывала его молитвамъ свое исцѣленіе. Вскорѣ Чанибекъ былъ умерщвленъ заговорщиками, во главѣ которыхъ стоялъ его сынъ, Бердибекъ. Митрополитъ снова отправился, по просьбѣ в. князя, въ Орду и умѣлъ снискать милость этого жестокаго хана, убившаго отца и 12 братьевъ. Бердибекъ далъ ему новый ярлыкъ, подтверждавшій льготы духовенства. Замѣшательство съ литовскимъ митрополитомъ Романомъ, котораго, за богатыя дары, поставилъ тотъ-же патріархъ, который нарекъ Алексѣя митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, продолжалось до 1361 года, т. е. до смерти Романа. Въ этомъ году и возстановилось единство русской митрополіи. Политическая дѣятельность Алексѣя вся направлена была въ пользу Москвы и ея князя, что особенно рѣзко обнаружилось въ княженіе сына Ивана Ивановича—Димитрія.

При болѣе и болѣе укрѣплявшейся осѣдлости московскаго боярства, большое значеніе, по замѣчанію Соловьева, получилъ тысяцкій, начальникъ городовыхъ полковъ. Этотъ санъ всегда занималъ важный бояринъ. При Симеонѣ Гордомъ поднялъ крамолу противъ в. князя бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ. Онъ былъ изгнанъ и в. князь Симеонъ взялъ съ братьевъ клятву не принимать его. Однако въ княженіе Ивана Ивановича этотъ бояринъ является въ Москвѣ въ санѣ тысяцкаго. По зимою 1357 г., 3 февраля, во время заутрени найдено тѣло Алексѣя Петровича. «Убіеніе жъ его страшно и незнаемо отъ кого-же», говоритъ лѣтопись, «точію обрѣтеся убіенъ лежа на площади егда заутрени благовѣстятъ» (Соловьевъ. Т. III, пр. 462). Въ одномъ спискѣ передается слухъ, что противъ него замышляли тайные ковы, что, подобно Боголюбскому, Хвостъ погибъ отъ своей дружины. Въ другихъ говорится,

что онъ погибъ или отъ бояръ, или отъ иныхъ. Но нѣтъ никакого основанія, согласно съ г. Иловайскимъ, предполагать, что виновниками могли быть Вельяминовы. Всѣ доказательства Иловайскаго сводятся къ одному пункту: Вельяминовы занимали мѣста тысяцкихъ и до, и послѣ боярина Хвоста. Въ исторіи юридическая, т. е. мнимая, аксіома—fecit, cui prodest, т. е. тотъ сдѣлалъ кому выгодно—должна быть откинута, въ интересахъ исторической правды.

Дѣятельность первыхъ московскихъ князей сначала поддерживалъ, а потомъ и продолжалъ, Алексѣй митрополитъ. Алексѣй, несмотря на желаніе, изъявленное Царьградскимъ патріархомъ, жить ему во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, который не былъ еще собственностію дома Калиты, остался въ Москвѣ и этой настойчивостію закрѣпилъ всѣ предыдущія выгоды, пріобрѣтенныя вышеназванными князьями и боярами ихъ. Уже въ концѣ княженія Ивана Ивановича,, когда митрополитъ Алексѣй давалъ направленіе московской политикѣ, можно было предвидѣть окончательное торжество Москвы надъ другими княжествами сѣверной Россіи, надъ Суздальскимъ, Рязанскимъ и Тверскимъ.

Взглянемъ для большаго выясненія историческаго процесса насъ занимающаго на внутреннюю исторію Рязани и Твери до Димитрія Донскаго.

Выше было упомянуто, что уже Всеволодъ III сокрушилъ могущество рязанскихъ князей, забралъ ихъ въ плѣнъ и поставилъ своихъ намѣстниковъ и тіуновъ. Юрій Всеволодовичъ отпустилъ рязанскихъ князей изъ плѣна; но не на радость рязанской землѣ, лѣтописи подъ 1217 г. повѣствуютъ о страшномъ злодѣяніи въ средѣ рязанскихъ князей. Всѣхъ рязанскихъ князей было девять: двое изъ нихъ сговорились, пригласили на рядъ шестерыхъ князей и на пиру умертвили ихъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Но братья убитыхъ, оставшіеся въ живыхъ, Ингварь и Юрій Игоревичи, начали борьбу съ убійцами, которые бѣжали къ ихъ союзникамъ—Половцамъ. Юрій Игоревичъ мужественно боролся съ татарами; но близость рязанской земли къ степи сказалась, иго Монгольское для рязанской земли было тяжелѣе, чѣмъ для другихъ княжествъ. Въ 1308 г. рязанское княженіе раздѣлилось на волости: Рязанскую и Пронскую, борьба между которыми еще болѣе обезсиливала Рязанское княжество. Мы выше указывали, какъ въ 1340 г. рязанскій князь Иванъ Коротополъ, захвативъ вѣроломно Пронскаго князя Александра, умертвилъ его. Но сынъ Александра, Ярославъ, прогналъ Коротопола изъ Переяславля Рязанскаго и самъ занялъ рязанскій столъ; ему наслѣдовалъ его братъ, Иванъ Александровичъ. Наслѣдникомъ Ивана Александровича былъ сынъ его Олегъ (1350—1402), соперникъ Донского. Отъ Ярослава Александровича пошла новая линія Пронскихъ князей. Олегъ рязанскій даже успѣлъ подчинить себѣ князей, муромскаго и козельскаго. Муромское княже-

ство, со времени Боголюбскаго и Всеволода III, находилось въ подчиненіи князей суздальскихъ, и потомъ московскихъ. Во время разгрома Бату муромское княжество было сильно опустошено, въ 1351 г. былъ возстановленъ г. Муромъ какимъ-то княземъ Юріемъ Ярославичемъ. Въ политическомъ отношеніи муромское княжество давно обособилось отъ рязанскаго; но въ церковномъ оба княжества составляли одну епархію и архіепископъ жилъ, то въ Муромѣ, то въ Переяславлѣ-Рязанскомъ. При Олегѣ Ивановичѣ каѳедра архіепископа окончательно перенесена была въ Переяславль-Рязанскій.

Тверь обособилась изъ Владиміро-Суздальскихъ земель въ такую пору, когда старыя родовыя отношенія князей смѣнялись вотчинными или территоріальными. Первымъ тверскимъ княземъ, какъ выше было сказано, былъ Ярославъ Ярославичъ. Вѣроятно, въ 1241 г., когда Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ Александру Невскому Переяславль-Залѣсскій, онъ отдалъ Тверь другому своему сыну, Ярославу (см. Ист. Тверскаго княжества В. С. Борзаковскаго). По смерти Александра Невскаго, Ярославъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе; но и будучи Великимъ Княземъ, онъ не смогъ достигнуть цѣли своихъ желаній—увеличенія своего удѣла. Собственно-же Тверское княжество было не велико, въ его предѣлы входила съ небольшимъ половина нынѣшней Тверской губерніи. Города—Торжокъ, Бѣжецкъ, Волокъ принадлежали къ области Новгорода; Ржевъ принадлежалъ сначала къ смоленскому княжеству. Тамъ, гдѣ стоитъ Тверь, столица бывшаго тверскаго княжества, до 1209 г., т. е. до перваго упоминанія этого города въ лѣтописяхъ, стоялъ Дѣтинецъ, т. е. Замокъ, оберегаемый дѣтскими. На мѣстѣ его возникъ Отрочъ-Монастырь. Въ древности, какъ извѣстно, младшихъ членовъ дружины называли дѣтскими, отроками, какъ въ новое время командиры называли солдатъ ребята, хотя бы эти ребята были и съ сѣдыми усами.

Преемникъ Ярослава, Святославъ Ярославичъ, въ борьбѣ Василія Костромского съ Димитріемъ Переяславскимъ принялъ сторону перваго, забывъ соперничество съ нимъ своего предшественника. Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1285 г. Михаилъ Ярославичъ, неудачный соперникъ Юрія Даниловича Московскаго, имѣлъ широкіе замыслы. Онъ задумалъ было овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, что сдѣлало бы его властелиномъ всего верхняго Поволжья. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что въ случаѣ удачи, ему будетъ легко удерживать въ повиновеніи Новгородъ, а княжества въ бассейнѣ Оки, слѣдовательно и Москву, поставить отъ себя въ зависимость. Но этому плану помѣшала Москва. Вѣроятно Великій Князь Тверской имѣлъ союзниковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ среди бояръ, ибо многіе нижегородскіе бояре, по смерти Великаго Князя Андрея Александровича, ушли въ Тверь. Вѣроятно, они опасались участи бояръ, которые всѣ побиты были народомъ. Причина побіенія не указана, но замѣ-

чательно, что около этого времени, въ началѣ XIV в. избіеніе бояръ произошло во многихъ городахъ. Михаилъ и слѣдующіе два преемника и сыновья его, Димитрій Грозные Очи и Александръ, какъ извѣстно, погибли въ Ордѣ. Ханъ Узбекъ назначилъ тверскимъ княземъ князя Кашинскаго, Константина Михайловича, который спустя нѣкоторое время, долженъ былъ уступить Тверь Александру; но когда Александръ погибъ въ Ордѣ, ханъ снова назначилъ въ Тверь Константина Михайловича, всегда остававшагося вѣрнымъ слугою Калиты.

По смерти Константина старшимъ между тверскими князьями остался Василій Кашинскій. Какъ дядя всѣхъ Александровичей и Константиновичей, онъ считалъ себя въ правѣ занять тверской великокняжескій столъ и сталъ распоряжаться въ удѣлѣ своего племянника Всеволода Александровича Холмскаго. Но послѣдній прежде дяди успѣлъ себѣ выхлопотать ярлыкъ на великое тверское княжество и, встрѣтивъ на пути дядю, ѣхавшаго въ Орду, ограбилъ его. Въ 1347 г. Всеволодъ съ татарскимъ посломъ явился въ тверскомъ княжествѣ, а Василій долженъ былъ воротиться въ свой Кашинъ. Жители, опасаясь усобицы между дядей и племянникомъ, при вмѣшательствѣ татаръ, стали разбѣгаться во всѣ стороны и настало оскудѣніе во всей тверской волости. Но опасенія были напрасны, тверскому епископу въ слѣдующемъ году удалось примирить дядю съ племянникомъ. Всеволодъ удовольствовался своимъ Холмомъ и уступилъ Тверь Василію. Василій Михайловичъ, ставши Великимъ Княземъ, Кашинъ уступилъ старшему сыну своему, Василію Васильевичу, но когда этотъ умеръ слѣдующему за нимъ сыну, Михаилу Васильевичу. Такимъ образомъ, Кашинъ сталъ послѣднею ступенью къ великокняжескому тверскому столу. Такъ какъ кашинскіе князья опирались на Москву, то князь Холмскій сталъ искать опоры въ Литвѣ. Ольгердъ, съ согласія Симеона Гордаго, таково было значеніе послѣдняго, женился на княжнѣ Ульянѣ Александровнѣ, сестрѣ Всеволода Холмскаго и жены Симеона. Черезъ годъ Великій Князь Тверской, Василій Михайловичъ, женилъ своего сына, Василія Васильевича, на дочери Симеона Гордаго, это было въ 1349 г. Митрополитъ Даніилъ, въ видахъ политическихъ, не только разрѣшилъ эти браки между близкими родственниками, но онъ же разрѣшилъ и бракъ Ульяны съ язычникомъ Ольгердомъ, какъ разрѣшались подобные браки въ первые вѣка христіанства, въ видахъ его распространенія. Василій Михайловичъ, опираясь на свое родство, сталъ тѣснить князя холмскаго, но послѣдній искалъ помощи у Ольгерда, что повело потомъ къ борьбѣ Москвы съ Литвою за вліяніе въ Тверскомъ княжествѣ.

Въ то же время, когда Москва начала объединеніе восточнорусскихъ земель, лежащихъ въ бассейнѣ р. Оки и верхней Волги, Литовскіе князья начали объединеніе южныхъ и западныхъ рус-

скихъ земель въ бассейнѣ Днѣпра и Западной Двины. Литовскіе князья однимъ словомъ сдѣлали то, что должны были-бы сдѣлать Галицкіе князья и чего они однако сдѣлать не умѣли. Въ ту пору, о которой мы говоримъ, именно въ XIV в. Литовско-русскіе князья спасли русскія земли не только отъ татарскаго ига, но и отъ нѣмецкаго владычества. Уже въ XIII в. нѣкоторыя русскія земли подчинились Литвѣ, первая изъ этихъ земель была Черная Русь съ ея городами: Гродно, Новгородкомъ, Слонимомъ и Вилковыйскомъ. При Миндовгѣ подчинилась Полоцкая земля. Но настоящимъ собирателемъ западно-русскихъ земель былъ Гедиминъ (1315—1341), человѣкъ необыкновеннаго ума и громаднаго характера. Въ 1321 г. Гедиминъ разбилъ русскихъ князей, союзниковъ Ордена, при рѣкѣ Ирпени и овладѣлъ Кіевомъ, гдѣ оставилъ подручникомъ природнаго русскаго князя, какого-то Ѳеодора. Гедиминъ, оставаясь язычникомъ, былъ вѣротерпимъ. Самъ онъ два раза былъ женатъ на русскихъ княжнахъ, одну звали Ольгой, а другую Евой, сыновей своихъ также женилъ на русскихъ княжнахъ, а дочерей выдавалъ за русскихъ князей; и сыновьямъ и дочерямъ дозволялъ креститься. Такъ, сына своего, Ольгерда, онъ женилъ на дочери Витебскаго князя, не имѣвшаго мужескаго потомства и потому Ольгердъ наслѣдовалъ Витебское княжество; другого сына, Любарта, женилъ на дочери Волынскаго князя Льва Юрьевича, по смерти котораго Любартъ наслѣдовалъ Волынь. Такъ русскіе князья сами отдавали русскія земли въ руки Литовскихъ князей. Двѣ дочери Гедимина были за русскими князьями, одна за Симеономъ Гордымъ, другая за Тверскимъ княземъ, но важнѣе по послѣдствіямъ былъ бракъ третьей его дочери, Альдоны, которая вышла за Казиміра, сына Владислава Локетка, польскаго короля. Гедиминъ былъ тонкій и чуткій политикъ. Въ 1323 г. разнесся слухъ о такомъ предложеніи его папѣ: онъ приметъ крещеніе съ тѣмъ, чтобы папа запретилъ рыцарямъ нападать на Литву. Этотъ слухъ возбудилъ волненіе среди Жмуди, отрасли Литвы, наиболѣе преданной древнимъ богамъ, и, кромѣ того, поселилъ ропотъ среди жителей греческаго закона. Гедиминъ постарался опровергнуть этотъ слухъ. Когда къ нему явились послы папы и спросили его—пребываетъ ли онъ въ намѣреніи креститься? Гедиминъ, вмѣсто отвѣта, потребовалъ, чтобы прочли его письмо къ папѣ и когда дошло до словъ, что онъ изъявляетъ желаніе креститься, то Гедиминъ съ досадою заявилъ—«Я этого не приказывалъ писать; пусть чортъ меня креститъ, если я когда-либо думалъ креститься». Безъ сомнѣнія Гедиминъ говорилъ правду, и католическій монахъ, писавшій отъ Гедимина письмо къ папѣ—переусердствовалъ. Ему, тонкому политику, невыгодно было возбуждать противъ себя послѣдователей греческой церкви и опасно было оскорблять язычниковъ, не отдѣлявшихъ католичества отъ нѣмцевъ, съ которыми они вели рядъ кровавыхъ,

фанатическихъ войнъ. Гедиминъ поэтому, будучи равнодушенъ ко всѣмъ религіямъ, всегда старался казаться ревностнымъ язычникомъ. Не даромъ преданіе приписываетъ ему построеніе Вильно на мѣстѣ, гдѣ жилъ Верховный Жрецъ, Криве-Кривейто. Гедиминъ однако не мѣшалъ распространять христіанство и католическимъ монахамъ, въ Вильнѣ было тогда два католическихъ монастыря и русская церковь св. Николая. Гедиминъ погибъ въ походѣ противъ прусскаго Ордена, онъ былъ убитъ изъ огнестрѣльнаго оружія, тогда только что входившаго въ употребленіе. Гедиминъ принималъ большое участіе въ дѣлахъ Восточной Руси, его сынъ Наримонтъ княжилъ въ Новгородѣ и съ этой поры новгородцы стали искать опоры въ Литовскихъ князьяхъ, какъ прежде въ Костромскихъ князьяхъ противъ Тверскихъ, въ Тверскихъ противъ Московскихъ. Литовскіе князья начали вмѣшиваться въ политическія отношенія не только юго-западныхъ русскихъ князей, но и въ политическія отношенія сѣверо-восточныхъ и, до брака Ягайлы съ Ядвигою, это вмѣшательство не возбуждало противъ себя неудовольствія. Подручникъ Гедимина, Давидъ, защищалъ Псковъ противъ Ливонскаго Ордена. В. К. Тверской Александръ Михайловичъ нашелъ убѣжище у Гедимина.

Еще сильнѣе оказалось вмѣшательство въ русскія дѣла Ольгерда, сына и преемника Гедимина. Въ Литвѣ существовалъ обычай отдавать старшимъ сыновьямъ въ наслѣдство все имущество, а младшему оставлять домъ. Гедиминъ этотъ обычай примѣнилъ и къ раздѣленію своихъ владѣній между сыновьями: младшему, Явнуту, отдалъ городъ Вильно, который, какъ столица, давалъ Явнуту право носить титулъ В. князя. Старшіе сыновья этимъ были обижены. Ольгердъ, 1341—1377, соединясь съ братомъ своимъ Кейстутомъ, выгналъ изъ Вильны младшаго брата ихъ, Явнута. Явнутъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ и крестился. При Ольгердѣ борьба съ Орденомъ то и дѣло возобновлялась, вообще съ 1345 г., въ продолженіи неполныхъ сорока лѣтъ, рыцари сдѣлали до 66 нападеній на Литву, но, при этихъ частыхъ нападеніяхъ, весьма мало имѣлось въ виду обращеніе Литвы въ христіанство, ибо съ обращеніемъ ее въ христіанство упразднялась самая причина существованія Ордена. Главнымъ героемъ въ борьбѣ съ Орденомъ былъ братъ Ольгерда, Кейстутъ, и сынъ послѣдняго, Витовтъ. Кейстутъ княжилъ въ Жмуди и Черной Руси. Ольгердъ, былъ человѣкъ скрытный, воздержный, онъ не пилъ ни вина, ни пива, ни меду. Обдумавши дѣло со всѣхъ сторонъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, Ольгердъ быстро приводилъ его въ исполненіе. Ольгердъ еще болѣе усилилъ вліяніе Литвы въ Новгородѣ и во Псковѣ. Смоленскіе князья сами вызвали его вмѣшательство въ ихъ дѣла. Онъ защитилъ Смоленскихъ князей отъ Симеона Гордаго, но за то подчинилъ ихъ себѣ. Въ 1355 г. онъ занялъ Ржеву, Смоленскій пригородъ на границахъ

тверскихъ и московскихъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ Смоленскіе князья служили у него подручниками въ войнахъ, какъ съ нѣмцами, такъ и съ Москвою. Захвативъ Брянскъ, онъ овладѣлъ Черниговскою, Сѣверскою землею. О борьбѣ съ Москвою, въ союзѣ съ Тверскимъ княземъ, скажемъ ниже. На Западѣ онъ укрѣпилъ свою власть надъ кіевскою землею и, пользуясь смутами въ Ордѣ, отвоевалъ у Татаръ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, которыя получили названіе Подоліи. При немъ окончилась борьба за Волынь съ Польшею.

Борьба возникла слѣдующимъ образомъ. Послѣ Льва Даниловича, королемъ Галицкимъ и В. К. Владиміра-на-Волыни (Володимиріи, а по латыни Ladomiriae) былъ его сынъ Юрій, умершій въ 1316 г. Галиція и Ладомирія достались его сыну Андрею, а Луцкій удѣлъ младшему сыну, Льву. Левъ не оставилъ сыновей и его Луцкій удѣлъ перешелъ къ его зятю Любарту, сыну Гедимина, а Юрій II Андреевичъ занялъ всѣ остальныя земли его предковъ. Въ грамотахъ Юрій II титуловалъ себя Божіею Милостію прирожденный князь *всея Малыя Россіи.* Юрій II умеръ въ 1337 г. и съ нимъ угасло мужское поколѣніе Даніила Романовича. Тогда Галицкіе бояре избрали въ преемники Юрію II, его племянника, сына дочери Андрея Юрьевича, бывшей замужемъ за Мазовецкимъ княземъ. Ея сына звали Болеславъ Тройденовичъ. Но Болеславъ своими притѣсненіями возбудилъ противъ себя Галицкихъ бояръ, которые особенно жаловались на его безпутство. Говорили, что онъ насиловалъ боярскихъ женъ и дочерей. Такъ или иначе, въ 1340 г. Болеславъ, всегда окруженный иноземною дружиною, былъ отравленъ. Мстителемъ за Болеслава явился Польскій король, Казиміръ В. Онъ внезапно захватилъ Галичъ; но за Волынь началась съ Литовскимн князьями борьба, которая возобновлялась три раза и кончилась уже по смерти Казиміра. Въ 1377 г. Ольгердъ заключилъ миръ съ Людовикомъ Угорскимъ, преемникомъ Казиміра на польскомъ престолѣ. Волынь, т. е. Лодомирія, удѣлы Владимірскій и Луцкій, отошли, вмѣстѣ съ Берестьемъ, къ Литвѣ; а Галиція, съ удѣломъ Холмскимъ и Бельзскимъ, остались за Польшею. Ольгердъ женатъ былъ два раза, оба раза на русскихъ княжнахъ.

На сѣверо-востокѣ русской земли Москва, въ эту пору еще болѣе возвысилась, благодаря политическому генію митрополита Алексѣя, и мужеству В. К. Димитрія Донского.

Одновременно со смертію второго сына Калиты, въ Ордѣ началась *великая замятня.* Она началась убійствомъ Бердибека; какъ онъ самъ убійствомъ отца достигъ власти, такъ поступилъ и сынъ его. Во время смѣны Хановъ одного другимъ, русскіе князья безпрерывно мѣняли ярлыки, т. е. утвердительныя грамоты. Пользуясь этими смутами князь Суздальскій, Дмитрій Константиновичъ, сынъ соперника Ивана Ивановича, добылъ себѣ ярлыкъ не по отчинѣ и не по дѣдинѣ. Добывъ ярлыкъ отъ одного изъ безпрерывно смѣ-

нявшихся хановъ, Димитрій Суздальскій занялъ великокняжескій Владимірскій столъ даже помимо своего старшаго брата, Андрея Константиновича Нижегородскаго. Младшій ихъ братъ, Борисъ, сидѣлъ въ Городцѣ. Новгородцы, опасаясь усиленія Москвы, поддерживали князя Димитрія Константиновича столь-же усердно, какъ и отца его въ спорѣ съ сыномъ Калиты. Димитрій-же Московскій, еще будучи мальчикомъ, при смутѣ ничего не могъ добиться въ Ордѣ, и бояре, сопровождавшіе его, рады были благополучно выбраться оттуда, когда въ Ордѣ началась, съ 1360 г., новая рѣзня. Наконецъ, Орда раздѣлилась между двумя ханами—Абдуломъ, котораго выставилъ Темникъ Донской Орды, Мамай, и Муратомъ или Мюридомъ, котораго признала Волжская Орда. Московскіе бояре, не желая стать ниже суздальскихъ бояръ и терять свое первенствующее положеніе, отправили пословъ къ Мюриду и взяли для Димитрія Московскаго ярлыкъ отъ Мюрида. Съ ярлыкомъ въ рукахъ, московскіе бояре посадили на коней своихъ малолѣтнихъ князей, старшему Димитрію было 11 лѣтъ, и выгнали изъ Владиміра Димитрія Суздальскаго.

Димитрій Московскій, въ 1362 г., сѣлъ на великокняжескій столъ, но смута началась снова. Ханъ Абдулъ разсердился, что Димитрій Суздальскій, которому онъ далъ ярлыкъ, хлопоталъ о ярлыкѣ и у Мюрида и потому съ своей стороны послалъ ярлыкъ Димитрію Московскому. Въ Москвѣ и этотъ ярлыкъ взяли. Тутъ опять обидѣлся Абдулъ и послалъ снова ярлыкъ на великокняженіе Димитрію Суздальскому, который въ другой разъ, въ 1363 г., занялъ Владиміръ, но снова выгнанный, когда ему въ третій разъ прислали ярлыкъ, не хотѣлъ имъ пользоваться. Такъ пало значеніе ярлыковъ.

Вмѣстѣ съ упадкомъ значенія ярлыковъ ясно высказалась и сила Москвы. Димитрій Константиновичъ Суздальскій не только смирился передъ Димитріемъ Ивановичемъ Московскимъ, но обратился къ послѣднему за помощью въ ссорѣ съ братомъ Борисомъ Городецкимъ, который, по смерти Андрея, умершаго отъ моровой язвы 1364 г., занялъ Нижній-Новгородъ. За Бориса стояли и Нижегородцы, и Суздальскій епископъ. Но митрополитъ Алексѣй послалъ въ Нижній Сергія, настоятеля Троицкаго монастыря, близь Радонежа. Троицкій игуменъ тогда уже пользовался громаднымъ авторитетомъ, молва всюду разносила разсказы о его аскетическихъ подвигахъ, всегда производившихъ сильное вліяніе на массу. Такъ-какъ Борисъ продолжалъ упорствовать и не уступалъ брату Нижній-Новгородъ, то Сергій, по приказанію митрополита, затворилъ въ городѣ церкви и прекратилъ богослуженіе. Кромѣ того митрополитъ Алексѣй, пользуясь случаемъ, умалилъ пространство Суздальской эпархіи, отчисливъ отъ нея Городецъ и Нижній-Новгородъ. Понятно, что умаляя силы суздальской эпархіи, онъ умалилъ и силы суздальскаго княжества. Должно однако замѣтить, что Борисъ окон-

чательно смирился только тогда, когда противъ него двинулась Московская рать. Въ 1366 г. Димитрій Московскій, 15 лѣтъ, женился на дочери Димитрія Константиновича, на Евдокіи, сестра которой была замужемъ за сыномъ Московскаго тысяцкаго, за Николаемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ. Такъ удѣльные князья искали въ Москвѣ союзниковъ среди ея бояръ.

Вслѣдъ за суздальскимъ дѣломъ Москвѣ предстояло выдержать борьбу съ Тверью, поддерживемую сильною Литвою, во главѣ которой стоялъ въ ту пору могучій Ольгердъ. И въ этой борьбѣ политическимъ руководителемъ былъ Алексѣй Митрополитъ. Въ Тверскомъ княжествѣ шла усобица, князь Михаилъ Александровичъ Микулинскій оспаривалъ Тверь, слѣдовательно и титулъ Великаго Князя Тверскаго, у Василія Кашинскаго. Митрополитъ Алексѣй поручилъ быть посредникомъ въ спорѣ Тверскому епископу, Василію. Послѣдній поддержалъ Михаила Александровича Микулинскаго, за котораго стояли тверичи, и который имѣлъ опору въ шуринѣ своемъ, Ольгердѣ Литовскомъ. Но Василій Кашинскій остался недоволенъ приговоромъ епископа Тверскаго и вмѣстѣ съ другими недовольными Тверскими князьями принесъ жалобу митрополиту Алексѣю и Великому Князю Димитрію Ивановичу. Митрополитъ Алексѣй и Великій Князь Димитрій позвали Михаила Александровича въ Москву для третейскаго суда, вмѣстѣ съ его двоюродными братьями. Михаилъ Александровичъ однако не захотѣлъ подчиниться Московскому приговору и отказался отъ Твери. Тогда его схватили и со всѣми боярами заключили. Къ счастію его, въ это время пріѣхали въ Москву трое Татарскихъ царевичей, на которыхъ Московское своеволіе произвело неблагопріятное впечатлѣніе: оно явно показывало, что на власть Хана не обращалось вниманія. Михаилъ былъ освобожденъ, дядя его, Василій Кашинскій, вскорѣ умеръ и, въ 1368 г., Михаилъ, безъ всякаго спора, снова сдѣлался Великимъ Княземъ Тверскимъ и остался заклятымъ врагомъ Москвы. Въ обидѣ своей онъ болѣе всѣхъ винилъ митрополита, положась на слово котораго пріѣхалъ въ Москву. «Колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему и онъ толико мя посрами и поруга», говорилъ Михаилъ. Онъ не могъ не понять, что безъ пріѣзда Татарскихъ царевичей, его могла постигнуть весьма печальная участь, и, видя неизбѣжность борьбы съ Москвою, обратился за помощію къ своему шурину, Ольгерду Литовскому. Онъ могъ не безъ основанія думать, что митрополитъ и Димитрій неохотно будутъ терпѣть его, шурина Ольгерда, на Тверскомъ столѣ.

Поэтому и началась вооруженная борьба Димитрія Ивановича съ Ольгердомъ. Незадолго до начала борьбы, вслѣдствіе сильнаго пожара, начавшагося у церкви Всѣхъ Святыхъ и потому называющагося Всесвятскимъ, вся Москва выгорѣла. Это было въ 1365 году Вслѣдствіе этого случайнаго обстоятельства, рѣшено

было деревянныя стѣны Кремля замѣнить каменными, что оказалось весьма полезнымъ для Москвы въ борьбѣ съ Ольгердомъ. Война возобновлялась три раза: два раза Ольгердъ доходилъ до самой Москвы, во второй разъ сжегъ посады, въ третій разъ Димитрій выступилъ Ольгерду на встрѣчу, разбилъ его сторожевой полкъ, вслѣдствіе чего между Ольгердомъ и Димитріемъ заключенъ былъ миръ. Самымъ характеристическимъ событіемъ этого времени была попытка Михаила Тверскаго, выпросивъ у Хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, захватить Владиміръ. Но жители этого города не обратили вниманія ни на ярлыкъ, ни на ханскаго посла, и не впустили Михаила въ городъ. Димитрій-же, обласкавъ и задаривъ посла, поѣхалъ въ Орду, задарилъ Мамая и выкупилъ Ивана Михайловича, сына Тверскаго князя, котораго держали въ Ордѣ за долгъ. Въ борьбѣ съ Ольгердомъ митрополитъ Алексѣй былъ безпощаденъ относительно князей, которые подъ знаменами Ольгерда ходили на Москву. Такъ онъ предалъ отлученію Смоленскаго князя Святослава за то, что тотъ соратовалъ Ольгерду противъ Москвы вопреки клятвенному договору съ Димитріемъ Московскимъ. Со Святославомъ преданы были отлученію и другіе князья, соратовавшіе Ольгерду. Константинопольскій патріархъ поддержалъ Алексѣя и писалъ князьямъ, что отлученіе съ нихъ снимется только тогда, когда они падутъ къ стопамъ митрополита Алексѣя и выпросятъ у него прощеніе. Суровѣе взглянули въ Константинополѣ на жалобы Михаила Александровича Тверскаго. Сначала рѣшили было вызвать митрополита Алексѣя на судъ въ Константинополь, но и тутъ дѣло кончилось тѣмъ, что патріархъ посовѣтовалъ тверскому князю помириться съ Алексѣемъ. Ольгердъ былъ выставленъ въ Патріархатѣ, какъ фанатическій огнепоклонникъ. Но едва-ли это было такъ. Разъ Псковичи просили Ольгерда, чтобы онъ крестился: Ольгердъ отвѣчалъ я уже былъ крещенъ и два раза креститься не буду. Вѣроятнѣе всего, что онъ скрывалъ свое крещеніе отъ фанатической Жмуди. Ольгердъ съ своей стороны жаловался на Алексѣя: выставлялъ передъ патріархомъ на видъ, что онъ защищаетъ Русь отъ нѣмцевъ, обвинялъ Москву въ насиліи надъ его шуриномъ Михаиломъ Александровичемъ и надъ его зятемъ Борисомъ Нижегородскимъ. О митрополитѣ Алексѣѣ Ольгердъ писалъ: «А донынѣ и за отцовъ нашихъ т. е. и до временъ отцовъ нашихъ, такого митрополита не бывало, каковъ сей митрополитъ — благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови; мы зовемъ его къ себѣ, онъ нейдетъ». Вслѣдствіе этихъ причинъ, Ольгердъ, просилъ особаго митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ. Планъ враговъ Алексѣя понятенъ: во сколько уменьшались предѣлы московской митрополіи, во столько уменьшалось и значеніе Москвы. Патріархъ долженъ былъ отчасти удовлетворить ихъ желанія. Еще въ на-

чалѣ XIV в., Юрій Первый просилъ особаго митрополита и назначилъ игумена Петра, но Петръ-то и утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Москвѣ. Въ 1370 г. по требованію польскаго короля Казиміра, грозившаго обратить галичанъ въ католицизмъ, для Галича и Волыни поставленъ былъ особый митрополитъ, епископъ Антоній. Послѣ разныхъ споровъ въ Константинополѣ рѣшили послать сербскаго инока, Кипріана, разузнать въ чемъ дѣло. Ольгердъ склонилъ его на свою сторону и въ Константинополѣ Кипріана назначили митрополитомъ Кіевскимъ; но онъ тщетно домогался сверженія Алексѣя и преданія его суду. Новые довѣренные, присланные отъ патріарха, оправдали Алексѣя, котораго еще болѣе оправдываетъ вся послѣдующая исторія Россіи. Исторія Россіи должна поставить митрополита Алексѣя въ числѣ видныхъ основателей Московскаго государства. Замѣчательно, что Алексѣй и Ольгердъ почти одновременно кончили свою жизнь. Ольгердъ въ 1377 г., Алексѣй-же въ 1378 г. [1]).

Важное значеніе митрополита, пребывавшаго въ Москвѣ, заставило Димитрія Ивановича заранѣе подумать о его преемникѣ. Благочестивое преданіе говоритъ, что Алексѣй хотѣлъ благословить себѣ въ преемники Сергія Радонежскаго; но, что послѣдній, по любви къ иноческому житію, отказался. Что касается до Димитрія, то онъ просилъ Алексѣя благословить на митрополію, своего духовника, попа Митяя. Въ 1376 г. Митяя постригли въ монахи и, въ тотъ-же день нарекли архимандритомъ Спасскаго монастыря. Митрополитъ Алексѣй благословилъ его себѣ въ преемники, точно также и константинопольскій патріархъ призналъ его преемникомъ Алексѣя. По кончинѣ Алексѣя, Митяй сталъ распоряжаться, какъ митрополитъ, что и вызвало оппозицію, во главѣ которой стоялъ Діонисій, епископъ Суздальскій, онъ не хотѣлъ явиться къ Митяю съ поклономъ и на упрекъ послѣдняго сказалъ: «тебѣ слѣдовало прійти ко мнѣ за благословеніемъ — ты попъ, а я епископъ». За Діонисія стоялъ и игуменъ Сергій. Діонисій далъ слово не ѣздить въ Константинополь, не искать митрополіи и, за поручительствомъ Сергія, отпущенъ былъ въ свою епархію; но слова не сдержалъ. Онъ отправился въ Константинополь; туда-же поѣхалъ и Митяй, но въ дорогѣ умеръ. Спутники его поддѣлали грамоты и вмѣсто Митяя успѣли добиться

[1]) Г. Иловайскій въ своей Исторіи, во 2-мъ томѣ, сравниваетъ митрополита Алексѣя съ кардиналомъ Ришелье, и Св. Сергія съ аббатомъ Сугеріемъ. На это должно замѣтить: 1) Дѣятельность Ришелье и Сугерія различается не по существу, а только размѣромъ района ихъ дѣйствій, 2) Сергій не принималъ самостоятельнаго участія въ дѣлахъ политики и всегда исполнялъ волю посылавшихъ его; 3) Посылали его, какъ нравственно авторитетнаго мужа, а не какъ политика. Сугерій-же вездѣ дѣйствовалъ самъ, опираясь на авторитетъ монастыря, въ которомъ онъ былъ аббатомъ. Поэтому, оставивъ Сергія въ сторонѣ, только митрополита Алексѣя, въ его политической дѣятельности, можно сравнить ad libitum и съ Сугеріемъ и Ришелье.

нареченія одного изъ нихъ, Пимена, митрополитомъ Кіевскимъ и Великой Россіи, а Кипріана митрополитомъ Литвы и Малой Россіи. Такое рѣшеніе, вредное для идеи единства Русской земли, выраженное въ титулѣ митрополита всея Руси, произвело тяжелое впечатлѣніе въ Москвѣ. Раздраженіе Димитрія Ивановича за дерзкое злоупотребленіе его именемъ, при поддѣлкѣ грамоты, обнаружилось, когда Пименъ явился въ Москву. Великій Князь приказалъ снять съ него бѣлый клобукъ и отправить въ заточеніе въ Чухлому. До этого событія въ Москвѣ не хотѣли принять и Кипріана и, когда онъ явился въ Москву, Великій Князь приказалъ его схватить, заключить подъ стражу, имущество у него и у его свиты было отнято, на другой день выгнали ихъ изъ Москвы. Но, послѣ ссылки Пимена, Кипріана приняли въ Москвѣ и титулъ митрополита Кіевскаго и всея Руси былъ возстановленъ.

Несмотря на митрополита Алексѣя, безпощадно отлучавшаго князей, возстававшихъ противъ Москвы, Тверской князь Михаилъ Александровичъ въ 1375 г. рѣшился попытать въ третій разъ счастія въ борьбѣ съ Москвою. На этотъ разъ онъ нашелъ союзника въ средѣ московскаго боярства. Боярская фамилія Вельяминовыхъ въ трехъ поколѣніяхъ занимала санъ тысяцкаго, предводителя городовыхъ полковъ. Естественно, что среди горожанъ она пользовалась большою популярностію. Въ 1375 г. умеръ тысяцкій, бояринъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Великій Князь Димитрій никого не назначилъ ему въ преемники, вѣроятнѣе всего по просьбѣ остальныхъ бояръ. Сынъ послѣдняго тысяцкаго, Иванъ Васильевичъ, съ Некоматомъ, купцомъ—сурожаниномъ, т. е. торговавшимъ въ Крыму, бѣжалъ въ Тверь. Лѣтопись не объясняетъ причину этого совокупнаго бѣгства боярина съ купцомъ, но извѣстныя отношенія фамиліи Вельяминовыхъ къ городскому населенію Москвы намъ позволяютъ догадываться, что городское населеніе было недовольно отмѣною сана тысяцкаго столько-же, сколько бояре были довольны—городское населеніе въ санѣ тысяцкаго видѣло опору противъ произвола, а бояре боялись его преобладанія. Не безъ надежды на помощь горожанъ Иванъ Васильевичъ и Некоматъ подстрекали Михаила Александровича искать въ Ордѣ ярлыка на великое княженіе Владимірское. Некоматъ дѣйствительно привезъ ярлыкъ изъ Орды, вѣроятно, онъ его и выхлопоталъ.

Михаилъ, въ надеждѣ на Орду и Литву, объявилъ Димитрію Московскому войну; но долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ и просить, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мира. Миръ былъ данъ, В. К. Тверской призналъ себя младшимъ братомъ Московскаго, равнымъ удѣльному князю Владиміру Андреевичу; обязался отказаться отъ союза съ Литвой, и признать Кашинскаго князя независимымъ отъ Тверскаго. Уже, по смерти митрополита Алексѣя, Иванъ Вельяминовъ, тайно пріѣхавшій изъ Орды, былъ схваченъ и, въ 1379 г.,

казненъ на Куликовомъ полѣ, что нынѣ Срѣтенка, а черезъ нѣсколько лѣтъ казненъ и Некоматъ. Лѣтопись не могла скрыть *сочувствія городскаго населенія* къ Ивану Вельяминову: *Бѣ множество народа стояща и мнози прослезившись о величіи и благородствѣ его.* Смыслъ лѣтописныхъ словъ ясенъ: князь казнилъ, бояре молчали, народъ плакалъ. Все говоритъ, что уничтоженіе силы тысяцкаго было печально не для бояръ, а для горожанъ; ибо мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что то право, за которое бояре особенно стояли, право отъѣзда, не только, не было нарушено; но было подтверждено съ удержаніемъ отъѣзжающими имѣній или селъ въ прежнихъ волостяхъ. Мнѣніе это подтверждаетъ и сочинитель Житія Димитрія Донскаго, по словамъ котораго Димитрій передъ смертію говорилъ сыновьямъ: «слушайтесь бояръ, *безъ ихъ воли ничего не дѣлайте*». Боярамъ же онъ сказалъ: «я родился предъ Вами, при Васъ выросъ, *съ Вами* княжилъ, воевалъ вмѣстѣ съ Вами на мнозія страны и низложилъ поганыхъ». Могъ-ли князь, завѣщавшій дѣтямъ *безъ воли бояръ ничего не дѣлать*, безъ ихъ воли отмѣнить санъ тысяцкаго и еще болѣе казнить всенародно сына послѣдняго тысяцкаго? Этому предположенію противорѣчитъ и то обстоятельство, что семья Вельяминовыхъ осталась въ прежней силѣ, въ томъ числѣ и братъ Ивана, Николай, своякъ В. Князя. Выше было указано, какъ Московское боярство грозно расправилось съ бояриномъ Хвостомъ. См. о дѣлѣ Вельяминова мое изслѣдованіе: «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства». Ж. М. Н. Просвѣщенія. 1886 г. Январь.

Съ Рязанскимъ княземъ Олегомъ только разъ произошло столкновеніе до начала рѣшительной борьбы съ Ордою. Сначала отношенія Димитрія Ивановича къ Олегу Ивановичу Рязанскому были дружественныя; но въ 1370 г. полки рязанскіе и пронскіе непоспѣли на помощь В. К. Московскому противъ Литвы, вслѣдствіе чего началась война. Рязанцы были разбиты въ 1371 г. близъ Переяславля-Рязанскаго. Князь Пронскій занялъ этотъ стольный городъ рязанской земли, какъ подручникъ Московскаго князя. Однако Олегъ Ивановичъ его выгналъ и помирился съ В. К. Московскимъ. Въ Москвѣ питали жестокую ненависть къ рязанцамъ, людямъ гордымъ и свирѣпымъ, какъ ихъ называютъ Московскія лѣтописи. Описывая битву подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ, Московскій лѣтописецъ выражается такъ: рязанцы падали, какъ снопы; ихъ били, какъ свиней. Таковы-то были взаимныя отношенія княжествъ. Чѣмъ сильнѣе становилась Русская земля, и чѣмъ болѣе слабѣла Орда, тѣмъ неизбѣжнѣе казалась рѣшительная борьба. Мамай, правитель Орды, опасаясь вызвать противъ себя всѣхъ князей разомъ, задумалъ побить ихъ поодиночкѣ. Арапшѣ, царевичу Заяицкой Орды, онъ приказалъ въ 1377 г. напасть на Суздальско-Нижегородское княжество, Димитрій Ивановичъ прислалъ помощь тестю

своему. Полки русскихъ князей, выступившіе противъ Арапши, расположились на р. Пьянѣ, притокѣ Суры, и, не принявъ никакихъ мѣръ, начали пьянствовать, а воеводы, какъ будто они были дома, охотились. Арапша сдѣлалъ внезапное нападеніе, и на-голову разбилъ полупьяное войско. Въ 1378 г. Мамай послалъ на Рязань мурзу Бѣгича, но В. К. Московскій подоспѣлъ во̀-время самъ и въ 15 верстахъ отъ Переяславля-Рязанскаго, на берегахъ р. Вожи, притока Оки, нанесъ Бѣгичу жестокое пораженіе. Самъ Бѣгичъ палъ въ битвѣ.

Гнѣвъ Мамая не зналъ предѣловъ, собравъ остатки войскъ Бѣгича, онъ приказалъ имъ немедленно возвратиться и опустошать Рязанское княжество. Неожиданность имѣла успѣхъ. Не довольствуясь опустошеніемъ Рязанскихъ земель, Мамай сталъ собирать силы, чтобы нанести рѣшительный ударъ Москвѣ. Лѣтомъ, въ 1380 г., въ Москву пришло извѣстіе, что Мамай, заключивъ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ягеллой Ольгердовичемъ, выступилъ въ походъ, и что Олегъ Рязанскій измѣнилъ, и перешелъ на сторону татаръ. Подъ знамена Димитрія стали два брата Ягайло—Андрей и Димитрій, и подручники князья Бѣлозерскіе и другіе, съ ничтожными дружинами. 8 Сентября, между Непрядвою и Дономъ, на Куликовомъ полѣ, Димитрій встрѣтилъ Мамая. Цѣлый день длилась битва съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ, когда татары утомились, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій и воевода Волынскій-Боброкъ ударили на Татаръ изъ засады и рѣшили побѣду въ пользу русскихъ. Мамай бѣжалъ. Ягелло, бывшій въ день битвы, въ нѣсколькихъ переходахъ, узнавъ о пораженіи Мамая, также бѣжалъ.

Куликовская битва была изъ числа тѣхъ побѣдъ, говоритъ Соловьевъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Побѣдителей погибло такъ много, что лѣтописецъ свидѣтельствуетъ объ оскудѣніи русской земли воеводами и воинами, вслѣдствіе чего повсюду несмотря на побѣду, господствовалъ страхъ.

Мамай между тѣмъ готовился къ новому походу; но на него напалъ ханъ Заяицкой Орды Тохтамышъ, Мамай и тутъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кафу, гдѣ жители вѣроятно его убили; ибо съ тѣхъ поръ не было о Мамаѣ ни слуху, ни духу.

Тохтамышъ снова соединилъ Орду и потребовалъ отъ русскихъ князей дани. Дань была дана; но Димитрій къ нему, на зовъ его, не поѣхалъ. Однако, другіе князья поступили иначе: Олегъ Рязанскій немедленно поѣхалъ къ Тохтамышу. Тесть В. Князя Димитрій Суздальскій послалъ къ Тохтамыму своихъ сыновей, Семена и Василія, съ изъявленіемъ покорности. Тохтамышъ далъ Димитрію Константиновичу ярлыкъ на великое княженіе. Димитрій Ивановичъ, узнавъ о движеніи Тохтамыша, удалился на сѣверъ. Въ Москвѣ остался митрополитъ, грекъ Кипріанъ, ничего не понимавшій въ русскихъ дѣлахъ. Онъ удалился ко врагу Димитрія Ивановича, къ Твер-

скому князю. Михаилъ Александровичъ прислалъ къ Тохтамышу пословъ, прося не воевать Тверскаго княжества. Тохтамышъ подступилъ къ Москвѣ, но силой взять ее не могъ и прибѣгнулъ къ обману. Тохтамышъ сказалъ жителямъ, что онъ желаетъ только осмотрѣть городъ. Суздальскіе княжата Семеонъ и Василій поцѣловали крестъ въ правдѣ словъ Хана, и граждане, несмотря на предостереженіе Остея, внука Ольгерда, впустили татаръ. Разграбивъ городъ, татары его зажгли и, съ огромнымъ полономъ бѣжали, узнавъ о пораженіи одного загона княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Но тѣмъ не менѣе, Димитрій Ивановичъ, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ изъявить покорность Хану и, въ 1383 г., послалъ въ Орду сына своего Василія съ большими дарами.

Черезъ три года у В. К. возобновилась борьба съ Олегомъ Рязанскимъ и неудачно, Московскіе полки были разбиты. Но Димитрій, нуждаясь въ мирѣ, послалъ въ Рязань Сергія Радонежскаго, и этотъ старецъ кроткими рѣчами своими такъ подѣйствовалъ на Олега, что миръ былъ заключенъ. Митрополитъ Кипріанъ, оставившій Москву въ бѣдѣ, былъ изгнанъ Димитріемъ, который возвратилъ Пимена.

Несмотря на всѣ несчастья, постигшія Москву послѣ Куликовской битвы—ея нравственный авторитетъ возросъ.

Димитрій, прозванный за Куликовскую побѣду, Донскимъ, умеръ 39 лѣтъ, въ 1389 г. Куликовская побѣда, несмотря на громадныя потери, на раззореніе Москвы Тохматышемъ, не осталась безъ послѣдствій. Димитрій, умирая, въ завѣщаніи сдѣлалъ важное нововведеніе: онъ благословилъ старшаго сына своего Василія *своею отчиною*, великимъ княженіемъ Владимірскимъ; значитъ онъ не находилъ нужнымъ, чтобы сынъ его дожидался ханскаго ярлыка. Василію-же перешли Переяславль-Залѣсскій и Кострома, которые причислялись къ великому княженію, что и дало перевѣсъ Василію надъ его братьями. Димитрій былъ князь мужественный и доблестный, но не отличался блистательными государственными способностями. Поэтому мы и видимъ, что по смерти митрополита Алексѣя, руководителя его въ государственномъ управленіи, дѣла шли далеко не такъ успѣшно, какъ прежде. Но куликовская битва такъ ошеломила и татаръ, и русскихъ князей, враждебныхъ Москвѣ, что первые довольствовались и малою долею покорности Москвы, а послѣдніе, поднявши головы въ надеждѣ на Тохтамыша, тотчасъ-же и опустили ихъ, когда Димитрій помирился съ Ханомъ. Димитрій, смиряясь передъ Тохтамышемъ въ виду малодушной измѣны князей Суздальскаго и Рязанскаго, вражды князей Тверскаго и Литовскаго, не терялъ надежды на близкое освобожденіе отъ татарскаго ига. Въ договорной грамотѣ съ двоюроднымъ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ, находится слѣдующее выраженіе: «А оже ны Богъ избавитъ, ослобонитъ отъ Орды». Эту надежду раздѣляла съ нимъ вся Русская Земля. Москва и ея князь съ той поры стали вы-

соко во мнѣніи русскихъ людей. Всѣ видѣли, что Московское княжество одними собственными силами сокрушило Мамая и не потеряло своего значенія и послѣ разгромленія Москвы Тохтамышемъ [1]).

Умы лучшихъ людей XIV вѣка такъ заняты были практическими вопросами, интересами общественными, поглощены мыслію объ освобожденіи отъ татарскаго ига, что даже гораздо менѣе, чѣмъ предыдущіе вѣка, оставили слѣдовъ въ тогдашней письменности. Митрополиты, Петръ и Алексѣй, для своего вѣка были люди образованные, знавшіе греческій языкъ, кромѣ нѣсколькихъ поученій, ничего не оставили; но ихъ памятникъ—ихъ государственныя заслуги. Петръ у Грековъ выучился иконописи, Алексѣй въ Царьградѣ списалъ Евангеліе греческое, дѣлая въ немъ исправленія по разнымъ текстамъ. Кипріанъ высказалъ плодотворную мысль, что инокамъ, отрекшимся отъ всего мірскаго, не прилично владѣть имѣніями; но она возбудила вниманіе только въ слѣдующемъ вѣкѣ. Въ Кипріановомъ требникѣ мы въ первый разъ встрѣчаемъ статью о ложныхъ или апокрифическихъ сказаніяхъ. Но это мало принесло пользы, вслѣдствіе всеобщей безграмотности.

Изъ свѣтской литературы этого вѣка слѣдуетъ замѣтить: Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ; Задонщина или слово о Великомъ Князѣ Дмитріи Ивановичѣ и о братѣ его, о князѣ Владимірѣ Андреевичѣ; Слово о Житіи и Преставленіи Великаго Князя Димитрія Донского и другія историческія сказанія.

Всѣ эти сказанія, отъ былинъ и Слова о Полку Игоревомъ, отличаются церковнымъ характеромъ; въ лицѣ Димитрія, изъ-за набожнаго и глубоко вѣрующаго князя не видно человѣка и героя великаго событія. (См. Ист. Руск. Словесности Порфирьева, т. I, стр. 445). Авторъ Задонщины беретъ выраженія изъ «Слова о Полку», не понимая ихъ. Такъ изъ вѣщаго Бояна у него вышелъ вѣнчанный бояринъ, горазный гудецъ въ Кіевѣ, выраженіе: О Русь! Ты уже за Шеломянемъ (т. е. за горою) передано такъ: русская земля то первое еси какъ за царемъ, за Соломономъ побывала!..

---

[1]) Н. И. Костомаровъ заподозрилъ Димитрія Донского въ недостаткѣ личнаго мужества Это подняло полемику, принявшую характеръ инсинуаціи. Историческая ошибка послужила исходнымъ пунктомъ для политическаго обвиненія Костомарова въ неблагонадежности Такой пріемъ только укрѣпилъ въ публикѣ мнѣніе въ справедливости ошибки. Онъ основывалъ свое мнѣніе на переодѣваніи Донского во время битвы и на лежаніе подъ древомъ. «Переодѣваніе вождей передъ битвой средневѣковой обычай, переодѣвались Генрихъ IV Англійскій и Гуніадъ, мужество которыхъ несомнѣнно. Что касается до бѣгства изъ Москвы отъ Тохтамыша, то онъ бѣжалъ потому-же, почему Петръ удалился изъ-подъ Нарвы. Архіепископъ Вассіанъ Рыло, не убоявшійся назвать Іоанна III въ лицо трусомъ и бѣглецомъ. ставитъ ему въ примѣръ Донского. Вассіану въ 1480 г. было 80 лѣтъ, слѣдовательно онъ родился черезъ двадцать лѣтъ послѣ Куликовской битвы и въ годы отрочества могъ видѣть и слышать отъ очевидцевъ о мужествѣ Димитрія. Что касается до лежанія Димитрія подъ деревомъ, то эта картина взята изъ поэтическаго сказанія. (См. Объ историческомъ значеніи русскаго боярства).

ГЛАВА VII.

Соперникъ Димитрія Донского, Михаилъ Александровичъ, пережилъ его на десять лѣтъ. Онъ умеръ въ 1399 г. Преемникъ его, Иванъ Михайловичъ, началъ жестоко преслѣдовать тверскихъ удѣльныхъ князей, со дня принятія имъ титула Великаго Князя Тверскаго. Историкъ тверскаго княжества такъ характеризуетъ дѣйствія Ивана Михайловича относительно тверскихъ удѣльныхъ князей: «Онъ тѣснитъ удѣльныхъ князей безъ пощады, забираетъ себѣ ихъ удѣлы, сажаетъ своихъ намѣстниковъ». Изгнанные князья не могутъ вернуть своихъ княжествъ даже и при помощи Орды, гдѣ, по обыкновенію, благоволятъ болѣе сильному и богатому Ивану Михайловичу. Иванъ Михайловичъ тѣснитъ братьевъ и роднаго, и двоюроднаго, и племянниковъ. Въ этомъ стремленіи усиленія насчетъ удѣльныхъ князей онъ поступаетъ также, какъ и вообще всѣ великіе князья съ своими удѣльными» (Ист. Тверскаго Княжества Борзаковскаго, стр. 190 и 191). Однимъ словомъ дѣйствовалъ такъ, какъ и московскіе объединители; точно также въ искусствѣ скрывать свои планы и въ хитрости Иванъ Михайловичъ не уступалъ никому. Въ началѣ своего княженія, будучи недоволенъ распорядками, сдѣланными отцомъ его, онъ послалъ къ братьямъ бояръ своихъ сложить къ нимъ крестное цѣлованіе, т. е. объявить войну. Тѣ бросились ко вдовѣ Великаго Князя Михаила, къ Евдокіи Константиновнѣ. Великая Княгиня, вмѣстѣ съ сыновьями и внукомъ Иваномъ Борисовичемъ отправили къ Ивану Михайловичу пословъ. Онъ прямо посламъ объявилъ, что бояре, посланные имъ, сложили крестное цѣлованіе по его волѣ. Во время борьбы съ Василіемъ Михайловичемъ, Иванъ приказалъ его схватить вмѣстѣ съ его боярами. Возвращеніе удѣла брату въ тверской лѣтописи выражено такъ: пожаловалъ Князь Великій Іоаннъ Михайловичъ брата своего князя Василія его удѣломъ. Великій Князь тверской Іоаннъ Михайловичъ скончался въ 1425 г.

Двое преемниковъ Ивана Михайловича, его сынъ Александръ и внукъ Юрій, княжили кратковременно, одинъ шесть мѣсяцевъ, другой четыре недѣли. Потомъ сынъ Юрія былъ отстраненъ и Великимъ Княземъ Тверскимъ сдѣлался дядя его, братъ Юрія, Борисъ Александровичъ, княжившій до 1461 г. Это означаетъ, что и въ Твери, какъ во всѣхъ русскихъ княжествахъ, шла борьбы между дядями и племянниками. Стараясь лавировать между Москвою и Литвою, Великій Князь Тверской, Борисъ Александровичъ, старался быть дружнымъ и съ Московскимъ княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, и съ Витовтомъ. Хотя Борисъ вступилъ съ В. Кн. Московскимъ въ родственныя связи, выдавъ, за сына Василія, Ивана Васильевича, свою дочь Марью Борисовну, но главную опору самостоятельности тверскаго княжества Борисъ искалъ у Витовта. Съ этою цѣлію, онъ заключилъ съ Витовтомъ замѣчательный договоръ, характеризующій отношенія Великихъ Князей Тверскихъ къ ихъ удѣльнымъ. Обязавшись стоять *на сторонѣ* Витовта противъ всѣхъ его враговъ, Борисъ прибавляетъ: «Дядямъ моимъ, братьямъ моимъ и племени моему—князьямъ быть въ моемъ послушаніи; Я, Великій князь, Борисъ Александровичъ, *воленъ, кого жалую, кого казню*, а моему дѣду, Великому Князю Витовту, не вступаться; а если кто изъ нихъ восхощетъ къ моему господину, Великому Князю Витовту, съ отчиною, и моему господину дѣду, Великому Князю Витовту, съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ къ моему господину дѣду, къ Великому Князю Витовту, то онъ отчины лишается, а въ отчинѣ его воленъ я—Великій Князь Борисъ». Этотъ договоръ великій *фактъ*, кто съумѣетъ въ него вдуматься, тотъ пойметъ, что языкъ Бориса —языкъ Іоанновъ, III и IV. Соловьевъ, по поводу этого договора, замѣчаетъ: «Въ этомъ договорѣ любопытнѣе всего то, что Тверской Великій Князь не позволяетъ Великому Князю Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ тверскимъ князьямъ—знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинаковыя цѣли, всѣ стремились обратить *родичей въ подручниковъ*. Въ 1451 г. умерла мать Марьи Борисовны, жены Ивана Васильевича, наслѣдника Московскаго Великаго Княженія, и, по смерти Бориса, Великимъ Княземъ Тверскимъ сдѣлался Михаилъ Борисовичъ, сынъ отъ втораго брака Бориса, что, какъ увидимъ, не осталось безъ послѣдствій во взаимныхъ отношеніяхъ Москвы и Твери.

Еще важнѣе были событія, происходившія въ В. Княжествѣ Литовскомъ. Ольгердъ оставилъ огромное потомство—двѣнадцать сыновей и пять дочерей отъ двухъ своихъ женъ. Пятеро сыновей были отъ первой жены, отъ княжны Маріи Витебской и семеро отъ Юліаніи Тверской. Кажется, большая часть его дѣтей были крещены. Выше было указано, что самъ Ольгердъ, опасаясь мстительности жрецовъ, вѣроятно, скрывалъ свое крещеніе. На это предположеніе наводитъ

другое извѣстіе, именно, что Ольгердъ однажды долженъ былъ пожертвовать тремя приближенными, которые принесены въ жертву языческимъ богамъ. Изъ сыновей его особенно замѣчательны: Андрей Полоцкій, Димитрій Корибутъ Брянскій, Димитрій Корибутъ Новгородъ-Сѣверскіи, Скиргайло-Иванъ, Свидригайло-Болеславъ и Ягайло-Яковъ. Послѣднему, самому младшему, любимцу матери, Ольгердъ оставилъ старшій столъ Виленскій. Вскорѣ Ягайло перессорился съ братьями и съ дядею, Кейстутомъ, всегда вѣрнымъ сподвижникомъ его отца, Ольгерда. Ссора началась со старшимъ братомъ, Андреемъ Полоцкимъ. Послѣдній, не имѣя силъ бороться съ Ягелло, котораго поддерживалъ Кейстутъ, бѣжалъ сначала во Псковъ, а потомъ въ 1379 г. отдался подъ покровительство Димитрія Московскаго, которому тогда-же или годомъ ранѣе подчинился Димитрій Трубчевскій, а потомъ Димитрій Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій. Андрей и Димитрій Корибутъ сражались на Куликовомъ полѣ, подъ знаменемъ Москвы, когда Ягайло шелъ на помощь къ Мамаю.

Ягелло объявилъ Андрея лишеннымъ Полоцкаго стола и посадилъ на его мѣсто единоутробнаго брата, Скиргайло, котораго жители Полоцка не приняли. Ягелло хотѣлъ жестоко наказать мятежный городъ; но въ это время противъ него возсталъ дядя его, Кейстутъ, князь Трокскій. Говорили, что Кейстутъ сердитъ былъ на Ягелло за то, что онъ выдалъ сестру свою за Войдыло, бывшаго конюха Ольгерда. Вѣроятнѣе всего за то, что Ягайло, слабый по характеру, подчинился вліянію Войдыло и завелъ тайные переговоры съ Орденомъ въ ущербъ Кейстуту, ревностному поклоннику языческихъ боговъ. Кейстутъ, захвативъ Вильно, казнилъ Войдыло; но съ Ягелло готовъ былъ мириться. Воспользовавшись простодушіемъ Кейстута, Ягелло пригласилъ его для переговоровъ и велѣлъ схватить вмѣстѣ съ сыномъ его, Витовтомъ. Кейстутъ былъ умерщвленъ въ тюрьмѣ, Витовту удалось бѣжать во владѣнія прусскаго Ордена. Ягелло уступилъ рыцарямъ западную часть Жмуди, Витовтъ-же обѣщался уступить всю Жмудь. Витовтъ однако тяготился союзомъ съ Орденомъ и потому съ радостію помирился съ Ягелло, который уступилъ ему владѣнія его отца, Кейстута. Помирившись, Ягелло и Витовтъ въ 1384 г. вмѣстѣ разбили нѣмцевъ, а въ 1385 г. для Ягелло открылись виды на польскій престолъ. Въ 1386 г. Ягелло женился на Ядвигѣ и короновался Польскою короною въ Краковѣ. При этомъ онъ изъ греческой церкви перешолъ въ католическую и нареченъ былъ Владиславомъ. Въ числѣ родственныковъ, принявшихъ католичество, былъ и Витовтъ, который усердно помогалъ Ягеллѣ крестить Литву и Жмудь по латинскому обряду. Но, несмотря на это усердіе, когда Ягелло назначилъ Скиргайло своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ, а потомъ и В. Княземъ Литовскимъ, отдавши ему и Троки, удѣлъ Кейстута, тогда между Ягелло и Витовтомъ вновь загорѣлась борьба, замиреніе послѣдовало только

въ 1392 г. вслѣдствіе пріѣзда Ягелло и Ядвиги въ Литву. Имъ удалось даже примирить Витовта со Скиргайломъ, который получилъ кіевское княжество. Нѣкоторые изъ единоутробныхъ братьевъ Ягелло были недовольны возвышеніемъ Витовта и возстали, но, къ несчастію для нихъ, въ началѣ замѣшательства умерла ихъ мать, Юліанія Тверская, и некому было ихъ поддерживать у Ягелло. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Витовтъ для объединенія литовско-русскихъ земель. По смерти Скиргайло, онъ овладѣлъ Кіевомъ, потомъ занялъ Подолъ и Волынь, Витебскій князь бѣжалъ въ Пруссію. Объ отношеніяхъ Витовта къ сѣверной и восточной Россіи будетъ сказано въ исторіи Москвы, здѣсь замѣтимъ только, что бракъ его дочери, Софьи Витовтовны, съ сыномъ Донского, заключенный въ 1389 г., придавалъ ему большой авторитетъ среди западно-русскаго населенія. Дѣятельность честолюбиваго, жестокаго Витовта, питавшаго громадные замыслы, задерживалась польскими отношеніями; Ядвига умерла, и въ 1399 г. Польша потребовала, чтобы Волынь и Подолія присоединены были къ польской коронѣ. Витовтъ опять сблизился съ Орденомъ. Но замыслы гордаго Витовта остановлены были и съ другой стороны. Онъ далъ убѣжище Тохтамышу, потерпѣвшему пораженіе отъ Тамерлана. По уходѣ Тамерлана, Мурза Эдигей, подобно Мамаю, возводилъ и низводилъ хановъ. Наконецъ онъ возвелъ царевича Тимуръ Култуя. Витовтъ обѣщался свергнуть Тимуръ-Култуя и снова возвести Тохтамыша, если послѣдній не будетъ ему препятствовать расширить его владѣнія на счетъ Москвы. Дѣло дошло до войны, и Эдигей въ 1344 г. на голову разбилъ Витовта, на берегахъ р. Ворсклы. Пораженіе Витовта на берегахъ Ворсклы остановило его завоевательные замыслы на Востокѣ, въ то же время на Западѣ готова была ежечасно возобновиться война съ Орденомъ. Жмудь, вслѣдствіе жестокаго владычества Ордена, волновалась; жмудины обращались съ жалобой къ Витовту, какъ ихъ бывшему князю. Но Витовтъ чувствовалъ себя не въ силахъ бороться одному съ Орденомъ. Поэтому онъ былъ радъ, когда, во время голода въ Литвѣ, рыцари захватили польскіе караваны съ хлѣбомъ, посланные въ голодный край. Витовтъ и Ягелло рѣшились дѣйствовать сообща. Въ 1410 г. литовско-русскіе полки, вмѣстѣ съ поляками, встрѣтили войска рыцарей между деревнями Грюнвальденъ и Танненбергъ. Рыцари понесли страшное пораженіе, поляки, русскіе, литвины сражались съ одинаковымъ одушевленіемъ. Сильный напоръ рыцарей остановилъ смоленскіе полки, чѣмъ воспользовались поляки и нанесли рыцарямъ окончательное пораженіе. Въ рядахъ поляковъ сражался чешскій рыцарь, Жижка, будущій вождь таборитовъ. Ударъ, нанесенный Ордену, былъ такъ силенъ, что Орденъ никогда уже не могъ отъ него оправиться. Императоръ Сигизмундъ послѣ этой битвы сталъ предлагать Витовту королевскую корону въ на-

деждѣ отдѣлить Литву отъ Польши. Но въ 1413, представители Польши и Литвы съѣхались въ Городлѣ и еще болѣе скрѣпили литовско-польскій союзъ. По акту, подписанному въ Городлѣ, Литва и Польша сливаются въ одно государство; по смерти Ягелло поляки изберутъ въ короли Витовта; литовское дворянство католическаго исповѣданія получило всѣ права польскаго дворянства. Но въ 1424 г. у Владислава Ягелло, отъ четвертаго брака, родился сынъ, Владиславъ, а потомъ другой сынъ, Казиміръ. На сеймѣ, въ 1425, Владиславъ признанъ былъ наслѣдникомъ Ягелло. Съ этихъ поръ Витовтъ еще упорнѣе сталъ добиваться Литовской королевской короны, которую ему императоръ Сигизмундъ и обѣщалъ на Луцкомъ съѣздѣ 1429 года. Сигизмундъ исполнилъ свое обѣщаніе, но поляки помѣшали Витовту короноваться, и старикъ умеръ съ горя въ 1430 г.

По смерти Витовта, Ягайло назначилъ в. к. Литовскимъ брата своего, Свидригайло; но, когда послѣдній обнаружилъ стремленіе отдѣлить Литву отъ Польши, онъ выдвинулъ Сигизмунда Кейстутовича, фанатическаго католика. Этотъ Сигизмундъ призналъ, по смерти Ягелло, въ 1434 г., польскимъ королемъ его сына Владислава, и ввелъ въ Литву инквизицію. Русскіе составили противъ него заговоръ, во главѣ котораго стоялъ Чарторійскій, и Сигизмундъ погибъ въ 1440 г. Литва избрала въ князья Казиміра, брата короля Владислава, сына Владислава-Ягелло. Но Владиславъ, избранный въ угорскіе короли, убитъ былъ въ 1444 г. при Варнѣ. Поляки избрали въ короли Казиміра, при которомъ литвины и русскіе не допустили упрочить соединенія Литвы и Польши. При немъ и Гринвальденская битва принесла свои плоды: въ 1466 г. Орденъ по Торунскому договору уступилъ Польшѣ Восточную Пруссію и получилъ въ ленное владѣніе Западную.

Въ Москвѣ въ 1389 г., по смерти Димитрія Донского, его сынъ Василій Дмитріевичъ, получилъ великое княженіе по завѣщанію отца и, хотя этого завѣщанія никто не оспаривалъ, онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить завѣщаніе волею хана. Такою осторожностію, онъ закрѣпилъ великое княженіе за родомъ Калиты. Врага своего, Ягелло, онъ хотѣлъ обуздать родственнымъ союзомъ съ Витовтомъ, на дочери котораго, Софьи Витовтовнѣ, какъ сказано выше, онъ женился въ первый годъ своего княженія. Въ первый же годъ его княженія, онъ поссорился съ двоюроднымъ дядею своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ. Дядя долженъ былъ уступить племяннику, признавъ Василія старѣйшимъ себя, обѣщался ходить на войну, сидѣть въ осадѣ, гдѣ прикажетъ великій князь. Но въ договорной грамотѣ видна сильная недовѣрчивость, которая царила тогда между родственниками. Въ договорной грамотѣ великій князь говоритъ: «Если я тебя пошлю изъ города, ты долженъ оставить при мнѣ твою княгиню, дѣтей твоихъ и бояръ; если же ты останешься въ городѣ, то я оставляю при тебѣ мать, младшихъ братьевъ моихъ и бояръ».

На значенie московскихъ бояръ и ихъ влiянie мы указывали не разъ и потому нѣтъ ничего мудренаго, что бояре удѣльныхъ княжествъ искали случая служить сильному и богатому московскому князю. Такимъ настроенiемъ удѣльнаго боярства, въ Москвѣ и воспользовались для прiобрѣтенiя Нижняго Новгорода. Въ Нижнемъ Новгородѣ, еще при Дмитрiи Донскомъ, по смерти Димитрiя Константиновича въ 1383 г., его братъ Борисъ Константиновичъ сѣлъ на престолъ, но его племянники Василiй—Кирдяпа и Симеонъ, съ помощiю Донского, выгнали Бориса изъ Нижняго. Но, по смерти Донского, Борисъ купилъ въ ордѣ ярлыкъ на Нижнiй и снова сталъ княжить. Тогда Василiй Дмитрiевичъ самъ отправился въ орду, задарилъ татарскихъ вельможъ и, не щадя золота, перекупилъ себѣ ярлыкъ на Нижнiй, однако заранѣе склонивъ на свою сторону самыхъ влiятельныхъ нижегородскихъ бояръ.

Узнавши о покупкѣ ярлыка на Нижнiй Василiемъ Дмитрiевичемъ, Борисъ понялъ опасность и, созвавъ бояръ, сказалъ имъ: «Господа мои и братiя мои, милая дружина! Вспомните крестное цѣлованie, не выдайте меня врагамъ моимъ». Бояре клялись и во главѣ ихъ клялся бояринъ Румянецъ, который давно завелъ переговоры съ Москвою. Но, когда въ Нижнiй-Новгородъ явились московскie бояре съ татарскими послами, тотъ же бояринъ Румянецъ сказалъ Борису: «Господинъ князь! не надѣйся на насъ (бояръ), мы уже теперь не твои и не за тебя, а противъ тебя». Борисъ былъ схваченъ съ женою и дѣтьми; его немногie доброхоты разосланы по разнымъ городамъ. Василiй Дмитрiевичъ прiобрѣлъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ: Городецъ, Мещеру, Муромъ, Тарусу. Но потомки Дмитрiя и Бориса долго еще боролись за право свое на Нижнiй и Суздаль. Особенную энергiю выказалъ Семенъ Дмитрiевичъ, тотъ самый который съ братомъ своимъ Василiемъ Кирдяпою, уговорилъ москвичей сдаться Тохтамышу. Добиваясь своей отчины, онъ восемь лѣтъ сряду служилъ въ ордѣ четыремъ ханамъ, поднимая ихъ на Москву.

Въ концѣ XIV в. Россiи снова съ востока грозила опасность, во второй половинѣ этого вѣка среди монголовъ повторились времена Чингизъ Хана, ихъ напомнилъ новый завоеватель Тимуръ или Тамерланъ, посадившiй Тохтамыша на престолъ Золотой Орды; Тохтамышъ своею неблагодарностiю оскорбилъ Тамерлана, который, поразивъ своего ставленника, перешелъ Волгу, двинулся къ берегамъ Оки и въ 1395 году, осадилъ Елецъ. Но еще живы были сподвижники Дмитрiя Донскаго на Куликовомъ полѣ, московскie бояре не пришли въ отчаянie, собрали полки и уговорили Василiя, стать во главѣ ополченiя. Василiй бодро выступилъ въ походъ; но Тамерланъ, простоявъ двѣ недѣли въ землѣ Рязанской и опустошивъ страну въ верховьяхъ р. Дона, 26 августа далъ приказанie отступать. Благочестивое преданie повѣствуетъ, что отступленie

Тамерлана началось въ тотъ день, когда въ Москву принесли икону Божьей Матери изъ Владиміра. Перенесеніе этой иконы въ Москву имѣло политическое значеніе. Костомаровъ замѣчаетъ, что Василій приказалъ перенести икону, которую Андрей Боголюбскій тайкомъ увезъ съ юга въ свой любимый городъ Владиміръ. Икона эта съ этихъ поръ служила освященіемъ первенства Москвы надъ другими городами. Восточные историки причину отступленія Тамерлана приписываютъ приближенію осени и затрудненіямъ доставать кормъ для его многочисленной конницы.

Однако первенство Москвы между городами восточной Россіи признавалось далеко не всѣми городами добровольно. Отъ такого признанія особенно далекъ былъ Новгородъ. Василій Дмитріевичъ, по отношенію къ старому вѣчнику, шелъ къ той-же цѣли, къ которой шли великіе князья съ Андрея Боголюбскаго; но и Василію неудалось подчинить себѣ Новгородъ. Распри у великаго князя съ Новгородомъ съ 1393 г., съ нѣкоторымъ перерывомъ, продолжались до 1404 г. и только общая опасность, грозившая и Новгороду, и Москвѣ, со стороны Литвы, заставила ихъ примириться. Новгородское вѣче постановило не ѣздить на судъ къ московскому митрополиту. Московскій митрополитъ, Кипріанъ, возвратившійся въ Москву по смерти Донского, въ 1392 г. отправился въ Новгородъ и сталъ требовать, чтобы новгородцы, по старинѣ, ѣздили къ нему на судъ. Въ 1393 г. началась война. Злополучный Торжокъ, со всею волостію, опять подвергся печальной участи житья-бытья на большой дорогѣ, какъ выразился Костомаровъ. (См. Сѣверно-Русскія Народоправства. Т. I, стр. 127). Въ Торжкѣ было двѣ партіи: одна новгородская, стоявшая за митрополію, другая московская. Одинъ изъ московскихъ доброхотовъ, какой-то Максимъ, неизвѣстно за что и кѣмъ былъ убитъ. Великій князь, захвативъ Торжокъ, приказалъ розыскать виновныхъ, 70 человѣкъ были казнены въ Москвѣ лютою казнію четвертованія. Новгородъ смирился и прислалъ митрополиту судебную грамоту.—Въ 1397 г. опять размирье, на этотъ разъ—благодаря слѣпой политикѣ Василія. Подчинившись вліянію своей жены, Литвинки, онъ едва не погубилъ результаты дѣятельности своихъ предшественниковъ. Такъ, онъ потребовалъ, чтобы новгородцы послали Витовту помощь противъ нѣмцевъ. Василій тогда еще вѣрилъ вліянію родства на Витовта; но новгородцы отвѣчали: «намъ, князь, съ тобою одинъ міръ, съ Витовтомъ другой, а съ нѣмцами иной».—Великій князь послалъ въ Двинскую землю волновать своихъ приверженцевъ. Но новгородцы отстояли себя и великій князь въ 1398 г. отказался отъ захваченныхъ имъ пригородовъ: Торжка, Вологды, Бѣжецкаго Верха и отъ Заволочья. Между тѣмъ Великій князь Василій въ это время допустилъ Витовта овладѣть Смоленскомъ и когда Олегъ Рязанскій пошелъ на помощь своему зятю, Юрію Святославичу Смоленскому,

Витовтъ за это предалъ Рязанскую землю страшному опустошенію; по выраженію лѣтописи, рязанскую кровь лили, какъ воду. Въ Москвѣ не пошевелили пальцемъ.

Но Москва плыла по теченію, сами обстоятельства, иногда даже вопреки руководителямъ ея дѣлъ, складывались въ ея пользу. Такъ и на этотъ разъ быстрый ростъ Литовско-Русскаго княжества остановленъ былъ въ 1399 г. пораженіемъ Витовта Эдигеемъ на берегахъ р. Ворсклы, въ то время, когда Витовтъ все болѣе и болѣе стремился къ завоеваніямъ въ восточной Россіи. У Василія Дмитріевича съ Новгородомъ опять въ 1401 г. начались враждебныя столкновенія, и опять по поводу подсудности новгородскаго архіепископа митрополиту. Кипріанъ вызвалъ къ себѣ Арх. Іоанна въ Москву потолковать объ общихъ дѣлахъ и здѣсь Іоанна заточили въ Чудовъ монастырь, гдѣ продержали три года. Въ 1404 г. онъ былъ отпущенъ и произошло замиреніе. Это замиреніе имѣло связь съ литовскими дѣлами: въ этомъ же году, Витовтъ, оправившись отъ пораженія на р. Ворсклѣ, снова овладѣлъ Смоленскомъ при помощи, преданной ему и враждебной кн. Юрію, партіи. Въ 1405 г. онъ началъ тѣснить Новгородъ и Псковъ. Псковичи и Новгородцы просили помощи у Великаго Князя Московскаго. Василій, наконецъ, рѣшился остановить попытки Витовта овладѣть Новгородомъ и Псковомъ. Родственныя отношенія смягчили однако борьбу, тесть и зять три раза сходились и ни разу дѣло до битвы не доходило: въ первый разъ, въ 1406 г., близъ Крапивны; въ 1407 г. у Вязьмы и въ 1408 г. на берегахъ р. Угры. Послѣ замиренія на Угрѣ у Василія не было больше столкновенія съ тестемъ. Едва миновала надъ Москвою гроза со стороны Литвы, какъ Орда напомнила о своемъ существованіи. Смуты въ Ордѣ, наставшія послѣ сверженія Тохтамыша, подали Василію надежду совсѣмъ свергнуть иго татарское. Ни выходу Ордынскаго онъ не посылалъ, ни самъ не ѣздилъ въ Орду, гдѣ одинъ ханъ смѣнялъ другого, какъ во времена Мамая. Но и въ это время дѣлами Орды управлялъ, и хановъ возводилъ и низводилъ мурза Эдигей. Великій Князь съ своей стороны принялъ къ себѣ сыновей Тохтамыша, чтобы имѣть въ нихъ орудіе противъ Эдигея.

Эдигей рѣшился наказать Великаго Князя и, собравши силы, въ 1408 г., подъ предлогомъ похода на Витовта, внезапно явился подъ Москвою, откуда Великій Князь удалился въ Кострому; Эдигей велѣлъ тверскому князю, Ивану Михайловичу, спѣшить подъ Москву съ пушками, но послѣдній не послушался. Москву энергично защищалъ Владиміръ Андреевичъ, Эдигей взять города не могъ и, пожегши посады, отступилъ, узнавши о волненіяхъ въ Ордѣ. Татарскіе загоны опустошали въ это время Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Клинъ. Но и нашествіе Эдигея не поколебало значенія Москвы. Со-

хранилась грамота Эдигея къ Василію, въ которой ясно обозначена перемѣна во взглядахъ русскихъ людей на татарскія отношенія. Въ грамотѣ онъ винитъ Василія за насмѣшки надъ ордынскими послами, за принятіе Тохтамышевыхъ сыновей, за неприсылку дани. Эдигей упрекалъ Василія, что, собирая деньги на ордынскій выходъ, оставлялъ ихъ у себя. Всю вину Эдигей приписывалъ внушеніямъ молодыхъ совѣтниковъ Великаго князя. Прежде, писалъ Эдигей, былъ у тебя добрый къ Ордѣ бояринъ Ѳедоръ, а нынѣ у тебя любимецъ и казначей, сынъ его, Иванъ. Соловьевъ, по поводу этой смѣны отцовъ дѣтьми отмѣчаетъ болѣе смѣлый взглядъ поколѣнія, которое выросло послѣ Куликовской побѣды. Въ княженіе Василія Дмитріевича, если Новгородъ и сохранилъ свою независимость, то этимъ обязанъ былъ соперничеству Москвы съ Литвою; но Псковъ, со времени его княженія, принужденъ былъ принимать князей отъ руки великаго князя Московскаго. Витовтъ съ своей стороны, хотя и занятъ былъ дѣлами съ Орденомъ (Грюнвальденская битва), и съ Польшею (Городельскій Сеймъ), не терялъ изъ виду и Москвы. Витовтъ хотѣлъ въ основѣ подорвать всероссійское значеніе Москвы, отнявъ у кіевскаго митрополита, пребывавшаго въ Москвѣ, титулъ *всея Россіи*.

Въ 1406 г. умеръ митрополитъ Кипріанъ, умѣвшій ладить и съ Московскимъ, и съ Литовскимъ великимъ княземъ. Константинопольскій патріархатъ только въ 1408 г. назначилъ ему преемника въ лицѣ морейскаго грека, Фотія. Фотій наоборотъ не умѣлъ пріобрѣсти расположенія Василія Дмитріевича и въ тоже время прогнѣвалъ Витовта. Къ тому-же онъ, по собственному его сознанію, въ славянскомъ и русскомъ языкахъ былъ неискусенъ, въ его проповѣдяхъ встрѣчаются слова, и еще чаще сочетанія словъ совсѣмъ непонятныя (см. Порфирьева И. Р. т. I, стр. 448). Витовтъ тогда возобновилъ мысль Ольгерда объ отдѣленіи кіевской метрополіи. Получивъ отказъ изъ Константинополя, Витовтъ, по примѣру Сербовъ и Болгаръ, а отчасти и древнихъ русскихъ князей, собралъ, въ 1416 г. русскихъ епископовъ—полоцкаго, черниговскаго, луцкаго, владимірскаго, холмскаго, туровскаго, смоленскаго, уговорилъ ихъ поставить на кіевскую митрополію ученаго болгарина, Григорія Самвлака. Григорій Самвлакъ всегда былъ ревностнымъ защитникомъ греческой церкви противъ латинянъ. Слѣдовательно въ его назначеніи нельзя видѣть какія-либо уступки латинству. У Витовта, какъ предполагаютъ нѣкоторые историки, носилась мысль о соединеніи церквей и мостомъ къ соединенію должно было служить гусситство. Этой мыслію объясняютъ и ласковый пріемъ Іерониму Пражскому, оказанный Витовтомъ въ 1413 г.

Что предполагалъ Витовтъ дѣлать далѣе сказать трудно, но, когда, въ 1419 г. Самвлакъ умеръ, онъ призналъ митрополитомъ Фотія. Такимъ образомъ Москва удержала таки за митрополитомъ,

имѣвшимъ въ ней пребываніе, титулъ митрополита Кіевскаго и всея Россіи [1]).

Конецъ княженія Василія Дмитріевича ознаменованъ, естественными бѣдствіями. Моровая язва, посѣтившая Россію, при Симеонѣ Гордомъ, то и дѣло возобновлялась и съ особенною силою свирѣпствовала въ двадцатыхъ годахъ XV вѣка. Эта язва, извѣстная подъ названіемъ Черной Смерти, нигдѣ не свирѣпствовала съ такимъ ожесточеніемъ, какъ у насъ. Съ 1352 по 1427 она то и дѣло возобновлялась. Причины зла ясны: передъ возобновленіемъ язвы въ 1419 г., свирѣпствовалъ страшный голодъ, продолжавшійся около трехъ лѣтъ; доходило до того, что люди питались трупами и мерли тысячами; отъ голода бѣжали въ мѣста, гдѣ по слухамъ былъ урожай, и зимой замерзали тысячами, особенно въ 1422 г., когда зима была необыкновенно сурова. Массы народа стремились во Псковъ, гдѣ былъ большой запасъ ржи; но когда во Псковѣ поднялась высоко цѣна на рожь, то пришельцевъ изъ Пскова выгнали. Народъ былъ въ ужасѣ, страхъ и невѣжество никогда не задаются вопросами, почему или отъ чего случилось то или другое несчастіе, а спрашиваютъ кто сдѣлалъ? Точно такъ какъ примитивный человѣкъ не задавался вопросомъ—отъ чего громъ, а спрашивалъ кто гремитъ. Такъ и въ началѣ XV в. псковитяне рѣшили, что разныя старыя колдуньи, вѣдьмы пускаютъ въ народъ боль и 12 такихъ несчастныхъ сожжены были живыми. Признаки болѣзни были тѣ же, какъ и при Симеонѣ—пухли железа, начиналось кровохарканье, ознобъ и жаръ. По смерти Василія Дмитріевича, язва появилась въ Москвѣ и продолжалась въ первые годы княженія Василія Васильевича съ 1426 г. по 1431. На этотъ разъ на тѣлѣ появлялся синій или багровый пузырь. Появленіе синяго пузыря неминуемо влекло смерть, а багровый выгнивалъ и человѣкъ спасался. Засухи, лѣсные пожары, неурожаи сопровождали моровую язву.

Въ 1442 и 1448 г. язва опять возобновилась во Псковѣ и Москвѣ.

Въ княженіе Василія Дмитріевича начали считать годы мірозданія съ сентября, а не съ марта, какъ прежде. Карамзинъ полагаетъ, что митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ эту новость, подражая тогдашнимъ грекамъ.

Василій Васильевичъ (1425—1462). Княженіе Василія Васильевича, начавшееся при моровой язвѣ и голодовкѣ, вообще было несчастливо.—Онъ остался послѣ отца десяти лѣтъ, слѣдовательно

---

[1]) Очень вѣроятно, что мысль объ уніи занимала тогда многихъ западныхъ государей. На Луцкомъ съѣздѣ, въ 1429 г. Императоръ Сигизмундъ высказывался въ пользу этой мысли. Къ различію церквей онъ относился равнодушно, по его словамъ греческая церковь отличалась отъ латинской тѣмъ, что въ ней попы женаты. Но унія, которую желали государи, не походила на ту, къ которой стремились папы. Послѣдніе желали подчинить греческую церковь Риму, а первые думали ослабить папскую власть и въ латинской церкви.

лѣтъ десять не могъ принимать самостоятельнаго участія въ дѣлахъ, въ 1446 г. онъ лишенъ былъ зрѣнія, т. е. въ теченіи 16 лѣтъ княжилъ слѣпымъ. — Вообще изъ тридцатисемилѣтняго княженія его можно выключить 26 лѣтъ, когда онъ волей или неволей самостоятельнаго голоса не имѣлъ. Но Москва уже такъ окрѣпла, что и безхарактерное и несчастное княженіе Василія Васильевича не умалило ея значенія. Оно даже возросло, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ.

Едва скончался Василій Дмитріевичъ, какъ братъ его Юрій Дмитріевичъ Галицкій (Галича Мерянскаго) по забытымъ почти, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, родовымъ обычаямъ, предъявилъ свои притязанія на Москву и великое княженіе, на основаніи старшинства дядей надъ племянниками. Однако зная, что его вооруженное возстаніе дастъ Витовту, подъ предлогомъ защиты внука, поводъ вмѣшаться въ московскія дѣла, Юрій уступилъ увѣщаніямъ Фотія и помирился съ племянникомъ. Когда-же, въ 1430 г., Витовтъ умеръ, Юрій возобновилъ свои притязанія. Онъ отправился въ Орду добывать ярлыкъ, въ Орду отправился и Василій въ сопровожденіи боярина Всеволожскаго. Соловьевъ называетъ Ивана Дмитріевича Всеволожскаго достойнымъ преемникомъ тѣхъ бояръ, которые при отцѣ, дядѣ и прадѣдѣ Василія Васильевича удержали первенство за Москвою. Московскіе бояре того времени умѣли кстати показать то волчій зубъ, то лисій хвостъ.—Всеволожскій плѣнилъ тогда самого хана Улу-Махмета, льстивой рѣчью, въ которой сказалъ, что его князь ищетъ владимірскаго княжества милостію вольнаго царя, а не по старымъ обычаямъ, и ярлыкъ данъ былъ Василію.—Софья Витовтовна обѣщала Всеволожскому взять его дочь за Василія; но обѣщаніе не исполнила и обручила сына съ внучкою Владиміра Андреевича, Марьею Ярославною. Сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, отправились на свадьбу, а Всеволожскій къ ихъ отцу возбуждать его противъ племянника.—Оскорбленіе, которое Софья Витовтовна нанесла, въ 1433 г., Василію Косому на свадьбѣ, помогло ускорить разрывъ между дядей и племянникомъ *).

Какъ только Василій Косой и Димитрій Шемяка уѣхали изъ Москвы, усобица вспыхнула съ такой быстротой, что Василій Васильевичъ захваченъ былъ врасплохъ, взятъ въ плѣнъ и, если его тогда-же не постигла горькая участь, то ослабленіемъ бѣды

---

¹) *Примѣчаніе:* Въ лѣтописи разсказано дѣло такъ: Софья Витовтовна сорвала съ Косого дорогой поясъ, который будто-бы Димитрій Суздальскій подарилъ своей дочери, когда она выходила замужъ за Донского; но Вельяминовъ, женатый на другой дочери Димитрія Суздальскаго, будто-бы подмѣнилъ этотъ поясъ, а настоящій далъ въ приданое за дочерью, которая вышла замужъ за Ивана Всеволожскаго.—Всеволожскій въ концѣ концовъ, отдалъ этотъ поясъ Косому, котораго обручилъ съ своею внучкой.– Не ее-ли онъ предлагалъ въ невѣсты и Василію Васильевичу?

онъ былъ обязанъ Морозову, боярину Юрія, который ходатайствовалъ за московскаго князя. Василію дана была въ удѣлъ Коломна. Сюда собрались изъ Москвы бояре и дѣти боярскіе и пошли съ Василіемъ на Москву. Василій Косой и Димитрій Шемяка, раздраженные противъ Морозова за его великодушный совѣтъ, умертвили его собственноручно. Но это убійство дѣла ихъ не поправило, и Юрій долженъ былъ оставить Москву, признавъ племянника за старшаго брата; Юрій-же вскорѣ и нарушилъ договоръ, ибо сыновья его возобновили усобицу. Смерть Юрія, въ 1334 г., не прекратила усобицы. Василій Косой объявилъ себя великимъ княземъ; но противъ этого возстали его собственные братья, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный.—Василій Косой одинъ продолжалъ борьбу; но въ томъ-же 1336 г. былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ.

Эта послѣдняя борьба дядей съ племянниками и была жестокой потому, что она была послѣдняя. Попытка Юрія Галицкаго возобновить наслѣдованіе по старинѣ, по отжившему родовому старшинству, вызвала естественно ожесточенное противодѣйствіе не только въ Василіи Васильевичѣ, но еще болѣе въ московскомъ боярствѣ, которое руководило Василіемъ Васильевичемъ. Карамзинъ, а потомъ Иловайскій приводятъ изъ Архангельской лѣтописи фактъ, о снятіи золотого пояса не Софьею Витовтовною, а бояриномъ Захаріемъ Ивановичемъ Кошкинымъ, который, схвативъ за поясъ Косого, будто-бы сказалъ? «этотъ поясъ пропалъ у жены, когда (?) крали мою казну».—Въ «Софійскомъ Временникѣ» Строевскаго изданія, подъ 1433 г., сказано просто: На этой-же свадьбѣ Захарій Ивановичъ Кошкинъ имался за поясъ у князя Василья, у Косого. Т. е. нужно предполагать, что хотѣлъ снять, но не успѣлъ.—Обида во всякомъ случаѣ, и по этой редакціи, нанесена была сыновьямъ Юрія, московскимъ бояриномъ. Но нельзя объяснять эти жестокости борьбы второстепенными причинами, въ родѣ вмѣшательства въ борьбу *одичавшихъ* (?) жителей города Вятки или тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія оставалась безъ митрополита. На этотъ разъ и митрополитъ едва-ли могъ-бы смягчить борьбу.

Митрополитъ Фотій скончался въ 1431 г., Василій Васильевичъ хотѣлъ, чтобы митрополитомъ поставили Іону Рязанскаго, урожденнаго солигаличанина. Начавшаяся усобица помѣшала отправить его въ Константинополь. Въ Кіевѣ опять поставили отдѣльнаго митрополита въ лицѣ Герасима Смоленскаго, котораго въ 1433 г. сжегъ Свидригайло Ягайловичемъ за сношенія съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. — Въ Константинополѣ императоръ Іоаннъ и патріархъ Іосифъ, намѣреваясь устроить унію, поставили въ митрополиты всей Руси грека Исидора, склоннаго къ уніи. Исидоръ, по прибытіи въ Москву, поспѣшилъ отправиться въ 1437 г. во Флоренцію на соборъ, кончившійся въ 1439 г. Когда по возвращеніи Исидоръ на первомъ богослуженіи сталъ читать постановленія Флорентин-

скаго Собора, В. Князь велѣлъ его свести съ амвона и заточить въ Чудовомъ монастырѣ, откуда ему съ радостью дозволили бѣжать.— Но Іона поставленъ былъ въ митрополиты, по затруднительнымъ сношеніямъ съ Константинополемъ, нераньше какъ въ 1449 г.; а въ 1458 ему нанесено было жестокое оскорбленіе въ Западной Россіи, гдѣ въ митрополиты поставили Григорія, ученика Исидора. Съ этихъ поръ іерархическое раздѣленіе Россіи утвердилось.—Іона умеръ въ одинъ годъ съ Василіемъ Васильевичемъ. Въ санѣ нарѣченнаго митрополита, онъ пользовался большимъ авторитетомъ и все-таки не могъ ни смягчить, ни предупредить возобновленія усобицы. Что касается до іерархическаго раздѣленія русской земли, то и оно врагамъ Москвы не принесло выгоды: У московскаго митрополита отняли въ титулѣ наименованіе митрополита всея Руси; но это наименованіе вмѣсто митрополита принялъ Іоаннъ III, преемникъ Василія.

Ослѣпленіе Косого неминуемо предвѣщало возобновленіе усобицъ. Несчастіе, постигшее Василія Васильевича, дало толчекъ къ ихъ возобновленію. Въ 1438 г. Ханъ Улу-Махметъ, будучи изгнанъ изъ Орды, искалъ помощи у Василія Васильевича, обязаннаго ему великокняженіемъ; Василій однако не только не оказалъ помощи своему благодѣтелю, но еще выслалъ войско противъ изгнаннаго Хана, изъ желанія угодить его счастливому сопернику. Несчастный изгнанникъ напрасно просилъ мира, тогда его сторону принялъ начальникъ литовскихъ полковъ, Протасьевъ, и помогъ Улу-Махмету нанести пораженіе Московскимъ войскамъ. Съ этихъ поръ отряды Улу-Махметовыхъ татаръ не переставали тревожить Московскіе предѣлы. Въ 1445 г. Василій Васильевичъ былъ разбитъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Улу-Махметъ однако отпустилъ Василія, взявъ съ него богатый выкупъ. Кромѣ того Василій принялъ, уже добровольно къ себѣ на службу, многихъ татарскихъ мурзъ и царевичей, какъ подручниковъ, раздавъ имъ богатыя помѣстья. Одному изъ царевичей, Касиму, онъ подарилъ Мещерскій городокъ, который съ этихъ поръ сталъназываться Касимовымъ, по имени этого царевича. Эти раздачи вооружили противъ Василія многихъ бояръ московскихъ, чѣмъ и воспользовались братья Василія Косого, давно желавшіе отомстить за ослѣпленіе брата. Димитрій Шемяка и Димитрій Красный вошли въ сношенія съ недовольными въ Москвѣ и съ двоюроднымъ братомъ Василія, Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ. Имѣя такихъ союзниковъ, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный, въ февралѣ 1446 г., внезапно захватили Москву въ то время, когда Василій Васильевичъ отправился къ Троицѣ на богомолье, самого же Василія въ свою очередь захватилъ Иванъ Можайскій. Привезли плѣнника въ Москву и 17 февраля ослѣпили, сказавъ ему: «зачѣмъ привелъ татаръ на русскую землю, зачѣмъ раздавалъ имъ города и волости въ кормленія? Татаръ и рѣчь ихъ

любишь безъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости? Злато, серебро и имѣнія раздалъ татарамъ. Зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича». Но и Димитрій Шемяка недолго сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Въ средѣ московскаго боярства обнаружилась реакція, противъ Шемяки поднялся сильный ропотъ, ибо онъ допустилъ своимъ боярамъ и дворянамъ не только захватъ должностей, но и захватъ имѣній. Если московское боярство не переносило спокойно возвышенія боярскихъ фамилій изъ среды его и при своихъ князьяхъ, отшатнулось отъ Василія за раздачу помѣстій татарамъ, то могло ли оно спокойно снести свой заѣздъ боярами галицкими? Историки: Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ Иловайскій предполагаютъ, что преданіе о Шемякиномъ судѣ, какъ о прототипѣ жестокаго неправосудія, вызвано было поступками галицкихъ бояръ, не знавшихъ мѣры въ захватахъ чужихъ имѣній. Самъ Шемяка своимъ вѣроломствомъ еще болѣе могъ способствовать сложиться такому преданію. Дѣти Василія Васильевича, Иванъ и Юрій, были въ рукахъ князей Ряполовскихъ. Шемяка уговорилъ нареченнаго митрополита Іону убѣдить Ряполовскихъ, выдать ему, Шемякѣ, этихъ мальчиковъ, обѣщаясь освободить Василія. Но вмѣсто этого и дѣтей заточилъ въ Угличѣ съ отцомъ. Тогда среди московскаго боярства началось такое движеніе, что Шемяка, по просьбѣ Іоны, далъ Василію городъ Вологду. Но Василій изъ Вологды поѣхалъ, какъ-бы на богомолье, въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Шемяка взялъ съ Василія проклятыя грамоты, не искать великаго княженія; но, когда сюда собрались приверженцы Василія, игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы, и Василій уѣхалъ въ Тверь, его приверженцы сосредоточили свои силы въ Литвѣ и двинулись къ Москвѣ, подъ Москвою встрѣтили служебныхъ татарскихъ царевичей, которые шли на помощь Василію. Приверженцы Василія также внезапно захватили Москву, какъ и приверженцы Шемяки. Война возобновилась, въ 1450 Шемяка былъ разбитъ подъ Галичемъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Въ 1453 г., туда прибылъ дьякъ Степанъ Бородатый, онъ подкупилъ боярина Шемяки, Котова, Котовъ подкупилъ повара, и Шемякѣ дали ядъ въ пирогѣ. Подьячій, который привезъ въ Москву извѣстіе о смерти Шемяки, пожалованъ былъ въ дьяки.

Главными дѣятелями въ освобожденіи Василія Васильевича были или незначительные удѣльные князья, какъ Василій Ярославичъ Серпуховскій, внукъ Владиміра Андреевича, или потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ дружину в. князя Московскаго, князья Ряполовскіе, потомки Стародубскихъ и Оболенскіе, потомки Михаила Черниговскаго. Удѣльные князья, потерявшіе или продавшіе свои удѣлы, начали вступать въ ряды московскихъ бояръ со времени Димитрія Донского, при которомъ въ эти ряды вступилъ Волынскій-Боброкъ и при Василіи Димитріевичѣ вступилъ Гедиминовичъ, Юрій Патрикѣевичъ, внукъ Гедимина по Наримонту.

Несмотря на видимо первую роль Василія Ярославича Серпуховскаго, Ряполовскихъ и Оболенскихъ, едва-ли старое московское боярство не играло болѣе существенной роли. Въ освобожденіи Василія Темнаго принимали участіе почти всѣ выдающіяся старыя боярскія фамиліи Москвы, за исключеніемъ Старковыхъ, державшихъ сторону Юрьевичей и, кажется, не участвовали также Акинфовы—Челядпины, Въ особождёніи принимали живое участіе: Кошкины, Плещеевы, Сорокоумовы, изъ фамиліи которыхъ происходили Ощера и Бобръ, пользовавшіеся вліяніемъ при Іоаннѣ III, Филимоновъ—изъ семьи Морозовыхъ.

Эти фамиліи составляли замкнутую олигархію, члены которой считали себя прирожденными совѣтниками в. князя Московскаго и прирожденными вождями его ратей, поэтому у этихъ старыхъ фамилій и началась вражда съ потомками удѣльныхъ князей. Она обнаружилась уже при Василіи Темномъ, и едва ли безъ вліянія этихъ фамилій пострадали князья, освобождавшіе Василія. Василій былъ благосклоненъ къ князьямъ, ему служившимъ, пока живъ былъ Шемяка; но ихъ постигла горькая участь по смерти его. Тогда Василій уничтожилъ всѣ *московскіе* удѣлы. Иванъ Можайскій и сынъ Шемяки, тоже Иванъ, бѣжали въ Литву. Неизвѣстно за какую крамолу Василій Ярославичъ Серпуховскій былъ подвергнутъ заточенію, въ которомъ и умеръ. Его сынъ Иванъ бѣжалъ въ Литву. Черезъ нѣкоторое время бояре Серпуховскаго составили заговоръ, чтобы освободить своего князя вооруженною рукою и бѣжать въ Литву. Попытка не удалась, и они подвергнуты были жестокимъ казнямъ, ихъ били кнутомъ, отсѣкали руки и ноги, отрѣзывали носы, и пр.

Но само Московское боярство въ описанный нами періодъ Московской исторіи, нанесло себѣ жестокую рану уничтоженіемъ сана тысяцкаго при Донскомъ. Карамзинъ по этому поводу замѣтилъ слѣдующее: «Димитрій уничтожилъ *сей важный санъ, непріятный для самовластія государей и для бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному.* (Т. V, ч. 1). Бояре, опасаясь возвышенія одной какой-либо фамиліи, не съумѣли утилизировать этотъ санъ въ пользу своей корпораціи, постановленіемъ, чтобы тысяцкій не избирался наслѣдственно изъ одной фамиліи. Они, недолго думая, его сокрушили, Димитрій тутъ былъ, какъ выше сказано, не при чемъ и, въ рѣшительную минуту очутились на воздухѣ, не имѣя возможности твердо опереться на землю.

Москва къ концу обозрѣваемаго нами времени взяла рѣшительный перевѣсъ и надъ Тверью и надъ Новгородомъ со Псковомъ. Рязань не могла избѣгнуть общей участи. Преемники Олега, то подчинялись Москвѣ, то отдавались подъ покровительство Витовта. Во время усобицы Юрія и сыновей его съ Василіемъ Темнымъ рязанскіе князья становились то на ту, то на другую сторону. Эти

колебанія сопровождались постоянным соперничеством князей Пронских и Рязанских. В Муромѣ давно сидѣли намѣстники Московскаго князя. Такое положеніе дѣл привело к тому, что внук Олега Рязанскаго, не надѣясь спасти свое княжество в 1446 г., на смертном одрѣ, завѣщал Василію Темному охрану и княжества своего, и восьмилѣтняго сына, по имени тоже Василія, котораго Василій Темный взял в Москву.

В княженіе Василія Васильевича Темнаго, около 1445 г., возникло независимое ханство Казанское в предѣлах древней Камской Болгаріи, т. е. между Волгой, Камой, Самарой и Уралом. Основателем его был Махмутек, сын Улу-Махмета, павшаго от руки Махмутека. В то же время, как выше было указано, в области Оки возникло вассальное татарское ханство с центром в Касимовѣ. Касимовскіе ханы были подручниками московских князей. Касимовское ханство существовало около 200 лѣт.

Среди вѣроломства, потоков крови и всякаго рода преступленій заканчивался удѣльный період. И в это-то темное время церковь, в лицѣ Кирилла Бѣлоозерскаго, выставила человѣка с глубоким чувством человѣколюбія, и с широким, по тому времени, міровоззрѣніем. Так он увѣщевал князя Ивана Можайскаго быть правдивым в своей отчинѣ, не принимать поклепов, заботиться, чтобы не было неправедной мзды, разбоя, татьбы, а *для этогосамому не лѣниться давать управу крестьянам*. То, господине, *тебѣ от Бога вмѣнится выше молитвы и поста*. Замѣчательно и наставленіе его стараться, чтобы не было корчмы в его волости:—*крестьяне*, господине, *пропиваются* и души свои губят. Пр. Кирилл был любитель книжнаго просвѣщенія и не только духовнаго, но и свѣтскаго, что у нас было чрезвычайной рѣдкостью.

В числѣ писанных им самим рукописей находятся выписки из физики, римскаго врача при Маркѣ Авреліи, Галена, о происхожденіи грома и молніи, о падающих звѣздах, об устройствѣ земли, о землетрясеніях, о четырехстихіях и о морях. Кирилл Бѣлоозерскій был из роду бояр Вельяминовых.

ГЛАВА VIII.

Отдѣльную исторію Новгорода можно начать съ лѣтописнаго преданія, которое разсказываетъ, что Олегъ Вѣщій, уходя изъ Новгорода, уговорился съ новгородцами брать съ нихъ дань въ 300 гривенъ *для поддержанія мира.* Уже это преданіе показываетъ въ новгородцахъ большой практическій смыслъ; ибо этотъ взносъ, который они платили до смерти Ярослава, освобождалъ ихъ отъ всякаго вмѣшательства со стороны князей въ дѣла Новгорода. Великое значеніе въ исторіи Новгорода имѣла грамота, данная Ярославомъ. Грамота эта до насъ не дошла и о содержаніи ея историки судятъ по позднѣйшимъ на нее ссылкамъ, поэтому различно понимаютъ и объемъ льготъ, дарованныхъ Новгороду Ярославомъ. Костомаровъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, думаетъ, что этой грамотой дано Новгороду право самосуда и самоуправленія и освобожденіе отъ дани. Соловьевъ-же думаетъ, что ею опредѣлялись дани и оброки, о чемъ свидѣтельствуютъ и самыя ссылки на нее. Но въ такомъ случаѣ, по нашему убѣжденію, опять выражается практическій смыслъ новгородцевъ, ибо, разъ дани и оброки были опредѣлены, княжеская власть въ Новгородѣ почти совсѣмъ отстранялась отъ другихъ сферъ общественныхъ отношеній. «Собственно мы мало знаемъ», говоритъ Костомаровъ, въ какихъ отношеніяхъ Новгородъ былъ къ князьямъ до Всеволода Мстиславича, т. е. до внука Мономаха; но ничто не даетъ намъ права заключать, что онъ держался не на тѣхъ основаніяхъ свободы, какія мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ впослѣдствіи въ XIII и XIV вв. (Сѣв. Народоправства, ч. 1, стр. 48). Съ этимъ нельзя не согласиться, только едва-ли мы имѣемъ право заключать, что все держалось въ Новгородѣ на Ярославовой грамотѣ. Могла-ли грамота имѣть значеніе, если-бы она не опиралась сама на что-либо болѣе крѣпкое. Это—болѣе крѣпкая энергія воинственнаго и свободолюбиваго населенія; стоитъ припомнить отвѣтъ Святослава, когда новгородцы просили себѣ князя; стоитъ припомнить энергическую помощь, которую они оказали Владиміру и Ярославу.

Грамота Ярослава не могла еще пустить глубокихъ корней, когда новгородцы проявили свою политическую самостоятельность въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Самъ-же Костомаровъ приводитъ факты, подтверждающіе мысль нашу: въ 1095 г. заявляютъ новгородцы о самобытномъ правѣ выбирать князя. Къ нимъ въ князья назначили Давида Смоленскаго; но новгородцы послали ему сказать: не ходи къ намъ, сиди въ Смоленскѣ. Святополкъ Изяславичъ въ 1102 г. хотѣлъ, съ согласія Мономаха, посадить въ Новгородъ своего сына. Новгородцы послали сказать—не хотимъ Святополка, ни сына его,—если у него двѣ головы, то посылай его. И вопреки уговорамъ князей удержали Мстислава, сына Мономаха. Этотъ Мстиславъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ въ Новгородѣ князей. Въ 1117 г. Мономахъ сталъ готовиться къ передачѣ Кіевскаго стола сыну и вызвалъ Мстислава въ Кіевъ, а въ Новгородъ послалъ его сына, Всеволода. Въ слѣдующемъ году Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ вызвали въ Кіевъ новгородскихъ бояръ, привели нѣкоторыхъ къ присягѣ, а другихъ заключили; но чѣмъ вызваны были эти событія, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что передъ Мономахомъ судились представители какихъ-то двухъ партій. Вообще новгородцы возставали противъ суда надъ ними внѣ Новгорода, но къ памяти Мономаха и Мстислава у нихъ не было вражды. Всеволодъ Мстиславичъ сначала спокойно княжилъ въ Новгородѣ; но потомъ новгородцы его изгнали, виня его за то, что онъ, первый, бѣжалъ съ поля битвы и не заботился о смердахъ. Всеволодъ удалился во Псковъ, гдѣ пользовался большимъ почетомъ. Ссора со Всеволодомъ не ослабила привязанности новгородцевъ къ потомству Владиміра Мономаха; но, при всей любви къ дому Мономаха, во время борьбы Ольговичей съ Мономаховичами, и въ Новгородѣ образовалась партія за Ольговичей. Но партія Мономаховичей, видно, была сильнѣе, а партія Ольговичей, за временное торжество свое, платилась иногда очень дорого. Когда въ Кіевѣ, въ лицѣ Всеволода Ольговича, Ольговичи вокняжчились, въ Новгородъ былъ призванъ его братъ, Святославъ Ольговичъ. Но новгородцы скоро съ нимъ поссорились и послали въ Кіевъ за сыномъ Всеволода, а Святославу сказали— «ты посиди у насъ, пока придетъ другой князь». Святославъ въ 1140 г. бѣжалъ; за нимъ бѣжалъ и его сторонникъ, посадникъ Якунъ. Новгородцы послали погоню, князя не догнали, а Якунъ былъ схваченъ. Видно, что въ Новгородѣ сильно были раздражены противъ него, его на вѣчѣ раздѣли до нага, исколотили и избитаго бросили съ моста. Онъ однако спасся и новгородцы, наивно замѣчаетъ лѣтописецъ, послѣ сего его болѣе не били. Съ него и съ брата его взяли пеню, съ него въ тысячу, а съ брата его во сто гривенъ. Послѣ этого ко Всеволоду Ольговичу послали сказать—«не хотимъ ни сына, ни брата твоего, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимірова!», т. е. Владиміра

Мономаха. Тогда они хотѣли поладить съ Юріемъ Суздальскимъ и вызвали его сына Ростислава, но съ нимъ не ужились. Напрасно однако думаютъ, что тутъ играли роль этнографическія причины: большая близость ильменскихъ кривичей къ полянамъ, нерасположеніе къ великорусскому племени. Такія книжныя измышленія не могли руководить практическими новгородцами: причины нерасположенія къ суздальскимъ князьямъ лежали въ притязаніяхъ новгородцевъ на Ростовъ и Суздаль, которые считались ихъ древнимъ достояніемъ. Притязанія эти питались экономической нуждою, изъ ростовско-суздальскаго края шелъ въ Новгородъ хлѣбъ. Ссора съ Юріемъ Суздальскимъ не ослабила въ новгородцахъ расположенія къ южнымъ Мономаховичамъ, съ которыми не предвидѣлось экономическихъ столкновеній. Въ 1148 г. въ Новгородъ прибылъ Изяславъ Мстиславичъ, противникъ своего дяди Юрія Владиміровича, и встрѣченъ былъ съ восторгомъ: «Ты, нашъ Володимиръ, нашъ Мстиславъ»! Что касается до суздальскихъ Мономаховичей, то вражда къ нимъ не уменьшилась; и при сынѣ Юрія, при Андреѣ Боголюбскомъ, дѣло дошло до рѣшительнаго столкновенія.

Время борьбы Андрея Боголюбскаго съ Новгородомъ замѣчательно тѣмъ значеніемъ, которое съ этихъ поръ получаетъ Архіепископъ Новгородскій. Христіанство въ Новгородѣ распространялось гораздо медленнѣе, чѣмъ въ землѣ Кіевскихъ Полянъ, въ которой христіанство насаждено было уже до Владиміра. Можно отвергать подробности такъ называемой Іоахимовской лѣтописи, отрывки изъ которой сохранены Татищевымъ; но нельзя отвергнуть сущности ея повѣствованія, что христіанство вводилось въ Новгородѣ съ насиліемъ. Есть даже мнѣніе, что оно проповѣдовалось въ Новгородѣ дважды. значитъ возможно что первая проповѣдь не оставила слѣдовъ. Язычество всюду оказывало упорное сопротивленіе, христіанство принималось какъ-то формально. Но особенно упорно язычество держалось на сѣверѣ. Сила язычества, говоритъ пр. Никитскій, поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, которыя находятся въ тѣсной связи съ жизнію религіозной, какъ напр. въ жизни семейной и въ увеселеніяхъ. Въ періодъ язычества существовало двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ одинаково лежало начало взаимнаго согласія (mutuus consensus) вступающихъ въ бракъ, введеніе и умычка. Введеніе, собственно введеніе въ домъ жены, совершалось съ согласія родителей; умычка на игрищахъ предполагала согласіе жениха и невѣсты. Умычка у воды—насильственное похищеніе женщины. Съ введеніемъ христіанства церковный бракъ водворялся съ трудомъ: и въ верхнихъ, и въ нижнихъ слояхъ общества господствовалъ предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна для князей, бояръ и поповъ. Поэтому языческія формы брака у простолюдья держались долго. (См. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. Никитскаго).

Должно замѣтить, что явленія, указанныя ученымъ изслѣдователемъ, не исключительно новгородскія. Въ менѣе рѣзкой формѣ это—явленія всероссійскія. Что касается до Новгорода, то здѣсь міряне не только вступали въ четвертый бракъ, но разводились со своими женами и брали чужихъ женъ и даже возвращались къ многоженству, имѣя одновременно по двѣ жены. Не менѣе сильно языческія преданія держались въ играхъ и увеселеніяхъ; даже въ XVI и въ XVII вв. были увеселенія, безъ сомнѣнія, наносившія вредъ нравственности; но были и невинныя. Духовенство безъ разбору преслѣдовало и тѣ, и другія, что и вело къ нежелательнымъ результатамъ. Глухая, бытовая оппозиція христіанскому ученію вела къ тому, что христіанство и въ Новгородѣ, какъ и по всей Руси, принималось внѣшнимъ образомъ.

Представители церкви пользовались въ Новгородѣ наружнымъ почетомъ, но не имѣли вліянія до архіепископа Іоанна, оказавшаго Новгороду громадную политическую услугу въ борьбѣ съ Боголюбскимъ, когда Іоаннъ открыто сталъ защитникомъ новгородской самостоятельности и во время осады воодушевлялъ новгородцевъ именемъ Божіимъ на защиту роднаго города. Въ точности какъ было дѣло, мы не знаемъ, изъ легенды которую приводимъ въ примѣчаніи можно только заключить, что рѣшительное пораженіе суздальцевъ совпало съ моментомъ появленія Іоанна на стѣнахъ города съ иконой Знаменской Божьей Матери. Въ Новгородѣ забыли героевъ битвы—и Романа Мстиславича, и посадника Якуна, но не забыли архіепископа Іоанна. Личность его, говоритъ проф. Никитскій, сдѣлалась эпическою, дошла до насъ въ лучахъ поэтической прелести [1]) (Очеркъ В. И. Церкви).

Несмотря на блестящую побѣду, въ слѣдующемъ 1171 г. Новгородъ долженъ былъ смириться передъ Андреемъ и принять себѣ въ князья его сына Юрья, ибо насталъ неурожайный годъ.

Послѣ трагической кончины Андрея Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ долженъ былъ оставить Новгородъ, ибо по договору и съ Андреемъ Боголюбскимъ, Новгородъ удержалъ за собою право вы-

---

[1]) Новгородцы изнемогали. На четвертый день арх. Іоаннъ молился передъ образомъ Спаса и услышалъ гласъ, исходящій изъ иконы. Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса и тамъ возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ. Послѣ усердной молитвы икона дозволила поднять ее только самому архіепископу. Когда она вознесена была на забрало, суздальцы пустили тучи стрѣлъ, икона вдругъ обращается назадъ, изъ глазъ ея потекли слезы, павшія на фелонь архіепископа. Суздальцы какъ-бы обезумѣли и въ безуміи начали стрѣлять другъ въ друга». Вѣра, что все такъ и было, какъ разсказано въ легендѣ, вселила глубокое убѣжденіе, что всѣ учрежденія Новгорода были подъ особымъ покровительствомъ неба. Такъ вѣровали до паденія Новгорода; но, должно замѣтить, что церковь Знаменія Пресвятой Богородицы построена въ Новгородѣ только въ XIV в., ясно, что легенда сложилась почти черезъ два вѣка послѣ событія.

бирать себѣ князей. Съ этого времени Новгородъ поставилъ свою самостоятельность подъ покровительство Св. Софіи. Эта патрональная святыня замѣнила идею отечества. Эта замѣна, или лучше смѣсь религіи съ политикой, имѣла и свои неудобства, она во многихъ случаяхъ лишала новгородцевъ политической предусмотрительности. Всеволодъ Юрьевичъ, утвердившись на великомъ княженіи, поссорился съ Новгородомъ и взялъ Торжокъ, о значеніи котораго, какъ торговаго перепутья, сказано выше. Торжокъ взятъ и Новгородъ безъ хлѣба а между тѣмъ новгородцы и руководители ихъ, восклицая: «Кто противъ св. Софіи, и Великаго Новгорода?», ни разу не подумали укрѣпить этотъ важный пунктъ. Во время усобицы сыновей Всеволода, его сынъ, Ярославъ, опять занялъ Торжокъ съ обыкновенными послѣдствіями. Новгородцы призвали Мстислава Удалаго, сына Мстислава Храбраго, противника Боголюбскаго и Всеволода. Мстиславъ Удалой явился и, на притязанія Ярослава управлять Новгородомъ изъ Торжка, далъ категорическій отвѣтъ: «Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ, гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ». Ярославъ былъ изгнанъ изъ Торжка,—новгородцы энергично восклицали: «изомремъ или сложимъ головы за св. Софію», а Торжка все-таки не укрѣпляли, продолжая подвергаться опасности погибнуть отъ измора въ случаѣ ссоры съ сильнымъ княземъ Владмірскимъ.

Татарскій погромъ не измѣнилъ теченія жизни въ Новгородѣ. Въ 1236 г. Ярославъ снова явился въ Новгородѣ и оставилъ его только для великаго княженія. Выше уже указано было какія услуги Новгороду оказалъ его сынъ, Александръ Ярославичъ, и сказано о причинахъ, вызывавшихъ столкновенія съ нимъ вѣча. Оставляя Новгородъ для великаго княженія, онъ посадилъ въ немъ сына своего Василія. Новгородцы его изгнали, Александръ принудилъ снова его принять. По смерти Василія, посадилъ Димитрія и этотъ былъ изгнанъ. По смерти Невскаго, его братъ, Ярославъ Ярославичъ Тверской, сильно тѣснилъ Новгородъ, но за него заступился Василій Ярославичъ Костромской, который, однако, сдѣлавшись самъ великимъ княземъ, возобновилъ притѣсненія. По смерти его, очередь быть на великокняженіи дошла до сыновей Невскаго. Съ Дмитріемъ Александровичемъ, какъ и слѣдовало ожидать, они ссорились безпрерывно, но съ Андреемъ Александровичемъ жили дружно.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда началось возвышеніе Москвы.

Во время борьбы Москвы съ Тверью, Новгородъ становился на сторону того князя, которому ханъ давалъ ярлыкъ и ему подчинялся; но такъ какъ ярлыки все чаще и чаще, а потомъ и исключительно стали даваться Московскимъ князьямъ, то Новгороду и пришлось имъ покориться окончательно. Въ періодъ времени, отъ начала возвышенія Москвы до 1462 года, мы отмѣтимъ здѣсь важ-

нѣйшія событія Новгородской исторіи. При Симеонѣ Гордомъ, новгородцы, тѣснимые Магнусомъ, королемъ шведскимъ, должны были признать самостоятельность Пскова, и Псковъ сталъ съ тѣхъ поръ называться младшимъ братомъ Новгорода, а не пригородомъ его. Эта уступка, къ несчастію для Новгорода, невольно сдѣланная, усилила значеніе псковскаго вѣча. Борьба съ Магнусомъ показала, по замѣчанію Никитскаго, внѣшнее, пассивное отношеніе къ вѣрѣ. Магнусъ прислалъ въ Новгородъ посольство съ оригинальнымъ предложеніемъ съѣхаться духовнымъ лицамъ греческаго и римскаго исповѣданія и рѣшить вопросъ — чья вѣра лучше? Новгородцы отвѣчали: «Если ты хочешь узнать чья вѣра лучше, пошли въ Царьградъ къ патріарху, ибо мы приняли православную вѣру изъ Византіи и потому считаемъ излишнимъ спорить о ней съ тобою (Очеркъ Вн. Ист. Церкви въ Новгородѣ, стр. 152). Дѣйствительно, въ этомъ отвѣтѣ нельзя видѣть только дипломатическую уклончивость, напротивъ въ немъ ясно видно нежеланіе вникать въ сущность религіи. Должно только прибавить, что и въ словахъ Магнуса также невидно особаго желанія вникать въ сущность религіи. При Донскомъ вызвали взаимное неудовольствіе между Москвою и Новгородомъ грабежи новгородской вольницы или такъ называемыхъ ушкуйниковъ. Они получили свое названіе отъ лодокъ, на которыхъ ходили на грабежъ. Большая часть ушкуйниковъ состояла однако изъ бѣглыхъ рабовъ. Особенно ужасны были грабежи ушкуйниковъ во второй половинѣ XIV в. Въ предѣлахъ бывшей Камской Болгаріи они ограбили городъ Жукотинъ, потомъ ихъ грабежей не избѣгли и русскіе города, сурово ихъ встрѣтившіе — Вятка, Кострома, Нижній-Новгородъ. Неудовольствія противъ Новгорода, мирволившаго ушкуйникамъ, было общее. Ушкуйники грабили сначала только татаръ и въ нихъ видѣли мстителей за землю русскую; но, когда татары, въ отмщеніе, стали грабить русскіе города, тогда ушкуйниковъ стали встрѣчать враждебно. Все это едва не довело Новгородъ до вооруженнаго столкновенія съ Донскимъ. Въ 1386 г. Димитрій Донской выступилъ въ походъ противъ Новгорода; но новгородцы смирились, и обязались предоставить Великому Князю собирать Черный Боръ т. е. подать съ черныхъ людей за оброчныя земли и заплатить 8000 р. за раззореніе ушкуйниковъ. Выше было указано, какъ въ 1393 г. Василій Дмитріевичъ жестоко наказалъ Торжокъ за убійство своего чиновника, но въ 1397 г., когда онъ внезапно овладѣлъ Двинскою землею, новгородцы поднялись энергично на защиту своей собственности и полки Великаго Князя, вмѣстѣ съ полками жителей Двинской Земли, ставшими на сторону Московскаго князя, были разбиты. Василій, опасаясь сближенія Новгорода съ Витовтомъ, отказался отъ Двинской земли. Въ 1401 г. Василій Дмитріевичъ, несмотря на договоръ, снова было сдѣлалъ попытку овладѣть Двинскою землею, но двинскіе бояре сами отбили напа-

деніе московскихъ войскъ. Этотъ споръ за Двинскую область показываетъ, что отношенія Новгорода къ подчиненнымъ ему землямъ и городамъ были не совсѣмъ нормальны. Это доказывается и уставною грамотою, которую Василій Дмитріевичъ далъ двинскимъ жителямъ. Грамота эта, напоминаетъ Русскую Правду; но въ ней допущена смертная казнь, чего въ Русской Правдѣ не было. Отмѣчаютъ любопытную статью, «а кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ и вины неемлютъ». (Рус. Ист. Бестужева-Рюмина). Любопытно основательно изслѣдовать статьи эти: новгородскаго они извода, или нѣтъ? Въ Русской Правдѣ такой статьи не было. (См. Карамзина, 244 примѣчаніе къ V тому его Ист. Гос. Россійскаго). При Василіи Темномъ въ 1441 г. раздоръ возникъ изъ-за Шемяки, котораго новгородцы допустили укрыться на своей территоріи, великій князь объявилъ войну и дошелъ до городка Демана, гдѣ его встрѣтило посольство новгородское въ челѣ съ архіепископомъ. Василій Темный, взявши окупъ въ 8000 р., склонился къ миру. Но въ 1456 г., черезъ три года по смерти Шемяки, великій князь снова началъ войну съ Новгородомъ, будтобы за то, что Новгородъ продолжалъ принимать его враговъ. Къ этой причинѣ присоединились еще и разныя податныя поземельныя дрязги. Военныя дѣйствія опять начались занятіемъ Торжка. Потомъ московскіе воеводы, Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ, проникли до Русы. Здѣсь новгородцы, подъ предводительствомъ князя Василія Суздальскаго, по его небрежности, ибо онъ не послалъ впередъ развѣдочнаго отряда, внезапно натолкнулись на большое сильное московское войско, поэтому Новгородцы потерпѣли пораженіе, князь Суздальскій ушелъ съ поля битвы. Владыко со старыми посадниками, со старыми тысяцкими т. е. со всѣмъ правительственнымъ совѣтомъ и съ выборными отъ пяти концовъ, встрѣтилъ великаго князя въ Яжелбицахъ. Въ Яжелбицахъ и заключенъ былъ миръ, Новгородъ далъ 8500 р. окупа, обѣщался по старинѣ отдать великому князю Черный Боръ, отъ котораго отказался отецъ Темнаго. Но что важнѣе всего, Новгородъ отказался отъ главнаго признанія государственной самостоятельности, *отъ права давать вѣчныя (вѣчевыя) грамоты*, что равнялось отказу отъ законодательныхъ правъ.

Строго юридическаго раздѣленія на сословія не бывало въ Новгородѣ: всѣ жители В. Новгорода считались равными, но вслѣдствіе бытовыхъ и экономическихъ условій, и въ Новгородѣ образовался сильный классъ—боярство. Боярство въ Новгородѣ сформировалось тремя путями: 1) крупнымъ землевладѣніемъ, при обширности новгородской территоріи крупныхъ землевладѣльцевъ было довольно; 2) путемъ обогащенія торговлею, въ торговомъ Новгородѣ собственно купеческаго сословія не бывало, и каждый новгородецъ могъ торго-

вать, гдѣ и чѣмъ угодно. Богатый торговецъ естественно получалъ большое значеніе и вступалъ въ ряды бояръ; 3) еще болѣе пріобрѣтали значеніе тѣ бояре, которые, или на войнѣ оказали услуги В. Новгороду, или побывали въ числѣ правящихъ сановниковъ. Такъ образовался въ Новгородѣ классъ *лучшихъ* людей, у которыхъ шла экономическая борьба съ *меньшими* людьми. Подъ меньшими людьми разумѣлись всѣ остальные жители В. Новгорода, но едва-ли всей новгородской территоріи. Боярство въ Новгородѣ никогда и никѣмъ не жаловалось, изъ чего нѣкоторые изслѣдователи заключали, что въ Новгородѣ не было аристократіи, забывая, что аристократія въ республикахъ, въ которыхъ не было прирожденной аристократіи, возникала вслѣдствіе экономическихъ условій жизни. Вообще бояре или *лучшіе люди* въ Новгородѣ соотвѣтствовали тому классу общества, который въ средневѣковой Флоренціи назывался popolo grasso; а остальные граждане Новгорода называвшееся *меньшіе люди*, соотвѣтствовали тому, что во Флоренціи называлось popolo minuto.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что въ составъ новгородскаго боярства вошло не мало удалыхъ добрыхъ молодцевъ и богатаго купечества. Типы того и другого разряда сохранились въ новгородскихъ былинахъ. Типъ боярина, вышедшаго, говоря языкомъ нашего времени, изъ купечества, представляетъ Василій Буслаевичъ. Отецъ его умеръ и Буслаевича воспитала его матушка и обучила его всему, что требовалось тогда отъ образованнаго человѣка—читать, писать и церковному пѣнію. Послѣднее особенно цѣнилось, и въ былинѣ говорится:

«Али нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василія Буслаева,

Въ былинѣ разсказывается, какъ Василій буйствовалъ, набравши себѣ всякаго сброду; какъ этотъ сбродъ замѣнилъ побратимами, съ которыми онъ выступилъ противъ своихъ противниковъ—мужиковъ новгородскихъ. Въ былинѣ ясны черты борьбы лучшихъ людей съ меньшими. Типъ могучаго новгородскаго богатыря — боярина, въ лицѣ Василія Буслаевича выступаетъ въ грубомъ эпическомъ величіи. Онъ покоряется только матери, власть которой у всѣхъ арійскихъ племенъ считалась выше власти отца. Его хочетъ остановить старчище-Пилигримище, его крестный отецъ. Этотъ пилигримище олицетвореніе Церкви; но и ему Васька говоритъ: ***Въ задоръ войду—тебя убью.*** О Садкѣ, богатомъ гостѣ, сохранились три былины; въ первой разсказывается, какъ разбойничалъ Садко-гусляръ. Въ былинахъ о Садко виденъ сильный элементъ языческій. Боги покровительствуютъ пѣвцу пировъ и веселья. «Гусляры, говоритъ Костомаровъ, не были старцы и слѣпцы, ни на какую положительную работу неспособные, какъ было уже послѣ; встарину то были люди смолоду нарочно и исключительно по-

священавшіе себя этому искусству. Будучи бѣдны, они питались отъ своего искусства; но вмѣстѣ пользовались уваженіемъ Въ общемъ понятіи ихъ даръ и умѣнье приближали ихъ къ міру чудеснаго; древнія божества откликались имъ, даромъ пѣсни они вызывали животворныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ природы». (См. Костомаровъ. Сѣверныя народоправства. ч. 2, стр. 234). Въ первой былинѣ Богъ озера Ильменя обогащаетъ Садко; во второй былинѣ Волга-Матушка, по которой Садко плавалъ 12 лѣтъ, и которую почтилъ бѣдной, но искренней жертвой—кускомъ хлѣба, посыпаннаго солью, шлетъ черезъ него поклонъ Ильменю. Въ третьей былинѣ Садко уже на морѣ, въ палатахъ Морского царя. Игра Садко нравится царю, онъ хочетъ женить Садко, чтобы удержать его при себѣ; но къ Садко во снѣ явился старецъ Никола Можайскій и далъ ему совѣтъ, изъ трехсотъ невѣстъ, которыхъ ему предложитъ Морской царь, выбрать самую дурную и въ первую брачную ночь до нея не касаться, иначе не видать тебѣ Новгорода. Садко такъ и сдѣлалъ—явившись въ Новгородъ, гдѣ его считали погибшимъ, онъ построилъ церковь во имя Николы Можайскаго. Думаютъ, однако, что Никола Можайскій въ былинѣ замѣнилъ какое-то древнее благодѣтельное морское божество. Живое изображеніе божествъ Ильменя и Волги, могучій образъ морскаго царя и роскошная фантазія при описаніи палатъ его, показываютъ какимъ богатствомъ обладала языческая религіозная поэзія, засыпанная черезъ-чуръ усердными изверженіями аскетичеческаго пепла.

Верховная власть, т. е. право войны и мира, выборъ сановниковъ, окончательные приговоры въ дѣлахъ политическихъ, находились въ рукахъ Вѣча. Законное Вѣче, созванное вѣчевымъ колоколомъ, собиралось на Ярославовомъ Дворѣ. Уже по этому можно предположить, что на Вѣче сходились не всѣ граждане, а только домовладѣльцы Великаго Новгорода. Точно также можно предположить, что только въ важныхъ случаяхъ допускались на совѣщанія Вѣча, на Ярославовомъ Дворѣ, послы отъ того или другого новгородскаго пригорода. Ибо въ отношеніяхъ Вѣча старѣйшихъ городовъ къ пригородамъ и въ Новгородѣ никакихъ перемѣнъ не произошло. (См. выше, стр. 65). Слѣдовательно и во всей новгородской волости пригороды должны были исполнять волю старѣйшаго города. Отношенія Новгорода ко Пскову и къ Двинской землѣ показываютъ, какъ Новгородъ дорожилъ своимъ старѣйшинствомъ, только подъ гнетомъ необходимости пригороду Пскову дано было право именоваться младшимъ братомъ [1]).

---

[1]) Если бы жители пригородовъ имѣли право участвовать на совѣщаніяхъ Вѣча Новгородскаго, то отдаленность ихъ жилищъ дѣлало-бы это право фиктивнымъ. Въ послѣднее время Римской республики загородныя трибы, бывшія къ Риму ближе, чѣмъ къ Новгороду его пригороды, рѣдко посѣщали Comitia tributa.

Въ пригородахъ новгородцы сажали своихъ посадниковъ, урожденныхъ новгородцевъ, чѣмъ пригороды были весьма недовольны. Иногда пригороды давались Новгородцами служилымъ князьямъ. Вся территорія новгородской волости, съ татарской эпохи, какъ полагаютъ, дѣлилась на пятины: 1) Водская отъ Новгорода до Финскаго залива; 2) Обонежская огибала съ обѣихъ сторонъ Онежское озеро и простиралась до Бѣлаго моря; 3) Бѣжецкая занимала юго-восточную часть новгородской волости; 4) Деревская—между рѣками Мстою и Ловатью; 5) Шелонская между Ловатью и Лугою. Кромѣ этихъ пятинъ Новгороду принадлежала Двинская земля.

Что касается до правительственной системы Новгорода, то во главѣ управленія стояли: князь, посадникъ, тысяцкій, правительственный совѣтъ и архіепископъ.

1) Князь избирался изъ княжатъ отъ племени св. Владиміра пригороды давались и Гедиминовичамъ. Только въ концѣ своего существованія Новгородцы хотѣли отдаться Казиміру Литовскому. Доходы князя строго опредѣлялись. Князь не могъ заводить слободъ, его дворяне не могли покупать помѣстій въ новгородскихъ земляхъ. Князья въ Новгородъ избирались изъ отдаленныхъ концовъ Русской земли, дабы у нихъ не было въ Новгородѣ связей и что-бы въ борьбѣ партій, чуждой ихъ интересамъ, они вполнѣ могли проявить безпристрастіе.

2) Степенный посадникъ стоялъ рядомъ съ княземъ. Князь не могъ судить безъ посадника и въ договорахъ говорилось:—«а тебѣ, княже, безъ посадника не судить», точно также князь и волости раздавалъ вмѣстѣ съ посадникомъ. Посадникъ, какъ мѣстный житель, знавшій новгородскіе порядки, всегда могъ воспрепятствовать князю уклониться отъ нихъ по незнанію.

3) Тысяцкій предводитель городскихъ полковъ. Отдѣльнаго военнаго сословія не было; въ случаѣ нужды всѣ ополчались и становились въ ряды ополченной рати. Рать—мѣстное войско, отличалось отъ княжеской дружины. Слово полкъ означало и все войско, и часть его, какъ напр. владычный полкъ, т. е. полкъ Архіепископа, полки того или другого пригорода. Въ древности въ ряды становилось много охочихъ людей.

4) Правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ посадниковъ, старыхъ тысяцкихъ, старостъ концевъ, а также и степеннаго посадника вмѣстѣ съ тысяцкимъ. Думаютъ даже, что въ этомъ совѣтѣ засѣдали представители всѣхъ боярскихъ фамилій въ Новгородѣ. Въ ганзейскихъ актахъ членовъ правительственнаго совѣта называютъ: Господа, — золотые пояса. Это учрежденіе болѣе всего имѣетъ сходства съ сеньеріей итальянскихъ городовъ. Посадника въ этихъ актахъ называютъ бургомистромъ, тысяцкаго — герцогомъ, точно также и фламандскій путешественникъ, Лануа, называетъ тысяцкаго — duc. Такъ какъ посадники и тысяцкіе по-

стоянно избирались изъ бояръ, то понятно, какъ сильно было вліяніе этого сословія, слѣдовательно и правительственнаго совѣта. Совѣщанія на вѣчахъ часто были весьма бурны и, вѣроятно, тамъ отражалась борьба партій въ совѣтѣ. Нелады князей съ посадникомъ также не разъ вызывали бурю, поэтому князья и старались, чтобы Вѣче выбирало дружелюбныхъ имъ посадниковъ. Такъ Всеволодъ Юрьевичъ взялъ сына своего изъ Новгорода, когда въ посадники выбранъ былъ Михалко Степановичъ и добился выбора своего благопріятеля Димитрія Мирошкинича. Въ 1219 г. одинъ изъ смоленскихъ княжичей, сидѣвшій въ Новгородѣ, объявилъ, что онъ не хочетъ княжить съ посадникомъ Твердиславомъ, сыномъ Михалко Степановича. Вѣче спросило—«по какой винѣ?» «Безъ вины», отвѣчалъ князь. «Радъ, что за мной нѣтъ вины, а вы, братья, вольны въ князьяхъ и посадникахъ», и князю, по техническому выраженію, указали путь, а посадникъ остался.

5) Архіепископъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, не только по вліянію на дѣла церкви, какъ ея представитель, но и по вліянію на дѣла вообще, какъ политическія, такъ и гражданскія. Въ грамотахъ имя его стоитъ впереди именъ посадника и тысяцкаго. Лануа называетъ его государемъ В. Новгорода. И такъ называетъ не по обычному титулу владыки, а по его положенію. Архіепископъ былъ окруженъ цѣлымъ штатомъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; у него былъ свой полкъ; ему принадлежалъ судъ по семейнымъ дѣламъ. По территоріи Новгорода разсыпаны были громадныя имѣнія, принадлежавшія архіепископу. Съ 1165 года новгородскіе архіепископы избирались Вѣчемъ. Это Вѣче собиралось на Софійской сторонѣ, у св. Софіи. Здѣсь всегда собиралось Вѣче по церковнымъ дѣламъ. На Вѣчѣ, гдѣ избирался владыка, присутствовали игумены, софіяне, т. е. бояре, дворяне архіепископа и причтъ св. Софіи. Голосъ софіянъ былъ конечно силенъ и есть основаніе предполагать, что къ концу независимости Новгорода, свѣтская часть софіянъ, а можетъ быть и церковная, становилась наслѣдственной олигархіей. Профессоръ Никитскій, произвольно толкуя слова лѣтописи, предполагалъ, что подъ названіемъ софіянъ слѣдуетъ разумѣть только причтъ св. Софіи. Въ лѣтописи сказано: «Новгородцы-же съ княземъ и съ игумены, *съ софьяны* и *съ попы*, сѣдумавше» и пр. Но если-бы здѣсь рѣчь шла только о причтѣ св. Софьи, то достаточно было-бы сказать *съ попы*, а лѣтопись прибавляетъ *и* съ попы, ставя *и* послѣ слова софіяны. Проф. Бестужевъ-Рюминъ точно также слову софіяны придаетъ значеніе болѣе широкое, чѣмъ г. Никитскій. Въ бурные дни партійныхъ столкновеній, которыхъ въ Новгородѣ было довольно, выказывалось вполнѣ вліяніе архіепископовъ. Они являлись миротворцами и за эту дѣятельность Новгородцы болѣе всего чтили своихъ владыкъ. Такъ подъ 1418 г. въ новгородской лѣтописи разсказано,

какъ людины, жители торговой стороны, озлобились на нѣкоторыхъ бояръ, которымъ приписывали дороговизну хлѣба. Людины пограбили Никольскій монастырь, который считался складнымъ пунктомъ боярскаго хлѣба. Они ударили въ Вѣчевой колоколъ на Торговой сторонѣ, народъ сталъ вооружаться; ударили въ колокола и на Софійской сторонѣ (боярская сторона), и здѣсь стали вооружаться, одного боярина уже сбросили съ моста. Тогда архіепископъ съ духовенствомъ Софійской стороны выступилъ на большой мостъ, сталъ посреди моста и началъ раздавать благословеніе на обѣ стороны. Волненіе утихло. Участіе архіепископовъ во внутреннемъ управленіи проявлялось въ наблюденіи за вѣсомъ, мѣрою, и они же вѣдали въ судѣ возникавшія отсюда дѣла. Архіепископъ же былъ и покровителемъ иноземцевъ, жившихъ въ Новгородѣ по торговымъ дѣламъ. Къ нему они и обращались съ просьбами. Нѣмцы питали особенное расположеніе къ Владыкамъ Новгородскимъ, которыя были, можетъ быть, главною опорою чрезвычайныхъ привиллегій Ганзы. Внѣшнее представительство также лежало на обязанности архіепископа.

Принимая участіе въ борьбѣ за самостоятельность Новгорода, архіепископы тяготились зависимостью отъ Московскихъ митрополитовъ; но митрополиты, въ случаѣ столкновенія съ новгородскими архіепископами, всегда находили опору въ константинопольскихъ патріархахъ. Весьма важное значеніе въ исторіи русскихъ вѣчевыхъ общинъ, а можетъ быть и въ исторіи всей Россіи, имѣли отношенія новгородскаго архіепископа ко Пскову. «Если», говоритъ Костомаровъ, «въ Новгородѣ достоинство владыки имѣло значеніе самого почетнаго и нерѣдко какъ бы верховнаго лица всей земли, во Псковѣ видно постоянное стремленіе оторваться отъ власти новгородскаго владыки и безпрестанныя столкновенія какъ лично съ владыками, такъ и съ механизмомъ ихъ управленія. Съ XIV в. является непрерывный рядъ недоумѣній и неудовольствій между Псковомъ и владыкой». (С.-Р. Н. т. 2, стр. 275). Ближайшей причиной ссоръ Пскова съ новгородскимъ владыкою служили обременительные поборы, особенно во время пріѣзда означенныхъ владыкъ во Псковъ. Обременительность поборовъ усиливалась еше болѣе злоупотребленіями лицъ, окружавшихъ владыку. Въ 1434 г., во время пріѣзда во Псковъ владыки Евфимія, дѣло дошло до побоища между Псковичами и Софіянами. Злоупотребленія софіянъ конечно усиливались, когда владыкою былъ больной и дряхлый человѣкъ, какъ напр. Іона, заступникъ за Новгородъ передъ Василіемъ Темнымъ. Поэтому личность Іоны совершенно иначе отпечатлѣлась, говоритъ Костомаровъ, въ воспоминаніяхъ новгородцевъ и псковичей: у новгородцевъ онъ былъ святой мужъ, у псковичей мздоимецъ и корыстолюбецъ. (Тамъ же, стр. 282). Въ другихъ русскихъ княжествахъ и даже у нѣмцевъ Іону чрезвычайно уважали, князья

Тверскіе, Смоленскіе, Полоцкіе и Литовскіе одинаково относились къ нему съ глубокимъ почтеніемъ. Раздоры псковичей съ архіепископами усиливали вліяніе Москвы, какъ во Псковѣ, такъ и въ Новгородѣ, и въ этомъ пунктѣ общерусское значеніе церковныхъ дѣлъ сѣверо-западныхъ вѣчевыхъ общинъ.

Въ такомъ положеніи находился Новгородъ, когда, въ 1462 г., вступилъ на престолъ Московскій Иванъ Васильевичъ, сынъ Василія Темнаго.

Взглянемъ, въ какомъ положеніи находилась новгородская колонія Вятка, и младшій братъ Новгорода—Псковъ. Время основанія Вятки относятъ ко временамъ Андрея Боголюбскаго. Н. И. Костомаровъ предполагаетъ, что примиреніе новгородцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ вызвало выселеніе людей, которые нехотѣли и слышать о какомъ либо примиреніи. Но этому предположенію противорѣчитъ постоянная вражда Вятки къ Новгороду и, главное, особенности быта Вятки. Прежде всего это былъ единственный городъ, который жилъ безъ князя, во вторыхъ, эта община самыя церковныя постановленія подчиняла бытовымъ обычаямъ. Тѣ бытовыя особенности языческаго характера, которыя, по замѣчанію Никитскаго, въ самомъ Новгородѣ мѣшали долго распространенію христіанства, еще ярче выступали въ Вяткѣ. Въ Новгородѣ нерѣдко бывали случаи, что міряне вступали въ четвертый бракъ; въ Вяткѣ же, по оффиціальному свидѣтельству, вступали и въ шестой бракъ. Въ Новгородѣ случались возвращенія къ многоженству, а въ Вяткѣ многоженство распространено было съ благословенія священниковъ. Всѣ эти бытовые факты, засвидѣтельствованы въ посланіи митрополита Іоны. Объ основаніи Вятки и ея политическихъ отношеніяхъ мы знаемъ слѣдующее. Разныя ватаги колонистовъ или просто ушкуйниковъ проникли въ глубь страны, между рѣкою Камою и ея притокомъ р. Вяткою. При впаденіи р. Хлыновцы въ р. Вятку, они построили центральное поселеніе, которое называлось сначала Хлыновымъ, а потомъ Вяткою. Хлыновцы въ своихъ набѣгахъ не щадили никого, одинаково враждебно относились и къ Новгороду, и къ Москвѣ. Въ 1468 г. они заключили союзъ съ Казанью противъ Москвы.

Время основанія Пскова неизвѣстно, можно только сказать, что Псковъ такой же древній городъ въ землѣ Кривской, какъ и Новгородъ. Въ историческое время онъ является пригородомъ Новгорода. Князья во Псковъ или назначались новгородскимъ вѣчемъ, или призывались съ его утвержденія. Всеволодъ-Гавріилъ, внукъ Мономаха, изгнанный изъ Новгорода, княжилъ до смерти своей во Псковѣ и погребенъ въ соборной церкви Св. Троицы, которая чтилась во Псковѣ, какъ Св. Софія въ Новгородѣ. Неудовольствія съ Новгородомъ, стремленіе къ самостоятельности во Псковѣ проявились очень рано, и едва не отдали Псковъ въ руки Ордена.

Въ 1240 г. посадникъ Твердило Ивановичъ предалъ Псковъ нѣмцамъ и только Ледовое Побоище вырвало Псковъ изъ рукъ нѣмцевъ. Въ XIII в. князь Давмонтъ, княжившій съ согласія Новгородскаго вѣча, не допускалъ Псковитянъ до ссоры съ Новгородомъ. Княженіе Довмонта, побѣдоносное извнѣ, мирное внутри, понравилось псковичамъ, и они готовились призывать князей изъ Литвы; но тогда Новгородъ, соединившись съ Орденомъ, принудилъ прекратить вызовъ литовскихъ князей. Новгородъ не могъ заставить забыть стремленіе къ сближенію съ Литвою. Подъ вліяніемъ Гедимина Псковичи приняли изгнаннаго Тверскаго князя Александра Михайловича; но тогда Новгородъ соединился съ Калитою, митрополитъ Ѳеогностъ предалъ Псковъ отлученію, и Тверской князь долженъ былъ бѣжать въ Литву. Но черезъ одинадцать лѣтъ, именно въ 1448 г., Псковъ неожиданно добился гражданской самостоятельности, во время войны Новгорода съ Магнусомъ, королемъ Шведскимъ. По Болотовскому договору Новгородъ отказался посылать во Псковъ посадниковъ, положено было, чтобы представителемъ архіепископа на судѣ быть псковичу. Выше указано, какъ Псковъ стремился, но тщетно, избавиться и отъ церковной зависимости. Московская политика также не поддержала желанія Пскова имѣть отдѣльнаго епископа, Москва не хотѣла прекратить враждебныя столкновенія Новгорода со Псковомъ. Съ Василія Дмитріевича до 1442 г. псковичи брали себѣ князей изъ Москвы; Витовтъ хотѣлъ силою подчинить себѣ Псковъ. Но заступничество Василія Васильевича Темнаго передъ дѣдомъ, заставило Витовта отложить свои домогательства. Василій, покончивши съ усобицей, твердо стоялъ на томъ, что Псковъ его отчина. Но когда усилилась партія, враждебная Москвѣ, то во Псковъ одного за другимъ приглашали принципіальныхъ враговъ Москвы, потомка Димитрія Суздальскаго, князя Василія Васильевича и князя Чарторижскаго, правнука Ольгерда. Въ 1460 г. опять взяла перевѣсъ московская партія, Чарторижскій сложилъ крестное цѣлованіе ко Пскову, и Василій Темный далъ Пскову въ князья сначала младшаго сына Юрія, а потомъ старшаго Ивана, который оставался во Псковѣ до вступленія своего въ 1462 г. на великокняжескій столъ.

Въ политическомъ своемъ строѣ Псковъ представлялъ нѣкоторыя особенности противъ Новгорода.

Псковъ дѣлился на 6 концевъ, которые составляли особыя общины. Каждый конецъ имѣлъ Вѣче, которое завѣдывало своими пригородами. Пригороды были подѣлены между концами, чего въ Новгородѣ не было. Въ распредѣленіи военной повинности концы играли важную роль. Воеводы назначались концами, какъ въ Аѳинахъ филами, (Очеркъ Внутренней Исторіи Пскова, Никитскаго. стр. 160). Концы, по мнѣнію проф. Никитскаго, были ничто иное какъ Аѳинскія филы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ явились послѣ

клисфеновской реформы. Это были политическіе городскіе союзы, которымъ подчинялись и части псковской территоріи. Достойно замѣчанія, что какъ въ Аттикѣ, такъ и во псковской территоріи, части ея, подчиненныя тому или другому концу, не были сплошными. Главное городское Вѣче собиралось у Св. Троицы, близъ Довмонтовой стѣны. Главное Вѣче во Псковѣ завѣдывало всѣми важнѣйшими дѣлами, въ его рукахъ находились вопросы о войнѣ и мирѣ, сношенія съ сосѣдними землями, пріемъ и отправленіе пословъ и пр. Значеніе князя проявлялось въ судѣ. Во Псковѣ, въ отличіе отъ Новгорода, одновременно было двое степенныхъ посадниковъ. Старые посадники входили въ составъ Малаго Вѣча или Правительственнаго Совѣта. Въ немъ кромѣ того участвовали: владыко, князь, или княжій намѣстникъ, степенные посадники, тысяцкій и представители концовъ. Вслѣдствіе двойнаго посадничества въ Псковскомъ Совѣтѣ боярскій элементъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ Новгородскомъ Совѣтѣ. Землевладѣніе во Псковѣ также представляло нѣкоторую особенность. Кромѣ боярскаго, личнаго и общиннаго землевладѣнія, было еще артельное землевладѣніе, въ складчину. Члены складчины назывались сябрами, отсюда шабры, сосѣди. Люди, купившіе въ складчину землю или въ складчину державшіе ее въ арендѣ, представляли одно юридическое лицо. Свободное сельское населеніе, смерды, состояли въ зависимости отъ князя и отъ главнаго Вѣча.

Законодательнымъ памятникомъ Пскова служитъ псковская судная грамота, составленная около 1467 г., на основаніи грамотъ Александра Михайловича Тверскаго и Константина Дмитріевича. Судъ происходилъ на княжемъ дворѣ, кромѣ княжаго былъ еще судъ общинъ. Церковный судъ вѣдалъ владычій намѣстникъ. Право иска признавалось за всѣми, за наймитами, изорниками, какъ назывались работники, пахавшіе чужую землю. Бездоказательные иски строго запрещались. Уголовныя преступленія наказывались денежной пеней за неважныя преступленія. Смертная казнь назначалась за тяжкія преступленія, напр. кромскому татю, кто кралъ изъ Кремля казенное имущество, коневьему татю, перевѣтчику, государственному измѣннику и зажигальнику, за поджогъ, а также за грабежи въ большихъ размѣрахъ. За исключеніемъ княжихъ людей, то есть, пришлой съ княземъ дружины, всѣ имѣли право владѣть имуществомъ. Таково было состояніе вѣчевыхъ общинъ передъ концомъ ихъ отдѣльнаго существованія.

Тяжелая печать татарскаго ига отразилась и на умственномъ настроеніи эпохи. Среди тяжелой дѣйствительности, воображеніе, религіозно настроенное, искало утѣшенія въ разрѣшеніи вопроса, существуетъ или не существуетъ земной рай. Новгородскій архіепископъ Василій († 1352 г.) велъ по этому предмету полемику съ тверскимъ епископомъ Ѳеодоромъ. Ѳеодоръ доказывалъ, что

тотъ рай, въ которомъ жилъ Адамъ, уже не существуетъ. Василій на это отвѣчалъ, что рай и адъ существуютъ на землѣ и обильно черпалъ свои доказательства въ апокриѳахъ, ссылаясь на Св. Макарія, который якобы жилъ невдалекѣ отъ рая, верстъ за 20-ть, или на Ефорсина, который будто-бы былъ въ раю и вынесъ оттуда три цѣлебныхъ яблока, кромѣ того ссылается на своихъ новгородцевъ, будто-бы видѣвшихъ и адъ, и рай. Адъ на Западѣ, гдѣ новгородцы видѣли рѣку Моргъ, рѣку смоляную, которая три раза въ день уходитъ въ преисподнюю, и три раза выходитъ. Новгородецъ Моиславъ и сынъ его Яковъ видѣли стѣну, за которой рай. Трехъ человѣкъ посылали посмотрѣть съ горы, что тамъ за горою; двое, увлеченные райскими голосами, спустились за гору и тамъ остались. Третьяго привязали веревкою, чтобы не ушелъ и онъ побѣжалъ на голоса, забывъ о веревкѣ, но его вытащили, однако вывѣдать отъ него ничего не могли, онъ онѣмѣлъ.

Такъ власть апокриѳа, переходившаго въ бредъ больного воображенія, все болѣе и болѣе укрѣплялась надъ умомъ русскаго человѣка.

Владычество апокриѳа развивало вмѣстѣ съ тѣмъ страшное легковѣріе. Въ XIV в. путешествовалъ въ Константинополь дьяконъ Стефанъ, онъ за достовѣрное передавалъ все, что ему разсказывали греческіе монахи. Такъ на столпѣ Константина онъ видѣлъ сѣкиру праотца Ноя; на алтарѣ церкви ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Спаситель воду претворилъ въ вино.

Въ этотъ періодъ времени замѣчается упадокъ нравственности вслѣдствіе затворничества женщинъ, которое Бестужевъ-Рюминъ приписываетъ похищенію дѣвицъ татарами (Р. И. т. I, стр. 472). Но кажется, что Соловьевъ болѣе правъ, находя это затворничество результатомъ неуваженія къ женщинѣ, унаслѣдованнаго отъ византійскихъ книжниковъ.

Естественныя бѣдствія того времени, при полной безпомощности противъ нихъ, и безъ Татаръ, должны были безмѣрно усиливать мрачное настроеніе. Соловьевъ приводитъ до двадцати голодныхъ годовъ съ 1230 по 1446 г. Въ теченіе того-же времени болѣе двадцати разъ свирѣпствовалъ моръ на людей и разъ пять на животныхъ.

Число всякихъ эпидемій увеличивалось и отъ вреднаго обычая хоронить мертвыхъ среди города, въ весьма неглубокихъ могилахъ. Каковы были тогда врачебныя средства, показываетъ леченіе Великаго Князя Василія Васильевича отъ сухотки: ему жгли трутъ на тѣлѣ, образовались раны, которыя загнили и прекратили жизнь больного. Кромѣ голодовокъ и заразъ лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніяхъ, буряхъ и пр. О землетрясеніяхъ упоминается подъ 1230 и подъ 1246 г. Въ 1399, 1406, 1421, 1442 гг. упоминается о страшныхъ буряхъ. При этихъ упоминаніяхъ дѣло не обошлось безъ преувеличеній напуганнаго воображенія. Такъ, подъ 1406 г. расказывается, что послѣ Петрова дня, въ нижегородской области, была

такая сильная буря, что вѣтромъ подняло на воздухъ телѣгу вмѣстѣ съ человѣкомъ и лошадью; на другой день лошадь нашли мертвою, человѣка совсѣмъ не нашли, а телѣгу нашли за Волгою, на верху высокаго дерева. При всемъ томъ число жителей на сѣверѣ все возрастало. Это явленіе объясняется переселеніями съ юга, гдѣ къ естественнымъ бѣдствіямъ присоединялись, еще болѣе частые чѣмъ на сѣверѣ, набѣги татаръ. Но, среди всякаго рода бѣдствій, торговля и въ этотъ періодъ времени доставляла значительный доходъ князьямъ, ибо она все-таки была довольно обширна и сборъ торговыхъ пошлинъ былъ весьма значителенъ. Даже въ разоренный Кіевъ, гдѣ оставалось не болѣе двухъ сотъ дворовъ, и туда заѣзжали купцы, Кіевъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ мѣнового двора, но вообще должно замѣтить, что упадокъ торговли Кіева начался еще до Батыева разгрома, когда торговля отвлечена была на сѣверъ и на западъ. Торговля съ Западомъ по-прежнему шла черезъ Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ. Нѣмцы очень дорожили Новгородомъ; нѣмецкую торговлю поддерживали даже Ханы, которымъ она доставляла значительный доходъ. Они приказывали, чтобы князья не нарушали договоровъ съ нѣмцами и вели съ ними торговлю только черезъ Новгородъ. Смоленскъ уже въ началѣ XIII в. велъ дѣятельную торговлю съ Ригою и Готландомъ, какъ видно изъ договора съ ними князя Мстислава Давыдовича въ 1228 г. Точно также и Полоцкъ продолжалъ свою торговлю съ Ригою и подъ литовскимъ владычествомъ. Въ 1407 г. между Ригою и Полоцкомъ законченъ былъ договоръ, по которому Полочанамъ въ Ригѣ, а Рижанамъ въ Полоцкѣ, запрещено было торговать розницею. Замѣчательно, что въ числѣ привозимыхъ нѣмцами товаровъ на первомъ мѣстѣ стояли: хлѣбъ и соль, сельди, копченое мясо, потомъ сукно, полотно, пряжа, перчатки, золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ. Нѣмцы вывозили: мѣха, кожи, волосъ, щетину, сало, воскъ. Были предметы, носившіе спеціально названіе русскихъ: русскія постели, русскія чашки и русскія перчатки, безъ сомнѣнія, рукавицы. Въ сѣверо-восточной Руси главными торговыми пунктами были: Москва, Нижній и Вологда. Черезъ эти города торговля шла съ отдаленнымъ Востокомъ, главнымъ путемъ была Волга. По поводу этихъ путей, Соловьевъ замѣчаетъ: «И долго послѣ сухимъ путемъ по Россіи можно было ѣздить только зимою; лѣтомъ-же оставался одинъ водный путь, который потому и имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга зимою и рѣки лѣтомъ, нельзя не включать въ число важнѣйшихъ дѣятелей русской цивилизаціи. (Т. IV, стр. 261, изд. 3-е). Нижній-Новгородъ сосредоточивалъ торговлю съ мусульманскимъ Востокомъ. Черезъ Вологду и Устюгъ, отъ Устюга рѣкою Вычегдою издревле лежалъ путь въ Пермскую Землю; изъ Устюга въ этотъ край проникло и христіанство. Св. Стефанъ, уроженецъ Устюга, изобрѣтатель зырянской азбуки, распространилъ

христіанство въ XIV в., между Зырянами и Пермяками. Его дѣятельность открыла пермскій край, и впослѣдствіи Сибирь, русской торговлѣ и колонизаціи. Онъ былъ первымъ пермскимъ епископомъ.

Черноморская торговля въ этотъ періодъ времени шла черезъ нынѣшній Судакъ въ Крыму. Предметы торговли измѣнились: изъ Византіи, бывало, вывозили паволоки, т. е. шелковыя ткани; но выдѣлка ихъ давно упала. Купцы, со всѣхъ концовъ русской земли, ѣздили въ Крымъ за солью и платили по двѣ бумажныя ткани, привозимыя, конечно, съ запада, въ казну султана, за телѣгу соли. Русскіе-же купцы привозили въ Турцію пряные коренья, получавшіеся транзитомъ изъ Индіи. Этотъ транзитъ шелъ черезъ Россію до открытія пути въ Индію Васко-де-Гамою. Мѣха и здѣсь составляли главный русскій товаръ.

Что касается до монеты, то въ этомъ періодѣ слово куны все болѣе и болѣе замѣняется татарскимъ словомъ *деньга*; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы перестали ходить кожаныя деньги. Счетъ на гривны замѣняется счетомъ на рубли. Но рубли, какъ и гривны, не чеканились — это были обрубки серебра, почти въ 50 золотниковъ вѣсу. Деньги чеканились по 100 и по 200 денегъ въ рублѣ. Номинальной монетой былъ и алтынъ, по 6 денегъ въ алтынѣ.

ГЛАВА IX.

Взгляды нашихъ историковъ на личность В. князя Іоанна III, почти завершившаго объединеніе, различны. Карамзинъ, увлеченный его успѣхами, забывая насколько эти успѣхи были подготовлены, поставилъ его выше Петра Великаго, Костомаровъ видѣлъ въ дѣлахъ его одни властолюбивыя стремленія, проф. Бестужевъ-Рюминъ и г. Иловайскій считаютъ его государемъ великимъ, закончившимъ одинъ періодъ русской исторіи и начавшимъ новый. Соловьевъ смотритъ на дѣло проще и, по нашему мнѣнію, ближе къ истинѣ. Онъ говоритъ: «Іоаннъ вступилъ на московскій престолъ, когда дѣло собиранія сѣверо-восточной Россіи могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобы его дорушить. Честь и слава однако человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами. (И. Р. съ древн. вр. Т. V, гл. 1). И дѣйствительно, окончить такое большое дѣло, какое окончилъ Іоаннъ III, не малая историческая заслуга. Въ этомъ характерѣ его дѣятельности и тайна законченности его предпріятія; онъ заканчивалъ давно начатое, много разъ обдуманное, обсуженное со всѣхъ сторонъ. Ему предстояло только не сбиваться съ дороги, точно также, какъ и его сыну, и потому они оба такъ холодны, такъ методичны во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ.

Нигдѣ такъ не подтверждается справедливость словъ историка Соловьева, что Іоанну III требовалось нанести старому зданію только легкій ударъ, дабы оно развалилось, какъ въ покореніи Новгорода. И дѣйствительно, уже при Василіи Васильевичѣ судьба Новгорода была видна. Подъ Руссой вполнѣ обнаружилась слабость республики, договоръ въ Яжелбицахъ былъ только временной отсрочкой, подъ предлогомъ уступки ходатайству архіепископа Іоны. Новгородцы догадались, что ихъ рѣшено было взять измoромъ, медленностію въ постоянно усилившихся наступленіяхъ на нихъ и это постоянное ожиданіе бѣды доводило ихъ до безумія. Въ 1460 г.

Василій Васильевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и тогда составился заговоръ убить его вмѣстѣ съ его сыновьями, Юріемъ и Андреемъ, и съ воеводою Басенкомъ, побѣдителемъ при Руссѣ. Владыка Іона къ счастію провѣдалъ про этотъ заговоръ и уговорилъ новгородцевъ оставить злобу и въ то-же время напомнилъ имъ, что у Василія оставался еще старшій сынъ Иванъ, который будетъ мстить за отца и за братьевъ. Увѣщанія-ли Іоны подѣйствовали, или сами новгородцы одумались, но замыселъ былъ покинутъ. Тогда уже, т. е. при Василіи Васильевичѣ, Вѣче потеряло свои державныя права. Въ Новгородѣ тогда уже понимали, что одними собственными силами съ Москвою не справиться, что надобно искать опоры въ Литвѣ. Литовская партія существовала въ Новгородѣ издавна, ея перевѣсу надъ московской мѣшали только слухи о притѣсненіи послѣдователей греческой церкви. Но когда въ княженіе Темнаго усилилось раздраженіе противъ Москвы, то начали толковать, что эти притѣсненія—московскія выдумки. Образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ съ Мароою Борецкою, вдовою посадника Борецкаго и матерью двухъ сыновей, Димитрія и Ѳеодора, изъ которыхъ первый также побывалъ уже на посадничествѣ. Рѣшено было отдаться Казиміру, королю Польскому и Великому князю Литовскому. Въ преемники умиравшему архіепископу Іонѣ, рѣшено было избрать его ключника Пимена, который согласился принять поставленіе въ Кіевѣ—освободить новгородскую церковь отъ московской зависимости. Въ 1470 г. отъ Казиміра Литовскаго приняли на кормленіе Ольгердова внука, князя Михаила Олельковича, брата Симеона, князя Кіевскаго. Въ Новгородѣ то и дѣло оскорбляли московскихъ дворянъ, Іоаннъ твердилъ только одно—«Новгородскіе люди исправьтесь». Хладнокровіе его выводило новгородцевъ изъ терпѣнія; а онъ говорилъ приближеннымъ: «волны бьютъ о камень и разсыпаются; такъ будетъ съ новгородцами».

Іоаннъ спокойно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается въ Новгородѣ, а между тѣмъ подготовлялъ ополченіе и послалъ во Псковъ подготовить и псковичей къ вооруженію на Новгородъ. Тогда Псковъ лѣтъ шесть былъ не въ ладахъ съ Новгородомъ изъ-за притязаній архіепископа Іоны, столь любимаго въ Новгородѣ и столь нелюбимаго во Псковѣ. Наканунѣ самаго разрыва, въ 1470 г., въ Новгородѣ задержали и ограбили псковскихъ гостей. Но при всей своей досадѣ на Новгородъ, Псковъ не хотѣлъ начинать вооруженную борьбу, не предупредивъ *старшаго брата*. Псковичи предложили новгородцамъ послать соединенное посольство къ Великому Князю Московскому съ тѣмъ, чтобы новгородцы просили прощенія, такое миролюбіе не входило въ планы литовской партіи. Предложеніе псковичей было отвергнуто. Между тѣмъ владыка новгородскій, Іона, скончался и въ преемники ему избранъ былъ не Пименъ, какъ

ожидала литовская сторона, а инокъ Өеофилъ, ничего не понимавшій въ борьбѣ политическихъ страстей. Онъ предчувствовалъ тяжелое положеніе, которое ему предстояло и потому изъявлялъ желаніе отказаться отъ возлагавшагося на него бремени; но въ избраніи его въ такую трудную для Новгорода минуту, новгородцы усматривали перстъ Божій. Собственно же говоря, новымъ избраніемъ не хотѣли поднимать новую смуту. Өеофилъ сначала и слышать не хотѣлъ, чтобы ставиться въ Кіевѣ; но его успокоилъ князь Михаилъ Олельковичъ, черезъ два дня, по смерти Іоны, прибывшій въ Новгородъ. Онъ увѣрилъ Өеофила, что православные пользуются въ Литвѣ полною свободою, что наговоры на нихъ въ латинствѣ выходятъ изъ Москвы. Въ Новгородѣ между тѣмъ волненіе усиливалось, то и дѣло звонили въ колокола, на площадяхъ кричали—«мы не отчина Великаго Князя Московскаго! Великій Новгородъ отъ вѣка вольная земля; Великій Новгородъ и самъ себѣ государь!» Подъ вліяніемъ такого возбужденія отправлено было посольство къ Казиміру и заключенъ былъ съ нимъ договоръ по образцу старыхъ договоровъ. Эта шаблонность договора дала поводъ Н. И. Костомарову замѣтить «какъ мало развивались—въ Новгородѣ политическія понятія, когда, вступая въ новую сферу политическаго существованія, онъ не могъ ничѣмъ болѣе обезпечить свою политическую самостоятельность, какъ только прежними условіями (Сѣверно-Русскія Народоправства, т. I, стр. 166).

Іоаннъ не измѣнилъ своему спокойствію и при вѣсти о договорѣ Новгорода съ Казиміромъ. Онъ еще разъ уговаривалъ новгородцевъ смириться, митрополитъ Филиппъ отъ себя прислалъ увѣщательную грамоту. Все это не подѣйствовало, и тогда только Іоаннъ, оправивъ себя передъ русскою землею, приступилъ къ усмиренію Новгорода вооруженною рукою и, естественно, воспользовался политическими ошибками своего противника. Кто-же въ Новгородѣ былъ на сторонѣ Борецкихъ, и кто на сторонѣ Іоанна? За Іоанна преимущественно стояли тѣ зажиточные люди, которые вели торговлю съ Москвою, а черезъ Москву и со всей Россіи, откуда они вывозили хлѣбъ. Но Борецкіе и вообще аристократическая партія, «уже», какъ выражается Костомаровъ, «подготовила себѣ партію чернаго народа». (Тамъ-же, стр. 168 и т. д.). Аристократическій духъ партіи, призвавшей Казиміра, лучше всего характеризуется слѣдующею статьею договора Новгорода съ Казиміромъ: «а холопъ, или рабъ, или смердъ, почнетъ на осподу вадити (на господина жаловаться), а тому ти, честны, король, вѣры не нять» (см. Р. И. Бестужева-Рюмина, т. 2, стр. 147).

Іоаннъ какъ-будто только дожидался окончательнаго подданства Новгорода Латинскому королю, чтобы выставить его граждан измѣнниками православію. Приказавъ рати выступить, самъ Великій Князь, съ обычнымъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, посѣтилъ одинъ

за другимъ Кремлевскіе соборы, молился передъ гробами святителей и гробами своихъ предковъ. Передъ этими гробами онъ громко молился. «О великіе князья Владиміра, Новгорода и всея Руси! молитвами вашими помогите мнѣ на отступниковъ православія». Современники не сомнѣвались въ отступничествѣ новгородцевъ, на которыхъ смотрѣли хуже, чѣмъ на татаръ. По дорогѣ онъ останавливался по монастырямъ, раздавалъ милостыню.

При такомъ характерѣ похода, слабодушное поведеніе архіепископа Ѳеофила, который рѣшительно не становился ни на ту, ни на другую сторону, усиливало опасность. Владыко, отправляя свой полкъ, или какъ тогда говорили стягъ, далъ приказаніе биться съ псковичами, но уклоняться отъ битвы съ полками Великаго Князя; какъ-будто сражаться съ союзниками Великаго Князя не значило сражаться противъ него. Приказаніе это имѣло послѣдствіемъ, что при первомъ столкновеніи у мѣстечка Коростыня, на ю. берегу оз. Ильменя, полкъ владыки отказался вступить въ битву. Насъ, говорили ратники, владыко послалъ на псковичей, запретивъ поднимать руку на Великаго Князя. Не имѣя конницы, новгородцы были разбиты. Южнымъ берегомъ Ильменя рать великаго князя шла на соединеніе съ псковичами на берегахъ р. Шелони, гдѣ 14 іюля 1471 г. и произошла битва, рѣшившая судьбу Новгорода. Князь Даніилъ Холмскій, главный предводитель рати Іоанна, воспользовался дурнымъ размѣщеніемъ полковъ новгородскаго войска и разбилъ эти полки одинъ за другимъ. Какъ плохо Новгородъ, вызвавшій великаго князя, на рѣшительную борьбу, приготовленъ былъ къ этой борьбѣ, показываетъ новгородская конница: кони, взятые отъ работъ, въ рѣшительную минуту битвы поднимались на дыбы, а всадники не умѣли съ ними сладить и вотъ такая-то конница назначалась противъ прирожденныхъ всадниковъ, татаръ, составлявшихъ главную часть конницы Великаго Князя. Главный предводитель новгородской рати Димитрій Борецкій съ товарищами его попались въ плѣнъ. Весь лагерь достался побѣдителю.

Извѣстіе о побѣдѣ Іоаннъ получилъ въ Яжелбицахъ, тамъ, гдѣ отецъ его заставилъ новгородцевъ подписать невыгодный для нихъ договоръ. Участь плѣнныхъ бояръ рѣшена была быстро. Четверымъ изъ нихъ отрубили головы въ Руссѣ, въ томъ числѣ Димитрію Борецкому; а человѣкъ 50 отослали въ оковахъ въ Москву.

Новгородъ остался безъ войска, безъ оружія, а Великій Князь приближался, не особенно торопясь. Стонъ и плачъ раздавались въ Новгородѣ, всѣ потеряли головы, только Марѳа Борецкая, не смотря на личное горе, не теряла головы. По ея совѣту стали вооружаться, укрѣпляться; но авторитетъ ея на этотъ разъ былъ непродолжителенъ. Посолъ Новгорода къ Казиміру возвратился и доложилъ боярамъ, что ливонцы не пропустили его къ королю. Узнавши эту вѣсть, сторонники Марѳы ударили въ вѣчевой колоколъ; народъ

11*

вопилъ—«гдѣ Вашъ Казиміръ? Прелестники, обманщики!» Ужасъ еще болѣе усиливался отъ разсказовъ съ поля Шелонской битвы о безпощадности побѣдителя, о его жестокости. Не знали, какъ раздѣлаться съ этой бѣдой, какъ пришла вѣсть о другой. На Сѣв. Двинѣ Московскіе воеводы—Борисъ Слѣпецъ и Василій Образецъ, въ самый день Шелонской битвы, 14 Іюля, на голову разбили Новгородскаго защитника Заволочья—князя Василія Шуйскаго, едва спасшагося въ Холмогоры. Въ самомъ Новгородѣ обнаружилась измѣна, какой-то Упадышъ заколотилъ пушки. Тогда Вѣче отправило къ В. Князю посольство, во главѣ съ Ѳеофиломъ, просить мира. Посольство переѣхало Ильмень и, послѣ немалыхъ просьбъ, въ Коростынѣ было допущено къ Іоанну. Онъ, всегда разсчетливый, внялъ мольбамъ Ѳеофила и даровалъ миръ. Новгородцы обязались ставить архіепископа въ Москвѣ и не подчиняться Литвѣ. Взявши окупъ съ Новгорода—15,000 рублей, Іоаннъ, оставивъ все въ Новгородѣ по старому, возвратился въ Москву.

Вскорѣ, по отъѣздѣ Іоанна, въ Новгородъ возвратились бояре, сосланные въ Москву, послѣ Шелонской битвы. Послѣ ихъ возвращенія снова начались столкновенія между приверженцами Литвы и Москвы. Эти столкновенія и дали поводъ Іоанну въ 1475 г. посѣтить Новгородъ. Здѣсь Іоанна встрѣтили съ большими почестями, угощали пирами, осыпали дарами, Іоаннъ пировалъ у князя Шуйскаго, у владыки Ѳеофила. Говорятъ, только Марѳа Борецкая не предложила ему даровъ и угощенія; но, говорить по этому поводу, что она одна не смирилась, едва ли можно. Многіе изъ бояръ новгородскихъ угощали Іоанна лицемѣрно, питая противъ него сильную злобу. Марѳа не хотѣла, да вѣроятнѣе всего и не могла пересилить материнскаго чувства при воспоминаніи о казни ея сына. Да и было-ли-бы самому Іоанну пріятно пировать у Марѳы?

Но вообще Новгороду было чего бояться, его общественный бытъ видимо разлагался и былъ въ полномъ ходу на пути къ анархіи. Такъ однажды *степенный* Посадникъ Ананьинъ, вмѣстѣ съ единомышленными ему боярами, напали на улицы—Славкову и Никитину и избили, жившихъ тамъ, своихъ противниковъ. Въ другой разъ староста Ѳедоровской улицы Панфилъ, сговорясь съ нѣкоторыми боярами и, собравъ толпу черни, ограбилъ домъ бояръ Аполинарьиныхъ, а людей ихъ избилъ. Эти сцены самосуда, разлагая государственное устройство Новгорода, усиливали вліяніе Іоанна. Когда Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ ему были поданы жалобы, онъ предалъ суду насильниковъ, съ соблюденіемъ всѣхъ старинныхъ формъ. Виновные отосланы были въ оковахъ въ Москву. Въ февралѣ 1476 г. Іоаннъ оставилъ Новгородъ. Но, оставляя Новгородъ Іоаннъ довелъ дѣло до того, что новгородцы сами стали ѣздить къ нему на судъ, чего никогда не бывало.

Не мудрено, что нашлись люди, которые, предупреждая желаніе

Іоанна, будучи посланы отъ владыки Ѳеофила и всего Новгорода, назвали Іоанна и сына его—не господами, какъ бывало прежде, а государями. Іоаннъ потребовалъ, чтобы ему объяснили какого государства хотятъ новгородцы? На Вѣчѣ отвѣчали, что такого порученія не давали. Іоаннъ выступилъ въ походъ. Но на этотъ разъ до битвы дѣло не дошло. Въ 1477 г. полки Іоанна стали приближаться къ Новгороду. Но новгородцы, видя, что полки московскіе со всѣхъ сторонъ облегли Новгородъ, а надежда на Казиміра еще разъ не сбылась, завели съ Іоанномъ переговоры, которые тянулись долго. На всѣ просьбы владыки, Іоаннъ заявилъ наконецъ прямо: «Я сказалъ, что хочу такого-же государства въ Новгородѣ, какъ и въ Москвѣ, вѣчу и посадникамъ въ Новгородѣ не быть, все государство (т. е. власть) держать намъ». Еще прошла цѣлая недѣля въ толкахъ, наконецъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, кормленникъ, т. е. состоявшій на службѣ Новгорода, на вѣчѣ сложилъ присягу Новгороду и, безъ всякаго препятствія, отправился въ станъ къ Іоанну. Тогда и Вѣче рѣшило покориться. Къ условіямъ имъ предъявленнымъ прежде, Іоаннъ присоединилъ требованіе селъ и волостей, безъ которыхъ ему нельзя держать свое государство на отчинѣ своей, Великомъ Новгородѣ. Іоаннъ потребовалъ *половину всѣхъ волостей владыки и всѣхъ монастырей*, всѣ Торжковскія волости, кому-бы онѣ ни принадлежали. Вѣче на все согласилось, прося только взять половину имущества у шести главныхъ монастырей, начиная съ Юрьевскаго, а остальныхъ монастырей не трогать, ибо они очень бѣдны. На это Іоаннъ согласился. 15 января 1478 г. весь Новгородъ былъ приведенъ къ присягѣ, шли поголовно всѣ жители и и масса сельчанъ, которыхъ тамъ захватила осада. 18 января выпустили эту полуголодную массу въ окрестныя села и деревни разыскивать свои раззоренныя семьи. Должно замѣтить, что походы Іоанна сопровождались страшнымъ опустошеніемъ Новгородскихъ волостей.

Новгородскіе бояре, дѣти боярскіе и житіи люди (дворяне) били челомъ В. Князю принять ихъ въ службу и были приняты. Проживъ нѣкоторое время на Ярославовомъ дворѣ, Іоаннъ оставилъ Новгородъ. Марѳа Борецкая, и нѣкоторые бояре повезены были за нимъ,—за нимъ повезли и *вѣчевой* колоколъ, который, вѣроятно, былъ перелитъ подъ стать другимъ колоколамъ.

Въ 1479 г. Новгородъ пытался еще разъ возстать, завелъ опять сношенія съ Казиміромъ Литовскимъ и даже съ Ханомъ Золотой Орды.—За этотъ замыселъ жестоко поплатился архіепископъ Ѳеофилъ; В. Князь, быстро явясь въ Новгородъ, велѣлъ арестовать Ѳеофила, котораго отправили въ Москву.—Онъ принужденъ былъ проситься на покой. «Познаю, писалъ онъ, убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумія». Онъ заключенъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ; вѣками скопленныя, богатства архіепископовъ

новгородскихъ—золото, серебро, драгоцѣнные камни взяты въ казну В. Князя. Болѣе ста бояръ было казнено.

Конфискація монастырскихъ и архіепископскихъ имуществъ возбудили въ Новгородскомъ духовенствѣ сильнѣйшую ненависть къ Іоанну III. Эта ненависть долго не умирала и черезъ столѣтіе проявилась въ царствованіе Грознаго. Іоаннъ еще два раза былъ въ Новгородѣ и оба раза выводилъ оттуда людей, именно въ 1484 и 1487гг. Въ послѣдній пріѣздъ въ Новгородъ Іоаннъ вывелъ оттуда 50 гостей, слѣдовательно 50 капиталистовъ, переселенныхъ въ Москву. Понятно, что этотъ вывозъ значительно уменьшилъ богатства Новгорода. Такъ совершился одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ объединенія русской земли. Но этотъ актъ сопровождался сильнымъ экономическимъ и нравственнымъ потрясеніемъ сѣверо-западной Руси.

О паденіи Новгорода въ русской литературѣ существуетъ два мнѣнія: одни думаютъ, что всѣ формы быта Новгородскаго отжили свой вѣкъ; другіе полагаютъ, что эти формы еще способны были къ самостоятельному развитію. Покойный изслѣдователь по русской исторіи, К. Д. Кавелинъ, склонялся къ послѣднему мнѣнію, говоря, что этой способности формъ Новгородскаю быта къ развитію отрицать нельзя. Конечно, отрицать нельзя, но должно сказать, что для дальнѣйшаго развитія этихъ формъ Новгородскимъ архіепископамъ и боярамъ нужно было имѣть, болѣе политической проницательности и безкорыстія.

Въ дополненіе къ обзору Новгородскихъ отношеній при Іоаннѣ III должно сказать о захватѣ Ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ въ 1494 году, вслѣдствіе чего закрылись Ганзейскія конторы. Этотъ актъ совершенъ въ грубой формѣ. Ганзейская политика всюду возбуждала противъ себя неудовольствіе: въ Швеціи закрылъ Ганзейскія конторы Густавъ Ваза; въ Англіи—столь популярная, королева Елизавета; въ самой Германіи было много недовольныхъ Ганзой. Въ XIII вѣкѣ началась торговля Новгорода съ Ганзой. Въ XIV вѣкѣ Ганзейцы съумѣли сдѣлаться распорядителями всей внѣшней торговли Новгорода. Тогда въ руки Ганзы перешелъ Готскій или Варяжскій дворъ—Ганзейскій дворъ въ Новгородѣ подчиненъ былъ Любеку, главному городу Ганзейскаго союза.—Уставъ, данный союзомъ новгородскому двору, носилъ названіе Скры. Эта Скра имѣла нѣсколько изданій.—Ганзейскій дворъ не былъ постояннымъ нѣмецкимъ поселеніемъ въ Новгородѣ, какъ таковой-же дворъ въ Бергенѣ, гдѣ образовалась ганзейская колонія. Гости, пріѣзжавшіе торговать въ Новгородъ дѣлились на лѣтнихъ и зимнихъ, сухопутныхъ и морскихъ. Сухопутные находились, какъ въ числѣ лѣтнихъ, такъ и въ числѣ зимнихъ. Въ XII в. упоминаются въ Новгородѣ Заморскіе купцы, построившіе церковь Св. Пятницы. Думаютъ, что это были туземные новгородскіе купцы,—которые вели заморскую торговлю. Трудно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи они стояли

къ Иванковскимъ купцамъ, тоже новгородскихъ заграничныхъ торговцевъ. Думаютъ, что заморское купечество было отраслью иванковскаго. (См. о торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка Бережкова). Намъ кажется, можно предположить, что сперва они другъ отъ друга были независимы, но что товарищество Иванковское, мѣстомъ сбора котораго была церковь Св. Ивана на Опокахъ, имѣло исключительное право продавать воскъ заграницу. Въ то время по цѣнности этотъ товаръ занималъ второе мѣсто послѣ мѣховъ. Имѣя право отправлять заграницу воскъ, въ Новгородѣ они имѣли право продавать въ розницу сукно. Торговля остальными товарами, по всей вѣроятности, была въ рукахъ заморскаго товарищества. Ганзейская торговая политика всегда была направлена къ тому, чтобы ослабить, а если можно, то и уничтожить самостоятельную морскую торговлю странъ, гдѣ оно внѣдрилось. Поэтому и новгородцы не развили своего самостоятельнаго торговаго флота. Присвоивъ себѣ исключительное право торговли въ Новгородѣ, ганзейцы не всегда вели торговлю честно—новгородцы жаловались, что привозимыя сукна бывали низшихъ сортовъ противъ показанныхъ, въ вино подливалась вода, внутри серебряныхъ слитковъ оказывалось поддѣльное серебро; ганзейцы съ своей стороны, жаловались что имъ продаютъ воскъ съ подмѣсью сала, смолы, муки; мѣха продаютъ подкрашенные. Иногда дѣло доходило до разрыва, и до временнаго прекращенія торговли, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, для Ганзы была выгоднѣе, чѣмъ для Новгорода. Главными примирителями были новгородскіе архіепископы.

Нельзя сказать, чтобы вліяніе ганзейцевъ было цивилизующее, какъ многіе думаютъ. Мысль,что вліянію Ганзы Новгородъ и Псковъ обязаны своимъ муниципальнымъ развитіемъ, давно оставлена, ибо то, что нѣмецкіе писатели называли муниципальною жизнію, въ Новгородѣ и во Псковѣ началось задолго до появленія на свѣтѣ Ганзы. Закрытіе ганзейскихъ конторъ въ Даніи, въ Швеціи, въ Норвегіи, и Англіи оживили туземные торговые флоты, но на Новгородъ, напоминавшій въ ту пору человѣка, разбитаго параличемъ, закрытіе въ немъ ганзейской торговли оживляющаго вліянія имѣть не могло.

Вмѣстѣ съ Новгородомъ покорена была и Малая Пермь или Земля Вычегодскихъ Зырянъ; Великая Пермь, Земля Камскихъ Зырянъ признала также свою зависимость отъ Великаго Князя Московскаго; но сохранила своихъ князей до конца княженія Іоанна. Изъ Перми начались походы на Самоѣдовъ, Югру и Вогуловъ, особенно замѣчателенъ походъ 1499 г., когда на берегахъ р. Печоры Московскіе воеводы построили городокъ и потомъ на лыжахъ перешли Камень, т. е. Уральскія Горы и въ Обдорской Землѣ заставили многихъ югорскихъ и вогульскихъ князей присягнуть Іоанну.

За десять лѣтъ до этого похода покорена была и новгородская колонія, вольная община Хлыновъ или Вятка, постоянно враждовавшая съ своей метрополіей. Эта община подчинилась великому князю Московскому еще при Василіи Васильевичѣ, но это подчиненіе было номинальное. Вятскіе ушкуйники самовольно грабили по Волгѣ кого попало, и татаръ Золотой Орды, и татаръ Казанскихъ. Послѣдніе свои грабежи въ предѣлахъ нижегородскихъ и костромскихъ, выставляли дѣломъ мести за набѣги хлыновцевъ, а хлыновцы, т. е. Вятчане не разъ отказывали Великому Князю Московскому въ помощи противъ казанскихъ татаръ. Іоаннъ, чтобы прекратить эту путаницу, въ 1489 г. послалъ противъ хлыновцевъ, не слушавшихся никакихъ увѣщаній, своихъ воеводъ. Вятка должна была покориться, за нею покорились и вятскіе города—Котельничъ, Орловъ, Слободскъ и Шестаковъ. При покореніи Вятки выказана страшная жестокость. Главные виновники сопротивленія были биты кнутомъ и затѣмъ повѣшены, лучшіе люди переселены въ московскіе предѣлы.

Во Псковѣ повидимому оставалось все по старинѣ; но только повидимому. Псковъ, какъ замѣчено въ предыдущей главѣ, давно уже руководился, видами московской политики. Іоаннъ III оставилъ Пскову только тѣнь самостоятельности. Дѣло о смердьей грамотѣ показываетъ ясно, что и вольность Пскова кончилась при Іоаннѣ III, что сыну его оставалось только распорядиться снять вѣчевой колоколъ и велѣть его перевезти въ Москву. Сельское населеніе въ Псковской области дѣлилось на половниковъ, снимавшихъ землю за половину урожая у землевладѣльцевъ; на смердовъ, жившихъ на земляхъ города Пскова. Они обязаны были платить извѣстный оброкъ князю и сверхъ того давать дань самому Государю Пскову. Вѣроятно и во Псковѣ смердамъ не особенно ладно жилось, въ договорахъ съ сосѣдями постоянно встрѣчаются условія о выдачѣ бѣглыхъ смердовъ. Смерды конечно тяготились такимъ положеніемъ и все болѣе и болѣе стали сближаться съ намѣстниками Великаго Князя. Всѣ отношенія смердовъ къ государю Пскову изображены были въ Смердьей Грамотѣ, которая хранилась въ Троицкомъ соборѣ. Видя, что смерды въ немъ заискиваютъ, тогдашній намѣстникъ во Псковѣ, князь Ярославъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, человѣкъ буйный и жестокій, уже разъ смѣненный по жалобѣ псковичей и снова посаженный потомъ въ намѣстники Пскова, съ помощію преданныхъ Москвѣ бояръ, похитилъ изъ Троицкаго собора Смердью Грамоту и замѣнилъ ее другою, гдѣ все было поддѣлано по его желанію. Изслѣдователь проф. Никитскій думаетъ, что, вѣроятно, смерды вошли съ нимъ въ соглашеніе и, можетъ быть, изъявили готовность увеличить оброкъ князю лишь бы ихъ избавили отъ даней въ пользу «государя Пскова». Пропажа старой грамоты взволновала Псковъ. Бояре и богатые люди, понимая въ чемъ дѣло, готовы

были отъ всего отказаться; но меньшій людъ, народъ небогатый, возсталъ противъ нанесенія ущерба казнѣ Осударя Пскова, казнили людей, которыхъ заподозрили въ поддѣлкѣ. Нѣкоторымъ изъ заподозрѣнныхъ удалось бѣжать въ Москву. Туда-же прибыло посольство отъ Пскова съ жалобою на намѣстника и на измѣнниковъ. Іоаннъ взялъ сторону намѣстника; но наивные псковичи не унимались съ своими жалобами и послали одно за другимъ пять посольствъ, которые всѣ возвращались съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ. Такъ дѣло смердовъ тянулось два года, съ 1483 по 1485 г. Псковичи ничему не научились, ничего не поняли—случайно одному священнику удалось найти списокъ старой грамоты и снова полетѣли жалобы въ Москву. «Я вамъ», сказалъ Іоаннъ, «только что отпустилъ вину, а вы опять пристаете со смердами». Дани со смердовъ Псковъ лишился, а князь Ярославъ остался во Псковѣ до конца дней своихъ.

Замѣчательно, что между двумя намѣстничествами князя Ярослава, Іоаннъ назначилъ намѣстникомъ во Псковъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, бывшаго вождя новгородцевъ, уже поэтому враждебнаго Пскову, и притомъ человѣка буйнаго. Онъ былъ еще деспотичнѣе Ярослава. Съ той послѣдовательностію, съ тѣмъ же терпѣніемъ и вмѣстѣ съ безпощадностію, сокрушены были Іоанномъ III и самостоятельность главныхъ удѣльныхъ княжествъ—Тверскаго и Рязанскаго.

Іоаннъ щадилъ Тверь, пока окончательно не сокрушенъ былъ Новгородъ, щадилъ Рязань, пока окончательно не сокрушена была Орда.

Послѣдній независимый князь Тверской, Михаилъ Борисовичъ, вступилъ на престолъ почти единовременно съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ. Тогда всѣ удѣльные тверскіе князья были у него въ подчиненіи; но удѣльные тверскіе князья, подобно ихъ боярамъ, находили болѣе выгоднымъ служить В. князю Московскому. Первый подалъ примѣръ князь Даніилъ Холмскій, отъѣхавшій въ Москву въ началѣ княженія Михаила Борисовича. Въ началѣ княженія Іоанна III и Михаила Борисовича, казалось, оба великія княжества находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Договоры между ними были заключены какъ между равными, съ обязательствамъ помогать другъ другу, въ договорныхъ грамотахъ стоятъ обычныя слова—боярамъ и слугамъ вольнымъ воля. Но послѣднія слова и остались пустымъ звукомъ; тверскимъ боярамъ вольною волею переходить къ Московскому князю было выгодно; но боярамъ болѣе сильнаго и болѣе богатаго московскаго князя, какая выгода была переходить къ менѣе сильному и сравнительно почти бѣдному тверскому князю? В. Князь Тверской по договору помогалъ В. Князю Московскому въ его походахъ на Новгородъ и вотъ послѣ перваго похода, въ 1476 г., изъ Твери въ Москву отъѣхали многіе бояре и дѣти боярскіе. Изъ

отъѣхавшихъ бояръ тверскихъ упоминаются: Григорій Никитинъ, Иванъ Жито, Василій Даниловъ Бокѣвичъ, трое Карповичей, Киндыревъ и иные (См. Борзаковскаго стр. 201). Михаилъ Борисовичъ замѣтилъ опасность, которая угрожала самостоятельности его княжества и заключилъ союзъ съ Казиміромъ. Заключеніе этого союза вызвало войну съ Москвою, Тверскія владѣнія подверглись страшному опустошенію. Слѣдствіемъ этого былъ новый договоръ съ Москвою. В. князь Тверской призналъ себя младшимъ братомъ Московскаго. По первому договору онъ отказался отъ прямыхъ сношеній съ Ордой, а теперь отказался и отъ прямыхъ сношеній съ Литвою. Послѣ этого погрома отъѣхали въ Москву еще два князя и много бояръ, которые не могли сносить обидъ со стороны Московскихъ бояръ. Если на межахъ Московскіе бояре или дѣти боярскіе обижали Тверитянъ, то на нихъ управы не было, а чуть тверичи изобидятъ, такъ В. Князь съ поношеніемъ и съ угрозами посылаетъ къ тверскому князю, и отвѣтовъ его не слушаетъ. Оскорбленный Михаилъ Борисовичъ возобновилъ сношенія съ Казиміромъ. Московскіе полки и полки Новгородскіе, послѣдніе подъ начальствомъ Якова Захарьича, выступили къ Твери. Михаилъ Борисовичъ, видя невозможность вооруженной борьбы, видя кругомъ измѣну, въ 1485 г., съ малою дружиною бѣжалъ въ Литву. У матери Михаила Борисовича найдено было много драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра, она хотѣла эти сокровища отправить къ сыну въ Литву, за что была схвачена и отправлена въ ссылку въ Переяславль.

Бояръ Тверскихъ Іоаннъ принялъ и далъ грамоты на ихъ отчины.

Но было-бы ошибочно думать, что тверскіе бояре, особенно дѣти боярскіе сразу стали на равную ногу съ московскими боярами. Послѣ присоединенія княжествъ и удѣловъ, говоритъ Соловьевъ, ***дворы ихъ не сливались съ дворомъ В. Князя Московскаго и потому является, раздѣленіе молодыхъ служилыхъ людей на дворъ В. Князя и на городскихъ дѣтей боярскихъ.***

Рязанское Княжество уже при Василіи Темномъ подчинилось Москвѣ. Василій Васильевичъ Темный въ 1456 г. взялъ въ Москву на воспитаніе малолѣтняго рязанскаго князя. Іоаннъ III отпустилъ его въ Рязань, потомъ женилъ на сестрѣ своей, на Аннѣ Васильевнѣ. Рязанцы, дорожившіе своею независимостію, успокоились. Іоаннъ даже возвратилъ рязанскому княжеству Пронскій удѣлъ, и пронскіе князья тогда поступили въ бояре къ В. Князю. Въ 1483 г. Василій Ивановичъ скончался, при жизни раздѣливъ свою отчину между двумя сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ. Оба жили недолго. Иванъ оставилъ сына Ивана, Ѳедоръ умеръ бездѣтнымъ и отказалъ свои удѣлъ московскому князю, а не племяннику своему, какъ сказано было въ договорѣ. Такимъ образомъ третья часть рязанскаго княжества, перешла въ руки В. Князя Московскаго. Остальныя двѣ

трети только по имени оставались независимы. Преемнику Іоанна III нетрудно было покончить съ этими остатками.

Княжество Ярославское пользовалось нѣкоторою самостоятельностію до 1463 г. Въ этомъ году князь ярославскій, посредствомъ денежной сдѣлки, уступилъ свое княжество Іоанну III. Въ 1474 г. его примѣру послѣдовалъ князь Ростовскій, владѣвшій половиною Ростова. Одна половина Ростова присоединена была къ Москвѣ еще при Калитѣ.

Внукъ Димитрія Донского Михаилъ Андреевичъ, князь Верейскій, долженъ былъ поневолѣ завѣщать свой удѣлъ Іоанну. Его сынъ, Василій, женатъ былъ на племянницѣ Софьи Ѳоминишны, второй супруги Іоанна. Великая княгиня безъ спроса мужа, отдала племянницѣ какія-то вещи первой жены Іоанна. Онъ такъ за это разгнѣвался, что велѣлъ схватить Василія, а Верею отнялъ, Василій бѣжалъ въ Литву. Іоаннъ Верею возвратилъ Михаилу Андреевичу пожизненно.

Такъ-же суровъ и безпощаденъ былъ Іоаннъ III и къ роднымъ братьямъ своимъ. Въ 1472 г. умеръ его братъ, старшій послѣ него, Юрій Дмитровскій; давши остальнымъ братьямъ ничтожную часть изъ его удѣла, все остальное Іоаннъ взялъ себѣ.

Въ 1488 г., во время нашествія Ахмата, братья—Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій подняли противъ Іоанна оружіе; но, благодаря посредничеству матери и митрополита, примирились. Въ 1481 умеръ Андрей Меньшой, оставивъ все княжество Іоанну.— Въ 1491 г. Андрей Большой Углицкій снова навлекъ на себя гнѣвъ старшаго брата, Іоаннъ приказалъ его схватить и заключить въ темницу, матери ихъ тогда уже не было въ живыхъ. За Андрея сталъ ходатайствовать митрополитъ. Тогда Іоаннъ прямо высказалъ мотивы, которые руководили имъ и въ этомъ и въ другихъ случаяхъ: «Андрей не разъ замышлялъ противъ меня зло; *да это еще бѣ ничего;* но онъ будетъ искать великаго княженія, настанутъ смуты, татары будутъ губить русскую землю, жечь и плѣнять и дань опять наложатъ, и кровь христіанская снова будетъ литься, какъ прежде, *всѣ мои труды будутъ напрасны и вы опять будете рабами татаръ*».

Въ этихъ словахъ самъ Іоаннъ обрисовалъ значеніе своей дѣятельности и ея величіе. Результаты его дѣятельности мирятъ съ нимъ историковъ; но недолжно забывать, что въ горячемъ преслѣдованій идеи объединенія—объединеніе смѣшивалось съ нивеллировкой, что вредно отозвалось впослѣдствіи на развитіи Россіи.

Конецъ татарскому игу, который носитъ у Карамзина пышное заглавіе «Сверженіе Татарскаго Ига», у Соловьева озаглавленъ проще и, что важнѣе еще, гораздо правдивѣе: Спаденіе татарскаго ига. Въ этомъ событіи и вообще въ татарскихъ отношеніяхъ личной инициативы и настойчивости Іоанна не видать; а присущая ему

осторожность едва не надѣлала Россіи бѣдъ. Когда началось княженіе Іоанна III, Орда окончательно раздробилась на три Орды, на три татарскія царства—Золотая, Казанская и Крымская. Кромѣ того отъ устьевъ р. Урала до Чернаго моря бродили шайки татаръ, не признававшія власти ни одного изъ хановъ. Этимъ раздробленіемъ Орды Іоаннъ далеко не воспользовался, насколько было возможно. Къ счастію Іоанна ханомъ Золотой Орды былъ тогда Ахматъ, человѣкъ такой-же ничтожный, какъ и другой его врагъ, Казиміръ Литовскій. Казиміръ, собираясь въ 1471 году, помочь Новгороду, самъ не двигаясь съ мѣста, звалъ на помощь Ахмата. Ахматъ собирался цѣлый годъ и когда, въ 1472 году, выступилъ противъ Іоанна, то встрѣтилъ на берегахъ р. Оки русскіе полки. Ахматъ отступилъ. Отношенія къ Ордѣ были неопредѣленныя, ордынскіе выходы собирались, но изъ нихъ хану доставалась малая часть. Между тѣмъ Іоаннъ пріобрѣлъ въ 1479 г. вѣрнаго союзника въ крымскомъ ханѣ Менгли-Гиреѣ, который сверггнулъ брата Нордоулата. Этотъ Нордоулатъ бѣжалъ въ Литву, оттуда въ Москву. Іоаннъ принялъ его ласково, получивъ въ лицѣ его, на всякій случай, орудіе противъ Менгли-Гирея. Іоаннъ ласкалъ Нордоулата. Въ 1480 г. еще разъ полчища Ахмата двинулись противъ Москвы; но ханъ остановился на берегахъ р. Угры, поджидая Казиміра. На другомъ берегу стояли уже русскіе полки. Самъ Іоаннъ съ іюля по сентябрь, съ главными силами, стоялъ на Окѣ. Онъ былъ въ нерѣшительности, что дѣлать; около него боролись двѣ партіи, во главѣ одной стояли бояре Ощера и Мамонъ, которые уговаривали Іоанна смириться передъ ханомъ, даже называли грѣхомъ возстаніе противъ власти, установленной Богомъ. Но не грѣхъ, конечно, пугалъ Іоанна, а страхъ въ одной неудачной битвѣ потерять плоды своей дѣятельности. Но и этотъ страхъ не оправдываетъ нерѣшительности Іоанна. Въ эту тяжелую минуту героемъ — обличителемъ малодушія Великаго Князя явился Ростовскій епископъ Вассіанъ. Ему помогалъ митрополитъ Геронтій. Геронтій послалъ къ Іоанну на берега Оки грамоту, увѣщевая его твердо стоять за церкви Божіи; благословляя воиновъ, принять мученическій вѣнецъ. Гораздо энергичнѣе было посланіе Вассіана. «Не слушай тѣхъ, писалъ Вассіанъ, которые хотятъ твою честь обратить въ безчестіе, славу въ безславіе, сдѣлать изъ тебя бѣгуна и предателя христіанства. Вспомни слова Христа—блаженъ человѣкъ, иже положитъ душу свою за други». Далѣе Вассіанъ напоминаетъ ему о славныхъ подвигахъ его предковъ, Святослава, Владиміра Св. и Владиміра Мономаха, особенно восхваляя Димитрія Донского. Когда же Іоаннъ, оставивъ войско, пріѣхалъ въ Москву, Вассіанъ, говоритъ лѣтописецъ, «нача злѣ глаголати, бѣгуномъ его называя». Онъ говоритъ Іоанну: «вся кровь христіанская падетъ на тебя—боишься-ли ты смерти, но развѣ ты безсмертенъ? дай въ

мои руки вои твои, и я, старикъ, не уклоню лица своего передъ татарами». Народъ роптал еще сильнѣе, припоминали его строгость въ мирное время, «а нынѣ,» говорили въ народѣ, «разгнѣвалъ царя (хана), да и бѣжалъ». Іоаннъ не остался въ Москвѣ, побывъ нѣкоторое время въ подгородномъ селѣ, онъ отправился къ войску. Между тѣмъ Угра замерзла, и Ахматъ отступилъ въ одну сторону, Іоаннъ въ другую. Но есть другое извѣстіе, именно, что оба войска, долго простоявъ другъ передъ другомъ, объятыя безотчетнымъ страхомъ, разбѣжались. Крымскій ханъ, къ счастію, напавъ на Литву, задержалъ помощь Казиміра.

Съ Казанью военныя столкновенія шли успѣшно. Царь Ибрагимъ съ 1467 по 1479 г. три раза былъ побѣжденъ; въ 1487 г., во время раздора его сыновей Алегама и Махметъ-Аминя, князь Холмскій занялъ Казань. Обстоятельства были благопріятны, удержать не только Казань, но и положить конецъ только-что зародившемуся царству Астраханскому. Но мы удовольствовались безтолковою смѣною казанскихъ царей и не только не удержали Казани, не срыли даже ея укрѣпленій, дали, ей возможность оправиться и 70 лѣтъ еще проливать русскую кровь. Не должно забывать, что въ 1487 г. Золотую Орду окончательно разгромилъ Менгли-Гирей.

Наши наступательныя войны на татаръ, начиная съ Казани, были безрезультатны; ибо еще не выработанъ былъ планъ этого движенія.

То-же было и съ Литовскими дѣлами. Умный и настойчивый до величія въ исполненіи вѣками намѣченной программы, Іоаннъ III неимѣлъ дара иниціативы. Дѣла же литовскія во второй половинѣ XV в. именно требовали дара иниціативы. Онъ принялъ, и то передъ смертію, титулъ господаря всея Руси; но этотъ титулъ унаслѣдовалъ у тѣхъ московскихъ митрополитовъ, которые настаивали на титулѣ кіевскихъ и всея Руси. Здѣсь совершилось только перенесеніе титула всея Россіи съ головы митрополита на голову Великаго Князя. Но что дѣлать далѣе? Программа не была выработана. Неудовольствія православныхъ на Казиміра и въ этомъ вопросѣ давали Іоанну возможность сдѣлать болѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ. Взглядъ нашихъ историковъ на Казиміра различенъ. Кояловичъ, считавшійся спеціалистомъ по исторіи Западной Россіи, восхвалялъ время Казиміра, какъ эпоху преобладанія русскаго элемента въ Литвѣ; проф. Бестужевъ-Рюминъ напротивъ говоритъ, что съ Казиміра началось преслѣдованіе православныхъ, онъ возобновилъ раздѣленіе митрополіи, основалъ въ 1468 г. монастырь Бернардиновъ съ цѣлію обращенія схизматиковъ (православныхъ) въ католичество и запретилъ строить новыя церкви на Волыни и даже починять старыя (Русс. Ист. т. II, стр. 52). Узко-клерикальная политика Казиміра заставила черниго-во-сѣверскихъ князей изъ литовскаго подданства перейти въ московское съ своими удѣлами. Тогда перешли князья Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, потомъ Новосильскіе. Переходы эти вызвали взаимныя

пререканія. Такъ, по поводу перехода князей Одоевскихъ и Воротынскихъ, Іоаннъ писалъ Казиміру: «Вѣдомо королю, что нашимъ предкамъ Великимъ Князьямъ, да и Литовскимъ Великимъ Князьямъ Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши старые слуги къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами, такъ они наши слуги». До 1481 г. Казиміръ поднимаетъ противъ Іоанна Ахмата, но въ этомъ году Ахматъ былъ убитъ. Іоаннъ вздумалъ тогда мириться съ Казиміромъ и послалъ объ этомъ сказать Менгли-Гирею. Такого рода отношенія продолжались до смерти Казиміра, т. е. до 1492 г. Въ этомъ году Польша избрала себѣ въ короли старшаго сына Казиміра, Яна-Альбрехта, а въ Литву Великимъ Княземъ назначенъ былъ Александръ, младшій его сынъ.

Съ Александромъ началась война, и она была столь успѣшна для Великаго Князя Московскаго, что литовскіе паны, испуганные опасностію, которая грозила Литвѣ отъ Великаго Князя Московскаго и отъ Менгли-Гирея, совѣтовали Александру жениться на дочери Іоанна, дабы тѣмъ связать руки послѣднему, Іоаннъ согласился на бракъ, вѣроятно, по совѣту Софьи Ѳоминишны. Выдавъ дочь свою, Елену, за Александра, Іоаннъ обязалъ зятя не принуждать жену къ перемѣнѣ вѣры. Но миръ между тестемъ и зятемъ продолжался не долго, а потомъ пошли преувеличенные слухи о принужденіи Елены къ переходу въ католичество. Но несомнѣнно одно, что отношенія католиковъ къ послѣдователямъ греческой вѣры не измѣнились. Тогда возобновились снова переходы, къ Великому Князю Московскому отошелъ князь Семенъ Бѣльскій, братъ котораго, Иванъ, перешелъ еще при Казимірѣ. Началась война, въ 1500 г. князь Даніилъ Щеня разбилъ и взялъ въ плѣнъ Литовскаго гетмана князя Константина Острожскаго, при Ведрошѣ; крымцы опустошали Литву, но вообще война тянулась медленно, что не только дало возможность Александру оправиться, но и найти себѣ союзника въ Магистрѣ Ливонскаго Ордена, въ Плетенбергѣ. Плетенбергъ два раза, въ 1501 и 1502 г. разбилъ русскихъ, при Изборскѣ и близъ Пскова, чѣмъ онъ отвлекъ силы Іоанна отъ Литвы. Въ 1502 г. Александръ занялъ польскій престолъ. Въ 1503 г. заключенъ былъ миръ, Іоаннъ удержалъ завоеванія, и доволенъ былъ титуломъ государя всея Руси, который не давалъ ему въ данную минуту никакихъ существенныхъ выгодъ. Итакъ, первую войну съ Александромъ кончили ради предстоявшаго бракосочетанія; вторую—паны затянули родственными переговорами. Съ Ливоніей въ 1503 г. также заключено было перемиріе.

Въ 1467 г. умерла первая жена Іоанна III, тверская княжна Марія Борисовна, въ 1472 г. онъ женился во второй разъ, на племянницѣ послѣдняго греческаго императора. Софья Ѳоминишна была дочерью Ѳомы Палеолога, брата Константина XII.—Палеологи, признавшіе флорентинскую унію, нашли убѣжище въ Италіи подъ

покровительствомъ папы. Софья Ѳоминишна воспитывалась въ духѣ флорентинской уніи и потому, выдавая её за Іоанна III, папа надѣялся и его привлечь къ уніи; но надежды папы не исполнились. Софья Ѳоминишна, замѣтивъ чрезвычайную ревность къ православію русскихъ, и сама обнаружила ревность къ греческой церкви, сопровождавшій её папскій легатъ Антоній уѣхалъ ни съ чѣмъ. Выше указано было, какъ постепенно усиливалась власть В. Князя Московскаго послѣ казни Вельямонова. Кромѣ того, Бояре не замѣчали, что это усиленіе зависѣло и отъ измѣненія въ составѣ боярства. Не замѣчая этого, они, гордый и рѣзкій тонъ, принятый Іоанномъ и самое усиліе его власти, приписали Софьѣ. Такое мнѣніе, какъ увидимъ впослѣдствіи, перешло и въ ближайшее потомство боярства. Мнѣніе это преувеличено. Подъ вліяніемъ Софьи введенъ былъ только этикетъ и въ этомъ еще не было-бы большой бѣды. Гораздо вреднѣе были ея интриги доставить престолъ сыну своему и отстранить отъ престола Димитрія, внука Іоанна и Маріи Тверской, сына Іоанна Молодого и Елены Степановны Молдавской.

Бояре и народъ не любили Софьи. Бояре вслѣдствіе вышесказаннаго мнѣнія о ея вліяніи, а народъ ей также приписывалъ разныя строгости и особенно роапталъ на ея поведеніе въ 1480 г., во время нашествія татаръ.—О ея поведеніи во время нашествія Ахмата лѣтопись говоритъ такъ: Въ эту-же зиму воротилась изъ бѣговъ В. К. Софья, *бе бо бѣгала отъ татаръ на Бѣло-Озеро, ее не гонялъ никто-же*. По которымъ странамъ ходила, тамъ отъ боярскихъ холоповъ, сопровождавшихъ её и ея боярынь, народу было хуже, чѣмъ отъ татаръ (Соловьевъ, т. V, примѣч. 123).

Ненависть бояръ противъ Софьи, нелюбовь къ ней народа перенесены были и на Василія, ея сына.

Но у Василія, были свои приверженцы—дьяки, начавшіе съ Іоанна III свою политическую роль, дѣти боярскіе, составившіе заговоръ упрочить за нимъ престолонаслѣдіе. Въ 1498 г. дьякъ Строминовъ извѣстилъ Василія, что Государь хочетъ пожаловать В. Княземъ Димитрія Іоанновича, т. е., внука своего. Дьякъ Строминовъ, дѣти боярскіе Яропкинъ, Поярковъ, Руновъ и приставшіе къ нимъ дьякъ Гусевъ, дѣти боярскіе Щевья-Травинъ, князь Палецкій, во что бы то ни стало, рѣшились отстоять право престолонаслѣдія за Василіемъ. Дьякъ Строминовъ и Гусевъ привели заговорщиковъ къ присягѣ—вѣрно стоять за сына противъ отца. Рѣшено было, чтобы князю Василію отъ отца отъѣхать и, пограбивъ казну В. Князя въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ, расправиться, какъ слѣдуетъ съ Димитріемъ. Но заговоръ былъ открытъ—Василій отданъ подъ стражу, Софья удалена отъ двора, остальныхъ казнили. Самая лютая казнь постигла Яропкина, котораго четвертовали и Пояркова, которому отрубили руки и голову; остальнымъ просто рубили головы.

Димитрій назначенъ былъ наслѣдникомъ престола; но неизвѣстно

при какихъ обстоятельствахъ Софья примирилась съ мужемъ. Вслѣдъ за тѣмъ обнаружилась въ пользу Дмитрія боярская крамола, во главѣ которой стояли князья Патрикѣевы—Гедиминовичи, князья Ряполовскіе, изъ рода князей Суздальскихъ. Патрикѣевы были въ родствѣ съ московскими князьями, дѣдъ старшаго изъ Патрикѣевыхъ женатъ былъ на сестрѣ В. К. Василія Дмитріевича. Это родство спасло ихъ отъ плахи, имъ дозволили постричься; но Ряполовскому отрубили голову. Карамзинъ приводитъ эту казнь въ связь съ примиреніемъ Софьи съ Іоанномъ. Но Іоаннъ опасался передать престолонаслѣдіе тотчасъ-же Василію. Онъ только, по освобожденіи, назвалъ Василія княземъ Новгорода и Пскова. Черезъ три года, когда приверженцы Димитрія успокоились, Іоаннъ внезапно велѣлъ схватить Елену и ея сына и посадить подъ стражу *за нѣкое ихъ прегрѣшеніе*, но за какое неизвѣстно. Димитрія не велѣно было поминать на эктеньѣ, а Василія благословилъ Іоаннъ на великое княженіе.

Въ XIV в. явилась въ новгородской епархіи ересь Стригольниковъ, а въ XV в., такъ называемая, ересь Жидовствующихъ. Онѣ вызваны были отчасти мѣстными причинами, именно фискальнымъ отношеніемъ новгородскаго владыки къ подвѣдомственному ему духовенству. Разными поборами, духовенство новгородской епархіи было закрѣпощено владыкѣ. Каковы были эти поборы лучше всего видно изъ побора. которому, изобрѣтательный финансовой геній sui generis далъ названіе *великоденскаго яйца* т. е. яйца великаго дня, попросту носившій названіе яичной пошлины. Этотъ поборъ возникъ изъ обычая христосованія духовенства съ владыкою въ день пасхи. Съ теченіемъ времени яйцо замѣнено было денежнымъ взносомъ, который удобнѣе, чѣмъ яйца, можно было пересылать изъ отдаленныхъ предѣловъ епархіи. Должно быть этотъ поборъ былъ выгоденъ, потому что онъ удержался и послѣ паденія Новгорода, даже въ XVII в. При извѣстныхъ отношеніяхъ владыкъ новгородскихъ къ Пскову, закрѣпощеніе духовенства нигдѣ такъ не чувствовалось, какъ въ предѣлахъ младшаго брата Новгорода. Не менѣе сильно чувствовался во Псковѣ и другой видъ побора—плата за посвященіе въ попы и дьяконы. Мзда за ставленіе и послужила исходнымъ пунктомъ для ереси стригольниковъ. По поводу мзды за ставленіе псковскіе стригольники начали съ отрицанія всей церковной іерархіи, до патріарховъ включительно. Всѣхъ—и поставлявшихъ, и поставляемыхъ, равно называли еретиками .Отсюда отрицаніе перешло на церковную обрядность, особенно стали возставать противъ тѣхъ церковныхъ службъ, за которыя въ пользу причта собирались поборы, какъ напр. поминовеніе усопшихъ. Стригольники распались на толки. Въ нѣкоторыхъ толкахъ стали критически относиться къ евангелистамъ, къ апостольскимъ посланіямъ. Въ одномъ изъ стригольническихъ толковъ отрицали загробную

жизнь и воскресеніе мертвыхъ. У нѣкоторыхъ толковъ дѣло доходило до чистаго деизма и полнаго отрицанія откровенія. Изъ Пскова стригольники перешли въ Новгородъ, въ новгородскомъ краѣ они особенно нападали на монашество, называя его бѣсовскимъ изобрѣтеніемъ. «Положивъ начало на Руси самородному религіозному умствованію, говоритъ профессоръ Никитскій, ересь стригольниковъ не могла стать въ обществѣ твердою ногою» (Очеркъ Внутренней Исторіи Церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 148). Водворенію ея помѣшали, по мнѣнію ученаго изслѣдователя, двѣ причины: собственная внутренняя слабость и отпоръ со стороны іерерхіи при помощи наказаній. Но, конечно, едвали-бы наказанія подѣйствовали, еслибы стригольничество явилось тѣсно сплоченною сектою. Это были толки, разрозненныя мудрствованія. Главная же слабость стригольничества заключалась въ его отрицательномъ характерѣ, въ томъ, что оно ничего не давало положительнаго, взамѣнъ отрицаемаго.

Названіе свое стригольничество получило по имени одного изъ выдающихся стригольниковъ, дьякона Карпа, ремесломъ стригольника. Думаютъ, что ремесло стригольника состояло въ стрижкѣ овецъ. Въ концѣ XIV в. стригольники разсѣялись, и многіе изъ нихъ укрылись въ Новгородѣ, гдѣ и подготовили почву для возникновенія явленія, извѣстнаго подъ неправильнымъ названіемъ жидовствующей ереси.

Если исходнымъ пунктомъ возникновенія разныхъ толковъ стригольничества были поборы духовенства, то исходнымъ пунктомъ развитія, такъ называемой, Жидовствующей ереси, были возникшіе въ ту пору споры и недоумѣнія по поводу близкаго конца міра.

Изъ всѣхъ суевѣрій, зародившихся на Востокѣ, говоритъ проф. Никитскій, ни одно не пользовалось въ древней Руси такимъ широкимъ распространеніемъ, ни одно не производило такого подавляющаго впечатлѣнія, какъ мрачное суевѣріе касательно близкаго наступленія кончины міра. Мысль о близкомъ наступленіи свѣтопреставленія и втораго пришествія Іисуса Христа сильно занимала умы въ странахъ греческой вѣры и возвращалась, такъ сказать, періодически. Источники, которыми она питалась, лежали частію въ самой жизни, частію-же въ тогдашней книжной учености» (Тамъ же, стр. 254). Такое мрачное ожиданіе было и на Западѣ, тамъ ожидали кончины міра къ концу перваго тысячелѣтія, у насъ кончину міра ожидали черезъ шесть тысячь лѣтъ, а потомъ черезъ семь по сотвореніи міра.—Такое ожиданіе основывалось на словахъ посланія Варнавы о прообразовательномъ значеніи семи дней творенія, ибо для Бога тысяча лѣтъ, яко день—единъ. Въ толкахъ о кончинѣ міра часто употребляли слово вѣкъ; но оно употреблялось не въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ, а именно означало тысячелѣтіе. Сами пастыри церкви пугали свою паству близкимъ вторымъ пришествіемъ Христа; въ 1397 г. Новгородскій архіепископъ Іоаннъ грозилъ приближеніемъ

послѣдняго времени стригольникамъ. Московскій митрополитъ Филиппъ I. винилъ новгородцевъ, что они въ 1471 г., въ концѣ последняго времени, предались Латинскому государю. «Но чѣмъ тяжелѣе ложился этотъ мрачный восточный призракъ на умы массы вѣрующихъ русскихъ, говоритъ г. Никитскій, тѣмъ сильнѣе онъ возбуждалъ противъ себя отпоръ въ умахъ тѣхъ немногихъ, которые уклонялись отъ господствующихъ представленій. Конечно, ихъ было немного, но, кажется, и не такъ мало, какъ думаютъ.—Стригольничество значительно расшевелило умы. Начались сомнѣнія въ предсказанія о свѣто-преставленіи, отъ этого сомнѣнія пошелъ рядъ отрицаній тѣмъ-же путемъ, какъ и въ стригольничествѣ.

Выдающіеся отрицатели вышли большею частью изъ среды духовенства. Священники Денисъ, Алексѣй и бояринъ Тучинъ были изъ первыхъ отрицателей. По тому времени это были люди образованные, у нихъ были книги которыхъ не было у архіепископа Геннадія, какъ напр. «Слово Козьмы Пресвитера противъ Богомиловъ», «Діонисій Ареопагитъ».—Среди нихъ обращалась и книга «Шестокрылъ». Говорили, что её привезъ, въ 1471 г., жидъ и чернокнижникъ Схарія, бывшій въ Новгородѣ съ Михаиломъ Олельковичемъ. Эта книга содержала въ себѣ астрономическія таблицы, по еврейскому лѣтоисчисленію, по которому годовъ отъ сотворенія міра насчитывалось менѣе, чѣмъ по христіанскому. — Всѣ противники ученія о близкомъ свѣтопреставленіи воспользовались этою книгою, какъ орудіемъ въ борьбѣ. Вотъ единственное соприкосновеніе новой ереси съ іудействомъ.

Новую секту обвиняли въ полномъ отступничествѣ отъ христіанства и этого отрицать нельзя. Отрицаніе близкаго втораго пришествія Іисуса Христа повело къ разсужденію о справедливасти втораго пришествія вообще, потомъ повело къ сомненію въ личности Христа. Они отрицали воплощеніе и Троицу, отрицали будущую жизнь. Далѣе говорится, что они отрицали почитаніе иконъ, святыхъ, монашество, обряды, послѣднія отрицанія само собою слѣдовали изъ первыхъ. Полное отрицаніе христіанства, но гдѣ-же жидовство? Такое-же отрицаніе встрѣчаемъ и у стригольниковъ въ XIV в., у которыхъ совсѣмъ не было соприкосновенія съ іудеями. Еретиковъ обвиняли, что они, подобно Іудеямъ, ожидали Мессію, но тѣже обвинители сообщаютъ такія стороны ученія еретиковъ, которыя вполнѣ уничтожаютъ обвиненіе въ ожиданіи Мессіи. Такъ, по словамъ ихъ обвинителей, они говорили, что спасеніе рода человѣческаго черезъ Сына Божія недостойно божества, какъ и рожденіе отъ Дѣвы и его воскресеніе.—Они не говорили, что Мессія еще не явился, а говорили, что Христосъ былъ пророкъ, подобный Моисею, чего не сказали-бы Іудеи.—Наконецъ, у еретиковъ не существовало и обрѣзанія. Тѣ-же обвинители не особенно доказательно говорили, что между еретиками были невѣрующіе матеріалисты и

указывали на митрополита Зосима, который будто-бы говорилъ, что апостольскіе уставы—вздоръ, что ни царства небеснаго, ни воскресенія мертвыхъ не будетъ. Если что нибудь похожее на это говорилъ митрополитъ, то въ его мнѣніяхъ видна не ересь, а полное отрицаніе религіи.

На толки о второмъ пришествіи не обращали въ Москвѣ никакого вниманія. Въ это время какъ разъ произошла размолвка В. Князя съ митрополитомъ Геронтіемъ. Причина размолвки лежала въ неудовольствіи Іоанна на сопротивленіе митрополита волѣ В. Князя въ спорѣ Вассіана, еп. Ростовскаго, съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ; сторону монастыря принялъ митрополитъ, сторону Вассіана—Іоаннъ.—Митрополитъ воспользовался вмѣшательствомъ В. Князя въ обрядовый вопросъ—какъ ходить, при освященіи церкви, по солнцу или противъ солнца, оставилъ Кремль и выѣхалъ на житье въ Симоновъ монастырь. Большая часть духовенства, начетчики и миряне стали за митрополита, только нѣсколько лицъ изъ духовенства стали на сторонѣ Іоанна. В. Князь принужденъ былъ смириться и ѣздилъ къ Геронтію бить челомъ. Митрополитъ смиловался, но нашелъ случай еще разъ унизить В. Князя. Въ числѣ немногихъ сторонниковъ Іоанна былъ чудовскій архимандритъ Геннадій. Геронтій за ничтожную вину, за то, что Геннадій дозволилъ монахамъ, поѣвши, пить богоявленскую воду, велѣлъ сковать его и посадить на цѣпь въ ледникъ. В. Князь долженъ былъ вкупѣ съ боярами просить митрополита смиловаться надъ Геннадіемъ. Этого то Геннадія поставили архіепископомъ въ Новгородъ въ 1484 г.—Руководители сектантовъ, священники Алексѣй и Діонисій, еще въ 1480 г., лично Іоанномъ переведены были въ Москву и пріобрѣли тамъ такое вліяніе, что передъ смертію Алексѣй склонилъ въ 1489 г. В. Князя, на мѣсто умершаго Геронтія, назначить Симоновскаго архимандрита Зосиму.—Очень можетъ быть, что Геннадій ожидалъ это мѣсто для себя.

Въ Новгородѣ Геннадій напалъ на слѣдъ мнимо жидовствующей ереси и началъ съ нею борьбу. Нѣкоторые изслѣдователи видѣли въ этой сектѣ оппозицію новгородцевъ, и вообще стараго порядка, самовластію Іоанна.—Но такому мнѣнію противорѣчатъ факты: во первыхъ, оппозиція новгородская сосредоточивалась въ монастыряхъ, а еретики были противъ монашества вообще и въ частности противъ владѣнія монастырями населенными имѣніями. Этимъ послѣднимъ пунктомъ въ Москвѣ были очень довольны, почему В. Княгиня Елена Степановна и покровительствовала еретикамъ; во вторыхъ къ этой ереси причислялись и люди, близко стоявшіе къ Іоанну,—какъ напримѣръ любимый дьякъ его, Ѳедоръ Курицынъ и другіе, новгородскій бояринъ Тучинъ былъ приверженецъ Москвы и т. д. Распря Іоанна съ митрополитомъ еще болѣе объясняетъ, почему въ Москвѣ больше чѣмъ снисходительно смотрѣли на распростране-

ніе ереси. «Не смотря на то», говоритъ пр. Никитскій, «что церковная іерархія являлась дѣятельнымъ помощникомъ Великихъ Князей Московскихъ при собираніи русской земли и при установленіи самодержавія, теперь, когда эта задача была уже исполнена въ существенныхъ чертахъ, В. Князья стали тяготиться опекой». Выше указано было, какъ изъ грамотъ договорныхъ мало-по-малу вычеркнули слова: *съ благословенія митрополита.* Геннадій настоялъ, чтобы въ 1490 г. на соборѣ разсмотрѣли дѣло еретиковъ, многіе священники, дьяконы, дьячки были, по указанію Геннадія, преданы суду, они ни въ чемъ не сознались, но ихъ предали проклятію и заточили. Геннадій этимъ не удовольствовался и призвалъ къ себѣ на помощь Іосифа Санина, настоятеля Волоколамскаго монастыря. Характеръ Іосифа Волоцкаго хорошо очерченъ Соловьевымъ: «Іосифъ оставилъ Пафнутьевъ монастырь, гдѣ онъ постригся, посѣтилъ многіе монастыри, выбирая уставъ построже, наконецъ рѣшился основать свой. Онъ не любилъ останавливаться на полдорогѣ, запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братіею, онъ самъ себѣ не позволилъ видѣться съ матерью. (И. Р. т. V, стр. 269).—Каковъ былъ уставъ Пафнутьевскаго Боровскаго монастыря видно изъ того, что когда туда пришелъ Санинъ, онъ засталъ братію за работой—монахи копали землю и обтесывали камни и потомъ безъ отдыха шли въ церковь; и такой уставъ не удовлетворилъ Санина. Со всей энергіей жестоко суроваго аскетизма, безсердечнаго, не знающаго пощады, началъ Іосифъ Волоцкій борьбу съ ересью; но и онъ мало имѣлъ успѣха до тѣхъ поръ, пока при дворѣ не произошло перемѣны, пока Софія Ѳоминишна не примирилась съ мужемъ. До тѣхъ поръ ему удалось только свергнуть Зосима. Іосифъ, настаивая на необходимости новаго розыска, совѣтовалъ даже пускать въ ходъ хитрость, прикидываться для вывѣдыванія еретиковъ ихъ единомышленниками. Софья Ѳоминишна, изъ противодѣйствія Еленѣ, приняла его сторону. Въ тоже время умеръ заступникъ еретиковъ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Іосифъ добился личнаго свиданія съ Іоанномъ. Іоаннъ, напуганный первою неудачною борьбою съ митрополитомъ, осаждаемый со всѣхъ сторонъ настояніями казнить еретиковъ, въ 1504 г. созвалъ новый соборъ. Этотъ соборъ осудилъ на казнь сожженія въ Москвѣ—дьяка Волка-Курицына, Коноплева, Максимова; въ Новгородѣ—Юрьевскаго архимандрита Касьяна, и другихъ.

Во время борьбы съ ересью Іосифъ Волоцкій дѣйствовалъ не только личнымъ своимъ вліяніемъ, но и рядомъ поученій, всѣхъ ихъ шестнадцать.—Эти поученія собраны въ одну книгу, подъ заглавіемъ Просвѣтитель. Въ предисловіи Іосифъ излагаетъ исторію ереси по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя до него доходили.

Нельзя назвать Іосифа строго-ученымъ богословомъ (см. Никитскаго, стр. 180), въ своихъ разсужденіяхъ онъ одинаково приводитъ

мѣста изъ каноническихъ книгъ Священнаго Писанія на ряду съ мѣстами изъ апокриѳическихъ сказаній Палеи, Еноха Праведнаго. Но Іосифъ былъ большой начетчикъ, обладавшій громадной памятью, знавшій наизусть цѣлыя чтенія изъ Библіи, Евангелія, апостольскихъ и отеческихъ сказаній.—Представитель русскихъ книжныхъ людей того времени, онъ съ ненавистью относился къ свѣтскому знанію. Какъ и всѣ они, Іосифъ говорилъ: «все, что не отъ писанія, все отъ дьявола».—Такія поученія дѣйствовали страшно вредно, иностранцы, впослѣдствіи, не зная источника, дивились, откуда у русскихъ такая ненависть къ знанію, къ наукѣ. Іосифа призвалъ на борьбу противъ Жидовствующихъ Архіепископъ Новгородскій Геннадій.—Если Іосифъ дѣйствовалъ въ духѣ Торквемады, то Геннадій, призывая кары на еретиковъ, прямо указывалъ на примѣръ испанскаго короля Фердинанда. Вообще Геннадій былъ близокъ къ латинству. Такъ, задумавъ собрать книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и не найдя въ русскихъ книгохранилищахъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ съ греческаго, онъ велѣлъ перевести недостающія книги съ латинскаго изъ Вульгаты. Переводъ сдѣланъ былъ славяниномъ латинскаго исповѣданія, *Доминиканцемъ* Веніаминомъ. Этотъ-же доминиканецъ составлялъ и списокъ книгъ Св. Писанія. Присутствіе въ числѣ сотрудниковъ Геннадія доминиканца, т. е. латинскаго монаха изъ Ордена, который создалъ инквизицію, знаменательно. Геннадій жаловался на безграмотность новгородской земли, говоря: «приведутъ ко мнѣ мужика, *велю ему читать Апостолъ, онъ ступить не умѣетъ*, велю читать псалтырь кое-какъ, бредетъ».

Жалобамъ Геннадія на абсолютную безграмотность новгородской земли отказывается вѣрить такой осторожный изслѣдователь, какъ проф. Бестужевъ-Рюминъ. (См. его Р. И. т. I, стр. 360—361).

Геннадій не заслужилъ любви и довѣрія своей паствы, и потому вѣроятно, грамотныя люди не хотѣли ставиться у него въ священники. Онъ не находилъ поддержки и сверху. Въ 1503 г. онъ былъ низложенъ и умеръ въ Чудовомъ монастырѣ. Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ онъ нажилъ много враговъ даже своей непростительной довѣрчивостію къ свѣдѣніямъ, которыя онъ получалъ о еретикахъ. Такъ онъ повѣрилъ, или хотѣлъ повѣрить, что попъ Денисъ плясалъ вокругъ алтаря.

Что касается до Іосифа Волоцкаго, то покончивъ борьбу съ такъ называемою ересью Жидовствующихъ, онъ выступилъ борцомъ за монастырскія имущества. Современникъ Іосифа, Нилъ Сорскій, изъ рода Майковыхъ, основатель пустыни на р. Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кирилло-Белозерской обители, сильно возставалъ и противъ наружнаго благочестія монаховъ, и противъ стяжательности ихъ. Монахи, по его ученію, должны были питаться трудами рукъ своихъ. На соборѣ 1503 г. его мнѣніе встрѣтилось съ противоположнымъ

мнѣніемъ Іосифа. Іосифъ Волоцкій перевелъ вопросъ на практическую почву. Онъ доказывалъ, что монастыри служатъ мѣстомъ воспитанія лицъ, занимающихъ высшія іерархическія мѣста. На соборѣ мнѣніе Іосифа одержало верхъ. Властолюбивый руководитель іерарховъ, стоявшихъ за монастырскія имущества, думалъ навѣки закрѣпить этотъ институтъ, заранѣе проклявши всѣхъ, посягавшихъ на церковныя имущества. Положено было на первой недѣлѣ поста возглашать:—«Всѣ начальствующія и обидящія святыя Божія церкви и монастыри, отнимающе у нихъ села и винограды, аще не престанутъ отъ такого начинанія, да будутъ прокляты». Но въ томъ-же XVI ст. Грозный показалъ полное игнорированіе этого проклятія. Замѣчательно, что когда дѣло касалось мнѣній неугодныхъ Іосифу, онъ не стѣснялся отеческими и апостольскими преданіями. Такъ онъ требовалъ, чтобы вдовые священники или постригались, или оставляли священство. Когда ему возразили, что апостольскія и отеческія преданія этого не требуютъ; онъ сказалъ, что эти преданія не незыблемы, что ихъ можно измѣнять въ интересахъ церкви. Несмотря на рѣшеніе Собора, полемика, по поводу монастырскихъ имуществъ, продолжалась. Союзникомъ Нила Сорскаго (1508 г.) явился Вассіанъ Косой, во міру кн. Патрикѣевъ, сохранившій неукротимую энергію и подъ монашеской рясой.—Іосифъ говоритъ о пользѣ, которую монастыри приносятъ крестьянамъ. Вассіанъ-же говоритъ,—что крестьяне въ монастырскихъ селахъ страдаютъ отъ нищеты, отъ разныхъ работъ и налоговъ, и находитъ это противнымъ заповѣди о любви къ ближнимъ, которую иноки прежде всего должны были имѣть въ виду.

Движенія, возбужденныя стригольниками и, такъ-называемою, жидовскою ересью, едва-ли были опасны христіанству, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ Порфирьевъ, авторъ исторіи Русской Словесности; но, безъ сомнѣнія, они-бы только освѣжили умственную атмосферу и избавили-бы церковь нашу отъ массы апокрифическихъ сказаній.—Можетъ-быть, образовалась-бы небольшая отдѣльная секта и то въ такомъ только случаѣ, если-бы такъ-называемая жидовствующая ересь представляла что-либо цѣльное.

Несомнѣнно одно, что подобныя движенія могли грозить серьезною опасностію только обычаю владѣть монастырямъ имуществами, противъ чего была и свѣтская власть. Мы видѣли, что, при покореніи Новгорода, Іоаннъ секуляризовалъ владѣнія шести главныхъ монастырей, а передъ пріѣздомъ Геннадія въ Новгородъ, слѣдовательно и передъ самымъ соборомъ, предавшимъ секуляризаторовъ анаѳемѣ, секуляризація повторилась *).

---

*) О такъ-называемой жидовской ереси весьма большая литература. Смотри объ этомъ въ образцовомъ критическомъ изслѣдованіи покойнаго проф. Русской Исторіи въ Варшавѣ А. Никитскаго, на котораго мы часто ссылались. «Очеркъ Внутренней Исторіи Церкви въ Великомъ Новгородѣ». Въ концѣ книги

Умственное движеніе XV в., особенно второй его половины, проявилось и въ другихъ сферахъ, кромѣ церковной. Отъ начала XV в. осталось путешествіе суздальскаго іеромонаха Симеона, ѣздившаго на Флорентинскій соборъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ. Онъ съ удивленіемъ описываетъ водопроводы, фонтаны, въ видѣ статуй, всѣ произведенія искусства и механики; въ Венеціи и Флоренціи ему больше всего понравились храмы. Товарищъ Симеона, Авраамій, описалъ мистерію Благовѣщеніе Пресв. Дѣвы, которая ему очень понравилась. Но гораздо любопытнѣе «Путешествіе Аѳанасія Никитина, тверскаго купца, въ Индію, отъ 1466 г. до 1472». Онъ умеръ на обратномъ пути въ Смоленскѣ. Въ Индіи Никитинъ болѣе всего обращаетъ вниманія на вѣру. Всѣхъ вѣръ онъ насчитываетъ до 84-хъ, при вѣрѣ въ одного Буту, т. е. Будду. Вѣра съ вѣрою не пьютъ, не ѣдятъ, не женятся. Простодушный странникъ довѣрчиво принималъ всякіе разсказы, такъ онъ сообщаетъ о какой-то птицѣ, которая, если сядетъ на чей-нибудь домъ, то въ домѣ непремѣнно кто-нибудь умретъ. Замѣчательнѣе всѣхъ этихъ сказаній: «Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда», написанная, вѣроятно, вскорѣ послѣ паденія Восточной Имперіи, въ княженіе Василія Темнаго. Магометъ II изображается мудрымъ правителемъ, который творитъ правый судъ и наказываетъ неправыхъ судей. Магометъ II такъ разсуждаетъ: «въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруга не смѣлы: *ибо порабощенный человѣкъ срама не боится*— чести себѣ не добываетъ; а въ царствѣ Константина и у вельможъ его, лучшіе люди всѣ порабощены были въ неволю». Составитель повѣсти говоритъ, что греки утѣшаются русскимъ царствомъ; но замѣчаетъ, что и въ русскомъ царствѣ мало правды, съ паденіемъ которой пало греческое царство. «Было-бы жить отрадно, кабы съ русской вѣрой, да турецкая правда была...» замѣчаетъ повѣствователь. «Видно сильна была неправда въ русскомъ царствѣ, что и турецкая правда представлялась повѣствователю образцовою. (И. Рус. Сл. Ч. 1, стр. 480).

Естественно, что по мѣрѣ объединенія восточнорусскихъ земель подъ властію Москвы, послѣдняя распространялась въ объемѣ и лучше обстраивалась. Перестройка старыхъ и воздвиженіе новыхъ зданій повели къ сближенію съ Западною Европою вслѣдствіе недостатка собственныхъ мастеровъ. Началось съ Успенскаго собора, построен-

---

въ числѣ приложеній помѣщенъ разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ. Сервицкій былъ первымъ изслѣдователемъ, который въ Православномъ Обозрѣніи, посмотрѣлъ на жидовскую ересь, какъ на мѣстный продуктъ, чему послѣдовалъ и проф. Никитскій, развивая полнѣй идею Сервицкаго. Онъ не согласенъ съ Сервицкимъ въ одномъ пунктѣ: послѣдній смотритъ на жидовскую ересь, какъ на аггрегатъ различныхъ, часто несходныхъ мнѣній и едва-ли въ этомъ пунктѣ Сервицкій не правъ.

наго при Калитѣ, и оказавшагося очень тѣснымъ. Митрополитъ Филиппъ I поручилъ московскимъ мастерамъ, разобравъ старый храмъ, построить новый, болѣе обширный. Но, при митрополитѣ Геронтіи, зданіе, доведенное до сводовъ, рухнуло вслѣдствіе того, что внутри стѣнъ сыпали мусоръ и заливали плохо приготовленною жидкою известью. Тогда Іоаннъ отправилъ Толбузина въ Венецію, пригласить искуснаго итальянскаго строителя. Толбузинъ пригласилъ строителя Аристотеля Фіоравенти, за 10 р. въ мѣсяцъ. Фіоравенти окончилъ построеніе новаго храма къ 1479 г. Кромѣ Успенскаго собора, при Іоаннѣ III передѣланы: придворный Благовѣщенскій соборъ и усыпальница русскихъ государей, Архангельскій соборъ. Вслѣдъ за храмами началась постройка каменныхъ палатъ для Великаго Князя и бояръ. Тогда на великокняжескомъ дворѣ построена Грановитая Палата. Всѣ постройки исполнены были итальянскими мастерами, Фрязиными. Были-ли эти Фрязины изъ одного семейства, или такъ назывались по итальянской національности, это частный вопросъ. Разъ залучивъ къ себѣ иностранныхъ мастеровъ, Іоаннъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ, вслѣдствіе чего имъ было трудно, а иногда и невозможно выбраться изъ Россіи. Это испыталъ и Аристотель; но особенно печальна судьба иноземныхъ медиковъ. Лекарь Леонъ взялся вылечить Іоанна Молодого и, когда онъ умеръ, вопреки ожиданію медика, послѣдняго казнили. Такой-же судьбѣ подвергся лекарь Антонъ, не вылечившій татарскаго царевича, сына Даньяра.

Объединеніе Восточной Россіи вызвало изданіе общаго Судебника. Судебникъ былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ и въ 1497 г. утвержденъ Великимъ Княземъ и Боярскою Думою. Хотя въ основу и легли Русская Правда, Областные Уставы, и Судныя Грамоты; но характеръ наказаній свидѣтельствовалъ о жестокости эпохи—такъ въ Судебникъ включена смертная казнь и, что еще хуже, по дурному вліянію на нравственность, торговая казнь—битье кнутомъ на торгу. Введена-ли была въ Судебникѣ пытка, объ этомъ судятъ различно, смотря по тому, какъ понимать слово *пытати*, какъ пытку или какъ простое слѣдствіе. Въ областяхъ былъ судъ намѣстническій и волостельскій. Намѣстники и волостели были двухъ родовъ,—однимъ давались области въ кормленіе съ судомъ боярскимъ; другимъ безъ боярскаго суда. Первые назначались въ первостепенные города—въ Новгородъ, Тверь, недавно вошедшіе въ составъ Московскаго государства и въ Нижній-Новгородъ, пограничный съ враждебнымъ царствомъ Казанскимъ. Эти города и волости ихъ состояли, говоря нынѣшнимъ языкомъ, на военномъ положеніи; поэтому намѣстникамъ этихъ городовъ предоставлено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ право казнить смертію. Однако должно отдать справедливость Судебнику: онъ взялъ подъ свое покровительство крестьянъ.

Въ Западной Руси, современно Московскому Судебнику, явился Судебникъ Казиміра Ягайловича. Въ основѣ его лежитъ также Русская Правда и въ немъ щедро расточается смертная казнь; но, вообще, весь строй его мягче Московскаго Судебника, какъ мягче были въ Западной Руси и всѣ формы общественныхъ отношеній.

Обстоятельства сдѣлали Іоанна III, умѣвшаго ими пользоваться, неограниченнымъ властителемъ; но было-бы ошибочно полагать, что его тогда уже въ этомъ смыслѣ называли самодержцемъ. Такое утвержденіе предупреждаетъ исторію, какъ выразился проф. Ключевскій. Московскій митрополитъ, Симонъ, назвалъ его самодержцемъ; но тогда съ словомъ самодержецъ соединялось понятіе о независимомъ государѣ, понятіе самодержецъ противополагалось понятію—(вассалъ) Оно и понятно, что самодержцемъ стали называть Великаго Князя, при которомъ кончилось татарское иго Митрополитъ-же назвалъ его и царемъ, но бояре такъ его не титуловали. Только одинъ Палеологъ, вѣроятно, изъ дальнихъ родственниковъ Софьи Ѳоминишны, писалъ къ нему такъ: «Наияснѣйшему и Высшему *Господу*, *Господу* Ивану Васильевичу, царю всея Руси и Великому Князю и пр. Но должно думать, что и льстивый Грекъ употребилъ слово *Господу* по незнанію, вмѣсто слова Господинъ. Самъ себя Іоаннъ назвалъ царемъ только одинъ разъ въ грамотѣ къ одному крымскому іудею. Такъ онъ себя однажды назвалъ и Іоанномъ въ грамотѣ къ Великому Князю Литовскому, постоянно-же называлъ себя Иваномъ. Осторожный Іоаннъ III, конечно, понималъ значеніе царскаго титула, но принятіе его находилъ преждевременнымъ, вѣроятно, опасаясь взволновать удѣльную старину, еще долго и послѣ не вымиравшую въ умахъ и сердцахъ княжатъ отъ племени св. Владиміра.

При постепенномъ развитіи силы и значенія московскаго княжества и московскихъ князей, указано было, какую роль играло московское боярство, представлявшее тѣсно сплоченную стѣну. Но сплоченность старо-московскаго боярства стала разрушаться, когда въ среду его начали болѣе и болѣе входить, выражаясь языкомъ Андрея Курбскаго, княжата отъ племени Св. Владиміра и княжата отъ племени Гедимина.

Профессоръ Ключевскій, въ своемъ изслѣдованіи о Боярской Думѣ говоритъ: «Появленіе князей при московскомъ дворѣ всего болѣе и сообщало здѣшнему хозяину значеніе національнаго государя всей Руси и блескъ князя всѣхъ князей русскихъ. Они являлись сюда не побѣжденными врагами и не случайными наемниками, а добровольными и усердными поборниками *идеи*, бывшей преданіемъ, завѣтнымъ помысломъ московскаго княжескаго дома. Допущенные ко власти, они не могли внести въ правительство стремленій, враждебныхъ тому, во имя чего они пришли въ Москву съ своими вотчинами, пожертвовавъ удѣльною самостоятельностію или

привольною литовскою зависимостію. Они, слѣдовательно, (?) продолжали образъ дѣйствій московскихъ бояръ XIV в.» (Боярская Дума, стр. 256).

Опровергать эту тираду шагъ за шагомъ, значило-бы снова переписать русскую исторію до Іоанна III. Не говоря о томъ, что въ Москву приходили большею частію обѣднѣвшіе князья; откуда слѣдуетъ, что они въ Москвѣ стали думать о благѣ всей русской земли? Когда они прежди думали объ этомъ благѣ, и чѣмъ это выразилось? Развѣ тѣмъ, что предки ихъ то и дѣло наводили сначала половцевъ, а потомъ и татаръ? До XIV в. связь между русскими землями поддерживалась Церковью, въ XIV в. идея единства русской земли выразилась, какъ уже было сказано, въ титулѣ митрополита. Эту идею и наслѣдовали московскіе князья. Старое московское боярство, потомство дружинниковъ, по своимъ видамъ ее поддерживало. Потомки удѣльныхъ князей, вступившіе въ ряды московскаго боярства естественно шли по теченію; но сущность дѣла всетаки заключалась въ томъ, что приливъ князей на службу московскаго государя вызвалъ небывалый до этого разладъ въ московскомъ боярствѣ. Разладъ этотъ *поддерживался*. Уже при Василіи Темномъ Гедиминовичи Патрикѣевы и княжата отъ племени Св. Владиміра, Ряполовскіе и Оболенскіе заняли первое мѣсто. Послѣ ихъ паденія при Иванѣ, ихъ мѣсто заняли князь Василій Даниловичъ Холмскій, зять Ивана III и князь Даніилъ Щеня, племянникъ Ивана Патрикѣева. Соловьевъ говоритъ, что между воеводами, участвовавшими въ Ведрошской битвѣ, было одинадцать князей и только пять именъ безъ княжескаго титула (Т. V, 221 стр.). Только одна боярская фамилія удержалась въ первыхъ рядахъ, фамилія потомковъ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ. Яковъ Захаровичъ Кошкинъ былъ воеводою коломенскимъ, а его братъ, Юрій, велъ мѣстническій споръ съ княземъ Щенею—Патрикѣевымъ и былъ первымъ намѣстникомъ Іоанна въ Новгородѣ послѣ паденія этого города. Это былъ намѣстникъ суровый и крутой, по указанію котораго совершилось третье выселеніе новгородцевъ.

Кромѣ Кобылиныхъ—Кошкиныхъ—Захарьиныхъ — Юрьевыхъ, предковъ Романовыхъ, по указанію Соловьева, играли выдающуюся роль слѣдующіе боярскіе роды: Акинфіевъ родъ, Челядни, Басенокъ, Ощера, Мамонъ, Ховрины, потомки какого-то греческаго князя и Головины, отрасль Ховриныхъ. Не смотря на это, говоритъ тотъ-же историкъ, князья стояли выше бояръ, напр. Грамота Московскихъ бояръ къ панамъ Литовскимъ начиналась такъ: «Отъ князя Василія Даниловича, воеводы Московскаго, отъ князя Данилы Васильевича, воеводы В. Новгорода, и отъ Якова Захарьевича, воеводы Коломенскаго и отъ всѣхъ князей и бояръ и отъ окольничихъ, Рады (думы) Іоанна, Божіею Милостію Государя всей Руси братіямъ и пріятелямъ и пр. (И. Р. т. V, стр. 221—222). Тотъ-же

историкъ указываетъ еще одно важное историческое явленіе. Князья, вступившіе въ службу къ В. Князю Московскому *или его удѣльнымъ*, вошли въ составъ старшей Дружины или «Боярства», и потому назывались боярами.

Но, должно добавить, что боярами не назывались князья, вступившіе на службу къ князьямъ не изъ рода Калиты. Эти князья, переходя на службу къ московскому князю, вступали въ ряды младшихъ дружинниковъ—дѣтей боярскихъ или дворянъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній въ Московскомъ боярствѣ образовалось два слоя: первый слой—потомство старыхъ московскихъ дружинниковъ, которые такъ много, вмѣстѣ съ митрополитами и князьями, содѣйствовали возвышенію Москвы; въ рядахъ перваго слоя не могли удержаться даже знатные Тверскіе бояре. Такъ, Тверской бояринъ Житой-Бороздинъ перешелъ на службу къ Ивану III бояриномъ, но сына его, при Василіи III, переписали по Тверскому боярству; второй слой—потомки князей изъ дома Св. Владиміра и потомки князей изъ дома Гедимина. Послѣднихъ особенно ласкали князья московскіе, не только изъ видовъ на Западную Русь, какъ думаетъ пр. Сергѣевичъ, но еще болѣе изъ желанія противопоставить ихъ княжатамъ отъ племени Св. Владиміра. Послѣдствія этой политики обнаружились ясно въ малолѣтство Грознаго.

Іоаннъ III же и положилъ начало превращенію дружинниковъ въ служилыхъ людей. Въ 1474 г. взята была съ князя Даніила Холмскаго крестоцѣловальная запись, за поручительствомъ Геронтія и епископа. Холмскій клялся *служить* Іоанну и дѣтямъ его до смерти и *не отъѣхать* ни къ кому другому. Князь Оболенскій—Лыко, намѣстникъ въ Великихъ Лукахъ, былъ отданъ подъ судъ, по жалобѣ жителей, за грабительство. Оболенскій *отъѣхалъ* къ брату Іоанна, къ Борису Волоцкому. Іоаннъ приказалъ его схватить въ собственномъ его помѣстьѣ и въ оковахъ привести въ Москву. Этотъ фактъ показалъ, что къ В. Князю отъѣхать было можно; но что право вольнаго отъѣзда обратнаго, къ удѣльному князю, кончилось. Іоаннъ III умеръ въ 1505 г., его вторая жена Софья Ѳоминишна умерла въ 1503 г., невѣстка его Елена Степановна Молдавская, съ тоски и горя, умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Іоанна III.

Относительно дружиннаго сословія должно замѣтить: при присоединеніи удѣльныхъ княжествъ дворы ихъ князей не сливались съ дворомъ В. Князя Московскаго и потому видимъ раздѣленіе служилыхъ людей на дворъ В. Князя и на дѣтей боярскихъ городовыхъ; впослѣдствіи на дворянъ московскихъ и городовыхъ.

ГЛАВА X.

Между двумя Іоаннами, между двумя Грозными, стоитъ угрюмая, безсердечная фигура—истинно московскаго дѣльца, Василія. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ онъ докончилъ дѣло отца своего, Іоанна III—уничтоженіе послѣднихъ остатковъ удѣльной самостоятельности; однако не безъ страха за будущее, оставлялъ престолъ своему сыну Іоанну IV Грозному.

Василій III Іоанновичъ (1505—1533) началъ княжить уже достаточно ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; поэтому и понятно, что процессъ окончательнаго объединенія восточной Руси въ главныхъ чертахъ совершился тѣмъ же порядкомъ, какъ и при отцѣ его; только сынъ въ хладнокровіи. равно какъ и въ искусствѣ разставленія сѣтей противникамъ, превзошелъ отца.

Іоаннъ III, какъ выше было указано, оставилъ Пскову только тѣнь независимости; Псковичи-же не понимали, что дѣлается вокругъ нихъ. Іоаннъ III, помирившись съ Софьей, желалъ вывести изъ опалы своего сына Василія, и назвалъ его княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ. Псковичи приняли это назначеніе въ серьезъ и, высказывая нежеланіе снова стать въ роль новгородскаго пригорода, отправили посольство къ Іоанну, требуя, чтобы В. К. Московскій оставался въ то же время и Псковскимъ. Іоаннъ III наружно разгнѣвался, но въ сущности остался, конечно, доволенъ. Въ 1494 г. мистификація кончилась. Василій назначенъ былъ наслѣдникомъ Московскаго престола, но и тогда псковичи едва-ли поняли, какую смѣшную роль розыграли. Вся эта мистификація черезъ десять лѣтъ послужила Василію Іоанновичу предлогомъ къ уничтоженію формальной независимости Пскова. Но и кромѣ мнимаго оскорбленія Василія, выразившагося будто-бы въ непризнаніи его псковскимъ княземъ при жизни отца, предлоговъ было довольно и въ безурядицѣ, царившей во Псковѣ, въ послѣдніе годы его независимости. Василій не могъ опасаться неуспѣха при окончательномъ уни-

чтоженіи тѣни псковской независимости; но, опасаясь ненужныхъ смутъ и лишняго кровопролитія, В. К. Василій принялъ мѣры, чтобы отнять у Пскова всѣ средства къ дѣятельному сопротивленію. Псковичи не ладили съ своими намѣстниками. Василій еще болѣе усилилъ этотъ разладъ. Въ 1509 г. онъ послалъ намѣстникомъ во Псковъ князя Рѣпню-Оболенскаго, характеръ котораго ручался, что разладъ усилится еще болѣе; онъ своими вымогательствами вызвалъ сильныя жалобы псковичей. Въ октябрѣ 1510 г. Василій прибылъ въ Новгородъ, съ огромною военною свитой. Псковичи отправили въ Новгородъ двухъ посадниковъ и бояръ съ жалобами и дарами. Василій обѣщался жаловать и боронить свою отчину, Псковъ, и обвинить князя Рѣпню, когда соберутся обиженные имъ жалобщики. Говорилъ-же онъ такъ, по замѣчанію лѣтописца, лукавствуя ими и играя, яко безумными. Жалобщики наѣзжали все болѣе, и Василій твердилъ: «только копитися жалобщики, на крещенье всѣмъ дамъ управу». Въ крещеніе жалобщики собрались, по приказанію Московскихъ бояръ, на владычномъ дворѣ. Московскіе бояре ввели посадниковъ, псковскихъ бояръ и купцовъ во дворецъ, молодыхъ-же людей оставили на дворѣ. Когда, такимъ образомъ, боярство и купечество отдѣлено было отъ посадскихъ людей, тогда за знатными Псковичами крѣпко замкнулись двери дворца и московскіе бояре проговорили обычную Московскую формулу:—«Поиманы есте Богомъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси». Одинъ псковичъ везъ въ Новгородъ товаръ и на пути, узнавъ о случившемся, бросилъ товаръ и возвѣстилъ Пскову о печальной участи пословъ. Трудно передать ужасъ, охватившій простодушныхъ псковичей. Стали разсуждать, ставить-ли щитъ противъ В. Князя? Готовиться-ли къ оборонѣ?—Пока разсуждали, изъ Новгорода прибылъ псковскій купецъ Минухинъ, присланный московскими боярами. Онъ сообщилъ, что В. Князь думалъ возложить на нихъ опалу за неправду судей—посадниковъ, но что онъ милуетъ ихъ, требуя только снятія вѣчеваго колокола и полной покорности. О сопротивленіи и думать было нельзя, ибо и ратные вожди, и мужи совѣта были въ рукахъ у В. Князя. Просьба о пощадѣ не была выслушана, вмѣсто того прибылъ во Псковъ дьякъ Далматовъ. 12 января Дьякъ Далматовъ возвѣстилъ Пскову требованія В. Князя, чтобы ни посадникамъ, ни вѣчу во Псковѣ не бывать, а быть двумъ намѣстникамъ и по пригородамъ тоже быть намѣстникамъ. Проплакавши всю ночь, 13 января псковичи исполнили волю В. Князя и сняли вѣчевой колоколъ. Смиреніе псковичей нисколько не тронуло В. Князя и его бояръ. 27 января повторилась сцена, бывшая въ Новгородѣ. Вызвавъ къ себѣ въ гридню, оставшихся лучшихъ людей, извѣстныхъ по нерасположенію къ Москвѣ, В. Князь велѣлъ ихъ взять подъ стражу.

Всѣ Псковскіе бояре, взятые въ Новгородѣ и во Псковѣ, съ ихъ семьями, всего триста семей, выведены были изъ Пскова. Лучшіе

дворы во Псковѣ отданы были москвичамъ, а псковичей перевели на посадъ.

Псковскій лѣтописецъ такъ объясняетъ паденіе вѣчеваго строя во Псковѣ: «злые поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи (на вѣчѣ) кричаніе, а невѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а граду содержати хотящемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны».

Паденіе Пскова было результатомъ общаго хода дѣлъ въ русской исторіи; но приведенное самообвиненіе псковичей не лишено интереса для историка, по значительной доли правды для всей исторіи Россіи. Злые поклепы другъ на друга значительно облегчили Василію, такъ называемое покореніе Пскова, ни минуты несопротивлявшагося. Когда въ Новгородъ за первыми толпами жалобщиковъ прибыли новыя толпы таковыхъ-же, то послѣднія уже жаловались не на Репню, а на своихъ посадниковъ и бояръ, что и нужно было для Василія. Эти жалобы были поощрены и пригодились Великому Князю, когда онъ пріѣхалъ во Псковъ. Заманивши въ западню новую толпу бояръ псковскихъ въ самомъ Псковѣ, Василій черезъ бояръ своихъ приказалъ сказать молодшимъ людямъ, что имъ нечего бояться развода т. е. изъ Пскова ихъ не будутъ развозить по московскимъ землямъ; что Великому Князю до нихъ нѣтъ никакого дѣла, что ему нужно управиться только съ одними лучшими людьми, на притѣсненія которыхъ они сами неоднократно жаловались. Понятно поэтому, что Василій могъ спокойно вывозить бояръ псковскихъ въ земли, гдѣ, по словамъ лѣтописи, не бывали ни дѣды, ни отцы ихъ. Но это были слова, улетавшія по вѣтру, какъ только началось водвореніе московскихъ порядковъ. Безъ пролитія крови покорившійся Псковъ, и не думавшій, подобно Новгороду, звать на помощь Литву, испыталъ болѣе грубое обхожденіе, чѣмъ сопротивлявшійся и призывавшій на помощь Литву, Новгородъ. Жестоко оскорблены были, и безъ всякой нужды, псковскіе лучшіе люди, когда коломенскій епископъ Вассіанъ въ Троицкомъ соборѣ обратился къ Василію съ словами: «Да благословитъ тебя Богъ વземши Псковъ». Оскорбленные псковичи, горько заплакавъ, напомнили о своемъ непротивленіи, которое совсѣмъ не оцѣнилось.

Всѣ порядки псковскіе передѣлывались на московскій ладъ, измѣнились прежде всего условія мѣстной торговли. Во Псковѣ и пригородахъ его торговля была свободная, заставъ или колодъ для взиманія пошлинъ съ товаровъ не бывало. Московское Правительство ввело заставы и установило тамгу; этимъ татарскимъ словомъ въ Москвѣ называли торговыя пошлины. Дурное вліяніе порядковъ московскихъ особенно, говоритъ проф. Никитскій, обнаружилось въ судѣ. Судъ былъ доходной статьей намѣстниковъ и дьяковъ, поэтому къ суду привлекалась масса людей, жалобы на насилія, грабежъ и

продажность намѣстниковъ росли. У намѣстниковъ, у тіуновъ ихъ и дьяковъ, говорили Псковичи, правда взлетѣла на небо и стала царствовать кривда. Если псковичъ ссылался на уставную грамоту, данную городу, какъ ограду отъ произвола намѣстниковъ, то таковаго били, приговаривая—вотъ тебѣ, смердъ, грамота Великаго Князя.

Изъ дьяковъ особенно мрачную память оставилъ по себѣ дьякъ Михаилъ или Мисюря Мунехинъ, семнадцать лѣтъ игравшій видную роль во Псковѣ. Онъ умеръ въ 1528 г. Мисюря игралъ видную роль даже въ церковной сферѣ. Въ противодѣйствіе старымъ святынямъ Псковской Земли онъ возвысилъ недавнюю, бѣдную обитель, гдѣ устроена была пещерная церковь во имя Богоматери и на горѣ во имя Антонія и Ѳеодосія. Это и есть Печерскій монастырь, обнесенный потомъ каменною стѣною. Мисюря часто посѣщалъ этотъ монастырь и отсюда посылалъ просфоры и святую воду Великому Князю. Обитель прославилась. Мисюря уже готовилъ планъ новой эпархіи во Псковѣ, но за смертію его, его планъ долго не приведенъ былъ въ исполненіе. По смерти Мунехина возникло дѣло объ его имуществѣ; найдены были записи, кому и сколько давалъ Мунехинъ. Великій Князь велѣлъ эти деньги взять на себя. Послѣ Мунехина дьяки то и дѣло смѣнялись. Дьяки были мудры, а земля пуста, говоритъ лѣтопись. Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, секуляризировалъ значительную часть церковныхъ земель, точно также и Василій отнялъ у псковскихъ монастырей и церквей ихъ вотчинныя земли. Чернецъ псковской Елеазаровой пустыни написалъ къ Великому Князю посланіе, прося не трогать церковныхъ имуществъ, ссылаясь на постановленія пятаго вселенскаго собора; но уже право толкованія обязательной силы того или другаго каноническаго постановленія перенесено было въ Москву.

Заканчивая паденіемъ самостоятельности Пскова исторію сѣверозападныхъ вѣчевымъ общинъ, нельзя пропустить безъ вниманія слѣдующаго обстоятельства: нашествіемъ татаръ Русь разорвана была на двѣ части; Западная—нѣсколько далѣе къ западу отъ теченія Днѣпра, оставалася въ рукахъ князей племени Св. Владиміра, но, какъ выше указано, почти вся перешла въ руки Литвы, а потомъ Польши.—Потомки Рогнѣды, князья Полоцкіе, сверхъ того допустили въ прибалтійскомъ краѣ утвердиться нѣмцамъ. Вѣчевыя общины, Новгородъ и Псковъ, не умѣя пробиться къ морю, по крайней мѣрѣ не уступили иноземцамъ ни пяди земли русской.—Это обстоятельство псковичи не забыли и въ XVII в. Лѣтописецъ псковскій, описывая самый смутный 1611 г., говоритъ: «тогда во Псковѣ воеводъ не было, всѣми дѣлами и ратными, и земскими, завѣдывалъ одинъ дьякъ Луговскій съ помощію посадскихъ людей *и не смотря на то—земля была цѣла, иноземцы не овладѣли ни однимъ псковскимъ пригородомъ, а овладѣли ими тогда, когда увеличилось во Псковѣ число царскихъ воеводъ*. Гнетъ московскихъ намѣстниковъ.

всякаго рода притѣсненія принесли вскорѣ печальные плоды: современникъ паденія Пскова, Герберштейнъ, два раза бывшій посломъ въ Москвѣ отъ Максимиліана I и Карла V, говоритъ, что прежнія качества—искренность, чистосердечіе замѣнились грубостію и лукавствомъ. Объ исторіи Пскова, кромѣ Костомарова. См. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова Никитскаго».)

Въ 1520 г. присоединена была вся рязанская земля. Выше указано было, что часть Рязанскаго княжества перешла къ Москвѣ, по завѣщанію, еще при Іоаннѣ III. Остальною рязанскою землею владѣлъ князь Иванъ Ивановичъ подъ опекою матери своей Агриппины. Кн. Иванъ Ивановичъ, какъ доносили въ Москву, задумалъ возстановить независимость Рязанскаго княжества и завелъ сношенія съ Крымомъ и Литвою. Говорили даже, что онъ хочетъ жениться на дочери Магметъ-Гирея. Извѣстіе это не представляетъ ничего невѣроятнаго, ибо и прежде татарскіе ханы дозволяли своимъ сестрамъ и дочерямъ креститься. Василій Ивановичъ позвалъ рязанскаго князя въ Москву и, когда онъ пріѣхалъ, его заключили въ тюрьму и вся остальная разанская земля присоединена была къ московскому государству.

Въ 1523 г. настала очередь послѣднимъ удѣльнымъ князьямъ проститься съ своею независимостію, въ Черниговской землѣ княжило двое потомковъ Калиты—князь Стародубскій и князь Новгородъ-Сѣверскій, одинъ внукъ Ивана Можайскаго, а другой Димитрія Шемяки. Оба они то и дѣло ссорились между собою. Москва въ ихъ ссоры не мѣшалась; но, когда Новгородъ-Сѣверскій князь овладѣлъ стародубскимъ княжествомъ, его самого позвали въ Москву, засадили въ тюрьму, и оба черниговскія княжества вошли въ составъ московскаго государства.

Литовскія отношенія при Василіи Ивановичѣ соотвѣтствовали направленію, данному при Иванѣ III. При сознаніи права на наслѣдіе Владиміра и Ярослава, въ проявленіи притязаній на это наслѣдіе то и дѣло выходила путаница, окончательной жертвой которой сдѣлалась Елена Ивановна, сестра Василія, дочь Ивана III. При Василіи такъ-же, какъ и при отцѣ его, не понимали противорѣчія, въ притязаніи на наслѣдіе всѣхъ земель Западной Руси съ выдачею Елены замужъ за Великаго Князя Литовскаго. Этимъ замужествомъ, какъ-бы признавались права Литовскихъ князей на земли, перешедшія къ нимъ отъ княжатъ племени Св. Владиміра.

По смерти Ивана III, Александръ потребовалъ отъ Василія возвращенія земель, отнятыхъ Іоанномъ III, или отошедшихъ къ нему. Разумѣется онъ получилъ отказъ. Вторженіе крымцевъ и болѣзнь, а вскорѣ и смерть Александра, задержали объявленіе войны. Во время болѣзни Александра, его другъ, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, одержалъ блистательную побѣду въ 1506 г., надъ Крымцами и тѣмъ избавилъ литовско-русскія земли отъ грабежей, по-

жаровъ и насилій. При Сигизмундѣ, преемникѣ Александра, Михаилъ Глинскій, давно не ладившій съ литовско-русскими панами, ненавидѣвшими его, вошелъ въ сношенія съ Василіемъ Ивановичемъ. Князь Михаилъ Глинскій былъ человѣкъ бывалый и образованный, путешествовалъ по Италіи, гдѣ принялъ католицизмъ, служилъ Максимиліану и курфирсту Саксонскому. При Александрѣ, онъ и его два брата, Иванъ и Василій, считались самою сильною фамиліей. Родъ Глинскихъ происходилъ отъ знатнаго мурзы, котораго считали потомкомъ Мамая, вышедшаго въ Литву при Витовтѣ.

Михаилъ Глинскій видѣлъ ясно признаки близкаго столкновенія Литвы съ Москвою. Сигизмундъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Крымскимъ Ханомъ, льстилъ послѣднему, называлъ его наслѣдникомъ хановъ Золотой Орды и, какъ у таковаго, выпросилъ ярлыкъ на Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Курскъ, Путивль, Брянскъ, Мценскъ, Великій Новгородъ, Псковъ, Рязань и Пронскъ. Проявленіе такого, съ виду болѣзненнаго, аппетита не должно удивлять читателей. Это былъ запросъ купца, который потомъ сбавитъ цѣну на девять десятыхъ. Но тѣмъ не менѣе началась война, Глинскій поднялъ въ Литвѣ возстаніе. Но Сигизмундъ и Василій въ 1509 г. помирились, а братья Глинскіе бѣжали въ Москву.

Война возобновилась по поводу смерти вдовствующей королевы Елены Ивановны, говорили, что её отравили изъ опасенія, чтобы она не увезла въ Москву накопленныхъ ею суммъ.

Въ этой войнѣ, которая продолжалась съ 1513 по 1522 г. замѣчательны два факта: взятіе Смоленска Василіемъ и пораженіе московскихъ войскъ при Оршѣ. Въ 1514 г. Смоленскъ былъ взятъ, несмотря на мужественное сопротивленіе воеводы Саллогуба. Всѣ сословія Смоленска были обласканы В. Княземъ, но Михаилъ Глинскій, надѣявшійся, что Смоленскъ отдадутъ ему, опять вошелъ въ сношенія съ Сигизмундомъ. Онъ хотѣлъ бѣжать въ Литву; но былъ схваченъ. Смоленскъ помогалъ взять католикъ М. Глинскій, а подъ Оршей московскіе полки разбилъ ревнитель православія, князь Константинъ Острожскій.—Князь Острожскій, занявъ главнаго воеводу, Челяднина, мирными переговорами, внезапно на него напалъ. Въ битву вступилъ сначала кн. Михаилъ Голица, но Челяднинъ его не поддержалъ, а потомъ Челяднина не поддержалъ Михаилъ Голица [1]).

И Москва, и Литва чувствовали потребность въ мирѣ. Посред-

---

[1]) Оршинское пораженіе показало, какъ мало въ Москвѣ могли полагаться на высшіе слои общества въ Смоленскѣ: князь Мстиславскій опять перешелъ въ подданство Литвы, въ самомъ Смоленскѣ образовалась партія, враждебная Москвѣ и во главѣ ея стоялъ еп. Варсонофій. Кн. Острожскій спѣшилъ къ Смоленску: но князь Василій Шуйскій перехватилъ заговорщиковъ и повѣсилъ ихъ на стѣнахъ, Варсонофія отослалъ къ В. Князю. Острожскій, узнавъ объ этомъ, отступилъ.

никомъ при мирныхъ переговорахъ выступилъ императоръ Максимиліанъ. Въ 1517 г. пріѣхалъ его посолъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ; но онъ не могъ согласить противниковъ. Онъ передалъ Василію просьбу отпустить къ императору Михаила Глинскаго; но получилъ въ отвѣтъ, что Глинскій подлежалъ смертной казни, отъ которой былъ освобожденъ только потому, что изъявилъ желаніе снова перейдти изъ католицизма къ вѣрѣ отцовъ, т. е. въ греческое православіе. Въ 1522 г. съ Литвою заключено было перемиріе на пять лѣтъ. Главною причиною перемирія было пораженіе союзника—Василія-Альбрехта, великаго магистра Тевтонскаго ордена. Для заключенія окончательнаго мира Василій искалъ посредничества Карла V. Въ 1526 г. въ Москву опять прибылъ Герберштейнъ; но и на этотъ разъ не удалось заключить вѣчнаго мира. Смоленскъ служилъ къ этому непреодолимымъ препятствіемъ. Положено было продолжить перемиріе еще на пять лѣтъ. Смоленскъ остался пока за Москвою.

Герберштейнъ оставилъ записки о Московіи, одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ по русской исторіи. Эти записки были самымъ важнымъ результатомъ двукратнаго пребыванія Герберштейна въ Москвѣ.

Отношенія татарскія при Василіи приняли такое направленіе, которое требовало особеннаго вниманія. Другъ и союзникъ Іоанна III, Менгли-Гирей, устарѣлъ и немогъ сладить съ своими сыновьями и вельможами, которые враждебно относились къ Москвѣ.

Русскихъ пословъ уже при Менгли-Гиреѣ оскорбляли въ Крыму; въ 1515 г. онъ умеръ, его сынъ Магметъ-Гирей тотчасъ-же обнаружилъ непріязнь къ Москвѣ, требуя, чтобы Василій возвратилъ Литвѣ Смоленскъ. Въ 1518 г. въ Казани прекратилась династія Улу-Махмета. Махметъ-Гирей сталъ хлопотать о доставленіи престола его брату, Саипъ-Гирею, но Василій посадилъ въ Казани на царство Шихъ-Алея (Шаха-Али), касимовскаго царевича, потомка хановъ Золотой Орды. Махметъ-Гирей, однако успѣлъ организовать въ Казани сильную крымскую партію и когда Саипъ-Гирей въ 1521 г. явился подъ Казань, ему отворили ворота. Шахъ-Алей былъ отпущенъ. Вслѣдъ затѣмъ крымцы и казанцы съ разныхъ сторонъ вторнулись въ русскіе предѣлы, и, опустошая все на пути своемъ, соединились подъ Москвою. В. К. Василій удалился на сѣверъ собирать полки, бояре, въ постыдномъ страхѣ, метались изъ угла въ уголъ, не зная, что дѣлать. Къ счастію Махметъ-Гирей не взялъ города, удовольствовавшись записью бояръ, скрѣпленною княжескою печатью, платить татарамъ дань. На обратномъ пути Махметъ-Гирей, съ предводителемъ Днѣпровскихъ казаковъ Евстафіемъ Дашкевичемъ, осадилъ Рязань и требовалъ покорности, ссылаясь на московскую грамоту. Но воевода Хабаръ-Симскій попросилъ показать ему грамоту и не возвратилъ ее, отвѣтивъ пушечными

выстрѣлами на требованіе выдать грамоту. Крымцы удалились съ огромнымъ полономъ. Въ Казани долго не было ладу. Въ 1523 г. при устьѣ Суры построили гор. Василь-Сурскъ, какъ оплотъ противъ казанцевъ. Въ 1530 г. русскіе опять упустили случай взять Казань, но успѣли выгнать Сафу-Гирея, заступившаго мѣсто Саипъ-Гирея и посадили Еналея (ДжехаАли), младшаго брата Шихъ-Али.

Какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутренней, Василій шагъ за шагомъ, какъ бы боясь оступиться, слѣдовалъ по стопамъ отца. Отношенія его къ братьямъ совершенно напоминали таковыя-же его отца. Точно также и братья Василія все еще мечтали воскресить удѣльную старину. Двое изъ нихъ, Семенъ и Юрій, уличены были въ намѣреніи бѣжать въ Литву, и только ходатайство духовенства спасло ихъ отъ заточенія. Третій, Дмитрій Ивановичъ, грабилъ земли бояръ, преданныхъ Василію. Каковы были эти мелкіе удѣльные князья, лучше всего показываетъ двоюродный дядя Василія, Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкій, который, съ Іосифова Волоколамскаго монастыря, вымогалъ деньги угрозами—разграбить монастырь и запороть иноковъ кнутами.

Что касается до отношенія Василія къ боярству, то оно опредѣлилось еще при Иванѣ III, когда, въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, бояре держали сторону Димитрія, а сторону Василія держали младшіе члены дружины: дѣти боярскіе и дворяне, и особенно дьяки. Слово дьякъ одного корня съ словомъ дьяконъ, дьячекъ; какъ дьяконъ въ церкви былъ помощникомъ священника, а дьячекъ письмоводителемъ, такъ и дьякъ при князѣ и его намѣстникахъ, былъ ихъ помощникомъ. Дьячкамъ соотвѣтствовали подъячіе. Такъ и на Западѣ Европы слово clerc происходило отъ одного корня съ clergé и означало одинаково и людей, готовившихся вступить въ духовный санъ, и людей, занимавшихся гражданскимъ письмоводствомъ. Дьяки были уже при князьяхъ удѣльныхъ, при Калитѣ упоминается дьякъ Кострома, при Иванѣ Ивановичѣ дьякъ Нестерко, при Донскомъ—Внукъ, при Василіи 1—Ачкасовъ и Стромиловъ, при Василіи Темномъ—Ѳедоръ и Василій Бѣда и Степанъ Бородатый, который сохраняетъ важное значеніе и при Иванѣ III, дьякъ Гусевъ при Иванѣ III составляетъ Судебникъ, дьякъ Курицынъ исполняетъ дипломатическія порученія. Отношеніе дьяковъ къ боярству отлично характеризуетъ англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Россію при Ѳедорѣ Ивановичѣ; въ одно и тоже мѣсто, говоритъ этотъ писатель, назначаютъ правителей, враждебныхъ другъ другу, дабы одинъ контролировалъ другого; такъ посылаютъ князей и дьяковъ, ибо вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества, нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться тѣснаго между ними сближенія.

Василій, права котораго на престолъ, при отцѣ его, поддерживали дѣти боярскіе, дворяне и дьяки, совѣтовался только съ людьми изъ этихъ рязрядовъ. На сторонѣ дьяковъ стояли и бояре бывшихъ

удѣльныхъ княжествъ, конечно, съ завистію и враждою смотрѣвшіе на исключительное положеніе московскаго боярства. Поэтому главными совѣтниками Василія были — дворецкій Шигона-Поджогинъ, изъ тверскихъ бояръ, и дьяки: Путятинъ, Мансуровъ, Цыплятинъ, Курицынъ и вышеупомянутый Мисюря Мунехинъ. Отъ людей имъ возвышенныхъ Василій требовалъ безусловнаго повиновенія и не терпѣлъ противорѣчій. Когда Берсень-Беклемишевъ, кажется изъ нижегородскихъ бояръ, вздумалъ противорѣчить Василію относительно Смоленска, Василій сказалъ ему: «поди прочь, смердъ, не надобенъ ты мнѣ». Дьякъ Далматовъ, назначенный посломъ къ цезарю Максимиліану, сталъ говорить, что у него нѣтъ денегъ на дорогу,—Василій разгнѣвался и отправилъ его въ ссылку на Бѣлоозеро, а имѣніе его конфисковано въ пользу В.Князя.—Самовластіе Василія вызвало жалобы Берсеня-Беклемишева и дьяка Ѳедора Жаренаго, которыя они высказывали Максиму Греку.—Главною виновницею суроваго самовластія считали они мать В. Князя, Софью Ѳоминишну. «Какъ пришла сюда мать В. Князя съ вашими греками», говорилъ Берсень, такъ наша земля и замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при вашитъ царяхъ. Такъ современники Василія, не понимая, что къ самовластію Василія привелъ длинный рядъ событій, вину тяжелаго порядка возлагали исключительно на Софью, которую при жизни не любили за ея интриги и, можетъ быть, за высокомѣріе.

Но съ боярами старыхъ и княжескихъ фамилій Василій слѣдовалъ политикѣ сдержанной и осторожной. Установленный обычаемъ порядокъ былъ сильнѣе воли самого самовластнаго В. Князя—Василія, который, уличивъ въ измѣнѣ, могъ казнить бояръ, «но», по выраженію пр. Ключевскаго, «не могъ, при назначеніи въ главные воеводы, предпочесть вѣрнаго Хабара-Симскаго подозрительному Шуйскому». Поэтому и при Василіи въ Думѣ первое мѣсто занимаетъ сначала князь племени Св. Владиміра, Василій Даниловичъ Холмскій, неизвѣстно за что подвергшійся опалѣ, потомъ первое мѣсто занималъ Гедиминовичъ ЩеняПатрикѣевъ, второе — князь Дмитрій Ростовскій, третье — Василій Васильевичъ Шуйскій, оба отъ племени Св. Владиміра, Въ концѣ княженія Василія Ивановича князь Василій Шуйскій занялъ первое мѣсто, а второе занялъ Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ. Такъ выдвинулась старая московская фамилія Кобылиныхъ-Кошкиныхъ—Юрьевыхъ—Захарьиныхъ, одинъ изъ которыхъ при отцѣ Василія занималъ третье мѣсто; а при Васильи третье мѣсто занялъ Михаилъ Семеновичъ Воронцевъ, изъ роду бояръ Вельяминовыхъ. Въ этихъ перемѣщеніяхъ нельзя не видѣть глухой подземной борьбы между разными вѣтвями русскаго боярства.

Предоставляя этимъ вѣтвямъ *котороваться* (враждовать) между собою, Василій старался окончательно положить предѣлъ праву отъ-

ѣзда и бралъ клятвенныя грамоты съ князей и бояръ, не отъѣзжать въ Литву. Такія грамоты были взяты съ Василія Васильевича Шуйскаго, съ князей Димитрія и Ивана Бѣльскихъ и съ князя Воротынскаго, съ князя Мстиславскаго. Кромѣ поруки духовенства и Василій, подобно отцу, требовалъ денежнаго залога.

Казалось, объединеніе Восточной Россіи было обезпечено, и власть довольно сильна, чтобы это объединеніе поддержать. Но у Василія, отъ первой супруги его, Соломоніи, дѣтей не было и власть должна была перейти къ безпутному его брату,Юрію, которому и самъ Василій не довѣрялъ. Когда В. Князю приглянулась красавица Елена Глинская, то мысль о разводѣ съ Соломоніей явилась сама собою. Соломонія была пострижена и въ началѣ 1525 г. Василій женился на Еленѣ Васильевнѣ Глинской. 25 Августа 1530 г. у Елены родился первый сынъ—Іоаннъ, черезъ годъ другой—Юрій. Въ 1533 г., въ тревогѣ за будущее, умеръ В. Князь. Указывая боярамъ на Михаила Львовича Глинскаго, онъ сказалъ: «не считайте его за пріѣзжаго, а ты-бы, князь Михаилъ, за моего сына Ивана и за сына Юрія пролилъ бы кровь свою и далъ-бы тѣло свое на раздробленіе». Уничтоживъ прежнія завѣщанія, за которыми ѣздилъ дьякъ Путятинъ, ибо Василій захворалъ на охотѣ, онъ завѣщалъ престолъ сыну, Ивану. До послѣдней минуты при немъ были: Михаилъ Юрьевъ Глинскій и Шигона: имъ онъ поручилъ оберегать Елену и приказывалъ, какъ строиться государству. XVI в. и у насъ, какъ на западѣ, отличался отъ XVII в. какою-то умственною свѣжестію, бодростію. Не нужно, казалось бы, повторять, что у насъ въ XVI в., а отчасти и въ Западной Европѣ, умственная жизнь преимущественно сосредоточивалась въ области вѣры, но вопросы, поднятые въ этой области и на Западѣ, и у насъ отличались передъ таковыми-же XVII в. и большей широтой, и глубиной. Полемика, начатая при Иванѣ III между Іосифомъ Волоцкимъ и Ниломъ Сорскимъ о монастырскихъ имуществахъ, продолжалася при Василіи между Іосифомъ Волоцкимъ и ученикомъ Нила, Вассіаномъ Косымъ, въ міру княземъ Патрикѣевымъ; потомъ поле ихъ полемики расширилось и задѣло болѣе существенный вопросъ въ религіозной сферѣ, имѣющій значеніе и понынѣ, вопросъ о вѣротерпимости. Іосифъ Волоцкій въ увлеченіи своей нетерпимости доходилъ до невозможныхъ крайностей, совѣтуя, какъ выше уже было указано, казнить даже раскаявшихся еретиковъ, употребляя хитрость и коварство для вывѣдыванія ихъ мнѣній. Подобное коварство онъ называетъ *богонаученнымъ коварствомъ*. Такое іезуитство, задолго до Лойолы,вызвало негодованіе заволжскихъ старцевъ, какъ называли послѣдователей Нила Сорскаго, во главѣ которыхъ стоялъ вышеупомянутый Вассіанъ Косой. Іосифъ Волоцкій основывался на опытахъ, безъ всякаго теоретическаго обоснованія ихъ, Вассіанъ опирался на евангельскихъ принципахъ. Опыты или историческіе примѣры,

безъ должнаго освѣщенія, вызывали только путаницу въ умахъ и рѣзкія возраженія. Обязанность казнить еретиковъ Іосифъ доказывалъ примѣромъ апостола Петра, сокрушившаго молитвой Симона Волхва и примѣромъ Льва, еп. Катанскаго, который сожегъ епитрахилью Ліодора волхва. Ему отвѣчали: «И ты-бы, Іосифе, сотворилъ молитву, да пожретъ земля недостойныхъ грѣшниковъ и еретиковъ». Хотя и самъ Великій Князь въ этомъ вопросѣ сочувствовалъ Вассіану, но Іосифъ, оказавшій столько услугъ единодержавію, одержалъ верхъ, благодаря боярину Челяднину, который изъ-за ссоры съ княземъ Михаиломъ Голицей, родственникомъ Вассіана, сталъ на сторону Волоцкаго. Еретики были подвержены пожизненному тюремному заключенію. Въ тоже время продолжался и споръ о монастырскихъ имуществахъ. Вассіанъ жилъ тогда въ Москвѣ, то въ Чудовѣ, то въ Симоновѣ монастырѣ и, въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ, сблизился съ ученымъ грекомъ, Максимомъ. Съ помощію его онъ началъ пересмотръ славянскихъ переводовъ греческаго Номоканона и убѣдился, что слова—монастырскія села, въ смыслѣ имѣній, населенныхъ подданными монастырей, въ греческомъ текстѣ нѣтъ. Въ греческомъ текстѣ рѣчь идетъ о поляхъ и рощахъ и о подгородныхъ дачахъ. Точно также Нилъ и Вассіанъ критически относятся къ ссылкамъ Іосифа на житія святыхъ, упрекая его, что онъ и его сторонники брали позднѣйшіе списки взамѣнъ болѣе краткихъ и древнихъ, въ которыхъ нѣтъ упоминанія о чудесахъ, на которыя іосифляне ссылаются. По смерти Іосифа въ 1515 г., нѣкоторое время перевѣсъ оставался на сторонѣ его противниковъ; но вскорѣ митрополитомъ сдѣлался Даніилъ, инокъ Волоцкаго монастыря. Максимъ Грекъ и Вассіанъ, потерявшіе расположеніе Великаго Князя, были сосланы въ Волоцкій монастырь, по обвиненію въ мнимыхъ ересяхъ. Ересь-же состояла въ томъ, что они противились брачному разводу Великаго Князя.

ГЛАВА XI.

Передъ началомъ царствованія Іоанна Грознаго необходимо на помнить два факта изъ предъидущей исторіи, послужившіе причиною паденія Московскаго боярства: 1) Уничтоженіе сана тысяцкаго, начальника городовыхъ полковъ, порвало связь боярства съ землею. (См. въ этой книгѣ стр. 121, 122, 140). 2) Надменное отношеніе Московскаго боярства къ боярству бывшихъ удѣльныхъ княжествъ. Московское боярство почти никогда не допускало стать съ собою въ уровень боярамъ княжествъ, присоединенныхъ къ Москвѣ, бояре которыхъ записывались въ дворяне, которые тогда составляли низшій служебный классъ. Надменность Московскихъ бояръ часто сопровождалась жестокостью: мы видѣли, какъ жестоко намѣстники Калиты распоряжались въ Ростовѣ Великомъ; суровъ былъ и Захарьинъ, первый намѣстникъ Іоанна III въ Новгородѣ. Намѣстники Калиты истязали бояръ Ростова Великаго, а Захарьинъ былъ виновникомъ третьяго выселенія старыхъ жителей изъ Новгорода. Въ отношеніяхъ Московскаго боярства къ боярству бывшихъ удѣльныхъ княжествъ лежитъ причина различія исторіи Россіи и Польши. Въ Польшѣ удѣльныя княжества соединялись на равныхъ правахъ, паны и шляхта всѣхъ княжествъ были равноправны. Изъ этой равноправности и вытекла Польская аристократическая конституція. У насъ, какъ мы видѣли, этого условія не существовало и равноправность среди разныхъ классовъ служилыхъ людей вводилась Верховною властью не безъ принужденія.

Для уясненія событій царствованія Грознаго необходимо взглянуть на положеніе двухъ классовъ тогдашняго общества: на тогдашнее дворянство и на крестьянство.

Что касается до дворянъ, то это были личные стражи удѣльныхъ князей, самые младшіе, неполноправные члены княжеской дружины. Въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича говорится о слугахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Дворскаго. «А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себѣ не принимаютъ. А кто

изъ тѣхъ выдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, онъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». О боярахъ-же и другихъ слугахъ, не состоявшихъ подъ дворскимъ сказано: «А боярамъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ». (См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, Т. I., стр. 77).

Изъ этого мѣста завѣщанія ясно видно, что существенная черта, отдѣлявшая дворянъ отъ бояръ и дѣтей боярскихъ, состояла въ томъ, что дворянинъ, уходя со службы князя, лишался земли, а тѣ удерживали свои земли за собою. Это обстоятельство ставило дворянъ въ полную зависимость отъ князя, ибо трудно было оставлять насиженное мѣсто и удаляться съ пустыми руками. Когда Москва объединила Восточную Россію, то московскіе дворяне стали выше удѣльныхъ, послѣдніе до Петра В. носили названіе Городовыхъ Дворянъ. Нѣкоторые изъ нихъ за отличіе писались на службѣ по Москвѣ.

Крестьяне отъ начала русской земли до конца XVI столѣтія имѣли право свободно переходить съ одной земли на другую, что дало имъ развиться въ отдѣльный, самостоятельный классъ русскаго общества. Только въ XIV и первой половинѣ XV в., по грамотамъ Великихъ Князей Василія Дмитріевича и Василія Васильевича, свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую былъ ограниченъ и даже встрѣчались частныя мѣры, какъ-бы прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Эти ограниченія уничтожены были Судебниками Іоанновъ: Судебникомъ В. Князя Іоанна Васильевича 1497 г. и Судебникомъ Царя Іоанна Васильевича 1550 г. Судебники возстановили исконное право свободнаго перехода крестьянъ и утвердили его положительными законами Верховной власти. Хотя крестьяне оставались низшимъ классомъ общества, но, по Судебникамъ, крестьяне, какъ свободные члены русскаго общества, получили на свою долю тѣ-же самыя права и то-же участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какія достались и прочимъ классамъ общества. Судебники не вводили новизны, но, какъ сказано выше, утвердили, любезную крестьянамъ, старину. Поэтому даже срокъ перехода, осенній Юрьевъ день, остался тотъ-же. Судебники даже облегчили крестьянамъ переходъ съ одной земли на другую. Царскій Судебникъ даже прямо говоритъ, что для свободнаго перехода крестьянъ не требуется никакихъ расчетовъ съ господиномъ, кромѣ узаконенныхъ двухъ *пошлинъ* за пожилое и за повозъ, т. е. за пользованіе жильёмъ и всѣми принадлежащими къ нему службами и перевозомъ хлѣба землевладѣльца съ поля въ закромы, или на рынки, по указанію землевладѣльца. Царскій Судебникъ, не снимая съ крестьянина воли—записываться въ холопы, въ тоже время ограждаетъ его отъ холопства, если онъ не хочетъ принять его. Въ старину, даже по

Русской Правдѣ, *закупъ*, т. е. работникъ, задолжавшій кому-нибудь, обращался въ *обѣльнаго*, т. е. полнаго раба, если господинъ заплатитъ за него долгъ. Судебникъ царя Іоанна Васильевича оставлялъ свободнымъ и не лишалъ права перехода къ другому господину и того крестьянина, который выученъ былъ господиномъ въ судебномъ искѣ. Извѣстный изслѣдователь, И. Бѣляевъ, предполагаетъ, что и этотъ законъ не былъ новостью, а только представляетъ болѣе ясное подтвержденіе правъ крестьянина, уже существовавшихъ въ русскомъ обществѣ; но доказательства въ пользу этого предположенія приводитъ болѣе чѣмъ слабыя.

Царскій Судебникъ не только признаетъ крестьянскую общину, но и утверждаетъ за нею разныя права и преимущества общинъ другихъ классовъ. По закону царя Іоанна, намѣстники и другіе правители, назначаемые государемъ въ города и волости, не могли судить безъ лучшихъ людей общины. Его Судебникъ не полагаетъ различія между общинами крестьянъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ, на общинныхъ и на владѣльческихъ; и владѣльческіе крестьяне посылали отъ своихъ общинъ выборныхъ людей для присутствія на судѣ волостеля, или намѣстника. По Судебнику 1550 г. крестьянскія общины не только должны были посылать выборныхъ и старостъ присутствовать на судѣ, но должны были имѣть своихъ волостныхъ дьяковъ, которые писали на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей. Крестьянская община, точно такъ какъ и городская, по Судебнику 1550 г. признавалась первою защитницею своихъ членовъ и занималась раскладкою крестьянскихъ повинностей. Намѣстники ни по суду, ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія ихъ общинныхъ, выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или, въ противномъ случаѣ, подвергались пени. Вообще, говоритъ Бѣляевъ, конецъ XV в. и почти весь XVI в. были временемъ самого полнаго развитія крестьянскихъ общинъ. Не только Судебники, но и всѣ современные имъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что грозные государи Московскіе — Іоаннъ III, Іоаннъ IV, были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, особенно царь Иванъ Васильевичъ постоянно стремился къ тому, что-бы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и, согласно съ исконными русскими обычаями, имѣли одинаковыя права съ прочими классами русскаго общества. (См. Крестьяне на Руси. И. Бѣляева. Изд. II, стр. 50—58). Но проф. Бѣляевъ, на стр. 89-ой, говоритъ, что тѣ же Іоанны, такъ много сдѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности, едва-ли не въ большихъ размѣрахъ способствовали переходу крестьянскихъ земель въ руки служилыхъ людей. Но не раздача земель служилымъ людямъ, а своекорыстіе землевладѣльцевъ, подкрѣпленное польскимъ вліяніемъ, о чемъ г. Бѣляевъ далѣе и самъ говоритъ, проложили дорогу къ крѣпостному праву (стр. 102).

Та историческая фигура, которая, подъ именемъ Грознаго, рисуется въ воображеніи образованныхъ читателей, не восходитъ далѣе первой четверти истекающаго XIX столѣтія. «До появленія въ свѣтъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго», говоритъ издатель сочиненій Курбскаго, «у насъ признавали Іоанна Государемъ Великимъ: видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе—мудраго, попечительнаго законодателя; знали, что онъ былъ жестокосердъ; но только по темнымъ преданіямъ».

Однако, было-бы ошибочно думать, что всѣ ученые современники Карамзина раздѣляли вполнѣ мнѣніе его о личности Грознаго. Ученый Дерптскій профессоръ Эверсъ въ предисловіи къ запискамъ Таубе и Крузе, нѣмецкихъ перебѣжчиковъ изъ Ливоніи къ Іоанну и отъ Іоанна въ Ливонію, говоритъ слѣдующее объ Іоаннѣ Грозномъ: «Разумѣется во всѣхъ дошедшихъ до насъ источникахъ, какъ русскіе, такъ и иностранцы, вполнѣ согласны, что Іоаннъ справедливо заслужилъ имя Грознаго. Но вопросъ въ томъ, былъ-ли онъ вслѣдствіе справедливости строгъ до жестокости, или отъ чрезмѣрной склонности къ гнѣву предавался до самозабвенія грубымъ безчуввственнымъ жестокостямъ. Послѣднее представляется сомнительнымъ. Извѣстно, что между всѣми государями, понявшими испорченность государственной машины и потребности народа и стремившимися править своимъ государствомъ, согласно этому пониманію, русскому государю, то есть Іоанну, принадлежитъ весьма высокое мѣсто».

Это мнѣніе высказано было въ 1817 году, но Карамзинъ не обратилъ на него никакого вниманія. Собравъ рядъ фактовъ, часто безъ всякой повѣрки, Карамзинъ далъ имъ одностороннее освѣщеніе. Съ голоса бояръ и представителя ихъ, князя Курбскаго, онъ выставилъ Іоанна безумнымъ тираномъ, а бояръ—невинными мучениками. Онъ не обратилъ вниманія, ни на противорѣчія Курбскаго, ни на его самохвальство. Однимъ словомъ онъ судилъ, выслушавъ только одну сторону. Никто не будетъ утверждать, что Іоаннъ былъ агнецъ непорочный; нѣтъ, онъ былъ жестокъ, но также жестоки были и его противники. Разница однако въ томъ, что ихъ жестокостью руководили только личные интересы; источникъ жестокости Іоанна не чуждъ былъ, конечно, и личныхъ интересовъ, но общій интересъ, государственный интересъ у него преобладалъ въ самыхъ его жестокостяхъ. Въ разнузданной-же чувственности они ему не уступали.

Въ исторіи Грознаго много еще есть загадокъ, но и при настоящемъ состояніи русской исторіи можно ясно видѣть всю односторонность въ воззрѣніи Карамзина на эту историческую личность. Одинъ изъ послѣдующихъ изслѣдователей русской исторіи, Кавелинъ, справедливо сказалъ, что событія временъ Грознаго освѣщаютъ русскую исторію и предшествующаго ему времени, и послѣ-

дующаго; но болѣе всего проливаютъ свѣта прологъ и эпилогъ къ его исторіи. Прологъ—правленіе Елены, а эпилогомъ къ царствованію Грознаго служитъ Смутное Время, которое, принимая смуту въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ, слѣдуетъ начать съ 1584 г., съ года смерти Грознаго и кончить 1619 г., годомъ возвращенія Филарета, отца Михаила Ѳедоровича Романова, изъ польскаго плѣна.

Правленіе Елены показало, чего можно было ожидать впереди, а Смутное Время освѣтило стремленія, государственные взгляды и характеръ московскаго боярства.

Царь былъ юнъ, Елена Васильевна назначена была правительницею, но рядомъ съ ней стояла Боярская Дума изъ двоихъ братьевъ Василія и двадцати бояръ, изъ которыхъ только пятеро принадлежали къ старому московскому боярству дружинной формаціи—Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ и два Морозовыхъ. Впереди ихъ стояли все княжескія фамиліи; князья Бѣльскіе—Гедиминовичи, а далѣе все княжата отъ племени Св. Владиміра—Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Ростовскіе и т. д. Особенное было положеніе Глинскихъ, на которыхъ Василій возлагалъ большія надежды. Положеніе Глинскихъ среди родовитаго, гордаго московскаго боярства представляло нѣкоторыя особенности. Они стояли въ сторонѣ и отъ княжатъ племени Св. Владиміра, и отъ Гедиминовичей. Будучи, какъ выше указано, литовскими вельможами татарскаго происхожденія, они не могли примкнуть и къ фамиліямъ татарскихъ царевичей, обрусѣвшихъ въ Москвѣ. Чтобы пояснить положеніе Глинскихъ въ Москвѣ нужно имѣть въ виду эту изолированность ихъ фамиліи. Не только въ первой половинѣ XVI в., когда въ свѣжей памяти была и удѣльная система, и наплывъ въ среду московскаго боярства потомства удѣльныхъ князей, даже въ XVII в. шли препирательства между представителями разныхъ слоевъ московскаго боярства. Такъ, въ XVII в. князь Вяземскій попрекалъ Вельяминовыхъ татарскимъ происхожденіемъ, выставляя свое происхожденіе отъ Мономаха; въ томъ-же XVII в., при Алексѣѣ Михайловичѣ, Шереметевъ напомнилъ Трубецкому, что Трубецкіе—князья, вышедшіе изъ Литвы. а Шереметевы исконный родъ московскаго боярства. По этому примѣру можно догадаться, какъ московское боярство относилось къ Глинскимъ въ первую четверть XVI вѣка, къ тому-же должно добавить, что Трубецкіе были Гедиминовичи, имѣвшіе сородичей въ Москвѣ, а Глинскіе чужды были всѣмъ фамиліямъ.

Въ началѣ правленія Елены самыми близкими къ ней людьми были: князь Михаилъ Глинскій и Шигона-Поджогинъ, которымъ Василій поручилъ оберегать его вдову и своими совѣтами руководить её въ дѣлахъ государственныхъ. Но не прошло недѣли по смерти Василія, какъ поднялась смута изъ-за удѣльнаго князя Юрія Васильевича Дмитровскаго. Дѣло его разсказываютъ различно: по однимъ извѣстіямъ его соблазнялъ возстать противъ Государя князь

Андрей Шуйскій, выпущенный изъ заключенія правительницею, ибо при Василіи онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. По другимъ извѣстіямъ Юрій соблазнялъ перейдти на его сторону Андрея Шуйскаго, черезъ котораго до правительства и дошло свѣденіе о замыслахъ Юрія. Соловьевъ основательно предпочитаетъ второе извѣстіе, объясняя исходъ дѣла такимъ образомъ: подосланный Юріемъ дьякъ соблазнялъ Андрея Шуйскаго, а послѣдній родственниковъ своихъ, за что и попалъ опять въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ все время правленія Елены. Юрій также заключенъ былъ въ темницу. Какъ бы то ни было, но въ семейные раздоры дома Калиты вмѣшалась, роковая для этого дома, фамилія Шуйскихъ, происходившая также отъ Александра Невскаго, черезъ старшаго его сына и потому считавшая свой родъ старшимъ, чѣмъ родъ Калиты, получившій начало отъ младшаго сына Александра Невскаго, Даніила Московскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ возникло дѣло еще болѣе непріятное для Елены. У Михаила Глинскаго вышло, какъ разсказывали, столкновеніе съ любимцемъ Елены—княземъ Телепневымъ-Оболенскимъ, будто-бы Глинскій упрекалъ Елену за ея связь съ Телепневымъ. Соловьевъ на этотъ романъ, внесенный въ исторію, смотритъ нѣсколько иначе. Въ этомъ столкновеніи онъ видитъ только честолюбивыя стремленія Михаила Глинскаго. Онъ хотѣлъ одинъ владѣть волею Елены. Можно сдѣлать и другое предположеніе, болѣе вѣроятное. Близь Елены Михаилъ Глинскій стоялъ рядомъ съ Шигоною, главнымъ совѣтникомъ покойнаго мужа Елены, при которомъ Михаилъ Глинскій сидѣлъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, не безъ совѣта съ Шигоной. Умная Елена могла понимать, что совѣты Шигоны полезнѣе совѣтовъ ея дяди. Совѣтники Елены, Шигона и Телепневъ, оба дѣйствовали въ духѣ Василія; обоихъ ненавидѣлъ и Глинскій, и многіе бояре. Связь Елены съ Телепневымъ послужила только предлогомъ къ столкновенію, можетъ быть, противники Шигоны и Телепнева думали, что если свергнуть Телепнева, то легче будетъ расправиться и съ Шигоной, котораго бояре ненавидѣли еще болѣе за то, что покойный Василій обо всемъ совѣтовался только съ Шигоной и по его совѣту рѣшалъ всѣ дѣла.

Когда Елена велѣла посадить Михаила Глинскаго въ тюрьму, тогда въ Литву бѣжали бояре: князь Семенъ Бѣльскій и Ляцкой, изъ рода бояръ Кошкиныхъ. Въ 1537 г. князь Андрей Старицкій поднялъ открытое возстаніе и противъ малолѣтняго племянника, и противъ бояръ; обманывая притворною болѣзнію, онъ, внезапно собравъ дружину, двинулся къ литовской границѣ; но, видя, что здѣсь путь ему пресѣченъ, онъ бросился къ Новгороду и издалъ воззваніе къ дѣтямъ боярскимъ, въ которомъ говорилъ: «Князь Великій малъ, государство держатъ бояре, кому васъ жаловать»? На сторонѣ Андрея было много княжатъ, записанныхъ въ дѣтяхъ боярскихъ. Въ числѣ ихъ вѣрностію къ нему отличался Кн. Юрій

Оболенскій. Но когда Андрей долженъ былъ сдаться Телепневу, то приверженцевъ его постигла жестокая кара: многіе изъ нихъ подвергнулись торговой казни. Иначе и быть не могло: противъ нихъ была Елена и всѣ бояре. Всѣ событія кратковременнаго правленія Елены показываютъ, что она неуклонно слѣдовала системѣ правленія своего покойнаго мужа. Недаромъ самый довѣренный совѣтникъ Василія, Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ, оставленъ былъ ей въ качествѣ тайнаго руководителя.

Во внѣшнихъ отношеніяхъ она поддержала statu quo. Сигизмундъ Старый, король польскій и В. Кн. Литовскій, самый способный государь изъ дома Ягеллоновъ, пытался возвратить всѣ пріобрѣтенія Іоанна III и Василія но успѣлъ возвратить только Гомель, взамѣнъ котораго Россія удержала вновь построенныя крѣпости Себежъ и Заволочье.—Въ Казани снова утвердился Сафа-Гирей и правительству Елены не удалось поставить въ Казани ханомъ своего присяжника.

Вообще же дѣла внѣшнія сильно отражались на внутреннихъ. Притязанія Литвы вызывали надежды, среди князей, да и вѣчевыхъ общинъ, возвратить съ ея помощію старину. Притязанія Крымскихъ Гиреевъ на владычество въ Казани и Астрахани угрожали возрожденіемъ татарской силы. Союзъ Литвы съ Крымомъ даетъ мѣрку опасности, которая грозила Россіи. Конечно, Елена и ея совѣтники хорошо помнили и лучше насъ понимали слова Іоанна III, сказанныя имъ духовенству, когда оно ходатайствовало за его брата: «Пощади ихъ я, по смерти моей онъ и другіе братья начнутъ усобицы и вы снова будете рабами татаръ».

Правительство Елены, какъ мы видѣли, устояло противъ всѣхъ опасностей; но если Василія ненавидѣли за то, что онъ совѣтовался только съ Шигоной, то еще болѣе ненавидѣли Елену. Она умерла 3 апрѣля 1538. Баронъ Герберштейнъ положительно говоритъ, что она была отравлена и въ этомъ видитъ месть бояръ. Въ 1539 г. бѣжалъ отъ боярскаго своеволія въ Ливонію строитель Фрязинъ. Вотъ что онъ говорилъ: «И нынеча, какъ В. К. Василія не стало и В. Княгини, а Государь нынѣшній малъ остался, а *бояре живутъ по своей волѣ, а отъ нихъ великое насиліе*, а управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ *великая рознь*. Того дѣля (того ради) есми мыслилъ отъѣхати прочь, что въ земли русской великая мятежь и безгосударство. (И. Акты, т. I. № 140, стр. 202).

Слова Фрязина—лучшее объясненіе къ прологу царствованія Грознаго, т. е. къ правленію Елены.

ГЛАВА XII.

По смерти Елены настала боярщина, которая не просуществовала и десяти лѣтъ, но успѣла оставить въ нашей исторіи глубокіе слѣды. Боярство думало только о власти ради власти, и потому каждая попытка возвратить себѣ потерянное значеніе вела къ противоположнымъ результатамъ. Бояре того времени вполнѣ могли примѣнить къ себѣ слова Псковскаго лѣтописца, что ихъ погубили поклепы другъ на друга и лихія дѣла. Во времена террора Грознаго они могли бы сказать: «сего ради самоволія непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны».

Вмѣсто того, чтобы вдуматься въ свое положеніе и въ положеніе Россіи, бояре съ первыхъ дней своей власти разнуздали самыя дикія свои страсти и съ какимъ-то звѣрствомъ поддались чувству мести. 3 Апрѣля скончалась Елена, а 9-го—князья Шуйскіе самовольно захватили князя Ивана Ѳедоровича Овчину—Телепневу-Оболенскаго и его сестру, Аграфену Челяднину, мамку Государя за то, какъ выражается лѣтописецъ, что Государь держалъ ихъ въ приближеніи. Брата, посадивъ въ темницу, за дворцомъ у конюшни уморили тяжестью оковъ и голодомъ; а сестру его сослали въ Каргополь и тамъ постригли въ монахини. Тогда же освобождены были изъ заточенія князья Иванъ Бѣльскій и Андрей Шуйскій.

Въ слѣдующемъ году, обнаружилась рознь среди самого боярства. Заспорили за власть Шуйскіе, княжата отъ племени Св. Владиміра и Бѣльскіе-Гедиминовичи, родственники Грознаго. Большая часть бояръ старыхъ московскихъ родовъ раздѣлилась, одна стала на сторону Шуйскихъ, другая на сторону Бѣльскихъ.—Только родъ Юрьевыхъ-Захарьиныхъ сталъ отдѣльно самъ по себѣ, ибо Великій Князь Василій держалъ этотъ родъ въ приближеніи. Выше уже было замѣчено, что Шуйскіе, происходя отъ Андрея, старшаго сына Александра Невскаго, заявляли громадныя притязанія. Ихъ предки, князья Суздальскіе и Нижегородскіе, не разъ вели споръ съ потомствомъ Калиты за великокняженіе, какъ уже из-

вѣстно читателю. Эту борьбу вели Суздальскіе князья, Константинъ Васильевичъ и Димитрій Константиновичъ. Онъ смирился, но борьбу съ Москвою продолжали его племянники. Въ 1382 г., по ихъ ложной клятвѣ, Москва сдалась Тохтамышу. Самымъ упорнымъ врагомъ Москвы былъ Симеонъ, сынъ Бориса Константиновича, который хотѣлъ вырвать Нижній-Новгородъ изъ рукъ дяди Димитрія Константиновича, находившаго помощь у зятя своего Димитрія Донского.—Энергію и настойчивость Симеона Борисовича лѣтопись выражаетъ такимъ образомъ: «8 лѣтъ къ ряду служилъ въ Ордѣ *непочивая* (не уставая) четыремъ царямъ: Тохтамышу, Темиръ-Аксаку, Темиръ-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на В. Князя Московскаго, какъ бы налѣзти свое княженіе». Этотъ неутомимый противникъ рода Калиты смирился только тогда, когда Василію Димитріевичу удалось захватить его семью въ мордовской землѣ. Въ 1402 г. онъ явился въ Москву, получилъ свою семью, но въ Москвѣ остаться не захотѣлъ и умеръ въ вольномъ городѣ Вяткѣ. Великіе князья московскіе всячески старались привлечь на свою сторону энергичныхъ потомковъ Андрея Александровича. Въ 1418 г. одинъ изъ прямыхъ потомковъ Димитрія Константиновича Суздальскаго женился въ Москвѣ на Василисѣ Васильевнѣ, на дочери Василія Димитріевича. Но другія отрасли Суздальскихъ князей служили Новгороду до послѣднихъ дней его самостоятельности. Князь Гребенка-Шуйскій начальствовалъ Новгородскими полками въ Двинской землѣ во время покоренія Новгорода Іоанномъ III. Родословная князей Шуйскихъ такова. У кн. Димитрія Константиновича, тестя Донского, старшій сынъ назывался Василій Кирдяпа; отъ его сына, Юрія, пошли Шуйскіе. Первый носилъ эту фамилію Василій Юрьевичъ. Внукъ послѣдняго, Иванъ, прозывался Скопа; отъ него и пошли Скопины.

Не менѣе былъ силенъ и знатенъ родъ князей Бѣльскихъ, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ князей Новосильскихъ-Бѣлевскихъ. Бѣльскіе и Трубецкіе—Гедиминовичи отъ Ольгерда и его жены Юліаніи Тверской. Князь Ѳедоръ Бѣльскій, правнукъ Ольгерда, перешелъ на службу къ Ивану III, который женилъ его на своей племянницѣ, на княжнѣ Рязанской. Его сыновья Димитрій, Семенъ и Иванъ назначены были В. К. Василіемъ въ число бояръ Правительствующей Думы, учрежденной на время малолѣтства Грознаго. Въ спискѣ членовъ Правительственной Думы ихъ имена стоятъ непосредственно за именами братьевъ Василія.

Въ 1539 г. ссора между Бѣльскими и Шуйскими вышла изъ-за ничтожнаго случая. И тѣ, и другіе старались усилить свою сторону. Князь Иванъ Бѣльскій, опираясь на митрополита Даніила и боярина Тучкова, по совѣту дьяка Мишурина, безъ согласія Шуйскихъ, уговорили Государя пожаловать Гедиминовича, князя Голицына-Булгакова въ бояре, а своего приверженца рязанскаго воеводу

Хабарова, въ окольничіе. Обозлились князья Шуйскіе, Василій и Иванъ Васильевичи, самовольно схватили Ивана Бѣльскаго, и снова засадили его въ тюрьму; а приверженцевъ его разослали по разнымъ городамъ. Но болѣе всѣхъ пострадалъ совѣтникъ князя Ивана Бѣльскаго, дьякъ Ѳедоръ Мишуринъ. Его голаго, передъ тюрьмою, положили на плаху и, безъ всякаго суда, безъ воли Государя, отрубили ему голову. Во главѣ Шуйскихъ, свергнувшихъ Бѣльскаго, стоялъ тогда князь Василій, но онъ вскорѣ умеръ, его мѣсто занялъ князь Иванъ Шуйскій, человѣкъ еще болѣе жестокій, чѣмъ его братъ. Онъ свергнулъ митрополита Даніила, заключилъ его въ Волоколамскій монастырь, взявши напередъ съ него грамоту, что онъ добровольно оставляетъ архіерейство. Черезъ недѣлю Иванъ Шуйскій и его клевреты возвели на митрополичій престолъ Іоасафа Скрипицына, игумена Троицкаго монастыря. Князь Иванъ Шуйскій и его братъ Андрей всюду захватывали и раздавали доходныя мѣста своимъ сторонникамъ. Самъ князь Андрей, вмѣстѣ съ княземъ Рѣпней-Оболенскимъ, будучи намѣстниками во Псковѣ, жестоко притѣсняли и грабили жителей. Въ это, самое мрачное время русской исторіи, крымцы жестоко опустошали наши южные предѣлы, а казанцы восточные.

Хотя митрополитъ Іоасафъ и былъ возведенъ на митрополію Шуйскими, но не вытерпѣлъ ихъ самовластія и въ 1540 г. исходатайствовалъ у Великаго Князя и у Правительственной Думы освобожденіе Ивана Бѣльскаго. Бѣльскій опять занялъ мѣсто въ Правительственной Думѣ. Шуйскій пересталъ ѣздить въ Думу. Въ Правительственную Думу со всѣхъ сторонъ шли жалобы на намѣстниковъ, что и подало правительству мысль дать самоуправленіе и самосудъ городамъ и пригородамъ, а гдѣ зачатки самосуда были, тамъ его усилить, какъ напр. во Псковѣ. Городамъ съ этою цѣлію даны были губныя грамоты. Согласно этимъ грамотамъ жители городовъ и пригородовъ получили право избирать изъ боярскихъ дѣтей губныхъ старостъ, изъ среды самихъ жителей цѣловальниковъ, которые цѣловали крестъ, давали присягу. Губные старосты черезъ сотскихъ и десятскихъ ловили разбойниковъ и татей и судили ихъ вмѣстѣ съ цѣловальниками. Псковскія лѣтописи сохранили намъ отрадное впечатлѣніе, которое эти грамоты произвели на современниковъ. «И князь Великій Иванъ Васильевичъ далъ грамоту судити и пытати (производить слѣдствіе) и казнити разбойниковъ и лихихъ людей и бысть», продолжаетъ лѣтопись, «псковичамъ въ радость, а злые люди разбѣгаются и бысть тишина; но не на много *и паки намѣстники премогоша*; а то было добро вельми по всей землѣ». Псковъ тогда былъ освобожденъ отъ Андрея Шуйскаго; остававшійся тамъ Рѣпня-Оболенскій явно враждовалъ съ новымъ порядкомъ. Но намѣстники перемогли посредствомъ насильнаго переворота: князь Иванъ Шуйскій, переставъ бывать въ Думѣ

и затаивъ местъ, принялъ начальство надъ войскомъ, которое собиралось во Владимірѣ противъ Казани. Въ Москвѣ энергично дѣйствовали единомышленники и друзья Ивана Шуйскаго: бояре и князья Михаилъ и Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій и казначей Третьяковъ, сговорившись со многими княжатами, московскими дворянами и дѣтьми боярскими и со всѣми новгородцами, по тайному уговору съ Иваномъ Шуйскимъ, ночью, 2 января 1542 г., схватили Бѣльскаго и посадили подъ стражу. 3 января прискакалъ въ Москву самъ князь Иванъ Шуйскій, взявши клятву съ дѣтей боярскихъ служить ему. Впереди прискакалъ сынъ его, Петръ, и бояринъ Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ съ 300 всадниковъ. Ночью бояре вторглись во дворецъ. гдѣ отъ страху никто не спалъ. Бѣльскаго на другой день сослали на Бѣлоозеро, его друга, князя Щенятева, вытащили задними дверьми изъ комнаты Великаго Князя и сослали въ Ярославль, Хабарова, продержавъ подъ стражею на дворѣ у Ѳомы Головина, также сослали. Митрополита Іоасафа срамословили и бросали камнями въ его келью. Іоасафъ скрылся въ Троицкомъ подворьѣ, туда посланы были новгородцы, которые ругали и едва не убили его. Митрополитъ былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Таковъ былъ государственный переворотъ (coup d'état) 3 января 1542 г. день, въ который все трепетало передъ необузданными олигархами, трепеталъ и самъ Государь. Въ этомъ переворотѣ главною опорою Шуйскихъ служили Новгородцы и поэтому даже мѣсто низверженнаго Іоасафа занялъ новгородскій архіепископъ Макарій. Олигархическое буйство не завершилось событіями 3 января, черезъ нѣсколько времени бояре—князья Шуйскіе, Пронскіе, Шкурлятевы, Кубенскіе, Палецкіе въ присутствіи Государя избили Воронцова за то, что Государь держалъ его въ приближеніи. Митрополиту едва удалось спасти жизнь Воронцову, котораго сослали въ Кострому. Во время переговоровъ по этому поводу Ѳома Головинъ, наступивъ на мантію митрополита, изодралъ её.

Іоаннъ при такихъ обстоятельствахъ рано научился скрывать свои чувства и, затаивъ злобу на Шуйскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился на охоту въ Волколамскъ и, возвратившись велѣлъ внезапно схватить самаго злаго олигарха, князя Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ, которые потащили его къ тюрьмѣ и по дорогѣ убили. Это было въ 1543 г. Это была первая месть за 3 января. Его сообщниковъ, въ числѣ ихъ Ѳому Головина, отправили въ ссылку.

Лѣтописецъ московскій, говоря о казни Андрея Шуйскаго, прибавляетъ, что съ этихъ поръ начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе. Но дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что лѣтописное заявленіе наивно. Въ 1546 г. горсть новгородскихъ пищальниковъ, вѣроятно, приверженцевъ Шуйскихъ, вступили въ

14

открытый бой съ царскими дворянами. Дѣло было такъ: Іоаннъ самъ выступилъ въ походъ противъ Крымскаго Хана и въ Коломнѣ вздумалъ поохотиться. За околицей его встрѣтило человѣкъ 50 пищальниковъ съ просьбами, Іоаннъ приказалъ удалить ихъ; но они начали бить посланныхъ и бросать въ нихъ грязью. Іоаннъ приказалъ дворянамъ, сопровождавшимъ его, разогнать пищальниковъ. Пищальники отступили къ предмѣстью, гдѣ дали царскимъ дворянамъ формальную битву, съ обѣихъ сторонъ убито было по 5 человѣкъ. Самъ Іоаннъ при этомъ не могъ попасть прямо въ станъ и достигнулъ его объѣздомъ. Іоаннъ заподозрилъ, что пищальники научены были боярами и приказалъ дьяку Василію Григорьевичу Захарову-Гнилѣеву, бывшему у него въ приближеніи, произвести слѣдствіе. Гнилѣевъ, *справедливо или нѣтъ*, говоритъ Арцибашевъ, донесъ на князя Ивана Кубенскаго, Ѳедора и Василія Воронцовыхъ. (Повѣствованіе о Россіи, т. II, стр. 164). Дѣйствительно трудно сказать—оклеветалъ дьякъ бояръ или нѣтъ, въ одномъ спискѣ Лѣтописи сказано, что оклеветалъ, а въ другомъ сказано, «невѣдомо какимъ обычаемъ дьякъ извести Государю сіе дѣло». Отношенія князя Кубенскаго къ Шуйскимъ, его участіе въ ихъ буйствахъ и личность Ѳедора Воронцова, типичнаго олигарха и временщика, дѣлали вѣроятнымъ донесеніе Захарова. Лѣтописецъ говоритъ о Воронцовѣ, что когда онъ былъ въ приближеніи, то всегда досадовалъ, если, безъ его вѣдома, Государь кого-либо жаловалъ. Довѣренность у Государя Воронцовъ потерялъ только за нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда ему грозила смертная казнь, отвращенная ходатайствомъ митр. Макарія. Самовольныя казни, совершенныя боярами, принесли свои плоды: Кубенскому и Ѳедору Воронцову съ братомъ отрубили головы, безъ особаго колебанія. Уже предъ казнію Андрея Шуйскаго, Іоаннъ, на пиру 29 Дек. 1543 г., сказалъ о боярахъ: «они во зло употребляютъ мою юность, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю, изъ нихъ многіе виновны; «но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго. Объ Андреѣ Шуйскомъ должно добавить, что онъ не только обиралъ посадскихъ и крестьянъ, но, подъ разными предлогами, отнималъ земли у дворянъ. Дворни Шуйскихъ и креатуры ихъ властвовали вмѣстѣ съ ними. Въ 1546 г. опять упоминаются казни и должно думать, что онѣ были результатомъ счетовъ за дѣла, упоминаемыя Іоанномъ, въ только что приведенныхъ словахъ его.

Насталъ 1547 г., одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ годовъ царствованія Грознаго. Вѣроятно, заранѣе переговоривъ съ митрополитомъ Макаріемъ, Іоаннъ публично заявилъ ему и боярамъ о намѣреніи своемъ, вѣнчаться царскимъ вѣнцемъ и жениться. Титулъ Царя носили иногда и дѣдъ, и отецъ Грознаго, какъ замѣчено выше; но окончательно былъ усвоенъ Іоанномъ Грознымъ, котораго въ числѣ Великихъ Князей считаютъ четвертымъ, а какъ

царь онъ первый. Слово царь издавна было народу знакомо: всѣ славянскіе народы называли царями византійскихъ императоровъ. У насъ даже Константинополь назывался Царь-Градъ. Понятіе объ объемѣ власти царя касалось тогда только отношеній его къ другимъ народамъ. Слова царь и самодержецъ были какъ-бы синонимы. Выраженіе вольный царь указываетъ, что понятіе царь и самодержецъ противополагалось понятію вассалъ, владѣтель, зависѣвшій отъ вольнаго царя. Въ этомъ смыслѣ русскіе и татарскаго хана называли вольнымъ царемъ. Принятіе титула царя имѣло значеніе и для внутреннихъ отношеній. При титулѣ вел. князь, Государь все-таки считался только старшимъ между князьями, какъ primus inter pares. Титулъ царя сразу ставилъ его выше всѣхъ князей. Января 16, 1547 г. митрополитъ Макарій вѣнчалъ его на царство, и 3 февраля онъ вступилъ въ бракъ съ Анастасіею, дочерью умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина. Анастасія происходила изъ рода бояръ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ-Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. У Андрея Кобылы былъ внукъ Ѳедоръ Кошка. По имени сына его, Захарія, и внука Юрія, потомки Андрея Кобылы стали зваться Захарьины-Юрьевы. Изъ сыновей Юрія, Романъ Юрьевичъ оставилъ, между прочимъ, дочь Анастасію и сына Никиту, съ котораго эта вѣтвь потомства Кобылы стала называться Романовыми [1]).

Выше было указано, какъ родъ Кобылы сдерживалъ напоръ княжатъ отъ племени Св. Владиміра и потомковъ Гедимина, не давши себя отодвинуть отъ первыхъ мѣстъ. Въ малолѣтство Грознаго, Захарьины-Юрьевы не принимали участія въ боярскихъ смутахъ. Говоря о выборѣ Іоанномъ супруги, историки, болѣе или менѣе, впадаютъ въ натянутыя сантиментальныя разсужденія. Только Соловьевъ, говоря о близости дядьевъ Анастасіи къ Василію, замѣчаетъ, что и эти отношенія должны были имѣть вліяніе на этотъ выборъ. Намъ кажется даже, что эти-то отношенія и отсутствіе участія Захарьиныхъ-Юрьевыхъ въ смутахъ болѣе всего вліяли на выборъ Анастасіи. «Воспитанный въ сиротствѣ», говоритъ Іоаннъ, «не хочу искать иноземной невѣсты, съ которой могу не сойтись нравомъ и потому желаю взять невѣсту въ Россіи».

Кошкины-Захарьины-Юрьевы всегда были преданы дому Калиты; эту преданность особенно долженъ былъ цѣнить Іоаннъ, когда сильнѣйшіе изъ ихъ родичей — Шереметевы рѣшительно стали на сторону Шуйскихъ, какъ показали событія 3 января 1542 г. Если Захарьины-Юрьевы во время этихъ смутъ стояли особнякомъ, то, конечно, они возбуждали противъ себя вражду всѣхъ бояръ; родство съ Іоанномъ вражду усилило завистью. Исторія не имѣетъ

---

[1]) Отъ А. Кобылы пошло много вѣтвей, именно до 20 фамилій—Шереметевы, Жеребцовы, Колычевы, Ляцкіе, Беззубцовы и проч.

доказательствъ, но можно сдѣлать предположеніе, что тогда у Захарьиныхъ-Юрьевыхъ началась вражда съ Шереметевыми, и что тогда-же и у Грознаго затаилась вражда къ этой фамиліи. Такъ продолжалось до конца царствованія Іоанна, и еслибы его старшій сынъ Іоаннъ, женатый на Шереметевой, остался живъ, то, можетъ быть, эти фамиліи помѣнялись-бы ролью.

Со времени казни Андрея Шуйскаго, власть перешла къ князьямъ Глинскимъ, которыхъ ненавидѣли одинаково, какъ всѣ боярскія партіи, такъ и простонародье. Эта ненависть выразилась ясно во время бѣдствій, постигшихъ Москву черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ царской свадьбы. Апрѣля 12, того-же года, въ Москвѣ случился пожаръ, 20 апрѣля другой, а черезъ два мѣсяца, 21 іюня, вспыхнулъ третій, самый ужасный; во время этого послѣдняго пожара въ Кремлѣ сгорѣли гостинный дворъ, оружейная палата, постельная палата, царскіе погреба, конюшни, митрополичій дворъ, монастыри—Чудовъ и Вознесенскій, пострадали соборы Успенскій и Благовѣщенскій. Самъ митрополитъ Макарій едва не погибъ, его на канатѣ спустили на набережную Москвы-рѣки, канатъ оборвался, и онъ убился до полусмерти. Изъ Кремля пожаръ перешелъ въ Китай-Городъ и опустошилъ все, что уцѣлѣло отъ первыхъ пожаровъ. Пошелъ слухъ, что Москва погибла отъ волшебства. Царь велѣлъ изслѣдовать дѣло; но бояре начали слѣдствіе такимъ образомъ, что оно неминуемо вело къ бунту. Они собрали чернь на площади и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? «Анна Глинская», закричали въ толпѣ. За такимъ крикомъ посыпались на мнимую виновницу доказательства самаго нелѣпаго свойства: говорили, что княгиня Анна волшебствовала, вынимала сердца человѣческія, клала въ воду и кропила Москву, отъ чего Москва и сгорѣла. Обвиненіе противъ Глинскихъ вызвано злонамѣреннымъ вопросомъ бояръ—«кто жегъ Москву»? Они предугадывали отвѣтъ, зная ненависть къ Глинскимъ. Князь Юрій Глинскій, услыхавъ эти толки, въ которыхъ его имя упоминаютъ вмѣстѣ съ именемъ его матери, бросился въ Успенскій соборъ. Чернь, подстрекаемая боярами, вторгнулась за нимъ и умертвила его въ храмѣ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Глинскимъ умертвили его людей, а также большое число дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской области, принявъ ихъ за людей Юрія. На третій день массы народа двинулись въ Воробьево, куда укрылся царь. Отъ него потребовали, чтобы онъ выдалъ Анну Глинскую и князя Михаила. Толпы разогнали оружіемъ. По слѣдствію оказалось, что слухи о поджогѣ Глинскими распространяли: протопопъ Благовѣщенскаго собора Барминъ, князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, князь Темкинъ, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, родственникъ Анастасіи, и Ѳедоръ Нагой, отецъ будущей, послѣдней жены Іоанна.

Участіе Юрьева-Захарьина въ подстрекательствѣ народа къ мятежу противъ Глинскихъ само-собою произвело на Іоанна тяжелое

впечатлѣніе. Раздоры родственниковъ матери и жены естественно подавали ему мысль объ опасныхъ интригахъ, которыми грозитъ будущее. На нѣкоторое время это обстоятельство ослабило довѣріе Іоанна къ родственникамъ жены.

Вслѣдъ за пожарами случилось событіе, которое вполнѣ показываетъ раздраженіе, въ которомъ онъ находился. Ему, конечно, не хотѣлось вѣрить, чтобы Глинскіе нарушали оказанное имъ довѣріе. А между тѣмъ, какъ-бы въ подтвержденіе народныхъ обвиненій Глинскихъ въ грабительствѣ, къ нему явились съ жалобою 70 человѣкъ псковичей на намѣстника, князя Турунтая, друга Глинскихъ. «Великій Государь», говоритъ псковская лѣтопись, «опалился на сихъ псковичей, *бесчествовалъ*, т. е. безчестилъ, обливая виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы за свѣчу зажигалъ и приказалъ ихъ покласть живыми на землю». Іоаннъ считалъ этихъ просителей обманщиками. Только случай спасъ этихъ несчастныхъ людей: въ Москвѣ упалъ колоколъ, что заставило Іоанна бросить просителей и скакать въ Москву.

Грубое обращеніе воспитателей съ самимъ Іоанномъ, примѣръ грубыхъ привычекъ не могли не подѣйствовать на юнаго царя. Въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ вспоминаетъ, какъ во времена дѣтства его, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій клалъ ноги на постель покойнаго отца Іоанна, какъ надменно съ нимъ обращался. «Какъ исчислить мои страданія», писалъ Іоаннъ, «которыя я позналъ въ дѣтствѣ?» Въ годы отрочества онъ повсюду видѣлъ жестокость и произволъ. Избить, изуродовать, умертвить человѣка ни одна партія боярская не считала за грѣхъ. Ко всему къ этому присоединялся обманъ, воспитывавшій въ немъ недовѣрчивость. Зная дружбу князей Пронскихъ съ Глинскими, Іоаннъ могъ думать, что псковскіе жалобщики на намѣстника князя Пронскаго-Турунтая, подосланы боярами, чтобы запутать Глинскихъ, но бѣгство въ Литву Михаила Васильевича Глинскаго одновременно съ кн. Турунтаемъ-Пронскимъ [1]) заставило Іоанна задуматься. Это обстоятельство подорвало довѣріе Іоанна и къ родственникамъ со стороны матери. Тогда-то Іоаннъ, имѣя нужду въ довѣренныхъ людяхъ, задумалъ искать этихъ людей внѣ круга своихъ родственниковъ и ближнихъ бояръ.

Достигнувъ 20-го года своего возраста, Іоаннъ видѣлъ всюду только интриги и раздоры, которые могли грозить распаденіемъ московскому царству. Оффиціальный актъ говоритъ, что онъ подавленъ былъ заботою и печалью, былъ въ велицѣй тузѣ (заботѣ) и

---

[1]) Кн. И. Пронскій далъ слѣдующую запись: А мнѣ князю Ивану отъ своего государя и отъ дѣтей его, изъ ихъ земли въ Литву... и къ папѣ Римскому, и къ Угорскому королю и къ Цезарю, и къ Френцовскому королю, и въ Крымъ къ царю и царевичамъ, и въ Нагай, къ князьямъ и мирзамъ, и въ Хасстараканъ, и въ Казань, ни къ нимъ государямъ никакъ не отъѣхати. (Собр. Госуд Грам. и Договоровъ. Т. I № 165).

печали. Опасность такого состоянія заставила его подумать, какъ-бы возстановить единеніе въ землѣ русской. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Макаріемъ, онъ рѣшился созвать выборныхъ земли русской, *собрать свое государство изъ городовъ всякаго чину.* Съѣздъ выборныхъ въ Собраніи и Государственныхъ Грамотъ и договоровъ помѣщенъ подъ 1550 г.; но нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что его нужно отнести къ 1549 г. Съ года съѣзда выборныхъ, этотъ особый видъ московскаго представительства сталъ извѣстенъ подъ именемъ Земскихъ Соборовъ, Земскихъ Совѣтовъ, Великихъ Земскихъ Думъ, Общихъ Совѣтовъ. Голосъ ихъ, при взросломъ государѣ и при обычномъ теченіи дѣлъ, былъ совѣщательный. Были-ли Земскіе Соборы видоизмѣненною формою вѣча, или вызваны сознаніемъ необходимости опереться царю на землю и войти съ нею въ непосредственную связь? Безъ сомнѣнія, желаніе опереться на землю, вызвало созваніе Собора, форма котораго, неизвѣстно кѣмъ придумана. Опасное положеніе государства усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что внутри его свирѣпствовали страшные разбои, число гулящихъ людей, производившихъ разбои, съ каждымъ годомъ все возрастало. Отсутствіе правосудія съ тяжелой податной системой усиливали зло.

Собравши выборныхъ, Іоаннъ созвалъ ихъ на Лобное мѣсто и обратился къ митрополиту Макарію съ такими словами: «Молю тебя, владыко, да будеши намъ помощникъ; самъ знаеши, что послѣ отца я остался четырехъ, а послѣ матери восьми лѣтъ; родные мои о мнѣ небрегоша, а сильные мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣли, и самовольничали моимъ именемъ, сами себя осыпали почестями, ибо не было никого, кто-бы имъ воспрепятствовалъ самовольничать, много терпѣли люди обиды отъ ихъ хищенія и корыстолюбія. Я-же, какъ глухой, ни о чемъ не слыхалъ, и ради юности моея и полнаго невѣдѣнія, самъ обличить ихъ не могъ и былъ какъ-бы нѣмъ они-же властвовали. О лихоимцы, хищники, неправедные судьи! Какой отвѣтъ дадите нынѣ, виновники столькихъ слезъ? Я-же чистъ отъ всей крови. Ждите воздаянія». Обратившись къ народу Іоаннъ сказалъ, что зла, сдѣланнаго боярами исправить уже нельзя и заключилъ это обращеніе словами: «Отнынѣ я вамъ буду судія и оборона отъ неправды».

Въ тотъ-же день ложничаго, Алексѣя Адашева, пожаловалъ въ окольничіе и говорилъ ему: «Взялъ я тебя отъ нищихъ, пожаловалъ выше мѣры, ибо слышалъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ. Поручаю тебѣ отъ бѣдныхъ и обиженныхъ принимать челобитныя, не бойся сильныхъ, но безъ разбору дѣла не вѣрь и слезамъ бѣдныхъ, желающихъ оклеветать богатыхъ». (Соб. Г. Г. и Д., т. 2, № 37). Приближеніемъ безроднаго Адашева Царь хотѣлъ между прочимъ прекратить распри между разными партіями бояръ. Повидимому, это удалось, но не надолго; у самаго Адашева и его родныхъ, под-

нявшихся вмѣстѣ съ нимъ, мало-по-малу началась вражда съ родственниками царицы, что черезъ нѣсколько лѣтъ, и сблизило Адашевыхъ съ боярами, враждебными Захарьинымъ.

Протопопъ Благовѣщенскій Барминъ, принимавшій такое неблаговидное участіе въ подстрекательствѣ народа противъ Глинскихъ, былъ удаленъ и его мѣсто, духовника царскаго, занялъ младшій протопопъ того-же Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ Новгородецъ [1]).

Очень трудно точно опредѣлить, когда именно Сильвестръ сблизился съ Іоанномъ. Говорятъ, что онъ имѣлъ вліяніе на освобожденіе Андрея Старицкаго и главнымъ образомъ основываютъ этотъ фактъ на дружбѣ Сильвестра съ Владиміромъ, сыномъ Андрея и Ефросиніею, его вдовою. Гораздо проще предположить естественный ходъ дѣлъ, именно, что, по удаленіи Бармина, онъ занялъ мѣсто духовника временно, какъ младшій священникъ Благовѣщенскаго собора, а потомъ, утвердясь въ довѣренности Іоанна, сдѣлался, можетъ быть, по покровительству Макарія, изъ временнаго—постояннымъ духовникомъ, что дало ему возможность пріобрѣсти ту силу, о которой рѣчь будетъ ниже.

Ясно, что вліяніе Сильвестра вкупѣ съ Адашевымъ могло начаться только послѣ Земскаго Собора и потому нелѣпо приписывать имъ какое бы то ни было вліяніе на созваніе его. Кстати сказать, протопопъ Ѳеодоръ Барминъ окончательно сошелъ со сцены 6 января 1549, постригшись въ монахи, въ Чудовомъ монастырѣ. Что касается до предположенія, будто Іоанна кто-то научилъ сказать

---

[1]) Князь Курбскій разсказываетъ, что когда Іоаннъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ Москвы послѣ умерщвленія Юрія Глинскаго, т. е. послѣ пожара 21 іюня 1547 г., тогда пришелъ къ Іоанну *мужъ единъ*, пресвитеръ чиномъ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаніями (Курбскій Ист. Іоанна, глава первая). Далѣе онъ говоритъ, что Сильвестръ пугалъ Іоанна чудесами дѣйствительными, или вымышленными, не знаю, Выраженіе Курбскаго *единъ мужъ* не означало, что Сильвестръ былъ Іоанну неизвѣстенъ, ибо замѣтилъ Соловьевъ, онъ не могъ быть неизвѣстенъ Іоанну, какъ священникъ, хотя и младшій, придворнаго собора, протопопъ котораго всегда бывалъ духовникомъ Государя. Настоящимъ виновникомъ мнимой неизвѣстности Сильвестра, былъ невольно, можетъ быть, Карамзинъ, своей манерой передавать салоннымъ языкомъ древніе памятники: Онъ ссылается на Курбскаго и передаетъ его такъ: «Явился», писалъ Карамзинъ, *какой-то* удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, іерей саномъ, родомъ изъ Новгорода; приблизился къ Іоанну *съ поднятымъ угрожающимъ перстомъ*, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою царя *легкомысленнаго и злострастнаго*, и пр.

Во первыхъ, *единъ мужъ* не значитъ никому неизвѣстный человѣкъ, а слово *какой-то* можетъ подать поводъ такъ думать. Во вторыхъ такой картины, что *какой-то* приближался къ Іоанну съ поднятымъ перстомъ съ видомъ пророка, у Курбскаго нѣтъ.

Такимъ образомъ, невѣрно переданный Курбскимъ фактъ, подъ перомъ Карамзина, получилъ какую-то фантастическую окраску.

вышеприведенную рѣчь къ выборнымъ, то вмѣсто опроверженія стоитъ только вспомнить слова Іоанна о боярахъ, сказанныя въ 1543 г., передъ казнію Андрея Шуйскаго. Онъ тогда имъ говорилъ, что они, пользуясь его юностію, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей. Рѣчь сказанная въ 1550 г., была только развитіемъ этихъ словъ.

Но, задавшись примирительною цѣлію, Іоаннъ, сказавшій боярамъ, «ждите воздаянія», предоставилъ Макарію печаловаться за нихъ.

Къ сожалѣнію до насъ дошли весьма краткія свѣденія о Земскомъ Соборѣ 1550 г.; но эта краткость не даетъ намъ повода утверждать мнѣніе, что дѣянія этого Собора ограничились только тѣмъ, что выборные, выслушавъ рѣчь Царя на Лобномъ Мѣстѣ, разъѣхались по домамъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ профессоръ Загоскинъ: «Неужели-же выборные, съѣзжавшіеся въ Москву изъ отдаленныхъ областей, были немедленно, послѣ царскихъ рѣчей, распущены по домамъ? Какое впечатлѣніе должны были они унести изъ Москвы? Чувство удивленія къ совершившемуся событію и больше ничего; пожалуй даже чувство недовольства на причиненную имъ волокиту? Могъ-ли Іоаннъ заключить изъ безмолвнаго выслушанія выборными рѣчей его, о возможности найти въ народной волѣ твердую почву для будущей дѣятельности своей? Здравый смыслъ долженъ ясно подсказать намъ, что тѣмъ Соборнымъ Актомъ, о которомъ дошли до насъ свѣденія, далеко не могли быть, хотя бы сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ, достигнуты цѣли, имѣвшіяся царемъ въ виду при созваніи въ Москвѣ Земскаго Собора. (Исторія Права Московскаго Гос—ва. Т. I, стр. 217).

Въ томъ-же 1550 г. исправленъ Судебникъ Іоанна III, въ исправленномъ Судебникѣ говорится объ участіи въ судѣ земскихъ людей, подъ именамъ губныхъ старостъ, и цѣловальниковъ. Намѣстникъ, людей уличенныхъ въ разбоѣ, долженъ былъ отдавать на судъ губнымъ старостамъ. Въ свою очередь губные старосты, за исключеніемъ разбойныхъ дѣлъ, не должны были вмѣшиваться въ дѣла намѣстника. Вѣроятно, этой оговоркой надѣялись предупредить столкновеніе губныхъ старостъ съ намѣстниками. Судныя дѣла долженъ былъ писать Земскій Дьякъ, а Губные Старосты и Цѣловальники руки прикладывать. (См. Гл. XI). Введены были старосты и цѣловальники во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ старостъ и цѣловальниковъ не было.

Къ Судебнику Царя Іоанна сдѣланы были добавленія въ видѣ выписей и отдѣльныхъ Уставовъ. Изъ выписей замѣчательна выпись, т. е. инструкція, данная Андрею Берсеневу и Тютину. Этимъ полицейскимъ чиновникамъ велѣно было наблюдать, чтобы попы, дьяконы и чернецы въ корчмы не ходили, а которые, сказано въ выписи, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ священныя правила, будутъ по корчмамъ ходити и, напившись пьяными, мотаться по дво-

рамъ и по улицамъ или начнутъ сквернословить, тѣхъ поповъ и дьяконовъ отсылать къ поповскимъ старостамъ, а чернецовъ къ архимандритамъ и игуменамъ.

По торгамъ велѣно было кликать кличъ, чтобы непристойными словами не ругались. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было кричать, чтобы къ волшебникамъ не ходили, бороды-бы и усовъ не брили и не подстригали. (Означенная выпись напечатана въ видѣ приложенія къ законамъ В. Князя Іоанна III и его внука. Изданіе Канцлера Румянцова, 1819 г.).

Въ томъ-же 1550 г. сдѣлано особое распоряженіе, въ видѣ дополненія къ правиламъ о мѣстничествѣ. Мѣстничество весьма своеобразное явленіе русской жизни. Оно развило родовое тщеславіе и загубило политическій смыслъ въ русскомъ боярствѣ. Оно не было созданіемъ великихъ князей московскихъ, будто бы придумавшихъ его для униженія княжескихъ родовъ. (Бутурлинъ. Исторія Смутнаго Времени). В. Князья Московскіе только поощряли явленіе, столь выгодное для ихъ власти; но отъ поощренія извѣстнаго явленія до его созданія разстояніе большое. Мѣстничество никогда, никѣмъ не учреждалось, оно возникло изъ коренныхъ началъ славяно-русской жизни на почвѣ родового быта. Положеніе, какъ члена рода, т. е. его мѣсто и значеніе среди членовъ рода, опредѣлялось старшинствомъ лѣтъ; оно и до нынѣ осталось у великорусскихъ крестьянъ. Развитіе мѣстничества среди дружинниковъ и ихъ потомковъ произошло не вдругъ. Появленіе дружинъ среди славянъ нанесло сначала сильный ударъ родовому быту, дружины внесли въ жизнь личный элементъ. Значеніе мужей, бояръ, т. е. старшихъ членовъ дружины, опредѣлялось и ихъ личными качествами, и количествомъ ихъ собственной дружины, съ которой они приходили на службу. Тогда бояре или мужи мѣстничали личными услугами князьямъ. Первый такой, намъ извѣстный, примѣръ мѣстничества былъ у Родіона Нестерова съ бояриномъ Акимфомъ. (См, выше, стр. 102).

Когда на сѣверѣ дружины осѣлись, тогда и въ дружинный элементъ проникъ родовой счетъ и потомки дружинниковъ, Родіоновъ и Акинфовъ, стали считаться и службою отцовъ своихъ, особенно при наплывѣ на службу въ Москву потомковъ Св. Владиміра и Гедимина. Даже въ XVII в., какъ мы видѣли, Шереметевы мѣстничались съ Трубецкими, а Вяземскіе—съ Вельяминовыми.

Чтобы современному читателю понять—какъ долго помнили эти счеты, не слѣдуетъ забывать, что предокъ Вельяминовыхъ и Годуновыхъ вышелъ въ Россію въ XIV в., а предокъ Трубецкихъ перешелъ на службу къ Іоанну III въ XV в.—Мало этого, среди княжескихъ родовъ шли свои родовые счеты: такъ князья Пенковы, изъ рода Ярославскихъ князей, считали себя выше другихъ родичей, ибо, по прямой линіи, происходили отъ В. Князя Ярославскаго.

Счеты по мѣстничеству были чрезвычайно сложны, запутаны. Такъ, напримѣръ, нужно было считать, на сколько степеней каждый изъ сыновей Воеводы Большаго Полка былъ старше каждаго изъ сыновей Воеводы Правой Руки. Внучата этихъ воеводъ продолжали считаться службою своихъ отцевъ, дѣдовъ и т. д. При развѣтвленіи родовъ запутанность все росла и росла.

Іоаннъ Грозный однако допустилъ мѣстничество только между воеводами, а прочимъ, меньшимъ чинамъ, велѣно было быть безъ мѣстъ. При этомъ добавлено, что служба безъ мѣстъ не должна была приниматься въ разсчетъ на будущее время, когда кто изъ меньшихъ чиновъ займетъ воеводское мѣсто, не должна путать родовыхъ счетовъ ихъ или говоря языкомъ того времени, наносить поруху ихъ роду. (С. Г. Г. Д. т. 2, № 38).

Царь Іоаннъ яснѣе, чѣмъ дѣдъ и отецъ его, сознавалъ необходимость заимствовать изъ Европы плоды цивилизаціи и культуры. Но мы видѣли выше изъ примѣра Фрязина, какъ по смерти Елены, спасаясь отъ боярскаго произвола, бѣжали изъ Россіи, иностранцы. Іоаннъ въ 1547 г., саксонцу Шлитте, умѣвшему говорить по русски, послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды объ успѣхахъ наукъ и художествъ въ Европѣ, поручилъ ѣхать посломъ въ Германію и вывезти оттуда: ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ, людей, *искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ и даже теологовъ* [1]).

Шлитте исполнилъ свое дѣло, набралъ требуемое число людей, Карлъ V, съ согласія Сейма, далъ разрѣшеніе выпустить означенныхъ людей изъ Германіи; но тупая, узкая политика Ганзы и Ливонцевъ, помѣшала благому дѣлу. Карлу V внушены были разнаго рода опасенія. Вслѣдствіе этого у Императора обнаружилось колебаніе и, хотя позволеніе не было отмѣнено, но Любекскій сенатъ дозволилъ себѣ *какъ бы самовольно* арестовать Шлитте и его спутниковъ. Шлитте возвратился черезъ десять лѣтъ, запутавшись въ дипломатическихъ переговорахъ о церковныхъ вопросахъ. Время отправки Шлитте, когда Адашевъ съ Сильвестромъ, чтобы ни говорили ихъ поклонники, не могли успѣть пріобрѣсти какое-бы то ни было вліяніе, а вызовъ теологовъ и юристовъ яснѣе всего указываютъ, какъ широки были планы Іоанна.

Столь же мало они виноваты въ созваніи церковнаго Собора, необходимость котораго, судя по вышеозначеной выписи, давно сознавали и Царь, и митрополитъ Макарій.

Стоглавомъ называются Записки о дѣяніяхъ Московскаго Собора 1551 г., которыя состоятъ изо ста главъ. Подлинное заглавіе ихъ—

[1]) По бумагамъ самого Шлитте, хранящимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, велѣно было набрать 123 человѣка изъ нихъ: 4 өеолога, 4 медика, 2 юриста, 4 аптекаря, 5 толмачей. (Карамзинъ, т. VIII, пр. 206).

Царскіе вопросы и Соборные Отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинахъ т. е. порядкахъ. Въ предисловіи сказано, что Соборъ созванъ Іоанномъ по совѣщаніи съ митр. Макаріемъ.

Въ рѣчи своей Іоаннъ указывалъ на печальныя явленія въ церковной жизни, которыя требуютъ исправленія: онъ указывалъ на порчу священныхъ книгъ, которыя переписываются съ неправильныхъ переводовъ, на безграмотность, на отсутствіе училищъ, грубые нравственные пороки и суевѣрія, пьянство, развратъ, на безчинное стояніе въ церквахъ и срамное ругательство при богослуженіи. Относительно училищъ рѣшено было выбрать въ городахъ добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища. (Гл. 26). На царское указаніе разныхъ нестроеній и безпорядковъ, отцы Собора большею частію отвѣчали—«и о томъ запретить, чтобы впредь этого не было или благочестивому царю свою царскую грозную заповѣдь учинити, чтобы дѣти и люди боярскіе (и сами бояре?) и всякіе бражники въ зерніе (въ азартныя игры) не играли».

Многія постановленія собора свидѣтельствуютъ, какъ силенъ былъ языческій элементъ, онъ вторгался даже въ церковный обрядъ. Такъ, когда изъ дома выходилъ свадебный поѣздъ, то передъ нимъ шелъ священникъ съ крестомъ, а передъ священникомъ бѣжали гусляры, органники и скоморохи съ музыкой и пѣснями. Скоморошьи-же пѣсни были далеки отъ христіанства. См. заключительную главу этой книги. Волхвы, колдуны и разные гадатели усердно морочили людей и распространяли суевѣрія, гадали по разнымъ книгамъ: Рафлямъ, Вороно-граямъ, Звѣздочетамъ. Кромѣ того по селамъ ходили лже-пророки и пророчицы босые, нагіе съ распущенными волосами. Нѣкоторые возвѣщали, что имъ являлась Св: Пятница и Св. Настасья и запрещали работать по пятницамъ и середамъ. Отцы Собора все это приписывали паденію древняго, благочестія; но, гораздо прежде Стоглаваго Собора, глубже на все это дѣло посмотрѣлъ Максимъ Грекъ. Онъ говорилъ, что у русскихъ духъ вѣры подавленъ мертвою обрядностію и невѣжествомъ. Тогдашніе грамотники, говорилъ онъ, по чернилу только бродили, силы-же написаннаго не разумѣли. Поэтому въ Стоглавѣ и встрѣчаются постановленія, основанныя на невѣрныхъ ссылкахъ, о брадобритіи, о двуперстномъ сложеніи креста, о сугубой аллилуіи. Такое невѣжество грамотниковъ и даетъ возможность понять, почему отцы Собора самыя невинныя вещи относили къ эллинскимъ бѣснованіямъ, къ которымъ они причисляли пѣсни, пляску, музыку и тому подобныя вещи. Къ эллинскимъ бѣснованіямъ Соборъ отнесъ употребленіе колбасы, тетеревей и зайцевъ, пойманныхъ силками. Смотря на все съ внѣшней стороны, Соборъ бритье бороды и усовъ приравнялъ, не много не мало, къ противоестественнымъ порокамъ.

Царь ясно видѣлъ, что постановленія такого собора, сущность

которыхъ состояла въ словахъ—запретить, приказать, раны не излечать и потому, посовѣтовавшись съ Митрополитомъ Макаріемъ, рѣшилъ завести типографію. Въ 1552 г. Датскій король Христіанъ III, по просьбѣ Царя, прислалъ типографщика. Въ 1553 г. устроена была въ Москвѣ типографія, гдѣ начали работать дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и товарищъ его, Петръ Тимофеевъ Мстиславцевъ, которые однако только черезъ 10 лѣтъ напечатали Апостолъ и Часовникъ. Но противъ типографщиковъ поднялся многочисленный классъ переписчиковъ, ремеслу которыхъ типографщики наносили убытокъ. Они пустили въ народѣ слухъ, что въ печатныхъ книгахъ учатъ ересямъ. Этого было довольно, чтобы темную народную массу поднять противъ дѣла, которое всѣмъ, и этой массѣ въ особенности, несло и умственное просвѣтленіе, и, въ будущемъ, лучшее матеріальное положеніе. *Невѣдавшіе*, что творятъ, сожгли типографію [1]). Макарія уже не было въ живыхъ.

Хотя это совершилось въ концѣ 1564 г., но Іоаннъ, не смотря на то, что занятъ былъ и ливонскою войною, и боярскою смутою, возобновилъ типографію. Андрей Невѣжа, одинъ изъ учениковъ Ѳедора и Мстиславцева, въ 1568 г. напечаталъ Псалтырь.

Н. И. Костомаровъ придаетъ Собору 1551 года значеніе церковно-политическое, говоря, что Стоглавъ въ дѣлѣ церковно-обрядоваго объединенія игралъ такую-же роль, какъ судебники въ дѣлѣ гражданскаго объединенія. Дѣйствительно, въ русской жизни до начала XVI ст. въ самой церковной сферѣ замѣчались областные оттѣнки, что особенно выражалось въ почитаніи тѣхъ или другихъ святыхъ и особенно чтимыхъ храмовъ. Въ житіи Прокофія Устюжскаго говорится: Каждая область блажитъ своего святого и мы. Устюжане, блажимъ Прокофія Устюжскаго. Въ Новгородѣ тоже долго продолжали отстаивать то, что Новгородцы чтили, какъ остатокъ своей автономіи; такъ они долгое время не хотѣли чтить св. Сергія, какъ патрона Москвы.

Митрополитъ Макарій, руководившій Стоглавымъ Соборомъ, принималъ дѣятельное участіе въ церковной литературѣ. Макарій собралъ житія русскихъ святыхъ и *чтомыя* книги, соединивъ ихъ съ днями чествуемыхъ святыхъ. Такъ, въ день пророка Іеремія помѣ-

---

[1]) Ѳедоровъ и Мстиславцевъ такъ пристрастились къ своему благородному и обще-полезному ремеслу, что продолжали заниматься типографскимъ дѣломъ и въ Литвѣ. Въ Заблудовѣ, около Бѣлостока, они, подъ покровительствомъ Ходкевича, ревнителя греческой церкви, въ 1569 г. напечатали Учительное Евангеліе и Псалтырь. Потомъ Петръ Тимофѣевъ Мстиславцевъ работалъ въ Вильнѣ, въ извѣстной тогда типографіи Мамоничей. Ѳедоровъ-же устроилъ Типографію во Львовѣ при Успенскомъ Храмѣ, гдѣ въ 1574 г. напечаталъ Апостолъ; потомъ переселился въ г. Острогъ, подъ покровительство князя Константина Константиновича Острожскаго, гдѣ въ 1580 г. онъ успѣлъ напечатать Псалтырь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ году Библію. Ѳедоровъ умеръ въ 1583 г. во Львовѣ.

щены книги его пророчествъ; въ день Іова—книга Іова; въ день пророка Исаіи—книга его пророчествъ; въ день Іоанна Богослова—его Евангеліе и Апокалипсисъ; въ день Іоанна Златоуста его Маргаритъ; и т. д. Въ древнихъ сказаніяхъ житія святыхъ изображались просто, въ нихъ встрѣчались указанія на нравы, повѣрья и суевѣрія, встрѣчались и вымыслы народной фантазіи. Но съ XIV в. пришла къ намъ вычурная, риторическая манера жизнеописаній. Въ XVI в. эта манера утвердилась и Макарій, къ сожалѣнію, ея придерживался. Будучи недоволенъ житіемъ Михаила Клопскаго, онъ поручилъ извѣстному тогда книжнику, боярину Михаилу Тучкову, дать этому житію, какъ нынѣ говорятъ, литературную форму. Михаилъ Тучковъ во вступленіи противопоставляетъ героевъ Греціи и Рима христіанскимъ святымъ. Это крайне-искусственное, несогласное съ исторіей и жизнію, противопоставленіе, онъ рисуетъ такъ:

«Слышалъ я нѣкогда, говоритъ онъ, книгу, прочитаему Тройскаго (т. е. Троянскаго) плѣненія, въ которой многія хвалы плетены отъ Омира и Овидія. Только ради единой буйственной храбрости, они такой похвалы сподобились, что память объ нихъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, не изгладилась. Но хотя и храбръ Еркулъ (Геркулесъ), но въ глубинѣ нечестія погружался и тварь паче творца почиталъ; также и Ахиллъ и Троянскаго царя Пріама сыновья, были Еллины (язычники) и отъ Еллинъ похваляемые такой прелестной славы сподобились. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами показали и такую благодать отъ Бога пріяли, что не только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли же оставимъ чудеса ихъ безъ проповѣданія?. (Ист. Рус. Словесности Порфирьева, ч. I, стр. 531). Таковыя изукрашенныя житія, почитаются и нынѣ раскольниками за древнѣйшія. Но вообще Сборникъ Макарія, соединяя въ себѣ почти всю русскую письменность, представляетъ важный историческій матеріалъ. Макарію приписываютъ и продолженіе Степенной Книги, начатой митр. Кипріаномъ въ XIV в. Это лѣтописный Сводъ, расположенный по степенямъ (поколѣніямъ) князей отъ Св. Владиміра. Вся цѣль Свода—прославленіе московскихъ князей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоанну помогалъ Макарій; но Іоаннъ не подчинялся ему безусловно. Въ церковныхъ вопросахъ есть слѣды вліянія на Іоанна нѣкоторыхъ сочиненій Кирилла Бѣлозерскаго и Максима Грека. Это видно изъ посланія Іоанна къ Гурію, архіепископу Казанскому: «Благо есть рѣчь Ваша еже старцемъ дѣти обучати: то-есть, долгъ всѣхъ васъ. Туне есть чернецовъ ангеломъ подобными именовати: Нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоего же, а подобитеся апостоламъ, ихъ же Господь посла учити и крестити. И се долгъ вашъ учити, учити же младенцы *не только читати и писати*, *но читаемое право понимати*... Не вопроситъ

Господь на судищи своемъ, какъ долго молистеся, какъ много постистеся, какъ чиновнѣ (т. е. въ какомъ порядкѣ) въ храмѣ воспѣваете, аще и вся сія добра а спросятъ колико бѣднымъ милости явисте и колико научисте (Карамзинъ, т. IX, прим. 815). Требованіе Іоанна, чтобы учили читать и читаемое понимать—прямой отвѣтъ на характеристику грамотѣевъ, сдѣланную Максимомъ Грекомъ, «по чернилу только бродили, силы-же написаннаго не разумѣли [1]).

Сильно возбужденное вниманіе къ церковнымъ вопросамъ не могло не отразиться на умахъ современниковъ, возбудились толки, которые, усердіемъ не по разуму, обращены въ ереси. Первымъ еретикомъ оказался Матвѣй Башкинъ. Вся ересь этого человѣка заключалась въ вопросѣ, отчего слова Спасителя не примѣняются къ жизни. «Въ Апостолѣ», говорилъ Башкинъ, «написано—*возлюбивше искренняго твоего, какъ самъ себе.* Христосъ всѣхъ называетъ братьями, а мы держимъ рабовъ; самъ я держу вольныхъ слугъ, хочетъ живетъ у меня, хочетъ нѣтъ». Священникъ, къ которому Башкинъ обратился за разъясненіемъ недоумѣній, не зная, что ему отвѣчать, по совѣту самого-же Башкина, обратился къ знаменитому Сильвестру, который, вкупѣ съ Адашевымъ, донесъ Царю о неслыханныхъ ересяхъ Башкина. Царь велѣлъ, посадивъ Башкина въ подклѣтъ, приставить къ нему старцевъ для увѣщанія. Самъ-же Царь уѣхалъ въ Коломну, ибо тогда ожидали нашествія крымскаго хана. На соборѣ 1554 г. предъявленъ списокъ заблужденій Башкина, составленный подъ руководствомъ митр. Макарія. Башкина съ его другомъ, Архимандритомъ Артеміемъ, обвиняли въ отрицаніи догмата Троицы, Таинствъ покаянія и Эвхаристіи, авторитета Вселенскаго Собора, въ непризнаніи Святыхъ... Даже самые пристрастные историки согласны, что всѣ эти мнѣнія не сложились въ стройное ученіе, что это были только толки, разговоры. Арх. Артемій, бѣжавшій въ Литву, проявилъ энергичную ревность къ православію. Башкинъ сосланъ былъ въ Волоколамскій монастырь. Судя по чрезвычайному пристрастію Собора и его руководителя Макарія, должно думать, что мягкимъ, относительно, наказаніемъ Башкинъ обязанъ самому Царю. Соборъ страшно былъ ожесточенъ противъ Башкина и этого ожесточенія было довольно, чтобы снять съ Іоанна обвиненіе въ жестокости по этому дѣлу. Изъ духовныхъ только Касьянъ, епископъ муромскій, и Ѳеодоритъ, апостолъ Лопарей, снисходительно отнеслись къ Башкину.

---

[1]) Карамзинъ въ вышеприведенномъ примѣчаніи, не отвергая вполнѣ подлинность посланія Іоанна, сомнѣвается въ слогѣ, онъ де мало похожъ на слогъ Іоанна. Неизвѣстно, чѣмъ мало похожъ? Въ посланіи замѣчается даже, присущая Іоанну, злая иронія: Іоаннъ писалъ—учите читаемое понимати, думая, конечно, себѣ на умѣ, если монахи сами понимаютъ.

Но чье ученіе дѣйствительно вполнѣ отрицало христіанство, такъ это ученіе Ѳеодосія Косого, бывшаго раба какого-то московскаго боярина, раба, постригшагося въ монахи на Бѣлоозерѣ. Осужденный на Соборѣ 1554 г., онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Игнатіемъ, бѣжалъ въ Литву, женился на еврейкѣ, а товарищъ его на полькѣ.

Ересь Косого изложена въ опроверженіи ея, написанномъ Зиновіемъ Отенскимъ. Косой рѣшительно отрицалъ догматъ Троицы. Онъ указывалъ своимъ слушателямъ на слова Апостола Петра: да разумѣетъ весь Домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа сотворилъ есть Богъ, (Дѣянія 2, 36).—Указавши, спрашивалъ: какъ же осмѣлились написать и говорить: вѣрую въ Сына Божія, Единороднаго, Иже отъ Отца рожденна, несотворенна Христа. Въ посланіяхъ апостола Павла указывалъ слова: Единъ бо есть Богъ и единъ Ходатай Богу и человѣкомъ человѣкъ Христосъ Іисусъ. Толкуя отдѣльно взятые тексты, отрицая воплощеніе, Косой естественно отвергалъ всѣ постановленія церкви.—(См. ист. Рус. Слов. Порфирьева, Т. I, стр. 556 и сл.). Въ Литвѣ его послѣдователи слились съ Социніанами, Унитаріями или Антитринитаріями. Зиновій Отенскій приходилъ въ ужасъ отъ ересей Косого и въ раздраженіи употреблялъ весьма неудобные пріемы, играя словами: Косой, рабъ. Ученіе Косого, говоритъ онъ, не можетъ быть прямымъ, т. е. правильнымъ; рабство, въ которомъ былъ Косой, самая худшая рекомендація для проповѣдника новаго ученія. Въ одномъ мѣстѣ Зиновій говоритъ: «Востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ (т. е. Магометомъ), Западъ Мартыномъ Нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву—Косымъ». Послѣднія слова въ высшей степени любопытны, изъ нихъ ясно, что Зиновій объ антитринитаріяхъ какъ-бы и не слыхивалъ.—Все ученіе ихъ у него воплотилось въ лицѣ Ѳеодосія Косого.

ГЛАВА XIII.

Послѣ паданія боярскаго правленія Іоаннъ уже въ 1547 г. сталъ думать о прекращеніи казанскихъ набѣговъ. Въ этомъ году ходилъ подъ Казань, по его повелѣнію, князь Горбатый-Шуйскій; но, достигнувъ р. Свіяги, кн. Горбатый возвратился безъ всякаго результата. Въ 1548 г. самъ царь двинулся было въ походъ зимою и достигъ до острова Работокъ (нынѣ село нижегородскаго уѣзда); но 12 февраля сдѣлалась оттепель, которая заставила его возвратиться. Однако онъ послалъ князя Бѣльскаго, который дошелъ до Казани, на Арскомъ Полѣ разбилъ Сафу-Гирея, съ недѣлю простоялъ подъ Казанью и возвратился съ полономъ. Въ 1549 г. казанцы сдѣлали вторженіе въ костромскіе предѣлы; но были побиты въ нынѣшнемъ Галицкомъ уѣздѣ. Въ 1550 г. выступилъ самъ Іоаннъ подъ Казань. осадилъ этотъ городъ, но 25 февраля снялъ осаду вслѣдствіе оттепели. Результатомъ этого похода была постройка Свіяжска, въ устьяхъ рѣки Свіяги. Изъ этаго города князь Серебряный лѣтомъ сдѣлалъ удачный поискъ подъ Казань; раззоривъ предмѣстья, онъ воротился въ Свіяжскъ. Результатомъ этого похода было подданство Нагорной стороны, паденіе крымской партіи въ Казани и возведеніе Шихъ-Алея на казанскій престолъ. Но важнѣйшимъ результатомъ было освобожденіе 60 т. русскихъ плѣнныхъ. Это количество русскихъ плѣнныхъ въ Казани наглядно даетъ понять размѣръ зла, которое намъ причиняла Казанская орда. Ханъ Ухтемышъ-Гирей, съ матерью Сюмбекою, отправленъ въ Москву. Но въ Казани были недовольны Шихъ-Алеемъ. Казанцы требовали отъ Шихъ-Алея, чтобы онъ хлопоталъ о возвращеніи Казанскому царству Нагорной Стороны. Шихъ-Алей не могъ этого выхлопотать, казанцы составили заговоръ и сносились съ Нагаями. Шихъ-Алей началъ властвовать терроромъ, казня безпощадно казанскихъ вельможъ. Число недовольныхъ росло. Шихъ-Алей просилъ вывести его изъ Казани; въ Москвѣ требовали, чтобы онъ подчинилъ Казань Москвѣ, какъ Касимовъ. Шихъ-Алей отвѣчалъ: «я, мусульманинъ, не хочу измѣнять своимъ». Съ другой

стороны нѣкоторые вельможи вошли въ сношеніе съ Москвою, и они также просили вывести Шихъ-Алея изъявляя готовность принять царскаго намѣстника. Шихъ-Алея вывели, казанцы присягнули; но въ рѣшительную минуту измѣнили, подстрекаемые нѣкоторыми вельможами... Казанцы много разъ измѣняли договорамъ. Самъ Шихъ-Алей, давши слово отпустить всѣхъ плѣнныхъ, многихъ задержалъ. Теперь Казанцы дали клятву впустить въ городъ русскихъ воеводъ, а сами у нихъ-же на глазахъ затворили ворота.

Изумительная настойчивость Іоанна въ борьбѣ съ Казанью могла убѣдить всякаго, что этотъ обманъ Казанцевъ заставитъ Царя покончить съ заклятымъ врагомъ разрушеніемъ гнѣзда хищниковъ. Однако дѣло было крайне трудно, Казань готовилась къ упорной оборонѣ. Отважные бойцы стекались изъ отдаленныхъ концовъ мусульманскаго міра, особенно изъ тѣхъ краевъ, гдѣ преобладалъ тюрко-татарскій элементъ. Даже турецкій султанъ Солиманъ, не имѣя возможности послать войска по отдаленности отъ Казанцевъ его царства, воодушевлялъ на подвигъ отдѣльныхъ борцевъ. Казань какъ-бы ожила передъ ожидаемой грозой. Наши сторожевые отряды не успѣли помѣшать вновь избранному царю Ядигару, ногайскому царевичу, пробраться въ Казань. Чуваши, Луговые Черемисы, поднялись на борьбу, Горная Черемиса, недавно присягавшая Іоанну, отложилась.

Возникалъ вопросъ, когда, въ какую часть года предпринять походъ. Шихъ-Алей и многіе бояре стояли за зимній походъ, когда рѣки и болота въ казанскомъ краю замерзали. Но въ случаѣ внезапныхъ оттепелей снова пришлось-бы отступить, возражали, ибо другіе чѣмъ войско многочисленнѣе, тѣмъ отступленіе опаснѣе. Однако за зимній походъ говорило еще одно обстоятельство — Москва и русская Украйна были зимою безопаснѣе отъ нашествія крымцевъ. — Но Іоаннъ рѣшилъ въ пользу лѣтняго похода. — Онъ очень хорошо понималъ, что разъ вопросъ для Казани поставленъ въ видѣ дилеммы—быть, или не быть, то казанцы и союзники ихъ, крымцы—сами нападутъ на Россію и, конечно, не будутъ дожидаться зимы.

Рано утромъ 16 Іюня 1552 г., отслушавъ молебенъ и простясь съ беременной женой, Іоаннъ выступилъ въ походъ на Коломну, Муромъ и Свіяжскъ. Часть войска должна была отправиться водою—Окою и Волгою, съ пушками и припасами. Нашествіе крымскаго хана нѣсколько замедлило походъ. О нашествіи крымскаго хана Іоаннъ получилъ извѣстіе на первомъ привалѣ и немедленно двинулся къ Коломнѣ. Здѣсь Іоаннъ распорядился занять всѣ переправы черезъ Оку, дабы разомъ прикрыть Коломну, Москву и другіе города. Черезъ нѣсколько дней Царь, получивъ извѣстіе, что ханъ осадилъ Тулу, послалъ на выручку города князей Пронскаго и Хилкова, поручая князьямъ Щенятеву и Курбскому съ 15 т. конницы развѣ-

довать положеніе дѣлъ и защищать край отъ загоновъ. — Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тулы Курбскій и Щенятевъ разбили одинъ изъ крымскихъ загоновъ. Туляки, увидѣвъ вдали пыль, ободрились, думая, что самъ Царь идетъ, сдѣлали отчаянную вылазку; ханъ, за три часа до прихода Курбскаго, бѣжалъ столь поспѣшно, что не предупредилъ загоновъ. Далѣе, по всей вѣроятности, хана догнали Князья Пронскій и Хилковъ и на берегахъ рѣчки Шивորони, притокѣ р. Упы, нанесли ему пораженіе. Такъ кончилось нашествіе крымскаго хана. (См. мою статью Предварительныя Замѣчанія къ исторіи Грознаго. Ж. М. Н. П. за 1891 г.).

По отраженіи Хана, Іоаннъ двинулся къ Свіяжску черезъ Владиміръ и Муромъ; а нарядъ, запасы и часть войска пошли рр. Окою и Волгою, подъ предводительствомъ Шихъ-Алея и князя Булгака-Голицы. Для прикрытія движенія того и другого войска отъ ногайскихъ татаръ, князьямъ Мстиславскому и Воротынскому велѣно было отправиться къ Алатырю черезъ Рязань и Мещеру. Въ Алатырѣ они должны были, присоединясь къ Іоанну, вмѣстѣ съ нимъ идти къ Свіяжску.

Передъ выступленіемъ въ походъ случилось событіе, которое могло имѣть вредное вліяніе на все войско: дѣти боярскіе В. Новгорода заявили, что, находясь съ весны на службѣ, они достаточно послужили и что имъ трудно будетъ перенести продолжительный и отдаленный казанскій походъ. Извѣстно, что средневѣковыя дружины, изъ привилегированныхъ классовъ, не любили дальнихъ походовъ. Іоаннъ сдержался. Онъ объявилъ, что тѣ, которые пойдутъ въ походъ, будутъ имъ пожалованы и будутъ содержаться на его счётъ, а кто хочетъ остаться пусть, остается въ Коломнѣ. Велѣно было переписать желающихъ и не желающихъ идти въ походъ. Естественно, что при поголовной переписи не желающихъ не оказалось.

Войско двинулось въ походъ и 13 іюля достигло Мурома. Здѣсь Іоаннъ получилъ извѣстіе объ усмиреніи свіяжскими воеводами Горной Черемисы и о прекращеніи заразныхъ болѣзней и разнаго рода печальныхъ явленій среди войска, стоявшаго въ Свіяжскѣ. На берегахъ р. Суры Іоаннъ соединился съ кн. Мстиславскимъ. Военные писатели, принимая во вниманіе, что войска проходили по пустыннымъ мѣстамъ и должны были сами прокладывать себѣ дороги и строить мосты, находятъ походъ весьма быстрымъ [1]). Къ счастью продовольствіе войска, по обилію дичи и рыбы въ этой тогда пустынной странѣ, было обезпечено. Приближаясь къ Свіяжску, Іоаннъ велѣлъ свіяжскому отряду, выступить ему на встрѣчу за два перехода. Вѣроятно, цѣль этого приказанія состояла въ томъ, чтобы на

---

[1]) См. походъ подъ Казань, ея осада и взятіе въ 1552 г. Капитана Трофимова.

обратномъ переходѣ къ Свіяжску, провѣрить неблагопріятные слухи, которые доходили въ Москву о свіяжскомъ отрядѣ. Казанцы передъ городомъ испортили всѣ гати и всѣ мосты, вдобавокъ во все время переправы нашихъ войскъ шли проливные дожди, обратившіе рѣчки въ глубокія рѣки и низменныя мѣста въ сплошныя болота. Переправа началась 16 августа и кончилась только 20-го. Означеннаго числа 150 т. войска, при 150 пушкахъ, расположились подъ Казанью. Еще изъ-подъ Свіяжска, Шихъ-Алей, по порученію Іоанна, писалъ къ Ядигару, уговаривая его покориться, явиться съ повинною головою къ Царю, но отъ Ядигара полученъ былъ рѣзкій и гордый отвѣтъ. Отъ перемѣтчиковъ Іоаннъ узналъ, что 30 тысячъ казанцевъ изготовились скорѣе умереть, чѣмъ сдать городъ, что 3 т. ногайскихъ татаръ одушевлены тѣмъ-же духомъ; — узналъ, что на дорогѣ къ Арскому городку устроены засѣки и стоитъ значительно сильный отрядъ, подъ начальствомъ Япанчи, чтобы дѣйствовать русскимъ въ тылъ. Іоаннъ остался непоколебимъ; но никогда его твёрдость и самостоятельность не подвергались такому испытанію, какъ въ день 24 августа. Утромъ этого дня Іоаннъ объѣхалъ всю линію расположенія русскихъ войскъ, отмѣтивъ мѣстности для производства осадныхъ работъ. Но вечеромъ, 24 августа, надъ Казанью разразилась страшная буря: палатки были сорваны, на Волгѣ потопило суда съ припасами, вслѣдствіе чего недѣли черезъ двѣ войску грозилъ голодъ; вожди, *премудрые синклиты*, какъ называетъ Курбскій своихъ друзей, заговорили о возвращеніи домой. «Когда потонули запасы», писалъ впослѣдствіи Іоаннъ Курбскому, «то черезъ три дня послѣ высадки вы хотѣли возвратиться домой».

Изъ новыхъ историковъ только Соловьевъ до нѣкоторой степени оцѣнилъ этотъ день. «Въ самомъ началѣ осады», говоритъ онъ, «твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе; но онъ не унывалъ, послалъ приказъ немедленно двинуть новые запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью, днемъ и ночью ѣздилъ кругомъ города, высматривая мѣста, гдѣ нужно было сдѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно. Къ этимъ словамъ писателя XIX в. можно прибавить еще отзывъ боярина XVI и начала XVIIв., князя Катырева-Ростовскаго, который, порицая Іоанна за жестокость, сознаетъ, что «за отечество Іоаннъ былъ стоятеленъ». Все дѣло борьбы съ Казанью было единственно въ рукахъ Іоанна и, въ виду очевидныхъ фактовъ, смѣшно было-бы это отрицать. Передъ началомъ осады, Іоаннъ отдалъ такой приказъ: «Я сказалъ боярамъ, воеводамъ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ: никто не смѣй и думать, безъ моего повелѣнія приступать къ городу. Я одинъ здѣсь повелѣваю, и когда вамъ будетъ дано повелѣніе, тогда и пострадаете за православную вѣру, ибо я и самъ хочу пострадать за вѣру и за свое отечество и не только раны принять; но и умереть (Софійскій Временникъ изд.

Строева, 1821 г., стр. 417). Такъ оно и было, своими распоряженіями послѣ несчастія 24 августа Іоаннъ показалъ большую проницательность. Заявивъ, что онъ будетъ зимовать подъ Казанью, Іоаннъ занялъ войско усиленными работами, дабы отнять время отъ безполезныхъ толковъ, пока всякаго рода новые запасы не прибудутъ подъ Казань.

25 августа Іоаннъ сдѣлалъ распоряженіе установить туры вдоль лѣваго берега Булака, работы велись впродолженіе всей ночи и къ 26 числу туры начали подкатывать къ стѣнамъ; но казанцы сдѣлали отчаянную вылазку, князь Воротынскій отразилъ эту вылазку, и, послѣ ожесточеннаго съ обѣихъ сторонъ боя, вогналъ ихъ въ городъ. Туры поставлены были въ 8 саженяхъ отъ крѣпости. Въ ночь на 27-е вылазка повторилась, и снова татары должны были бѣжать въ городъ. Туры вооружены большимъ нарядомъ, т. е. осадными орудіями, бояриномъ Морозовымъ, начальство надъ большимъ нарядомъ поручено было окольничему Петру Морозову. Нападенія мурзы Япанчи, который укрѣпился по дорогѣ къ Арску, долго мѣшали установкѣ туровъ вдоль берега р. Казанки. Не смотря на всѣ препятствія черезъ недѣлю Казань окружена была и 150 орудій, со всѣхъ сторонъ стали обстрѣливать крѣпость; но нападенія Япанчи, его угрожающее положеніе ставили русское войско въ опасное положеніе. Кормовщики (фуражиры) не могли отъѣхать отъ стана, не опасаясь попасться въ руки Япанчи. Іоаннъ созвалъ совѣтъ и на совѣтѣ рѣшено было раздѣлить войско на двѣ части, говоря современнымъ языкомъ, на два корпуса, осадный и наблюдательный. Начальство надъ послѣднимъ получилъ одинъ изъ даровитѣйшихъ вождей Іоанна, князь Горбатый-Шуйскій. Онъ заманилъ Япанчу въ засаду и 30 августа нанесъ ему столь жестокое пораженіе, что почти все войско Япанчи было истреблено. Князь Горбатый-Шуйскій, заранѣе выславъ отрядъ пресѣчь отступленіе Япанчи, поставилъ его между двухъ огней и преслѣдовалъ разбитаго непріятеля на разстояніи 15 верстъ.

Пораженіе Япанчи поставило Казань въ весьма затруднительное положеніе. Іоаннъ предложилъ еще разъ—сдать городъ, но отвѣта не послѣдовало. Іоаннъ приказалъ плѣнныхъ привязать къ кольямъ передъ крѣпостію, чтобы они умоляли о сдачѣ. Въ отвѣтъ на ихъ мольбы, казанцы закричали: «умрите лучше отъ рукъ правовѣрныхъ, чѣмъ отъ рукъ необрѣзанцевъ», и пустили тучу стрѣлъ... Этотъ отвѣтъ показалъ, что надѣяться на добровольную сдачу невозможно. Іоаннъ приказалъ нѣмецкому инженеру, по тогдашнему розмыслу, вести подкопъ подъ крѣпость со стороны Булака. Пока вели подкопъ, у Іоанна возникъ, вопросъ: откуда казанцы берутъ воду, будучи оттѣснены и отъ Казанки, и отъ Булака. Отъ плѣнныхъ узнали, что у берега Казанки есть ключъ, сообщающійся съ крѣпостью. Перекопать этотъ тайникъ, вслѣдствіе каменнаго грунта,

было невозможно, но мѣсто Тайника было опредѣлено. Іоаннъ велѣлъ подъ Тайникъ вести подкопъ. Розмыслъ долженъ былъ указать, какъ его вести, сдѣлать главныя распоряженія и возвратиться къ своей важнѣйшей работѣ; наблюденіе-же за этими работами поручено было Алексѣю Адашеву. Къ 4 сентября этотъ малый подкопъ былъ готовъ и взорванъ; по взрывѣ въ городъ ворвался небольшой отрядъ, но не удержался и долженъ былъ отступить. Казанцы продолжали упорную защиту и въ то-же время снова показался Янанча, на Арскомъ полѣ, изъ построеннаго имъ острога или крѣпостцы. Іоаннъ приказалъ кн. Горбатому - Шуйскому захватить острогъ и опустошить всю мѣстность на разстояніи 56 верстъ до Арскаго Городка, что 6 сентября и было исполнено.

20 сентября за рѣкою Казанкою случилось событіе, вредившее дѣлу: русское войско, благодаря оплошности кн. Курбскаго, потеряло стадо коней, необходимый запасъ для конницы. Самъ Курбскій старается по возможности умалить эту потерю. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительный отрядъ конницы, пушки, онъ допустилъ Черемисъ, съ ихъ лучнымъ боемъ, сдѣлать внезапное нападеніе и отбить цѣлыя стада коней. Черемисъ догнали и, по словамъ Курбскаго, «нѣкоторыхъ побили, нѣкоторыхъ въ полонъ взяли». Это значитъ, что захватили отставшихъ Черемисъ въ плѣнъ; о стадахъже, отбитыхъ Черемисами, которыхъ, явно, отнять не могли, и рѣчи нѣтъ.

Изъ дальнѣйшихъ событій осады замѣчательны слѣдующіе эпизоды. Построена была дьякомъ Выродковымъ башня въ 6 сажень высоты, которую и подкатили къ мѣсту противъ царскихъ воротъ. Башня вооружена была 10 осадными орудіями и 50 малаго колибра; съ этой башни и начали громить Казань вдоль стѣнки, отъ нея повели второй подкопъ подъ стѣны крѣпости. Кн. Воротынскій, послѣ отчаяннаго боя, захватилъ Арскую башню и вторгся было въ городъ; но такъ какъ не всѣ полки были готовы къ штурму, Іоаннъ велѣлъ вывести изъ города войско. Іоаннъ ожидалъ, когда будутъ покончены два главные подкопа. Но до взрыва ихъ успѣли 30 сентября взорвать тарасы, укрѣпленія внѣ стѣнъ, ибо за этими тарасами укрывались татары, вредившіе работамъ.

Во время стычекъ русскіе понесли важную потерю въ лицѣ Петра Морозова, начальника большого наряда, его мѣсто занялъ казначей Ѳома Петровъ.

Подкопы были окончены къ 1-му октября. Казанцамъ снова было предложено сдаться и снова полученъ отказъ.

Въ лѣтописяхъ разсказъ о штурмѣ принимаетъ характеръ эпическій, съ оттѣнкомъ чудеснаго; знакъ, что событіе произвело громадное впечатлѣніе. На разсвѣтѣ Іоаннъ слушалъ литургію, когда ему Воротынскій донесъ, что Казанцы замѣтили подкопы и такъ какъ подкопы были кончены, то Іоаннъ велѣлъ гото-

виться къ штурму. Штурмъ начался послѣ взрыва второго подкопа [1]).

Русскіе со всѣхъ сторонъ двинулись на приступъ. Татары обливали ихъ кипящею смолою, скатывали на нихъ бревна, кололи копьями, но остановить не могли; казанцы были опрокинуты со стѣнъ. Но въ то время, когда казался близокъ окончательный успѣхъ, Іоаннъ вдругъ увидѣлъ бѣгущихъ изъ города съ криками: «сѣкутъ, сѣкутъ». Іоаннъ поблѣднѣлъ и страшно опечалился, думая, что бѣжитъ все войско; это былъ опасный эпизодъ въ исторіи осады. Онъ случился въ отрядѣ прославлявшаго себя Курбскаго. Самъ онъ глухо и кротко разсказываетъ этотъ фактъ. Онъ говоритъ: «Много насъ пошло къ штурму, но мало подошло къ городскимъ стѣнамъ, многіе притворились ранеными и мёртвыми, а иные воротились. Но когда татаръ прижали къ стѣнѣ, (разумѣется на другихъ пунктахъ), тогда раненые исцѣлились, мертвые ожили, изъ степи прибѣжали кашевары, стража, бросившіе стрегомыхъ коней и вкупѣ бросились грабить лавки, склады товаровъ, дома богатыхъ татаръ». Такимъ образомъ ясно, что грабежъ начали воины изъ отряда Курбскаго, изъ него-же явились и всѣ эти волонтеры грабители. Іоаннъ немедленно двинулъ половину своего полка, т. е. 10 т. на помощь осаждающимъ, а съ другой половиной самъ подъ царской хоругвію, медленно двинулся впередъ. Коня его вели бояре, онъ остановился у царскихъ воротъ, ожидая результата дѣйствій, посланнаго имъ подкрѣпленія. Это подкрѣпленіе измѣнило ходъ боя. Татары оттѣснены были къ ханскому дворцу. Русскіе вторглись въ ограду дворца и едва не убили спрятавшагося Ядигара, котораго захватилъ князь Палецкій. (См. Софійскій Временникъ изд. 1821 г.).

Такъ пала Казань [2]).

10 Октября прибыли начальники отрядовъ, которые покоряли Вотяковъ, Черемисы сами покорились. Тѣхъ и другихъ обложили

---

[1]) Въ лѣтописи разсказывается: Едва Дьяконъ прочелъ въ Евангеліи слова: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», какъ грянулъ первый взрывъ. Іоаннъ вышелъ посмотрѣть и увидѣлъ бревна, обломки строеній, обезображенные трупы, взлетѣвшіе на воздухъ. Іоаннъ пошелъ дослушать литургію. Когда дьяконъ возгласилъ эктенью: и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата, послѣдовалъ 2-й, еще ужаснѣйшій взрывъ.

[2]) Плѣненіе Ядигара Курбскій описываетъ, по своему обычаю, съ риторическими украшеніями. Что касается до эпизода о грабежѣ въ Казани, о паническомъ страхѣ въ его отрядѣ, то сглаживая этотъ, непріятный для его самолюбія, фактъ, онъ старается сосредоточить вниманіе читателя на мнимой трусости Іоанна, на мудрости совѣтниковъ, не называя какихъ, будто-бы бывшихъ около Іоанна которые хотяще. не хотяще повели коня его къ царскимъ воротамъ. Арцыбашевъ еще въ 1838 г. замѣтилъ, что Курбскаго около Іоанна не было, самъ онъ ничего не видалъ. Отъ чего бы ему было не назвать синклитовъ, которые якобы такъ распорядились именемъ Іоанна. Всѣ лучшіе вожди были далеко. Любимецъ же его, Алексѣй Адашевъ, не выказалъ никакого военнаго таланта.

ясакомъ.—Покорностію черемисъ успокоили Іоанна и потому, 11 Октября, отправивъ конницу берегомъ, самъ онъ отплылъ на ушкуяхъ, большихъ лодкахъ, Волгою, черезъ Нижній и Балахну. Изъ этого города онъ сухопутно поѣхалъ во Владиміръ. 29 Октября Іоаннъ возвратился въ Москву, встрѣченный такою массою народа, что на пространствѣ шести верстъ для Государя и его дружины оставался лишь тѣсный путь. Старые и молодые привѣтствовали его какъ побѣдителя варваровъ, избавителя Христіанъ. О замиреніи Черемисъ донесли Іоанну легкомысленно. 10 Марта 1553 г. Іоаннъ получилъ отъ князя Горбатаго-Шуйскаго донесеніе, что Вотяки и Луговая Черемиса возмутилась и присягу нарушили. Это обстоятельство и дало ему впослѣдствіи поводъ написать къ Курбскому, что его, посадивъ на суда, везли, какъ плѣнника, сквозь непріятельскую землю. Эти слова означали упрекъ боярамъ за легкомысліе, съ которымъ посовѣтовали ему ѣхать по Волгѣ, подъ прикрытіемъ легкаго отряда среди бунтующей Черемисы, точно плѣнника подъ конвоемъ. Нѣкоторые историки это обстоятельство пріурочили къ походу подъ Казань, а не изъ Казани. Это тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ источники ясно говорятъ, что Іоаннъ шелъ къ Казани сухимъ путемъ.

Популярность Іоанна послѣ завоеванія Казани была громадна, бояре чувствовали, что онъ сталъ передъ ними на недосягаемую высоту и, кажется, поняли, по крайней мѣрѣ должны были понять и сожалѣть, что ихъ фамильные раздоры, тщеславіе и высокомѣріе помѣшали имъ самимъ совершить этотъ подвигъ во время малолѣтства Іоанна.

По всѣмъ извѣстіямъ мы знаемъ, что Іоаннъ, по взятіи Казани, горячо благодарилъ всѣхъ воеводъ и воиновъ за службу. Онъ ни слова не упоминалъ о чьихъ либо промахахъ, управленіе краемъ ввѣрилъ князю Горбатому-Шуйскому, далъ важное порученіе Петру Шуйскому, фамилія котораго не могла внушить ему особеннаго довѣрія. И вотъ, въ подобную минуту Курбскій заставляетъ Іоанна говорить боярамъ такія слова: «Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ Васъ. Пока Казань стояла, я не могъ Васъ мучить, ибо Вы мнѣ были нужны, а теперь мнѣ свободно Васъ мучить какъ мнѣ угодно». Эти слова годились-бы въ какую-нибудь сказку. Довѣріе, оказанное Іоанномъ фамиліи Шуйскихъ послѣ взятія Казани свидѣтельствуетъ о готовности его, на радостяхъ, забыть все прошлое. Но Курбскій хорошо зналъ тѣхъ, для кого онъ писалъ.

Къ несчастію, въ 1553 г. случилось событіе, которое вновь возбудило справедливое подозрѣніе Царя противъ бояръ.

Іоаннъ отправился въ Сергіевскую-Троицкую обитель, вмѣстѣ съ Анастасіей, крестить сына, Димитрія, поручивъ боярамъ заботиться о дѣлахъ казанскихъ, а потомъ и о кормленіяхъ. «Но бояре», говоритъ наивный лѣтописецъ, «отъ великаго подвига и труда утомишася

(т. е. отъ взятія Казани) *и малаго подвига и труда не стерпѣли докончити* и, возжелавши богатства, начаша о кормленіяхъ сидѣти; а казанское строеніе поотложиша». И такъ, безъ зоркаго глаза Іоанна, бояре не съумѣли сдѣлать и малаго дѣла, за то прилежно занялись *кормленіемъ* т. е. распредѣленіемъ мѣстъ болѣе или менѣе доходныхъ.

Возвратясь отъ Сергія, Іоаннъ заболѣлъ 11 марта такою сильною горячкою, что дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый рѣшился напомнить Царю о духовной, которая у него всегда была готова. Потребовалась присяга на имя Царевича Димитрія, отъ князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Царя, и отъ бояръ. Владиміръ Андреевичъ заупрямился, начались брань, крики. Князь Иванъ Шуйскій нашелъ предлогъ отказаться отъ присяги на томъ основаніи, что въ Палатѣ, въ которой назначена была присяга, не было самого Государя и присягать было не передъ кѣмъ. Наконецъ, окольничій Ѳедоръ Адашевъ высказался прямо: «Знаетъ Богъ и ты, Государь, Тебѣ и Царевичу мы присягаемъ; но Захарьинымъ, Даніилу Романовичу съ братіей — служить отказываемся. Сынъ у тебя еще въ пеленахъ; управлять нами станетъ Даніилъ и братья его; а мы уже и до твоего совершеннолѣтія видѣли много напастей отъ бояръ». Поднялся шумъ, заявленія, что не хотятъ служить пеленочному. Только къ вечеру дали присягу: Мстиславскій, Воротынскій, Шереметевъ и къ удивленію, въ числѣ вечернихъ присяжниковъ, находимъ имена Даніила Романовича и Василья Михайловича Юрьевыхъ, брата и дядю Анастасіи. Это значитъ, что по утру и, они, опасаясь бояръ не осмѣлились присягнуть. Вѣроятно, эта робость и вызвала горькій упрекъ Іоанна роднымъ его жены. «А Вы, Захарьины», молвилъ Іоаннъ, «чего страшитесь? Или думаете, что бояре пощадятъ Васъ? Вы первые будете отъ нихъ мертвецы. Вы должны жертвовать жизнію за моего сына и мою жену. Не дайте ее на поруганіе боярамъ».

Такъ Іоанну пришлось Романовымъ повторить рѣчь, сказанную отцомъ его—Глинскимъ.

Во время смуты многіе бояре завели сношенія съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ его матерью Ефросиніею, которые раздавали деньги своимъ дѣтямъ боярскимъ, что бояре, оказавшіе преданность Іоанну, находили въ данное время, т. е. во время болѣзни Іоанна, неприличнымъ. Владиміра Андреевича перестали пускать къ Іоанну. Многіе двоедушничали, такъ князь Палецкій, дочь котораго была за Юріемъ Васильевичемъ, братомъ царя, на котораго, по причинѣ его слабоумія, не обращали вниманія, заявилъ, что онъ не будетъ противиться воцаренію Владиміра, если его зятю дадутъ удѣлъ, завѣщанный Василіемъ Ивановичемъ. Князь Шкурлятевъ и казначей Фуниковъ, присягавшіе на третій день, также заподозрѣвались въ сношеніяхъ съ Владиміромъ Андреевичемъ и

съ его матерью. Но болѣе всѣхъ возбудилъ подозрѣніе благовѣщенскій протопопъ Сильвестръ. Онъ возсталъ противъ бояръ, не допускавшихъ Владиміра къ больному, увѣряя вопреки всему, у всѣхъ совершившемуся на глазахъ, что Владиміръ доброжелательствуетъ царю. Оправившись отъ тяжкой болѣзни, Іоаннъ, естественно, дѣлами заниматься не могъ; послѣ испытаннаго имъ физическаго и нравственнаго потрясенія, его организмъ требовалъ отдыха. Онъ предпринялъ путешествіе по монастырямъ, которое всегда служило для его предшественниковъ и отдыхомъ, и развлеченіемъ. Онъ взялъ съ собою и жену съ ребенкомъ. Для Анастасіи еще болѣе необходимо было развлеченіе, ибо трудно опредѣлить мѣру страха, испытаннаго ею въ дни смуты, страха за себя, за сына. Въ эти дни боярство въ царицѣ и въ ея братьяхъ создало себѣ опасныхъ враговъ.

Послѣдовавшій черезъ нѣкоторое время разрывъ Іоанна съ его довѣренными лицами старались приписать внушеніямъ бывшаго коломенскаго епископа Василіана Топоркова, какъ будто бы недовольно было всего случившагося.

Разсказъ князя Курбскаго о свиданіи царя съ Вассіаномъ, бывшимъ ростовскимъ епископомъ, полонъ баснословія. На пути къ этому монастырю Максимъ Грекъ пророчитъ царю о смерти его сына. Вассіанъ *шепчетъ* Іоанну: «Не держи людей умнѣе себя». Соловьевъ замѣчаетъ, что шепчутъ не для того чтобы всѣ слышали. Конечно Соловьевъ не принимаетъ *шепталъ на ухо* буквально, а подразумѣваетъ тайные, съ глазу на глазъ данные совѣты. Вся эта сказка написана только для того, чтобы показать, что друзья Курбскаго, Сильвестръ и Адашевъ, были умнѣе Іоанна. Такъ какъ Вассіанъ былъ очень близокъ къ отцу Іоанна, то понятно, что Царь захотѣлъ распросить его о многомъ и сказка *о шептаніи* показываетъ только, что Іоаннъ сохранилъ разговоръ съ Вассіаномъ въ строжайшей тайнѣ. Если бы ему нужны были совѣты Вассіана, то онъ могъ бы его взять въ Москву; однако онъ этого не сдѣлалъ.

Усмиреніе бывшаго казанскаго царства продолжалось лѣтъ пять. Народонаселеніе его было разнообразно. Оно, кромѣ татаръ, состояло изъ черемисъ, жившихъ по берегамъ Волги и дѣлившихся на луговыхъ и горныхъ; вотяковъ по Камѣ, въ Арской землѣ и преимущественно въ нынѣшней уфимской губерніи; башкиръ, ихъ сосѣдей; наиболѣе смирныхъ—чувашей и мордвы.—Подстрекаемые татарскими мурзами, особенно сильно сопротивлялись луговые черемисы, не разъ истреблявшіе безпечные русскіе отряды, откуда пословица: «Съ одной стороны черемиса, съ другой берегися». Не менѣе сильно сопротивлялись и вотяки. Усмиреніе ихъ совершено было съ безпощадною жестокостью, издревле обычною, при столкновеніи русскихъ славянъ съ финнами, съ первыхъ шаговъ нашей исторіи; воеводы Морозовъ и Салтыковъ, more majorum, избивали

поголовно мужчинъ и брали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. (См. Хрестоматію Русской Исторіи проф. Аристова. Отдѣлъ: Борьба съ инородцами. Обратить вниманіе на года—1130 и 1367).

Въ самый разгаръ этихъ усмиреній въ Казани учреждена архіепископская каѳедра для новообращенныхъ и обращаемыхъ въ христіанство; первымъ архіепископомъ былъ Гурій, въ наказѣ которому совѣтовалось дѣйствовать при обращеніи въ христіанство кротостью и убѣжденіемъ.

За усмиреніемъ казанской земли, русскія владѣнія пришли въ непосредственное столкновеніе съ ногайскими ордами, съ астраханскимъ царствомъ и съ кавказскими народами, особенно съ черкесами.

Астрахань лежала на устьѣ Волги, но предѣлы Астраханскаго царства опредѣлить трудно, вѣроятно на сѣвѣрѣ они ограничивались р. Самарою; но это значительное пространство, за исключеніемъ окрестностей Астрахани, было пустынно. Власть астраханскаго хана, точно также, какъ и власть хановъ казанскихъ, была отраничена мурзами и беками. Хановъ своихъ астраханцы выбирали, большею частію, изъ ногайскихъ князей. Ногайскіе улусы дѣлились на двѣ орды: большая орда между Волгой и Аральскимъ моремъ и малая орда между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Ханы, или улумбеи, потомки Эдигея, избирались по родовому старшинству. Постоянные споры за престолъ ослабляли силу нагайской орды. Ногайскія усобицы отражались и на судьбѣ астраханскаго царства. Такъ, около 1554 г., астраханскій ханъ Ямгурчай оскорбилъ русскаго посла. Противъ Ямгурчая, по своимъ расчетамъ, поднялся ногайскій князь Измаилъ, Ямгурчая-же поддерживалъ князь Юсуфъ, отецъ Сюнбеки. Въ 1554 г. противъ Астрахани выступило русское войско, подъ предводительствомъ князя Пронскаго, которому поручено было возвести на престолъ Дербышъ Алея, родственника мурзы Измаила, что и было исполнено безъ труда. Разбитый Ямгурчай бѣжалъ почти со всѣмъ населеніемъ Астрахани. Дербышъ обѣщался платить дань частію деньгами, частію рыбою. Нашимъ рыболовамъ дозволено было ловить рыбу отъ Казани до Астрахани. Но Дербышъ не долго оставался вѣренъ Іоанну, подстрекаемый изъ Крыма, Дербышъ выгналъ русскаго посла съ его дружиною и пересталъ платить дань. Іоаннъ послалъ въ 1556 г. войско, при приближеніи котораго Дербышъ бѣжалъ. Іоаннъ новаго хана не назначилъ и Астрахань окончательно была присоедина къ русской державѣ.

Завоеваніемъ Астрахани вся Волга до устья ея стала русскимъ достояніемъ. Въ словахъ русской пѣсни о Грозномъ:—*онъ Казань городъ взялъ, мимоходомъ городъ Астрахань*, выразилось радостное настроеніе, потому что завоеваніе это было необходимо и священно въ глазахъ русскаго народа. Смыслъ и значеніе

этого подвига былъ вполнѣ понятенъ народу. Соловьевъ замѣтилъ, что подвигъ этотъ былъ гораздо понятнѣе, чѣмъ стремленіе Іоанна завоевать берега Балтійскаго моря, или завоеваніе ихъ Петромъ Великимъ.—Идея о необходимости просвѣщенія для Россіи, и необходимости сближенія съ Европой, для народныхъ массъ была недоступна.—Точно также и экономическія выгоды отъ пріобрѣтенія Поволжья отъ устья Суры до р. Яика и Каспійскаго моря народъ оцѣнить могъ—селись гдѣ хочешь, обрабатывай землю, сколько силъ хватитъ.—Но экономическія выгоды пріобрѣтенія береговъ Балтійскаго моря массы не понимали.

Послѣ покоренія Астрахани, Іоаннъ запретилъ нагайскимъ князькамъ писать ему «братъ нашъ». Первымъ княземъ, получившимъ отъ Іоанна выговоръ за излишнюю фамильярность былъ вышеозначенный Измаилъ, который въ грамотѣ къ Іоанну: на основаніи старшинства лѣтъ, назвалъ себя, «отецъ твой». На это письмо полученъ отвѣтъ: «Впредь такихъ бездѣльныхъ словъ не писать».

Съ 1552 г. въ Москву стали пріѣзжать князья кавказскихъ народовъ съ жалобами другъ на друга. Тогда же прибыли въ Москву послы отъ одного изъ мелкихъ владѣтелей сибирскихъ татаръ, отъ Едигара, съ предложеніемъ покорности, что и было принято.

Послѣ покоренія Казани, подданства горскихъ князей и даже послѣ покоренія Астрахани, столкновенія съ Крымомъ не только не прекращались, но еще участились. Въ 1555 г. къ Іоанну обратились за помощью горскіе князья, угрожаемые нашествіемъ хана.—Ханъ, однако, вмѣсто Кавказа, повернулъ къ Москвѣ. У мѣстечка Судьбищъ встрѣтилъ его Иванъ Васильевичъ Шереметевъ и на два дня задержалъ хана, который, узнавъ о выступленіи въ походъ самаго царя съ большими силами, поспѣшно отступилъ. Потомъ сдѣланъ былъ рядъ поисковъ на Крымъ. Въ 1556 г. дьякъ Ржевскій сдѣлалъ нападеніе на Кермень—Очаковъ, безъ особенно важныхъ результатовъ. Въ 1557 г. къ Іоанну перешелъ на службу атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ, князь Димитрій Вишневецкій. Онъ захватилъ крѣпость Кермень и пушки перенесъ въ свое укрѣпленіе на о-вѣ Хортицѣ; но, осажденный турками и татарами, покинулъ Хортицу. Іоаннъ призвалъ его въ Москву и далъ ему въ кормленіе городъ Бѣлёвъ. Въ 1559 г. Вишневецкій опять сдѣлалъ поискъ одновременно съ поискомъ Даніила Адашева, брата Алексѣя, поискъ котораго былъ самый удачный. Адашевъ выплылъ Днѣпромъ въ Черное море и опустошилъ западные берега Крыма, что показываетъ только неожиданность нападенія: Ханъ не успѣлъ собрать необходимаго числа всадниковъ, какъ Адашевъ, захвативъ небольшое число плѣнныхъ, вышелъ въ море.

Посольство Девлетъ-Гирея, просившаго мира въ 1557 г. и подвигъ Адашева внушали надежду, что Крымъ легко покорить.—Но Іоаннъ понималъ дѣло основательнѣе, легкій успѣхъ пар-

тизанскихъ нападеній не ослѣпилъ его. Онъ понималъ, что за Крымомъ стоитъ могущественная Оттоманская имперія съ грознымъ флотомъ и еще болѣе грозною пѣхотою янычаръ, тогда лучшимъ войскомъ въ Европѣ. И для того, чтобы съ такимъ противникомъ вступить въ борьбу, нужно было степями вести войско съ большими запасами и провіантомъ. Можно-ли было надѣяться на успѣхъ? Крымъ могли покорить только при Екатеринѣ II, когда она нашла степи уже заселенными при Елизаветѣ.

Разногласію царя съ боярами приписываютъ слишкомъ много значенія въ послѣдующихъ событіяхъ. Разладъ, который у Іоанна начался съ боярами, корень свой имѣлъ, какъ мы видѣли, во всей Московской исторіи. Даже поведеніе бояръ во время болѣзни Іоанна подлило только масла въ огонь, который и безъ того ежечасно готовъ былъ вспыхнуть; онъ совсѣмъ-то и не потухалъ во все царствованіе Іоанна. Выше уже было замѣчено, что Земскій Соборъ 1550 г., Соборъ Церковный, Казанскія и Астраханскія дѣла отвлекли вниманіе историковъ отъ боярскихъ дѣлъ за этотъ періодъ времени. Но есть фактическія свидѣтельства, что и послѣ якобы примиренія съ боярами на Земскомъ Соборѣ въ 1550 г., и послѣ приближенія Сильвестра и Адашева, боярскія отношенія измѣнились весьма мало. Была только одна минута, когда примиреніе казалось возможнымъ, это время послѣ покоренія Казани, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ 1554 г. князь Никита Семеновъ Ростовскій собрался бѣжать въ Литву и былъ пойманъ дѣтьми боярскими въ Торопцѣ. Онъ показалъ, что его отправилъ князь Симеонъ Ростовскій извѣстить короля, что онъ къ нему отъѣхать хочетъ. На слѣдствіи оказалось, что князь Семенъ сносился съ литовскимъ посломъ, сообщалъ ему, что говорилось въ Боярской Думѣ, а также о намѣреніяхъ Царя, черезъ что *мѣшалъ заключенію мира*. Князь Семенъ, сторонникъ Владиміра Андреевича, оправдывалъ себя бѣдностію, глупостію и расточительностію. Къ такому же бѣгству онъ подговорилъ родственниковъ своихъ князей Лобановыхъ-Ростовскихъ и Пріимковыхъ. Судъ приговорилъ князя Семена къ смертной казни, Іоаннъ уже распорядился исполнить приговоръ; но митрополитъ Макарій съ архіереями упросили помиловать. Іоаннъ исполнилъ его просьбу, князь Семенъ Ростовскій сосланъ былъ на Бѣлоозеро. Этотъ Семенъ Ростовскій былъ большой пріятель Сильвестра и Адашева. Если одни пріятели передавали тайны государственныя иноземному Государю и мѣшали заключенію мира; то не лучше поступали, въ это препрославленное время Сильвестра и Адашева, намѣстники областей.

Въ 1556 г., Іоаннъ узнавъ, что многіе намѣстники своими хищническими дѣлами заставили жителей бѣжать изъ городовъ и селъ и что многіе изъ этихъ намѣстниковъ получили кровавое возмездіе отъ мѣщанъ и мужиковъ, приказалъ опредѣлить (понятно тамъ,

гдѣ ихъ не было) старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ, поручивъ имъ самимъ (безъ намѣстниковъ) судить разбои, татьбы и всякія дѣла. Тогда дьякамъ приказано было брать съ обывателей подати, соразмѣрно промысламъ и владѣемой землѣ. Изъ донесеній дьяковъ Государь увидѣлъ, что многіе вельможи и воины завладѣли многими землями, служба же ихъ была, сравнительно съ жалованьемъ, весьма скудная [1]). Этотъ вопросъ о намѣстникахъ подготовилъ разладъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ, разладъ, причины котораго обстоятельно изложены въ отвѣтѣ Іоанна на первое письмо Курбскаго.

Напомнивши Курбскому, что онъ призвалъ Сильвестра ради духовнаго совѣта, а не ради дѣлъ мирскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ о прощеніи боярамъ на Соборѣ 1550 г. всего совершеннаго ими во время юности его, Іоаннъ упрекаетъ бояръ, что «они перваго лукаваго обычая не оставили, опять служили ему лукавымъ совѣтомъ. Тогда Сильвестръ сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ и пріобрѣлъ вліяніе по мирскимъ дѣламъ. Тогда и начали бояръ въ самовольство приводить снимающе съ насъ власть т. е. какъ бы и власти надъ боярами не было. Такъ утвердилось злое дѣло и стали Вамъ возвращать вотчины, города и села, которые уложеніемъ Великаго Государя, Дѣда нашего у Васъ отняты были.—Хитростію ввели въ боярскій совѣтъ князя Курлятева и, по совѣту съ нимъ, во всѣ мѣста насажали своихъ единомышленниковъ. Такъ было въ дѣлахъ внѣ дома, но и въ домѣ, все устроили по своему». (Сочиненія Курбскаго, изд. 3, стр. 163, 164).

С. М. Соловьевъ, на основаніи переписки Іоанна съ Курбскимъ, сдѣлалъ одно весьма тонкое замѣчаніе: Іоаннъ выказываетъ болѣе раздраженіе противъ *собаки* (выраженіе Грознаго), Алексѣя Адашева, чѣмъ противъ Сильвестра.

Вѣроятно вышеуказанное возвращеніе вотчинъ онъ приписывалъ исключительно Адашеву, понимавшему значеніе факта; Сильвестръ же, вѣроятно, мало понимая значеніе возвращенія вотчинъ, закрылъ его своимъ авторитетомъ отъ глазъ царя. Все, по словамъ Іоанна, дѣлалось тайно. Вышеуказанное распоряженіе Іоанна о намѣстникахъ, сдѣланное въ 1556 г., привлекло, какъ говорятъ лѣтописцы, вниманіе Іоанна на захватъ земель. Это и было тѣмъ разрушеніемъ уложенія Дѣда его, о которомъ Іоаннъ говоритъ въ посланіи къ Курбскому.—Іоаннъ высказываетъ неудовольствіе, что Сильвестръ впутался въ разсужденіе о ливонской войнѣ. Іоаннъ говоритъ: «Сильвестръ, видя, что его совѣтники потеряли всякое значеніе, самъ удалился отъ Двора, я же отпустилъ его благословеніе,

[1]) По семъ-же Государь и сія разсмотри, которыя вельможи и всякія воины многими землями завладѣли службою же оскудѣша на противъ Государева жалованья. Арцыбашевъ справедливо думаетъ, что вмѣсто службою слѣдуетъ читать служба. (Т. 2, прим. 1481).

не сдѣлавъ ему никакого зла; да и собаку, Алексѣя Адашева съ его совѣтниками, я не казнилъ смертію, а разослалъ по городамъ.

Время удаленія Сильвестра и Адашева весьма остроумно опредѣлено С. М. Соловьевымъ, это было весною 1560 г. (См. т. VI, гл. IV). Вѣроятно въ этомъ году выяснилось окончательно дѣло, начатое въ 1556 г. о захватѣ боярами, подъ покровительствомъ Сильвестра и Адашева, вотчинъ, отнятыхъ у нихъ Іоанномъ III, что и повело къ паденію обоихъ.

Послѣ паденія Сильвестра и Адашева, у боярской партіи не осталось человѣка, черезъ котораго она могла-бы въ тишинѣ обрабатывать свои дѣла. Поэтому ихъ паденіе такъ и раздражило бояръ. Еще болѣе раздражило ихъ то обстоятельство, что падшихъ замѣнили родственники царицы Анастасіи. Въ періодъ времени, начиная съ болѣзни Іоанна и кончая 1560 годомъ, Романовы возвратили вполнѣ довѣренность Іоанна, поколебленную было нѣсколько дѣломъ Глинскихъ. Самыми довѣренными людьми сдѣлались братья царицы Данила и Никита Романовичи. Курбскій съ особеннымъ ожесточеніемъ говоритъ о шурьяхъ Іоанна, ставя ихъ въ челѣ презлыхъ ласкателей. 7-го августа 1560 г. умерла Анастасія.—Прошелъ слухъ, что ее отравили, въ отравленіи братья Анастасіи будто-бы обвинили Сильвестра и Адашева. Обвиненіе, ни на чемъ не основанное, вѣроятнѣе всего, что братья Анастасіи только не противорѣчили слуху. Іоаннъ же, зная судьбу матери, искренно вѣрилъ въ отравленіе.

Въ первомъ посланіи къ Курбскому Іоаннъ говоритъ, что за одно малое слово она сама стала неугодной, за одно ея малое слово они разсердились. Что-же это было за малое слово, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ и потомъ Іоаннъ не могъ этого забыть.

Сильвестръ былъ человѣкъ добрый, но самолюбивый, мелочный и безтактный. Въ качествѣ духовника, давая совѣты Царю и Царицѣ, какъ жить, онъ вмѣшивался въ такія мелочи семейной жизни, которыми досаждалъ имъ обоимъ. Ума Сильвестръ былъ ординарнаго, что-же касается до его нравственныхъ качествъ, то ихъ оцѣниваетъ Соловьевъ такимъ образомъ: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются, какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ. Онъ предписываетъ даже человѣкоугодничество—«Аще людямъ твоимъ случится съ кѣмъ брань гдѣ нибудь и ты на своихъ брани, а то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь». Далѣе Сильвестръ, обращаясь къ сыну говоритъ: подражай мнѣ,—«смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, всѣмъ унаровилъ!» Соловьевъ замѣчаетъ: но подъ конецъ вышло не всѣмъ унаровилъ, ибо всѣмъ унаровить дѣло невозможное—истинная мудрость велитъ работать одному господину. Бестужевъ-Рюминъ и Замысловскій судятъ о Сильвестрѣ едва-ли не строже.

Эти наставленія сыну приложены къ Домострою, сочиненію, приписываемому Сильвестру.

Разнообразныя выписки изъ Премудрости Соломона, изъ Премудрости Іисуса, сына Сираха, изъ св. Отецъ перемѣшаны съ выписками изъ разныхъ русскихъ сборниковъ, ходившихъ тогда по рукамъ, между прочимъ изъ Стослова, Архіеп. Геннадія. Самому Сильвестру, по новымъ изслѣдованіямъ, принадлежитъ только LXIV глава Домостроя. Домострой—попытка освятить обычаи, не имѣющіе въ основѣ раціональнаго принципа, втиснуть разнообразныя проявленія жизни въ тѣсный кодексъ. Домострой не представляетъ опредѣленной системы. Въ немъ встрѣчаются и поученія противъ пьянства, и наставленія, какъ устраивать пиры вообще и свадебныя въ особенности. Всѣ предписанія, не смотря на различныя условія жизни людей мирскихъ и монаховъ, пропитаны монастырскимъ уставомъ и потому, естественно, въ практической жизни должны были вести къ лицемѣрію. Такъ Домострой велитъ всѣмъ носить четки и постоянно имѣть на устахъ молитву Іисуса. Слугамъ, при входѣ въ чужой домъ, приказывается творить въ сѣняхъ, передъ дверьми, въ слухъ, молитву Іисуса и не входить до тѣхъ поръ, пока *не отдадутъ аминя*, какъ дѣлается въ монашескихъ кельяхъ.

Особенно ярко рисуется въ «Домостроѣ» жизнь семейная. Если мужъ, господинъ дома, увидитъ, что у жены и слугъ непорядливо, то умѣлъ-бы жену наказывать всякимъ разсужденіемъ, т. е., сдѣлать выговоръ. Но, если жену, или сына, или дочь словомъ не проймется, словъ не послушаются, то плетью постягать и пожалиться, но ни мужу на жену, ни женѣ на мужа никоимъ образомъ не гнѣваться. Если-же велика вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушеніе, плеткою вѣжливо, за руки держа, побить, да поучивъ примолвить, а гнѣвъ-бы забылъ, а люди всѣ того не вѣдали и не слыхали. Въ другомъ мѣстѣ Сильвестръ говоритъ: «Не допускай женѣ быть пьяной, ни дома, ни въ гостяхъ». Таковъ былъ умственный и нравственный уровень вѣка. Сильвестръ, который, въ эпоху окончательнаго историческаго разсчета съ остатками дружинныхъ и удѣльныхъ притязаній, имѣлъ смѣлость взять на себя роль руководителя и въ нравственности, и въ политикѣ, далеко не былъ человѣкомъ передовымъ для своего вѣка.

Власть его казалась велика, но она была призрачна. Въ царственной книгѣ говорится: Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованіи и въ совѣтѣ духовномъ и думномъ и бысть, яко все мога и вся его послушаху, и никтоже смѣяше, ни въ чемъ ему противиться ради царскаго жалованья... Указываше и митрополиту, и владыкамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и черницамъ, и попамъ, и боярамъ, и приказнымъ людямъ, и воеводамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ... и всѣми владѣяше обѣими вла-

стями и святительскими и царскими, якоже Царь и Святитель точію имени и сѣдалище неимѣяше; но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добра всѣмъ и всѣми владѣлъ съ своими совѣтниками». Правильнѣе было-бы сказать, что совѣтники-то, разные Курлятевы, сдѣлали его, при потачкѣ Адашева, своимъ орудіемъ. Такимъ-то образомъ объясняется, почему Іоаннъ болѣе былъ раздраженъ противъ *собаки Адашева*, чѣмъ противъ попа Сильвестра.

ГЛАВА XIV.

Во время разлада Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ началась Ливонская война. Про неизбѣжность этой войны въ общемъ ходѣ нашей исторіи спорить невозможно. Стать *твердою ногою* на берегу Балтійскаго моря было необходимымъ условіемъ нашего культурнаго развитія, безъ котораго невозможно существованіе историческаго народа. — Не страсть къ завоеваніямъ влекла Іоанна и Петра на упорную борьбу за обладаніе берегами Балтійскаго моря, а глубокое пониманіе національной и государственной потребности.—Не выгоднымъ миромъ кончилась Ливонская война, но она не была безрезультатна. Стремленіе Іоанна внести цивилизацію въ свое отечество показываетъ выше разсказанное порученіе, данное имъ Шлитте.

Прежде Ганза мѣшала непосредственному сношенію Россіи съ культурными странами запада, послѣ Іоанна III эту роль продолжали ливонцы, Польша. Швеція, въ этомъ дѣлѣ держала сначала сторону Ганзы, а потомъ Ливоніи. Задержка всякаго рода мастеровъ, собранныхъ Шлитте, конечно огорчала Іоанна; но эта задержка до нѣкоторой степени была вознаграждена прибытіемъ къ Архангельскому порту въ 1553 г. англійскаго корабля, подъ командою Ченслера. Корабль Ченслера принадлежалъ къ эскадрѣ, которая была послана отыскать путь, по Сѣверному океану, въ Китай. Изъ всей экспедиціи уцѣлѣлъ только корабль Ченслера. Въ 1554 г. Ченслеръ, обласканный Іоанномъ, возвратился въ Англію съ письмомъ Іоанна къ королю Эдуарду VI, котораго Ченслеръ въ живыхъ не засталъ. Въ 1555 г. этотъ морякъ снова явился въ Москву отъ Маріи, заступившей мѣсто Эдуарда и отъ ея мужа, Филиппа II. Англичанамъ дано было право торговать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ безпошлинно, а въ слѣдующемъ году русскимъ въ Англіи даны были такія-же права. Въ царствованіе Іоанна въ устьѣ Сѣверной Двины появились и Голландцы.

Между тѣмъ Ливонскій орденъ все болѣе и болѣе слабѣлъ и можно было предвидѣть, что державы, окружающія Балтійское море, вступятъ въ борьбу за его владѣнія.

Опасеніе возрастающаго могущества Россіи было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ началу продолжительной борьбы. Густавъ Ваза, король шведскій, первый выказалъ эти опасенія, потому что Швеціи, болѣе чѣмъ всякой другой державѣ, можно было опасаться русскаго могущества. Вражда къ Россіи искусственно поддерживалась съ 1537 г. мелкими спорами о пограничной чертѣ. Отъ Густава-же Вазы исходили и подстрекательства Ливоніи къ враждѣ противъ Россіи. Въ 1548 г. онъ писалъ къ рижскому архіепископу, чтобы не пропускались въ Россію мастера, свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ. Болѣе всѣхъ сосѣдей онъ противился сношеніямъ Россіи съ Англіей, и съ такой-же просьбою, какъ къ ливонскому ордену, онъ обращался къ англійской королевѣ, Маріи. Въ то время, когда Іоаннъ занятъ былъ борьбою съ татарами, Густавъ Ваза поднималъ противъ Россіи Данію, Польшу и Ливонскій Орденъ. Онъ тогда-же составилъ противъ Россіи опасный планъ, во время борьбы съ Казанью напасть на нее разомъ, самъ онъ съ сѣвера изъ Финляндіи, а Орденъ и Польша съ западныхъ нашихъ границъ. (См. Форстена, Балтійскій Вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ). «Въ письмахъ короля», говоритъ Форстенъ, «между строкъ легко прочитать стремленіе его включить въ предѣлы своего государства и Финскій заливъ, и Неву, и Ладожское озеро».

Споры о границахъ выставлены были предлогомъ къ войнѣ. Русскіе считали рр. Саю и Сестрь предѣломъ обоихъ державъ, шведы Сестріею называли совсѣмъ другую рѣку. Вслѣдствіе этого шведы на нашихъ земляхъ ловили рыбу, косили сѣно, пахали, за что русскіе жгли ихъ нивы, а шведы жгли наши поселенія, умертвили нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ и одного изъ нихъ посадили на колъ. Въ Лапландіи захватили нѣсколько погостовъ, хотѣли раззорить монастырь св. Николая на Печенгѣ при Варангскомъ зал. [1]).

Война продолжалась съ 1555 по 1557 г. Многочисленность войска Іоанна Грознаго давала ему перевѣсъ надъ противникомъ. Два столкновенія въ эту войну особенно значительны. Въ началѣ войны шведы осадили Орѣшекъ или Нотенбургъ подъ предводительствомъ адмирала Багге съ конницею, пѣхотою, съ вооруженными судами. Пушки громили эту крѣпость; но крѣпость отбивалась мужественно. Осенью положеніе Багге сдѣлалось очень затруднительно, русскіе воеводы князь Ногтевъ и Семенъ Шереметевъ сильно его тѣснили, отряды шведскихъ кормовщиковъ (фуражировъ) брали въ плѣнъ,

---

[1]) Варангскій или Варанскій заливъ въ Сѣверномъ океанѣ къ с.-в. отъ Колы, Р. Печенга, близъ шведской границы, на берегахъ ея былъ основанъ монастырь Св. Троицы въ 1533 г. св. Трифономъ. (См. Семенова, Географическо-Статистическій словарь Россійской Имперіи).

сожигали шведскія суда. Багге отступилъ въ Финляндію и совершенно справедливо могъ хвалиться, что отступилъ въ порядкѣ, и что его слабое ополченіе не было взято въ плѣнъ.

Русскіе, въ свою очередь, устремились съ значительными силами къ Выборгу. Передъ Выборгомъ наши передовые отряды были смяты, шведы заняли позицію на возвышенности, съ фронта взять эту позицію было трудно; но, при многочисленной конницѣ у русскихъ, позиція шведская обойдена была съ тыла. Шведы поспѣшно должны были отступить и заперлись въ Выборгѣ. Выборгъ русскіе взять не могли и отступили, раззоривъ Нейшлотское укрѣпленіе и селенія по берегамъ Вуоксы.

Изъ похода подъ Выборгъ русскіе вывели большой полонъ изъ мирныхъ жителей и, по варварскому обычаю тѣхъ временъ, продавали плѣнныхъ. Не безъ хвастовства, конечно, лѣтописецъ говоритъ, что плѣнныхъ было такъ много, что мущину продавали за гривну, а дѣвку за алтынъ. Но уже въ концѣ 1556 г. начались мирные переговоры, которые кончились 2 апрѣля 1557 г.

Іоаннъ ласково принялъ шведскихъ пословъ. Наши бояре высказали вполнѣ свою родословную гордость, они говорили, что вся война произошла отъ гордости короля, который не хотѣлъ вести переговоровъ съ новгородскими намѣстниками.—«Вашему королю не безчестіе, а честь, имѣть дѣло съ новгородскими намѣстниками. Кто эти намѣстники? Дѣти или внучата государей литовскихъ, казанскихъ или русскихъ; не въ укоръ, а во вразумленіе, будь сказано—кто вашъ государь? Вѣнценосецъ; но давно-ли торговалъ волами? Это намекъ на то, что Густавъ Ваза въ 1519 г. бѣжалъ изъ Даніи съ продавцами воловъ.

Іоаннъ, однако, успѣлъ въ договорѣ провести два весьма важные пункта: 1) о свободной торговлѣ между Россіей и Швеціей и 2) о свободномъ пропускѣ русскихъ пословъ и уполномоченныхъ черезъ Швецію, куда-бы они ни ѣхали *).

Въ 1558 г. началась всѣми давно ожидаемая Ливонская война. Іоаннъ потребовалъ дани съ Дерптскаго епископа на томъ основаніи, что Дерптъ, называвшійся въ старину Юрьевымъ, построенъ былъ Ярославомъ Владиміровичемъ на землѣ, отнятой у финновъ. Епископъ въ дани отказалъ, Іоаннъ началъ войну. Это послужило только предлогомъ къ начатію войны; настоящая-же причина заключалась въ стремленіи къ обладанію берегами Балтійскаго моря

*) Карамзинъ приводитъ въ примѣчаніяхъ любопытный разсказъ шведскаго историка Далина: «Іоаннъ желалъ слышать богословское преніе архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ. Выбрали греческій языкъ, знакомый арх. Упсальскому; но переводчикъ, неразумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ ихъ такъ нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ. Въ знакъ благоволенія Іоаннъ надѣлъ золотую цѣпь, на грудь протестантскаго богослова».

ради культурныхъ цѣлей, какъ выше было указано. Вторженіе многочисленныхъ русскихъ полчищъ сопровождалось, по обычаю вѣка, страшнымъ опустошеніемъ. За этимъ войскомъ вступило другое и осадило Нарву. Орденъ былъ въ ужасѣ, но повсюду проявлялось одно малодушіе, крайній узкій и сословный эгоизмъ. Доблесть рыцарей, давно исчезнувшую, воскресить было нельзя; города, опираясь на свои привиллегіи, отказывались давать ратниковъ, самый богатый городъ, Рига, ради общей опасности ограничился пожертвованіемъ нѣсколькихъ боченковъ пороху и свинцу. — Магистръ Фюрстенбергъ созидалъ одинъ планъ оборонительной войны, за другимъ, но привести ихъ въ исполненіе былъ безсиленъ. Послѣ упорнаго сопротивленія, русскіе взяли Нарву, магистръ Фюрстенбергъ, утомленный безплодною борьбою съ лѣнью и всеобщимъ равнодушіемъ жителей Ливоніи къ общественному благу, сложилъ съ себя санъ магистра. Магистромъ избранъ былъ командоръ Кетлеръ. Но и новый магистръ не могъ помѣшать взятію Дерпта.—Іоаннъ обезпечилъ за жителями свободу Аугсбургскаго исповѣданія.

Осенью русское войско, по обычаю, разошлось по домамъ, а весною 1559 г. снова вторглось въ Ливонію. Въ этомъ году ливонцы два раза разбиты были въ открытомъ полѣ. 1560 годъ былъ особенно тягостенъ для Ливоніи: русскіе взяли Феллинъ. Тогда Іоаннъ велѣлъ воеводамъ идти на Ревель; но воеводы его ослушались и осадили Вейсенштейнъ, подъ которымъ русскіе потерпѣли нѣсколько пораженій. Положеніе дѣлъ усложнялось, ибо среди городовъ Ливоніи то и дѣло возникали столкновенія. У Ревеля вышло столкновеніе и съ ганзеатическими городами. Ревельцы съ ужасомъ смотрѣли на возраставшую торговлю Нарвы, въ которой Любекъ видѣлъ другой Новгородъ: любекскіе корабли, минуя Ревель, прямо направлялись къ Нарвѣ, которую Іоаннъ осыпалъ привиллегіями. Тщетно ревельцы просили императора Фердинанда запретить Любеку торговать съ Нарвою. Указы императора не дѣйствовали.

Не видя ни откуда помощи ревельцы стали искать себѣ отдѣльнаго покровителя, что и подало сигналъ къ распаденію владѣній Ливонскаго Ордена. Въ 1561 г. Эзельскій епископъ продалъ островъ Эзель датскому королю Фридриху III; ревельцы въ іюнѣ присягнули шведскому королю Эриху XIV, ибо съ Швеціей у Ревеля были непосредственныя торговыя сношенія. Но такъ какъ у Риги, черезъ З. Двину, были непосредственныя связи съ Польшею и Литвою, то Рига съ Ливоніей отдалась польскому королю. Магистръ Кетлеръ взялъ себѣ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога, давши ленную присягу польскому королю.

Такъ палъ Ливонскій Орденъ, просуществовавшій болѣе трехъ съ половиною столѣтій. Въ своихъ несчастіяхъ ливонцы обвиняли весь свѣтъ, они жаловались что ихъ, распространителей западной культуры, въ тяжелую минуту оставила культурная Европа и даже

отечество ихъ—Германія. Но жалобы ихъ встрѣчали жестокую отповѣдь. Одинъ нѣмецкій историкъ, по поводу этихъ жалобъ, говоритъ слѣдующее: «Иноземное господство, которому ливонцы должны были подчиниться, подверглось и подвергается сильной критикѣ со стороны государственныхъ дѣятелей Ливоніи. Всѣ иностранныя державы, говоритъ онъ, вѣроятно обошли ихъ законныя права и привилегіи, самовольно ихъ нарушили и ввели новые порядки. Но они совершенно умалчиваютъ о своемъ ливонскомъ упорномъ провинціализмѣ, о безпорядкахъ и запутанности отношеній, возникшихъ между ними и ихъ новыми властителями. Ливонцы, не желая подчиниться какому-либо государству, добивались только одного, чтобы три провинціи ихъ составляли одно цѣлое, отъ сосѣднихъ державъ изолированное, тѣло. Между тѣмъ внутри самихъ провинцій корпоративный духъ не умиралъ, напротивъ, вызывалъ разъединеніе и сословное соперничество. Дворянство было сильнѣйшимъ классомъ, его привиллегіи были такими-же «noli me tangere», какъ Фуэросы у Басковъ. (См. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, съ 1541 по 1648 г. Сочиненіе Форстена).

Послѣ 1561 г. владѣнія Ливонскаго Ордена сдѣлались предметомъ раздора между державами, окружавшими Балтійское море.

Ливонія сдѣлалась мячикомъ, который судьба перебрасывала изъ рукъ въ руки. Иначе и быть не могло съ обособленной политической единицей; обособленной въ весьма дурной формѣ, въ формѣ своевольнаго провинціализма, который только въ бреду можно принять за федерализмъ. Федерализмъ, воюя за внутреннюю самостоятельность той или другой области, всегда горячо принимаетъ къ сердцу общіе интересы федераціи, до которыхъ самовольному провинціализму нѣтъ никакого дѣла. Такъ и ливонскому самовольному провинціализму мало было дѣла до положенія Германіи; но когда приходилось плохо, то ливонское дворянство и бюргерство вспоминали, что они только листокъ, оторванный отъ вѣтвистаго дерева нѣмецкой національности. Тогда они обращались къ нѣмецкому императору, прося его помощи и защиты противъ враговъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ выставлялись и врагами имперіи. (См. вышеназванное сочиненіе Форстена).

Въ 1563 г. Іоанну Грозному приходилось начать борьбу съ участниками дѣлежа ливонскихъ земель и прежде всего съ Польшею, которая крѣпко ухватилась за доставшійся ей кусокъ ливонской земли. «Государство Польское, говорили поляки, особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, потому что съ сѣвера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваей; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ». (Соловьевъ, т. VI, 217 стр.).

Вначалѣ 1563 г. Іоаннъ съ большимъ войскомъ двинулся къ

Полоцку. Осада его началась 31 января, 15 февраля городъ сдался на милость побѣдителя. Извѣщая митрополита о взятіи Полоцка, Іоаннъ закончилъ свое извѣщеніе словами: «Богъ несказанную свою милость изліялъ на насъ недостойныхъ, *вотчину нашу, городъ Полоцкъ намъ въ руки далъ*». Въ Москву царь вступилъ съ такимъ-же торжествомъ, съ какимъ вступалъ послѣ взятія Казани. Въ Вильнѣ были въ ужасѣ, ожидали что царь, пользуясь растройствомъ Польши, начнетъ добывать себѣ свои вотчины. Іоаннъ оставилъ въ Полоцкѣ воеводами князя Петра Ивановича Шуйскаго и двоихъ князей, Серебряныхъ-Оболенскихъ, приказавъ поправить старыя укрѣпленія и, гдѣ нужно, воздвигнуть новыя. Жителямъ давать судъ и управу по ихъ законамъ. Разсказывали, конечно, со слуховъ, что Іоаннъ, по взятіи Полоцка, приказалъ избить католическихъ монаховъ и потопить всѣхъ полоцкихъ евреевъ въ р. Двинѣ. Но недавно было открыты сообщеніе итальянца Тедальди, записанное извѣстнымъ іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ, которое разсказываетъ дѣло иначе. Тедальди много разъ бывалъ вь Россіи и лично извѣстенъ былъ Грозному, бесѣдовалъ съ нимъ. Поссевинъ передаетъ слѣдующія замѣчанія Тедальди: «Многое изъ того, что въ Польшѣ и Ливоніи обыкновенно распространяютъ про Московита (Грознаго), онъ нашелъ несправедливымъ. Такъ онъ рѣшительно отвергаетъ, чтобы этотъ государь, по взятіи Полоцка, утопилъ монаховъ св. Франциска, такъ называемыхъ бернардиновъ; о евреяхъ, про которыхъ то же говорили, что ихъ потопили, Тедальди замѣчаетъ, что изъ евреевъ утоплено было только два человѣка за шпіонство, остальные высланы были изъ города. Тотъ-же Тедальди сообщаетъ, что Іоаннъ запретилъ евреямъ торговлю въ Россіи по клеветамъ какого-то польскаго купца, Адріана. Этотъ Адріанъ сообщилъ, что евреи продали ему набальзамированный трупъ какого-то разбойника за мумію.

1564 и 1565 гг. прошли въ безплодныхъ переговорахъ, военныя дѣйствія были незначительны. Князь Радзивилъ разбилъ князя Петра Шуйскаго близъ Орши. Шуйскій былъ убитъ во время сраженія. Но побѣда Радзивила не имѣла никакихъ результатовъ, гораздо важнѣе по своимъ результатамъ былъ переходъ князя Курбскаго въ 1564 г. на службу къ польскому королю къ Сигизмунду Августъ, по предложенію послѣдняго. Въ такомъ подстрекательствѣ бояръ, польское правительство нашло сильное орудіе не только лично противъ Іоанна, но и противъ Россіи. О значеніи бѣгства Курбскаго во внутренней исторіи Россіи будетъ сказано подробнѣе въ разборѣ боярской смуты во время ливонской войны.

Отъѣздъ Курбскаго заставилъ Іоанна въ борьбѣ съ польскимъ королемъ искать опять опоры въ Земскомъ соборѣ, опору, которую онъ уже разъ нашелъ въ 1550 году. Фактъ многознаменательный: онъ показалъ боярамъ, что если они будутъ подражать Курбскому, то онъ найдетъ средство заставить ихъ смириться голосомъ всей

русской земли. Замѣчательно, что во время Ливонской войны установленъ Іоанномъ чинъ Думнаго Дворянина. «Учрежденіе это», говоритъ проф. Загоскинъ, «должно было служить средствомъ умѣренія аристократическаго элемента въ составѣ Д. Боярской. Оно дало возможность вводить въ составъ Думы людей незнатнаго происхожденія, для которыхъ закрытъ былъ путь къ высшимъ чинамъ боярина и окольничаго». (Исторія права Государства Московскаго). Съ этихъ поръ до конца существованія Боярской Думы число Думныхъ Дворянъ, съ разными колебаніями, увеличивалось, какъ увидимъ ниже; усиливалось и значеніе класса дворянъ вообще.

Лѣтомъ 1566 г. созванъ былъ соборъ изъ духовенства, бояръ, окольничихъ, казначеевъ, государевыхъ дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, помѣщиковъ съ западной границы, лучшихъ купцовъ московскихъ и смольнянъ. Соборъ долженъ былъ рѣшить вопросъ — продолжать-ли борьбу за Ливонію съ польскимъ королемъ? Самымъ рѣшительнымъ образомъ за продолженіе войны высказалось духовенство: «если не стоять Государю за ливонскіе города, то они укрѣпятся за королемъ и впредь отъ нихъ будетъ раззореніе церквамъ, которыя за государемъ въ ливонскихъ городахъ; да не только Юрьеву, другимъ городамъ ливонскимъ и Пскову будетъ большая тѣснота; Великому Новгороду и другихъ городовъ торговымъ людямъ торговля затворится». Изъ выборныхъ другихъ сословій за продолженіе войны и за удержаніе Полоцка, высказались торопецкіе помѣщики. «Мы, холопы Государевы, за одну десятину земли полоцкаго и озерищскаго (отъ мѣстечка Озерище) повѣтовъ головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; мы холопы государскіе теперь на коняхъ сидимъ и за Государя съ коня помремъ. По нашему, закончили свое заявленіе торопецкіе помѣщики, за ливонскіе города Государю стоять крѣпко». Торопецкіе помѣщики хорошо понимали, что Полоцкъ долженъ служить точкою опоры для свободной торговли по З. Двинѣ съ Ригою и что для этой цѣли необходимо, чтобы Полоцку принадлежали земли на правой сторонѣ З. Двины. Приблизительно въ томъ же смыслѣ подали голоса и другія группы выборныхъ.

Разумные доводы, представленные выборными, показываютъ, что требованія продолженія борьбы за Ливонію были выраженіемъ сознательнаго убѣжденія въ пользѣ дѣла, а не дѣломъ малодушнаго страха передъ Грознымъ, или низкой угодливости.

1567 г. прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ. Въ этомъ году случилось событіе, неблагопріятное для Россіи: въ Швеціи низверженъ былъ съ престола Эрихъ XIV, старшій сынъ короля Густава-Ваза. Эрихъ XIV объявленъ сумашедшимъ. Въ 1568 и 1569 гг. переговоры съ Польшей продолжались, война съ обѣихъ сторонъ тянулась вяло. Въ 1568 г. гетманъ Хоткѣвичъ потерпѣлъ пораженіе подъ крѣпостью Уллою. Въ 1569 г. литовцы захватили Избо-

рскъ. Въ 1570 г. изъ Польши прибыли въ Москву послы для мирныхъ переговоровъ. — Эти послы, какъ-бы подъ секретомъ, сообщили Іоанну, что въ случаѣ смерти бездѣтнаго короля Сигизмунда II Августа, обѣ рады, польская и литовская, рѣшились избрать на престолъ его, Іоанна; и потому ему выгодно заключить миръ, пріятный Польшѣ. Іоаннъ на это отвѣчалъ:—«Выборы ваше дѣло; но, если вы желаете меня имѣть Государемъ, то вы не должны меня раздражать». На аудіенціи Іоаннъ изобразилъ посламъ всѣ сношенія Москвы съ Литвою въ его царствованіе. С. М. Соловьевъ свидѣтельствуетъ, что въ посольской книгѣ рѣчь занимаетъ 44 страницы, и Іоаннъ закончилъ ее словами, что виновникъ войны не онъ, а король. Послы, извиняясь, что не все поняли въ рѣчи, просили повелѣть дать имъ изложеніе рѣчи на бумагѣ. Іоаннъ сказалъ: «Вашъ писарь, Гарабурда, знаетъ хорошо русскій языкъ и все можетъ вамъ изложить. Писарь испугался отвѣтственности въ такомъ дѣлѣ и обратился къ Іоанну съ такими словами: «Государь! такихъ великихъ дѣлъ запомнить невозможно: твой Государскій отъ Бога дарованный разумъ выше человѣческаго». Посольство это успѣло заключить перемиріе на три года съ тѣмъ, чтобы въ это время можно было договориться о мирѣ.

Іоаннъ предвидѣлъ возможность болѣе упорной войны за Ливонію чѣмъ та, которую онъ велъ до этихъ поръ; поэтому онъ охотно ухватился за планъ, предложенный ему ливонцами Таубе и Крузе, состоявшими у него на службѣ. Они предлагали дать Ливоніи короля, подчинивъ его русскому Государю. Выборъ палъ на датскаго принца Магнуса, владѣтеля о-ва Эзеля. Магнусъ прибылъ въ Москву, присягнулъ Іоанну и объявленъ былъ женихомъ Евфиміи Владиміровны, племянницы Государя. Магнусъ началъ добывать Ревель, но послѣ семимѣсячной осады, долженъ былъ въ мартѣ 1571 г. отступить, обвиняя въ неудачѣ Таубе и Крузе, которые послѣ этого обвиненія, бѣжали къ польскому королю.—Магнусъ опасался, что вмѣстѣ съ Таубе и Крузе, гнѣвъ Іоанна падетъ и на него; но Іоаннъ его успокоилъ и, вмѣсто умершей Евфиміи, нарекъ ему въ невѣсты сестру ея Марію Владиміровну.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Ливоніи, когда вниманіе Іоанна было отвлечено къ предѣламъ нашей тогдашней южной Украйны. Выше было замѣчено, какое впечатлѣніе паденіе Казани произвело на турецкаго султана, Солимана Великолѣпнаго. Только отдаленность Казани и Астрахани, вмѣстѣ съ военными дѣлами въ з. Европѣ и Азіи, удержали Солимана отъ посылки войска противъ Россіи. Но отъ этой посылки султана болѣе всѣхъ удерживалъ крымскій ханъ, боявшійся съ утвержденіемъ власти султана въ предѣлахъ Россіи, утратить и послѣднюю тѣнь самостоятельности. Однако подъ конецъ жизни, освободившись отъ разныхъ заботъ, Солиманъ готовился послать войско, дабы от-

нять у Іоанна Астрахань. Солиманъ вскорѣ умеръ, однако его преемникъ, Селимъ, въ 1569 г. послалъ 17 т. янычаръ, приказавъ съ ними вмѣстѣ выступить въ походъ крымскому хану съ 50 т. татаръ. Султанъ приказалъ прорыть каналъ между Волгою и Дономъ и потомъ идти и взять Астрахань, но если нельзя будетъ ее скоро взять, то подъ Астраханью построить крѣпость, въ которой оставить гарнизонъ на зиму. Но среди янычаръ разнесся слухъ, что имъ придется голодать; поэтому они принудили своего пашу отступить. Отступленіе превратилось въ бѣгство, когда ханъ повелъ ихъ по безводнымъ мѣстамъ, гдѣ истощеніе силъ янычаръ достигло высшей степени.—Мы, говорили янычары, и послѣ большихъ боевъ въ такой истомѣ не нахаживались. Приди русскіе, изъ насъ не возвратился бы ни единый. Однако, и послѣ этой жестокой неудачи, Султанъ не переставалъ требовать не только Астрахани, но и Казани.—Ханъ, съ своей стороны, требовалъ даровъ за то, что въ обратномъ походѣ повелъ турокъ по дорогѣ, гдѣ большая часть ихъ погибла.

Вслѣдствіе такихъ требованій, цѣлый 1570 г. прошелъ въ тревогѣ, съ часу на часъ ожидали нашествія хана. То и дѣло распространялись слухи—ханъ идетъ; но слухи оказывались ложными. Весною 1571 г. тревога возобновилась и противъ хана выступили князья Иванъ Бѣльскій, Иванъ Мстиславскій, Михайло Воротынскій, Иванъ Петровичъ Шуйскій, Иванъ Андреевичъ Шуйскій. Іоаннъ съ опричниками, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, двинулся къ Серпухову. Въ степи къ хану прибѣжали дѣти боярскіе изъ Бѣлёва, Калуги, Каширы, Серпухова и взялись указать ему путь черезъ р. Оку, совѣтуя прямо идти къ Москвѣ.—Іоаннъ былъ твердо увѣренъ, что дѣтей боярскихъ подослали бояре. Ханъ перешелъ *неизвѣстно гдѣ* черезъ Оку, Іоаннъ оказался отрѣзаннымъ отъ главнаго войска. Тогда онъ изъ Серпухова, черезъ Броницы и Александровскую слободу, отступилъ въ Ростовъ, какъ то дѣлали, говоритъ Соловьевъ, въ подобныхъ случаяхъ, Димитрій Донской, Василій Дмитріевичъ.

Хотя воеводы предупредили хана подъ Москвою, но не могли помѣшать татарамъ сжечь Москву. Во время пожара 1571 г. въ Москвѣ погибло много народу. (См. ниже смута боярская).

При приближеніи Іоанна ханъ ушелъ съ массою плѣнныхъ и съ гордостію требовалъ возвращенія Казани и Астрахани; но Іоаннъ занялъ его переговорами на весь остатокъ года. Раздраженный ханъ лѣтомъ 1572 г. съ 200 т. войска двинулся къ Окѣ; но на этотъ разъ, въ 50 верстахъ отъ Москвы, на берегахъ р. Лопасни былъ разбитъ на голову княземъ Воротынскимъ.

Во время этихъ турецко-татарскихъ столкновеній, въ Литвѣ произошли чрезвычайно важныя событія. Король Сигизмундъ II Августъ былъ старъ и бездѣтенъ, кто будетъ царствовать послѣ него, неизвѣстно, а между тѣмъ связь Литвы съ Польшею покои-

лась исключительно на томъ фактѣ, что въ Польшѣ царствовала литовская династія Ягеллоновъ.—Мысль о болѣе крѣпкой связи Литвы и Польши не покидала поляковъ; но они встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны природныхъ литовскихъ пановъ. Такъ и при Сигизмундѣ II Августѣ самымъ могучимъ противникомъ соединенія Литвы съ Польшею былъ князь Николай Радзивилъ Черный и только по смерти этого магната удалось достигнуть цѣли. Въ 1569 г. въ Люблинѣ, созванъ былъ сеймъ, но и на этомъ сеймѣ литовцы уступили только потому, что не нашли поддержки въ русскихъ панахъ. Унія состоялась, и тогда же русскія области—Подляхія, Волынь, и княжество Кіевское, отошли къ Польшѣ, что и должно было показать русскимъ, что въ данномъ случаѣ русскимъ слѣдовало крѣпко держаться литовскихъ пановъ.—Но было обстоятельство еще важнѣе: тогда въ Польшѣ и Литвѣ происходило сильное религіозное реформаціонное движеніе, кромѣ кальвинизма, весьма распространены были социніанство и аріанство. — На борьбу съ этими ученіями вызваны были іезуиты, которые, осиливъ кальвинистовъ и социніанъ, начали борьбу съ послѣдователями греческой церкви. Послѣдніе остались съ глазу на глазъ съ сильнымъ врагомъ, на сторонѣ котораго стояли власти.

Перемиріе съ Польшею еще не кончилось, когда, вслѣдствіе заступничества Іоанна за Магнуса, у него вышло столкновеніе съ шведскимъ королемъ и въ 1572 г. началась война осадою Пайды или Вейсенштейна. Городъ въ 1573 г. взятъ былъ штурмомъ. При осадѣ его палъ любимый опричникъ Іоанна, Малюта Скуратовъ. Но обстоятельства не дали Іоанну возможности нанести шведамъ рѣшительный ударъ, въ томъ-же 1573 г. въ казанской области вспыхнулъ бунтъ нагорной и луговой Черемисы, по наущенію крымскаго хана, обѣщавшагося имъ помочь.

Ханъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ по подстрекательству изъ Польши, съ которою срокъ перемирія началъ близиться къ концу. Такимъ образомъ въ Ливоніи намъ приходилось одновременно вести борьбу и съ Польшею, и съ Швеціею и вдобавокъ усмирять черемисъ. Но Швеція, занятая дѣлами Ганзы и Норвегіи, заключила въ 1575 г. перемиріе. Черемисы-же, не получая помощи отъ хана, на сей разъ вскорѣ усмирились. Зло однако зломъ и осталось, въ черемисскихъ бунтахъ открылось новое орудіе для враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Лифляндія предоставлена была собствен- силамъ. русскіе въ этомъ году взяли Перновъ, Гапсаль. 1576 г. прошелъ въ приготовленіи къ большому предпріятію: въ 1577 г. русскіе, подъ предводительствомъ кн· Мстиславскаго и Ивана Васильевича Шереметева, подступили къ Ревелю; но когда Шереметевъ былъ убитъ, то русскіе сняли осаду Ревеля.

Снявши осаду Ревеля, которому помогали шведы, русскіе двинулись на завоеваніе польской Лифляндіи и такимъ образомъ сами

себя поставили между двухъ огней. Все это было результатомъ крайней самоувѣренности. Іоаннъ надѣялся въ Магнусѣ найти вѣрнаго слугу, но Магнусъ ему измѣнилъ и тогда уже сносился и съ Кетлеромъ, и съ новымъ польскимъ королемъ, Стефаномъ Баторіемъ. Магнусъ былъ прощенъ Іоанномъ и потомъ снова ему измѣнилъ. Русскіе въ походѣ 1578 г. взяли Венденъ и Вольмаръ. Но поляки снова заняли эти города. Этотъ походъ русскихъ сопровождался ужасающими жестокостями, и хотя другіе, какъ напримѣръ шведы, въ окрестностяхъ Гапсаля, свирѣпствовали еще хуже, возбудилъ противъ насъ ненависть туземцевъ какъ разъ въ ту пору, когда пришлось вступить въ борьбу съ новымъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Стефанъ Баторій, со дня своего избранія въ польскіе короли, весьма серьезно готовился къ борьбѣ съ Россіей. Отвлекая вниманіе Іоанна безцѣльными переговорами, Баторій неустанно до 1579 г. занимался организаціей войскъ и особенно артиллеріи, чѣмъ онъ и приготовилъ себѣ вѣрную побѣду надъ соперникомъ.

Въ 1579 г. Баторій двинулся къ Полоцку и, несмотря на мужественное сопротивленіе, черезъ три недѣли городъ, въ которомъ вспыхнулъ пожаръ, былъ взятъ. За Полоцкомъ взятъ былъ Соколъ; такимъ образомъ все теченіе З. Двины оказалось въ распоряженіи Баторія.

Баторій возвратился въ Вильну и, не смотря на ропотъ шляхты, добился новыхъ налоговъ, онъ далъ понять, что онъ воевалъ во имя католицизма, противъ усиленія царя-схизматика, у котораго слѣдуетъ отнять Ливонію и возвратить ее въ лоно католицизма. Въ 1580 г. Баторій двинулся къ Великимъ Лукамъ. Здѣсь не было крѣпости, Великіе Луки былъ большой открытый городъ, который сдался королю безъ всякаго сопротивленія. Однако польскіе гайдуки, воспламененные яростію, всѣхъ убивали и рѣзали безъ различія пола и возраста, однихъ полумертвыхъ бросали въ воду, другихъ добивали ударами сабель; иныхъ ввергали въ пламя. (См. Форстена, стр. 690, пр, 4).

Послѣ Великихъ Лукъ взято было Заволочье. Занятіе В. Лукъ было чрезвычайно важно для Баторія, ибо отсюда удобно было дѣйствовать и противъ Пскова, и противъ Смоленска. Покончивъ походъ 1580 г., Баторій отправился на сеймъ въ Варшаву, гдѣ успѣлъ добыть денегъ на слѣдующій походъ даже отъ нѣмецкихъ принцевъ.

Однако Іоаннъ до сей поры не унывалъ и его сильно занимала геніальная мысль, приведенная въ исполненіе Петромъ В., мысль о созданіи флота. Въ 1581 г. онъ думалъ о наймѣ голландскихъ кораблестроителей, которымъ хотѣлъ поручить построить флотъ на Бѣломъ Морѣ.

Походъ 1581 г. начался взятіемъ Острова 20 Августа, а 26 Августа началась знаменитая осада Пскова, куда Грозный назначилъ

воеводою князя Ивана Петровича Шуйскаго, напередъ взявши съ него и съ другихъ воеводъ, назначенныхъ во Псковъ, торжественную присягу передъ Владимірской Иконой, во храмѣ Успенія, что они до смерти не сдадутъ Пскова.—Съ первыхъ чиселъ Сентября пушки Баторія громили стѣны Пскова и сдѣлали проломъ. 8 Сентября въ этотъ проломъ устремились венгры, поляки, нѣмцы, захватили уже двѣ башни, но съ одной изъ башенъ осаждавшіе были прогнаны, другую взорвали на воздухъ, приступъ къ пролому былъ отбитъ. Войско Баторія стало падать духомъ, особенно, когда стрѣлецкій голова Мясоѣдовъ, пробившись сквозь польское войско, привелъ подкрѣпленіе людьми и доставилъ во Псковъ значительное количество съѣстныхъ припасовъ.—Баторій хотѣлъ поднять погасающій духъ войскъ взятіемъ укрѣпленнаго Печерскаго монастыря, въ 12 верстахъ отъ Пскова; но и здѣсь поляковъ постигла неудача.

Въ то время, когда подъ Псковомъ остановлены были успѣхи Баторія, война со Швеціей со времени назначенія, въ 1580 г., Де-ла-Гарди начальникомъ шведскихъ войскъ, приняла для насъ весьма неблагопріятный оборотъ. Въ сентябрѣ Де-ла-Гарди завоевалъ Кексгольмъ; въ февралѣ 1581 г. онъ перешелъ Финскій Заливъ, съ компасомъ въ рукахъ, и, къ изумленію русскихъ, явился подъ Везенбергомъ. Осенью онъ взялъ Нарву, потомъ Ямъ и Копорье. Къ концу 1581 г. русскіе отрѣзаны были отъ моря.

Баторій, опасаясь успѣховъ шведовъ, началъ переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ 1582 г., въ деревнѣ Киверова Гора, близъ Запольскаго Яма. Іоаннъ отказался отъ Ливоніи и Полоцка; Баторій возвратилъ Великіе Луки, Заволочье, Невель, Себежъ, Холмъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и другіе псковскіе пригороды. Можно было ожидать, что, освободившись съ этой стороны, всѣ усилія наши будутъ устремлены противъ Швеціи. Но къ общему изумленію и здѣсь Іоаннъ въ слѣдующемъ 1583 году, близъ Нарвы, заключилъ съ Швеціей перемиріе оставивъ *на три года* въ рукахъ шведовъ Ивангородъ, Ямъ, Копорье. Что заставило такъ спѣшить съ перемиріемъ, когда даже военное счастіе перешло на нашу сторону, шведы съ жестокимъ урономъ отбиты были отъ Орѣшка, а князья Хворостининъ, Катыревъ-Ростовскій и др. нанесли шведамъ жестокое пораженіе въ Водской Пятинѣ?

Карамзинъ находитъ двѣ причины: 1) ненадежность мира съ Литвою и 2) черемисской бунтъ.

Послѣдній вспыхнулъ въ 1582 г. Казанскіе воеводы не могли усмирить этого бунта, потому что онъ вспыхнулъ съ особеннымъ ожесточеніемъ. «Сіи дикари, говоритъ Карамзинъ, озлобленные, вѣроятно, жестокостію царскихъ чиновниковъ, рѣзались съ московскими полками на пеплѣ жилищъ, хотѣли независимости или смерти! Этотъ бунтъ потребовалъ большихъ усилій со стороны русскаго правительства: въ октябрѣ 1582 г. Іоаннъ послалъ князя Елецкаго; вслѣдъ

за нимъ послалъ другое войско, когда узнали, что крымскій ханъ Магметъ-Гирей обѣщалъ Черемисамъ помощь. Затрудненіе увеличивалось еще тѣмъ, что Ногаи, дотолѣ покорные, возбужденные сибирскими ханами, начали грабить на Камѣ, приходилось посылать войска и на Оку, и на Каму. Эти обстоятельства значительно объясняютъ торопливость при заключеніи мира со Швеціей.

Такимъ образомъ, благодаря Черемисскому бунту, двадцатилѣтнія усилія Іоанна пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря не удались и къ концу его царствованія все осталось statu quo, ибо города—Иванъ-Городъ, Ямь, Копорье, по истеченіи трехлѣтняго перемирія, Швеція принуждена была возвратить преемнику Іоанна.

Но попытка Іоанна утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, кромѣ отдаленнаго вліянія, имѣла и ближайшій результатъ. Если Ливонская война, говоритъ пр. Никитскій и имѣла печальный исходъ, то все-же привела къ низверженію Ордена и, такимъ образомъ, доказала, что послѣдній не имѣлъ даже права существовать самостоятельно тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ властвовать. (Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 311). [1]) Несмотря на неудачный исходъ Ливонскій войны, она избавила Россію отъ большой опасности—она не допустила на берегахъ Балтійскаго моря образоваться нѣмецкой державѣ въ родѣ Пруссіи, которая отъ Ордена унаслѣдовала-бы вражду къ Россіи.

---

[1]) Что было на душѣ Іоанна, когда ему пришлось отказаться отъ плодотворнаго для Россіи плана имѣть непосредственное сношеніе съ Европою, сказать трудно; но Іоаннъ сохранилъ наружное спокойствіе, не терялъ бодрости-говоритъ Карамзинъ, въ дѣлахъ государственныхъ внутреннихъ, и внѣшнихъ, Но Карамзинъ, говоря, что стыдъ уступокъ Швеціи падаетъ на Грознаго, впадаетъ опять въ крайность. Стыдъ падаетъ на тѣхъ, кто подготовилъ Черемискій бунтъ къ самой рѣшительной минутѣ. Бунтъ 1575 г. былъ скоро усмиренъ, но воеводы, вмѣсто успокоенія края умѣли ожесточеніе Черемисъ довести до крайняго предѣла. Въ подстрекательствѣ обвинили крымскаго хана; но, по ходу дѣлъ видно, что крымскій ханъ обѣщалъ Черемисамъ помощь. когда бунтъ уже разгорѣлся. Вообще крымскій ханъ въ иныхъ случаяхъ является, какъ Deus ex machina. Сослаться на него было и популярно, даже въ пѣсняхъ пѣлось—Собака Крымскій Ханъ. Но сколько-бы крымскіе ханы ни надѣлали намъ зла. на этотъ разъ не лучше ли обратиться въ ту сторону, откуда шли призывы хановъ на Москву? Форстенъ въ своей книгѣ Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст. дѣлаетъ очень мѣткое замѣчаніе по поводу низверженія Эриха XIV. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что каждая внутренняя смута, внутренняя оппозиція, всего успѣшнѣе подавляется энергичною, ловко направленною внѣшнею политикою. Пока эта политика счастлива, правитель всегда справится съ внутренними движеніями, но стоитъ ему потерпѣть малѣйшую неудачу во внѣшнихъ дѣлахъ—и смута получаетъ бо́льшую силу, бо́льшую интенсивность. Политическіе дѣятели не всегда это хорошо понимали; въ настоящемъ же столѣтіи правду этихъ словъ отлично доказалъ Бисмаркъ въ 1866 и въ 1870 годахъ.

При Грозномъ въ послѣдніе годы его царствованія смута какъ-бы замолкла, но она проявилась со страшной силой по смерти его. Вѣроятнѣе всего въ затаенной злобѣ внутреннихъ враговъ Іоанна слѣдуетъ искать источникъ Черемискаго бунта.

Замѣтимъ еще, что изъ всѣхъ, современныхъ Іоанну государей, стремившихся къ обладанію ливонскими берегами Балтійскаго моря, только у Іоанна въ виду была культурная, просвѣтительная цѣль. Стефанъ-Баторій руководился фанатической идеей, возвратить Ливонію въ лоно католичества, Іоаннъ III Шведскій, деспотъ безъ всякой идеи, думалъ только о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ.

Мы должны перейти къ боярской смутѣ, которая большинству читателей представляется безпричиннымъ гоненіемъ на боярство. Факты брались безъ всякой критики, изъ источниковъ, враждебныхъ Іоанну. Справедливо замѣтилъ Кавелинъ, что мы знаемъ исторію Іоанна отъ его враговъ. Они только и говорили, а масса простолюдиновъ, для которыхъ онъ былъ защитникомъ, письменныхъ памятниковъ не оставила. Но исторія Іоанна, взятая въ связи со всей предъидущей и послѣдующей русской исторіей, становится все яснѣе и яснѣе. Она еще болѣе должна проясниться, если мы ознакомимся съ аналогическими событіями въ сосѣдней Швеціи. — Густавъ-Ваза, назначивъ преемникомъ старшаго сына своего Эриха, остальнымъ тремъ далъ герцогства. По честолюбію и неразборчивости въ средствахъ, изъ этихъ герцоговъ особенно выдавался Іоаннъ Финляндскій. Во время войны съ Польшею, Іоаннъ велъ отдѣльную политику, заключилъ союзъ съ поляками, женился на сестрѣ Сигизмунда-Августа. Эрихъ потребовалъ, чтобы Іоаннъ явился на судъ въ Стокгольмъ; но послѣдній призвалъ финновъ къ оружію, заставивъ дать ему присягу, какъ независимому владѣтелю. Борьбы съ братомъ Іоаннъ не выдержалъ и, осажденный въ Або, долженъ былъ сдаться, его отвезли сначала въ тюрьму. Жена его, Екатерина Ягеллонъ, добровольно послѣдовала за мужемъ. Фанатическая католичка, она и мужа тайно обратила въ католичество, къ которому склонялись и многіе изъ знати. Ходатайствъ за Іоанна было много и Эрихъ освободилъ брата, вопреки мнѣнію ближайшихъ совѣтниковъ. Но вскорѣ противъ Эриха поднялось возстаніе, онъ былъ свергнутъ и на престолъ вступилъ его братъ Іоаннъ, который не былъ такъ великодушенъ и, заключивъ Эриха въ тюрьму, въ 1577 г. приказалъ его отравить.

Въ дѣлѣ низверженія Эриха есть очень важная точка соприкосновенія съ боярской оппозиціей внутри Россіи. Когда въ 1568 году вспыхнуло возстаніе противъ Эриха, въ Стокгольмѣ были русскіе послы. Эрихъ призвалъ пословъ къ себѣ и объявилъ имъ, что его вельможи, соединясь съ Іоанномъ, подняли противъ него бунтъ. Послы спросили, когда это началось? Эрихъ отвѣчалъ: «съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ послы мои пришли. Я былъ тогда въ Упсалѣ, у нихъ (у вельможъ) началась измѣна и я былъ запертъ» (Сол. VI, гл. V). Для насъ важны слова Эриха: «съ тѣхъ поръ, какъ отъ Васъ послы мои пришли». Трудно представить себѣ, чтобы шведскіе вельможи очутились подъ вліяніемъ московскихъ бояръ;

гораздо вѣроятнѣе, что какъ оппозиціей бояръ, такъ и неудовольствіемъ шведской аристократіи, пользовались іезуиты.

Іоаннъ Финляндскій имѣлъ и самъ всѣ замашки этого ордена. Въ 1575 г. онъ внушилъ сенату рѣшеніе, что не противно ни божескому, ни человѣческому закону, какими то бы ни было средствами отдѣлаться отъ Эриха.

Чтобы понять, какъ ловко дѣйствовала іезуитская пропаганда на сѣверѣ, и закидывала на насъ сѣти, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ царствованія Іоанна III Шведскаго. Въ 1573 г. умеръ Лавреьтій Петри, одинъ изъ основателей лютеранской церкви въ Швеціи, и тогда король Іоаннъ почти открыто объявилъ себя католикомъ. Новый упсальскій архіепископъ подписалъ семнадцать положеній, которыя утверждали возстановленіе монастырей, молитвы за умершихъ и всѣ обряды католической церкви. Онъ облачился въ архіерейскую мантію, надѣлъ митру и взялъ посохъ. Въ 1576 году въ Швецію прибыли лувенскіе іезуиты Фейтъ и Норвегусъ, которые, съ согласія короля, объявили, что они будутъ читать лекціи въ новой коллегіи, которую благоугодно было устроить королю. Всѣмъ стокгольмскимъ клеркамъ, т. е. молодымъ людямъ, готовившимся на служеніе церкви, велѣно было присутствовать на ихъ лекціяхъ. На своихъ лекціяхъ іезуиты цитировали писателей, основателей и защитниковъ реформы; но цитировали такъ ловко, что каждая новая цитата служила опроверженіемъ первой. Войдя въ непосредственныя сношенія съ папою Григоріемъ XIII, Іаоннъ просилъ, чтобы только часть мессы читана была по латыни, а другая по шведски и пытались добиться разрѣшенія на бракъ священниковъ. Не давая прямого отвѣта, папа послалъ въ Швецію іезуита Поссевина, бывшаго посломъ папы въ Россіи и посредникомъ при заключеніи мира съ Баторіемъ.

Разсказывали, что будто-бы Іоаннъ III, въ 1578 г. передъ Поссевиномъ окончательно отрекся отъ лютеранизма и далъ обѣщаніе поститься по средамъ, ибо въ среду онъ далъ приказаніе отравить брата. Въ томъ-же году онъ заключилъ, при посредствѣ Филиппа II испанскаго, договоръ съ Польшею о раздѣлѣ Даніи. Но католическая реакція встрѣтила сильное сопротивленіе въ сенатѣ, въ народѣ и въ арміи. Это противодѣйствіе охладило нѣсколько католическую ревность Іоанна III. Въ 1583 г. умерла его супруга Екатерина, изъ дома Ягеллоновъ, сестра Сигизмунда-Августа.

Во всемъ этомъ католическомъ движеніи Екатерина играла первенствующую роль. Ревность свою къ католицизму она передала сыну своему Сигизмунду, который и царствовалъ въ Польшѣ подъ именемъ Сигизмунда III, и который надѣлалъ столько зла и Польшѣ, и Россіи Брестской Уніей и поддержкой самозванцевъ.

Тѣ-же іезуеты, черезъ польшу, не упускали случая раздуть, и безъ того давно существовавшую, вражду между Іоанномъ и боя-

рами, ко вреду православной Россіи. Привыкли думать, что казни начались немедленно вслѣдъ за удаленіемъ Сильвестра и Адашева. На самомъ дѣлѣ были казни и до удаленія Сильвестра и Адашева и нѣкоторое время не было казней послѣ удаленія ихъ. По взятіи Полоцка, Іоаннъ получилъ отъ дьяка Савлука извѣщеніе, что двоюродный братъ царя, князь Владиміръ, и его мать Ефросинія, дѣйствуютъ противъ государя. Въ чемъ состояли ихъ дѣйствія мы не знаемъ, источники ничего не говорятъ; но знаемъ, что сдѣланы были многія слѣдствія, по которымъ оговоренные оказались «виновными, неисправленія ихъ были сысканы и передъ митрополиты и владыки царь княгинѣ Ефросиньѣ и сыну ея неправды извѣстилъ». Княгиня Ефросинья должна была удалиться въ Воскресенскій женскій монастырь, что на Бѣло Озерѣ. Ей дали приличное содержаніе: «повели-же ей государь устроити ѣствомъ и питьемъ и всякими обиходы». Что касается до князя Владиміра, то года черезъ четыре на него снова обрушилась опала, и тогда онъ былъ казненъ; вѣроятно, что тогда-же постигла казнь и мать его. Причина такого поворота дѣлъ кроется въ розыскахъ, гдѣ постоянно замѣшивалось имя Владиміра; но положительно можно сказать, что жестокость Іоанна относительно семейства Владиміра, вымышлена. Ливонскіе дворяне перебѣжчики, Таубе и Крузе, которыхъ нѣмецкій ученый, Эверсъ, безъ церемоніи называетъ негодяями, разсказываютъ, и разсказъ ихъ былъ принятъ Карамзинымъ, что Іоаннъ истребилъ все семейство Владиміра въ 1569 г. Но хронологія уличаетъ ложь: старшая дочь Владиміра помолвлена была за Магнуса, но умерла въ 1570 г., въ 1573 г. за Магнуса вышла Марія, младшая дочь Владиміра и на свадьбѣ ея былъ ея братъ, Василій, слѣдовательно черезъ 4 года послѣ мнимой ихъ казни.

Въ 1564 г. случилось событіе, которое и дало толчокъ къ цѣлому ряду кровавыхъ катастрофъ. Это, уже упомянутое нами, бѣгство князя Андрея Курбскаго въ Литву, который якобы избѣгалъ гнѣва Іоанна, а въ сущности, руководился узкими взглядами той боярской партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Говоря прямо, онъ продалъ себя польскому королю и литовскому В. К. Сигизмунду-Августу. Король и литовскіе паны, Радзивилъ и Воловичъ, приглашали Курбскаго оставить московское государство и пріѣхать въ Литву. Курбскій согласился только послѣ вторичнаго приглашенія когда, вѣроятно, цѣна была надбавлена. Въ грамотѣ, которой за Курбскимъ устанавливалось право на владѣніе пожалованными ему имѣніями, король выражается такъ: «оставилъ (т. е. Курбскій) всѣ свои имѣнія и все свое имущество, какое имѣлъ въ московскомъ государствѣ, *отказался* отъ службы и *пріѣхалъ* къ *намъ* на службу». Такимъ образомъ Сигизмундъ - Августъ признавалъ за московскими боярами дружиннее право перехода, но за литовскими это право не признавалось. Точно такъ и московскіе государи призна-

вали право литовскихъ князей переходить къ нимъ на службу, но обратнаго права и они не признавали. Что касается до имѣній, оставленныхъ Курбскимъ въ московскомъ государствѣ, то они были ничтожны сравнительно съ Ковельскою волостью, которую далъ ему въ Литвѣ король. Ковельское имѣніе заключало въ себѣ городъ Ковель съ замкомъ и мѣстечко Вижву тоже съ замкомъ, мѣстечко Миляновичи съ дворцомъ и 28 селъ. (См. Иванишева, Жизнь Курбскаго на Литвѣ и на Волыни, введеніе къ Документамъ). За что такая щедрость? Въ Польшѣ знали, что дѣлали.

Князь Андрей Курбскій, прославленный историками и поэтами, какъ мужественный борецъ противъ тирана, самъ въ своихъ ковельскихъ помѣстьяхъ явился жесточайшимъ тираномъ. Его отношенія къ простонародью наглядно объясняютъ намъ причину, почему народныя массы въ Восточной Руси стали не на сторону бояръ, а на сторону Іоанна. Курбскій своими писаніями пропагандировалъ въ высшихъ слояхъ западно-русскаго общества ненависть къ Іоанну, трудъ излишній, ибо ненависть эта сама собою выростала изъ дѣятельности Іоанна, направленной противъ интересовъ этихъ круговъ. Но среди народной массы дѣла Курбскаго въ Литвѣ, противъ воли его, должны были популяризировать русскаго царя, какъ могучаго защитника простонародья. На Литвѣ князь Курбскій гордо подписывался князь Ярославскій и Ковельскій, но за нимъ осталась только первая часть титула, а княземъ Ковельскимъ титуловаться ему запретило польское правительство, ибо Ковельское имѣніе дано ему было не въ видѣ удѣльнаго княжества, а въ видѣ маіората, на ленныхъ правахъ, что ему и напомнили по поводу урядника его въ Ковелѣ, нѣкоего Клемента, который, вырывъ на дворѣ яму и наполнивъ ее водою и піявками, сажалъ туда іудеевъ, вопли которыхъ возмущали окрестныхъ жителей. Іудеи въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ вступились за своихъ соплеменниковъ и требовали суда; но Клементъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ только волю князя и никакихъ судейскихъ привиллегій знать не хочетъ. Іудеи Владиміра-на-Волыни хотѣли его убить и только случайно онъ избѣжалъ ихъ рукъ, но не избѣжалъ своей участи: онъ былъ убитъ какимъ-то княземъ Булыгой. Другого урядника князя Андрея Курбскаго, нѣкоего Барановскаго, крестьяне села Борки, выведенные имъ изъ терпѣнія, сожгли живого со всѣмъ его семействомъ. Такъ-то поживалъ на Литвѣ князь Андрей Курбскій, писавшійся княземъ Ярославскимъ. Могли-ли такіе потомки удѣльныхъ князей возбудить сочувствіе къ старинѣ?

Риторы ставятъ Курбскому въ заслугу его защиту православія въ Литвѣ: но, при всей необдуманности партіи Курбскаго, и онъ, и его единомышленники понимали, что колебаніе въ области религіи для нихъ было-бы не только нравственнымъ, но и политическимъ самоубійствомъ.

Для историка гораздо важнѣе тѣ литературные труды Курб-

скаго, въ которыхъ выразились его политическія идеи, политическое *profession de foi*. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить памфлетъ Курбскаго, озаглавленный—Исторія Іоанна. Исторію Іоанна Курбскій начинаетъ съ развода Василія съ Соломонидой и беззаконнаго, по его мнѣнію, брака съ иностранкой, Еленою Васильевною Глинскою. Іоаннъ по этому является порожденіемъ, т.-е. плодомъ законопреступленія и сладострастія. Но, блюститель каноническихъ постановленій, Курбскій, ни слова не говоритъ о томъ, что ближе касалось исторіи Іоанна, ни слова не говоритъ о правленіи Елены, объ ея отравленіи, объ умерщвленіи голодною смертію Овчины-Телепнева-Оболенскаго. Факты изъ времени боярскаго правленія искажаетъ безсовѣстно, такъ онъ говоритъ объ убійствѣ князя И. Бѣльскаго по повелѣнію Грознаго. Но мы знаемъ изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, что Бѣльскій былъ умерщвленъ по повелѣнію бояръ. Въ перепискѣ съ Курбскимъ, Іоаннъ выставилъ этотъ фактъ, какъ обвинительный пунктъ противъ боярства, и Курбскій не смѣлъ его опровергнуть. Про смерть Андрея Шуйскаго Курбскій выражается такъ: «такожде велѣлъ убити едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду князей Суздальскихъ». Это тотъ Андрей Шуйскій, котораго псковскій лѣтописецъ называетъ злодѣемъ. Этотъ лѣтописецъ съ ужасомъ вспоминаетъ время управленія Шуйскаго во Псковѣ; про него и про его товарища, кн. Репню-Оболенскаго, онъ говоритъ, что они свирѣпствовали какъ львы и грабили безпощадно. Говоря о казни Андрея Шуйскаго, можно сожалѣть, что эта казнь совершилась при дикой обстановкѣ, что партія, враждебная Шуйскимъ, допустила Іоанна, въ крайней юности его, совершить правосудіе въ видѣ дикаго самоуправства; но Андрей Шуйскій, во всякомъ случаѣ, достоинъ былъ казни.

Вся исторія Іоанна написана въ этомъ духѣ искаженія фактовъ, прославленія своихъ единомышленниковъ и собственнаго самовосхваленія. При описаніи взятія Казани самохвальству Курбскаго нѣтъ конца, нѣтъ конца и фамильному самохвальству. Такъ онъ баснословитъ о своемъ братѣ, что имѣлъ по пяти стрѣлъ въ ногѣ (!), израненный, онъ ѣздилъ между татарами, кололъ и рубилъ направо и налѣво! Въ отдѣльныхъ главахъ говоритъ о побіеніи князей, бояръ, дворянъ, нигдѣ не указывая на мотивы, говоритъ объ истребленіи цѣлыхъ фамилій, которыя существуютъ и до нынѣ. Особенно старается оттѣнить преслѣдованіе Іоанномъ монашескаго чина, иногда разсказывая чистыя басни.

Въ перепискѣ съ Грознымъ, кромѣ жалобъ на гоненія, у Курбскаго не встрѣчается ни единой государственной мысли. Все вертится около одного пункта—отобранія имѣній. Замѣчательны отвѣты Грознаго на похвальбы Курбскаго военными дѣяніями его и другихъ бояръ. «Сколько не было походовъ въ Казанскую землю», говоритъ Грозный,—«когда ходили вы безъ понужденія»? Онъ напоминаетъ

Курбскому, какъ бояре хотѣли оставить осаду Казани, когда на 4-й день буря разбила суда, какъ едва не погубили все дѣло, когда безвременно начали приступъ. «Вы такіе герои», иронически говоритъ Іоаннъ,—«а въ теченіи тринадцати лѣтъ моего малолѣтства не могли защитить христіанъ отъ татаръ!» На похвальбы самого Курбскаго, Іоаннъ ему напоминаетъ какъ, имѣя 15 т. войска, онъ не только не одолѣлъ, но подъ Невелемъ былъ разбитъ четырьмя тысячами поляковъ. Утомленный постоянными напоминаніями со стороны Курбскаго о родословныхъ, Іоаннъ выразилъ ему свой *profession de foi* текстомъ: «И если-бы вы были чадами Авраама, то поступали-бы, какъ онъ. Богъ можетъ изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму. Не всѣ, которые произошли отъ Авраама, причитаются къ сѣмени Авраама, но только живущіе по вѣрѣ Авраама: они и есть сѣмя Авраамово».

Представитель узкихъ боярскихъ интересовъ, твердившій, что ихъ лишили послѣднихъ срачицъ, выражалъ жалобы, что царь не слушаетъ синклитовъ. Но именно вслѣдствіе узости своихъ интересовъ, ни онъ, ни его партія не могли формулировать своихъ желаній, не могли сказать до какихъ предѣловъ царское послушаніе къ своимъ совѣтникамъ должно доходить? На вопросъ Іоанна Курбскому—чего вы хотите—*попу и прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣти, царю-же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти, властію-же ничимъ-же лучше быти раба?*—Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало и эта-то безотвѣтность, вслѣдствіе отсутствія у оппозиціонной партіи опредѣленнаго государственнаго идеала, вызвала со стороны Іоанна крайнее развитіе теоріи абсолютной власти и особенно рѣзкую отповѣдь противъ власти духовенства. Онъ пишетъ Курбскому:—«Ты нигдѣ не найдешь, чтобы царство, которымъ владѣли попы, не раззорилось, непогибло-бы.—Ты объ чемъ хлопочешь? о тѣхъ, которые погубили греческое царство; эту погибель и намъ совѣтуешь?»

ГЛАВА XV.

Нестолько бѣгство Курбскаго, сколько пріемъ, оказанный ему Сигизмундомъ-Августомъ, вызвалъ со стороны Іоанна чрезвычайныя мѣры. 3-го декабря 1564 г., Іоаннъ, взявши съ собою небольшую свиту, оставилъ Москву и удалился въ село Коломенское, откуда черезъ нѣсколько недѣль прибылъ въ Александровскую слободу.

Третье января—годовщина дня, въ который въ 1542 году князь Иванъ Шуйскій и Ѳедоръ Шереметевъ, произвели насильственный переворотъ, низвергнувъ Ивана Бѣльскаго. Въ этотъ-то день въ Москву отъ Іоанна прибылъ чиновникъ, Поливановъ, съ грамотой къ митрополиту Аѳанасію. Въ этомъ посланіи Іоаннъ такъ изображаетъ положеніе дѣлъ: «Воеводы не хотятъ служить отчизнѣ, оставляя ее въ добычу непріятелямъ; если-же государь, слѣдуя правосудію, разгнѣвается на бояръ и чиновниковъ, то митрополитъ съ духовенствомъ вступаются за виновныхъ, грубятъ и стужаютъ царю, который болѣзнуя сердечно и, не желая сносить многихъ измѣнъ, оставилъ свое государство и уѣхалъ водвориться тамъ, гдѣ ему Богъ опредѣлитъ». Въ тотъ-же день дьяки, присланные Іоанномъ, читали на площадяхъ грамоту къ купцамъ и мѣщанамъ, въ которой царь заявлялъ, что онъ къ нимъ остается милостивъ и что гнѣвъ его не падаетъ на нихъ. Въ этой грамотѣ царь напомнилъ, какъ бояре расхищали государственную собственность, раздавая ее друзьямъ и роднымъ, о народѣ же не радѣли. Въ день 3-го января 1565 г. уста бояръ должны были остаться и остались безмолвны; они не могли обратиться къ народу, ибо народъ видѣлъ дѣла бояръ-правителей, ратники видѣли, какъ воеводы спѣшили наскоро кончать войны, какъ бы отбывая принудительную работу.

Здѣсь и причина полнаго пораженія боярства.

Въ день 3-го января 1565 г. положеніе бояръ было ужасно: купцы и мѣщане, прося царя воротиться, вызывались сами истребить измѣнниковъ, если царь ихъ укажетъ. Тогда рѣшено было отправить посольство къ Іоанну и просить его воротиться. Тяже-

лые дни пришлось пережить боярству за его эгоистическую и близорукую политику.

Прибывъ въ Москву, Іоаннъ, созвавъ бояръ и духовенство, объявилъ, что, уважая просьбу архіереевъ, онъ царствуетъ опять, но на слѣдующихъ условіяхъ: наказывать ему предателей и ослушниковъ, иныхъ казнить и отбирать ихъ имущество, установить для себя *опришнину*, т. е. особый дворъ, чиновниковъ, служителей и стрѣльцовъ.—Для своей потребности и для царевичей Царь отдѣлилъ себѣ города и волости. Большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ, вошедшихъ въ Опричину, получило въ ней и помѣстья; а старые вотчинники и помѣщики были перемѣщены на ихъ мѣста.—Въ числѣ городовъ, вошедшихъ въ Опричину, были города, принадлежавшіе предкамъ Шуйскихъ — Суздаль, Балахна, Шуя. Переводъ изъ этихъ волостей старыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ и замѣна ихъ новыми, прерывалъ всѣ старыя преданія. Что касается до княжескихъ вотчинъ, то ихъ было немного, онѣ были уже отобраны, какъ мы видѣли, въ промежутокъ времени между 1556 и 1560 г.

Вмѣстѣ съ этой поземельной опришниной учрежденъ былъ особый корпусъ опришниковъ или опричниковъ. Этотъ-то корпусъ и оставилъ мрачную память по опричнинѣ, — ибо опричники набирались изъ самыхъ безшабашныхъ головъ. Десять лѣтъ просуществовала опришнина, въ противоположность которой остальная Россія называлась Земщиною. Земщина управлялась боярами; Опричина управлялась, какъ личное имѣніе Царя. Опричники были въ тягость Земщинѣ, да и самому Іоанну не легко было съ ними управляться, ибо приходилось соединять строгую дисциплину съ поблажкой. Во главѣ земщины поставленъ былъ Кассимовскій царевичъ, Симеонъ Бекбулатовичъ; Іоаннъ далъ ему титулъ В. Князя Московскаго и оказывалъ ему наружное почтеніе, какъ Петръ В. Князю Кесарю Ромадановскому. Можетъ быть въ двухлѣтнее пребываніе Симеона въ санѣ В. Князя собраны были необходимыя свѣдѣнія о монастырскихъ имуществахъ для отобранія ихъ.

Значеніе поземельной Опричины весьма ясно видно изъ дѣла Владиміра Андреевича. Въ 1566 г. Іоаннъ, января 15, взялъ у него г. Старицу, со всѣми приписанными къ ней селеніями и далъ ему Дмитровъ; затѣмъ того-же года взялъ Верею и взамѣнъ ея далъ Звенигородъ. Владиміръ Андреевичъ очутился среди новой обстановки, безъ связи съ его новыми удѣлами. Когда Іоаннъ отмѣнилъ Опричину, то часть земель, входившихъ въ составъ ея, отписана была на Государя. Такимъ образомъ Іоаннъ установилъ различіе между личною собственностью Государя и собственностью государства. Вѣроятно эти перемѣны и вызвали раздраженіе во Владимірѣ и въ его матери, что ихъ и погубило *).

*) Карамзинъ говоритъ, что самое имя Опричины или правильнѣе, Опришнины, дотолѣ неизвѣстно было. Но оно встрѣчается у самаго Карамзина въ

Въ тяжелый годъ учрежденія Опричины на мѣсто Аѳанасія, оставившаго митрополію по болѣзни, въ митрополиты избранъ былъ игуменъ Соловецкой обители, Филиппъ. Сначала онъ хотѣлъ отказаться отъ митрополіи, если Царь не отмѣнитъ опричины.—Но всякому понятно, что Іоаннъ, только что учредивши Опричину, не могъ безъ явнаго самоуниженія, на смѣхъ всѣмъ, согласиться на такое требованіе. Даже болѣе кроткій Государь замѣтилъ-бы Филиппу, что если ему не нравится Опричина, то объ этомъ слѣдовало думать прежде. Іоаннъ, чтобы избѣгнуть скандала, объяснилъ архіереямъ несообразность требованій Филиппа. Архіереи просили Іоанна отложить гнѣвъ, онъ велѣлъ сказать Филиппу, чтобы оставался на митрополіи и въ домашнія дѣла Царя и въ Опричину не мѣшался. Въ этомъ смыслѣ Филиппъ далъ слѣдующую запись: «что онъ по царскому слову и по ихъ (т. е. архіереевъ) благословенію, на волю дается стати на митрополію, а въ опришнину ему и въ царской домовой обиходъ не вступаться, а по поставленію за опришнину и за царскій домовой обиходъ митрополіи не отставливати». (Собраніе Г. Г. Д., т. I, № 193).

Въ эпоху Іоанна положеніе митрополитовъ вообще было тягостно, въ малолѣтство Грознаго бояре требовали, чтобы митрополиты стояли на ихъ сторонѣ. Митрополитъ Даніилъ, какъ Іосифлянинъ, онъ былъ изъ монастыря Іосифа Волоцкаго, не угодилъ боярамъ и былъ сверженъ. Такая-же участь постигла Іоасафа Скрыпицына, подвергшагося поруганію въ памятную ночь 3 января 1542 г. Естественно, что Іоаннъ, сажая на Митрополію Филиппа, искалъ въ немъ своего человѣка.—Но съ митрополитомъ изъ рода бояръ Колычевыхъ, у Іоанна миръ не могъ быть продолжителенъ. Зимою 1566 г. Филиппъ былъ посвященъ, а весною 1567 г. изъ ничтожнаго случая у Царя съ Филиппомъ вышло столкновеніе публичное, слѣдовательно непоправимое.—Филиппъ былъ низведенъ съ митрополичьяго престола и кончилъ дни въ одномъ тверскомъ монастырѣ. Подробностей достовѣрныхъ о дѣлѣ нѣтъ. Главнымъ источникомъ для дѣла Филиппа служатъ его Житіе и «Исторія Іоанна. Курбскаго». Житіе не можетъ служить историческимъ источникомъ; Карамзинъ уже указывалъ въ немъ невѣрное изложеніе фактовъ, Бестужевъ-Рюминъ того же мнѣнія. Курбскій о родѣ смерти Филиппа пишетъ по слухамъ; онъ передаетъ даже такой явно нелѣпый слухъ, что Филиппъ сожженъ въ Алексадровской слободѣ.

Съ паденіемъ Филиппа и казнію Владиміра Андреевича тѣсно связана катастрофа, разразившаяся надъ В. Новгородомъ, или, можетъ быть точнѣе, надъ несчастнымъ новгородскимъ духовенствомъ.

V и VI т. Опричинами назывались, между прочимъ, имѣнія, которыя давались по жизнь вдовымъ великимъ княгинямъ. По мнѣнію Кавелина, Опричина была первая попытка создать служилое дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество.

Здѣсь мы должны напомнить нѣкоторые факты изъ старой Новгородской исторіи, ибо катастрофа, о которой идетъ рѣчь, какъ многое другое, имѣла глубокіе корни въ исторіи московскихъ отношеній къ Новгороду. Авторъ Очерка Внутренней Исторіи Церкви въ В. Новгородѣ, говоритъ про время Іоанна III: «Кто въ смутные дни въ В. Норгородѣ былъ надежнѣйшимъ союзникомъ В. Князя? Церковь. Кто-же въ Новгородѣ поплатился за неудачныя попытки борьбы съ В. Княземъ? Страннымъ образомъ,—опять таки церковь». И еще страннѣе, что болѣе всего поплатился арх. Ѳеофилъ, тотъ самый, который запретилъ своему полку сражаться противъ В. К. Іоанна III Васильевича. Ѳеофилъ, конечно, былъ недоволенъ секуляризаціей церковныхъ имуществъ въ Новгородѣ и, вѣроятно въ сильномъ раздраженіи, у него вырвались слова—«выгоднѣе было-бы поддаться Литвѣ».—Слово, мимоходомъ сказанное, стоустой молвой превращено въ фактъ, и Ѳеофилъ кончилъ дни свои въ Московскомъ Чудовомъ Монастырѣ. Но этого оказалось мало, у владыкъ новгородскихъ были большія средства и эти средства изъ Софійскаго казнохранилища были взяты въ Москву. Казна была взята, но возвращена не тронутою. При Василіи Іоанновичѣ архіепископомъ Новгородскимъ назначенъ былъ въ 1524 г. можайскій архимандритъ Макарій. В. Князь Василій Іоанновичъ вручилъ Макарію, бывшему потомъ митрополитомъ, и софійскую казну, которую Макарій во всей цѣлости и привезъ въ Новгородъ.

Церковныя дѣла, въ Новгородѣ требовали особеннаго вниманія и такта не только въ сферѣ административной, но и въ сферѣ чисто религіозной. Но къ сожалѣнію отношенія были съ самаго начала испорчены первыми архіепископами поставленными изъ Москвы. Первый изъ нихъ, Сергій, возбудилъ противъ себя весь Новгородъ грубымъ пренебреженіемъ мѣстной, весьма чтимой, святыни. Его преемникъ, Геннадій, хотѣлъ сблизить новгородцевъ съ московскою церковью другимъ путемъ. — Въ 1493 г. Геннадій на крестномъ ходу велѣлъ пѣть каноны московскимъ чудотворцамъ Петру и Алексѣю, но на этотъ крестный ходъ не явилась большая и самая знатная часть новгородскаго духовенства, начиная съ юрьевскаго архимандрита и окрестныхъ игуменовъ. На слѣдующемъ крестномъ ходу Геннадій велѣлъ пѣть каноны не только московскимъ чудотворцамъ, но и мѣстнымъ угодникамъ. На крестный ходъ явился и юрьевскій архимандритъ и нѣкоторые, хотя не всѣ, игумены.

Секуляризація церковныхъ имуществъ сильно отозвалась и на капитулѣ Софійскаго Собора. Капитулъ этотъ былъ многочисленъ, число его членовъ свѣтскихъ и духовныхъ простиралась до 43-хъ, изъ нихъ 20 состояли изъ протопопа, протодіакона, и 18 придѣльныхъ священниковъ. Софіяне, какъ называли всѣхъ членовъ капитула, успѣли отбить еще при Іоаннѣ III у своего владыки подвѣнечную пошлину. Съ ними, какъ съ вліятельными людьми, еще

церемонились. Но бѣдное бѣлое псковское, вологодское духовенство обремененное архіерейскими поборами, весьма сильно страдало. Нѣкоторые поборы съ присоединеніемъ къ Москвѣ, не только не уменьшались, но усилились, какъ напримѣръ пошлина за великоденное яйцо. Дѣло дошло до того, что съ причтовъ за каждое яйцо требовали по новгородской гривнѣ. Это безобразіе пріостановилъ Макарій.

Макарій всячески старался умиритворить край и новгородскій лѣтописецъ съ благодарностію вспоминаетъ, что время его архіепископства было счастливо для края. Но, вѣроятно, преемникъ Макарія и намѣстники царскіе, своею гордостію, испортили дѣло Макарія, оставившаго Новгородъ въ 1542 г., тогда слѣдовательно, когда самостоятельное царствованіе Іоанна еще не начиналось. Новгородцы, послѣ отъѣзда Макарія, не разъ напоминали о себѣ Іоанну враждебными выходками, стоитъ вспомнить выходку новгородскихъ пищальниковъ, новгородскихъ дѣтей боярскихъ, отказывавшихся идти въ казанскій походъ. Всѣ подобныя выходки, а главное постоянная преданность новгородцевъ фамиліи Шуйскихъ, враждебныхъ дому Калиты, возбуждали въ Іоаннѣ наслѣдственную подозрительность къ В. Новгороду. Понятно поэтому, какое впечатлѣніе на Іоанна, должно было произвести извѣстіе, полученное имъ вслѣдъ за казнію Владиміра Андревича о сношеніи Новгородцевъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Самую нелѣпую сказку передаютъ русскіе лѣтописцы о какомъ-то Волынцѣ, который донесъ, что новгородцы написали какую-то грамоту къ Сигизмунду-Августу и что потомъ эту грамоту нашли въ Софійскомъ Соборѣ за образомъ. Простодушному лѣтописцу не пришло въ голову, зачѣмъ было держать такую улику въ соборѣ, разъ собраны были подписи? Иностранцы передаютъ, однако, слухъ о *желаніи* Тверитянъ, Новгородцевъ и Псковичей передаться Сигизмунду-Августу.

Слухъ этотъ могъ родиться, подобно слуху, погубившему Арх. Ѳеофила, отъ необдуманныхъ рѣчей. Подобный слухъ могъ народиться и другимъ путемъ: очень возможно, что нѣсколько горячихъ головъ, вспоминая прошлое, мечтали о возможности сбросить власть Москвы при помощи Сигизмунда-Августа. Съ другой стороны мы, на основаніи примѣра Курбскаго, можемъ съ полнымъ правомъ, сдѣлать предположеніе, что изъ за рубежа шли въ Новгородъ соблазнительныя предложенія, подобныя тѣмъ, которыя боярство получило напр. въ лицѣ Курбскаго. Одинъ итальянецъ, пріоръ Джеріо писалъ къ венеціанскому Дожу, что Царь казнилъ 18 т. новгородцевъ разнаго пола и возраста за то, что нашелъ у нихъ гонца съ возмутительными письмами; вѣроятный, но неопредѣленный слухъ. Несомнѣнно однако одно, что слухи о намѣреніи новгородцевъ предаться Сигизмунду-Августу, изъ какого бы источника они ни исходили, возбудили старо московскую подозрительность. Со времени

Калиты московскіе князья привыкли сторожить всякаго рода слухи; мы видѣли съ какой стремительностію Іоаннъ III ухватился за слухъ о намѣреніи Ѳеофила предать Литвѣ Новгородъ, и какая судьба постигла его.

Что-же мудренаго, что Іоанномъ Грознымъ, при обстоятельствахъ того времени, относительно Новгорода овладѣло довѣріе къ преувеличеннымъ слухамъ и та традиціонная московская подозрительность, которой проникались всѣ сферы, какъ частной, такъ и общественной жизни въ московскомъ государствѣ.

Въ концѣ 1569 г. Іоаннъ рѣшился двинуться на В. Новгородъ На пути къ Новгороду, какъ разсказываютъ, совершены были казни въ Клину, въ Твери и Торжкѣ, превращенныя легендами и разсказами иностранцевъ чуть не въ истребленіе цѣлыхъ городовъ, Вѣроятно среди бояръ и дѣтей боярскихъ бывшаго Тверского кн—ва было много недовольныхъ Москвою, которая ихъ такъ принизила и среди нихъ могли возникнуть толки о помощи со стороны Литвы, какъ это было въ старину. Не забудемъ, что уставами Іоанна III бывшее Тверское кн—во было поставлено на военное положеніе. Слухи о разныхъ толкахъ, дошедшія до Москвы, конечно, были преувеличены. Къ Новгороду Іоаннъ напередъ послалъ сильное войско, окружить его, занять окрестные монастыри, заставить всѣ пути. 2 января 1570 года передовые отряды, исполняя порученіе Царя, опечатали сокровища упомянутыхъ монастырей и привели въ Новгородъ на правежъ 500 монаховъ означенныхъ монастырей. Въ Крещеніе Іоаннъ съ сыномъ прибылъ на городище, а 8 января самъ вступилъ въ Новгородъ, свергнулъ Пимена, отдалъ его самого и его бояръ подъ стражу. Судъ и казни были жестоки и безъ преувеличенія [1]).

Подобно дѣду своему, Іоаннъ болѣе всего обратилъ вниманіе на церковныя имущества, можетъ быть, съ цѣлію отнять у монастырей средства поднять, пугавшее воображеніе его и дѣда его, возстаніе. Духовнику своему, протопопу Евстафію и боярину Салтыкову съ другими боярами, велѣлъ изъ Софійскаго Собора взять казну, церковныя вещи, лучшіе образа, ризы, колокола и то же велѣлъ сдѣлать по всѣмъ Новгородскимъ монастырямъ.

При отсутствіи достовѣрныхъ источниковъ трудно провѣрить разнообразныя цифры убитыхъ; но какъ-бы относительно ни мало было это число, всетаки ясно, что совершилось дѣло жестокое, со-

---

[1]) Арцыбашевъ, относясь критически къ разсказу о казняхъ вообще, и о Новгородскихъ въ особенности, замѣчаетъ искаженія и преувеличенія Такъ напр. разсказываютъ, что Іоаннъ велѣлъ утопить въ р Волховѣ арх. Пимена; но мы достовѣрно знаемъ, что онъ заточенъ былъ въ Веневскій монастырь, гдѣ и умеръ Въ примѣчаніи № 1898 есть такого рода объясненіе причины преувеличенности казней: нужно помнить, что лѣтописцы были духовные и что въ Новгородѣ болѣе всего пострадало отъ царя духовенство.

вершилось въ крайнемъ раздраженіи и не безъ подстрекательства со стороны московскихъ бояръ и нѣкоторыхъ представителей московскаго духовенства. Можно предположить, что толки о готовности новгородцевъ измѣнить, ходили по Москвѣ. Изъ исторіи дѣда и отца Грознаго мы знаемъ, какъ московское боярство и московское духовенство враждебно относились къ Новгороду. Казни Іоанна навели ужасъ на новгородцевъ. Вся тяжесть обвиненія въ этомъ дѣлѣ падаетъ не на одного Іоанна, а на всю московскую грубость и жестокость. Жестокость Московскихъ намѣстниковъ не подлежитъ сомнѣнію, её раздѣляли и всѣ Московскіе бояре. Замѣчательно, что когда Іоаннъ III въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Новгородъ разомъ казнилъ 100 человѣкъ Новгородскихъ бояръ, то все Московское боярство молчало. А это число было едва-ли не равно числу казненныхъ Московскихъ бояръ за все время царствованія Грознаго, когда они пожинали то, что посѣяли. Что касается до Архіепископовъ, то о грубомъ ихъ отношеніи къ Новгородцамъ была уже рѣчь. Московскіе бояре и духовенство смотрѣли на Новгородцевъ, какъ на смердовъ. Первый Архіепископъ, присланный изъ Москвы. при Іоаннѣ III, отказался открыть гробницу, чтимаго въ Новгородѣ святаго, Арх. Моисея, говоря: «Вотъ, буду я смотрѣть на смерда!» Изъ повѣствованій о разгромѣ Новгорода видно, что болѣе всего поразила воображеніе новгородцевъ московская казнь утопленіемъ. Эта казнь, по выраженію проф. Сергіевскаго, совершалась *просто*: виновнаго обухомъ били по головѣ и бросали въ рѣку подъ ледъ, иногда просто связанныхъ топили. (Сергіевскій: О наказаніяхъ въ русскомъ правѣ XVII в.). Но новгородцамъ такого рода московская простота, практиковавшаяся и въ XVII в., была отвратительна, ибо на новгородскіе нравы татары менѣе имѣли вліянія и Новгородцы были гораздо мягче. Эта кровавая катастрофа обнаруживаетъ глубокую язву въ политической жизни московскаго государства, которая порождала подобныя событія. Эта язва — глубокая недовѣрчивость московскихъ князей и бояръ ко всему и ко всѣмъ. Она породила другое зло, другую язву—предупрежденіе, могущихъ быть возмущеній, жестокими казнями. Архіепископы Ѳеофилъ и Пименъ, умерьіе въ ссылкѣ, были жертвами этихъ язвъ. Велики были заслуги Москвы, московскихъ великихъ князей и государей; но исторія не должна замалчивать темныя стороны московскихъ событій и темныя стороны московскаго государственнаго быта. Татары не имѣли вліянія на политическій строй нашего общества, но вліяніе ихъ на нравы было велико и гибельно, что и сказывалось въ дѣяніяхъ московскихъ. Должно еще не забывать, что и до разгрома новгородскаго, и при Іоаннѣ Грозномъ не было хорошихъ отношеній между Москвою и Новгородомъ, и самый разгромъ Новгорода и его монастырей, поэтому не представляется дѣломъ внезапнымъ.

Новгородскіе монастыри и до 1570 г. должны были дѣлиться избытками своихъ богатствъ съ церквами великорусскими. Въ 1553 г. изъ новгородскихъ монастырей посланы были колокола, ризы, образа и церковная утварь къ архіепископу въ Казань, на вновь строившіяся церкви. Позволительно сомнѣваться, чтобы это даяніе было произвольнымъ даромъ. Вѣроятно подобныя даянія и поддерживали враждебное настроеніе новгородскихъ монастырей къ Москвѣ.

Конечно казни въ Новгородѣ не повліяли на улучшеніе отношеній новгородскаго духовенства къ архіепископамъ, поставленнымъ Москвою. Новгородское духовенство чуть-ли не огуломъ, по выраженію проф. Никитскаго, возставало противъ обычая носить ставленныя грамоты на подтвержденіе каждому новому Владыкѣ, что требовало значительнаго расхода на пошлину, уже уплаченную при посвященіи. Черезъ годъ послѣ рокового для Новгородскихъ монастырей, 1570 г., именно въ 1572 г., въ Новгородѣ произошло по поводу ставленныхъ грамотъ столкновеніе между владыкою Леонидомъ и юрьевскимъ Архимандритомъ Ѳеоктистомъ. «Отчего ты, говорилъ Леонидъ, обратясь къ послѣднему, не показываешь мнѣ своей настольной грамоты, на какомъ основаніи ты архимандритишь?» Ѳеоктистъ, въ оправданіе, сослался на свою поѣздку въ Москву къ великому государю. «Вотъ когда у меня, «возразилъ на это владыко», не было настольной грамоты, такъ я не служилъ и трехъ дней». Выведенный изъ терпѣнія, Ѳеоктистъ воскликнулъ: «Вижу, что тебѣ хочется съ меня содрать. Но мнѣ дать нечего: хочешь, возьми архимандритство и настольную грамоту; хочешь, сдери съ меня, владыко, и ризы: я и о томъ не стану тужить». (Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго).

Новгородскіе монахи думали, что Царь накладываетъ свою руку исключительно на имущество новгородскихъ монастырей; но нужды государственныя заставили Іоанна поднять вообще вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, вопросъ, въ которомъ дѣдъ Грознаго потерпѣлъ, какъ выше было указано, полную неудачу. Грозный созвалъ въ 1580 г. Соборъ изъ Архіепископовъ, Епископовъ, Игуменовъ и разъяснилъ Собору затруднительное положеніе Россіи, на которую со всѣхъ сторонъ наступаютъ враги и требовалъ жертвъ отъ духовенства и онъ получилъ то, на что дѣдъ его не смѣлъ и надѣятьси. Соборъ приговорилъ возвратить Царю всѣ земли и села княжескія, которыя когда-либо были отказаны митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ, равно какъ и, *заложенныя* монастырямъ земли;—вмѣстѣ съ тѣмъ дано было духовенствомъ обязательство, что впредь митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри ни подъ какимъ видомъ небудутъ себѣ присвоивать населенныхъ имѣній. Остальныя земли оставались неотъемлимымъ достояніемъ духовенства. (См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, часть 1,

№ 200). При Θеодорѣ Іоанновичѣ на время даже отмѣнены были тарханы или льготныя грамоты, освобождавшія отъ податей имѣнія, оставшіяся въ рукахъ духовенства. (См. Тамъ-же, № 202). При Θеодорѣ-же, распоряженіе Іоанна на счетъ отписанія, т. е. отобранія у всѣхъ городскихъ монастырей подгородныхъ пожней приведено было въ исполненіе и хотя окологородные пожни и были возвращены монастырямъ, но съ обязательствомъ платить съ этихъ пожней подати.

Всѣ эти дѣла относительно поборовъ церковныхъ, до нѣкоторой степени бросаютъ значительный свѣтъ на новгородскій разгромъ 1570 г.; но читатель долженъ знать, какъ выше сказано, что ни одинъ историкъ пока не можетъ дать точныхъ свѣдѣній объ означенномъ разгромѣ. Иностранцы писали по слухамъ и одни лгали неумышленно, по незнанію, другіе умышленно, ибо въ ту пору, въ Ливоніи и въ Польшѣ умышленно фабриковались разныя нелѣпыя преувеличенія о жестокостяхъ Іоанна, а иногда и просто сочинялись разсказы о разныхъ звѣрствахъ и еще болѣе затемняли эту, и безъ преувеличеній, жестокую эпоху. Пропажа розыска по новгородскому дѣлу 1570 г. весьма важная и существенная потеря для исторіи. Какъ-бы пристрастно, розыскъ ни былъ произведенъ, но разными сличеніями съ другими памятниками, могъ-бы дать важный матеріалъ для разъясненія дѣла.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ, будто-бы неся Пскову такую-же участь, какъ Новгороду. Но такъ какъ во Псковѣ казней не было, то пришлось отсутствіе ихъ прикрыть наивно дѣтскими и противорѣчивыми легендами. Разсказывали что, остановясь близь Пскова, Іоаннъ услышалъ благовѣстъ къ заутрени и умилился душой, представивъ себѣ, съ какимъ чувствомъ идутъ въ храмы псковичи, ждущіе гибели и сказалъ воинамъ: «притупите мечи ваши»; другая легенда говоритъ, что Іоаннъ испугался угрозъ гнѣвомъ Божьимъ блаженнаго Николая Салоса, т. е. Юродиваго.—Въ одномъ спискѣ лѣтописи говорится, что этотъ Николай, который *Христа-ради похабъ сотворя*, такъ напугалъ Грознаго, что онъ бѣжалъ изъ города. (Карамзинъ. IX, пр. 289).

Но помимо этихъ дѣтскихъ фантазій дѣло уясняется проще: 1) на Псковъ не падали такія подозрѣнія, какъ на Новгородъ; 2) Псковское духовенство было исторически враждебно новгородскому духовенству, на которое главнымъ образомъ падалъ гнѣвъ Іоанна; и въ 3) что, важнѣе всего, Псковъ никогда не былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ фамиліи Шуйскихъ *). Псковъ былъ поща-

*) Даже напротивъ, стоитъ вспомнить, какъ во Псковѣ свирѣпствовалъ Андрей Шуйскій въ малолѣтство Грознаго и какъ другъ Шуйскихъ, Шереметевъ, свирѣпствовалъ во Псковѣ въ смутное время. Шуйскихъ любили въ Новгородѣ, ненавидѣли во Псковѣ. Все было по старинѣ: любимое въ Новгородѣ, ненавидѣлось во Псковѣ. Вотъ и тайна пощады Пскова.

женъ, но, оставляя городъ, Іоаннъ приказалъ царскую казну, иконы кресты, сосуды взять съ собою.

Новгородскій погромъ отразился и въ Москвѣ, преимущественно на близкихъ Іоанну людяхъ. Первыми, и самыми крупными жертвами, по этому дѣлу называютъ князя Аѳанасія Вяземскаго и Алексѣя Басманова, изъ рода Плещеевыхъ. Перваго подозрѣвали, что онъ извѣстилъ новгородцевъ о предстоящей грозѣ и этимъ извѣщеніемъ далъ возможность многимъ подозрѣваемымъ бѣжать; нѣкоторые изъ бѣжавшихъ въ 80 верстахъ отъ Вологды, основали Лальскій погостъ. Говорятъ, что Аѳанасій Вяземскій, бывшій шесть лѣтъ самымъ близкимъ совѣтникомъ Іоанна, погибъ во время пытки. Древнія преданія, какъ мы видѣли, жили долго; кн. Вяземскій происходилъ изъ Смоленскихъ князей, всегда стоявшихъ за Новгородъ, поэтому возможно, что онъ и далъ извѣстіе въ Новгородъ о предстоявшемъ погромѣ. Впрочемъ это — предположеніе. О Басмановыхъ-Плещеевыхъ говорили, что Іоаннъ приказалъ сыну Алексѣя, Ѳеодору, отрубить голову отцу. Арцыбашевъ основательно сомнѣвается въ отвратительныхъ подробностяхъ московскихъ казней; но въ самыхъ казняхъ, сомнѣваться нельзя. На эти казни есть офиціальныя указанія. Въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ 1571 г., въ Польшу велѣно было сказать панамъ Рады: которую думу измѣнникъ Курбскій и съ вами съ паны съ Радою и съ казненными задумалъ, чтобы Новгороду и Пскову за Литвою быть, то этому быть непригоже. (Арц. Т. II, пр. 1912). Изъ другихъ казненныхъ выдаются—дьякъ Висковатый Иванъ Михайловъ и казначей Фуниковъ. Ихъ также обвиняли въ намѣреніи предать Литвѣ Новгородъ и Псковъ. Всѣхъ винили въ намѣреніи извести царя и выбрать на царство Владиміра Андреевича. Князь Курбскій говоритъ, что о возведеніи на царство Владиміра Андреевича не думали, какъ о человѣкѣ неспособномъ; но это не оправданіе, олегархи всегда и всюду прославляли слабыхъ и неспособныхъ Государей. Въ 1568 г. казнены князья, Щенятевъ и Турунтай-Пронскій, хотѣвшіе бѣжать въ Москву, старые приверженцы Владиміра Андреевича, открыто стоявшіе за него еще во время болѣзни Іоанна въ 1553 г.

Должно замѣтить, что Висковатый, во время болѣзни Іоанна въ 1553 г. велъ себя сдержанно; но Фуниковъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые не хотѣли присягать сыну Анастасіи.

Мы уже говорили, что къ казнямъ дѣйствительнымъ присочинялось множество фантастическихъ сказаній за границей, и дома. Изъ домашнихъ преувеличеній особенно замѣчательны синодики или поминанія. Синодики дѣйствительно иногда представляли историческій матеріалъ, когда, какъ это бывало въ Византіи, къ именамъ поминаемыхъ присоединялись факты изъ ихъ жизни, имѣвшіе или общегосударственное, или общецерковное значеніе. Но не таковы синодики, приписываемые Іоанну и будто посланные имъ въ Кирилло-

Бѣлозерскій монастырь. Въ этихъ синодикахъ, не извѣстно изъ какихъ источниковъ взятыхъ, упоминаются лица и надъ ними надписи—убіенные, или потопленые по повелѣнію царя. Надписи эти безъ сомнѣнія сдѣланы гораздо послѣ.

Событія шли въ такомъ порядкѣ: въ концѣ 1569 г. казненъ князь Владиміръ Андреевичъ, въ началѣ 1570 г. казни въ Новгородѣ, въ іюлѣ казни въ Москвѣ. Въ маѣ 1571 года сожженіе Москвы крымскимъ ханомъ.

Выше мы привели разсказъ С. М. Соловьева объ отступленіи воеводъ съ береговъ Оки, и какъ воеводы пропустили крымскаго хана черезъ Оку, даже неизвѣстно было, гдѣ онъ перешелъ. Царь, не зная, гдѣ перешелъ Оку ханъ, съ своимъ отрядомъ былъ отрѣзанъ отъ остальнаго войска. За это, и безъ другихъ доказательствъ, Царь имѣлъ право заподозрить бояръ въ измѣнѣ, если-бы и не было извѣстія, что дѣти боярскіе, и въ числѣ ихъ Кудеяръ Тишниковъ, не только указали хану путь черезъ Оку, но и сообщили, что ему не будетъ препятствія идти на Москву.

Сожженіе Москвы и поведеніе бояръ подъ Москвою, это уже второй актъ трагедіи. Въ числѣ воеводъ былъ князь Иванъ Андреевичъ Шуйскій, сынъ того Андрея, котораго Грозный въ 1543 г. отдалъ на расправу псарямъ. Ни его, ни родственника его, подъ Москвою не было. Открывши подъ Москву путь хану, Ивану Андреевичу Шуйскому не было и нужды туда спѣшить; Но другіе воеводы пришли прежде хана. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что означенный князь Иванъ, сынъ олигарха, князя Андрея, былъ отецъ Царя Василья Ивановича Шуйскаго, возвѣстившаго въ грамотѣ, при воцареніи о своихъ родовыхъ правахъ на Московскій престолъ, о старшинствѣ своей фамиліи передъ фамиліей Калиты.

Историки, судящіе о событіяхъ XVI в. по мѣркѣ XIX в., забываютъ, что у Шуйскихъ понятія временъ удѣльныхъ крѣпко сидѣли въ головахъ. Князья-же удѣльные до половины XIII в. наводили на свою братью половцевъ, какъ Ольговичи, а съ XIII в. татаръ, какъ это дѣлали и сыновья Александра Невскаго. Эти родовыя и удѣльныя воспоминанія не только Шуйскіе, но и всѣ княжата отъ племени св. Владиміра принесли въ Москву. Они всегда готовы были призвать крымскаго хана на Москву, что они и дѣлали много разъ. Предки Шуйскихъ въ 1383 г. предали Москву на раззореніе Тохтамышу. Понятіе объ общемъ отечествѣ, о русской землѣ, у всѣхъ означенныхъ княжатъ существовали только на словахъ; дѣла-же показывали другое: надъ всѣмъ преобладали фамильные интересы.

При Іоаннѣ Грозномъ заканчивалась борьба съ княжатами отъ племени св. Владиміра; но замѣчательно, что въ этой борьбѣ въ сторонѣ стояли княжата отъ племени Гедимина.

Курбскій сообщаетъ извѣстіе, и то весьма сомнительное, о казни князя Трубецкаго, но неизвѣстно какого; сомнительно потому, что

Іоаннъ во многихъ случаяхъ оказывалъ особое довѣріе Трубецкимъ, кромѣ того упоминается ссылка или, по другимъ извѣстіямъ, казнь одного изъ князей Куракиныхъ, и только. На это обстоятельство внимательный наблюдатель хода русской исторіи не можетъ не обратить вниманія. Потомство дружинныхъ бояръ раздѣлилось, одни стали на сторонѣ Шуйскихъ, другіе на сторонѣ дома Калиты; Гедиминовичи-же въ эту смутную пору обособились и выступаютъ на сцену только въ эпоху паденія В. И. Шуйскаго. Возвращаясь къ поведенію воеводъ во время нашествія Крымскаго хана, должно напомнить, что самый жаркій защитникъ бояръ, исторіографъ Карамзинъ, порицаетъ это поведеніе.

Вотъ его слова: «Воеводы царскіе, съ береговъ Оки, не отдыхая приспѣли для защиты (Москвы) и что же сдѣлали? вмѣсто того, чтобы встрѣтить и отразить хана въ полѣ, заняли московскія предмѣстія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень, хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями» (т. IX, гл. III).

Естественно, что Москва сгорѣла и что въ ней погибло много народа. Здѣсь кстати будетъ сказать о легковѣріи, съ которымъ англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, по слухамъ, разсказываетъ о Московскомъ пожарѣ. Онъ преувеличиваетъ число погибшихъ въ Москвѣ, доводитъ до 800 т., т. е. до такого числа жителей, какого тогда не бывало, конечно, въ предѣлахъ всей нынѣшней Московской губерніи. Однако и Флетчеръ не утверждаетъ прямо, что погибло 800,000 чел., а говоритъ только, *такъ разсказываютъ*. Но Карамзинъ буквально принялъ это число. Но и Карамзинъ, не желая уронить авторитетъ Флетчера, не рѣшился помѣстить въ текстѣ разсказъ о томъ, какъ жители среди огня въ три ряда ходили другъ у друга на головахъ, а отнесъ это въ примѣчанія.

Подозрѣніе Іоанна, что воеводы, допустившіе Хана перейти черезъ Оку, сдѣлали это съ цѣлью передать Іоанна съ его опричниками въ руки татаръ, не совсѣмъ лишено основанія. Года за два до сожженія Москвы воеводы—князья Бѣльскій, Мстиславскій и Воротынскій, получили отъ польскаго короля и отъ гетмана Хоткевича грамоты, съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены. На этотъ разъ эти трое князей отдѣлались благополучно: Іоаннъ продиктовалъ имъ бранный отвѣтъ королю; но когда они пропустили хана, подозрѣнія возобновились.

Въ борьбѣ Грознаго съ боярствомъ весьма видную роль играли монастыри, интересы которыхъ также имъ были задѣты. Естественно, что монастыри стали за боярство, особенно сѣверные, гдѣ была популярна фамилія Шуйскихъ. Съ 1542 г. на сторонѣ Шуйскихъ стояла самая сильная боярская фамилія, именно фамилія Шереметевыхъ, которые вмѣстѣ съ Романовыми, Колычевыми, Беззубцевыми и др. вели свой родъ отъ Андрея Кобылы.

Только фамилія Романовыхъ крѣпко держалась Дома Калиты. Фамилія Шереметевыхъ, преданная Шуйскимъ, первая и вступила въ союзъ съ монастырями противъ Іоанна. Въ 1547 г. постригся въ монахи Василій Шереметевъ, котораго Іоаннъ считалъ родоначальникомъ послабленія иноческаго житія, что въ устахъ Іоанна означало нетолько безурядицу, но и занесеніе въ монастырь боярской крамолы. Василій Шереметевъ, котораго, по словамъ Грознаго, звали бѣсомъ, умеръ однако не въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ постригся, а въ Николаевскомъ Антоніевомъ монастырѣ, Тверской епархіи. Что заставило Василія, въ иночествѣ Вассіана, уйдти въ столь отдаленный монастырь? Данныхъ для объясненія нѣтъ, но годъ смерти Вассіана Шереметева, 1548 г., наводитъ на мысль, что онъ бѣжалъ за годъ досмерти изъ Троицы, когда Іоаннъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, принялъ царскій титулъ и женился на Анастасіи Романовнѣ, т. е. въ то время, когда противъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ начали враждовать бояре.

Бояре, зная, какое вліяніе монастыри имѣли на массу, всячески старались привязать ихъ къ интересамъ боярской партіи. Кромѣ того бояръ связывалъ съ монастырями и одинъ общій интересъ, именно имущественный. У монастырей также отбирались имѣнія, какъ у тѣхъ бояръ, о которыхъ Іоаннъ говоритъ, что они разрушили уложеніе дѣда и отца его. Поэтому и понятно, что боярамъ пришла мысль сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ притязаній.

Самымъ популярнымъ монастыремъ на сѣверѣ былъ монастырь Кирилла Бѣлоозерскаго, и этотъ-то монастырь Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, сынъ Вассіана, (въ міру Василія), привлекъ на боярскую сторону. Въ 1570 г. онъ постригся въ этомъ монастырѣ подъ именемъ Іоны. Іоаннъ понялъ, что это постриженіе, принятое въ грозный 1570 годъ, могло окончательно сдѣлать монастыри орудіемъ боярской партіи, что и вызвало знаменитое посланіе Іоанна къ игумену Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря. И дѣйствительно, постриженіе было только предлогомъ: инокъ Іона устроилъ себѣ въ монастырѣ не только удобную, но и роскошную, истинно боярскую, обстановку. Противъ этой-то игры монашескимъ клобукомъ и возстоялъ Грозный. Но зная сильное вліяніе Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря и самъ, питая глубокое уваженіе къ памяти основателя его, Іоаннъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно, сообразуясь съ церковными уставами. Ставши на твердую почву монастырскаго устава, Іоаннъ возстаетъ противъ нарушеній уставовъ, и, начавъ смиренными словами, переходитъ въ грозную филиппику, съ обычною его безпощадною ироніею: «Если-бы мнѣ пришлось у Васъ постричься, то у Васъ слѣдовало-бы быть и всему царскому двору? Какъ вы поступите на страшномъ судѣ, спрашиваетъ Іоаннъ иноковъ, когда рыбари и поселяне (т. е. апостолы) станутъ судить царей, вы кого поставите выше, Шереметева, который постригся изъ боярства или

Кирилла, который и въ приказѣ не служилъ?» Въ монастыряхъ ходили злые слухи объ Іоаннѣ и даже обращались фальшивыя грамоты, какъ видно изъ того-же посланія Іоанна. Въ ту пору сильнаго возбужденія страстей, искаженія фактовъ, подлоги были обычнымъ явленіемъ. Въ одномъ памятникѣ XVI в. говорится: «мнози книжницы во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житій выписываетъ и выкрадываетъ изъ книгъ подлинное Отецъ писаніе и приписываетъ полезная себѣ. (Бесѣда Валаамскихъ Чудотворцевъ, изд. Дружинина и Дьяконова)

Англичанинъ Горсей сообщаетъ рѣчь Іоанна передъ соборомъ 1580 г. Въ этой рѣчи ясно рисуются отношенія духовенства къ государству: вотъ выдержки изъ этой рѣчи. «Вы, устрашая совѣсть лучшихъ подданныхъ, захватили въ свои владѣнія третью часть земель въ государствѣ. Вы торгуете душами народа и проводите жизнь въ лѣности, во всякихъ удовольствіяхъ и въ похотяхъ. Я просилъ васъ помочь тысячамъ дворянъ, отъ предковъ которыхъ вы получили свои имѣнія. Отнявъ ихъ у васъ, я возстановлю общее благосостояніе».—Рѣчь эта соотвѣтствуетъ дѣлу, совершенному Іоанномъ на Соборѣ 1580 г.

Если съ одной стороны Іоанну приходилось бороться съ попытками бояръ сдѣлать монастыри орудіемъ для возвращенія боярству преобладающаго значенія въ государствѣ, то не менѣе приходилось встрѣчать сопротивленія попыткамъ сближенія съ культурными странами. Это сопротивленіе прикрывалось жалобами на измѣну Царя обычаямъ. Въ числѣ нелѣпостей разсказанныхъ про Грознаго особенной наивностью отличаются разсказы о нѣмецкомъ врачѣ Бомеліи, перешедшія въ нѣкоторые лѣтописи и въ записки нѣкоторыхъ иностранцевъ о Россіи. Вся суть ихъ заключается въ томъ, что Елисей Бомелій будто бы внушилъ царю ненависть къ рускимъ (!?) и любовь къ нѣмцамъ, что будто бы онъ совѣтовалъ Іоанну жениться на иноземной принцессѣ, извести всѣхъ бояръ и замѣнить ихъ нѣмцами. За порицаніе нѣмецкихъ обычаевъ былъ казненъ князь Оболенскій-Овчина [1]).

Послѣдніе годы царствованія Іоанна ознаменовались началомъ покоренія С. Азіи или Сибири и семейными смутами.

Страна за Камнемъ, т. е. за уральскими горами, давно была

[1]) Гваньини, итальянецъ, писавшій по порученію Баторія, говоритъ, что будто-бы Оболенскій сказалъ Басманову—«ты служилъ Государю дѣлами разврата. Но Курбскій, не упустившій бы случая облить Іоанна грязью, ни слова объ этомъ не говоритъ Одерборнъ, тоже современникъ, говоритъ именно, что Оболенскій казненъ за грубое порицаніе нѣмецкихъ обычаевъ. Карамзинъ выбралъ извѣстіе Гваньини. Тогда же былъ казненъ кн. Репнинъ, будто-бы за то, что не хотѣлъ одѣть маски и порицалъ Іоанна за надѣваніе маски и за то, что Іоаннъ плясалъ въ маскѣ.

извѣстна русскимъ. Новгородцы уже въ XIV в. ходили на р. Обь. Въ концѣ XV в., именно въ 1483 г., Іоаннъ III посылалъ на Обь своихъ воеводъ. Тогда побѣждены были князья Югорскіе, Вогульскіе и Сибирскій князь Лятыкъ. Іоаннъ III принялъ тогда титулъ Югорскаго. Означенный Лятыкъ былъ князь Остяцкій. Въ XVI в. страна между Обью и Камнемъ подчинилась ногайскимъ татарамъ, и власть надъ ногайскимъ улусомъ въ Сибири перешла въ родъ Тайбуги; но въ 1563 г. Ногайскій царь Кучумъ, изъ рода Ногая, отнялъ улусъ у рода Тайбуги. Столкновеніе съ фамиліей Строгановыхъ, колонизаторовъ Пермскаго края, вызвало грозу на сибирское царство Кучума. Строгановы, старинный новгородскій родъ, оказали большія услуги прадѣду и дѣду царя Іоанна: они выкупили изъ татарскаго плѣна Василія Тёмнаго. При Іоаннѣ III они получили пустопорожнія земли въ Устюжскомъ краѣ, съ правомъ заселенія ихъ. При Грозномъ, въ 1558 г., Григорій Строгановъ получилъ право занять пустыя мѣста по р. Камѣ до устья р. Чусовой. Кромѣ того, имъ дано право строить города, т. е. крѣпости, для защиты отъ нападеній инородцевъ. Когда начались нападенія на эти городки кучумовыхъ людей, то Строгановы выпросили себѣ право не только отражать этихъ людей, но и посылать казаковъ въ Сибирь. Это право было дано. Строгановы призвали къ себѣ казаковъ, которые грабили на Волгѣ, они пришли въ числѣ 540 человѣкъ, подъ предводительствомъ Ермака Тимофѣева. Говорятъ, что онъ былъ уроженецъ пермскаго края и, можетъ быть, прежде уже былъ извѣстенъ Строгановымъ. 1 сентября 1580 г. казаки отправились въ отдаленный походъ. Сбившись съ дороги, Ермакъ долженъ былъ зимовать, весною поплылъ по р. Тагили и вступилъ въ р. Туру. Въ устьяхъ Туры Ермакъ узналъ, что ханъ Кучумъ живетъ въ городѣ Сибири или Искерѣ, при р. Иртышѣ. Ермакъ думалъ обмануть Кучума и, пославъ ему дары, велѣлъ выразить сожалѣніе, что онъ, торопясь возвратомъ въ Россію, не можетъ его посѣтить. Но Кучумъ не дался въ обманъ и приготовился къ отпору. Ермакъ между тѣмъ вошелъ въ р. Тоболъ и затѣмъ въ р. Иртышъ. Въ двухъ верстахъ, выше устья р. Тобола, Ермакъ разбилъ Кучума и его сына Маметкула. Оба они бѣжали, и Ермакъ занялъ ихъ столицу Искеръ или Сибирь. Послѣднему названію суждено было распространиться на всю сѣверную Азію до Восточнаго Океана. Занявши столицу и, взявши присягу съ жителей, Ермакъ послалъ къ Царю атамана Кольцо съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго Царства. Царь, одаривъ казаковъ, отправилъ въ 1583 г., имъ въ помощь, войско подъ начальствомъ князя Болховского, но это войско не застало Ермака въ живыхъ. Въ августѣ 1584 г. ногаи осадили Сибирь, но были разбиты. Ермакъ выступилъ преслѣдовать ихъ, но, въ томъ же августѣ, на берегахъ р. Иртыша подвергся ночному нападенію и палъ въ битвѣ.

Русскіе должны были отступить и, при преемникѣ Іоанна, снова пришлось покорить Сибирь.

Іоаннъ, какъ всѣ русскіе люди того времени, да и послѣ спустя долгое время, не привыкъ сдерживать порыва гнѣва своего. Къ этой несдержанности присоединилась еще привычка давать волю рукамъ своимъ, что и довело Іоанна въ 1582 г. до страшной бѣды, которая въ корнѣ потрясла его здоровье: Іоаннъ, въ порывѣ гнѣва, ударивъ посохомъ сына своего, убилъ его на повалъ. Черезъ два года въ 1584 г. кончилъ жизнь и самъ Іоаннъ.

Между родственниками женъ Іоанна разумѣется согласія не было. Іоаннъ женатъ былъ 7 разъ. Вотъ списокъ его женъ: 1) Анастасія Романовна, 2) Марья Темрюковна, 3) Марѳа Собакина. 4) Анна Колтовская, 5) Анна Васильчикова, 6) Василиса Мелентьева, 7) Марья Нагихъ. По другому списку: 2) Анна Васильчикова, 5) Неизвѣстная, 6) Колтовская. Послѣ женитьбы на Марьѣ Ѳеодоровнѣ Нагихъ, въ 1580 г., Нагіе старались лишить Романовыхъ довѣрія Царя. Англичанинъ Горсей говоритъ, что во время приближенія Нагихъ сильно пострадалъ братъ Анастасіи Романовны, Никита Романовичъ. Можетъ быть, тѣ-же Нагіе возбуждали гнѣвъ Іоанна противъ сына его и снохи.

Время Грознаго, по выраженію покойнаго историка юриста К. Д. Кавелина, центральная эпоха въ русской исторіи. Безъ пониманія дѣятельности Царя Іоанна ни предшествовавшее ему, ни послѣдовавшее за нимъ время, не могутъ быть поняты. При немъ завершилось созданіе русскаго государства и это завершеніе, какъ бурный потокъ, разрушало все, что ему противопоставляла старина, очищая мѣсто для будущихъ посѣвовъ русской жизни.

Поэтому не мудрено, что эта эпоха вызвала противоположные отзывы. Но даже современники Грознаго, свои писатели, наиболѣе безпристрастные и писатели иноземные, порицая его жестокость, не могли скрыть его государственныхъ заслугъ. Ливонскій историкъ Кельхъ, врагъ Іоанна говоритъ: Іоаннъ доступенъ былъ людямъ всѣхъ сословій и выслушивалъ просьбы самыхъ бѣдныхъ людей. Въ Государственныя должности назначалъ людей, къ нимъ способныхъ, не давалъ предпочтенія людямъ родовитымъ и чрезмѣрно заботился, чтобы они не допускали подкупать себя и не искали собственной выгоды; но всѣмъ равно оказывали справедливость. Жесточайше наказывалъ неоплатныхъ должниковъ, обманщиковъ и не терпѣлъ, чтобы туземцы и чужестранцы обманывали другъ друга.

Князь Катыревъ-Ростовскій, бояринъ, изъ рода котораго было казнено нѣсколько человѣкъ, въ своемъ Хронографѣ такъ характезируетъ Іоанна:

Царь Иванъ имѣлъ сѣрые, непріятные глаза, былъ высокъ ростомъ, сухощавъ, плечи высокія, грудь широкая, мышцы толстыя;

мужъ чуднаго разумѣнія, т. е. изумительно разумный, начитанъ, краснорѣчивъ, смѣлъ и крѣпко стоялъ за свое отечество; но жестокъ и неумолимъ, склоненъ къ кровопролитію, многіе города побралъ, много народу погубилъ, многихъ святителей заточилъ и смертію погубилъ, много женъ и дѣвицъ блудомъ осквернилъ. Тотъ-же Царь Іоаннъ много хорошаго сдѣлалъ; воинство любилъ и для воиновъ не жалѣлъ казны.

Приведя слова вышеуказаннаго Хронографа и Кельха, Арцыбашевъ замѣчаетъ: «Хотя изъ ихъ словъ и можно заключить, что Іоаннъ былъ излишне строгъ и невоздерженъ; но отнюдь не извергъ внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка, какъ убъявлено въ Исторіи Государства Россійскаго».

Англичанинъ Горсей даетъ сходный съ этимъ портретъ Грознаго. Царь Иванъ Васильевичъ былъ красивой и величественной наружности; съ пригожими чертами лица и съ высокимъ челомъ. Голосъ имѣлъ пронзительный. Былъ настоящій скифъ: быстръ умомъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія; дѣйствовалъ во всемъ своимъ разумомъ: самъ велъ дѣла внѣшней политики, самъ завѣдывалъ внутреннимъ устройствомъ».

Русскій ученый Форстенъ, въ своемъ сочиненіи, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII в., приводитъ мнѣнія о Грозномъ иностранныхъ писателей послѣдующаго времени; мнѣнія діаметрально противоположныя установившемуся у насъ взгляду. Голландецъ Scheltema удивляется заботамъ Іоанна о внутреннихъ преобразованіяхъ государства. Шведскій историкъ Цельсіусъ называетъ Іоанна величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ, какого Россія когда-либо имѣла. Историкъ Меркель называетъ его великаномъ, геркулесомъ. Онъ любилъ искусства и науки и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы пересадить ихъ въ свое государство. Онъ создалъ постоянное войско и былъ достойнымъ предшественникомъ Петра. *Вспышки и промахи темперамента* не могутъ умалить высокаго значенія великихъ историческихъ дѣятелей, подобныхъ Іоанну. Французскій историкъ de Fleaux говоритъ слѣдующее: «Среди всѣхъ своихъ слабостей, среди ужасныхъ порывовъ страсти, Іоаннъ всегда остается человѣкомъ, высоко стоявшимъ надъ своими современниками; какъ вѣрны были его взгляды, какъ удивительна его послѣдовательность, его безстрашная отвага. Обстоятельства не дали ему выполнить этой задачи, онъ долженъ былъ явиться столѣтіемъ позже. Грозный настоящій основатель русской Имперіи. Петръ Великій только продолжалъ начатое Грознымъ великое дѣло» (стр. 41).

Въ послѣ Карамзинское время покойный К. Д. Кавелинъ первый напомнилъ взглядъ Петра Великаго на Іоанна. Извѣстный собиратель анекдотовъ о Петрѣ В., Штеллинъ, приводитъ слѣдующій разсказъ: залы Дворца Меншикова готовили къ сговору В. Княжны Анны Петровны. Въ одной изъ залъ повѣшенъ былъ портретъ Царя

Ивана Васильевича, рядомъ съ портретомъ Петра. Петръ взглянулъ и прошелъ мимо. Усердные распорядители молчаніе приняли за знакъ неудовольствія, и сняли портретъ Грознаго. Петръ, идя обратно, замѣтилъ исчезновеніе портрета Грознаго и спросилъ зачѣмъ его убрали? Кто-то сказалъ, что неудобно, чтобы портретъ такого тирана стоялъ рядомъ съ портретомъ Его Величества. «А я», сказалъ Петръ «считаю за честь быть поставленнымъ съ нимъ рядомъ. Я продолжатель его дѣлъ». Ближайшее къ Петру поколѣніе точно также смотрѣло на отношеніе дѣятельности Петра къ дѣятельности Іоанна. Ломоносовъ, въ одномъ своемъ стихотвореніи описываетъ фантастическое видѣніе, въ которомъ Петръ разговариваетъ съ Іоанномъ:

«Герою молвилъ тутъ герой:
«Не тщетно я съ тобой трудился;
«Не тщетенъ подвигъ твой и мой,
«Чтобъ Россовъ цѣлый міръ страшился».

Но Ломоносовъ не думалъ находить особенную честь въ наведеніи страха à la Тамерланъ, Ломоносовъ отъ силы Россіи ожидаетъ миръ полямъ и долинамъ. Елизавета Петровна не находила стихи Ломоносова дерзкими. Охотниковъ выставить ихъ таковыми было много изъ приверженцевъ старины. При первыхъ Романовыхъ, когда боярство было еще довольно сильно, мнѣнія о Грозномъ высказывались согласно боярскимъ желаніямъ. Но Петръ I, величайшій изъ Романовыхъ, взглянулъ на Іоанна черезъ головы отца и дѣда.

Что сдѣлалъ Іоаннъ?

Онъ оставилъ крѣлкое государство; которое не смогли разрушить никакія бури. Онъ не успѣлъ вполнѣ по своей идеѣ устроить государство, завѣщалъ великую идею преемникамъ своимъ—быть защитниками слабыхъ противъ сильныхъ и вести родную страну по пути культурнаго развитія.

Напрасно думаютъ, что боярство представляло изъ себя какое-нибудь разумное государственное начало. Іоаннъ понималъ бояръ лучше. «Они хотятъ», говорилъ онъ, «составить такую думу, въ которой я бы предсѣдательствовалъ, а они бы властвовали одни, разумѣется подчинивъ своему олигархическому властолюбію всѣ другія сословія».

По смерти Іоанна началась реакція, которую, по обстоятельствамъ того времени, не могли удержать и первые государи изъ дома Романовыхъ; реакція продолжалась все XVII столѣтіе и, какъ обыкновенно бываетъ съ реакціей, она унесла много хорошаго, а дурное осталось. Всѣ гарантіи, данныя Іоанномъ городскимъ и сельскимъ общинамъ, облегченіе холопства, все это исчезло. Надъ боярствомъ-же, пытавшемся и послѣ Іоанна присвоить себѣ исключительную власть въ государствѣ оправдалась историческая аксіома, высказанная Ренаномъ. «Аристократія» говоритъ онъ, «представляетъ ненавистную монополію, если она не выказываетъ заботливости

о массахъ, о прогрессивномъ возвышеніи ихъ благосостоянія и уровня ихъ понятій». Кромѣ того бояре въ борьбѣ съ Іоанномъ даже не умѣли сформулировать своихъ желаній, а между тѣмъ подъ вліяніемъ іезуитскаго подстрекательства изъ Польши, борьба приняла такой ожесточенный характеръ, что самъ Іоаннъ не надѣялся на прочность своего Дома на Московскомъ престолѣ и на твердость своего положенія. Это видно изъ завѣщанія его, сдѣланнаго въ 1572 г., гдѣ онъ называетъ себя изгнанникомъ, ведущимъ борьбу съ врагами, борьбу, конца которой онъ не видитъ. Изгнанникомъ онъ себя называетъ потому, что опасался жить постоянно въ Москвѣ. Къ этому времени относится его намѣреніе перенести столицу въ Вологду. Кто знаетъ? Овладѣй онъ берегами Балтійскаго м., можетъ быть, тогда-же столица Россіи была-бы перенесена на эти берега. Смутное время, этотъ эпилогъ къ царствованію Грознаго, лучше всего объясняетъ справедливость опасеній Грознаго за Россію.

ГЛАВА XVI.

Θеодоръ Іоанновичъ (1584 — 1598), хотя вступилъ напрестолъ и возрастнымъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, но былъ младенецъ по способностямъ. Но такъ какъ, продолжаетъ тотъ-же историкъ младенчество Θеодора было постояннымъ, то и борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставиться не только могущественнѣйшіе роды боярскіе, но и будущія династіи: двѣ изъ нихъ погибли въ борьбѣ, въ буряхъ смутнаго времени, третья утвердилась на престолѣ Рюриковичей». (Гл. 2, т. VII). Двѣ династіи, погибшія въ борьбѣ,—это Годуновы и Шуйскіе, восторжествовавшая въ борьбѣ — это Романовы. Но кромѣ трехъ обозначившихся династій была еще четвертая, при Шуйскомъ выступилъ съ своими притязаніями князь Голицынъ, притязанія котораго однако поддерживали Гермогенъ и кн. Димитрій Пожарскій.

Замѣчаніе С. М. Соловьева очень важно: оно освѣщаетъ весь ходъ событій смутной эпохи отъ смерти Грознаго до избранія на престолъ Михаила Θеодоровича Романова. Обстоятельства, затрогиваемыя историкомъ, столь важны, что мы позволимъ себѣ на нѣкоторое время на нихъ остановиться.

Совершенно справедливо говоритъ историкъ, что ни потомки удѣльныхъ князей, представители отжившей старины, ни литовскіе выходцы, не имѣли историческаго права наслѣдовать собирателямъ земли, государямъ Московскимъ, какъ представители древняго, истаго московскаго боярства, которое такъ усердно послужило собирателямъ земли при ихъ дѣлѣ. Ни одна изъ этихъ старыхъ, истыхъ боярскихъ фамилій такъ устойчиво не удерживала за собою виднаго мѣста, какъ фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ.

На рядъ фактовъ, подтверждающихъ эти мысли, мы не разъ указывали при обзорѣ московскихъ событій до Грознаго включительно. Самый бракъ Грознаго съ Анастасіею Романовною мы поставили въ связь съ этой исторической ролью фамиліи Юрьевыхъ-

Романовыхъ. При этомъ, однако, не нужно забывать, что первая эпоха исторіи московскаго боярства до борьбы его съ наплывомъ княжескихъ фамилій, представляетъ другой характеръ. Мы указывали уже, какъ московское боярство способствовало возвышенію Москвы, и какъ оно подготовляло свое паденіе. Темныя стороны въ боярствѣ уже и тогда обнаруживались: это крайнее высокомѣріе по отношенію всѣхъ другихъ слоевъ общества и даже по отношенію къ боярству бывшихъ удѣльныхъ князей.

Изъ будущихъ династій первые выступили Годуновы, которые конечно, не имѣли за собой такихъ заслугъ, какъ Романовы; но въ ту пору положеніе ихъ, по родственнымъ связямъ, было выгоднѣе. Загробный голосъ матери Ѳеодора, Анастасіи Романовны, не могъ имѣть на него такого вліянія, какъ живой голосъ Ирины Годуновой, его жены. Къ выгодѣ Годуновыхъ послужили и личные таланты Бориса, и его государственное значеніе при Ѳеодорѣ.

Борьба династовъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, на глазахъ самого Царя приготовила смуту, которая, по смерти его, въ началѣ XVII в., глубоко потрясла всю Россію.

Послѣ Іоанна, кромѣ Ѳеодора, остался еще сынъ Димитрій отъ Маріи Ѳеодоровны Нагихъ. Пѣстуна его, Богдана Бѣльскаго заподозрили въ намѣреніи возвести Димитрія, по неспособности Ѳеодора, на престолъ. Подозрѣніе вызвало смуту, Бѣльскій былъ сосланъ. Орудіемъ для смуты послужила нечаянная и плачевная смерть несчастнаго Царевича Димитрія Углицкаго. Эту случайную смерть сдѣлали орудіемъ для низверженія Годунова.—Лѣтописцы разсказываютъ дѣло въ такомъ видѣ. 15 Мая 1591 г., Царевича Димитрія зарѣзали будто-бы убійцы, подосланные Борисомъ: Данила Битяговскій, сынъ дьяка Михаила, завѣдывавшаго Угличемъ, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ. Послѣдній подошелъ къ Царевичу и, взявъ его за руку, спросилъ: «У тебя новое ожерелье?» «Нѣтъ, старое, отвѣчалъ Царевичъ». Сверкнулъ ножъ, Волоховъ однако не успѣлъ зарѣзать Царевича, его дорѣзали Качаловъ и Битяговскій. Этотъ разсказъ изъ Никоновской Лѣтописи и Лѣтописи о Мятежахъ наиболѣе распространенъ; есть сказанія, открытыя А. М. Бычковымъ и Платоновымъ, передающія этотъ разсказъ иначе. Такъ въ одномъ сказаніи говорится, что Царевича зарѣзали не на дворѣ, а въ глухомъ переулкѣ.

Царь Ѳеодоръ назначилъ слѣдственную коммисію, какъ говорятъ нынѣ, и во главѣ ея поставленъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, заклятый врагъ Годунова и съ нимъ вмѣстѣ дьяки Клешнинъ и Вылузгинъ. Для наблюденія былъ посланъ Крутицкій митрополитъ Геннадій.

По слѣдственному дѣлу, опровергнуть которое, безъ явныхъ натяжекъ трудно, выходитъ, что Царевичъ, страдавшій падучею болѣзнію, передъ днемъ 15 Мая, нѣсколько дней подвергался припад-

камъ этой болѣзни. 15 Мая Царица взяла его къ обѣдни, а послѣ обѣдни пустила его гулять съ мамкою Василисою Волоховою, кормилицей Ириною Тучковой и постельницею Марьею Колобовою. Женщины эти дозволили ему играть съ мальчиками жильцами *въ тычку* [1]) ножомъ. Во время игры съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни, онъ *обрушился*, т. е. упалъ на ножъ и накололся. Кормилица Тучкова схватила бьющагося отъ припадка и отъ боли отрока, котому было 7 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. У Тучковой на рукахъ онъ и скончался. Мать-же его, Царица Марья Өеодоровна Нагихъ, въ понятномъ изступленіи, начала бить Волохову, обвиняя ее въ смерти сына. Ударили въ набатъ, прибѣжалъ дьякъ Битяговскій, котораго придворные конюхи, по подстрекательству Михаила Нагого, убили вмѣстѣ съ его сыномъ, Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, послѣдняго во время смерти Царевича не было и въ городѣ.—Царица Марья, придя въ себя, сознавалась, что совершенныя убійства дѣло грѣшное и просила помилованія братьямъ своимъ.

Никита Романовичъ, дядя Царя, для всѣхъ казался будущемъ правителемъ, но онъ захворалъ въ Августѣ 1584 г., а въ 1586 г. умеръ. Самъ Царь дѣлами заниматься не могъ. Цѣлый день онъ проводилъ такимъ образомъ: вставалъ онъ въ 4 часа утра, умывался и къ нему входилъ священникъ съ крестомъ. Царь прикладывался ко кресту и затѣмъ вносили икону святаго, память котораго праздновалась въ тотъ день. Царь четверть часа молился передъ нею. По окончаніи молитвы священникъ окроплялъ Царя святою водою.—Спросивши Царицу о здоровьѣ, онъ велъ её къ заутрени, а въ десять часовъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣденнаго отдыха—къ вечернѣ. До ужина его забавляли своими кривляньями шуты и карлы. Нерѣдко смотрѣлъ кулачные бои. Любилъ онъ очень звонить на колокольнѣ; эта послѣдняя забава особенно не нравилась его покойному отцу. Грозный, въ досадѣ, часто бранилъ его звонаремъ.—Разъ въ недѣлю совершалъ поѣздки по монастырямъ.

Ясно, что долженъ-же былъ кто нибудь заниматься государственными дѣлами, пока Өедоръ молился, и естественно, что, по смерти Никиты Романовича, правленіе перешло въ руки Бориса Годунова, брата Царицы. Положеніе, занятое Годуновымъ, привело его къ борьбѣ съ Шуйскими. Въ возвышеніи брата Царицы они, съ большимъ основаніемъ, видѣли разрушеніе надеждъ своихъ на полученіе престола въ случаѣ смерти бездѣтнаго Өеодора.

Весьма важную роль въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ игралъ

---

[1]) Мамка тогда означала воспитательницу. Игра въ тычку замѣняла для дѣтей игру въ свайку. На землѣ чертили кругъ, замѣнявшій кольцо, и попадали въ этотъ кругъ тонкимъ, длиннымъ ножомъ. (См. Повѣствованіе о Россіи Арцыбашева, Т. III и мою статью о смерти Царевича въ Ж. М. Н. П. за Іюль и Августъ 1873 г.).

митрополитъ Діонисій и потому важно знать—что за личность былъ Діонисій? О митрополитѣ Діонисіи, говоритъ Соловьевъ, существуетъ мнѣніе, что онъ, будучи честолюбивъ, уменъ, сладкорѣчивъ, дѣйствовалъ противъ Годунова въ союзѣ съ Шуйскими вслѣдствіе оскорбленнаго честолюбія; вслѣдствіе того, что Годуновъ мѣшалъ его вліянію на набожнаго Царя. (Т. VII, стр. 240). Соловьевъ отрицаетъ это мнѣніе на томъ основаніи, что оно будто-бы не подтверждается современными свидѣтельствами. Но за нѣсколько страницъ до вышеприведенныхъ его словъ, онъ самъ даетъ свидѣтельство о честолюбіи Діонисія словами послѣдняго. Въ рѣчи своей, при вѣнчаніи Өеодора на царство, онъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ—митрополиту и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться; *ибо честь воздающаяся святителю къ самому Христу восходитъ*; бояръ и вельможъ жаловать по ихъ отечеству; и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну. (Т. VII, стр. 236).

И это ли не голосъ тщеславнаго іерарха, угождавшаго боярамъ и думавшаго, вѣроятно, что ихъ пора настала [1]).

Едва въ 1586 г. скончался Никита Романовичъ, какъ началась борьба потомства удѣльныхъ князей и стараго Московскаго боярства съ Годуновымъ. Во главѣ боярства номинально стоялъ бездарный и безхарактерный князь Иванъ Мстиславскій; но, подъ его прикрытіемъ, всѣмъ дѣломъ руководили князья Шуйскіе.—Какъ и слѣдовало ожидать, съ Борисомъ Годуновымъ соединились принципіальные враги боярства—дьяки; изъ нихъ особенно замѣчательные выдающіеся дѣльцы—дьякъ посольскаго приказа Андрей Щелкаловъ и Василій Щелкаловъ, дьякъ разряднаго приказа. Слѣдовательно другъ противъ друга, стояли тѣ-же партіи которыя рѣзко обозначились уже при Іоаннѣ III во время поднятаго вопроса о престолонаслѣдіи.

Въ лѣтописяхъ подробности борьбы затемнены пристрастіемъ партій. Поэтому удовольствуемся тѣмъ, что укажемъ главные моменты ея. Шуйскіе, по обычаю своему, не стѣсняясь средствами, успѣли склонить на свою сторону торговый классъ Москвы и чернь этого города. Какъ и какими средствами? Вѣроятно тогда уже пущенъ былъ слухъ, что отъ Годунова грозитъ опасность царскому дому. Разсказываютъ, съ другой стороны, что бояре уговорились убить Бориса на пиру у Мстиславскаго.—Мстиславскій за это пострадалъ, онъ постриженъ былъ въ монахи. Иванъ Петровичъ Шуйскій и его

---

[1]) У насъ привыкли единымъ честолюбцемъ считать Никона, будто-бы принесшаго заразу съ Запада.—Титулы Греческихъ патріарховъ опровергаютъ эти мнѣнія. Титулъ Константинопольскаго патріарха: *Всесвятой*, Архіепископъ Константинополя, Второго Рима и Вселенскій Патріархъ Титулъ Александрійскаго Патріарха: «Блаженный и Святой Папа (sic) отецъ отцовъ, пастырь пастырей, архіерей архіереевъ, Тринадцатый изъ Апостоловъ и Судія Вселенной.

родные успѣли помириться съ Борисомъ Годуновымъ при посредничествѣ митрополита Діонисія; но примиреніе съ обѣихъ сторонъ было лицемѣрно. Есть извѣстіе, что примиреніе это вызвало казни людей, стоявшихъ на сторонѣ Шуйскихъ, въ числѣ этихъ людей были московскіе купцы. Борисъ внимательно слѣдилъ за своими врагами и потому предупредилъ намѣреніе Митрополита Діонисія и его сторонниковъ свергнуть его, уговоривъ Царя развестись съ его неплодною супругою. Эта неудача кончилась низложеніемъ Діонисія, ссылкою его сторонниковъ. Вмѣсто низверженнаго Діонисія въ митрополиты поставленъ былъ Іовъ.

Время царствованія Ѳеодора Іоанновича осталось памятно, кромѣ смерти Царевича Димитрія, учрежденіемъ патріаршества и указомъ 1597 года, съ котораго ведутъ начало крѣпостнаго права въ Россіи.

Уже со времени митрополита Іоны, т. е. съ Василія Темнаго, зависимость русской церкви отъ Константинопольскаго патріарха была номинальная. До паденія Константинополя русскіе митрополиты ѣздили еще ставиться въ Константинополь, Іона былъ поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ, спустя десять лѣтъ по взятіи турками Константинополя. Грекамъ посылали дары, но стали относиться подозрительно даже къ православію ихъ. Въ 1480 году дѣло дошло до того, что въ архіерейскую присягу внесено было обѣщаніе не принимать грековъ ни на метрополію, ни на епископскую каѳедру.

При такихъ отношеніяхъ къ греческой церкви и къ вселенскимъ патріархамъ, данникамъ султана, Царю Ѳеодору Іоанновичу, при его благочестіи, чисто внѣшнемъ, и самому могла придти въ голову мысль—учредить патріаршество въ Москвѣ. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ въ 1586 г., бывши въ Москвѣ, обѣщалъ желаніе царя передать восточнымъ патріархамъ. Какъ относились русскіе митрополиты къ патріархамъ, показываетъ слѣдующій случай. Когда патріархъ вступилъ въ Успенскій соборъ, то митрополитъ Діонисій сначала благословилъ патріарха, а потомъ самъ принялъ отъ него благословеніе. О сношеніи со Вселенскими патріархами по поводу учрежденія патріаршества въ Москвѣ настаивали, для соблюденія приличія, и русскіе епископы. Въ 1587 г. въ Москву прибылъ Іеремія, константинопольскій патріархъ. Іереміи сначала и предложили быть Всероссійскимъ Патріархомъ, съ тѣмъ чтобы жить во Владимірѣ, на что, конечно, Іеремія не согласился. Это предложеніе сдѣлано быть можетъ въ надеждѣ, что Іеремія удержитъ за собою титулъ Вселенскаго и передастъ его русскимъ патріархамъ, что едвали бы могло быть. Предложеніе, сдѣланное Іереміи вѣроятнѣе всего было сдѣлано для виду, дабы, по московскому обычаю, не предложить прямо поставить въ патріархи Іова. Когда Іеремія прибылъ въ Смоленскъ, его велѣно было чествовать, какъ чествовали митрополита Іова, а недовѣріе, которымъ Іеремію окружили въ Москвѣ,

еще болѣе доказываетъ, что предложеніе патріаршества Іереміи было простою вѣжливостію. Іеремію помѣстили на дворѣ Рязанскаго владыки, его свиту невыпускали со двора и къ нему никого не пускали. Если бы онъ захотѣлъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ иноземцевъ, то такого свиданія не велѣно было допускать безъ соизволенія дьяка Андрея Щелкалова. Послѣ долгихъ колебаній Іовъ посвященъ былъ въ патріархи, 26 января 1589 г. Въ 1591 г. получена была грамота Вселенскихъ патріарховъ, которой утверждался руской патріархъ, занявшій пятое мѣсто въ числѣ прочихъ патріарховъ. С. М. Соловьевъ говоритъ, что Москвѣ выгодно было имѣть патріарха, ибо этимъ наносился ударъ дѣлу Витовта, Москва брала неоспоримое преимущество передъ Кіевомъ, глаза православныхъ не могли не обращаться къ Всероссійскому патріарху. (И. Р. Т. VII. стр. 372, изд. 3). Но съ другой стороны, церковная партія въ Западной Россіи, тянувшая по политическимъ разсчетамъ къ Литвѣ, усилила свою дѣятельность въ пользу церковной уніи. Патріаршество учреждено въ Москвѣ въ 1591, а въ 1596 г. въ Брестѣ установлена была церковная унія.

Что касается до прикрѣпленія крестьянъ, то нѣтъ положительныхъ данныхъ о его началѣ. Въ первомъ указѣ, дошедшемъ до нашего времени, отъ 1597 года сказано: которые крестьяне изъ помѣстій и отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за пять лѣтъ, на тѣхъ судъ давать и сыскивать на крѣпко и по суду этихъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ отвозить назадъ, гдѣ они жили. А которые крестьяне выбѣжали лѣтъ за семь, за десять и больше, а помѣщики или отчинники на нихъ въ побѣгѣ не били челомъ, на такихъ суда недавать. Мыслью о закрѣпленіи крестьянъ давно подана была монастырями: такъ при Василіи Темномъ Троицкій монастырь выпросилъ себѣ право удерживать крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ. При Θеодорѣ Ивановичѣ закрѣпленіе крестьянъ вызвано было, по мнѣнію Соловьева, потребностію усилить войско, служилые люди должны были являться на войну конны, людны и оружны, а средствъ для этого у нихъ не было, ибо земли въ помѣстьяхъ ихъ часто оставались невоздѣланными. Въ этомъ важномъ вопросѣ, говоритъ Соловьевъ, государство, какъ землевладѣлецъ, столкнулось съ другимъ сильнымъ землевладѣльцемъ, съ церковью. Сперва Государство потребовало, чтобы церковь отказалась отъ тархановъ въ пользу служилыхъ людей, но скоро потомъ, не желая нарушать интересовъ ни одного изъ могущественныхъ землевладѣльцевъ, ни государства, ни церкви, дѣло уладили такимъ образомъ, что церковь осталась при тарханахъ, а служилые люди навсегда удержали населеніе земель своихъ. (Т. VII, стр. 366). Право переселенія было отнято, съ Юрьевымъ днемъ крестьянину пришлось разстаться.

Но въ сущности что же случилось? Правительство царя Θеодора

отмѣнило распоряженіе Грознаго о монастырскихъ земляхъ и, въ угоду монастырямъ закабалило вольныхъ людей. Совѣсть монашествующей братіи не смутилась.

Прекращеніе постоянныхъ перекочеваній крестьянъ было необходимо; но также необходимо было-бы подумать оградить ихъ отъ рабства, опредѣлить точнѣе ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Царь В. И. Шуйскій въ закрѣпленіи крестьянъ винилъ одного Бориса Годунова; но это обвиненіе должно принимать осторожно. Однако, кто бы ни былъ виновникомъ указа 1597 года, этимъ указомъ положено было начало вредному дѣлу, которое просуществовало до 19 февраля 1861 г.

Внѣшнія отношенія Борисъ Годуновъ велъ умно, обдуманно и, гдѣ нужно, рѣшительно. По истеченіи трехлѣтняго перемирія, заключеннаго шведами съ Грознымъ, они должны были возвратить города, данные имъ въ обезпеченіе отъ внезапнаго нападенія со стороны русскихъ. Замедленіе со стороны шведовъ привело къ вооруженному, непродолжительному впрочемъ, столкновенію съ Россіей. Города: Ямъ, Копорье, Корела, Иванъ-Городъ, по миру 1595 г., окончательно признаны достояніемъ Россіи.

Возстаніе Черемисъ, возбужденное крымскимъ ханомъ, отразилось косвенно и въ отдаленной Сибири. Сибирь, въ концѣ царствованія Іоанна, была потеряна, а черемисскій бунтъ мѣшалъ подать помощь, оставшимся въ живыхъ, сподвижникамъ Ермака. Обуздавъ окончательно черемисъ, Борисъ Годуновъ послалъ войска въ Сибирь, гдѣ въ Искерѣ засѣлъ Сейдакъ, соперникъ Кучума, а послѣдній скитался въ Барабинской степи. Воеводы Чулковъ и Воейковъ, соединясь съ остатками дружины Ермака, овладѣли вновь Искеромъ, взяли въ плѣнъ Сейдака, а Кучума загнали за Иртышъ. Для укрѣпленія завоеваній въ Сибири, воеводы построили города: Пелымь, Березовъ, Тобольскъ, Кетскій Острогъ и др.

За крымскимъ ханомъ необходимо было слѣдить внимательно; въ 1591 г. крымскій ханъ Казы-Гирей дошелъ до Москвы, но здѣсь потерпѣлъ пораженіе. Въ 1592 г. онъ повторилъ нашествіе, и на этотъ разъ изъ Рязанской земли вывелъ значительный полонъ. По дальнѣйшія нападенія крымцевъ были задержаны разумными мѣрами правителя, постройкою городовъ (крѣпостей) и такъ называемой засѣки. Имъ построены были города: Ливны, Кромны, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, возобновлены старые, въ томъ числѣ Курскъ. Засѣкой называлась линія искусственныхъ и естественныхъ укрѣпленій: въ степяхъ строили остроги, на грядахъ вбивали колья и сваи, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ дороги заваливали деревьями. Такая засѣка устроена была отъ Брянска до Мурома. Опасаясь засадъ, крымцы не смѣли углубляться внутрь страны и ограничивались грабежами пограничныхъ мѣстностей.

Весьма серьезная опасность угрожала тогда съ Запада: шведскій

королевичъ Сигизмундъ былъ избранъ въ польскіе короли. По смерти Іоанна III, короля шведскаго, онъ занялъ и шведскій престолъ. Такое соединеніе престоловъ польскаго и шведскаго было опасно для Россіи и потому великимъ счастіемъ для насъ должно почитать, что въ Швеціи, гдѣ ненавидѣли католика Сигизмунда, на престолъ избранъ былъ его дядя, Карлъ.

Въ 1598 г. умеръ послѣдній представитель дома Калиты, Ѳеодоръ Іоанновичъ. Неспособный отъ природы, онъ наслѣдовалъ дѣло цѣлаго ряда умныхъ предковъ и едва его не погубилъ.

Естественно, что по смерти Ѳеодора пошли толки, кому царствовать, большинство стояло за Бориса, что было естественно, ибо болѣе всего боялись смуты. За него сталъ и Патріархъ Іовъ не только потому, что лично былъ много обязанъ Борису; но еще и потому, что ясно предвидѣлъ грядущую смуту. Прочитавши Розыскъ о смерти царевича Димитрія, онъ совѣтовалъ молиться объ избавленія отъ междоусобной брани. Но что болѣе всего давало Борису перевѣсъ надъ другими претендентами, это значеніе его сестры. По смерти Ѳеодора, всѣ дѣла производились именемъ его вдовы, хотя она постриглась.—Она-же, по просьбѣ Іова и всѣхъ духовныхъ властей, передала скипетръ брату своему Борису Ѳеодоровичу, что подтверждается и оффиціальнымъ актомъ—Грамотою объ избраніи Михаила Ѳеодоровича. Съ Борисомъ дѣйствительно трудно было спорить, власть была въ его рукахъ, съ его интересами связаны были интересы множества лицъ, которыя конечно дѣйствовали за него. Положеніе Бориса было таково, что ему оставалось только съ приличіемъ сѣсть на престолъ, что онъ и съумѣлъ сдѣлать.

Но другіе претенденты не дремали, и Іовъ жаловался, что, по смерти Ѳеодора, онъ пролилъ много слезъ. Соловьевъ, на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, указываетъ какъ на виновныхъ этихъ слезъ, на Шуйскихъ. Правильнѣе было-бы сказать на всю ихъ сторону или партію. Съ другой стороны, конечно, не безъ вліянія сторонниковъ Романовыхъ, въ Москвѣ ходили слухи, записанные однимъ изъ иностранцевъ, именно Буссовымъ. Будто-бы царица Ирина просила умирающаго супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже счастливо правившему Государствомъ. Но умирающій Царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступилъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ честь другому брату Ивану, Иванъ третьему брату Михаилу, а Михаилъ *какому-то* (?) знатному князю, такъ что никто не бралъ скипетра, *хотя каждому хотѣлось его взять*. Умирающій Царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: — «возьми-же его, кто хочетъ, я не въ силахъ болѣе держать его».—Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго себя упрашивать, протянулъ руку Борисъ

и схватилъ скипетръ. (См. сказаніе современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устрялова. Хроника Буссова напечатана у него подъ именемъ Хроники Бера и озаглавлена Лѣтопись Московская).

Четырнадцать лѣтъ правилъ Борисъ Годуновъ при Ѳеодорѣ, къ его правленію привыкли; когда Борисъ сталъ царемъ, дѣятельность его расширилась, будучи однако продолженіемъ его правленія. На югѣ онъ продолжалъ усиливать и укрѣплять засѣку, въ Сибири строить города, онъ построилъ тамъ, въ свое царствованіе—Верхотурье, Туринскъ, Томскъ. Мысль о сближеніи съ цивилизованною Европою не покидала его, для этой цѣли онъ готовъ былъ возобновить войну за Ливонію. Для образованія народа онъ задумывалъ основать въ Москвѣ университетъ, за 150 лѣтъ до его основанія при Елизаветѣ; для развитія промышленности и торговли онъ открылъ свободный доступъ въ Россію торговцамъ всѣхъ мореходныхъ народовъ Европы. Желая поднять народную нравственность, Борисъ преслѣдовалъ пьянство, какъ уголовное преступленіе.

Но Бориса не любили—крестьяне за прекращеніе права перехода, за уничтоженіе Юрьева дня и за неудачную поправку закона 1597 года. Этою поправкою дозволялось крестьянамъ переходить отъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ мелкимъ-же. Какъ законъ, такъ и поправка его сдѣланы исключительно въ выгодахъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Крестьяне были недовольны; ибо имъ выгодно было переходить только къ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые, конечно, тоже были недовольны и закономъ, и поправкою, которая только безполезно возвращала шатаніе крестьянъ, не давая имъ возможности поправить свое экономическое благосостояніе.

Ошибка эта дала возможность врагамъ Бориса волновать противъ него крестьянство. Идя по твердо намѣченному пути, враги Бориса всячески усиливали враждебные ему толки. Особенно старались объ усиленіи толковъ, что онъ виновникъ смерти царевича Димитрія; толковъ, основанныхъ на догадкахъ людей, враждебныхъ Годунову.

Борисъ сдѣлался крайне подозрителенъ; но эта подозрительность была-ли исключительно его личнымъ свойствомъ? Вотъ что С. М. Соловьевъ говоритъ о нравственномъ состояніи тогдашняго русскаго общества: «Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только формою, внѣшнею силою, и, гдѣ внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все насчетъ слабаго». Историкъ сознается, что и въ началѣ XVII в., русскій человѣкъ жилъ себѣ особѣ, какъ жили отдѣльные роды въ IX в. (Стр. 64, т. VIII). И эти замѣчанія особенно относятся къ боярству. Бояре, дѣйствительно, какъ племена IX в., жили каждый съ родомъ своимъ. Родъ замѣнился фамиліей, но сущность осталась та же.—Каждый боярскій родъ Московскаго государства, несмотря на различие своего

происхожденія, имѣлъ въ виду только свои интересы и интересы своихъ родичей. Каждая фамилія болѣе всего заботилась занять наиболѣе высокое мѣсто среди другихъ фамилій. Общественное благо стояло далѣе, чѣмъ на второмъ планѣ. Всѣ другъ друга подозрѣвали, иностранцы замѣчали, что никто не довѣрялъ своему ближнему. Въ частныхъ отношеніяхъ другъ ссужалъ друга не иначе какъ подъ закладъ, который стоилъ-бы въ три дорога. Хвалились чистотою своей вѣры, благочестіемъ, ругали за жадность къ деньгамъ жидовъ и мусульманъ и брали проценты болѣе жидовскихъ и татарскихъ.

При такомъ нравственномъ состояніи общества доносы носились въ воздухѣ. Доносы эти окончательно спутали всѣ отношенія. Историки разныхъ направленій, какъ Соловьевъ, такъ и Костомаровъ, не могли пропустить безъ вниманія, что бояре, князья, боярыни, княгини пускались на это поприще, не понимая его позора. Князь Лыковъ свидѣтельствовалъ, что князь Димитрій Пожарскій доносилъ на него царю Борису, а мать Пожарскаго доносила на мать Лыкова.

При такомъ состояніи общества не мудрено, что и царь Борисъ былъ подозрителенъ.

Современники, враждебные Борису, говорили, что *дьяволъ* вложилъ ему въ душу желаніе *все* знать, что дѣлается и говорится въ московскомъ государствѣ. Оставя въ покоѣ дьявола, не лучше-ли поискать причины во взаимныхъ невѣтахъ бояръ? Борисъ, не смотря на свой умъ, не понималъ, что знать все, что говорятъ противъ семьи его, будетъ для него гибельно, ибо всего знать онъ не могъ, а зналъ только то, что люди, доносившіе ему, находили выгоднымъ сообщить.

Изъ всѣхъ доносовъ особенное значеніе получилъ доносъ на Романовыхъ, обвинявшихся въ злоумышленіи на Царя. По боярскому приговору, 1601 года, Ѳедора Никитича постригли, подъ именемъ Филарета, въ Антоніевъ Сійскій монастырь, въ 7 верстахъ отъ г. Холмогоръ, жену его Аксинью Ивановну постригли также подъ именемъ Марѳы; ея мать Шестову, братьевъ Ѳеодора, Александра, Михаила, Ивана, Василья разослали по отдаленнымъ городамъ зятя ихъ, князя Черкасскаго, мужа сестры ихъ, съ дѣтьми Ѳедора Никитича съ ихъ теткою на Бѣлоозеро. Въ тоже время сосланы были другіе Черкасскіе, князья Сицкіе и Рѣпнины; Шестуновы, Карповы. Изъ братьевъ Романовыхъ, только двое пережили несчастье — Филаретъ и Иванъ. Гибельное стремленіе знать все, что гдѣ говорится въ частныхъ домахъ, повело Бориса къ мелочному преслѣдованію враговъ его и къ безтактности. Къ безтактнымъ поступкамъ слѣдуетъ отнести запрещеніе жениться князьямъ Мстиславскому и Шуйскому. Конечно, всѣ поняли, что это сдѣлано съ цѣлію уменьшить число претендентовъ на престолъ, что и подало поводъ сомнѣваться въ его собственныхъ правахъ. Бояре не

могли забыть, что этотъ потомокъ татарскаго мурзы занялъ престолъ Іоанновъ III и IV. Боярскія и княжескія фамиліи всѣ рѣшительно были противъ Бориса—какъ княжата отъ племени Св. Владиміра, такъ и Гедиминовичи.

При такихъ общественныхъ отношеніяхъ, Россію постигли естественныя бѣдствія, съ 1601 года насталъ голодъ, продолжавшійся до 1604 г. За голодомъ послѣдовалъ моръ. И эти бѣдствія враги Годунова обратили на его погибель.

Вотъ какъ описываетъ голодъ современникъ, авторъ московской хроники. Въ 1601 году «Насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный пометъ, благородная женщина терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе, описанное еврейскимъ историкомъ. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что я видѣлъ собственными глазами людей, которые валяясь на улицѣ, ртомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно, у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ (?) отцы и матери рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти своихъ родителей, хозяйки своихъ гостей; мясо человѣческое, мелко-изрубленное продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ. Путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ» .(Сказанія Современниковъ о Самозванцѣ. Т. I, стр. 34). Если только десятая часть этого разсказа справедлива, то и въ такомъ случаѣ картина выходитъ ужасная. Попытка Бориса помочь злу раздачею хлѣба привлекла въ Москву такую массу народа, что недостало средствъ её прокормить. Начался моръ, въ Москвѣ болѣе 500 т. труповъ было похоронено. Наконецъ догадались прибѣгнуть къ дѣйствительному средству: уговорить купцевъ, тѣхъ городовъ, гдѣ голода не было, отправить прошлогодніе запасы въ голодающія мѣстности, что сразу понизило въ нихъ цѣну на хлѣбъ.

Неожиданныя событія выбили Бориса изъ колеи и вызывали одну за другой противорѣчивыя мѣры. Во время голода многіе бояре выгнали изъ дому своихъ холоповъ, не давая имъ никакихъ письменныхъ видовъ, безъ которыхъ ихъ никто не принималъ. Борисъ въ 1603 г. издалъ Указъ, которымъ обязывалъ господъ выдавать холопамъ, высылаемымъ изъ дому, отпускныя, въ противномъ случаѣ, сказано было въ указѣ, ихъ будетъ выдавать Холопій Приказъ.—Но когда число выгнанныхъ холоповъ увеличилось холопами опальныхъ бояръ, особенно холопами Романовыхъ, тогда Борисъ, заподозривъ враждебность этихъ холопей къ себѣ, запретилъ принимать ихъ. Всѣ эти люди бѣжали въ Новгородъ, Сѣверскую Украйну, куда стекалась масса бѣглецевъ уже при Іоаннѣ Грозномъ, который дозволялъ туда спасаться даже уголовнымъ преступникамъ.

Молва о Новгородъ—Сѣверской Украйнѣ и тогда была худая, въ началѣ XVII в. ее прозвали *преже* (давно) погибшей Украйной. Во время голодныхъ годовъ тамъ собрались громадныя шайки разбойниковъ, которые не давали никому проѣзду. Шайки эти стали наконецъ разбойничать около Москвы. Противъ одной изъ такихъ шаекъ, предводимой атаманомъ, по прозванію Хлопко Косолапъ, выслано было большое войско подъ начальствомъ Басманова. Разбойники были на голову разбиты; но вмѣсто этихъ шаекъ Борису пришлось имѣть дѣло съ болѣе сильнымъ врагомъ.

Уже въ народѣ давно ходили слухи, что царевичъ Димитрій живъ. Слухъ былъ опасенъ. Но кто былъ названный Димитрій? Откуда онъ? Одно только достовѣрно, что этотъ человѣкъ не былъ Гришка Отрепьевъ. Гришка Отрепьевъ, изъ Галицкихъ дѣтей боярскихъ, слуга Романовыхъ, а потомъ Чудовскій монахъ, бывшій какъ говорятъ письмоводителемъ у патріарха Іова, не могъ, по замѣчанію митрополита Платона, сдѣланному еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, явиться въ Москву и объявить себя царемъ. При чемъ-же тутъ былъ Отрепьевъ? Его существованіе отрицать нельзя и очень можетъ быть, что онъ игралъ роль въ этомъ темномъ дѣлѣ. Бѣжавши изъ Москвы въ Литву въ 1601 г., онъ, по дорогѣ, вѣроятно, распространялъ слухи, что царевичъ живъ, а мѣстами могъ намекать, что онъ-то и есть спасенный Димитрій. Соловьевъ, (въ VIII т. своей исторіи), колеблется въ вопросѣ объ Отрепьевѣ; но относительно вопроса, кѣмъ былъ подставленъ самозванецъ, онъ стоитъ на болѣе твердой почвѣ. Не отрицая участія іезуитовъ и заклятаго врага Бориса, канцлера Льва Сапѣги, историкъ ясно даетъ понять, что безъ внутреннихъ враговъ Бориса, они ничего-бы не достигли. Замѣтимъ еще отъ себя, что іезуиты, какъ вся исторія ихъ показываетъ, въ дѣла выгодныя для нихъ, но рискованныя, вмѣшивались только тогда, когда подобныя дѣла начинались и обѣщали успѣхъ.

Относительно внутреннихъ враговъ Бориса, Соловьевъ говоритъ слѣдующее: «Если Польшѣ, или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая отъ того произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, ежечасно угрожаемымъ тяжелою опалою, это появленіе самозванца было болѣе, чѣмъ выгодно; оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было-бы такъ могущественно. что могло свергнуть Годунова, и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легче было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя». (Т. VIII, стр. 87).

Самъ Борисъ понималъ дѣло такъ-же. Вѣсть о самозванцѣ ужаснула его. Онъ сказалъ боярамъ и князьямъ въ глаза, что это было ихъ дѣло, что они измѣною и крамолою стараются свергнуть его съ престола. (Сказанія Современниковъ о Самозванцѣ. Т. I, стр. 39).

Не останавливаясь на похожденіяхъ самозванца, въ разсказѣ о которыхъ много смѣлой фантазіи и мало фактовъ, замѣтимъ только, что въ Польшѣ ему помогали немногія фамиліи, за исключеніемъ орудій іезуитовъ и Льва Сапѣги, пана Мнишко и родственниковъ послѣдняго. Вѣрнымъ ихъ союзникомъ сдѣлался и польскій король, Сигизмундъ III, всегда бывшій подъ вліяніемъ іезуитовъ и папскаго нунція. Но положительно можно сказать, что масса польскаго шляхетства и панства находили вмѣшательство въ планы самозванца дѣломъ позорнымъ и не честнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ постановленія сеймиковъ 1604 г. Если литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга участвовалъ въ постановкѣ самозванца, то коронный гетманъ Замойскій, по поводу разсказовъ о спасеніи царевича Димитрія, вмѣсто котораго будто-бы зарѣзали поповскаго сына, сказалъ грубо, но правдиво: «Если у хорошаго хозяина зарѣжутъ козла или барана, то и онъ посмотритъ, того-ли барана или козла зарѣзали; а тутъ зарѣзали человѣка, да еще какого человѣка—царскаго сына и не посмотрѣли его-ли зарѣзали? Что это комедія Плавта или Теренція?

Царь Борисъ, сказавши боярамъ, при первыхъ слухахъ о самозванцѣ—«это ваше дѣло», показалъ, что онъ зналъ среду, въ которой жилъ и царствовалъ. Но, съ политической точки зрѣнія, такая откровенность доказываетъ, что Борисъ, въ порывахъ гнѣва, не умѣлъ сдерживаться въ своихъ выраженіяхъ. Его откровенность усилила опасность положенія, въ его словахъ скрывалась угроза всему боярству, что, конечно, должно было усилить энергію его враговъ и имѣть результатомъ переходъ даже индиферентныхъ людей изъ боярскаго класса, на сторону враговъ Годунова.

При первыхъ успѣхахъ самозванца враги Годунова ободрились. Такъ, невольный инокъ Антоніева-Сійскаго монастыря, старецъ Филаретъ, до появленія самозванца, находился въ мрачномъ настроеніи. Царскій приставъ, донося о его состояніи, писалъ, что онъ скорбитъ о дѣтяхъ и женѣ. «Какъ ихъ вспомнишь, говорилъ Филаретъ, точно рогатиной въ сердце толкнетъ, дай Богъ услыхать, чтобы Богъ ихъ прибралъ, да жена и сама рада, чтобы Богъ далъ ей смерть, много де иное они мнѣ мѣшаютъ». (Акты Истор. т. II, № 38). Это донесеніе пристава Царю Борису отъ 1602 г. Донесеніе отъ 1605 г., когда успѣхъ самозванца былъ ясенъ, указываетъ въ чемъ Филарету мѣшали жена и дѣти. Приставъ писалъ: «и живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину: всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ міру жилъ и къ старцамъ жестокъ, лаетъ ихъ и бить хочетъ и говоритъ де старцамъ Филаретъ старецъ—увидятъ они, *каковъ онъ впередъ будетъ*; а нынѣ де въ великій постъ у отца духовнаго, тотъ старецъ не былъ, и къ церкви на прощанье не приходилъ и на клиросѣ не стоитъ. (Тамъ-же, № 54). Жаждой борьбы, ожесточеніемъ, дышали слова старца Фила-

рета. Романовы жаловались на бояръ, особенно Өедоръ Никитичъ, говорившій: «Бояре намъ великіе недруги, искали головъ нашихъ; научали на насъ говорить людей нашихъ». Говоря эти слова передъ приставами, Өедоръ Никитичъ конечно не договариваетъ своей мысли, что Борисъ радъ былъ этимъ наговорамъ. (Акты Историч. Т. II № 38).

Борьба съ самозванцемъ началась съ октября 1604 года; но уже заранѣе можно было предвидѣть исходъ ея. Борисъ въ началѣ 1604 г. послалъ воеводъ Петра Шереметева и Михаила Салтыкова занять Ливны, якобы изъ опасенія вторженія крымцевъ, а на самомъ дѣлѣ для противодѣйствія вторженію Названаго Димитрія. Эти воеводы говорили, что трудно воевать противъ природнаго государя.

Это предисловіе обѣщало худой конецъ для Бориса. Воеводы еще ничего не видя, признавали Названаго Димитрія—настоящимъ.

Въ октябрѣ 1604 г. Названый Димитрій вступилъ въ русскіе предѣлы и первый пограничный городокъ Моравскъ сдался безъ сопротивленія, его примѣру послѣдовалъ Черниговъ. На время успѣхи самозванца остановилъ окольничій Басмановъ, запершійся въ Новгородъ-Сѣверскѣ, самозванецъ не могъ взять Новгорода-Сѣверска; но за то на голову разбилъ князя Мстиславскаго, спѣшившаго на помощь Басманову, подъ тѣмъ-же Новгородъ-Сѣверскимъ, гдѣ сподвижниками Өедора Мстиславскаго были—князь Тялятевскій, князь Димитрій Шуйскій, князь Василій Голицынъ, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ—роковыя имена смутной эпохи. У воеводъ было 50 т., у самозванца 15 т. войска, случайныя раны Мстиславскаго не оправдываютъ его. Мстиславскіе были заклятые враги Бориса. На это указываютъ слухи, что въ домѣ Ивана Мстиславскаго еще при Өеодорѣ хотѣли убить Годунова, развести Царя съ неплодною Ириною и женить на княжнѣ Мстиславской. Все это могло быть и не быть. Но Мстиславскіе, какъ люди малоспособные, всегда были орудіями въ рукахъ другихъ руководителей событій, пользовавшихся ихъ тщеславіемъ. Даже въ пораженіи подъ Новгородъ-Сѣверскомъ болѣе виноватъ Дмитрій Шуйскій, бѣжавшій со своимъ лѣвымъ крыломъ съ поля битвы и смявшій центръ, гдѣ стоялъ Мстиславскій.

Борисъ, по непонятному ослѣпленію, вызвалъ Басманова въ Москву и, вмѣсто Мстиславскаго, назначилъ князя В. И. Шуйскаго. Онъ разбилъ самозванца подъ Добрыничами, но безвременно остановилъ преслѣдованіе и далъ возможность самозванцу оправиться. Самозванецъ засѣлъ въ Путивлѣ, а воеводы пошли осаждать Рыльскъ, но и отсюда ушли, получивъ фальшивое извѣстіе, что къ Рыльску идутъ на помощь Поляки. Воеводы отступили въ Камарницкую волость, жителей которой, безъ разбору, начали преслѣдовать за подозрѣваемую приверженность къ самозванцу и такимъ образомъ изъ

подозрѣваемыхъ приверженцевъ сдѣлали настоящихъ. Между тѣмъ къ самозванцу пришли на помощь Донцы, въ числѣ 4 т.

Царь Борисъ приказалъ очистить Кромы, гдѣ засѣли сторонники названнаго Димитрія. Осаду Кромъ началъ, еще до прибытія главнаго войска, Ѳедоръ Шереметевъ. Городокъ Кромы окруженъ былъ деревянными стѣнами, за которыми засѣли 600 человѣкъ Донцевъ, а царскіе воеводы, имѣя 80 т. войска, осадную артиллерію не могли его взять. Наконецъ деревянная стѣна Кромъ сгорѣла, сгорѣлъ и городъ; но казаки успѣли засѣсть въ землянкахъ. Что же дѣлали воеводы? Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ приказалъ порохъ и другіе боевые запасы вмѣстѣ съ пушками подалѣе отвезти отъ города. Войско царское также помѣщалось въ домахъ предмѣстій, но когда они сгорѣли, то воеводы не позаботились о помѣщеніи. Въ войскахъ начались болѣзни, а потомъ моръ. Борисъ выказалъ большую заботливость, но ничего не успѣлъ сдѣлать. 1605 г. 13 апрѣля послѣ обѣда у него вдругъ хлынула кровь изъ рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій, царь Борисъ скончался.

Москва безпрекословно присягнула Ѳеодору Борисовичу, но въ провинціяхъ немедленно обнаружилось шатаніе въ умахъ. Ѳедоръ назначилъ вождемъ всѣхъ войскъ князя Катырева-Ростовскаго, а вторымъ воеводою Басманова, т. е. Катыревъ-Ростовскій долженъ былъ служить ширмою Басманову. Но шаткость въ умахъ была уже такъ велика, что и Басмановъ не устоялъ. Соединясь съ Голицыными, Василіемъ и Иваномъ и съ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, онъ объявилъ, что истинный царь—Димитрій. Кн. Василій Васильевичъ Голицынъ отправился въ Путивль и передалъ самозванцу извѣстіе о переходѣ на его сторону войска. Названный Димитрій приказалъ идти войску къ Орлу, и самъ двинулся за нимъ. Изъ Орла къ нему выѣхали Салтыковъ и Басмановъ, и за ними князь Василій Голицынъ и Петръ Шереметьевъ—тотъ, который первый объявилъ, что противъ природнаго государя воевать трудно.

Пока войско двигалось къ Москвѣ, туда прибыли гонцы съ грамотами отъ Названнаго Димитрія. Народъ взволновался и спросилъ Василія Ивановича Шуйскаго — похоронилъ-ли онъ царевича въ Угличѣ? Тогда Шуйскій на это отвѣчалъ: «тамъ схоронили попова сына, а царевичъ живъ. Толпы ворвались во дворецъ, схватили царя Ѳеодора, его мать и сестру и перевели въ палаты Годуновыхъ. Москва присягнула названному Димитрію. Вслѣдъ за присягою прибыли въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій. Они низвели патріарха Іова и отправили, какъ простаго монаха, въ Старицкій монастырь. Потомъ князья эти вмѣстѣ съ Молчановымъ, Шелафединовымъ и тремя стрѣльцами, вошли въ домъ Годуновыхъ и приказали задушить царицу Марью Григорьевну и сына ея. Послѣдняго умертвили самымъ варварскимъ образомъ—Ксенія осталась жива.

Жестокая участь, постигшая семейство Годунова, едвали зависѣла отъ Названаго Димитрія [1]). Едвали онъ отдавалъ приказаніе умертвить Ѳеодора и его мать. На походѣ въ грамотахъ его писалось—«съ измѣнниками, съ Ѳедькою Борисовымъ Годуновымъ и матерью его и съ ихъ родствомъ не ссылаться». Названый можетъ быть думалъ ограничиться ссылкою и заточеніемъ ихъ, какъ онъ поступилъ съ ихъ родственниками и поборниками ихъ. Названый, какъ убѣдительно доказалъ Костомаровъ въ своей первой брошюрѣ,—кто былъ первый Лжедмитрій? вѣрилъ въ свое мнимое царственное происхожденіе и, какъ сейчасъ увидимъ, оказывалъ искреннее великодушіе врагамъ своимъ. Но, кромѣ того, по общему мнѣнію, ему и выгодно было имѣть Ѳеодора Годунова плѣнникомъ, въ видѣ щита, который бы сдерживалъ интриги бояръ противъ него самого. Бояре-же могли опасаться, что Годуновы, особенно царица Марья Григорьевна, могли-бы открыть новому царю многое, для бояръ непріятное.

20 іюня 1605 г. Названый Димитрій вступилъ въ Москву и боярство, въ лицѣ князя Василія Ивановича Шуйскаго, тотчасъ-же начало вести подъ него подкопъ, Шуйскій приказалъ своимъ агентамъ распространять слухъ, что новый царь самозванецъ, но Басмановъ, ставшій правой рукой Названаго Димитрія, добрался откуда идутъ слухи. Шуйскій приговоромъ бояръ осужденъ былъ на смертную казнь; но приговоръ былъ смягченъ, а потомъ и совсѣмъ отмѣненъ. Названый Царь простилъ его. Первымъ дѣломъ было назначеніе патріарха. Назначенъ былъ арх. Рязанскій, родомъ грекъ, болѣе чѣмъ равнодушный къ судьбамъ Россіи. Онъ первый изъ іерарховъ привѣтствовалъ Названаго Димитрія царемъ. Хотя онъ и воспитывался въ Римѣ, однако нѣтъ твердаго основанія, навязывать ему склонность къ католицизму; до пріѣзда въ Россію, онъ былъ архіепископомъ въ Критѣ. И такъ, и безъ католицизма, дѣло объясняется просто—Игнатій былъ равнодушенъ къ Россіи, а Названый Димитрій цѣнилъ въ лицѣ его архіерея, прежде другихъ архіереевъ, признавшаго его царемъ. Названый Димитрій спѣшилъ милостями загладить впечатлѣніе, произведенное насильственною смертью Годуновыхъ. Опальные бояре были возвращены, и старецъ Филаретъ поставленъ былъ Ростовскимъ митрополитомъ. Передъ вѣнчаніемъ на царство устроено было свиданіе Названаго Димитрія съ мнимою его матерью, инокинею царицею Марѳою, за которой ѣздилъ будущій герой, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Сыграла-ли Марѳа сознательно комедію, признавши самозванца сыномъ и слѣдовательно, сдѣлалась сознательной сообщницей обмана, повед-шаго къ смутѣ, какъ думалъ Погодинъ, или признаніе было искренно

[1]) Слово Названый Димитрій не выдумано Костомаровымъ, а взято изъ хронографовъ.

и объясняется ненормальнымъ умственнымъ состояніемъ царицы, какъ полагалъ Н. И. Костомаровъ? Конечно, угнетенное состояніе духа въ теченіе столькихъ лѣтъ, монастырское уединеніе многое объясняютъ; но трудно, однако, снять съ нея совсѣмъ нравственную отвѣтственность въ исторіи смуты.

Въ кратковременное царствованіе Названаго Димитрія сдѣлано было два распоряженія въ пользу крестьянъ и холоповъ. Запрещено было брать съ людей кабалы разомъ и на отца, и на сына, или на дядю и племянника. Закабаленный долженъ былъ писать кабалу только на одно лицо или на отца, или на сына, а если онъ занималъ деньги у того или другого, то кабальную запись каждому давать. Это сдѣлано съ цѣлію оградить безграмотныхъ людей отъ наслѣдственнаго закабаленія, безъ ихъ вѣдома. Вторымъ распоряженіемъ землевладѣльцамъ запрещено было домогаться возвращенія крестьянъ, бѣжавшихъ въ голодный годъ. Но, при господствѣ произвола, при продажности приказныхъ, эти распоряженія теряли свою цѣну.

Большая часть времени у Названаго Димитрія проходила въ переговорахъ съ Польшею объ отпускѣ къ нему его нареченной невѣсты, Марины Мнишекъ, и въ переговорахъ съ Ватиканомъ, который онъ манилъ обѣщаніемъ принять католичество. Когда Марина Мнишекъ пріѣхала въ Москву, тогда Названый Димитрій, особенно послѣ свадьбы, пересталъ Римъ манить и надеждою. Это можно было предвидѣть, потому что Названый Димитрій окруженъ былъ, хотя и поляками, но принадлежавшими къ реформатскому вѣроисповѣданію.

Въ Москвѣ же начиналась крамола. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, потомокъ Александра Невскаго и Гедиминовичи, князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ, составили заговоръ—убить Названаго Димитрія, Разстригу, какъ они говорили, и кто изъ нихъ будетъ царемъ, тотъ не будетъ мстить другимъ боярамъ за обиды и будетъ управлять съ ними сообща. Василій Ивановичъ, набравши сообщниковъ изъ купцовъ и народа, откровенно имъ сказалъ, что самозванца признали для того, чтобы свергнуть Годунова. Но дѣло было нелегкое: вопреки всѣмъ толкамъ, Названаго Димитрія народъ любилъ. Подставныхъ обличителей, которые ничего не могли доказать, били. Тогда заговорщики, въ ночь съ 16 на 17 мая, созвали сообщниковъ, ударили у Ильи Пророка въ колоколъ, и объявили собравшемуся народу, что поляки готовятся убить Царя. Шуйскій двинулъ впередъ своихъ сообщниковъ, присоединивъ къ нимъ выпущенныхъ изъ тюрьмы преступниковъ. Ворвавшись во дворецъ, они, на радости, начали безобразныя сцены убійствъ. Первымъ убитъ былъ Басмановъ—дворяниномъ Татищевымъ; самозванецъ, Названый Ди-

митрій, выскочилъ въ окно и пристрѣленъ былъ дворяниномъ Валуевымъ; Марину спасли.

По поводу этихъ убійствъ Соловьевъ говоритъ: «многіе взяли оружіе при извѣстіи, что поляки бьютъ Царя, прибѣжали въ Кремль спасать любимаго Царя отъ ненавистныхъ враговъ и видятъ трупъ его обезображенный и поруганный не поляками, а русскими; слышатъ, что убитый былъ обманщикъ, но это говорятъ тѣ люди, которые часъ назадъ говорили другое». (Ист. Россіи. Т. VIII, изд 2-е, стр. 159).

ГЛАВА XVII.

1606 годъ представляетъ важный моментъ въ русской исторіи, въ ночь на 17 мая власть перешла въ руки московскаго боярства. Ему настало время оправдать себя въ глазахъ потомства, уличить неправду Грознаго, обвинявшаго бояръ въ своекорыстіи и близорукости. Тогда они, говоря языкомъ кіевскаго періода русской исторіи, могли подумать и о земскомъ строѣ, и о ратѣхъ. Но поведеніе ихъ въ ту пору напротивъ оправдало Грознаго: они вступили въ распри изъ-за фамильнаго тщеславія, и Россія на шесть лѣтъ обречена была быть ареною смуты. 17 мая 1606 г. первая смута кончилась, но тогда-же готовился новый рядъ смутъ.

Изъ бояръ особенно выдавались два кандидата—князья: Василій Голицынъ и Василій Шуйскій. По происхожденію за послѣднимъ было болѣе правъ, въ Москвѣ у него была сильная партія. Духовенство и нѣкоторые изъ бояръ говорили о необходимости избранія патріарха и потомъ о созваніи Земскаго Собора для выбора Царя. Но приверженцы Шуйскаго, не увѣренные въ избраніи его Земскимъ Соборомъ, кричали: «Царь нужнѣе патріарха» и 19 мая ихъ криками совершилось избраніе его безъ Земской Думы. Бояре промолчали, даже сильнѣйшій изъ нихъ Василій Голицынъ долженъ былъ молчать, ибо, по мѣткому замѣчанію Соловьева, онъ могъ надѣяться свергнуть Шуйскаго только чужимъ именемъ, какимъ—понятно.

Василій Ивановичъ Шуйскій (1606—1610) въ грамотѣ своей выразился такъ о своихъ правахъ, какъ будто онъ въ избраніи и не нуждался. Вотъ его слова: я сталъ Царемъ и Великимъ Княземъ на отчинѣ прародителей нашихъ, которую Богъ даровалъ предку нашему Рюрику, происходившему отъ римскаго кесаря и потомъ много вѣковъ, до прародителя Нашего Александра Невскаго, властвовали прародители Наши Русскимъ Государствомъ и потомъ на Суздальскомъ удѣлѣ добровольно раздѣлились и, по обычаю, старшіе братья сѣли на старшемъ мѣстѣ. (Собр. Г. Гр. и Договоровъ. Т. 2).

Ясно, что значатъ послѣднія слова, они означаютъ, что старшіе Суздальскіе князья, предки Шуйскихъ, происходили отъ Андрея, старшаго сына Александра Невскаго, и московскіе князья отъ его младшаго сына Даніила, поэтому на старшемъ суздальскомъ столѣ сѣли потомки старшаго брата Андрея, а на Московскомъ младшемъ столѣ потомки младшаго брата Даніила.

Во время заговора Шуйскій далъ обѣтъ управлять царствомъ общимъ совѣтомъ, т. е. съ общаго совѣта бояръ. Но въ грамотѣ даетъ только обѣщаніе никого не казнить безъ суда боярскаго ни бояръ, ни гостинныхъ людей; имѣній за вины отцевъ не конфисковать. Такая неопредѣленность обѣщаній возбудила неудовольствіе его сообщниковъ и породила желаніе замѣнить его другимъ царемъ. Такъ, Петръ Ивановичъ Шереметевъ задумалъ возвести на престолъ простоватаго князя Мстиславскаго, Шуйскій не смѣлъ казнить Шереметева и послалъ его намѣстникомъ во Псковъ, гдѣ онъ оставилъ мрачную память. П. Шереметевъ, вѣроятно, надѣялся легко управлять простоватымъ Мстиславскимъ.

Въ самую ночь убійства перваго самозванца, Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Өеодора Борисовича Годунова и его матери, бѣжалъ изъ Москвы и по дорогѣ распространялъ слухъ, что Царь Димитрій спасся, а въ иныхъ мѣстахъ и себя выдавалъ за царя. Дѣла Молчанова, объясняютъ и роль Отрепьева. Въ туже ночь 17 мая изъ Москвы удалился князь Шаховской, похитивъ изъ дворца, во время суматохи, государственную печать. Въ Путивлѣ онъ поднялъ мятежъ и соединился съ кн. Телятевскимъ, воеводою Черниговскимъ. Князь Шаховской, князь Телятевскій и Молчановъ взволновали всю *прежепогибшую* Новгородъ-Сѣверскую Украину. Всѣ они усердно распространяли слухъ, что Димитрій живъ. Молчановъ, конечно, не могъ роль Димитрія играть въ Россіи. Онъ пробрался въ Литву, гдѣ видѣлся съ матерью Марины, которая просила его поддерживать слухъ, что Димитрій живъ. Въ Литвѣ Молчановъ узналъ, что въ Москву черезъ Литву пробирается холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ, бывшій въ плѣну у Турокъ, проданный ими въ Венецію. Молчановъ узналъ, что Болотниковъ—человѣкъ отважный, смѣлый, знавшій ратное дѣло. Его представили Молчанову, который разыгралъ передъ нимъ роль Царя. Мнимый Царь его обласкалъ, обѣщалъ волю холопамъ и, конечно, имѣнія опальныхъ бояръ. Личность Болотникова важна въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, какъ искренняго искателя царя, въ лицѣ сына Грознаго, подобно отцу, милостиваго къ народу; во вторыхъ, какъ игрушка безсовѣстнѣйшей интриги, которую онъ сразу и понять не могъ.

Что дѣлалъ въ это время Шуйскій? Зная по опыту, какъ опасна молва о томъ, что царь Димитрій живъ, онъ спѣшилъ парализовать опасный слухъ перенесеніемъ останковъ царевича изъ Углича въ Москву, признаннаго святымъ. Но новому святому, внѣ черты го-

рода Москвы, не вѣрили; не вѣрили и грамотамъ царицы Мареы, что бывшій Царь самозванецъ, омрачившій ее и всѣхъ людей чернокнижіемъ. Образа новаго святого отсылали Шуйскому назадъ. Болѣе вѣрили князю Шаховскому, который объявилъ, что въ Москвѣ убили нѣмца вмѣсто царя, что царь Димитрій до времени скрывается отъ враговъ, что онъ скоро явится. Вѣрить стали еще болѣе, когда явился Болотниковъ и сталъ разсказывать о своей бесѣдѣ съ царемъ, въ котораго онъ вѣрилъ. Болотниковъ именемъ мнимаго Димитрія обратился къ холопамъ, обѣщая имъ волю, богатства, призывалъ воровъ и разбойниковъ, предлагая имъ *загладить свои вины.* Грамоты не явившагося еще Димитрія скрѣплялись Государственною печатью, которая была въ рукахъ Шаховскаго. Волненіе приняло громадные размѣры. Начались грабежи, избіеніе помѣщиковъ въ усадьбахъ; но истые двигатели возстанія надѣялись покончить и съ возстаніемъ, и съ Болотниковымъ, когда имъ будетъ нужно.

Болотниковъ выступилъ въ походъ и подъ Кромами разбилъ вчетверо сильнѣйшее войско князя Трубецкаго. Пораженіе подъ Кромами отозвалось во всей Россіи, и дворянинъ Пашковъ поднялъ Тулу; Прокофій Ляпуновъ и Сунбуловъ рязанскую землю; въ Астрахани за мнимаго Димитрія возсталъ князь Хворостининъ. Все Поволжье и земля Смоленская волновались.

Между тѣмъ Болотниковъ, соединясь съ Ляпуновымъ и Сумбуловымъ, разбилъ еще разъ царское войско, подъ предводительствомъ Мстиславскаго, при селѣ Троицкомъ. Болотниковъ сталъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ онъ разссорился съ Ляпуновымъ и Сумбуловымъ. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій уговорилъ ихъ служить ему, что онъ предлагалъ и Болотникову, но послѣдній отвѣчалъ: «я цѣловалъ крестъ своему Государю Димитрію Ивановичу и душу свою отдамъ за него, а клятвы не нарушу». Можно только сожалѣть, что такая преданность относилась къ фальшивому призраку.

Царь выслалъ противъ него лучшаго своего воеводу, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Онъ выигралъ битву при деревнѣ Котлахъ; но и то только потому, что дворянинъ Пашковъ, во время битвы, оставилъ Болотникова. Болотниковъ отступилъ въ Калугу. Здѣсь его осадили воеводы Царя. О защитѣ этого города Болотниковымъ, Карамзинъ говоритъ: Болотниковъ не зналъ самъ покоя и не давалъ его осаждающимъ, сражался день и ночь, обливался кровью въ битвахъ непрестанныхъ и выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ. Къ Калугѣ подвинули деревянную гору, Болотниковъ ее взорвалъ. На помощь Болотникову шли князья Шаховской и Телятевскій, соединившіеся съ казакомъ Илейкою, который принялъ имя не бывалаго царевича Петра, сына царя Өеодора Іоанновича. Его вели, какъ намѣстника мнимаго дяди, царя Димитрія. Царскіе воеводы выслали изъ-подъ Калуги часть войскъ, но Телятевскій раз-

билъ ихъ на голову, остальныхъ поразилъ Болотниковъ, сдѣлавъ вылазку. Въ порядкѣ отступилъ только отрядъ Скопина-Шуйскаго [1]).

Болотниковъ заперся въ Тулѣ и здѣсь выдерживалъ столь-же упорно, какъ въ Калугѣ, осаду царскаго войска, подъ предводительствомъ самого Царя. Народъ однако настойчиво сталъ спрашивать, гдѣ-же Димитрій? Болотниковъ отвѣчалъ — я видѣлъ его въ Польшѣ; но я не знаю—истинный онъ или нѣтъ, ибо я не видалъ его въ Москвѣ. Сомнѣніе, видимо, овладѣло Болотниковымъ. Народъ сталъ съ угрозами приступать къ Шаховскому. Это опасное положеніе Шаховскаго совпало какъ разъ съ паденіемъ Тулы. Дворянинъ Кравковъ плотиною затопилъ Тулу, и городъ сдался въ 1607 г.

Царь обѣщалъ помилованіе Шаховскому, Телятевскому и Болотникову; но только первые два были помилованы, а Болотниковъ былъ утопленъ въ Каргополѣ. По приказу-ли царя Василія Ивановича? Въ то время явился второй самозванецъ, Болотниковъ могъ бы сказать—тотъ-ли это человѣкъ, съ которымъ онъ видѣлся въ Стародубѣ.

. О Болотниковѣ судятъ различно. Его таланты несомнѣнны, его искренность—тоже; и винить его, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые историки, что онъ воевалъ не только противъ Шуйскаго, но и противъ такихъ священныхъ началъ, какъ порядокъ, семья и собственность, нельзя. Если отчасти это было и такъ, то вините Молчанова, который, играя роль Димитрія, дозволилъ будущимъ соратникамъ Болотникова взять себѣ имѣнія казненныхъ бояръ, женъ ихъ и дочерей. Вините также князей Шаховскаго и Телятевскаго, которые все это знали; вините дворянъ, такихъ, какъ Сумбуловъ и Пашковъ, которые нѣкоторое время дѣйствовали за одно съ Болотниковымъ.

Но и послѣ побѣды надъ Болотниковымъ положеніе царя Василія Ивановича было тяжкое. Онъ видѣлъ, что принимаемыя имъ мѣры не дѣйствовали на умы народа. Причисленіе царевича Димитрія Углицкаго къ лику святыхъ не потушило волненія, какъ сказано выше. Въ началѣ 1607 г. придумали другую церемонію. Царь, по согласію съ патріархомъ Гермогеномъ, рѣшилъ пригласить въ Москву, ослѣпшаго отъ слезъ патріарха Іова, *для Государева и Земскаго великаго дѣла*. «Мы молимъ», писалъ Гермогенъ, «съ усердіемъ твое святительство и колѣна преклоняемъ, сподоби насъ видѣть благолѣпное лицо твое и слышать твой пресладкій голосъ». Удрученнаго горемъ и слезами старца ради успокоенія царства упросили издать грамоту, вмѣстѣ съ патріархомъ Гермогеномъ, въ которой свидѣ-

---

[1]) Какая нравственная грязь царила у насъ въ смутную эпоху лучше всего показываетъ клятва, данная докторомъ Фидлеромъ отравить Болотникова! «Во имя Пресвятой и Преславной Тройцы, я даю сію клятву въ томъ, что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если же обману моего Государя, то да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ и пр. — В. И. Шуйскій за исполненіе клятвы обѣщалъ сто душъ.

тельствовалось, что Царевичъ принялъ закланіе отъ враговъ своихъ, что противорѣчило прежнему завѣренію Іова. Говорятъ, что и ему сдѣлали уступки—закланіе не приписано Борису—еще-бы заставить Іова клеветать на своего благодѣтеля! Потомъ Іовъ и Гермогенъ дали разрѣшительную грамоту москвичамъ и прощеніе за ихъ клятвопреступленія. Но вся эта церемонія, со включеніемъ разрѣшительной грамоты, не повела ни къ чему и только, какъ всѣ мѣры Шуйскаго, внесла еще такое недоумѣніе: когда-же патріархъ Іовъ говорилъ правду—при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, или при Шуйскомъ? И въ историческомъ характерѣ Іова явилась точно такая-же двойственность, какую мы видимъ въ характерѣ самого Шуйскаго, особенно по вопросу о смерти царевича. Двоедушіе, какъ и всегда, только усилило смуту. Борьба съ Болотниковымъ показала безполезность подобныхъ церемоній, а время съ появленія второго самозванца, еще болѣе въ этомъ убѣдило. Замѣчательно, что попытка дѣйствовать религіозными мѣрами почти совпала. хронологически, съ вышеупомянутою посылкою Фидлера отравить Болотникова.

Появленіе втораго Самозванца показало, что предстоитъ вести еще болѣе опасную борьбу, чѣмъ съ Болотниковымъ. Кто былъ второй самозванецъ неизвѣстно, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ одной грамотѣ, назвалъ его жидомъ, Авраамій Палицынъ считалъ его за человѣка изъ духовнаго званія, ибо онъ хорошо зналъ церковные уставы. Во всякомъ случаѣ, въ противоположность первому самозванцу, это былъ сознательный обманщикъ. Наружностію онъ также не походилъ на перваго самозванца. Родственники Марины изъ мести принимали дѣятельное участіе въ постановкѣ этого самозванца. Во время похода къ нему приставали польскіе отряды. Одинъ изъ сильныхъ отрядовъ былъ подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, видѣвшаго перваго самозванца; но жажда мести была такъ сильна, что онъ призналъ втораго самозванца за одно лицо съ первымъ. Другой знатный панъ, князь Рожинскій набралъ всякаго сброда въ Украйнѣ и повёлъ его служить второму Названому Димитрію; но самозванецъ не очень довѣрялъ Рожинскому. Изъ польскихъ кондотьеровъ, приставшихъ къ второму самозванцу, особенно черную память оставилъ по себѣ наѣздникъ Лисовскій, отряды котораго составлены были изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Воины Рожинскаго и Лисовскаго взялись за оружіе только для добычи и чтобы весело пожить на счетъ москвичей. Не смотря на недовѣріе къ Рожинскому, самозванецъ двинулся съ нимъ къ Болхову, гдѣ стояло царское войско подъ начальствомъ бездарнаго брата Василія Ивановича Шуйскаго, Димитрія и хитраго князя, Василія Голицына. Царскія войска разбиты были на голову. Во время битвы Василій Голицынъ первый обратилъ тылъ.

Самозванецъ двинулся къ Москвѣ и сталъ между рр. Москвою и Веходнею, въ селѣ Тушинѣ; отъ этого села онъ и получилъ названіе Тушинскаго Вора.

Послы польскаго короля Сигизмунда III, порѣшили съ правительствомъ Василія Ивановича, что въ первомъ самозванцѣ никто не виноватъ; но русскіе потребовали отъ поляковъ, чтобы они оставили второго самозванца. Однако никто изъ польскихъ вождей не послушался короля и даже прибыли новые отряды. Изъ вождей новыхъ отрядовъ, по способностямъ и значенію, выдавался Янъ Сапѣга, братъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Но гораздо болѣе этихъ вождей усилило самозванца прибытіе Марины, которая, при свиданіи, разыграла роль счастливой супруги, свидѣвшейся съ мужемъ послѣ ряда пережитыхъ несчастій. Около Тушинскаго Вора собрались достаточныя силы; которыхъ, однако, было мало, чтобы сразу взять Москву, и потому рѣшено было зимовать въ Тушинѣ и держать Москву въ осадѣ. Въ Тушинскомъ лагерѣ построили избы; для мнимаго царя воздвигли цѣлыя хоромы.

Хотя царь Василій Ивановичъ и казался съ виду покойнымъ, въ началѣ 1608 года онъ даже женился на княжнѣ Буйносовой-Ростовской, но положеніе его дѣлалось все болѣе и болѣе опаснымъ. Самозванецъ, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ и ослабить сторонниковъ Шуйскаго, велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобы крестьяне, господа которыхъ служатъ Шуйскому, брали себѣ ихъ помѣстья, вотчины и женились на ихъ дочеряхъ. Разумѣется, такое позволеніе давалось не безъ согласія руководителей мятежа.

Такимъ образомъ два царя стояли другъ противъ друга: Василій Ивановичъ и Тушинскій Царикъ, какъ называли его поляки, или Тушинскій Воръ, какъ называли его русскіе.

Василій Ивановичъ послалъ племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, просить помощи у шведскаго короля. Въ Новгородѣ его встрѣтили съ большимъ почетомъ— старинная связь Новгорода съ Шуйскими сказалась и тутъ. Новгородцы заявили готовность стать за Василія Ивановича цѣлымъ городомъ.

Псковъ въ своихъ симпатіяхъ всегда представлялъ контрастъ В. Новгороду, кого любили въ послѣднемъ, того ненавидѣли въ первомъ. Во Псковѣ сказалась—старинная ненависть къ Шуйскимъ, дурную память о которыхъ оставилъ извѣстный олигархъ временъ малолѣтства Грознаго, дѣдъ царя Василія Ивановича, князь Андрей Шуйскій. Противоположность эта высказалась въ рѣзкихъ фактахъ. Шуйскій, разсылая плѣнныхъ, взятыхъ у самозванца, послалъ нѣкоторую часть ихъ въ Новгородъ, а другую во Псковъ. Новгородцы, горячіе приверженцы Шуйскихъ, выказали дикую жестокость: они топили плѣнныхъ въ Волховѣ. Псковичи-же

поили, кормили ихъ и оплакивали ихъ несчастіе (Соловьевъ, т. VIII, стр. 230).

Поведеніе во Псковѣ воеводы Петра Шереметева и дьяка Грамотина подлило масла въ огонь. Во Псковскую область прибылъ воевода Өедоръ Плещеевъ и сталъ приводить жителей къ присягѣ Тушинскому Царику. Они просили защиты у воеводы, но Шереметевъ приказалъ имъ присягать, ибо противиться нѣтъ силъ. Но, когда посадскіе и крестьяне присягнули Царику, Шереметевъ и Грамотинъ выслали отряды, чтобы взыскивать подати, подвергали пыткамъ, замучивали до полусмерти, подъ предлогомъ наказанія за присягу царику, которая дана была по ихъ-же приказанію. Подобные поступки вызвали такое раздраженіе, что 1 сентября 1608 года народъ отворилъ ворота Плещееву и Псковъ присягнулъ царику. Въ Москвѣ обстоятельства были не лучше: братъ царя, Иванъ Шуйскій, былъ разбитъ Сапѣгою и Лисовскимъ подъ Рахмановымъ. Василій Ивановичъ, желая ободрить своихъ приверженцевъ, послѣ битвы подъ Рахмановымъ заявилъ готовность до конца сидѣть въ осадѣ, въ Москвѣ, дозволяя не желающимъ раздѣлять съ нимъ опасность, оставить Москву. Но ему не довѣряли, всѣ цѣловали крестъ, а черезъ день начались побѣги въ Тушино; Михаилъ Бутурлинъ и князья Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой, Сицкій, Черкасскій, Засѣкины открыли рядъ перелетовъ.

Въ городахъ центральной Россіи шла такая-же смута, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь Тушинцы захватили прежде всего Суздаль; городъ сдался изъ страха предъ Лисовскимъ. Владиміръ-на-Клязьмѣ увлеченъ былъ на сторону Тушинскаго царика Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ; конечно, онъ дѣйствовалъ изъ мести за сверженіе Бориса. За Владиміромъ-на-Клязьмѣ послѣдовалъ Переяславль, въ которомъ пробудилась старинная вражда къ Ростову. Переяславцы вмѣстѣ съ Тушинцами, захватили Ростовъ, ворвались въ соборный храмъ, извлекли оттуда митрополита Филарета и, въ качествѣ плѣнника, доставили его въ Тушинскій лагерь къ самозванцу. Самозванецъ обласкалъ его, какъ мнимаго родственника. Русскіе источники, и тѣ не могли скрыть двусмысленнаго положенія Филарета. Говорятъ, что онъ, будучи разуменъ, не склонился ни вправо, ни влѣво, а *былъ твердъ въ вѣрѣ*. Но дѣло шло не о вѣрѣ, а о томъ, чью сторону взялъ Филаретъ Никитичъ? Иностранные источники поясняютъ недоговоренное русскими источниками. Вотъ что говоритъ Буссовъ-Беръ: Самозванецъ, принявъ его ласково, возвелъ въ достоинство патріарха (т.-е. нарекъ его патріархомъ; этой разницы иностранецъ понять не могъ). Филаретъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота и подарилъ его названому Димитрію (Сказанія, т. I, стр. 100). Подарокъ этотъ, вѣроятно, басня; но сущность дѣла остается. Филаретъ принялъ нареченіе и пользовался имъ не безъ

Сохранилась его грамота къ Яну Сапѣгѣ, которому онъ посылаетъ благословеніе: «Благословеніе Великаго Господина, преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, нареченнаго патріарха Московскаго и всея Руси».

Тушинскій Царикъ все усиливался; но онъ сдѣлалъ одно ошибочное распоряженіе, которое задержало его успѣхи и было ему крайне вредно. Онъ, въ ожиданіи близкой сдачи Москвы, раздѣлилъ свои силы, пославъ Лисовскаго и Яна Сапѣгу осаждать Троицкую лавру. Осада эта, продолжавшаяся 16 мѣсяцевъ, съ 23 сентября 1608 по 12 января 1610 г., остановила успѣхи самозванца. Воеводы князь Долгорукій-Роща и Голохвастовъ дали клятву сидѣть въ осадѣ безъ измѣны; хотя потомъ, по русскому обычаю, и стали закидывать другъ друга грязью, но осаду выдержали героически. Стрѣльцы, крестьяне, монахи ясно сознавали, что *трапеза кровопролитная всѣмъ предстоитъ*, и *чаша кровопролитная всѣмъ наливается*. Такъ лѣтописецъ передаетъ чувства осажденныхъ.

Въ то время, какъ лавра отбивалась отъ Сапѣги и Лисовскаго, раздвоеніе Россіи продолжало усиливаться. Вражда между русскими доходила до крайней степени. Когда слуга московскаго царя Василія Ивановича попадалъ въ плѣнъ къ тушинцамъ, то его убивали, подвергнувъ напередъ истязаніямъ. Числомъ русскіе тушинцы преобладали надъ поляками. Они побѣждали, а добычу добровольно предоставляли полякамъ. На оскверненіе церквей тушинцы смотрѣли хладнокровно и даже сами помогали полякамъ. Немногіе города оставались такъ вѣрны Василію Ивановичу, какъ Великій Устюгъ, Устюжна, Нижній Новгородъ. Однажды даже Балахонцы, всегда вѣрные спутники Нижегородцевъ, и тѣ перешли на сторону тушинцевъ; но Нижегородцы, съ своимъ воеводою Алябьевымъ, силою заставили ихъ отстать отъ тушинцевъ. Отрядъ тушинцевъ съ Мордвою и Черемисою подступилъ къ Нижнему Новгороду, подъ начальствомъ князя Семена Вяземскаго; Нижегородцы разбили этотъ отрядъ, взяли въ плѣнъ Вяземскаго и повѣсили его. Общее деморализующее шатаніе умовъ ни въ одномъ явленіи этого времени не выразилось такъ ясно, какъ въ вышеупомянутыхъ перелетахъ. Число перелетовъ росло съ каждымъ часомъ. Окольничій, говоритъ Соловьевъ, бѣжалъ въ Тушино, чтобы тамъ получить боярство; стольникъ, чтобы получить санъ окольничаго; дворянинъ, чтобы попасть въ думные дворяне. Члены одной и той-же семьи дѣлились, одни служили Шуйскому, другіе царику, чтобы на всякій случай и въ томъ и въ другомъ лагерѣ имѣть заступниковъ. Мало этого, многіе изъ Тушина бѣжали въ Москву, царь ихъ награждалъ; получивъ награду, они бѣжали въ Тушино, чтобы получить другую. Ни та, ни другая сторона ихъ не казнила, изъ опасенія усилить своего противника. Тѣмъ не менѣе, число приверженцевъ самозванца уменьшалось, вслѣдствіе насилій и грабежей его шаекъ. Крестьяне стали

царю Дмитрію жалобы, что они раззорены отъ его ратныхъ людей. Даже въ городахъ и областяхъ, поддавшихся царику, грабители преслѣдовались вооруженною рукою самими Тушинцами.

Начались возстанія противъ Тушинцевъ во имя порядка, а царство русское все еще кишѣло самозванцами, все сыновьями и внуками Грознаго, но время ихъ приходило къ концу, что видно изъ насмѣшливыхъ прозвищъ. Такъ, самозванца Ерофея прозвлали царевичъ Ерошка.

Возстаніе противъ Тушинцевъ, начавшись въ посадахъ и мѣстечкахъ, потомъ перешло въ значительные города. Эти города были: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ.

Въ Вологдѣ, хотя жители и стали за Василія Ивановича, но оставили у себя воеводу Пушкина, служившаго прежде самозванцу. Вслѣдствіе этого жители Тотьмы не только воеводу, но и жителей Вологды заподозрили въ измѣнѣ. Шуйскій, будучи запертъ въ Москвѣ, просилъ помощи у возставшихъ городовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ соединить ихъ силы съ полками вѣрнаго ему воеводы, Ѳедора Шереметева, посланнаго было въ Астрахань. Не смотря однако на безсиліе В. И. Шуйскаго, города спѣшили какъ можно болѣе вооружать ратныхъ людей. Возставшіе города посылали призывныя грамоты въ города еще не поднимавшіеся противъ Царика. Между собою возставшіе города безпрерывно сносились грамотами-же. Ѳедоръ Шереметевъ, прибывъ въ Нижній, оживилъ надежды Шуйскаго, онъ подчинилъ власти Царя Муромъ, Касимовъ, Владиміръ; но успѣхи его были остановлены подъ Суздалемъ, гдѣ онъ былъ разбитъ Лисовскимъ.

Роковымъ предзнаменованіемъ для Шуйскаго было умаленіе авторитета Москвы, избравшей его на престолъ. Только духовенство крѣпко стояло за Москву. Нижегородскій архимандритъ Іоиль писалъ: «кто будетъ на Московскомъ Государствѣ Государь, тотъ и всѣмъ Намъ Государь». Подъ Московскимъ Государствомъ имъ разумѣлась Москва. Но не всѣ города признавали одинаково авторитетъ Москвы. 17 февраля 1609 г. въ Москвѣ была сдѣлана попытка свергнуть Шуйскаго съ престола. Говорятъ, что до 300 заговорщиковъ, подъ предводительствомъ Сунбулова, Тимоѳея Грязнаго и князя Романа Гагарина, потребовали отъ бояръ низложенія Шуйскаго. Бояръ для рѣшенія этого дѣла звали на площадь, но пришелъ только одинъ князь Василій Голицынъ. Патріарха Гермогено притащили силою, подталкивали, схватывали за грудь и сильна трясли. Когда патріарха поставили на лобное мѣсто, раздались крики, что Шуйскій избранъ незаконно своими потаковниками, безъ согласія земли. Потомъ начали читать написанную въ томъ-же смыслѣ грамоту отъ другихъ городовъ. Патріархъ на это замѣтилъ, что до сихъ поръ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань,

ни Псковъ и ни которые города Москвѣ не указывали, а указывала всѣмъ Москва. Дѣло не удалось. Заговорщики бѣжали въ Тушино. Князь Голицынъ, говоритъ Соловьевъ, остался при прежнемъ значеніи. Потомъ родственникомъ митрополита Филиппа, бояриномъ Крюкъ-Колычевымъ, составленъ былъ другой заговоръ убить Царя; но заговоръ былъ открытъ, и Крюкъ-Колычевъ казненъ одинъ, ибо на пыткѣ никого не назвалъ.

Къ довершенію бѣдствія осада Москвы тушинцами повела къ чрезвычайному возвышенію цѣнъ на съѣстные припасы. Хлѣбъ дорожалъ съ каждымъ днемъ, Москвѣ грозилъ голодъ. Василій Ивановичъ старался успокоить всѣхъ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи на помощь Москвѣ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; но гораздо болѣе успокоительно подѣйствовало на жителей Москвы пониженіе цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе того, что по просьбѣ Царя, келарь Тройцкой лавры, Авраамій Палицынъ, пустилъ, сравнительно по дешевой цѣнѣ, въ продажу хлѣбъ изъ богатыхъ житницъ Лавры, находившихся въ Москвѣ. Въ то же время изъ Тушина прибѣжалъ князь Романъ Гагаринъ, одинъ изъ виновниковъ первой попытки свергнуть Шуйскаго съ престола. Теперь онъ сталъ увѣрять всенародно, чтобы не вѣрили Тушинскому Царику, что онъ дѣйствительно Воръ, что значило тогда возмутитель, обманщикъ, самозванецъ, какъ будто Романъ прежде этого не вѣдалъ, какъ будто нѣсколько времени тому назадъ онъ *бѣ бо дѣтскъ?* Тотъ-же князь Романъ Гагаринъ сообщилъ жителямъ, что въ Новгородъ пришли нѣмецкіе люди и выгнали оттуда Литву.

Москва поуспокоилась, но въ Тушинѣ вѣсть о совмѣстномъ походѣ Скопина-Шуйскаго со Шведами возбуждала опасеніе. Поэтому Тушинцы сдѣлали отчаянную попытку внезапно захватить Москву; но на берегахъ р. Ходынки тушинцы были разбиты князьями Куракинымъ, Андреемъ Голицынымъ и Лыковымъ. Тушинцы потеряли всю пѣхоту. Приверженцы царя Василія, одушевленные вождями, по свидѣтельству современниковъ, выказали не бывалую храбрость, а вожди энергію. Оно и не мудрено, дѣло шло не только о безопасности престола Шуйскаго, дѣло шло объ ихъ собственной участи и объ участи ихъ семействъ, которая должна была имъ представляться въ крайне мрачномъ свѣтѣ, еслибы тушинскій воръ овладѣлъ Москвою.

Шведскій король Карлъ IX, опасаясь, что враждебная ему Польша овладѣетъ Русскимъ Царствомъ, давно предлагалъ свою помощь. Изъ письма одного шведскаго генерала къ Соловецкому игумену видно, что въ Швеціи крайне изумлялись всему, что дѣлается въ Россіи, «какъ нестыдно», писалъ этотъ шведъ, «что вы слушаете всякій бредъ и берете себѣ въ Государи всякаго негодяя, котораго приведутъ Литовцы!» (Сол. Т. VIII, стр. 275). Поэтому не мудрено, что князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому удалось заклю-

чить договоръ о помощи со Швеціей. Швеція исполнила свое обязательство свято и выставила войска даже болѣе, чѣмъ была обязана.

М. В. Скопинъ-Шуйскій началъ свою дѣятельность очищеніемъ сѣверныхъ городовъ. Тушинцы были вытѣснены изъ Старой Русы, изъ Торопца, изъ Торжка, Порхова, Орѣшка; но вытѣснить ихъ изъ Пскова не удалось; посланный имъ отрядъ, подъ начальствомъ князя Мещерскаго, былъ разбитъ. Во Псковѣ тогда борьба партій приняла характеръ самый безобразный. Меньшіе люди, приверженцы Тушинскаго Царика, *многихъ бояръ мучили, жилы тянули, и ребра ломали.* Дальнѣйшіе успѣхи Скопина зависѣли не столько отъ выигранныхъ сраженій, сколько отъ достаточнаго количества продовольствія и достаточнаго количества денегъ для раздачи жалованья шведскимъ наемникамъ. М. В. Скопинъ-Шуйскій и самъ обращался ко многимъ городамъ съ просьбою о денежной помощи. Съ такою просьбою онъ обратился и къ Пермякамъ, но отъ нихъ получилъ холодный отвѣтъ. Пермяки завели перебранку и съ другими городами, особенно съ Вяткою; они писали, «Вашъ (вятскій) воевода князь Михаилъ Ухтомскій, имѣя 12 т. войска, упустилъ нарочно изъ Котельнича 1500 ч. государевыхъ измѣнниковъ». Недовѣріе къ лицамъ начальствующимъ и здѣсь мѣшало успѣху царя Василія Ивановича. Въ денежномъ затрудненіи Скопину помогли монастыри и фамилія Строгановыхъ; Царь Василій даровалъ тогда Строганову Петру право писаться съ *вичемъ*, какъ писались бояре.

Между тѣмъ Царь торопилъ племянника спѣшить къ Москвѣ. Скопинъ-Шуйскій, разбивъ въ 1609 г. передовой отрядъ Сапѣги подъ Тверью, нанесъ ему самому пораженіе подъ Колязинымъ. Сапѣга тогда обратился снова къ осадѣ Троицкаго Монастыря, а М. В. Скопинъ-Шуйскій продолжалъ путь къ Москвѣ и у Александровской Слободы нанесъ снова пораженіе Сапѣгѣ и князю Рожинскому. Черезъ двѣ недѣли послѣ этой побѣды силы Скопина-Шуйскаго увеличились прибытіемъ Ѳедора Шереметева изъ Владиміра. По просьбѣ монаховъ Троицкаго Монастыря М. В. Скопинъ-Шуйскій послалъ на помощь небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Жеребцова. Осада уже такъ дурно велась, что отрядъ Жеребцова безъ труда проникъ въ Лавру, а вслѣдъ за нимъ проникъ отрядъ Валуева; оба эти отряда сдѣлали вылазку и дали битву Сапѣгѣ. Хотя эта битва и не имѣла рѣшительнаго характера, но Сапѣга, понявъ свое опасное положеніе, 12 января 1610 года, снялъ осаду Троицкаго Монастыря.

Союзъ В. И. Шуйскаго съ шведскимъ королемъ Карломъ IX-мъ далъ поводъ врагу послѣдняго, польскому королю Сигизмунду III, орудію іезуитовъ, открыто вмѣшаться въ дѣло московскаго государства; къ этому разсчету побуждали Сигизмунда и предполагаемыя имъ выгоды Польши: при первомъ самозванцѣ боярскій посланецъ, Безобразовъ, выражалъ польскимъ панамъ желаніе бояръ

выбрать на престолъ польскаго королевича; Канцлеръ Левъ Сапѣга, два раза бывшій въ Москвѣ, подтверждалъ существованіе этого желанія.—Сигизмундъ III, вступивши въ русскіе предѣлы, прислалъ въ Москву Складную Грамоту, т. е. извѣщеніе о разрывѣ мирныхъ отношеній, и вслѣдъ за тѣмъ осадилъ Смоленскъ. Осада началась съ 21 сентября 1609 года, но не совсѣмъ удачно.

Вѣсть о вступленіи Сигизмунда въ Россію взволновала Тушино. Гетманъ Рожинскій собралъ коло, т. е. созвалъ совѣщаніе и провозгласилъ противъ короля военную конфедерацію. Онъ приглашалъ къ этой конфедераціи и Яна Сапѣгу, тогда еще стоявшаго подъ Троицей; но послѣдній отказался. Послы конфедераціи просили короля не мѣшать ихъ предпріятію возвести Димитрія на престолъ; разумѣется это посольство не имѣло успѣха. Въ тоже время король прислалъ своихъ пословъ въ Тушино уговаривать поляковъ, оставить самозванца и соединиться съ королемъ. Положеніе Царика съ каждымъ часомъ становилось опаснѣе и поэтому онъ 27 декабря сбѣжалъ въ Калугу; тогда Рожинскій вступилъ въ соглашеніе съ королемъ. Что касается русскихъ Тушинцевъ, то часть ихъ, преимущественно казаки, ушли къ самозванцу; но другая часть, такъ сказать чиновная, вошла въ сношеніе съ поляками. По приглашенію польскихъ коммиссаровъ, они собрались въ коло: нареченный Патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ ратными людьми, М. Салтыковъ съ людьми думными. Они послали къ Сигизмунду III Отвѣтную Грамоту и вслѣдъ за тѣмъ посольство. Въ посольствѣ были люди разныхъ сословій, главные изъ нихъ, игравшіе въ послѣдующихъ событіяхъ видную роль, были: Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, дьяки—Грамотинъ, Чичеринъ, Апраксинъ. Съ ними были извѣстный Михаилъ Молчановъ, Тимофей Грязной и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій Московскій кожевникъ. 31 января 1610 г. посольство было принято Сигизмундомъ. Послы говорили рѣчи, Михаилъ Глѣбовичъ привѣтственную рѣчь, его сынъ Иванъ Салтыковъ билъ челомъ отъ нареченнаго Патріарха Филарета и отъ всего духовенства, наконецъ дьякъ Грамотинъ отъ имени Думы, Двора и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ Государствѣ желаютъ имѣть Царемъ Королевича Владислава, если король будетъ охранять греческую вѣру. Начались переговоры, и 4 февраля подписаны были условія; изъ нихъ, кромѣ огражденія греческой вѣры, замѣчательны:

1) Никого не казнить не осудя прежде съ боярами и думными людьми, имѣніе казненныхъ отдается наслѣдникамъ. Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, *а меньшихъ людей по заслугамъ возвышать.* Такъ какъ неродовитыхъ людей на службѣ у самозванца было много, то Соловьевъ ихъ вліянію и приписываетъ это условіе. Съ этимъ условіемъ тѣсно связано было и слѣдующее, весьма характерное для эпохи: «Для науки вольно каждому изъ народа

Московскаго ѣздить въ другія христіанскія государства, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и Государь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ. И такъ, уже въ началѣ XVII в. высказывалось желаніе ѣздить учиться въ Европу; но до Петра этому желанію мѣшало духовенство, боявшееся ересей.

2) Подати будутъ собираться по старинѣ: Государь не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей, податямъ должны подлежать мѣста заселенныя.

Но въ то же время были условія, которыя не предвѣщали успѣха задуманному дѣлу. Эти условія были: a) Подтвержденіе запрещенія крестьянскаго перехода; это запрещеніе показываетъ, что не своеволіе Бориса уничтожило Юрьевъ день, а настояніе землевладѣльцевъ. b) Король не даетъ вольности холопамъ; c) О казакахъ—Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ Король будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми—будутъ-ли эти казаки надобны, или нѣтъ.

Между тѣмъ Тушинскій Воръ, прибѣжавъ въ Калугу, заявилъ, что онъ готовъ голову положить за православіе и народность, «не дамъ торжествовать ереси», говорилъ онъ, «не уступлю королю ни кола, ни двора». Оказалось, что самозванецъ былъ еще силенъ, главная сила его опиралась на казаковъ и крестьянъ; изъ бояръ ему остался вѣренъ князь Григорій Шаховскій, который привелъ къ самозванцу козаковъ, изъ Царево-Займища. Что привело Шаховскаго въ Калугу? Отчего онъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ, Хворостинымъ не отправился къ Сигизмунду? Конечно, онъ не могъ считать самозванца, имъ-же созданнаго, за настоящаго Димитрія? Вопросъ Карамзина не дерзалъ-ли онъ простирать виды на престолъ, кажется не лишнимъ: очень вѣроятно, что такой крайне смѣлый человѣкъ, какъ Григорій Шаховской, могъ надѣяться поступить со вторымъ самозванцемъ такъ, какъ Шуйскій поступилъ съ первымъ и потомъ занять престолъ. Но Тушино еще существовало. Въ февралѣ оттуда бѣжала Марина, остававшаяся нѣкоторое время у Сапѣги въ Димитровѣ; въ мартѣ ушелъ изъ Тушина Рожинскій въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ вскорѣ умеръ. Нѣкоторые русскіе тушинцы за нимъ послѣдовали, прочіе разошлись, кто въ Москву, кто въ Калугу.

Впродолженіи этого времени князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій все еще стоялъ въ Александровской слободѣ. Изъ военныхъ событій этого времени замѣчательно только пораженіе Сапѣги подъ Дмитровымъ; при защитѣ этого города выказала особенную энергію Марина, она выказала болѣе мужества, чѣмъ воины. Послѣ пораженія Сапѣги, Марина уѣхала къ мужу. Въ Александровскую слободу къ Скопину-Шуйскому прибыли послы отъ Прокофія Ляпунова, назвавшіе его царемъ и подавшіе ему грамоту съ укоризнами противъ Царя Василія. Грамоту онъ разорвалъ

и въ первую минуту приказалъ схватить посланныхъ; но потомъ простилъ ихъ и не донесъ въ Москву. Это обстоятельство и дало поводъ заподозрить Скопина, что и онъ замышлялъ свергнуть дядю съ престола. 12 марта 1610 г. Скопинъ-Шуйскій, вмѣстѣ съ Делагарди, вступилъ въ Москву и встрѣченъ былъ, особенно простымъ народомъ, какъ Спаситель русской земли.

Съ Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ М. В. Скопинъ-Шуйскій успѣлъ объясниться и Царь, повидимому, оказывалъ ему полное довѣріе; но братъ Царя, Димитрій Ивановичъ, постоянно возбуждалъ противъ Скопина подозрѣніе. Въ Москвѣ шли глухіе толки о враждѣ въ царской семьѣ, о зависти Димитрія Шуйскаго, надѣявшагося быть царемъ по смерти брата. Говорятъ Делагарди подозрѣвалъ недоброе и торопилъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго скорѣе выступить изъ Москвы и идти къ Смоленску. Делагарди могъ торопить Скопина оставить Москву, и по другой причинѣ, именно изъ желанія выгнать изъ Россіи поскорѣй Сигизмунда III, опаснаго и для Швеціи. Но 23 Апрѣля князь Скопинъ захворалъ на пиру у князя Воротынскаго кровотеченіемъ и черезъ двѣ недѣли умеръ. Пошли толки объ отравѣ, народъ этому вѣрилъ, и до того былъ озлобленъ на князя Димитрія Ивановича и на жену его Екатерину, что готовъ былъ разнести его дворъ, который царь приказалъ охранять военною силой. Какъ-бы то ни было, положеніе самого Царя Василія Ивановича стало крайне затруднительнымъ. — Одинъ изъ современниковъ, польскій Гетманъ Жолкѣвскій, рѣшительно отвергаетъ отраву, другіе говорятъ, что такъ-то, т. е. отравою Шуйскій наградилъ племянника за услуги. Изъ новыхъ историковъ Карамзинъ и Костомаровъ ничего положительнаго объ отравѣ не сказали, Соловьевъ отрицаетъ ее, Бестужевъ-Рюминъ принимаетъ, т. е. вѣритъ слуху объ отравленіи Скопина дядею Димитріемъ.

Немедленно послѣ смерти Скопина, поднимается рязанецъ-дворянинъ Прокофій Ляпуновъ, требуя сверженія Василія Ивановича Шуйскаго, какъ исключительно боярскаго царя, на жестокость котораго дѣти боярскіе и дворяне жаловались давно; можно думать, что жестокость и была причиною первой попытки въ 1609 г. низвергнуть царя Василія. Прокофій Ляпуновъ разослалъ повсюду грамоты съ призывомъ низвергнуть царя Василія. Въ Москвѣ онъ нашелъ союзника въ лицѣ князя Василія Васильевича Голицына, союзника Шуйскаго при первомъ самозванцѣ, и его соперника по соисканію престола. Въ это время въ Москву воротился и митрополитъ Ростовскій Филаретъ, взятый отрядомъ Валуева послѣ пораженія Рожинскаго, гдѣ, конечно, его встрѣтили, какъ невольнаго плѣнника въ Тушинѣ.

Съ другой стороны грозилъ царю Василію Сигизмундъ, выславшій къ Москвѣ Гетмана Жолкѣвскаго. Противъ этого опытнаго вождя царь Василій выслалъ своего бездарнаго брата, Димитрія

Ивановича, про котораго современникъ говоритъ: «былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный *женствующими* вещами, т. е. красивыми бездѣлками, любившій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе».—Онъ встрѣтилъ Жолкѣвскаго при Клушинѣ и былъ разбитъ на голову; нѣмецкіе наемники во время битвы перешли на сторону поляковъ, русскіе бѣжали въ паническомъ страхѣ. Клушинская битва похоронила династію Шуйскихъ. Въ Москвѣ готовы были присягнуть королевичу Владиславу, но требовали, чтобы онъ напередъ крестился въ греческую вѣру.

Калужскій царикъ, узнавъ о расположеніи умовъ въ Москвѣ, привлекъ на свою сторону войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. Большая часть городовъ ему сдавалась, не сдался только Зарайскъ, гдѣ засѣлъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ отвергнулъ требованіе о сдачѣ и заключилъ съ жителями Зарайска условіе служить тому царю, который будетъ царствовать въ Москвѣ.

Между тѣмъ самозванецъ подошелъ къ Москвѣ и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Начались переговоры между Москвою и станомъ самозванца, и рѣшено было: въ Москвѣ свести съ царства Василія, а тушинцамъ оставить своего царика. Обѣ стороны обязывались выбрать царя сообща, но уже и та и другая имѣла своего кандидата—въ Москвѣ указывали на Василія Васильевича Голицына, а въ лагерѣ—на Яна Сапѣгу.

Въ Москвѣ рѣшеніе низложить царя Василія быстро приведено было въ исполненіе. Захаръ Ляпуновъ, по настоянію брата своего Прокофія, 17 іюля 1610 г. явился съ своими сообщниками къ царю и просилъ его, для прекращенія кровопролитія, оставить посохъ царскій. Царь Василій грозно закричалъ:—«какъ ты смѣлъ говорить мнѣ эти слова, когда бояре ничего не говорятъ?» При этомъ онъ выхватилъ ножъ; но Ляпуновъ, богатырь по физическому сложенію, закричалъ—«оставь это, а то возьму тебя и сомну всего».—Опасаясь, чтобы немедленно не разыгралась трагедія товарищи Ляпунова уговорили его идти на лобное мѣсто, гдѣ уже собралось такое множество народа, что принуждены были идти за Москву рѣку. Здѣсь бояре и всякаго чина люди приговорили просить царя Василія оставить престолъ; на это прошеніе онъ долженъ былъ согласиться.

Бояре извѣстили тушинцевъ о сверженіи царя Василія, прибавляя, что теперь ихъ дѣло свергнуть Калужскаго царика, но тушинцы насмѣшливо отвѣтили: «вы не помнили своего крестнаго цѣлованія и потому свели царя съ престола, а мы за своего помереть рады».

Вслѣдствіе такого отвѣта, патріархъ Гермогенъ задумалъ возвести снова на престолъ Василія, но его попытка только ухудшила положеніе Шуйскаго: 19 іюля, несмотря на сопротивленіе, онъ постриженъ былъ въ монахи, а его супруга—въ монахини. Протесты и клятвы Гермогена вѣтеръ разнесъ. Такъ-то печально кончилась

карьера В. И. Шуйскаго, добившагося престола разными неправдами. Слѣдствіемъ своимъ онъ утверждалъ, что царевичъ обрушился на ножъ. Когда его спрашивали въ Москвѣ передъ вступленіемъ названнаго Дмитрія, истинный-ли это царевичъ, Шуйскій отвѣтилъ невѣроятною ложью—отвѣтилъ, что въ Угличѣ похоронили поповскаго сына, чтобы царевича спасти отъ Годунова; не забудемъ, что слова эти были смертнымъ приговоромъ царю Θеодору Борисовичу и его матери. Вступаетъ названный Димитрій въ Москву и Шуйскій-же распространяетъ слухъ, что это самозванецъ. Воцаряется самъ Шуйскій—и царевича Димитрія причисляютъ къ лику святыхъ, ради обличенія второго названнаго Дмитрія и еще болѣе въ оправданіе насильственной смерти Годуновыхъ, для чего потомъ и пущены въ ходъ легенды о Битяговскихъ, Качаловыхъ, Волоховыхъ. Кромѣ того, разсказана ложь о поголовной почти ссылкѣ жителей Углича въ Пелымь Борисомъ Годуновымъ. Изъ исторіи Сибири Фишера оказывается слѣдующій фактъ, основанный на офиціальномъ документѣ: изъ Углича въ Пелымь сослано было 30 человѣкъ, переведенныхъ потомъ въ с. Таборы на р. Тавдѣ. Безъ сомнѣнія эти 30 человѣкъ были конюхи и другіе придворные служители, убившіе Битяговскихъ и Качаловыхъ. Успѣлъ-ли Шуйскій угодить боярамъ?

Въ какомъ отношеніи царь Василій находился къ боярамъ—показываетъ исторія одного законодательнаго акта отъ 7 марта 1607 г. Царь хотѣлъ облегчить освобожденіе отъ холопства людей, не рожденныхъ въ холопствѣ; но бояре въ 1609 г. приказали статью ту оставить и возобновить указъ царя Θеодора Іоанновича, чтобы холопъ, прослужившій хотя-бы только полгода, прикрѣплялся окончательно.

Отъ 17 іюля 1610 г. началось междуцарствіе и во главѣ Государства стала Боярская Дума. Во главѣ Думы поставили безхарактернаго князя Θедора Мстиславскаго. Въ примѣчаніи считаемъ не лишнимъ привести имена и фамиліи бояръ, засѣдавшихъ въ Думѣ, на имя которой народъ привели къ присягѣ [1]). Народъ клялся крѣпко стоять за бояръ, и вора, который называется Димитріемъ, не хотѣть. Послѣ присяги разослали по городамъ Грамоты, написанныя подъ вліяніемъ патріарха Гермогена. Въ нихъ говорилось о присылкѣ выборныхъ людей для выбора царя всею землей изъ русскихъ знатныхъ людей. У стороны Гермогена имѣлось въ виду два кандидата:

[1]) Князь Θ. И. Мстиславскій, князь Андрей Трубецкой, князья Голицыны: Василій, Иванъ, Андрей Васильевичи, князья Иванъ Куракинъ, Кашинъ, Иванъ Одоевскій, Борисъ Лыковъ, Владиміръ Долгорукій, Владиміръ Бахтеяровъ-Ростовскій, Михаилъ Туренинъ; нетитулованные – Θедоръ Шереметевъ, трое Нагихъ, съ Михаиломъ во главѣ, Иванъ Никитичъ Романовъ, Василій Головинъ, — внукъ или сынъ того, который буйствовалъ во время малолѣтства Грознаго, приверженецъ Шуйскихъ.

князь Василій Васильевичъ Голицынъ и четырнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, сынъ Филарета Никитича,

Но къ правильному избранію Царя приступить было трудно. Москвѣ разомъ грозили и гетманъ Жолкѣвскій изъ Можайска и самозванецъ изъ Коломенскаго. Жолкѣвскій требовалъ, чтобы въ Москвѣ присягнули королевичу Владиславу. У Жолкѣвскаго, говоритъ Соловьевъ, былъ могущественный союзникъ — самозванецъ, пугало всѣхъ бояръ. «Лучше служить королевичу», говорили они, «чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей или въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться. (Т. VIII стр. 341).

Колебаніе между боярами на счетъ выбора Царя рѣшилъ голосъ старѣйшаго боярина князя Мстиславскаго: онъ заявилъ, что не хочетъ самъ быть царемъ и никого изъ своей братіи, бояръ, не хочетъ видѣть на престолѣ. Мстиславскій въ своемъ заявленіи высказалъ мелочное самолюбіе. Вѣроятно его давно манили Мономаковымъ вѣнцемъ и онъ тутъ только догадался, что служилъ орудіемъ другихъ. Вѣроятно бояре были рады, что первый открытый голосъ за иностранца на русскій престолъ подалъ именно Мстиславскій. Имъ было и легчѣ, и безопаснѣе послѣ этого подавать голоса, ибо они стояли между двухъ огней—между поляками и самозванцемъ съ его ополченіемъ изъ ожесточенныхъ холопей и крестьянъ. Если такой вѣрный сторонникъ Шуйскаго, какъ Ѳедоръ Шереметевъ, подалъ голосъ за иноземца, то значитъ дѣлать уже было нечего.

Рѣшено было вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ о признаніи Владислава. Увѣщанія Гермогена и Филарета не подѣйствовали. Переговоры съ Гетманомъ вели бояре князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Договоръ заключенъ былъ на основаніи Салтыковскаго съ нѣкоторыми измѣненіями—выраженіе прежняго договора—*Великихъ чиновъ людей невинно не понижать* замѣнено болѣе опредѣленнымъ: Московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и чести не тѣснить и не понижать, а слова *меньшихъ людей по заслугамъ возвышать*, замѣнены не имѣющими политическаго значенія, словами: бояръ и окольничихъ и дворянъ, и дьяковъ думныхъ и стольниковъ и стряпчихъ и дьяковъ и жильцовъ, дворянъ изъ городовъ и головъ стрѣлецкихъ и всякихъ приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и гостей и торговыхъ людей и стрѣльцевъ и казаковъ и пушкарей и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей Россійскаго Государства имѣть Государю въ милости и всѣхъ по достоинству держать въ чести и въ жалованьѣ и въ милости, какъ было при прежнихъ Государяхъ.

Это многословіе, конечно, не замѣнило яснаго выраженія: *меньшихъ людей возвышать по достоинству.* Пропущена была статья

о дозволенiи русскимъ ѣздить учиться въ христiанскiя страны; сдѣланъ-ли былъ этотъ пропускъ боярами по собственной инициативѣ, или по желанiю угодить духовенству — неизвѣстно. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что желанiе учиться проявлялось очень рано: для митрополита Филиппа одинъ иноземецъ составлялъ курсъ латинскаго языка; къ князю Хворостинину, тушинцу, еще до смуты, учителя языковъ ходили но тайкомъ, въ русскомъ платьѣ, какъ-будто дѣло шло о заговорѣ. Зато статья о томъ, чтобы безъ праведнаго суда никого не казнить и чтобы у наслѣдниковъ казненныхъ имѣнiй не отнимать, выражена столь-же энергично, какъ и въ договорѣ тушинцевъ. Видимо, что связи съ поляками повлiяли сильно на высшее русское общество, объ чемъ свидѣтельствуетъ и запись царя Василiя, и оба договора съ Сигизмундомъ, особенно статьи о судѣ и конфискацiи. Принципъ этотъ выраженъ въ польскомъ законодательствѣ, въ статьѣ Neminem captivabimus. Эта статья соотвѣтствовала коренному закону англiйской конституцiи, по которому ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ и наказанъ безъ суда. Что касается до принятiя Владиславомъ греческаго вѣроисповѣданiя, то Гетманъ отъ переговоровъ по этому пункту отказался, говоря, что не имѣетъ отъ короля инструкцiи на этотъ предметъ.

Самозванецъ между тѣмъ все болѣе и болѣе наступалъ на Москву и былъ на этотъ разъ отбитъ Иваномъ Салтыковымъ съ русскими тушинцами, которые подошли къ Москвѣ съ Жолкѣвскимъ. Бояре просили Жолкѣвскаго отогнать самозванца отъ Москвы; Гетманъ, съ своей стороны, просилъ дозволенiя пройдти ночью черезъ Москву, что ему и было дозволено. Онъ прошелъ, и, возвратившись, сталъ въ своемъ лагерѣ. Свое слово сдержалъ, Москвы не занялъ, довѣрiе прiобрѣлъ; но самозванца не сокрушилъ, допустивъ его съ Мариною бѣжать въ Калугу. Не въ его разсчетахъ было сокрушить это пугало бояръ, болѣе всего боявшихся, что самозванецъ ихъ истребитъ, а дѣтей и женъ ихъ отдастъ холопамъ. Жолкѣвскiй медленно, но, пока, вѣрно шелъ къ цѣли. Чтобы покончить недоумѣнiя, онъ уговорилъ бояръ послать къ Сигизмунду знатныхъ пословъ для окончательныхъ переговоровъ, и самъ указалъ на князя Василiя Голицына, одного изъ кандидатовъ на московскiй престолъ и митрополита Филарета, отца другого кандидата. Выборъ былъ сдѣланъ, безъ сомнѣнiя, по указанiю партiи, выставлявшей своимъ главою Мстиславскаго. Въ виду вопроса о предполагаемомъ переходѣ Владислава въ греческую вѣру, посламъ дали наказъ требовать, чтобы Владиславъ крестился въ Смоленскѣ; чтобы, будучи на престолѣ, казнилъ смертiю людей, которые, по скудоумiю, примутъ латинство. Это требованiе представляется весьма наивнымъ, когда и въ то время было извѣстно, что римская курiя, по принципу, никогда не согласилась-бы на переходъ Владислава въ православiе, особенно послѣ оскорбительнаго требованiя, чтобы Владиславъ крестился.

Есть возможность предполагать, что интриги московскихъ партій усиливали остроту религіознаго вопроса. Партія, руководившая Мстиславскимъ, услала русскихъ кандидатовъ на престолъ къ Сигизмунду, а противники ихъ, можетъ быть, нарочито рѣзко ставили вопросъ о переходѣ Владислава, требуя не только присоединенія его къ греческой церкви, но и крещенія.

Вскорѣ, по отправленіи посольства, бояре, не смотря на сопротивленіе патріарха, пригласили Жолкѣвскаго занять Москву. Причину этой просьбы бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ высказалъ патріарху въ такихъ словахъ: «если Гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ, боярамъ, придется идти за нимъ для спасенія головъ своихъ, потому что Москва достанется тогда вору, и патріархъ будетъ отвѣчать за эту бѣду». Изъ этихъ словъ видно, что бояръ нельзя винить за преступную наивность, будто-бы допустившую Жолкѣвскаго занять Москву. Страхъ передъ самозванцемъ, а не наивность, заставили бояръ отдать Москву полякамъ. Бояре, своими раздорами и презрѣніемъ къ народу, поставили себя въ такое опасное положеніе между двухъ огней, въ какомъ они не бывали и при Грозномъ. Жолкѣвскій, вступивъ въ Москву, легко пріобрѣлъ расположеніе стрѣльцовъ, ненавидѣвшихъ своихъ бояръ, да и положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ дѣлалось труднѣе и труднѣе. Сигизмундъ не думалъ отпускать сына въ Москву, а относительно перемѣны вѣры говорилъ, что это дѣло Владислава, когда онъ возмужаетъ. Канцлеръ Левъ Сапѣга сказалъ прямо: *королевичъ крещенъ и другого крещенья не будетъ.* При такихъ обстоятельствахъ Жолкѣвскій оставилъ Москву. Когда онъ прибылъ въ станъ короля подъ Смоленскъ, послы русскіе жаловались, что договоръ несоблюдается; но Жолкѣвскій отвѣчалъ: «всѣ статьи, мною подписанныя, королемъ исполняются. Вы просите, чтобы король отступилъ отъ Смоленска; но развѣ я могу приказывать моему Государю?» Отъ пословъ требовали, чтобы они приказали Шеину сдать Смоленскъ. Голицынъ, Филаретъ и дьякъ Луговскій энергично отвергали это требованіе; но вскорѣ среди посольства оказались раздвоенія и часть посольства оставила лагерь, несмотря на убѣжденія Филарета. Сигизмундъ настаивалъ, чтобы присягали ему; настойчивость Сигизмунда повліяла на многихъ. Онъ распоряжался уже какъ Московскій Царь: князю Ѳедору Мстиславскому далъ санъ конюшаго; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ просилъ его о прибавкѣ деревнишекъ; Инокиня Марѳа, мать царевича Димитрія, приносила Сигизмунду жалобу на дурное содержаніе. Въ Москвѣ именемъ короля распоряжались Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій купецъ-кожевникъ, получившій званіе думнаго дворянина въ Тушинѣ. Подъ Смоленскомъ онъ пріобрѣлъ довѣріе короля, который назначилъ его товарищемъ казначея Головина. Въ казнѣ царской были литаго золота изображенія Христа и 12 апостоловъ; говорятъ, что еще Шуйскій велѣлъ перелить апо-

стольскія изображенія въ монету для уплаты жалованья шведскому вспомогательному войску; изображеніе Спасителя, оцѣненное въ 36 т. червонцевъ, перелито было въ монету для удовлетворенія польскихъ отрядовъ Гонсѣвскаго. Андроновъ былъ главнымъ совѣтникомъ Гонсѣвскаго, это оскорбило даже Михаила Салтыкова, который черезъ Сапѣгу напоминалъ королю о своихъ заслугахъ. Путаница въ дѣлахъ была страшная, въ города писали, чтобы присягали Владиславу, а въ Москву грамоты шли отъ Сигизмунда, которому и требовалась присяга.

Предвидя возможность смуты въ Москвѣ, Гонсѣвскій вывелъ изъ Москвы 18 т. стрѣльцовъ и послалъ ихъ охранять границы отъ шведовъ. Между тѣмъ во Псковѣ держались приверженцы самозванца, Казань и Вятка цѣловали крестъ самозванцу, а пермяки ждали минуты, чтобы подняться за общее дѣло; города, готовые перейти на сторону царика, переписывались между собою. Вдругъ разнеслась вѣсть, что 11 декабря 1610 г. калужскій царикъ убитъ крещенымъ татариномъ Урусомъ, изъ личной мести.

Пока живъ былъ самозванецъ, двѣ анархическія партіи стояли другъ противъ друга—партія холопско-казацкая съ ея цариками, которая могла разрушить старый порядокъ и старыя сословныя отношенія, но которая, послѣ торжества, распалась бы на множество партій и, при охлократіи, т. е. господствѣ черни, она, по существу ея, привела-бы къ тираніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Столь-же опасенъ былъ олигархическій анархизмъ второй партіи—боярства, среди котораго такъ много было охотниковъ до захвата верховной власти и такъ мало людей, которые смогли-бы сдѣлать изъ этой власти что-либо полезное.

Олигархія возбуждала къ себѣ всеобщее недовѣріе. Извѣстный ученый Б. Чичеринъ въ своемъ сочиненіи о народномъ представительствѣ говоритъ: «бояре не разъ старались, при выборѣ царя, ограничить его извѣстными условіями. Но эти стремленія не находили отголоска въ землѣ, которая справедливо предпочитала самодержавіе олигархіи. Въ выборныхъ отъ другихъ сословій цари всегда находили опору противъ олигархическихъ притязаній боярства». (О народномъ представительствѣ, стр. 366). Момзенъ, авторъ Римской Исторіи, по поводу слѣдствія объ убійствѣ Друза, говоритъ, что дѣло ясно было и безъ слѣдствія: кинжалъ, поразившій Друза, былъ тотъ-же самый, которымъ то и дѣло наносила себѣ раны Римская знать. Такихъ ранъ много нанесло себѣ и русское боярство, возбудивъ противъ себя всеобщую ненависть, что и дало возможность Жолкѣвскому, въ нѣсколько недѣль овладѣть умами стрѣльцовъ. Въ Москвѣ къ боярамъ—недовѣріе, въ другихъ городахъ—недовѣріе и ненависть. Они-же при такихъ обстоятельствахъ, съ одной стороны боятся всего, съ другой—надѣются еще властвовать и выбираютъ кандидатовъ на престолъ по своему вкусу.

Своекорыстіе и раздоръ боярскихъ партій вызвали на сцену среднюю партію, ее называютъ земскою. Эта партія была собственно партіей дѣтей боярскихъ и дворянъ городовыхъ, къ которымъ пристали и дворяне Московскіе. Во главѣ этой партіи стоялъ Рязанскій дворянинъ, Прокофій Ляпуновъ, человѣкъ выдающихся способностей, энергическій, не любившій уступать перваго мѣста, ненавидѣвшій бояръ. Возстаніе Ляпунова въ Рязани вызвало сильное движеніе. Ляпуновъ до января 1611 г. былъ вѣренъ Владиславу; но эту вѣрность поколебали грамоты изъ Смоленскихъ волостей, въ которыхъ жаловались на жестокости ляховъ, ихъ грабежи и между прочимъ смольняне писали—«не надѣйтесь видѣть Владислава царемъ, въ Польшѣ положено овладѣть всею Московскою землею, опустошивъ ее вдоль и поперекъ, и вывесть всѣхъ лучшихъ людей». Изъ Москвы эти грамоты пошли по городамъ. Москвичи къ этимъ грамотамъ присовокупляютъ свои добавленія; они выставляли на первый планъ, сообразно характеру движенія, религіозное значеніе Москвы. Нижегородцы первые вступили въ сношеніе съ Ляпуновымъ. Ляпуновъ имъ отвѣчалъ: «мы давно писали *Московскимъ боярамъ*, что они отъ Бога отступили, по своему договорному слову и по крестному цѣлованію, на чемъ имъ Гетманъ крестъ цѣловалъ, ничего не совершили». Грамоты смольнянъ и москвичей прошли изъ Нижняго до Ярославля, Ярославцы немедленно выслали три отряда къ Москвѣ; изъ Нижняго-же пошли грамоты въ Кострому, Муромъ, Владиміръ; изъ Ярославля—въ Угличъ, Кашинъ, Романовъ; изъ Владиміра въ Суздаль, въ Переяславль Залѣсскій, въ Ростовъ. На площадяхъ читались эти грамоты, и жители вездѣ давали присягу стоять за православную вѣру. Изъ Костромы пошли грамоты въ Галичъ, изъ Галича въ Солигаличъ, отсюда въ Тотьму, изъ Тотьмы въ Устюгъ. Отсюда списки съ грамотъ смоленскихъ, нижегородскихъ, московскихъ пошли въ Вологду, откуда въ поморскіе пригороды.

Естественно, что въ Москвѣ бояре, которымъ Ляпуновъ бросилъ въ глаза названіе измѣнниковъ, переполошились. Они составили приговоръ, чтобы послы подъ Смоленскомъ исполнили требованія Сигизмунда а отъ Ляпунова потребовали, чтобы онъ прекратилъ сборъ ополченія. Грамоту понесли къ подписи Гермогену, но принудить его подписать грамоту не могли. Грамоту послали подъ Смоленскъ безъ подписи патріарха; но Голицынъ и Филаретъ заявили, что безъ патріаршей подписи для нихъ грамота не имѣетъ значенія. Посламъ за упрямство, какъ поляки называли ихъ твердость, приказали собираться въ Вильну, говоря, что о возвращеніи въ Москву они бы и не думали; но и эта угроза не подѣйствовала. «Насильно везти могутъ», отвѣчалъ Филаретъ, «но добровольно не поѣдемъ». Ляпуновъ также не слушался и готовился къ походу. Салтыковъ съ боярами требовали, чтобы Патріархъ написалъ ратнымъ людямъ не ходить къ Москвѣ; и здѣсь бояре встрѣтили

отпоръ, притомъ еще болѣе энергичный. «Напишу», отвѣчалъ Гермогенъ, «когда литовскіе и польскіе люди выдутъ изъ Московскихъ предѣловъ».

Въ Москвѣ съ часу на часъ ждали возстанія, поляки принимали мѣры предосторожности. Вѣроятно, поляки получили свѣденія, что 19 марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ готовится возстаніе и, дѣйствительно, въ Москву пробрались ратные люди отъ Ляпунова, явились и вожди, Бутурлинъ, Колтовской и князь Димитрій Пожарскій. Поляки стали таскать пушки на башню. Одинъ ротмистръ хотѣлъ заставить извощиковъ помогать, тѣ отказались, завязалась ссора. Нѣмцы, измѣнившіе Шуйскому подъ Клушинымъ, бросились на русскихъ, и началось избіеніе безоружнаго народа. Однако Пожарскій вогналъ поляковъ въ Китай-Городъ и въ Кремль, и самъ засѣлъ на Лубянкѣ въ Острожкѣ; Бутурлинъ стоялъ у Яузскихъ воротъ, Колтовской въ Замоскворѣчьѣ. Поляки, по совѣту Салтыкова, зажгли Москву. Цѣлую ночь горѣлъ Бѣлый Городъ. Было свѣтло, какъ днемъ. На утро въ середу поляки зажгли Замоскворѣчье. Въ городѣ на Лубянкѣ шла кровавая битва, князь Димитрій Михайловичъ геройски отражалъ нападенія поляковъ и наконецъ весь израненный, истекая кровью, отвезенъ былъ въ Троицкую лавру. Въ четвергъ было тихо. Въ пятницу подошли къ Москвѣ казаки Просовецкаго. Гонсѣвскій сдѣлалъ вылазку, но неудачно.

Ляпуновъ былъ уже близко, съ нимъ соединился казацкій вождь Заруцкій и Тушинскій бояринъ, князь Димитрій Трубецкой; даже Янъ Сапѣга предложилъ свое содѣйствіе. Упрекаютъ Ляпунова, что онъ вступилъ въ союзъ съ такими сомнительными личностями. Но что же ему было дѣлать? Вооружить противъ себя отказомъ, это равносильно было отреченію отъ начатія дѣла. 1 Апрѣля 1611 г. Ляпуновъ съ Трубецкимъ и Заруцкимъ обложили Москву, и вскорѣ поляки очутились въ затруднительномъ положеніи. «Рыцарству», писали изъ Москвы подъ Смоленскъ, «большая тѣснота на Москвѣ, сидятъ въ Китаѣ-Городѣ и во Кремлѣ, въ осадѣ».

Въ лагерѣ осаждающихъ Ляпунову, князю Трубецкому и Заруцкому вручена была ополченцами власть завѣдывать всѣми ратными и земскими дѣлами. Бояре, дѣти боярскіе, собравшіеся около нихъ, составляли родъ Земской Думы.

Подъ Смоленскомъ, какъ только узнали о возстаніи Ляпунова, привели въ исполненіе давнишнюю угрозу: пословъ—Голицына и Филарета, вопреки международному праву, въ апрѣлѣ отправили, какъ плѣнниковъ, въ Литву; въ дорогѣ они терпѣли крайнюю нужду. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было во что-бы то ни стало взять Смоленскъ: со 2 на 3 іюня сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ и черезъ проломъ, поляки ворвались въ городъ. Король, взявши Смоленскъ, распустилъ войско и возвратился въ Варшаву; Шеинъ отправленъ плѣнникомъ въ Литву.

Черезъ мѣсяцъ Новгородъ заняли шведы. Одинъ изъ русскихъ воеводъ, Бутурлинъ, вступилъ въ переговоры съ Делагарди и предложилъ избрать одного изъ королевичей шведскихъ, Филиппа или Густава-Адольфа, въ русскіе цари. Бутурлинъ ненавидѣлъ поляковъ, съ Делагарди подружился еще въ Москвѣ, онъ и посовѣтовалъ Делагарди занять Новгородъ. Неизвѣстно, былъ-ли Бутурлинъ самовольный и самонадѣянный человѣкъ, который, не посовѣтовавшись ни съ духовенствомъ, ни съ боярами, ни съ земскими людьми, затѣялъ такое важное дѣло самъ по себѣ; но его затѣя дорого обошлась Россіи. Новгородъ захваченъ былъ Шведами 8-го іюля.

Псковскую землю опустошали въ это время Лисовскій и шведы, къ довершенію бѣдствія въ Псковской области явился новый Воръ Сидорка, принявшій имя Димитрія и расказывавшій нелѣпыя басни о своемъ спасеніи. Псковичи рѣшили, что лучше покориться завѣдомому Вору, чѣмъ иноземцу.

Занятіемъ Смоленска и Новгорода не кончились бѣдствія русской земли.

Въ томъ-же іюлѣ, когда былъ взятъ Новгородъ, несчастіе постигло вождя ополченія подъ Москвою. Гонсѣвскій, предводитель поляковъ, засѣвшихъ въ Москвѣ, ясно видѣлъ опасность для поляковъ отъ такого энергическаго вождя, какъ Прокофій Ляпуновъ. Зная, что казаки и предводитель ихъ, Заруцкій, ненавидятъ Ляпунова, строго требовавшаго прекращенія грабежей, онъ велѣлъ сочинить грамоту отъ имени Ляпунова, въ которой земскимъ людямъ велѣно было бить и топить казаковъ. Эта грамота искусно была доставлена казакамъ, которые пришли въ страшное раздраженіе и потребовали, чтобы Ляпуновъ явился въ казацкій кругъ и далъ объясненіе. Ляпуновъ отрицалъ подпись его фамиліи на грамотѣ и самую грамоту; но казаки, уже сильно возбужденные, умертвили его 25 іюля, самымъ жестокимъ образомъ. Такъ передаютъ дѣло одни источники, но другія указываютъ виновниковъ смерти Ляпунова среди бояръ. Земскіе люди толпами побѣжали изъ лагеря, изъ нихъ образовались партизанскіе отряды, подъ именемъ *шишей*, которые приняли дѣятельное участіе въ дальнѣйшей борьбѣ съ поляками.

Черный 1611 годъ остался въ памяти русскихъ и лѣто этого-же года, въ которое Смоленскъ 3 іюня былъ взятъ Сигизмундомъ, Новгородъ 8 іюля шведами и 25 іюля убитъ Ляпуновъ, прозвано Лихолѣтьемъ, а не Ляхолѣтьемъ, какъ многіе пишутъ.

Послѣ смерти Ляпунова, Заруцкій и Димитрій Трубецкой остались подъ Москвою, но они не могли помѣшать Яну Сапѣгѣ пробиться въ Москву, гдѣ Янъ Сапѣга умеръ 14 сентября, въ Кремлѣ, въ домѣ Шуйскаго, потомъ подошелъ гетманъ Ходкѣвичъ, но онъ долженъ былъ отступить. Ополченіе русское держалось, благодаря польскому безпорядью. Но ополченіе, оставшееся подъ Москвою и потерявшее Ляпунова, встрѣтило сильное порицаніе со стороны земскихъ

людей. Въ Казанской грамотѣ, призывавшей поволжскіе города къ возстанію противъ поляковъ, Ляпуновъ названъ поборникомъ по Христовой вѣрѣ, убитымъ клятвопреступниками.

Эта казанская грамота написана была подъ вліяніемъ Діонисія, архимандрита Троицкаго монастыря. Онъ еще при жизни Ляпунова послалъ въ Казань, въ Великій Новгородъ, на Поморье, въ Вологду и Пермь грамоты съ призывомъ ополчиться, объясняя смыслъ и цѣль Ляпуновскаго возстанія. Осенью снова пошли грамоты изъ Троицкаго монастыря, призывавшія на помощь князю Димитрію Трубецкому и Заруцкому.

Осенью 1611 г. одна изъ такихъ грамотъ достигла Нижняго-Новгорода и произвела сильное впечатлѣніе. Въ соборѣ протопопъ Савва увѣщевалъ всѣхъ стать за вѣру и прочелъ Троицкую грамоту. Послѣ протопопа къ народу обратился земскій староста Кузьма Mининъ Сухорукій и произнесъ вѣчно памятныя слова свои: «Захотимъ помочь Московскому Государству, такъ не жалѣть имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы вступился за православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ».

На сходкахъ Мининъ продолжалъ свои увѣщанія. Стали говорить, что дѣлать? Ополчаться былъ отвѣтъ. Гдѣ денегъ взять? Мининъ и его земскіе товарищи дали третью часть своего имущества. Пожертвованій стали требовать отъ всѣхъ; кто не давалъ—брали силою. Вождемъ выбрали князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, такъ мужественно бившагося съ поляками среди пылающей Москвы. Отъ Троицы, гдѣ онъ лечился, онъ пріѣхалъ долечиваться въ село Пурѣхъ Суздальскаго уѣзда. Пожарскій согласился и потребовалъ, чтобы казначеемъ былъ при немъ Кузьма Мининъ. По дорогѣ въ Нижній Пожарскій встрѣтилъ смоленскихъ, дорогобужскихъ и вяземскихъ дворянъ, выгнанныхъ изъ своихъ помѣстій поляками; онъ принялъ ихъ въ ополченіе. Повсюду пошли Грамоты отъ Нижегородскаго ополченія. Первое ополченіе не отрицалось отъ присяги Владиславу при извѣстныхъ условіяхъ; но въ грамотахъ втораго ополченія прямо говорилось: «Мы всякіе люди Нижняго Новгорода утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринку и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ Государи на Московское Государство не хотимъ, точно также и Литовскаго короля». Изъ этой грамоты видно, что основа ополченія состояла изъ горожанъ и сельчанъ, къ которымъ присоединились дворяне. И такъ, это было возстаніе *мезинныхъ* людей, говоря языкомъ лѣтописи о временахъ Всеволода III.

Передъ выступленіемъ въ 1612 г. въ походъ, Кузьма Мининъ принялъ званіе выборнаго, но съ условіемъ, чтобы ему и князю Пожарскому—повиноваться; давать денегъ, сколько будетъ нужно

на содержаніе ратныхъ людей и съ правомъ брать силою у того, кто не будетъ давать.

Въ Нижній пришли ополченцы изъ Коломны, изъ Рязани, служилые люди изъ Сѣверской Украины, казаки служившіе Шуйскому; только съ Казанью дѣло разладилось, ибо она претендовала на первое мѣсто среди поволжскихъ городовъ; но размолвки съ Казанью на общій ходъ дѣлъ вліянія не имѣли.

«*Послѣдніе люди* собрались и пошли противъ безбожныхъ Латинъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, поясняя рѣчь современника, это были послѣдніе люди Московскаго Государства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности: но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ и долженъ былъ сокрушиться» (Соловьевъ, Т. VIII, стр. 461, изд. 2-е). Г-нъ Забѣлинъ выражается еще энергичнѣе: «Народъ пошелъ усмирять бунтъ *служилыхъ* людей, забывшихъ, добавимъ, что они уже *не дружинники*. Когда приближался конецъ смуты, она грозила воскреснуть вновь. Пожарскій не пошелъ ближайшимъ путемъ, на Владиміръ, по краю раззоренному, но благоразумно предпочелъ путь по Волгѣ, гдѣ онъ изъ нераззореннаго края, могъ получать помощь и людьми, и припасами. Черезъ Балахну, Юрьевецъ-Поволжскій, Решму и Кинешму ополченіе достигло Костромы, гдѣ воевода Шереметевъ, державшій сторону Владислава, былъ низверженъ жителями, которые впустили въ городъ ополченіе Пожарскаго. На пути къ Костромѣ, къ Пожарскому пришла отъ Д. Трубецкаго и Заруцкаго Грамота, въ которой козаки раскаявались, что они присягали Псковскому Вору, но теперь они убѣдились въ обманѣ, что это не тотъ человѣкъ, который былъ въ Тушинѣ и Калугѣ. Разумѣется Пожарскій и Мининъ не повѣрили этому раскаянію; но отпустили съ честію ихъ посла и приказали сказать козакамъ, что идутъ подъ Москву къ нимъ на помощь. Заруцкій, увѣряя Пожарскаго въ своемъ раскаяніи, въ то же время послалъ Просовецкаго занять Ярославль до прихода Пожарскаго; но послѣдній, къ счастью, успѣлъ предупредить Просовецкаго и вступилъ въ Ярославль. Занявъ Ярославль, князь Пожарскій разослалъ Грамоты по городамъ, моля о помощи, ратные люди прибывали, а жалованья платить было нечѣмъ.

Въ Ярославль прибыли послы изъ Новгорода, но Пожарскій отказался вступить въ какіе бы то нибыло обязательства относительно шведскаго принца. Пожарскій между прочимъ тогда сказалъ: «еслибъ теперь былъ здѣсь такой столпъ, какъ князь Василій Голицынъ, то за него-бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло помимо его не взялся бы, а теперь меня къ такому дѣлу бояре и вся земля принудили». Этотъ отвѣтъ долженъ былъ нравиться самолюбію бояръ, которое Пожарскій и Мининъ всячески щадили. Въ Грамотахъ князь

Пожарскій подписывался на десятомъ мѣстѣ, а за Минина онъ-же прикладывалъ руку на пятнадцатомъ. Въ то время, когда Пожарскій готовился выступить изъ Ярославля, онъ едва не сдѣлался жертвою казацкаго заговора и только случай избавилъ его отъ участи Ляпунова, а Россію отъ возобновленія смуты: казакъ, подосланный Заруцкимъ, промахнулся и ранилъ другого казака, стоявшаго близъ Пожарскаго. Ополченіе двинулось въ походъ и, подступивъ къ Москвѣ, отказалось стать въ одномъ лагерѣ съ Трубецкимъ, у котораго въ лагерѣ было много казаковъ. — Заруцкій-же, узнавъ о движеніи Пожарскаго, удалился въ Коломну, гдѣ тогда жила Марина съ сыномъ.—Удаленіе Заруцкаго чрезвычайно облегчило дѣло Пожарскаго. 21 Августа Пожарскій узналъ о движеніи къ Москвѣ Польскаго Гетмана Хоткѣвича на помощь Гонсѣвскому. 22 Августа Хоткѣвичъ, послѣ упорнаго сраженія долженъ былъ отступить. 23 Августа поляки сдѣлали удачную, но безполезную по послѣдствіямъ, вылазку. 24 числа съ утра шла битва и, благодаря раздору казаковъ съ дворянами, едва не была проиграна. Ополченіе спасли отъ пораженія два человѣка — келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ и Кузьма Мининъ. Авраамій, именемъ Бога и Св. Сергія, уговорилъ козаковъ не дать погибнуть начатому дѣлу, а Кузьма Мининъ съ нѣсколькими сотнями конниковъ ударилъ на поляковъ внезапно, смялъ ихъ передовые конные отряды и увлекъ за собою русскую пѣхоту. На другой день Хоткѣвичъ отступилъ къ Можайску. Подъ Москвой опять думали затѣять смуту. Пожарскій въ Грамотѣ своей называетъ виновниковъ—Ивана и Василія Шереметевыхъ, да князя Григорія Шаховскаго. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они подговаривали его, Пожарскаго, убить, причемъ утверждаетъ, что Прокофій Ляпуновъ убитъ *отъ завода тѣхъ-же Ивана Шереметева и князя Григорія Шаховскаго* (И. Р. Соловьева. Т. VIII, стр. 489—490. Изд. 2-е). Они подговаривали козаковъ бросить московскій лагерь и захватить Ярославль, Вологду и другіе сѣверные города. Казаковъ отъ такого дѣла отклонилъ Троицкій архимандритъ Діонисій, пославшій козакамъ въ закладъ церковныя сокровища; козакамъ стало совѣстно брать церковныя вещи, они отослали ихъ назадъ, давши клятву все претерпѣть, а отъ Москвы не уходить. Но другіе козаки изъ лагеря Ходкѣвича захватили Вологду, о чемъ Пожарскому, отъ 22 Сентября, писалъ Вологодскій Епископъ. Подъ Москвою все дѣло воеводъ состояло въ томъ, чтобы не пропустить съѣстныхъ припасовъ къ осажденнымъ, среди которыхъ голодъ достигнулъ крайней степени. До второй половины Октября ничего важнаго не случилось, 22 Октября козаки пошли на приступъ и взяли Китай-Городъ. Поляки заперлись въ Кремлѣ и приказали всѣмъ русскимъ людямъ выслать вонъ изъ Кремля своихъ женъ и дѣтей. Пожарскій принялъ ихъ ласково. Черезъ мѣсяцъ сдались и поляки, выпустивъ напередъ бояръ: Ивана Ни-

китича Романова съ племянникомъ Михаиломъ и его матерью инокинею Мареою, князей Мстиславскаго и Воротынскаго.

27 Ноября 1612 г. въ Москвѣ, послѣ обѣдни служили торжественно благодарственный молебенъ за освобожденіе Москвы.—Но освобожденную Москву застали въ ужасномъ положеніи. Въ церквахъ, говорятъ современники, съ образовъ ризы были ободраны, стояли чаны съ изрубленными человѣческими трупами, приготовленными для пищи. Картина эта, конечно, нарисована черезъ-чуръ мрачными красками и потому неправдоподобна. Сигизмундъ сдѣлалъ было попытку помочь полякамъ въ Москвѣ, но было уже поздно и онъ, дошедъ до Волоколамска, возвратился ни съ чѣмъ. Князь Мстиславскій и другіе бояре, бывшіе съ нимъ въ плѣну, спѣшили уѣхать изъ Москвы.

По городамъ послали Грамоты съ призывомъ выборныхъ для избранія Царя. Прежде всего рѣшено было иноземныхъ принцевъ на престолъ не выбирать, ибо видѣли уже неправду отъ королей Литовскаго и Шведскаго. Первый раззорилъ Государство, второй обманомъ взялъ Новгородъ. Стали выбирать изъ своихъ; тогда, по свидѣтельству Палицына, начались волненія, каждый хотѣлъ выбрать Царя по своему желанію, каждый говорилъ за своего кандидата. Но вотъ прочли письмо какого-то Галичанина изъ дѣтей боярскихъ, который подавалъ свой голосъ за Михаила Феодоровича Романова, шестнадцати-лѣтняго юношу. За это имя стали дѣти боярскіе, дворяне, выборные отъ городовъ и посадовъ; поэтому избраніе Михаила Феодоровича состоялось.

Причины быстраго избранія Михаила Феодоровича Романова были слѣдующія: 1) Опасеніе возобновленія смуты; 2) Родство этой фамиліи съ Грознымъ; 3) заслуги этой фамиліи княжеству московскому; 4) указаніе на Михаила недавно умершаго Гермогена, замученнаго поляками; другой-же кандидатъ патріарха, князь Василій Голицынъ, умеръ въ плѣну; 5) Непричастность Михаила дѣламъ смутной эпохи. Для успокоенія Россіи весьма важно было то обстоятельство, что изъ трехъ главныхъ фамилій, боровшихся за престолъ, по смерти Феодора Іоанновича, Романовымъ, пришлось занять престолъ послѣ Годунова и Шуйскаго, когда смута довела всѣ партіи до изнеможенія, когда русская земля *наказалась*, какъ выразились московскіе послы, предъ инокиней Мареой. Поэтому русская земля, въ лицѣ земскихъ соборовъ, и охранила молодого и неопытнаго царя.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, съ чѣмъ однако нельзя согласиться, что Филаретъ изъ своего заключенія въ Маріенбургѣ руководилъ, посредствомъ Ѳ. И. Шереметева, выборами на престолъ своего сына Михаила. Во-первыхъ, трудно предположить частую переписку Филарета изъ Маріенбурга, что при устьѣ Вислы, съ Москвою, а безъ частой переписки дѣятельное руководительство вы-

борами было невозможно. Когда могла начаться переписка объ избраніи Михаила? Ноября 22-го освобождена Москва, а 13 февраля Михаилъ былъ уже избранъ. Во-вторыхъ, если Ѳ. И. Шереметевъ переписывался съ Филаретомъ и Голицынымъ, то переписка не могла быть откровенной: Шереметевъ, сидѣлъ въ Думѣ, какъ приверженецъ Сигизмунда. У него въ глазахъ былъ примѣръ князя Андрея Голицына, умерщвленнаго поляками только за упрекъ ихъ поведенію. Ѳ. И. Шереметевъ не могъ даже очень храбро дѣйствовать и по взятіи русскими Кремля. Страхъ передъ Сигизмундомъ былъ такъ великъ, что когда онъ двинулся съ 2 т. войска на Москву, то и выборы прекратились и возобновились только когда онъ отступилъ.

Кромѣ того до присяги Сигизмунду Ѳ. И. Шереметевъ, какъ многіе изъ его предковъ былъ приверженцемъ Шуйскихъ, потомъ другомъ В. В. Голицына. Письмо его къ послѣднему—*выберемъ* ***Мишу Романова****, онъ еще молодъ и разумомъ не дошелъ, и намъ* (*боярамъ?*) *будетъ повадно*, носитъ двусмысленный характеръ. Когда послѣ избранія Михаила, Ѳ. И. Шереметева просили, чтобы онъ торопилъ свою тетку, мать вновь избраннаго Царя, инокиню Марѳу, спѣшить въ Москву, онъ отвѣчалъ: «Я считаю своею обязанностію быть нейтральнымъ. Если юность Михаила послужитъ причиною несчастій для государства, то я останусь со спокойной совѣстью». Эта перемѣна тона произошла, безъ сомнѣнія оттого, что Ѳ. И. Шереметевъ увидалъ, что большинство бояръ не за Михаила. Избраніе на царство Михаила было дѣломъ земскимъ, а не боярскимъ, хотя бояре, противившіеся избранію и волновались, но опасное положеніе государства заставляло бояръ покориться, хотя наружно, избранію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи жители доходили до отчаянія. Такъ жители сѣверной окраины—Двинской земли вошли въ сношенія съ агентомъ англійскаго торговаго общества и изъявили ему желаніе отдаться въ руки англійскаго короля. Они дѣлали, говоритъ агентъ, это заявленіе, видя со стороны Польши одну вражду, а со стороны Швеціи невѣрность обѣщаніямъ. Агентъ въ донесеніи къ своему правительству называетъ означенное предложеніе—величайшимъ и счастливѣйшимъ когда либо сдѣланнымъ кому-либо изъ англійскихъ королей, со временъ выгоднаго предложенія Колумба Генриху VII. Агентъ просилъ свое правительство размыслить, какъ подобное дѣло привести въ исполненіе и принять-ли сѣверный край Россіи въ подданство короля Англіи, или только подъ покровительство, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дозволенія заявить со стороны короля, что желаніе русскихъ будетъ выслушано. (См. Московія Джона Мильтона, со статьею и примѣчаніями Юрія Васильевича Толстого, стр. 75 и слѣд.: Проэктъ взятія Московскаго Государства подъ покровительство Англіи, предложенный Джономъ Мерикомъ). Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн при Московскомъ университетѣ.

Раззореніе Россіи, страшное экономическое бѣдствіе вполнѣ выразилось при самомъ воцареніи Михаила Ѳеодоровича Романова. 14 Марта посольство предстало въ Ипатьевскомъ монастырѣ и слезно умоляло инокиню Марѳу благословить ея сына на престолъ. Отказа ея нельзя приравнять къ обычному, въ такихъ случаяхъ отказу: значительную долю играло искреннее опасеніе за судьбу сына. 19 Марта новоизбранный Царь выѣхалъ изъ Костромы и уже, достигнувъ Троицы, не хотѣлъ ѣхать далѣе въ виду грабежей, убійствъ и всякихъ непорядковъ. Ѣхали медленно и Царь объяснилъ самъ причину этому: «ѣдемъ медленно затѣмъ, что подводъ мало, служилые люди худы (т. е. бѣдны): многіе стрѣльцы, козаки и дворовые люди идутъ пѣшкомъ». Финансовое положеніе Россіи было дѣйствительно бѣдственно: доходы собирались только отъ добровольныхъ даяній на ополченіе, или насильственными мѣрами; масса населенныхъ имѣній, которые выпрашивались у Сигизмунда и на владѣнія которыми онъ давалъ грамоты, перешла къ его приверженцамъ. Разумѣется, изъ этихъ имѣній ни одного алтына не шло на общее дѣло.

ГЛАВА XVIII.

Михаилъ Өоодоровичъ царствовалъ съ 1613—1645 г. При вступленіи его на царство, сѣмена смуты однако исчезли далеко не вдругъ, иначе и быть не могло; при началѣ избранія Царя большинство бояръ стояло за Голицына, Воротынскаго и Шуйскаго, дальняго родственника царя Василія. Земскій Соборъ отвергъ ихъ изъ справедливаго опасенія новыхъ смутъ, которыя повели бы къ окончательному паденію государства; но приверженцы этихъ кандидатовъ еще волновались. Псковскій лѣтописецъ говоритъ о *владущихъ* т. е. о боярахъ, что они, забывъ свои бѣды, начали снова насилія, мздоимства, а Царя ставили ни во что и не боялись его, ***понеже дѣтескъ сый***, т. е. былъ очень юнъ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что какъ посадили Михаила на царство, привели его къ присягѣ, что ежели за кѣмъ изъ ихъ вельможескаго и боярскаго роду и будетъ вина, то смертію не казнить, а ограничиться ссылкою. Котошихинъ говоритъ, что всѣ цари послѣ Грознаго давали записи безъ суда и вины никого не казнить, о всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ боярами и съ думными людьми, безъ ихъ совѣта никакихъ дѣлъ тайно и явно не дѣлать. Такъ было до Алексѣя Михайловича, отецъ котораго хотя писался *самодержецъ*, однако безъ боярскаго совѣта ничего не могъ дѣлать; то же говоритъ и историкъ Татищевъ. Но это не совсѣмъ точно: до Михаила Өеодоровича только одинъ Шуйскій давалъ такую присягу.

Иностранцы Страленбергъ и Фоккеродтъ говорятъ, что Михаилъ Өедоровичъ подписалъ рядъ условій, ограничившихъ его власть. Объясненія перваго не точны; изъ словъ же Фоккеродта видно, что власть царя ограничили только бояре. Замѣчательно, что Филаретъ, еще не зная, что выборъ падетъ на его сына, совѣтовалъ ограничить власть Царя. Но бояре, возобновивъ свои хищенія, притѣсненія народа, сами разрушили свои замыслы.

Люди, близкіе къ Михаилу Өедоровичу, чтобы обуздать боярство и еще болѣе закрѣпить нравственную связь земель московскаго

царства, присовѣтовали послѣдовать примѣру Грознаго и опереться на Земскія Соборы. Опора оказалась столь сильна, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступившій на престолъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ, первый изъ государей, внесъ (въ 1625 г.) въ титулъ слово Самодержецъ. Этой опоры Михаилъ Ѳеодоровичъ не выпускалъ изъ рукъ во все свое царствованіе. Земскіе Соборы при немъ до 1623 г. не прерывались. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется ненависть боярства къ этимъ Соборамъ, разрушившимъ ихъ олигархическіе планы.

Земскій Соборъ, созванный въ 1613 году, не расходился нѣсколько лѣтъ сряду; онъ продолжалъ засѣдать 3 года 1613—1615 гг., въ концѣ послѣдняго, велѣно было созвать новыхъ выборныхъ.

До въѣзда въ Москву Михаила Ѳеодоровича, 2-го мая 1613 г., Земскій Соборъ исполнялъ всѣ обязанности Верховной власти, посылая Царю отписки о своихъ распоряженіяхъ—былъ какъ бы намѣстникомъ вновь избраннаго царя.

Соборъ 1613 г. обратился съ воззваніемъ къ Строгановымъ о денежной помощи Государству; въ 1614 г. З. Соборъ отправилъ Грамоты къ Волжскому казачеству, одну отъ духовныхъ членовъ Собора, другую отъ свѣтскихъ, съ увѣщаніемъ не приставать къ Заруцкому, который въ Астрахани провозгласилъ царемъ сына Марины. Въ этой Грамотѣ говорится прямо, что Михаилъ принялъ царство по челобитью освященнаго Собора и насъ бояръ, и окольничихъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ и казаковъ, и всякихъ чиновъ всего царства. Такимъ образомъ въ земскомъ Соборѣ 1613—15 г. соединенъ былъ авторитетъ церкви въ лицѣ духовныхъ сановниковъ, и авторитетъ земскихъ представителей, которые всегда имѣли силу сдержать своекорыстные порывы бояръ, поставленныхъ, такимъ образомъ, между сановниками Церкви и земскима выборными. Въ 1615 г. «по Царскому указу и всей земли приговору» предписано было взять со всѣхъ жителей всего Государства со всякихъ людей, съ животовъ собирати служивымъ людямъ на жалованье деньги пятая доля, т. е. 20% налогу съ имущества. Такой чрезвычайный налогъ могъ быть наложенъ и собранъ только по чрезвычайному авторитету вышеозначеннаго Собора. Казанскій профессоръ Загоскинъ, въ своемъ сочиненіи Исторія Права Московскаго Государства, замѣчаетъ, что въ нормальныя эпохи жизни вышеозначенная формула—по царскому указу и приговору всей земли—замѣнялась такой формулой — «по царскому указу и *по боярскому* приговору». (Т. I, стр. 249).

Послѣдняя формула укрѣпилась въ царствованіи Алексѣя Михайловича, когда боярство думало воскресить свои односторонніе притязанія *).

*) Трехлѣтняя сессія Собора 1613, 1614 и 1615 гг. можно назвать четырехлѣтнею, если принять во вниманіе, что основу ему положилъ Соборъ въ 1612 г., который Пожарскій привелъ изъ Ярославля.

Слѣдующая трехлѣтняя сессія 1616, 1617 и 1618 гг. продолжали дѣло первой сессіи. Въ 1616 г. состоялся приговоръ опять собрать 20% съ имущества жителей, занимающихся промыслами или торговлею, съ земледѣльцевъ большой единовременный поземельный налогъ съ сохи; но такъ какъ размѣръ сохи, поземельной единицы, въ разныхъ частяхъ Россіи былъ неодинаковъ, то и размѣръ суммы всего налога опредѣлить невозможно. Но едва-ли онъ былъ не тяжелѣе двадцати-процентнаго налога на капиталы и промыслы.

Въ 1617 г. возникъ спеціальный вопросъ по торговому дѣлу, вышеупомянутый Джонъ Мерикъ, составлявшій Проэктъ протектората Англіи надъ Россіей, оказалъ услугу Россіи при заключеніи мира со Швеціей. За эту не безкорыстную, услугу, Джонъ Мерикъ требовалъ пропуска англичанъ съ товарами безданно, безпошлинно въ Персію, дозволенія ерѣкою Обью (sic) искать путь въ Индію и Китай. Бояре, которые вли переговоры съ Мерикомъ, отвѣчали, что такого важнаго дѣла безъ совѣта всей земли сдѣлать нельзя, вслѣдствіе чего по этому дѣлу и шло совѣщаніе съ торговыми людьми. Эти торговые люди, безъ сомнѣнія, входили въ составъ Собора, къ которому, по этому спеціальному дѣлу, присоединены были новые члены изъ торговаго сословія. Русскіе торговые люди отвѣчали, что англичанамъ нужна не дорога въ Персію, а дорога въ Индію, болѣе для нихъ удобная, чѣмъ черезъ Турцію. Для казны Государевой выгоды не будетъ, а торговымъ людямъ русскимъ полное раззореніе, особенно тѣмъ, которые, покупая товары у англичанъ въ Архангельскѣ, продаютъ ихъ персіянамъ въ Астрахани; Московское Правительство, согласно этому мнѣнію, отказало Мерику въ просьбѣ. Въ 1620 г. Джонъ Мерикъ снова пріѣхалъ съ предложеніями болѣе выгодными; но одинъ изъ московскихъ гостей припомнилъ, что голландцы давали дороже за дорогу въ Персію и дѣло Джона Мерика не удалось. Въ 1621 г. Англичане упрекали Русскихъ за уменьшеніе вѣса серебряной монеты. Русскіе отвѣчали, что государство раззорено, когда поправится, тогда и монета улучшится. Русскіе съ своей стороны жаловались, но не основательно, на то что Англичане задержали въ Англіи четырехъ дворянъ; тогда какъ извѣстно, что они остались тамъ добровольно.

Пока шли эти переговоры, возобновилась борьба съ Польшею. Въ 1618 г. Сентября 8, царь получилъ извѣстіе о походѣ подъ Москву Владислава и гетмана Сагайдашнаго, а 9 уже говорилъ по этому поводу рѣчь на Соборѣ. Соборные люди дали клятву биться за Государя съ недругомъ его Владиславомъ, съ нѣмцы, съ польскими и литовскими людьми и съ Черкасы до смерти. Въ Грамотѣ, изданной по этому случаю, говорится не только отъ имени бояръ, окольничихъ и пр., но отъ дьяковъ, жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ.

Великая заслуга Великаго Земскаго Совѣта состояла въ стараніи прекратить возбужденное состояніе умовъ посредствомъ забвенія прошлаго: правительство не разбирало, кто къ какой партіи принадлежалъ до избранія на царство Михаила. Подъ Грамотою 1618 г. на первомъ мѣстѣ подписался князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, далѣе подписались: Димитрій Тимофѣевичъ Трубецкой, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, Думный Дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ. Всѣ они, начиная съ Мстиславскаго, призвавшаго въ Москву Жолкѣевскаго и до Думнаго Дворянина Пушкина, привезшаго въ Москву въ 1604 г. извѣстіе, что самозванецъ истинный Димитрій, всѣ дали клятву стоять за Михаила Романова, противъ его недруга, Владислава. Этотъ актъ политической мудрости отчасти объясняетъ, почему въ борьбѣ, которую Россія тогда разомъ вела съ Польшею, Швеціею, съ крымскими татарами, съ польской вольницею и казаками, несмотря на случившіяся пораженія, она устояла при всѣхъ переворотахъ счастія, почему непріятели почти не встрѣтили измѣны. Ее не было вслѣдствіе мудрой амнистіи и потому еще что за амнистіей стоялъ грозный авторитетъ земли.

Великимъ счастіемъ для Россіи было затрудненіе, въ которомъ находился главный ея врагъ Сигизмундъ III, король польскій. Не имѣя средствъ дѣйствовать собственными силами, онъ прибѣгнулъ къ посредничеству Цезаря касательно вопроса о правахъ Владислава на русскій престолъ. Но бояре отвѣчали панамъ раднымъ исчисленіемъ неправдъ Сигизмунда, при чемъ объявили, что имъ нечего судиться передъ Цезаремъ съ Сигизмундомъ. Пользуясь безвременьемъ Польши, московское правительство хотѣло возвратить Смоленскъ, но русскія войска подъ Смоленскомъ были разбиты Гонсѣвскимъ.

Борьба со внутренними врагами продолжалась съ самаго начала царствованія Михаила.

Въ 1614 г. правительство счастливо избавилось отъ Заруцкаго, который, захвативъ Астрахань, по однимъ извѣстіямъ, самъ себя называлъ царемъ Димитріемъ, а по другимъ извѣстіямъ требовалъ присяги на имя Марины и ея сына, Ивана Димитріевича. Князь Одоевскій вытѣснилъ его изъ Астрахани. Онъ бѣжалъ на Яикъ; но былъ схваченъ и вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ привезенъ въ Москву, гдѣ Заруцкаго посадили на колъ, Марину уморили въ тюрьмѣ, а ея двухлѣтняго сына повѣсили. Таковы были жестокіе нравы въ Россіи начала XVII вѣка, но не лучше они были и въ Западной Европѣ.

Въ томъ-же 1614 г. шайки козаковъ подъ именемъ которыхъ часто скрывались бѣглые холопы и всякіе безвѣстные люди, разбиты были подъ Москвою. Ихъ атаманъ, Баловень, былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ въ Москвѣ; а до 4 т. козаковъ его дали присягу служить царю Михаилу Ѳедоровичу и имъ объявлена амнистія.

Гораздо опаснѣе этого Баловня былъ польскій наѣздникъ Лисовскій, который до 1616 г. опустошалъ и грабилъ Россію, бросаясь изъ одного края въ другой, противоположный. Подъ Орломъ Лисовскаго встрѣтилъ князь Димитрій Пожарскій, но большинство войска послѣдняго бѣжало съ поля битвы.—Пожарскій, съ остатками своего войска, оградивъ себя обозомъ, бился до вечера, когда воротились бѣглецы; тогда онъ перешелъ въ наступленіе; но Лисовскій внезапно поворотилъ назадъ къ Болхову, который едва не захватилъ. Отъ Болхова Лисовскій бросился къ Бѣлеву, откуда воеводы, князь Михаилъ Долгорукій и Петръ Бутурлинъ, бѣжали. Въ началѣ 1616 г. Пожарскій захворалъ, Лисовскій опустошилъ окрестности и посады Ржева, гдѣ сидѣлъ тогда Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Лисовскій грабилъ между Ярославлемъ и Костромою, между Коломною и Рязанью. Настигнутый княземъ Куракинымъ, онъ выдержалъ съ нимъ битву, ушелъ въ Литву и, пополнивъ отряды своихъ *лисовчиковъ*, отчаянныхъ головорѣзовъ, снова появился въ Россіи, но въ 1616 г. внезапно умеръ, вслѣдствіе паденія съ лошади.

Для окончательнаго приведенія всѣхъ дѣлъ нашихъ къ нормальному порядку необходимо было замириться, на какихъ-бы то ни было условіяхъ, съ внѣшними нашими врагами, Швеціей и Польшей.

Противъ Шведовъ выступило войско, подъ начальствомъ князя Димитрія Тимофѣевича Трубецкаго и воеводы Бутурлина. Это войско, совсѣмъ не дисциплинированное, голодное, на зимнихъ квартирахъ въ Торжкѣ, занималось грабежомъ. Вожди, выступивъ въ походъ весною, заняли тѣсную, неудобную позицію подъ Броницами, Делагарди осадилъ эту рать, которая вслѣдствіе голода должна была отступить. При отступленіи она потерпѣла такое пораженіе, что Трубецкой и Бутурлинъ едва спаслись пѣшкомъ.

Чтобы принудить русскихъ къ миру, самъ Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ, но встрѣтилъ мужественное сопротивленіе и, по совѣту англійскаго дипломатическаго агента, Джона Мерика, отступилъ. При посредствѣ того-же Джона Мерика, въ 1617 г. заключенъ былъ миръ въ Столбовѣ, близь г. Тихвина. Россія уступила Швеціи: Ямбургъ, Копорье, Орѣшекъ и всю Ингрію, отказалась отъ притязанія на Ливонію и заплатила 20 т. р. Въ замѣнъ этого королевичъ Филиппъ отказался отъ притязаній на русскій престолъ, Швеція возвратила Новгородъ, Старую Руссу, Порховъ, Гдовъ. Густавъ-Адольфъ торопился заключить миръ, ибо тогда уже предчувствовалась въ центрѣ Европы близость борьбы между протестантизмомъ и католичествомъ. Относительно Россіи онъ сдѣлалъ то, что считалъ нужнымъ, оттѣснивъ её отъ моря; но не хотѣлъ усиливать затруднительность ея положенія въ виду готовившейся возобновиться войны между Россіей и Польшей, о которой въ Польшѣ говорили еще до заключенія Столбовскаго мира между Россіей и Швеціей. Онъ опасался усиленія католической Польши и

потому предоставилъ Россіи свободу военныхъ дѣйствій со стороны Швеціи.

Война съ Польшею возобновилась лѣтомъ 1617 г. Войско выступило подъ начальствомъ королевича Владислава, но военными дѣйствіями руководилъ гетманъ Хоткѣвичъ. Въ этомъ году всѣ успѣхи королевича ограничились взятіемъ Дорогобужа и Вязьмы, изъ которой бѣжали воеводы, а Дорогобужъ прямо былъ преданъ воеводою Ададуровымъ.

Въ 1618 г. походъ Владислава къ Москвѣ задержало мужественное сопротивленіе города Можайска и уходъ большей части польскаго войска домой. Но когда къ королевичу прибылъ на помощь казацкій гетманъ Сагайдашный съ 40 т. испытанныхъ боевыхъ козаковъ, тогда королевичъ продолжалъ свое движеніе къ Москвѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, Земскій Соборъ, во имя русской земли, призывалъ всѣхъ русскихъ къ защитѣ вновь выбраннаго царя. Начались переговоры и пѣлась все одна и таже пѣсня—поляки упрекали русскихъ въ измѣнѣ Владиславу, котораго они добровольно избрали въ цари; бояре вычисляли всѣ неправды поляковъ. Послѣ неудачнаго приступа къ Москвѣ Королевичъ и Сагайдашный отступили къ Троицѣ, туда же, подъ предводительствомъ Ѳедора Шереметева выступило и русское войско. Въ ноябрѣ начались морозы, за морозами насталъ въ польскомъ лагерѣ голодъ, воины польскіе бродили по вызженнымъ мѣстамъ, ища пропитанія и дровъ, многіе изъ нихъ замерзали въ лѣсахъ вмѣстѣ съ лошадьми.

При такихъ обстоятельствахъ поляки просили у Троицкихъ властей пропуска пословъ въ Москву для мирныхъ переговоровъ и такъ какъ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, съ своей стороны, далъ наказъ искать случая начать переговоры, то, при обоюдномъ желаніи, они и начались въ селѣ Деулинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Троицкой лавры.

1 декабря 1618 г. въ Деулинѣ заключено было перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Россія уступила Литвѣ: Смоленскъ, Бѣлый, Невель, Красный, Дорогобужъ; обратно получила Серпейскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и взаимно размѣнялись плѣнниками. Обмѣнъ произошелъ въ 1619 г. между Вязьмою и Дорогобужемъ, на берегахъ рѣчки Поляновки. Главные изъ обмѣненныхъ плѣнныхъ были: Филаретъ, Шеинъ, Томила Луговскій. Князь Василій Голицынъ умеръ еще до заключенія перемирія.

По возвращеніи Филарета, его мужество и стойкость передъ Сигизмундомъ во время посольства, его несчастія въ плѣну заставили забыть его старыя, честолюбивыя искательства; къ тому же только онъ да Кн. В. В. Голицынъ, одни не приняли имѣній отъ Сигизмунда и оба были сильно огорчены, когда подъ Смоленскомъ узнали, что многіе изъ дворянъ ихъ свиты приняли деревни отъ Сигизмунда. Эти дворяне съ Аврааміемъ Палицынымъ и съ духов-

ной свитой Филарета тайно бѣжали изъ-подъ Смоленска, не извѣстивъ Филарета и Голицына.

Насколько гроза Земскаго Собора сдерживала воеводъ въ первые годы успокоенія Россіи, по избраніи Михаила, показываетъ жестокое наказаніе, которое въ 1617 г. постигло вяземскихъ воеводъ, князей Бѣлосельскаго и Пронскаго, бросившихъ городъ и бѣжавшихъ передъ врагомъ. Царь Михаилъ возложилъ на нихъ опалу, обоихъ ихъ били кнутомъ, сослали въ Сибирь, а вотчины и помѣстья велѣлъ у нихъ отписать и *раздать въ раздачу.*

Какимъ образомъ вопреки записи отняты были имѣнія? Этотъ вопросъ разрѣшается просто: запись была дана однимъ боярамъ, но вышеупомянутые воеводы, хотя и князья, боярами не были. Кромѣ того опора Земскаго Собора дала возможность Царю, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, поступить строго съ бѣжавшими воеводами. Боярамъ по этому поводу даже вступиться за опальныхъ было опасно; ибо они опасались, что ихъ самихъ обвинятъ въ измѣнѣ: при шаткомъ нравственномъ состояніи общества взаимное недовѣріе и подозрительности были всеобщей болѣзнью.

Вотъ какъ С. М. Соловьевъ рисуетъ нравственное состояніе въ Троицкой Лаврѣ послѣ изгнанія поляковъ: «Когда бѣда прошла, матеріяльные интересы взяли верхъ и святая ревность архимандрита встрѣтила сильное сопротивленіе: мужики—горланы никакъ не хотѣли дать ему воли на устроеніе монастыря и сдѣлали то, что монастырь, пріобрѣтшій, благодаря Діонисію, такое высокое значеніе въ смутное время, возбудилъ къ себѣ вражду многихъ во время мира: затѣяно было изъ монастыря множество споровъ съ окольными землевладѣльцами, горожанами, крестьянами; искали въ судахъ, поклепавши напрасно въ деньгахъ, земляхъ, крестьянахъ, искали именемъ чудотворца Сергѣя, а брали не въ монастырь, но родственникамъ своимъ, села и деревни устраивали; разгнѣвали и самого Государя, потому что брали въ городахъ посадскихъ людей и сажали ихъ въ монастырскихъ слободахъ на житье. Монастырскіе слуги били и грабили на дорогахъ; когда же пріѣзжали въ монастырь дѣти боярскіе или слуги знатныхъ людей съ жалобами, что монастырь вывелъ изъ за нихъ крестьянъ и холопей на свои земли, то имъ давали управныя грамоты, но прежде посылали перевести холопей и крестьянъ, истцевъ въ другія монастырскія вотчины, и когда истцы пріѣдутъ съ управными грамотами, то имъ показываютъ пустые дворы. (И. Р. Т. IX, стр. 436 и 37, изд. 2).

Но, кромѣ грабительства ближнихъ и дальнихъ своихъ сосѣдей, знаменитый монастырь показалъ примѣръ и наглаго невѣжества. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ Архимандриту Діонисію исправить требникъ, давъ ему двухъ помощниковъ. Но у Діонисія были враги въ самой Лаврѣ: Головщикъ (регентъ) Логинъ и ус-

тавщикъ Филаретъ. Первый былъ мастеръ сочинять распѣвы, при чемъ на одинъ и тотъ же стихъ сочинялъ по пяти, шести напѣвовъ, при чемъ, измѣняя ударенія, искажалъ текстъ до безсмыслицы, такъ вмѣсто существительнаго сѣмени у него выходило повелительное наклоненіе отъ глагола сѣменить. Когда Логину указывали на безсмыслицу, онъ нагло отвѣчалъ, что «*хитрость граматическая и философство книжное*—ересь». Въ этихъ словахъ невѣжественнаго книжника уже слышится приближеніе раскола. Слабость Діонисія, его кротость поощрили дерзость Логина до того, что разъ онъ разломилъ посохъ у Діонисія и бросилъ ему на колѣни. Уставщикъ Филаретъ до того былъ невѣжественъ въ дѣлѣ религіи, что проповѣдовалъ человѣкообразное божество; и подобные люди Діонисія самого обличали въ ереси. Діонисій, въ молитвѣ на водоосвященіе, въ словахъ *освяти воду сію Духомъ Твоимъ и огнемъ*, вычеркнулъ лишнее слово *и огнемъ*. Филаретъ съ Логиномъ обвинили его, что Духа святого не исповѣдуетъ, яко огнь есть.

И вотъ одного изъ спасителей Россіи водили съ безчестіемъ къ допросу. Напугавши словомъ ересь мать царицу инокиню Марѳу, измученнаго Діонисія заключили въ Новоспасскій монастырь.

Возвратился митрополитъ Филаретъ, но и онъ высказалъ сомнѣніе, нужно ли отбросить слова *и огнемъ*, или нѣтъ. Къ счастію Діонисія, въ это время въ Москвѣ былъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ; Филаретъ спросилъ его, есть ли въ греческомъ текстѣ *и огнемъ*? Ѳеофанъ отвѣчалъ: «нѣтъ, и у Васъ не должно быть». Но отецъ Государя все еще сомнѣвался и успокоился, когда тотъ же Ѳеофанъ и Александрійскій патріархъ еще разъ подтвердили, что слова *огнемъ* въ греческихъ книгахъ нѣтъ.

Въ ту пору прошло уже болѣе шести столѣтій со времени крещенія Руси, а въ Московскомъ царствѣ не было достаточно компетентныхъ людей, чтобы сличить тексты молитвы на греческомъ и на славянскомъ языкахъ. Печально нравственное состояніе страны, въ которой оскорбленіе, наносимое человѣку, оказавшему великія услуги государству, не вызвало общаго осужденія. Печальнѣе еще ея умственное состояніе, гдѣ нелѣпое обвиненіе могло взволновать народъ [1]).

---

[1]) Дѣло Діонисія всегда разбиралось только съ церковной точки зрѣнія; но, кажется, надо посмотрѣть и на его политическую подкладку Діонисій хотѣлъ остановить хищенія монаховъ, хищенія, сдѣлавшія изъ славнаго монастыря центръ всякаго рода насилій и неправдъ. Точно-ли, что христіанское смиреніе и кротость Діонисія усилили наглость монаховъ? Почему въ дѣла монастыря не вмѣшались духовные чины, засѣдавшіе на Земскомъ Соборѣ? Они не разумѣли греческаго текста молитвъ; но какъ они могли не понять, что монастырь, положившій конецъ одной крамолѣ, могъ сдѣлаться источникомъ другой, болѣе опасной? Въ Москвѣ народъ волновался отъ нелѣпаго слуха, что Діонисій огнь съ земли взялъ. Особенно волновались кузнецы, серебренники, которымъ огонь нуженъ въ ихъ ремеслѣ. Въ то время изъ нелѣпаго слуха могъ разгорѣться большой пожаръ.

Въ 1619 г. въ Москвѣ еще засѣдалъ Соборъ, принимавшій столь важныя мѣры къ отраженію Владислава, Соборъ, при которомъ заключены были столь тяжелые, но крайне необходимые трактаты— Столбовскій и Деулинскій. Верховная власть сдѣлала огромныя уступки въ этихъ трактатахъ, и Земскій Соборъ былъ свидѣтелемъ передъ всей Россіей, необходимости и неизбѣжности сдѣланныхъ уступокъ. Такое свидѣтельство было чрезвычайно важно для новой династіи.

По прибытіи Филарета въ Москву, Соборъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, просилъ Царя о назначеніи Филарета Патріархомъ, что царю было пріятно. Соборъ сказалъ Царю: «Гермогенъ принялъ мученическій вѣнецъ, Филаретъ-же Никитичъ Великій Государь нашъ (такъ титуловали его со вступленія на русскую почву) будучи въ плѣну, бѣды многія и тѣсноты, и *гоненіе и скорбь и нужу всякую терпѣлъ много лѣтъ.* Кромѣ него, кто могъ быть патріархомъ?» Весь Соборъ съ Царемъ и Іерусалимскимъ Патріархомъ отправились къ Филарету просить принять назначеніе. Послѣ обычныхъ отказовъ назначеніе было принято. При перечисленіи чиновъ этого Собора упоминаются дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, гости, торговые и всякихъ чиновъ люди, чѣмъ и доказывается, что этотъ Соборъ былъ продолженіемъ Собора предъидущихъ годовъ.

Съ этого момента начинается двоевластіе, которое продолжается до самой смерти Филарета; является два Великихъ Государя: Великій Государь Царь и Великій Государь Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Филаретъ, принявъ Патріаршество, наградилъ людей, которые во время несчастій Романовыхъ оказали услуги ему, или дому его: крестьянамъ Обонежской волости, носившимъ письма къ нему въ Сійскій монастырь отъ инокини Марѳы, дали Жалованную Грамоту на подаренныя имъ земли, приказавъ эти земли обѣлити и податей съ нихъ не брать. Такая же Грамота на пожалованныя ему земли дана попу Обонежской Пятины, Егорьевскаго погоста, Ермолаю Герасимову, который сообщалъ инокинѣ Марѳѣ добытыя крестьянами свѣдѣнія о ея мужѣ и родныхъ. Въ то-же время была дана льготная Грамота Сійскому монастырю, въ которомъ изъявлялась благодарность игумену его и монахамъ.

Какая доля власти осталась сыну можно видѣть изъ характеристики Филарета, оставленной современникомъ въ одномъ изъ хронографовъ: Сей убо Филаретъ, патріархъ Московскій и всея Руси, возрасту и сану былъ средняго, божественныя писанія разумѣлъ отчасти; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; боляръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточенми *необратными* и инѣми наказанми; до духовнаго же чину былъ милостивъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратними владѣлъ. (Избор-

никъ А. Попова, изъ Хронографа Архіепископа Пахомія, стр. 316). Правдивость этой характеристики несомнѣнна: во первыхъ, справедливо, что онъ священное писаніе разумѣлъ отчасти, и это мы сейчасъ видѣли на дѣлѣ Діонисія; что онъ жестокъ былъ съ боярами и этого слѣдовало ожидать, ибо при Грозномъ бояре не любили Романовыхъ, какъ родственниковъ означеннаго Царя, любимаго только народомъ. Выше приводили мы слова самого Филарета, что при Годуновѣ ихъ, т. е. Романовыхъ, губили бояре.

Тотъ же Соборъ 1619 г. обратилъ вниманіе Филарета на бѣдственное экономическое положеніе Государства и на причины податныхъ недоборовъ. Подати берутъ съ однихъ по писцевымъ книгамъ, съ другихъ по дозорнымъ (т. е. по провѣреннымъ), съ однихъ много, съ другихъ мало, ибо дозорщики, посланные въ раззоренныя земли, за одними по дружбѣ писали легко, а за другими, по недружбѣ, тяжело. Изъ многихъ городовъ посадскіе люди бѣжали, живутъ въ Москвѣ и въ другихъ не раззоренныхъ городахъ и податей не платятъ. Многіе посадскіе люди заложились за бояръ, за митрополита, за освященный соборъ, за монастыри и пр. и также податей не платятъ.

Царь, Патріархъ и весь Соборъ приговорили: 1) во всѣ нераззоренные города послать писцовъ для веденія писцовыхъ книгъ; 2) въ раззоренные города послать дозорщиковъ добрыхъ, чтобы дозирали безъ посуловъ. 3) Посадскихъ и уѣздныхъ людей, заложившихся за бояръ, митрополитовъ, за монастыри—отослать въ прежнія мѣста ихъ жительства; а съ тѣхъ, кому они закладывались, взыскать подати за прошлые годы. 4) Жалобы на сильныхъ людей велѣно было разбирать князьямъ Черкасскому и Мезецкому. (Акты Археографической экспедиціи, Т. III. 1619 г. Царская Окружная Грамота въ Галичъ № 105).

Распуская Соборъ 1619 г.—1620 г. Царь и Патріархъ указали снова собрать изо всѣхъ областей людей добрыхъ и разумныхъ для великаго дѣла. Выборнымъ велѣно было съѣхаться къ 1 Октября 1621; но потомъ съѣздъ отсроченъ до 6-го декабря, того-же года. Годъ тогда начинался съ 1 сентября.

Соборъ 1621 г. разсуждалъ о польскихъ дѣлахъ. Положеніе Польши было крайне затруднительно. Сигизмундъ III, вмѣшавшись въ дѣла Трансильваніи и Молдавіи, вовлекъ Польшу въ войну съ Турціей. Въ этой войнѣ Польша потеряла двухъ славныхъ Гетмановъ: Жолкѣвскій палъ въ битвѣ подъ Цѣцорою въ Молдавіи, Ходкѣвичъ умеръ на походѣ. 300 т. Турокъ осадили Хотинъ. Густавъ-Адольфъ овладѣлъ Ригою и Митавою.

Обстоятельства казались благопріятны для возвращенія Смоленска. На Соборѣ очень много разсуждали о неправдахъ исконнаго врага Россіи, Жигимонта и сына его Владислава, который продолжалъ носить титулъ Царя Россіи. Соборъ выказалъ желаніе

стоять противъ недруговъ Царя и Россіи; но само правительство чувствовало недостатокъ своихъ силъ и не рѣшилось, черезъ три года послѣ Деулинскаго перемирія, начать войну. Въ Москвѣ думали запугать Польшу одними угрозами, но въ Польшѣ отлично знали положеніе Россіи и на упреки прислали весьма грубый отвѣтъ. Въ такомъ положеніи дѣла и оставались до 1631 г.

Ни въ одной отрасли государственныхъ отношеній русскіе съ начала XVI в. не чувствовали столь сильнаго превосходства надъ собою З. Европы, какъ въ дѣлѣ военномъ. Благодаря своему невѣжеству Россія едва не потеряла своей національной независимости: Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій долженъ былъ на походѣ учить своихъ ратниковъ европейскому строю; Клушинское пораженіе еще болѣе убѣдило въ этой необходимости и при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ уже переведена была книга о строевомъ ученіи. Событія Смутнаго Времени показали, что мы крѣпко стоимъ только за стѣнами.

Но въ борьбѣ съ некультурными народами, мы, разумѣется, брали перевѣсъ, которымъ и старались закрыть причину неудачъ съ культурными народами. Возмущенія, поднявшіяся въ Сибири во время смуты, были усмирены при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, а русскіе промышленники и казаки довели при немъ русскія владѣнія, отъ береговъ р. Енисея до Восточнаго Океана. Крымцы не переставали раззорять наши южные предѣлы, и правительство Михаила Ѳедоровича думало отдѣлаться отъ крымскихъ набѣговъ дарами или поминками. Но крымцы не унимались, тогда правительство рѣшилось продолжить мѣры Годунова, т. е. проводить укрѣпленныя линіи: одну провели отъ верховьевъ Хопра черезъ Цну по Соснѣ до Оки, другую отъ Воронежа до Ворсклы. На этихъ линіяхъ построены были городки—Тамбовъ, Козловъ, Верхній Ломовъ и Нижній Ломовъ, Осколъ. Кромѣ того построены остроги. Съ 1623 г. З. Соборы не собирались нѣсколько лѣтъ, ибо Верховная власть чувствовала уже себя значительно окрѣпшей. Въ этотъ промежутокъ времени во внутреннихъ отношеніяхъ случились важныя перемѣны: въ 1625 г., какъ указано выше, Михаилъ Ѳедоровичъ внесъ въ титулъ русскихъ Государей слово Самодержецъ. Это слово, какъ мы уже говорили, противополагалось слову вассалъ, означало сюзерена, независимаго Государя. Въ 1625 г. слово это могло быть принято и въ вышеупомянутомъ значеніи—оно имѣло цѣлью напомнить Полякамъ, все еще не признававшимъ Михаила Царемъ, о самостоятельности русскаго Государя; но кромѣ того съ этихъ поръ оно получило и то значеніе, въ какомъ нынѣ употребляется—въ смыслѣ абсолютнаго Монарха, значеніе окончательно уже установившееся при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ этомъ-же году обнародована была важная мѣра—подтвержденъ былъ указъ В. И. Шуйскаго, изданный въ 1607 г., чтобы крестьяне жили вѣчно на своихъ мѣстахъ.

а на тѣхъ, которые осмѣлятся сманивать, или принимать чужихъ крестьянъ, налагалась значительная пеня. Въ 1625 г. этотъ указъ подтвержденъ весьма строго—никто не долженъ былъ переходить съ мѣсто на мѣсто, разумѣется послѣ внесенія въ писцовыя книги. Но какъ въ 1607, такъ и въ 1625 г. не подумали о средствахъ оградить личность крестьянина отъ рабства.

Неудавшаяся въ 1621 г. попытка начать войну съ Польшею не могла не возобновиться при безпрерывныхъ пограничныхъ столкновеніяхъ, при нежеланіи поляковъ признать Михаила Царемъ, при нежеланіи Владислава отказаться отъ царскаго титула. Такъ, Калужскій воевода Вельяминовъ получилъ отъ пановъ дерзкій отвѣтъ. «Ты стоишь за М. Романова, жильца государя царя Владислава Жигимонтовича всея Руси, котораго воры казаки, посадили съ Кузьмою Мининымъ на Московскомъ государствѣ безъ совѣта съ Вами боярами и дворянами».

Въ отвѣтъ идетъ Грамота въ которой, начемъ свѣтъ стоитъ, ругаютъ польскихъ государей.

Россія имѣла тогда надежнаго, на нѣкоторое время разумѣется, союзника въ Густавѣ-Адольфѣ, который велъ войну съ Габсбургами. Въ 1631 г. онъ прислалъ агента въ Москву. Шведы говорили, что союзъ Фердинанда II и Сигизмунда III также опасенъ для Московскаго государства, какъ и для протестантовъ Германіи.

Готовясь начать войну, правительство наняло иноземные полки.

Война въ 1632 г. началась безъ совѣщанія съ Земскимъ Соборомъ, какими средствами ее вести. Въ началѣ она была очень успѣшна, поляки, по случая смерти Сигизмунда, не успѣли приготовиться. Города—Дорогобужъ, Бѣлая, Невель, Рославль, Красный, Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Батуринъ, Роменъ, Велижъ, Мстиславль достались русскимъ. Шеинъ осадилъ Смоленскъ и такъ стѣснилъ его, что городъ готовъ былъ сдаться; но поляки подкупили крымцевъ, которые вторгнулись въ наши южные предѣлы; дѣти боярскіе и дворяне, помѣстья которыхъ находились въ мѣстахъ, подвергшихся крымскимъ набѣгамъ, бѣжали въ свою украйну, что сильно ослабило армію Шеина. «Не спорю», говорилъ канцлеръ Радзивилъ, «какъ по богословски, хорошо ли поганцевъ напускать на христіанъ; но по земной политикѣ это вышло очень хорошо».

Поляки между тѣмъ оправились, въ короли былъ избранъ Владиславъ. Онъ поспѣшилъ на помощь Смоленску и такъ повелъ дѣло, что русское войско попало въ засаду между стѣнами Смоленска и арміей Владислава. Шеинъ очутился въ осадѣ, и положеніе его было тѣмъ болѣе критическимъ, что иноземцы стали переходить къ Владиславу. Шеинъ просилъ помощи. Въ 1632 г., когда обнаружилась нужда въ особенныхъ налогахъ, дабы достать средства для поданія помощи Шеину, созванъ былъ соборъ; но, кажется, этотъ соборъ былъ неполный. Чичеринъ думаетъ, что этотъ соборъ, 1632—33 гг.,

состоялъ только изъ выборныхъ жителей Москвы. Въ октябрѣ 1633 г. произошла большая перемѣна, по случаю смерти Филарета. Шеина оставили безъ всякой помощи, а между тѣмъ изъ лагеря его приходили вѣсти все хуже и хуже. Князь Димитрій Пожарскій неизвѣстно почему, стоялъ въ Можайскѣ и не двигался.

Царь Михаилъ, видя, что соборъ изъ московскихъ жителей финансамъ не поможетъ, черезъ четыре мѣсяца, по смерти родителя. именно 28 января 1634 г. издалъ грамоту о созывѣ новаго Собора. Если бы предъидущій Соборъ былъ полный, то не было-бы нужды издавать Грамоты, ибо Собору 1632—33 гг. не было-бы и времени разойдтись. Но Соборъ уже не успѣлъ помочь дѣлу; 19 февраля 1634 г. Шеинъ, сдавъ всю артилерію Владиславу, и преклонивъ предъ нимъ знамена, получилъ позволеніе отступить. Шеина судили черезъ-чуръ строго. Во время поданная помощь спасла бы все дѣло; помощь нужна была не только деньгами, но и людьми, ибо у Шеина изъ 32,000 осталось всего 9,000. Личная ненависть бояръ къ Шеину диктовала приговоръ. Шеину и Измайлову отрубили головы. Въ смертномъ приговорѣ между прочимъ читалось, что Шеинъ съ великою гордостію говорилъ о своихъ прежнихъ службахъ, поносилъ бояръ,б удто-бы они сидѣли за печкою въ то время, какъ онъ служилъ. Привлечены были къ отвѣтственности и другія лица. Такъ, обвиненъ Василій, сынъ Артемія Измайлова за то, что будто онъ съѣзжался съ Государевыми измѣнниками, служившими Владиславу, и за то что, пришедши въ Можайскъ, хвалилъ Литовскаго короля, говоря: какъ противъ такого великаго короля намъ сражаться; узнавъ о смерти Патріарха Филарета Никитича, говорилъ много воровскихъ и непригожихъ словъ, которыхъ и написать нельзя». Ему отрубили голову.

Владиславъ двинулся къ Бѣлой, но здѣсь потерпѣлъ сильную неудачу; здѣсь онъ былъ раненъ и уѣхалъ въ Польшу. Перемиріе со Швеціей приходило къ концу, Турція грозила войною. Владиславъ и Михаилъ оба желали мира.

По миру 1634 г., у рѣчки Поляновки, Владиславъ отказался отъ титула Царя Россіи, а Михаилъ отъ титула Смоленскаго и Черниговскаго и отъ притязаній на Лифляндію, Эстляндію и Курляндію.

По смерти Филарета нельзя не остановится на его дѣятельности. Въ Хронографѣ Архіепископа Пахомія говорится, что Филаретъ владѣлъ всѣми царскими и ратными дѣлами, что въ грамотахъ и челобитныхъ имя его писали съ *вичемъ*, т. е. имя патріарха писали съ отечествомъ, что несогласно съ монашескимъ уставомъ. О походѣ Шеина подъ Смоленскъ, хронографъ говоритъ: все дѣлалось по совѣту и указанію Патріарха. а самъ Государь Царь не изволилъ на поляковъ итти, понеже былъ мужъ милостивъ и кротокъ и крови нежелателенъ, и *аще бы*, т. е. но еслибы, возложа

упованіе на Вседержителя Бога, *мню* яко не погрѣшилъ бы того, т. е. не былъ бы грѣшенъ въ желаніи кровопролитія. Это замѣчаніе показываетъ, что благоразумные люди не одобряли отсутствія Царя въ войскѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Разумѣется, сына не пустилъ Филаретъ. Оставляя боярству наружный почетъ, Филаретъ болѣе и болѣе выдвигалъ дьяковъ въ руки которыхъ перешли всѣ судныя и административныя дѣла. Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича дьяки возбудили противъ себя всеобщія жалобы своими хищеніями.

Въ дѣлахъ церкви Филаретъ прежде всего обратилъ вниманіе на улучшеніе нравственности но, къ несчастію, прибѣгнулъ къ крутымъ мѣрамъ. Въ началѣ своего патріаршества, онъ сдѣлалъ выговоръ Кипріану, митрополиту Сибирскому и Тобольскому, за небреженіе нравственностію паствы. Онъ упрекаетъ Кипріана, что въ Сибири многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не по христіански, съ татарскими, остяцкими и вогульскими поганскими (некрещеными) смѣшиваются и скверныя дѣла дѣлаютъ; а другіе живутъ съ татарками некрещеными, какъ съ женами и съ ними приживаютъ дѣтей. А иные и горше того творятъ, чего нѣтъ и у поганыхъ (некрещеныхъ): женятся на родныхъ и двоюродныхъ сестрахъ, и на кумахъ, а иные даже на матерей и на дщерей блудомъ посягаютъ. Далѣе въ той-же Грамотѣ къ Кипріану говорится, что служилые люди, уѣзжая по порученію воеводъ въ Москву, закладываютъ своихъ женъ, а заимодавцы живутъ съ ними блудно и перепродаютъ ихъ, какъ скоро къ сроку не получатъ долгъ. (С. Г. Г. и Д. Томъ III, № 60).

На сколько такой достойный пастырь, какъ Кипріанъ, могъ быть виновенъ въ распущенности сибирскихъ нравовъ? На этотъ вопросъ въ Грамотѣ нѣтъ отвѣта; но, зная русскую манеру крутыми мѣрами уничтожать маленькое зло, чтобы подготовлять бо̀льшее, позволительно предполагать, что и зло, описанное Филаретомъ, произошло изъ того-же источника. Въ Сибири и впослѣдствіи жаловались, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, на малое количество женщинъ, а въ началѣ XVII ст. этотъ недостатокъ долженъ былъ чувствоваться еще сильнѣе. Мудрено ли, что русскіе служилые люди брали себѣ некрещеныхъ женщинъ, за что ихъ стали преслѣдовать, что привело, конечно, къ еще бо̀льшому злу, къ кровосмѣшенію.

Филаретъ высказалъ рѣзкое порицаніе Кипріану, но въ какомъ-же положеніи, онъ самъ оставилъ всероссійскую паству, особенно ближайшую, московскую? Вотъ что говоритъ Іоасафъ, преемникъ Филарета на патріаршествѣ. «Въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣры... Мирскіе люди стоятъ въ церквахъ со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священ-

ники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ. Поповскія дѣти въ алтаряхъ безчинствуютъ. Разные шпыни (шуты-плуты) творятъ еще бòльшія безобразія, нѣкоторые изъ нихъ ползаютъ въ церквахъ во время пѣнія, пищатъ и возбуждаютъ соблазнъ, и пр. (Соловьевъ, Т. IX, стр. 448). Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ реформа, сдѣланная Филаретомъ въ церковно-административной сферѣ. До 1625 г. монастыри, монастырскіе и церковные кпестьяне вѣдались въ Приказѣ Большаго Дворца по всѣмъ дѣламъ кромѣ духовныхъ; въ этомъ году, по желанію Филарета, Царь далъ Патріарху Грамоту, въ которой передалъ ему всѣ судные дѣла монастырей и монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, кромѣ уголовныхъ, которые оставлены въ Приказѣ Большаго Дворца. Въ Судномъ Патріаршемъ Приказѣ во всѣхъ столкновеніяхъ духовенства со свѣтскими лицами судили далеко не безпристрастно. При Филаретѣ образовались спеціальные патріаршіе приказы: 1) Судный или Патріаршій разрядъ—завѣдывалъ судомъ, 2) Приказъ Церковныхъ дѣлъ по благочинію, 3) Казенный для сбора податей, съ вотчинъ, церквей и монастырей, 4) Дворцовый — завѣдовалъ хозяйствомъ патріаршаго двора. Передъ смертію онъ назначилъ себѣ въ преемники архіепископа псковскаго Іоасафа, «понеже», говоритъ хронографъ, «во нравахъ и житіи добродѣтеленъ былъ, а къ царю не дерзновененъ». Филаретъ вѣроятно думалъ, что и послѣдующіе патріархи будутъ назначаться царями, но уже въ 1640 г., по смерти Іоасафа, на патріаршій престолъ избранъ былъ Іосифъ, Новгородскій митрополитъ, «по жребію», прибавляетъ хронографъ, «а не Царскимъ изволеніемъ». При внукѣ Филарета обнаружился вредъ отъ этого самосуда.

Реформа Филарета то и дѣло приводила духовныя власти въ столкновенія со свѣтскими властями, что навлекло на духовенство вражду боярства, которая особенно сильно обнаружилась во время борьбы Никона съ расколомъ. Поэтому соборъ, судившій Никона, отмѣнилъ Самосудную Грамоту 1625 г.

По смерти Филарета, благодушный царь Михаилъ смягчилъ самые жестокіе приговоры и, только благодаря его добродушію, сѣмена смутнаго времени не принесли того вреда, который онѣ принести могли. Въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ, какъ и въ первые годы его царствованія, прибѣгалъ къ содѣйствію земскихъ Соборовъ.

Въ 1636—1637 г. Донскіе казаки овладѣли Азовомъ, убивъ турецкаго посла Ѳому Кантакузена. Несмотря на то, что Царь послалъ имъ, казакамъ, укоритедьную грамоту, крымскій ханъ, по повелѣнію Султана, грозилъ войною. Царь созвалъ Соборъ и, хотя войны не было, въ царской Грамотѣ въ Устюжну Желѣзнопольскую, указано рѣшеніе этого Собора съ кого брать деньги на войну. Соборъ порѣшилъ съ дворцовыхъ селъ взять по одному человѣку

съ двадцати дворовъ; съ патріарха, съ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и съ большихъ монастырей по одному человѣку съ десяти дворовъ; съ бояръ, дьяковъ и т. д. по человѣку съ 20 дворовъ. Съ среднихъ монастырей по четыре коня, съ посадскихъ и съ крестьянъ по два рубля деньгами. (Акты, Арх. Эксп. Т. III., стр. 418). Распредѣленіе сборовъ другое, чѣмъ въ соборахъ до 1622 г., о двадцати процентахъ нѣтъ и помину. Нѣтъ помину и о Строгановыхъ, съ которыхъ съ 1613 по 1618, взято было 3 т., 16 т., и наконецъ 20 т., деньги огромныя по тому времени.

Страна, не успѣвшая оправиться, истощилась чрезвычайными налогами. Въ большинствѣ случаевъ, съ 1613 г. эти налоги были результатомъ крайней необходимости.

Казаки между тѣмъ удерживали Азовъ до 1641 г. Въ этомъ году 240 т. турокъ и крымцевъ осадили Азовъ. Приступы не удались, и осаждающіе были разбиты на голову. Тогда казаки ударили Азовомъ челомъ Царю Михаилу Ѳедоровичу.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ не рѣшился сразу принять этотъ драгоцѣнный даръ, впослѣдствіе такъ высоко-цѣнимый Петромъ В. и Екатериною II-й. Вопросъ, принять Азовъ или нѣтъ, Царь предоставилъ рѣшать Собору. Выборные дворяне отъ городовъ— Суздаля, Юрьева, Переяславля-Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Галича, Арзамаса, Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонія и Гороховца стояли за необходимость принять Азовъ. Они указывали откуда взять необходимыя средства для войны, *для великаго поспѣшенія* взять запасы съ Троицкаго-Сергіевскаго монастыря и съ другихъ монастырей. То же заявили и выборные изъ Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Серпухова, Калуги, Ярославля и другихъ. За войну стояло 152 человѣка, изъ 195; а 43 человѣка выборныхъ изъ городовъ и дворянъ Владиміра, Нижняго, Мурома и все духовенство высказались неопредѣленно; послѣдніе вѣроятно потому, что на нихъ главнымъ образомъ падала тяжесть военныхъ расходовъ.

Всеобщія жалобы на бѣдность склонили царя послать казакамъ приказаніе оставить Азовъ. Жалобы на причину общей бѣдности рисуютъ печальными красками время правленія Филарета: «твои государевы дьяки и подъячіе, обогатѣвъ неправеднымъ мздоимствомъ, покупили многія вотчины и состроили себѣ такія каменныя палаты, какихъ, при прежнихъ государяхъ, и у великородныхъ людей т. е. бояръ, не бывало».—Не менѣе рѣзкіе голоса раздавались противъ сословія, которому Филаретъ особенно покровительствовалъ, противъ церковныхъ властей, монастырей и духовенства вообще. Выборные говорили: вели государь съ тѣхъ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и съ монастырскихъ вотчинъ и со всего священническаго чина вотчинъ взять даточ-

ныхъ людей пѣшихъ и конныхъ, сколькихъ *крестьяниновъ* ты, Государь, укажешь. А вели ихъ вотчинамъ имѣть росписи, съ *большимъ допросомъ*, сколько за ними крестьянъ. А кто изъ нихъ утаитъ, вели, Государь, *утаянныхъ крестьянъ* взять на себя Государя. Такія-же мѣры требовались и относительно бояръ. Выборные отъ городовъ жаловались на воеводъ и на отнятіе выборнаго начала, дарованнаго Грознымъ. «При прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а воеводъ посылали съ ратными людьми. (С. Г. Г. и Д. Т. III, стр. 378).

Въ слѣдующемъ 1643 г. въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи показались калмыки, противъ которыхъ къ Самарѣ посланы воеводы Плещеевъ и Чевкинъ. Они побили калмыковъ и забрали много полону.

Правительство русское тогда, да и въ слѣдующемъ году, много занято было самозванцемъ, по имени Луба, будто бы выдававшаго себя за сына названнаго Димитрія Ивановича.

13 Іюля 1645 г. Царь Михаилъ Θедоровичъ скончался. Царь Михаилъ Θедоровичъ женатъ былъ два раза. Въ первый разъ онъ женился въ 1624 г. на Маріи Владиміровнѣ, дочери боярина кн. Владиміра Тимофѣевича Долгорукаго. Бракъ Царя былъ несчастливъ: Царица на другой день захворала и, проведя въ томительной болѣзни три мѣсяца съ половиной, скончалась 7 января. Черезъ годъ Царь вступилъ во второй бракъ съ Евдокіей, дочерью бѣднаго Можайскаго дворянина, Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Берхъ въ своей «Исторіи царствованія ц. Михаила Θеодоровича», по поводу этого второго брака царя, замѣчаетъ: «Безвременная кончина царицы Маріи, *по тогдашнему времени* весьма подозрительная, побудила Царя и мудраго родителя его выбрать невѣсту не изъ знатнаго рода. Но, дабы прикрыть намѣреніе сіе благовиднымъ предлогомъ, распустили слухъ, что царь былъ очарованъ красотой Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой. Тесть Царя, Лукьянъ Стрѣшневъ, былъ человѣкъ умный и крайне осторожный, въ дѣла не вмѣшивался, не добивался почестей и только черезъ 10 лѣтъ послѣ выхода дочери замужъ, именно въ 1636 г., онъ пожалованъ былъ въ бояре. Примѣру Михаила слѣдовали сыновья его. Бояре, опасаясь возвышенія какой либо фамиліи изъ ихъ среды, сочувствовали этой брачной политикѣ.

«Новый Государь», говоритъ Соловьевъ про Михаила Θедоровича—«неопытный, мягкій молодой человѣкъ, около котораго нѣтъ людей, сильныхъ умомъ и волею, удержался на московскомъ престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ, подлѣ Царя видимъ Соборъ, одушевленный тою-же ревностію, съ какою *послѣдніе люди* шли на очищеніе государства». (Т. IX, стр. 10). Казалось-бы этимъ сказано все. — Что можетъ быть серьезнѣе и величественнѣе стоянія за неопытнаго Царя всей русской земли

въ лицѣ ея выборныхъ на земскихъ соборахъ? Что можетъ быть доказательнѣе желанія послѣднихъ людей покончить со смутою? Послѣ прекрасныхъ словъ Соловьева трудно было ожидать съ его стороны такой горячей полемики, какая у него завязалась съ Костомаровымъ по поводу Сусанина. Что значитъ передъ начертанной имъ грандіозною картиною сомнительный фактъ спасенія Михаила отъ поляковъ, которыхъ въ Костромской области, во время переѣзда Михаила изъ Москвы въ Кострому и во время пребыванія его въ Ипатьевскомъ монастырѣ не было, что признаетъ и самъ Соловьевъ, замѣняя поляковъ воровскими казаками. Подвигъ Сусанина могъ быть и не быть, но нельзя сомнительнымъ подвигомъ одного человѣка закрывать все народное дѣло.

Кто знаетъ, сколько монастырей обращались къ Михаилу Ѳедоровичу о помощи по случаю раззоренія поляками или казаками, изъ такихъ мѣстностей, гдѣ ни тѣ, ни другіе не бывали, тотъ не можетъ, не отнестись критически и къ подвигу Сусанина. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что зять Сусанина выпросилъ Обѣльную Грамоту у Царицы инокини Мароы до пріѣзда Филарета Никитича. Заключеніе обзора царствованія Михаила Ѳедоровича должно сказать о сословныхъ отношеніяхъ въ его время и объ умственномъ состояніи Россіи.

Бояре, потерявши вліяніе на ходъ дѣлъ, рады были сохранить за собою наружный почетъ, тѣшившій ихъ самолюбіе. Тоже случилось въ XVI в. съ испанской знатью. Кардиналъ Хименесъ, короли Карлъ и сынъ его Филиппъ II отняли у нея всякое политическое значеніе, но оставили ей всѣ ея старыя почести. Когда въ собраніяхъ король накрывалъ голову шляпой, надѣвали шляпы и гранды, прочія сословія стояли съ обнаженной головой. Дома гранды имѣли пажей, которые грандамъ и грандесамъ подавали письма, преклоняя колѣно. Такъ гранды и остались при пустыхъ почестяхъ. У насъ бояре утѣшились внѣшними знаками почета—имъ кланялись въ поясъ, неродовитый человѣкъ не смѣлъ подъѣхать къ крыльцу ихъ дома, а долженъ былъ пѣшкомъ идти черезъ дворъ; но болѣе всего тѣшилось боярское самолюбіе побѣдами въ спорахъ по мѣстничеству. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій выданъ былъ головою Борису Салтыкову, ибо князь этотъ былъ изъ захудалаго рода. Думный дворянинъ Кузьма Мининъ († 1616 г.) не смѣлъ и сѣсть въ присутствіи какого-нибудь политическаго нуля, въ родѣ князя Мстиславскаго.

Горе было человѣку неродословному, который подавалъ челобитную и осмѣливался мѣстничать съ человѣкомъ родовитымъ. Въ 1617 г. дворянинъ Леонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за что дьякъ билъ Леонтьева по щекамъ. Въ 1620 г. Чихачевъ вздумалъ мѣстничать съ княземъ Волконскимъ, бояре приговорили бить Чихачева кнутомъ; но дьякъ Томила Луговскій сказалъ боя-

рамъ: «долго ждать» и, взявъ палку, началъ бить по спинѣ и ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ своею палкою билъ Чихачева съ другой стороны. Оба приговаривали: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру».

Отъ такихъ сценъ Россію избавила только Табель о Рангахъ Петра.

Эти сцены поясняютъ намъ, почему псковскій лѣтописецъ съ ненавистію порицаетъ бояръ, взявшихъ запись съ царя и почему эта запись принадлежитъ къ числу мертворожденныхъ политическихъ дѣтищъ.

Дѣти боярскіе и дворяне, проникнутые своимъ помѣстнымъ интересомъ, ненавидѣли, какъ показали Ляпуновы, бояръ. Горожане, столь много дѣлавшіе для успокоенія государства, только въ царской власти искали защиты отъ боярскаго самоуправства. Положеніе крестьянъ не улучшилось послѣ смутнаго времени, продолжались жалобы малоземельныхъ владѣльцевъ, что у нихъ бѣгутъ крестьяне въ имѣнія бояръ, патріарха, архіереевъ, монастырей. Указъ 1625 г. не только не помогалъ, но только ухудшалъ дѣло. Елецкіе помѣщики жаловались на людей и прикащиковъ боярина Ивана Никитича Романова, они писали, что въ ихъ украйномъ городкѣ жить въ сосѣдяхъ съ такимъ сильнымъ бояриномъ нѣтъ мочи; отъ вывода прикащиками этого боярина ихъ крестьянъ имъ больше раззоренья, чѣмъ отъ Литвы. Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что жалобы признаны несправедливыми и челобитчиковъ спровадили въ тюрьму. Соловьевъ думаетъ, что оброкъ, который крестьяне должны были платить помѣщикамъ, былъ опредѣленный; но онъ основываетъ свое мнѣніе на неопредѣленномъ выраженіи одной крестьянской челобитной крестьянъ ярославскаго уѣзда. Дѣло было въ новопожалованномъ помѣстьѣ. Крестьяне писали: «Новопожалованный противъ твоего Государь указа взялъ весь годовой оброкъ, а росписки (отписей) не далъ». Но подобные указы и могли только относиться къ новопожалованнымъ помѣстьямъ. Если бы подобные указы давались разъ навсегда, то объ нихъ сохранились бы извѣстія и помимо этой челобитной, о ежегодныхъ же указахъ всѣмъ помѣщикамъ и думать нельзя. Помѣщикъ князь Артемій Шайдаковъ грозилъ убить челобитчиковъ собственными руками [1]).

Въ умственномъ развитіи мы подвинулись мало. Превосходство умственнаго развитія европейцевъ чувствовалось русскими, но только въ области, такъ сказать, ремесленной. Такъ, въ Тулѣ уже

---

[1]) Въ отдаленныхъ городахъ не было предѣла насиліямъ воеводъ. Якутскій воевода два года держалъ въ тюрьмѣ своихъ товарищей и больше ста человѣкъ служилыхъ и торговыхъ людей. Манзейскій воевода, Кокоревъ, продавалъ водку самоѣдамъ, за водку бралъ мѣха, привозимые для уплаты ясака, а ясакъ они уплачивали одеждою изъ оленьихъ шкуръ всей семьи, которая отправлялась назадъ въ чемъ мать родила.

въ XVI в. выдѣлывалось оружіе, но желѣзо, изъ котораго дѣлали ружья, было болѣе, чѣмъ плохо; поэтому и позволили голландцу Виніусу въ1629 г. съ братомъ завести въ окрестностяхъ Тулы заводъ для отливанія разныхъ вещей изъ чугуна и для выдѣлки желѣза. Въ 1640 г. Амбургскій, т. е. Гамбургскій, гость Петръ Марселисъ получилъ разрѣшеніе заводить желѣзные заводы на рр. Вагѣ, Которослѣ и Шекснѣ, безоброчно и безпошлинно. Казна обязывалась брать у нихъ желѣзо по договору. Самая наука представлялась въ видѣ ремесла. Въ 1639 г. пріѣхалъ въ Москву ученый голштинецъ Олеарій. Въ Опасной грамотѣ ему было сказано: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ и небеснаго бѣгу и землемѣрію и инымъ многимъ *подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ*, а намъ Великому Государю таковъ мастеръ годенъ». Этотъ самый Олеарій, два раза бывшій въ Москвѣ, называетъ русскихъ варварами, говоритъ, что у нихъ нѣтъ и понятія о свободномъ искусствѣ, о высокой наукѣ, да и охоты нѣтъ пріобрѣсти такое понятіе; говоритъ, что астрономію, наравнѣ съ астрологіей, считали волшебствомъ, не вѣрили, чтобы человѣческимъ умомъ можно было предсказывать солнечное и лунное затмѣніе; съ ужасомъ смотрѣли на анатомію, на скелеты.

Въ Россіи не было желанія понять значеніе свободнаго искусства и высшей науки, но чувствовался какой-то страхъ передъ наукой. Даже въ концѣ XVII в. противъ этого страха боролся ученый хорватъ Юрій Крижаничъ, который говорилъ: отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе, а между тѣмъ люди не могутъ безъ нихъ обойтись, также точно и мудрость потребна людямъ. Всякая наука у насъ шла за эллинское сквернословіе, благодаря грекамъ, которые желали, въ умственномъ отношеніи, держать насъ въ черномъ тѣлѣ и возстановляли противъ латинскаго языка, который былъ въ средніе вѣка единственнымъ научнымъ языкомъ. Замѣчательно, что первая печатная славянская азбука или букварь появился только въ 1594 г. и то не у насъ, а въ Вильнѣ, гдѣ безграмотность давала чувствовать опасность для самой церкви. Первый букварь въ Москвѣ напечатанъ въ 1634 г. подъ заглавіемъ: «Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти Священное Писаніе». Букварь этотъ составилъ Василій Бурцевъ. Онъ-же составилъ и первую ариѳметику въ 1645 г.

Ересей и еретиковъ, однако, не избѣгли; но до чего смутно было представленіе о ересяхъ, показываетъ дѣло князя Ивана Хворостинина, котораго обвиняли въ латинствѣ; но при этомъ обвиненіи приводятся факты, показывающіе, какъ Хворостининъ далекъ былъ отъ латинства: ему ставятъ въ вину, что онъ людямъ своимъ въ церковь ходить не велѣлъ, а тѣхъ, которые ходили, билъ, говоря, *молиться не для чего, воскресенія мертвыхъ не будетъ*; про христіанскую вѣру и про угодниковъ говорилъ хульныя слова. Въ

обвиненіяхъ противъ Хворостинина, смѣшеніе атеизма съ латинствомъ отзывается крайне наивнымъ дѣтствомъ народа, который успѣлъ создать большое государство, но въ устроеніи котораго путался по невѣжеству, безконечно. Лѣтописи, относящіяся къ смутному времени, отличаются партійностію. Соловьевъ справедливо упрекаетъ въ этой партійности «Лѣтопись о мятежахъ Авраамія Палицына».

Въ народныхъ пѣсняхъ отражается недовѣріе къ боярамъ, виновникамъ смуты. Въ пѣснѣ на смерть Скопина-Шуйскаго говорится:

А съѣзжалися князья, бояре...
Мстиславскій князь, Воротынскій
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися;
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Смыслъ понятенъ: народъ не вѣрилъ, чтобы Скопинъ-Шуйскій отравленъ былъ дядею, и приписывалъ его гибель всѣмъ боярамъ сообща.

ГЛАВА XIX.

Въ Польшѣ, въ эпоху Грознаго, сильно распространилась реформація. Вскорѣ по смерти Сигизмунда-Августа, именно въ 1573 г., въ Польшѣ провозглашена была свобода вѣроисповѣданій. Въ религіозной сферѣ возникло сильное умственное движеніе, вслѣдствіе котораго послѣдователи реформы распались на множество сектъ. Этимъ распаденіемъ воспользовались іезуиты, введенные въ Польшу въ 1564 г. кардиналомъ Гозіемъ. Въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа († 1572 г.) Іезуитскія коллегіи уже были заведены въ Пултускѣ, Вильнѣ и Познани. Іезуиты прежде всего привлекли къ себѣ представителей знатнѣйшихъ фамилій, которыя приняли ученіе реформы и покровительствовали ей. Въ 1575 г. на престолъ вступилъ Баторій и, не нарушая формально вѣроисповѣдальной свободы, провозглашенной въ 1573 г., сталъ раздавать должности исключительно католикамъ и покровительствовать іезуитамъ. Іезуиты, какъ и всегда, принаравливались къ обстоятельствамъ, благопріятствовали стремленіямъ Баторія усилить монархическую власть въ Польшѣ. На этотъ разъ іезуиты гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ за обсолютную власть короля, проповѣдовали, что Польша падаетъ вслѣдствіе своеволія. Іезуиты ставили полякамъ въ образецъ испанскую монархію Филиппа II. Въ этомъ духѣ нѣкоторые іезуиты проповѣдовали и послѣ какъ напр. іезуитъ Скарга, который, въ 1600 г. при Сигизмундѣ III, ставилъ Испанскую монархію въ образецъ Польшѣ. Но когда іезуиты увидѣли, что католицизмъ одержалъ побѣду, они быстро перемѣнили фронтъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Скарги его проповѣдь о монархіи пропускается, іезуиты увѣряли, что они никогда не были приверженцами монархіи абсолютной, что нѣтъ людей болѣе уважающихъ *золотую шляхетскую вольность*, чѣмъ іезуиты. Сигизмундъ III и самъ былъ іезуитъ чистѣйшей пробы. Подобно Филиппу II и онъ всегда имѣлъ въ виду не государственныя цѣли, а церковныя. Филиппъ достигалъ своихъ цѣлей деспотизмомъ, Сигизмундъ III распущен-

ностію. Видя, что ему не сладить со шляхтою, онъ содѣйствовалъ торжеству самаго гибельнаго политическаго принципа. Въ 1589 г. на Сеймѣ окончательно былъ принятъ принципъ единогласія, по которому одинъ депутатъ могъ нарушить постановленіе цѣлаго сейма однимъ словомъ—*не позволямъ*. Благодаря этому дикому принципу, въ Польшѣ сдѣлалась невозможной какая бы то ни была благоразумная реформа. Въ предѣлахъ закона, говоритъ польскій историкъ, ни король и ни одинъ благомыслящій гражданинъ не могъ ничего сдѣлать. Мы говоримъ въ предѣлахъ закона, такъ какъ пагубные законы не дозволяли послужить родной странѣ ничѣмъ дѣйствительнымъ и благотворнымъ. (Очеркъ Исторіи Польши, Бобржинскаго, пер. подъ ред. Н. И. Карѣева, т. II, стр. 166). Эта постоянная анархія, при которой ничего нельзя было сдѣлать въ предѣлахъ закона, вызвала и оппозицію въ своеобразной формѣ, тоже близко къ анархической. Это союзъ гражданъ, которые для благой общественной цѣли на время устраняли законы и формировали свое правительство. Этотъ союзъ назывался конфедераціей, а правительство ею сформированное конфедераціоннымъ правительствомъ, формировался конфедераціонной Сеймъ, на которомъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ и анархическое *не позволямъ* не имѣло значенія. Во главѣ исполнительной власти становился маршалъ конфедерацій. Обычный сеймъ и обычныя власти устранялись. Все, что ни сдѣлала Польша хорошаго въ XVII и XVIII вв. при отстаиваніи своей независимости, говоритъ вышеупомянутый историкъ, все сдѣлано конфедераціями. Но конфедерацію могъ созывать каждый гражданинъ, могли составиться конфедераціи въ защиту вредныхъ законовъ; поэтому онѣ же и погубили Польшу. Защитники вреднаго принципа единогласія думали, что они защищаютъ златую вольность. Въ чемъ-же она состояла? Возьмёмъ слова самихъ поляковъ. Золотая вольность позволяла уклониться отъ обязанностей по отношенію къ отечеству, отъ военной службы и податей и грабить остатки государственной казны. Золотая свобода ненавидѣла всякаго, кто поднимался умомъ надъ массою, кто высказывалъ новую мысль; она терпѣла только посредственность. Золотая свобода была шляхетская исключительно, она поддерживала деспотизмъ шляхты надъ крестьяниномъ. Она унизила даже горожанъ. Сигизмундъ III перенесъ столицу въ Варшаву, жители которой не имѣли никакихъ правъ. Горожане Кракова, имѣвшіе эти права, потеряли ихъ. Внѣшняя политика Сигизмунда III, руководимаго іезуитами, была гибельна для Польши. Іезуитская политика Сигизмунда III отвлекла его отъ союза съ Франціей, который предлагалъ, во время тридцатилѣтней войны, кардиналъ Ришелье. Союзъ этотъ могъ бы прекратить безполезно враждебныя отношенія къ Швеціи. Ришелье съумѣлъ бы ихъ примирить. Но Сигизмундъ III, для котораго народные интересы не существовали, ибо іезуитизмъ

космополитиченъ, предпочелъ союзъ съ іезуитской Австріей. Такимъ образомъ опущена была минута поправить Польшѣ ея международныя отношенія, и такая минута уже не возвращалась. Но зло, причиненное іезуитизмомъ, усиливалось еще гоненіемъ на послѣдователей греческой церкви въ предѣлахъ Зап. Руси. Ягеллоны старались скрѣпить связь Литвы съ Польшей посредствомъ уравненія гражданской полноправности, конечно, и у нихъ было желаніе распространять католицизмъ; но особенныхъ усилій не дѣлалось. Въ первый разъ, при Стефанѣ Баторіи, іезуиты выступили открыто съ предложеніемъ Уніи. Баторій, какъ извѣстно, государственную власть въ религіозные споры не вмѣшивалъ, надѣясь на ловкость пропагандистовъ Уніи, т. е. іезуитовъ. Первымъ изъ нихъ въ 1577 г. выступилъ вышеупомянутый іезуитъ Петръ Скарга. Онъ издалъ книгу: «О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи». Для исторіи важны не догматическія его разсужденія, а причины, вслѣдствіе которыхъ, по его мнѣнію, въ русской церкви никогда порядка не будетъ. Положеніе греческой церкви въ З. Руси было дѣйствительно печально; но не отъ тѣхъ причинъ, которыя выставляетъ Скарга. Одною изъ причинъ онъ выставляетъ Славянскій языкъ. Этотъ пунктъ онъ излагаетъ довольно хитро, греки, говорилъ онъ, обманули русскихъ, не дали имъ своего языка, что-бы русскій народъ никогда до настоящаго разумѣнія вѣры и науки не дошелъ; ибо только посредствомъ латинскаго и греческаго языка можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. — Съ помощію славянскаго языка никто ученымъ быть не можетъ. Конечно нельзя спорить противъ того, что съ славянскимъ языкомъ никто ученымъ быть не могъ: но Славянскій языкъ введенъ въ богослуженіе не для распространенія учености, для того, чтобы богослуженіе было понятно. За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ и рѣченій, Славянскій языкъ одинаково былъ понятенъ для русскаго, серба, болгарина и другихъ славянъ.

Грековъ можно только винить за то, что они мало заботились о распространеніи знанія греческаго языка въ средѣ русскаго духовенства. Потому жестоко для русскаго звучатъ слова Скарги: у васъ, у русскихъ и неслыхать о такихъ, которыебы знали греческій языкъ, старый и новый.

Это незнаніе повело къ тому, что въ З. Руси едва совсѣмъ не исчезла греческая церковь и спаслась не духовенствомъ, а мірянами. Въ В. Руси оно повело къ невѣжественному расколу. (Объ отношеніяхъ Россіи къ Православному Востоку см. въ Царствованіи Алексѣя Михайловича).

Другою причиною безпорядка въ Русской церкви Скарга выставляетъ вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церкви; но въ борьбѣ съ католицизмомъ въ З. Руси это вмѣшательство и спасло греческую церковь отъ іезуитскихъ лапъ, какъ увидимъ ниже. Третью при-

чину печальнаго положенія церкви Скарга видитъ въ женитьбѣ священниковъ, которые, заботясь о кускѣ хлѣба, мало занимаются ученіемъ паствы и омужичились. Для уничтоженія этого зла Скарга требовалъ признанія главенства папы, оставаясь при прежнихъ обрядахъ. Эта поверхностная книжка не встрѣтила серьезнаго отпора, и русское духовенство противъ нея прибѣгло къ странному средству—ее скупали богатые русскіе люди. Въ 1590 г. Скарга сдѣлалъ второе изданіе этой книги и въ посвященіи Сигизмунду III авторъ говоритъ: «книжекъ этихъ въ продажѣ нѣтъ, ихъ скупила богатая Русь и сожгла.

Другой іезуитъ, извѣстный Антоній Поссевинъ, проповѣдовалъ, что обративши въ католицизмъ Западную Русь, легко будетъ обратить и Восточную. Онъ требовалъ, чтобы для русскихъ учреждены были школы въ Римѣ и въ Вильнѣ.

Что-же дѣлало русское духовенство? Оно только въ 1594 г., за два года до Брестской уніи, собралось напечатать славянскій букварь. Опасность для церкви была велика, но и она едва разбудила спящихъ.

Западно-Русское общество выставило защитниковъ православія сначала изъ аристократіи. Тамъ были сильные, могущественные роды, изъ которыхъ многіе вели свое происхожденіе или отъ Гедимина, или отъ Св. Владиміра. Знатнымъ панамъ, защищающимъ греческую вѣру, много помогъ князь Андрей Курбскій. Онъ предостерегалъ пановъ и горожанъ отъ споровъ съ католиками и протестантами, ибо видѣлъ, что, по малообразованности, они неспособны вести споры съ искусными протестантскими и католическими діалектиками. Князь Острожскій оставилъ важный памятникъ своей ревности: въ 1580—81 гг. онъ издалъ первую печатную Библію на славянскомъ языкѣ. Изданіе это стоило большихъ трудовъ, списокъ Библіи, присланный въ 1575 г. изъ Москвы, оказался весьма испорченнымъ. Выписаны были списки изъ болгарскихъ и сербскихъ монастырей и все-таки редакторы допустили грубыя ошибки, хотя ихъ было и менѣе, чѣмъ въ рукописныхъ редакціяхъ. Но литовско-русская аристократія недолго держала знамя греческой церкви; центръ ея интереса, по мѣткому замѣчанію Соловьева, находился не на Руси, а въ Варшавѣ, въ Сенатѣ, при дворѣ. Интересы Руси все болѣе и болѣе отодвигались у нихъ на задній планъ, становились для нихъ интересами провинціальными. Аристократы западно-русскіе переходили въ католичество не потому, что ихъ совращали іезуиты, они переходили и въ кальвинизмъ и въ социніанство, а потому, что ихъ политическіе и матеріальные интересы были одинаковы съ интересами польской аристократіи. Поэтому становится понятнымъ, что сыновья самыхъ могучихъ ревнителей православія, Курбскаго и Острожскаго—Димитрій и Янушъ, перешли въ католицизмъ. Горожане З. Руси не имѣли политиче-

скихъ правъ, не имѣли, ихъ и горожане изъ природныхъ поляковъ. Поэтому для западно-русскихъ горожанъ русскіе интересы были все. Имъ приходилось защищаться отъ сильнаго панства. Панство переходило въ католицизмъ, и греческая церковь для горожанъ служила могучимъ орудіемъ для защиты самостоятельности Руси. Въ городахъ, по замѣчанію Соловьева, благодаря Магдебургскому праву, успѣли сохраниться и окрѣпнуть старыя общинныя формы, ибо оно дало точнѣйшее юридическое опредѣленіе началамъ, которыя, безъ этого опредѣленія, не вышли-бы изъ предѣловъ обычая и были-бы непрочны, какъ и въ В. Руси. И такъ, благодаря Магдебургскому праву, въ западно-русскихъ городахъ пріобрѣли большое значеніе братства или братчины. Въ В. Россіи они имѣли значеніе только въ Новгородѣ и Псковѣ во время ихъ самостоятельности.

Восточные патріархи, видя напоръ латинства на западно-русскую церковь, поняли важное значеніе свободныхъ братствъ для защиты церкви. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, проѣздомъ въ Москву въ 1586 г., далъ грамоту Львовскому братству. Въ этой грамотѣ онъ утвердилъ обычный уставъ братства: о сходкахъ братьевъ для религіозныхъ бесѣдъ и для обсужденія дѣлъ приходскихъ, о выборѣ старостъ, о наблюденіи братьевъ за поведеніемъ другъ друга, о братскомъ судѣ, о взаимной помощи. Кромѣ того, патріархъ далъ право обличать противныхъ закону Христову, *обличать самихъ епископовъ*, *даже право отлучать отъ церкви*. Поощренное патріархомъ, братство завело у себя госпиталь, типографію, школу и своимъ вліяніемъ стѣснило даже власть Львовскаго епископа, Гедеона Балабана.—Въ 1589 г. западную Россію посѣтилъ константинопольскій патріархъ Іеремія и еще болѣе усилилъ львовское братство въ ущербъ эпархіальной власти епископа Гедеона Балабана и далъ братству новыя права: печатать всякія книги и церковныя, и школьныя, руководить всѣмъ образованіемъ во Львовѣ, избирать и *удалять отъ должности своихъ священниковъ*. Іеремія убѣждалъ православныхъ заводить и другія церковныя братства, самъ благословилъ новое братство виленское, которое тоже завело школу и получило право печатать книги.

Печальное состояніе іерархіи въ З. Руси не позволяло послѣдователямъ греческой церкви возлагать надежды на эту іерархію. Полномочія, данныя восточными патріархами братствамъ, исправить положеніе церкви, лучше всего показываютъ, каково было нравственное состояніе іерархіи въ З. Р. во второй половинѣ XVI в. Но матеріальное положеніе православной іерархіи было болѣе, чѣмъ хорошо: Если западная русская іерархія мало заботилась о религіозныхъ потребностяхъ паствы, то она не была равнодушна къ власти и къ матеріальному довольству.

Въ 1509 г. православные держали Соборъ въ Вильнѣ, на этомъ Соборѣ, между прочимъ, было запрещено мірянамъ, подъ страхомъ

отлученія отъ церкви, держать у себя Кормчую книгу, ибо, изучивъ церковныя правила, *они презираютъ своихъ пастырей и сами себѣ законъ бываютъ.*

Богатства іерархіи греческой церкви были весьма значительны. Владимірская епископія на Волыни имѣла: укрѣпленный замокъ во Владимірѣ Волынскомъ и нѣсколько дворовъ, мѣстечко Квасовъ, 16 селеній въ повѣтахъ луцкомъ и владимірскомъ; волость Купетовскую, въ ней мѣстечко — Озераны, одинадцать селеній и рыбныхъ ловель, островъ Волославъ на р. Лугѣ. Епископіи Луцкая и Острожская владѣли четырьмя мѣстечками и тридцатью четырьмя селеніями. Изъ нихъ два мѣстечка были укрѣплены, на стѣнахъ стояли пушки. Но низшее духовенство, особенно сельское, было загнано и забито; паны, старосты, да и православные епископы, сѣкали поповъ розгами, какъ своихъ хлоповъ. Чрезвычайная доходность епископскихъ каѳедръ была причиною, что ихъ искали знатные православные паны, вступали другъ съ другомъ въ соперничество передъ королемъ Сигизмундомъ III. Выходило то, что въ епископы посвящали людей недостойныхъ, женатыхъ и даже двоеженцевъ.

Митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка дважды былъ женатъ. Въ 1585 году православное галицкое дворянство прислало ему укорительную грамоту, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако, Ваша милость, не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оберегать; нисколько не заботитесь о благочестіи и пр.». Епископы: перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, холмскій Діонисій Збируйскій, пинскій Леонтій Польчинскій были люди женатые; послѣдніе двое и въ епископствѣ продолжали жить съ женами. Одинъ луцкій епископъ, Іона Красенскій, отдалъ церковное имѣніе Жабъ въ приданое за своею дочерью. Его преемникъ, Кириллъ Терлецкій, отнялъ вооруженною рукою имѣніе Жабъ у Красенскихъ. Выше упомянутый Гедеонъ Балабанъ, епископъ Львовскій, самъ былъ сынъ львовскаго епископа Арсенія и потому на львовскую епископію смотрѣлъ, какъ на семейную собственность, почему патріархъ Іоакимъ и долженъ былъ отдать его подъ надзоръ львовскихъ мѣщанъ. Точно также и константинопольскій патріархъ Іеремія имѣлъ основаніе снять съ Онисифора епископскій санъ и замѣнить его Михаиломъ Рогозою.

Но должно сказать, что послѣдствіемъ патріаршихъ распоряженій было умаленіе уваженія и довѣрія къ восточнымъ патріархамъ. Во-1-хъ потому, что увидали изъ торопливыхъ мѣръ, принятыхъ патріархами, незнакомство ихъ съ положеніемъ церкви русской въ З. Россіи, нѣкотораго рода беззаботность о ея судьбѣ; во-2-хъ, всѣмъ бросалось въ глаза пренебреженіе къ школьному образованію до минуты крайней опасности. Эти двѣ причины, въ связи съ вышеупомянутыми политическими выгодами, бросили въ

объятія католицизма множество западно-русскихъ дворянъ. Не могла усилить уваженія къ духовенству и угодливость патріарховъ передъ знатью. Патріархъ Іеремія, при посвященіи Михаила Рогозы въ митрополиты, сказалъ окружающей знати: «Если онъ достоинъ, то по вашему глаголу буди достоинъ; если же недостоинъ, а Вы его достойнымъ выставляете, то я чистъ, вы узрите».

Такимъ образомъ патріархъ заранѣе умылъ руки въ столь важномъ дѣлѣ.—Знать же выставила Михаила въ кандидаты за благочестіе, но благочестія, особенно въ то время, для архіерея было мало: онъ долженъ былъ хорошо знать всѣ обстоятельства своего времени. Патріархъ Іеремія и самъ видѣлъ, что Михаилу не сладить съ трудной задачей и, къ изумленію всѣхъ, онъ надъ Михаиломъ поставилъ начальство въ лицѣ его подчиненнаго епископа Кирилла Терлецкаго. Іеремія назначилъ его своимъ экзархомъ въ Южной Россіи, съ правомъ суда и надзора надъ всѣми епископами. Такъ Кириллъ, какъ епископъ, былъ подчиненъ Михаилу, какъ экзархъ былъ его начальникомъ. Дѣло еще болѣе запуталось, когда Іеремія передъ отъѣздомъ, получивъ жалобы на Кирилла, поручилъ Михаилу Рогозѣ созвать соборъ ради низложенія недостойныхъ іерарховъ. Тогда Кириллъ Терлецкій, Гедеонъ Балабанъ и еще нѣсколько епископовъ склонились къ мысли объ уніи съ латинствомъ съ подчиненіемъ папѣ; къ нимъ въ 1593 г. присталъ Игнатій Потѣй, вліятельный Владиміро-Волынскій епископъ, воспитанникъ Краковской Іезуитской Академіи, въ юности католикъ, потомъ кальвинистъ и наконецъ православный. Михаила Рогозу они безъ труда склонили на свою сторону. Въ 1595 г. кн. Острожскій въ посланіи своемъ раскрылъ замыслы епископовъ, назвалъ ихъ іудами-предателями, злодѣями. Тогда Гедеонъ Балабанъ отсталъ отъ Уніи. Но Терлецкій и Потѣй отправились въ Римъ, цѣловали у папы ногу и подписали признаніе папы главою церкви, признали чистилище и исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына.

Въ 1596 г. на Соборѣ въ Брестѣ образовались двѣ партіи уніатовъ и православныхъ; во главѣ послѣднихъ стояли два греческіе экзарха, Никифоръ и Кириллъ Лукарисъ. Но обѣ партіи засѣдали розно, уніаты въ соборномъ храмѣ, а православные въ частномъ домѣ; тѣ и другіе, предавъ другъ друга проклятію, разошлись. Уніатамъ, подчинившимся Риму, дозволено было сохранить греческій обрядъ. Въ 1599 г. умеръ Михаилъ Рогоза, его мѣсто занялъ Игнатій Потѣй, который началъ борьбу съ прежними единовѣрцами съ энергіей, достойной лучшаго дѣла: онъ отнималъ церкви и монастыри у православныхъ и отдавалъ ихъ уніатамъ. Въ такомъ-же духѣ дѣйствовалъ преемникъ Потѣя, Іосифъ Рутскій. Онъ умеръ въ 1637 г. Рутскій особенно обратилъ всю силу гоненія на бѣлое духовенство, главную опору православія. Выдвигая монашество, онъ его преобразовывалъ въ католическомъ духѣ; имъ

основанъ былъ монашескій орденъ въ честь Василія Великаго. Монаховъ этого ордена называли Базиліанами.

Чтоже касается до православной церкви, то положеніе ея съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Греческіе экзархи, присутствовавшіе на Брестскомъ Соборѣ, были подвергнуты заточенію; Никифоръ погибъ въ литовской тюрьмѣ, а Лукарисъ успѣлъ бѣжать. Греческіе духовные, объявленные шпіонами султана, не смѣли въ Польшу и показаться. Посвящать православныхъ епископовъ было некому. Въ началѣ XVII в. умерли послѣдніе православные епископы: Гедеонъ Балабанъ въ 1607 г. и Михаилъ Перемышльскій въ 1612 г. Ставить не только въ епископы, но и въ священники было некому. Главная сила гоненія сосредоточилась въ Литвѣ, на Волыни и въ Галиціи. Съ Малороссіей, пока живъ былъ гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный († 1622 г.), обходились осторожно. Благодаря его вліянію, въ 1620 г. пріѣхалъ патріархъ Ѳеофанъ Іерусалимскій и посвятилъ въ митрополиты Іова Борецкаго и 6 епископовъ. По требованію казаковъ признана была законность новой іерархіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что настаетъ конецъ гоненіямъ. Но ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться. Въ Витебскѣ уніатскимъ епископомъ былъ фанатикъ Іосифъ Кунцевичъ. Его притѣсненія выводили православныхъ изъ терпѣнія: онъ не позволялъ имъ отправлять богослуженіе даже за городомъ. Витебская чернь умертвила его и, надругавшись, бросила трупъ въ З. Двину. Кунцевича причислили къ лику мучениковъ, и Папа Урбанъ VIII требовалъ мщенія. Городъ Витебскъ лишенъ былъ магдебургскаго права.

Повсюду начались гоненія, даже въ Малороссіи, гдѣ Сагайдачнаго уже не было въ живыхъ. Начались казацкія возстанія. Митрополитъ Іовъ Борецкій просилъ помощи у Михаила Ѳедоровича. Дворянство массами стало переходить не въ Унію, которую презирали, а прямо въ католицизмъ. Здѣсь кстати сказать, санъ дворянина въ Литвѣ, въ противоположность Москвѣ, имѣлъ высокое значеніе. Литературный защитникъ православія, Мелетій Смотрицкій, также перешелъ въ латинство. Тогда въ латинство перешелъ и сынъ князя Острожскаго.

Тщетно громилъ отступниковъ аѳонскій инокъ Іоаннъ Вишенскій. Онъ говорилъ правду, что паны себя сочли богами хлоповъ; но голосъ Іоанна Вишенскаго не имѣлъ должнаго вліянія вслѣдствіе порицанія имъ науки. Называя дьявольскимъ коварствомъ — грамматику, риторику, діалектику, называя Платона и Аристотеля машкарниками, т. е. шутами-скоморохами, онъ осуждалъ русскую церковь на невѣжество, причину всѣхъ золъ. Отъ этого невѣжества, только въ одно царствованіе Сигизмунда III, православная церковь потеряла 2 мил. послѣдователей, перешедшихъ въ Унію.

Братскія школы сильно противодѣйствовали этому злу, но большинство дѣятелей, изъ нихъ вышедшихъ, могли работать только въ послѣдующее время. Таковы напр. были ученые монахи—Арсеній Сатановскій и Епифаній Славенецкій, вышедшіе изъ кіевской Богоявленской братской школы. Въ 1614 г. школа этого братства сгорѣла; но богатая вдова, Анна Гугулевичева, пожертвовала мѣсто и зданіе для школы, которая устроилась лучше прежняго; вступленіе въ это братство Гетмана Сагайдачнаго придало этому братству особенный вѣсъ.

Но кіевопечерскій архимандритъ Петръ Могила былъ недоволенъ всѣми братскими школами за исключеніе латинскаго языка изъ курса этихъ школъ: онъ понималъ *тогдашнюю* всемірность этого языка въ гражданской жизни. Тогда это былъ языкъ и юридическій, и языкъ международныхъ сношеній: онъ поэтому и основалъ новую школу съ латинскимъ языкомъ. «На первыхъ порахъ», говоритъ пр. Знаменскій, «въ Кіевѣ очень непривѣтливо встрѣтили новую латинскую школу. Духовенство, шляхта и казаки стали толковать, что школяры уклонились въ латинство; грозили раззорить школу, а латынщиками начинить днѣпровскихъ осетровъ. Въ коллегіи такъ были напуганы этимъ волненіемъ, что стали исповѣдоваться, готовясь къ смерти. Пр. школы, Сильвестръ Косовъ, написалъ по этому поводу апологію кіевскихъ школъ, въ которой увѣрялъ въ строгомъ ихъ православіи и доказывалъ необходимость новой науки и латинскаго языка въ спорахъ съ латинами, на судахъ и на сеймахъ. Коллегія поправила свою репутацію и отстояла свою латынь.

Еще болѣе оправдали эту школу литературные труды Петра Могилы, его катехизисъ считался сильною опорою православія. Въ 1632 г. Могила занялъ митрополичій престолъ, онъ умеръ въ 1647 г. — Впослѣдствіи изъ школы Петра Могилы вышли тѣ епископы, которые помогали Петру Великому вводить просвѣщеніе въ Великой Россіи.

Но не церковно-полемическая литература остановила распространеніе Уніи, это распространеніе остановила казацкая сабля.

Какъ въ Московской Руси государство и вѣру отстояли послѣдніе люди, такъ и въ южнорусской землѣ мелкая шляхта, небогатые горожане, казаки и забитые сельскіе попы спасли вѣру и З. Русь отъ окончательнаго ополяченія.

Частые набѣги крымскихъ татаръ заставили польское правительство на границахъ степи держать, изъ мѣстныхъ жителей, вооруженные отряды, мало по малу превратившіеся въ военное сословіе, члены котораго впослѣдствіи и получили названіе казаковъ. Первыми организаторами казацкихъ дружинъ въ Приднѣпровьи считаютъ Каневскаго старосту Евстафія Дашковича и старосту Ланскаронскаго: Преемникомъ Дашковича былъ староста Черкасскій и

Каневскій—Дмитрій Вишневецкій, современникъ Грознаго. Земли старостъ Черкасскаго и Каневскаго уже тогда назывались Украиной, т. е. Окраиной. Вишневецкій предлагалъ Іоанну Грозному разрушить крымскую орду и подчинить Черноморскій край Московской Державѣ; но Грозный отказался отъ захвата Крыма въ виду непосильной для насъ, въ то время, борьбы съ Турціей XVI в., передъ которою трепетала вся Европа. Да кромѣ того и польскіе паны, конечно, возстали бы противъ плана Вишневецкаго—передать Московской Державѣ черноморскій край. Кромѣ Турціи за Крымъ намъ пришлось бы одновременно воевать и съ Польшею.

Вишневецкій, на р. Днѣпрѣ за порогами, занялъ и укрѣпилъ островъ Хортицу и отразилъ крымскаго хана; но, по повелѣнію Сигизмунда - Августа, оставилъ Хортицу. Однако мысль Вишневецкаго не была забыта; черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Вишневецкаго, погибшаго въ 1562 г., на одномъ изъ острововъ Днѣпровскаго Понизовья явилась казацкая сѣчь, т. е. засѣка. Казаки на Сѣчи стали называться запорожскими. Казаки, оставшіеся въ Украинѣ, еще при Сигизмундѣ-Августѣ, были изъяты изъ власти старосты Черкасскаго и Каневскаго и получили особаго старосту, подчиненнаго непосредственно королю. Стефанъ Баторій казацкаго старосту назвалъ гетманомъ, завелъ реестры, куда записывались казаки, раздѣленные на полки. Польское правительство признавало только реестровыхъ казаковъ настоящими казаками; но украйнцы, не попавшіе въ реестръ, особенно хлопы, толпами бѣжали въ Сѣчь— одни на самомъ островѣ Сѣчь вступали въ казаки, другіе заселяли острова Днѣпровскаго Низовья.

Въ Сѣчи, по малорусскому выговору Січи, образовался свой порядокъ. Вся казацкая корпорація на Сѣчи называлась Кошемъ. Казаки всѣ дѣла рѣшали большинствомъ голосовъ на Вѣчѣ, которое у нихъ носило названіе Рады.—Рада избирала атамана, который назывался кошевымъ атаманомъ. Кошъ дѣлился на Курени и каждый управлялся куреннымъ атаманомъ. Сначала въ Сѣчи селились только мужчины, и только мало по малу на островахъ Низовья стали селиться семьями.

Реестровые казаки ненавидѣли Унію, какъ одинъ изъ признаковъ власти пановъ, говоритъ Костомаровъ. Разумѣется, что касается до Запорожья, то тамъ и произнести съ одобреніемъ слово Унія никто бы не осмѣлился. «Такимъ образомъ, говоритъ тотъ-же историкъ, православная религія сдѣлалась для русскаго народа знаменемъ свободы и противодѣйствія панскому игу. (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, выпускъ 5-й, Н. Костомарова, стр. 228).

Къ этому вело поведеніе пановъ. Даже іезуитъ Скарга, и тотъ говоритъ, что не было государства, гдѣ-бы съ земледѣльцемъ обходились такъ скверно, какъ въ Польшѣ. Кромѣ панщины, говоритъ другой польскій писатель, крестьяне обременены были массою мел-

кихъ поборовъ. «Много толкуютъ у насъ», говоритъ тотъ-же писатель, «о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военно-плѣнныхъ, а не тѣхъ, которые, живя подъ турецкою властію, занимались земледѣліемъ и торговлею. Они, заплативши годовую дань, свободны, какъ у насъ не свободенъ ни одинъ шляхтичъ. Въ Турціи никакой паша не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что дѣлается въ нашихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. У насъ въ томъ только и состоитъ свобода, что вольно дѣлать всякому, что вздумается, и отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи Посполитой». (Тамъ же, стр. 229 и 230). Особенно жестоко истязали бѣдныхъ хлоповъ арендаторы панскихъ имѣній— іудеи. Костомаровъ приводитъ слова народной думы объ іудейскихъ притѣсненіяхъ: «Если», говорится въ этой думѣ, «родится у бѣднаго мужика или казака ребенокъ, мужики или казаки захотятъ сочетать бракомъ своихъ дѣтей, — то не ходи къ попу за благословеніемъ, а иди къ жиду и кланяйся ему, чтобы позволилъ отпереть церковь, окрестить ребенка или обвѣнчать молодыхъ». Пѣсня говорила правду: іудеи и арендаторы брали на откупъ не только имѣнія, но и церкви; заплативъ пану, вымучивали заплаченное съ хлоповъ, брали съ нихъ деньги и за крестины, и за свадьбы, и за похороны. Каждый разъ, какъ приходилось отпирать церковь, хлопъ долженъ былъ раскошеливаться. Озлобленіе народное росло съ часу на часъ и уже вслѣдъ за объявленіемъ только намѣренія устроить унію — начались вспышки казацкихъ возстаній.

Въ 1592 г. какой-то Косинскій вторгнулся въ Подолію; въ 1595 г. запорожскій гетманъ, Лобода, опустошилъ Украйну; но князь Константинъ Острожскій вошелъ съ нимъ въ переговоры и удалилъ его въ дунайскія княжества противъ турокъ. Однако сподвижникъ Лободы—Наливайко, продолжалъ возстаніе въ 1595 г.; а въ 1596 г., послѣ объявленія уніи, съ 2 т. казаковъ разграбилъ и сжегъ Могилевъ. Подъ Лубномъ на него напалъ Жолкѣвскій съ 20 т. войска, разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 г. Жолкѣвскій, въ письмѣ къ королю, слѣдующими словами рисуетъ характеръ возстанія: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство. Какое забвеніе королевскаго величія, какіе замыслы о разрушеніи Кракова, объ истребленіи шляхетскаго сословія».

Польша была много обязана гетману Петру Коношевичу-Сагайдачному. Въ 1618 г. онъ доставилъ возможность королевичу Владиславу счастливо выбраться изъ затруднительнаго московскаго похода; онъ былъ однимъ изъ героевъ хотинской побѣды, которая въ 1621 г. прекратила грозное движеніе турокъ на Польшу. Но тотъ же Сагайдачный заявлялъ въ 1620 г. царю Михаилу о своей

службѣ противъ крымскихъ татаръ. По смерти Сагайдачнаго поляки предписали реестровымъ казакамъ очень жесткія условія въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы. Тогда гетманомъ былъ Дорошенко [1]. Число реестровыхъ казаковъ ограничено было шестью тысячами.

Между казаками какъ-бы началось раздвоеніе. Дорошенко погибъ въ Крыму, польское правительство назначило въ гетманы Григорія Чернаго, но его убили за преданность полякамъ и гетманомъ провозгласили Тараса Трясилу. Въ 1628 г. онъ поднялъ возстаніе, нанесъ нѣсколько пораженій полякамъ; но былъ разбитъ и выданъ полякамъ *лучшими* Черкасами, какъ догадывается Соловьевъ: подъ лучшими Черкасами нужно разумѣть казацкую старшину. Въ 1637 г. его замѣнилъ Павлюкъ; возстаніе, поднятое имъ, было еще сильнѣе; но вельможа русской вѣры, Адамъ Кисель, уговорилъ казаковъ положить оружіе и выдать Павлюка и Томиленка, давая клятву, что ихъ помилуютъ; но вопреки его обѣщанію ихъ казнили въ Варшавѣ въ 1638 г. Весною 1638 г. поднялось новое возстаніе, подъ предводительствомъ Острянина (Остраницы), а потомъ подъ предводительствомъ Гуни; и тотъ, и другой были разбиты и бѣжали въ Московское Государство.

Во время этихъ войнъ та и другая сторона выказали страшную жестокость. Казаки не щадили ни пола, ни возраста, а польскія войска превосходили звѣрствомъ и казаковъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, ляхи варили дѣтей въ котлахъ, женщинамъ выдавливали груди деревомъ и творили иныя неисповѣдимыя мучительства. Въ одномъ русскомъ донесеніи говорится: «пищальное зелье (порохъ), насыпавъ за пазуху, зажигали и сосцы у женъ ихъ рѣзали». Такія дѣянія повели къ общему возстанію.

---

[1]) Это былъ предокъ знаменитаго гетмана этой фамиліи при Алексѣѣ Михайловичѣ.

ГЛАВА XX.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, Өеодора Алексѣевича и правленіе царевны Софіи замыкаютъ періодъ русской исторіи отъ Грознаго до Петра. Взгляды писателей на это время зависятъ отъ ихъ точки зрѣнія на реформу Петра Великаго. Всѣ порицатели реформы восхищаются яко-бы золотымъ временемъ Алексѣя Михайловича. Этотъ взглядъ, въ наивной формѣ, особенно ярко высказался у Берха, въ его попыткѣ написать исторію царствованій первыхъ трехъ Романовыхъ. Сопоставляя время царя Алексѣя съ современнымъ ему положеніемъ Европы, онъ восклицаетъ: «Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича былъ вѣкомъ геніевъ, подобно тому, какъ вѣкъ царя Іоанна Васильевича былъ вѣкомъ тирановъ. (Царствованіе А. М., стр. 19, Петербургъ, 1831 г.). Онъ приводитъ списокъ геніевъ, въ число которыхъ ставитъ не только Людовика XIV, но и Яна Казиміра, Яна Собѣсскаго, т. е. одного іезуита и одного рубаку безъ политическаго смысла, и дочь дѣйствительно геніальнаго государя Густава-Адольфа, Христину, у которой фантазія всегда преобладала надъ умомъ. Творенія-же литературныхъ и ученыхъ геніевъ, которыхъ онъ называетъ, какъ напр. Мильтона, Пуффендорфа, въ царствованіе Алексѣя Михайловича не смѣли-бы и показаться въ Россію. Но люди, которые понимали важность и неизбѣжность реформы Петра, смотрѣли иначе на время Алексѣя, совершенно справедливо видя въ немъ—разложеніе старины. Замѣчательно, что Петръ считалъ себя продолжателемъ дѣлъ Грознаго, а не продолжателемъ дѣлъ Алексѣя. Нынѣ царствованіе Алексѣя Михайловича разработано по частямъ, но общей отдѣльной исторіи его царствованія до сихъ поръ нѣтъ. Слѣдующія слова Берха и нынѣ нельзя пропустить безъ вниманія: «Особеннаго замѣчанія, говоритъ онъ, заслуживаетъ вопросъ: почему ***истреблены*** всѣ акты, относящіеся къ царю Алексѣю Михайловичу? О царяхъ Михаилѣ Өедоровичѣ и Өедорѣ Алексѣевичѣ мы имѣемъ полныя извѣстія; но о царѣ Алексѣѣ мы ничего не знаемъ, кромѣ короткихъ отрыв-

ковъ, находимыхъ въ Грамотахъ, Указахъ, иностранныхъ газетахъ и современныхъ ему иноземныхъ писателяхъ». (Стр. 47). Многое найдено; но многое, конечно, пропало. На отношенія царя Алексѣя къ расколу далъ цѣнныя указанія митр. Макарій въ исторіи Церкви. Многое въ исторіи Алексѣя Михайловича поясняетъ раскольничья литература. Царь Алексѣй Михайловичъ (1645—1676). Въ трудное время, которое Россія переживала еще послѣ смутной эпохи, Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ 16 лѣтъ отъ роду. Опасеніе за спокойствіе государства, за прочность династіи, судьба которой находилась въ рукахъ 16-ти-лѣтняго юноши, возбуждало тревогу въ умахъ. Эти опасенія и тревоги выразились въ самой формѣ присяги на вѣрноподданство: «Опричь Государя своего Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи на Владимірское и Московское Государство и на всѣ великія государства Россійскаго изъ своихъ родовъ и царствія иного государя изъ иныхъ государствъ Польскаго и Литовскаго и Нѣмецкихъ королей и королевичей, ни изъ разныхъ земель царей и царевичей, никого не хотѣши; и государства подъ нимъ, Государемъ своимъ Царемъ и Великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ всея Русіи, не подыскивати никоими мѣрами, никоторою хитростью»... (См. вышеупомянутый Хронографъ арх. Пахомія).

Воспитателемъ царя Алексѣя былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, человѣкъ весьма близкій къ царю Михаилу. Морозовъ 13 лѣтъ провелъ около царевича. Алексѣй родился 10 марта 1629 года, отецъ его скончался 12 іюля 1645 г., слѣдовательно Морозовъ съ 3-хъ лѣтъ былъ при царевичѣ. Въ томъ-же 1645 г. въ Августѣ скончалась и мать Алексѣя Михайловича, царица Евдокія Лукьяновна, урожденная Стрѣшнева. Морозовъ давно уже пріобрѣлъ сильное вліяніе на Алексѣя, а по смерти его матери, говоритъ Соловьевъ, по вліянію на Государя и государство, у Морозова уже не было соперниковъ. Тотъ-же историкъ о личности Морозова говоритъ слѣдующее: Морозовъ былъ человѣкъ умный, ловкій (?), по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства; но не умѣвшій возвыситься до того,чтобы не быть временщикомъ, чтобы не попользоваться своимъ временемъ для своихъ частныхъ цѣлей.

Эта характеристика, особенно въ первой своей половинѣ, возбуждаетъ значительныя сомнѣнія. Нельзя понять, какое значеніе историкъ придавалъ слову ловкій, можетъ-быть, ловкій обдѣлывать свои дѣла? еще болѣе непонятно—въ чемъ выразилось у Морозова пониманіе новыхъ потребностей государства? Только въ международныхъ сношеніяхъ Морозовъ выразилъ нѣкоторое знаніе международнаго приличія. Подъ его вліяніемъ покончено было два дѣла немедленно. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ началось сватовство царевны Ирины Михайловны за датскаго принца Вольдемара, который въ

1644 г. прибылъ въ Москву, но бракъ не состоялся. Принцъ не хотѣлъ принимать православія, хотѣлъ уѣхать изъ Москвы; но его не пускали и только, по воцареніи Алексѣя, принцъ благополучно возвратился въ Данію. Есть основаніе думать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ не отпускалъ его въ надеждѣ уладить дѣло съ духовенствомъ; но не успѣлъ и, говорятъ, будто-бы этотъ неуспѣхъ былъ причиною смерти царя. Въ смутное время умеръ въ Москвѣ шляхтичъ Луба, оставивъ послѣ себя маленькаго сына, котораго въ Польшу привезъ шляхтичъ Бѣлинскій. Бѣлинскій-ли, или кто другой, былъ въ этомъ виноватъ, но распространенъ былъ слухъ, что Луба сынъ Марины и названнаго Димитрія, что вмѣсто сына Марины въ Москвѣ повѣсили неизвѣстнаго мальчика. Въ Москву разныя духовныя лица донесли, что заявленію Бѣлинскаго внималъ Сигизмундъ III и канцлеръ Левъ Сапѣга. Лубу вытребовали въ Москву; но польское правительство просило пощадить невиннаго человѣка и Луба въ началѣ новаго царствованія, подъ вліяніемъ Морозова, былъ отпущенъ. Но во внутреннихъ дѣлахъ временщикъ не зналъ мѣры своему самовластію и корыстолюбію и едва не погубилъ династіи, что повело-бы къ еще болѣе страшной смутѣ, чѣмъ та, которую Россія тогда только-что пережила.

Самъ корыстолюбецъ, Морозовъ и въ помощники подбиралъ себѣ такихъ же корыстолюбцевъ, какъ онъ. Главнымъ его помощникомъ былъ Думный Дьякъ Назаръ Чистой изъ ярославскихъ купцовъ. Морозовъ и Чистой оба пользовались совѣтами иностраннаго заводчика Виніуса; «первый примѣръ, говоритъ С. М. Соловьевъ, иностранца, получившаго вліяніе на государственныя дѣла».

Положеніе народонаселенія не могло улучшиться по смерти Михаила; послѣдствія смутнаго времени продолжали сказываться: купцы по прежнему жаловались на монополію англичанъ; посадскіе и крестьяне старались посредствомъ побѣговъ отдѣлываться отъ податей, сваливая ихъ на общины. Противъ такого бѣдствія Морозовъ придумалъ увеличеніе косвеннаго налога на соль, до двухъ гривенъ на пудъ, чтобы этимъ налогомъ покрыть недодобранныя подати съ *избылыхъ*. За этихъ избылыхъ, т. е. неизвѣстно гдѣ пребывающихъ, платили посадскіе, оставшіеся въ городахъ, и крестьяне, остававшіеся въ общинахъ. Съ тѣхъ и другихъ подати приходилось добывать посредствомъ правежа, но избылыхъ на правежъ взять было неоткуда, а съ оставшихся и правежемъ выколачивать подати было невозможно, ибо нечего было выколотить. Другая мѣра Морозова состояла въ казенной монополіи на табакъ, которымъ разрѣшено было торговать; тогда какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за употребленіе табаку жестоко наказывали. Въ 1646 г. изъ Приказа Большой Казны въ Сибирь послано было 130 пудовъ табаку; продавать его велѣно было во всѣхъ сибирскихъ городахъ всякимъ людямъ по чему цѣною доведется. Воеводы получили приказъ са-

жать въ тюрьму тѣхъ, кто будетъ продавать свой табакъ. Налогъ на соль не принесъ пользы, потому что значительная доля этого налога ушла, безъ сомнѣнія, въ карманы Морозова и его креатуръ и еще болѣе потому, что онъ падалъ на предметъ первой необходимости. О табачной монополіи и говорить нечего: она продолжалась не долго и впослѣдствіи за употребленіе табаку и торговлю имъ введены были еще большія наказанія, чѣмъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Монополія, устроенная Морозовымъ, держалась около 4-хъ лѣтъ, пока не поколебалось положеніе самого организатора монополіи. Въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича возобновлены были жестокіе законы Михаила противъ курильщиковъ и продавцевъ табаку. (Уложеніе, глава XXV, ст. XI). Жестокіе указы противъ куренья и нюханья табаку при Алексѣѣ Михайловичѣ повторились въ 1665 и 1670 годахъ. Въ другихъ странахъ Европы табакъ въ XVII ст. точно такъ-же преслѣдовался. Въ Англіи табакъ преслѣдовали королева Елизавета и ея преемникъ, Іаковъ I. Въ Венгріи въ 1670 за куреніе табаку опредѣленъ былъ штрафъ въ 300 гульденовъ. Султанъ Амуратъ IV рубилъ табачникамъ головы и выставлялъ ихъ съ трубкою во рту на показъ народу. Шахъ Аббасъ жегъ курильщиковъ вмѣстѣ съ табакомъ. (См. Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II. Марка Чулкова).

У насъ происхожденіе вражды къ табаку неправильно приписывается расколу въ его началѣ. Раскольники только остались и послѣ Петра при взглядахъ свѣтскихъ и духовныхъ властей временъ царей Михаила и Алексѣя.

Монополіями нельзя было поправить финансоваго положенія. Жалобы дворянъ и дѣтей боярскихъ подтверждаютъ извѣстія иностранцевъ о самовольствѣ людей сильныхъ. «И между служилыми людьми сильные продолжали раззорять слабыхъ, переманивая отъ нихъ крестьянъ. Дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что они раззорены безъ остатка отъ войны и отъ сильныхъ людей—бояръ, окольничихъ, ближнихъ людей и властей духовныхъ, просили возвращать имъ бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ и выписямъ. (Соловьева. X т. Гл. 2). То было время владычества сильныхъ и угнетенія слабыхъ. Молодого Царя ублажали лестью, а Россію вели по опасному пути.

Послѣ вѣнчанія на царство Патріархъ Іосифъ и Царь говорили рѣчи, въ которыхъ не упоминалось о царяхъ Борисѣ съ сыномъ и о Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ. Говоря о положеніи Россіи, отъ царя Θеодора Іоанновича перешли прямо къ Михаилу. Должно, однако, сказать, что послѣдній былъ тактичнѣе: онъ приказалъ гробъ царя Василія Ивановича Шуйскаго поставить среди гробницъ русскихъ государей, и о Борисѣ Годуновѣ сказалъ: «Онъ былъ врагъ моего роду, но онъ былъ Царь». Вѣроятно, этотъ пропускъ сдѣланъ подъ вліяніемъ фамилій, враждебныхъ Борису и Шуйскому.

При вступленіи Алексѣя Михайловича на престолъ, изъ бояръ царя Михаила 13 человѣкъ пожаловано было въ ближніе бояре; въ числѣ ихъ трое Шереметевыхъ, трое Морозовыхъ и кн. Голицынъ, сынъ князя Василія, знаменитаго врага Годунова и соперника Шуйскихъ. Если примемъ въ соображеніе, что Шереметевы также были врагами Годунова, то ясно становится, что во главѣ боярства стали фамиліи, низвергнувшія Годунова, и фамиліи, низвергнувшія Шуйскаго. Мы не знаемъ, какъ эти фамиліи смотрѣли на мѣры Морозова, но не видно попытки имъ противодѣйствовать.

Борисъ Ивановичъ Морозовъ думалъ только о томъ, какъ-бы упрочить свое вліяніе. Царь рѣшился жениться. Морозовъ, отстранивъ уже выбранную невѣсту, Всеволожскую, устроилъ въ январѣ 1648 г. бракъ царя Алексѣя съ дочерью стольника Милославскаго, красавицею Марьею Ильиничною; черезъ 10 дней послѣ царской свадьбы Морозовъ женился на сестрѣ Царицы. Илья Милославскій, пользуясь случаемъ, также спѣшилъ нажиться, равно какъ и родственники его, судья Земскаго Приказа — Леонтій Плещеевъ и управлявшій Пушкарскимъ Приказомъ — Траханіотъ. Ихъ злоупотребленія вызвали мятежъ въ первыхъ числахъ іюня того-же 1648 г.

Разскажемъ это дѣло по новому источнику, найденному въ Стокгольмскомъ архивѣ.

Плещеевъ, говорится въ этомъ источникѣ, проявлялъ жестокость и несправедливость въ дѣлахъ, касавшихся простого народа.—Царь послѣ многократныхъ просьбъ народа велѣлъ изслѣдовать дѣло съ пытками. Морозовъ оправдалъ Плещеева. 1-го іюня Царь возвращался отъ Троицы, и народъ снова жаловался на Плещеева. Челобитчики были схвачены. Народъ началъ бросать камнями въ свиту. На другой день, въ пятницу, 2 іюня толпы народа, окруживъ дворецъ, потребовали не только освобожденія схваченныхъ челобитчиковъ, но и немедленной казни Плещеева. Морозовъ велѣлъ стрѣльцамъ разогнать народъ, но стрѣльцы отказались проливать кровь изъ-за Плещеева. Слуги Морозова осмѣлились бить стрѣльцовъ, стоявшихъ на караулѣ, и одинъ изъ этихъ стрѣльцевъ былъ убитъ. Мятежъ усилился, домъ Морозова былъ опустошенъ—взламывали сундуки, лари и всякое добро выбрасывали въ окна. Такая же участь постигла домъ Назара Чистаго, котораго и самого убили ударами дубины. Въ этотъ-же день разрушено было до семидесяти домовъ. Вѣроятно, тогда же разрушены были дома князей Одоевскаго и Львова. Въ субботу толпа явилась требовать обѣщанной Царемъ выдачи Плещеева, выстрѣлы не помогли: Плещеевъ былъ выданъ и убитъ дубьемъ. Такая же участь постигла Траханіота.—Патріархъ, до выдачи Морозова, хотѣлъ говорить за него; но долженъ былъ умолкнуть. Они готовы были самого царя считать измѣнникомъ своему слову, такъ какъ онъ не держитъ обѣщанія—не выдаетъ имъ

Морозова, и рѣшились силою добиться высылки Морозова изъ Москвы. Онъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро.

Таковы были результаты управленія временщика. Источникъ, по которому сдѣланъ разсказъ нашъ, извлеченъ извѣстнымъ нашимъ изслѣдователемъ Форстеномъ изъ Стокгольмскаго государственнаго Архива и напечатанъ, подъ наблюденіемъ С. Ѳ. Платонова, въ чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ.

Этотъ разсказъ написанъ, какъ видно, по дипломатическимъ донесеніямъ, слѣдовательно по оффиціальнымъ источникамъ. Въ другихъ разсказахъ встрѣчаются нѣкоторыя пополненія; такъ разсказъ Олеарія о грабежѣ Морозовскаго дома дополняетъ шведскій источникъ такими подробностями: «Мятежники взламывали сундуки и лари и бросали въ окошко, при этомъ драгоцѣнныя одѣянія, которыя въ нихъ находились, разрывали на клочки, *деньги* и всякая домашняя утварь выбрасывались на улицу, чтобы показать, *что не такъ ихъ влечетъ добыча, какъ мщеніе врагу*». Разсказъ шведскій не оставляетъ никакого сомнѣнія, такъ сказать, въ самовозгораніи мятежа, внѣ всякихъ постороннихъ подстрекательствъ. Такое ожесточеніе, какое московское населеніе выказало при раззореніи дома Морозова, никѣмъ не можетъ быть внушено и потому напрасно винить, подобно г. Берху, нѣмецкихъ купцовъ въ подстрекательствѣ, на томъ основаніи, что среди самаго страшнаго разгара мятежа нѣмецкіе купцы не были тронуты. Ясно, не были тронуты потому, что мятежникамъ до нѣмцевъ не было дѣла [1]).

По окончаніи мятежа Морозовъ былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, куда, 6 августа того-же 1648 г., Царь послалъ Грамоту, съ приказаніемъ всячески оберегать боярина Бориса Ивановича Морозова, особенно во время ярмарки на Успеньевъ день; или куда-нибудь вывезти его на время ярмарки, чтобы никто не зналъ куда. Этотъ пунктъ царь подтвердилъ собственною припискою на поляхъ и прибавилъ: «быть казненнымъ, если не убережете, а убережете—я васъ пожалую такъ, *чево* отъ зачала свѣта такой милости невидали. Грамотку сію покажите ему, моему пріятелю». (А. Арх. Э. Т. IV 29).

Московскія событія немедленно отразились на сѣверѣ. По тѣмъ же причинамъ, какъ и въ Москвѣ, вспыхнули мятежи въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ. Нѣкоему Ѳеодору Приклонскому велѣно было собрать съ посада и уѣзда 535 р. ратнымъ на жалованье. Приклонскій, по обычаю московскихъ подъячихъ, бралъ гораздо болѣе сверхъ положеннаго. Посадскіе и сельчане, тоже по обычаю, принесли Приклонскому въ даръ 20 р. и просили его ѣхать въ Москву.

---

[1]) Если-бы нѣмцы подстрекали и ихъ не тронули, то надобно было-бы указать, кто и какими средствами отвратилъ отъ нихъ опасность?

Но изъ Москвы пришла вѣсть о расправѣ съ Морозовымъ и его агентами. Сольвычегодцы пожалѣли 20 р., данныхъ Приклонскому, и потребовали ихъ назадъ. Отказъ Приклонскаго возбудилъ мятежъ и онъ едва спасся въ соборную церковь. Толпа окружила церковь, но ночью ему удалось выбраться на рѣку Вычегду и по ней спастись. Въ Устюгѣ едва не убили воеводу Михаила Васильевича Милославскаго. Но подъячій Михайловъ, заправлявшій у Милославскаго всѣми дѣлами, былъ убитъ. Онъ также взялъ съ горожанъ и сельчанъ 260 р. и не хотѣлъ ихъ возвратить. Пріѣхалъ изслѣдовать дѣло Ромодановскій и его потомъ уличали, что онъ взялъ 600 р., да подъячій, пріѣхавшій съ нимъ, сто р., потомъ оказалось, что Ромодановскій не брезговалъ брать и съ острожныхъ сидѣльцевъ.

«Морозовъ», говоритъ Соловьевъ, «былъ удаленъ, а имя его не выходило изъ устъ недовольныхъ. Въ народѣ пошли слухи, что снова быть сумятицѣ, что къ народу пристанутъ стрѣльцы, что за народъ станутъ князья Иванъ Андреевичъ Голицынъ, двое Черкасскихъ и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ; что будутъ бить бояръ Морозова, Милославскаго и другихъ» (Соловьевъ, т. X, гл. 2).

Всѣ эти волненія представляли печальное зрѣлище, бѣдность умственнаго и политическаго развитія. Невѣжественный народъ вѣритъ каждому нелѣпому слуху; такъ въ Устюгѣ какой-то кабачный посѣтитель закричалъ: «Царь указалъ разграбить 17 дворовъ!» и начался грабежъ. Правительственныя лица стараются нажиться на счетъ этого невѣжественнаго народа. Вслѣдствіе этого дѣло и дошло до того, что Царь и царское семейство нѣкоторое время находились въ тревогѣ. Котошихинъ говоритъ: «Царица, царевичи, царевны запершись сидѣли въ хоромахъ въ великомъ страху и боязни».

Царь Алексѣй Михайловичъ чувствовалъ необходимость измѣнить народное настроеніе и привлечь къ себѣ массы.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ на лобномъ мѣстѣ говорилъ народу рѣчь, говорилъ, что ему неизвѣстны были подвиги безбожныхъ Плещеева и Траханіота, что впредь онъ будетъ управлять кротко и милостиво, что уничтожитъ всѣ монополіи. Потомъ Царь сталъ просить за Морозова, своего втораго отца, воспитавшаго и возроствившаго его. Олеарій говоритъ, что слезы выступили на глазахъ царя. Народъ, глубоко тронутый, преклонилъ голову и заявилъ, что пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу и Государю. Морозовъ былъ возвращенъ, и Царь всячески искалъ случая примирить Морозова съ народомъ. Обыкновенно исполнялись всѣ просьбы, которыя подавались черезъ Морозова. Онъ умеръ въ 1662 году. Всѣ эти волненія приписывались недостатку законовъ; считали необходимымъ пополнить старые судебники, отжившіе свое время, новымъ законоположеніемъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, опасаясь еще худшихъ временъ и пра-

вительство Алексѣя Михайловича искало опоры въ Земскомъ Соборѣ. День тогдашняго новаго года, 1 сентября 1649 г., назначенъ былъ къ открытію Собора. Соборъ этотъ состоялъ, говоря современнымъ языкомъ, изъ двухъ палатъ. Въ составъ Верхней Палаты вошли: самъ Царь, Патріархъ съ освященнымъ соборомъ и Боярская Дума. Нижняя Палата состояла изъ выборныхъ низшаго служилаго сословія, изъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ и городовыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и тяглыхъ людей. Представителемъ правительства въ Нижней Палатѣ былъ князь Долгорукій. Главною задачею этого Земскаго Собора было составленіе новаго Уложенія.

Составленіе Уложенія поручено было Комиссіи, въ которой членами были: князь Никита Одоевскій, князь Прозоровскій, князь Волконскій да дьяки—Гавріилъ Леонтьевъ и Ѳедоръ Грибоѣдовъ. Имъ велѣно было сдѣлать выписки изъ правилъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, изъ старыхъ судебниковъ, изъ боярскихъ приговоровъ; а всѣ эти выписки свести и, въ случаѣ нужды, дополнить.

Комиссія комиссіей, но и дѣятельность выборныхъ не ограничилась, по строгому изслѣдованію, однимъ выслушиваніемъ Уложенія. Такъ, изслѣдователи Шпилевскій и Щаповъ признаютъ, что 42 статья XVII гл. Уложенія *о вотчинахъ* составлена подъ вліяніемъ выборныхъ служилаго сословія. Эта статья дозволяетъ родственникамъ выкупать изъ монастырей вотчины, данныя на поминовеніе души, а если родственниковъ не будетъ, то выкупаетъ Государь. Статья направлена противъ захвата монастырями имуществъ. Захватъ этотъ начался при Филаретѣ, когда монастыри вѣроятно возвратили себѣ имѣнія, отобранныя Грознымъ. Пр. Сергѣевичъ указываетъ, что изъ сорока статей о посадскихъ 17 составлены по челобитнымъ выборныхъ изъ посадскихъ. Есть извѣстіе, что многіе выборные не подписали Уложенія. Очень вѣроятно, что человѣкъ 25 не подписали его; но почему, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ недовольные были. Щаповъ говоритъ, что Никонъ не лестно отзывался о комиссіи и о предсѣдателѣ ея, князѣ Одоевскомъ. Это легко объясняется тѣмъ, что Уложеніемъ учреждался монастырскій Приказъ. Тотъ-же изслѣдователь, одинъ изъ знатоковъ раскола, говоритъ, что нѣкоторые позднѣйшіе толки раскола называютъ Уложеніе богомерзкою, антихристовою книгою: вѣроятно за суровость Уложенія по отношенію къ низшимъ классамъ общества.

Изданіе Уложенія новыхъ мятежей не отстранило. Для государства опаснѣе всего были возстанія во Псковѣ и Новгородѣ.

Въ томъ и другомъ городѣ мятежи вспыхнули по одной причинѣ. Изъ земель, уступленныхъ Швеціи, на Русь стали часто являться перебѣжчики, которыхъ, по Столбовскому миру, русское правительство обязано было возвращать. Русское правительство сочло болѣе

приличнымъ не выдавать ихъ, а уплатить за нихъ деньгами 20 т. и хлѣбомъ 11 т. четвертей. Но годъ былъ голодный, когда во Псковъ пришла вѣсть о вывозѣ хлѣба въ Швецію; народъ взволновался и объявилъ, что онъ съ хлѣбомъ людей изъ Кремля не выпуститъ. Въ Псковской области хлѣбъ для отсылки въ Швецію закупилъ купецъ Емельяновъ, по порученію правительства. Емельяновъ это порученіе обратилъ въ монополію и во Псковѣ только у него одного и можно было купить хлѣба. Вслѣдъ затѣмъ черезъ Псковъ долженъ былъ проѣхать Нумменсъ, шведскій посолъ, и провезти ввѣренныя ему 20 т. денегъ. По неблагоразумному совѣту псковскаго воеводы Собакина, Нумменсъ хотѣлъ проѣхать Псковъ по загородью. Въ народѣ возбудилось новое подозрѣніе, везетъ казну отъ царя, и хочетъ проѣхать тайкомъ. Нумменса остановили, отобрали все, что у него было, сложили въ Кремлѣ и запечатали. Волненіе во Псковѣ стало утихать, но оно отразилось въ Новгородѣ.

Въ Новгородѣ митрополитомъ былъ тогда Никонъ. Онъ былъ сынъ нижегородскаго крестьянина, выучился грамотѣ, получилъ мѣсто священника; потерявъ дѣтей, постригся въ монахи. Строгимъ аскетическимъ поведеніемъ пріобрѣлъ расположеніе царя Алексѣя Михайловича и возведенъ въ санъ новгородскаго митрополита.

Въ Новгородѣ также прошла молва, что къ нѣмцамъ повезутъ хлѣбъ и деньги и вслѣдствіе этого слуха неизвѣстно за что избили и изуродовали датскаго посла Граба. Пожитки его не тронули. свезли на пушечный дворъ. Мятежники выбрали себѣ вождя митрополичьяго подьячаго Ивана Жеглова съ двумя товарищами. Воевода не имѣлъ силъ, или не умѣлъ остановить мятежъ и обратился къ Никону. Послѣдній, сообразно своему крутому и жестокому характеру, за обѣдней въ день тезоименитства Государя, 17 марта проклялъ Жеглова и его товарищей. Это проклятіе, безъ Государева Указа и безъ патріаршаго распоряженія, раздуло мятежъ и Никонъ былъ избитъ народомъ. Конецъ мятежу положило вступленіе князя Хованскаго въ Новгородъ. Онъ казнилъ смертію посадскаго Волка, убившаго датскаго посла, и наказалъ кнутомъ Жеглова и еще нѣсколько мятежниковъ. Самъ Никонъ, наученный опытомъ, совѣтовалъ дѣйствовать осторожнѣе. Черезъ нѣсколько времени онъ просилъ Царя простить всѣхъ, но это случилось тогда, когда до Царя дошли нареканія и на него [1]).

---

[1]) Какой видъ Никонъ придалъ дѣлу, видно изъ письма его къ Царю. Онъ разсказываетъ, какъ во время богослуженія внезапно онъ видитъ царскій золотой вѣнецъ надъ главой Спасителя. Вѣнецъ этотъ перешелъ на главу Никона, онъ говоритъ, что осязалъ его собственными руками и изъ этого онъ понялъ, по его словамъ, что ему предстоитъ другой вѣнецъ, т. е. мученическій.

Въ челобитной новгородцевъ на кн. Хилкова жалуются, что онъ, вопреки царскому Указу, отпускаетъ въ Швецію торговыхъ людей съ хлѣбомъ и мясомъ

Но князь Хованскій, вступившій легко въ Новгородъ, былъ отбитъ отъ Пскова. Прося изъ Москвы помощи, онъ доносилъ, что мятежъ все болѣе и болѣе разгорается, что городъ Гдовъ и вся область заодно со Псковомъ. Самъ Никонъ, посланныхъ котораго побили во Псковѣ, говоритъ о необходимости всепрощенія. Оказалось, что необходимо прибѣгнуть къ авторитету Земскаго Собора, который и состоялся въ 1650 г. въ Москвѣ. Къ Собору обратились съ вопросомъ: «что дѣлать, если мятежники не послушаютъ увѣщаній, посланнаго къ нимъ епископа Рафаила? «Подлинный отвѣтъ можно угадать—къ Рафаилу посланъ Наказъ, не требовать выдачи коноводовъ, дѣйствовать миролюбиво. Псковичи, увѣрившись въ амнистіи, смирились. Такое окончаніе псковскаго дѣла было результатомъ заявленія Собора, что положеніе дѣлъ въ государствѣ весьма опасно, что повсюду то и дѣло слышны мятежныя рѣчи.

Если Никону и не удалось остановить мятежа въ Новгородѣ и Псковѣ, то онъ съумѣлъ возстановить свое значеніе у царя Алексѣя Михайловича. Еще будучи архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря, Никонъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на Алексѣя Михайловича. Отсутствіе Никона, пребываніе въ Новгородѣ и новгородская смута поубавили значительно это вліяніе. Но въ 1651 г., въ первый пріѣздъ въ Москву, послѣ смуты онъ быстро возвратилъ и усилилъ свое вліяніе. По его совѣту гробницы патріарховъ: Гермогена изъ Чудова и Іова изъ Старицы, перенесены въ Успенскій Соборъ. Онъ-же уговорилъ послать въ Соловки за гробомъ митрополита Филиппа Колычева, смерть котораго приписывали Малютѣ Скуратову. Это перенесеніе поручено было Никону и боярину князю Ивану Никитичу Хованскому. Торжество это, говоритъ Соловьевъ, имѣло не одно религіозное значеніе: Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною, онъ былъ низвергнутъ Іоанномъ Грознымъ (т. X, гл. 2). Никонъ заставилъ свѣтскую власть, въ лицѣ набожнаго Алексѣя Михайловича принести торжественное покаяніе за низверженіе Филиппа. Онъ заставилъ Царя Алексѣя Михайловича написать молитвенную, покаянную грамоту къ мощамъ Св. Филиппа. Грамота сочинена была, разумѣется, Никономъ: «Молю Тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить прегрѣшеніе прадѣда

по ночамъ ради своей корысти. О Никонѣ говорится, что всякихъ чиновъ людей билъ на правежѣ на смерть.

Берхъ, въ исторіи Алексѣя Михайловича, говоритъ, по поводу побоевъ, нанесенныхъ Никону. «Въ жизнеописаніи Никона, составленномъ служкою его, изложено событіе сіе съ безчисленными подробностями, и заслуги сего временщика раскрашены самыми ярчайшими красками. Любовь его къ отечеству и безпримѣрное человѣколюбіе превознесены до высочайшей степени. Словомъ, Никону приписано спасеніе Россіи». ч. I, стр. 52.

нашего царя Іоанна... Преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего [1]).

Во время путешествія Никона въ Соловки, умеръ патріархъ Іосифъ. Разумѣется избранъ былъ Никонъ, но Никонъ отрекся. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ Успенскомъ Соборѣ, распростершись передъ гробницею Св. Филиппа, проливалъ слезы и умолялъ Никона, принять патріаршество. Никонъ согласился; но напередъ взялъ клятву съ бояръ и съ народа, что дадутъ ему устроить Церковь, т. е., что въ его дѣла никто не будетъ вмѣшиваться. Это было въ іюлѣ 1652 г. Для объясненія силы Никона и для характеристики времени и лицъ, Соловьевъ приводитъ два письма царя Алексѣя Михайловича къ Никону во время путешествія послѣдняго въ Соловки. Письма эти напоминаютъ начало среднихъ вѣковъ въ Европѣ. Во второмъ письмѣ къ Никону Алексѣй Михайловичъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, называетъ Никона «Страдалецъ Царя Небеснаго и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ». Житіе Никона царь называетъ *пренепорочнымъ*, беззлобивымъ, называетъ Никона особеннымъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Въ этомъ письмѣ Алексѣй Михайловичъ разсказываетъ о сильномъ впечатлѣніи, которое произвело на него внезапное извѣстіе о смерти патріарха Іосифа. О посѣщеніи своемъ покойника царь Алексѣй пишетъ: «Надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ Псалтырь и во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ, и я началъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь»? «Прости Государь», отвѣчалъ онъ, «страхъ нашелъ великій; въ утробѣ у него, святителя, безмѣрно шумѣло, такъ меня страхъ и взялъ; вдругъ взнесло, животъ у него Государя поднялся, и лицо въ туже пору стало пухнуть; меня и страхъ взялъ, думалъ что ожилъ, для того я и двери отворилъ, думалъ бѣжать».—«И на меня», продолжаетъ Алексѣй Михайловичъ, «прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился, а въ немъ и при мнѣ грыжа-то очень прытко ходитъ въ животѣ, какъ у живаго; и мнѣ пришло такое помышленіе отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ и я, перекрестясь, взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово—отъ земли созданъ и въ землю идетъ, чего бояться?» (Соловьевъ т. X, гл. 2).

Въ это время и начался у Никона разладъ съ боярами. Князь Иванъ Хованскій, будущій защитникъ раскола, жалуется, что Ни-

[1]) Никонъ сослался на примѣръ Θеодосія II, который писалъ покаянную грамоту ко гробу Іоанна Златоуста за мать свою, оскорбившую святого. Не входя въ разбирательство дѣла Іоанна Златоуста, здѣсь замѣтимъ только, что указывая на примѣръ Θеодосія II, вѣроятно, Никонъ не имѣлъ понятія, что такое за человѣкъ Θеодосій II. Это былъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и неумныхъ императоровъ Византіи. Его прозвали Каллиграфъ, потому что онъ ничему кромѣ каллиграфіи выучиться не могъ.

конъ насильно заставляетъ стоять за правилами; подьячій Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: «Лучше бы намъ въ Новой Землѣ, за Сибирью, пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть, силою заставляетъ говѣть; но никого силою не заставитъ въ Бога вѣрить». (Тамъ же). Царь предостерегаетъ Никона, совѣтуетъ быть умѣреннѣе и проситъ это сообщеніе сохранить въ тайнѣ. Но Никонъ не внялъ искреннему совѣту друга своего, царя, и не оставилъ своего надменно-холоднаго тона въ сношеніяхъ съ людьми, а патріархомъ сталъ еще требовательнѣе, строже.—Страхъ былъ главнымъ его оружіемъ и его, дѣйствительно, всѣ боялись. Таковъ былъ человѣкъ, которому предстояло совершить дѣло, требовавшее мягкости характера, снисходительности, стремленія достигнуть всего убѣжденіемъ, а не силою. Никону предстояло исправить ошибки въ богослужебныхъ книгахъ. Эти ошибки вкрались вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ.

Въ XV в. во Псковѣ, вмѣсто тройной аллилуіи или трегубой, стали пѣть двойную, ссылаясь на преподобнаго Ефросина. Въ томъ-же столѣтіи возникъ вопросъ о хожденіи, по солонь или противъ при крестныхъ ходахъ и другихъ обрядахъ. Въ XVI в. суевѣріе, невѣжество, безграмотность духовенства и мірянъ достигла крайней степени. Максимъ Грекъ пострадалъ не только по дѣлу о разводѣ В. Кн. Василія Ивановича, но и по поводу исправленія книгъ. При поголовномъ почти невѣжествѣ не мудрено, что въ постановленія Собора 1551 г., въ такъ называемый Стоглавъ, вошли ученія о двуперстномъ сложеніи, о сугубой аллилуіи, ученіе о небрадобритіи. Всѣ эти ученія въ глазахъ народа прикрывались уважаемымъ именемъ царя Іоанна, лично въ этомъ дѣлѣ не принимавшаго никакого участія. — При началѣ книгопечатанія не обратили должнаго вниманія на правописаніе собственныхъ именъ, въ рукописяхъ писано было Іс҃ъ подъ титломъ, или просто Ісусъ, такъ и напечатали, а послѣ стали печатать Іисусъ, что и повело къ печальнымъ недоразумѣніямъ. — Въ XVII в. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, мы видѣли, какъ пострадалъ архимандритъ Діонисій за исключеніе изъ молитвы излишняго слова и *огнемъ*. Тогда же московскіе книжники осудили, во свидѣтельство своего невѣжества, на сожженіе учительное Евангеліе Транквиліона, въ болѣе исправленномъ текстѣ, чѣмъ въ изданіяхъ Евангелій того времени. (См. Руководство къ Церковной Исторіи Знаменскаго, изд. 2-ое стр. 263). Костомаровъ, въ біографіи Епифанія Славинецкаго, приводитъ примѣръ недомыслія московскихъ книжниковъ. У Транквиліона о распятіи Христа было выраженіе: пригвоздили до креста. Московскіе книжники возмутились, увидѣли въ этихъ словахъ ересь, говорили, что слѣдуетъ писать ко кресту, не понимая того, что *до* креста, по малороссійски и значило ко кресту. (Рус. Исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей. 2 отдѣлъ, стр. 387).

Таковы же были исправители при патріархахъ Іоасафѣ и при Іосифѣ. При печатномъ дворѣ составилась при Іосифѣ цѣлая комиссія изъ людей книжныхъ. Все это были люди, извѣстные книжностию и благочестіемъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Стефанъ Вонифатьевъ, благовѣщенскій протопопъ, духовникъ царя; Іоаннъ Нероновъ, ключарь Успенскаго Собора, протопопъ Аввакумъ изъ Юрьевца Поволжскаго; Никита изъ Суздаля. Всѣ эти начетники были люди крайне малообразованные и въ богослужебныя книги, которыя печатались подъ ихъ надзоромъ, вошли всѣ ошибки Стоглаваго Собора.

Между тѣмъ чувствовалось и другое теченіе, чувствовалась потребность образованія сначала въ церковной только сферѣ. Одинъ изъ бояръ, Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, основалъ, недалеко отъ тогдашней Москвы, Андреевскій монастырь.—Нынѣ тамъ Домъ Общественнаго Призрѣнія. Въ этотъ монастырь Ртищевъ призвалъ ученыхъ монаховъ изъ Кіева. Они должны были учить греческому и латинскому языкамъ и переводить книги. «Эти пришельцы», говоритъ Знаменскій, «отбили у Московскихъ ученыхъ (книжниковъ?) первенство ученаго авторитета въ обществѣ».—Возобновились толки, что эти новые ученые вводятъ ереси, что и въ греческихъ книгахъ ереси и что настоящее православіе только въ Москвѣ. Вначалѣ и самъ Никонъ раздѣлялъ эти взгляды; онъ говорилъ греки и малороссіяне утратили чистоту вѣры, они работаютъ только для своего чрева; но, познакомившись съ главнымъ дѣятелемъ Андреевскаго монастыря, съ Епифаніемъ Славинецкимъ, онъ измѣнилъ мнѣніе.

Для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ въ исторіи раскола, необходимо обратить вниманіе на характеръ нашихъ отношеній къ православному Востоку. Послѣ паденія Византіи постоянное прошеніе милостыни уронило авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ. Къ тому же подъ именемъ грековъ часто пріѣзжали проходимцы изъ Молдавіи, надѣвавшіе на себя иноческое платье, съ поддѣльными грамотами отъ патріарховъ. Такого рода самозванцы пріѣзжали даже подъ именемъ митрополитовъ, да и сами греческіе митрополиты поступали не лучше. «Греческіе митрополиты настоящіе самозванцы», говоритъ Юрій Крижаничъ,—«блуждаютъ вдоль и поперекъ по Руси, особенно въ Малой и въ Бѣлой: они возводятъ въ священническія степени лица, имъ неизвѣстныя, незаслуженныя, даже отвергнутыя въ другихъ мѣстахъ, и безъ всякаго другого испытанія, кромѣ акуратнаго торга». Далѣе Крижаничъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ подобныя дѣянія; онъ же видѣлъ напечатанныя въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ отпустительныя грамоты, видѣлъ подобныя отпустительныя грамоты и въ рукописи со вставкою имени того человѣка, которому грамота дарована. Въ этой грамотѣ безъ всякой исповѣди разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ. Русскіе цари, считая себя наслѣдниками Византійскихъ императоровъ, особенно щедро надѣляли знаменитыя обители,

какъ напр. Синайскую. Синайскіе монахи считали обязанностію русскаго царя давать имъ дорогія подачки, а себѣ присвоили право болѣе легкое—брать эти подачки. Изъ славянскихъ земель шли другого рода извѣстія; въ одномъ изъ Аѳонскихъ греческихъ монастырей сожгли старую сербскую богослужебную книгу, что возбудило сильное раздраженіе противъ грековъ въ Дунайскихъ славянахъ. «Греки», говорятъ славяне, «хотятъ только властвовать и ненавидятъ славянъ вообще». Эти слухи дошли и до Москвы. Вслѣдъ затѣмъ стали ходить слухи, что и русскія богослужебныя книги на греческомъ Востокѣ обвиняютъ въ искаженіи текста греческихъ книгъ. Это поселило раздраженіе противъ грековъ; русскіе, видя, что въ Москву стекаются самые разнообразные представители Православнаго Востока, начиная отъ патріарховъ и кончая убогими старцами, признаютъ Россію опорою и покровительницею всего Вселенскаго православія, вывели отсюда не идущее къ дѣлу убѣжденіе, что будто бы только у русскихъ сохранилась правое, совершеннѣйшее благочестіе и что главенство Вселенской православной церкви принадлежитъ Москвѣ. Но это первенство, главенство русскихъ среди православныхъ было чисто внѣшнее, чисто матерьяльное. Внутреннее содержаніе не соотвѣтствовало притязаніямъ замѣнить старую Византію, которая, не смотря на постепенное паденіе и наконецъ упадокъ имперіи, была для всѣхъ православныхъ народовъ Востока культурнымъ центромъ. Изслѣдователь нашей церковной исторіи, Н. Каптеревъ, говоритъ: «Ничего похожаго на старую Византію не представляла въ этомъ отношеніи Москва. Она не знала, что такое наука и научное образованіе; весь ея образовательный капиталъ заключался въ томъ, съ научной точки зрѣнія, не особенно богатомъ и разнообразномъ наслѣдствѣ, которое, въ разное время русскіе, посредственно или непосредственно, получили отъ грековъ». (См. Характеръ отношеній Россіи къ православ. Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ Н. Каптерева. Москва. 1885 г.). И дѣйствительно, Москва заявляла притязанія на главенство въ Православномъ мірѣ, а между тѣмъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ безъ авторитета Вост. Патріарховъ не могли рѣшить спора о прибавкѣ слова *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе Богоявленской воды. Говорятъ, что русскими руководило высокое благочестіе, дабы не впасть даже въ неважныя ошибки въ церковномъ вопросѣ. Конечно это правда, но вотъ что, по поводу этой боязни, говоритъ вышеприведенный изслѣдователь объ отношеніяхъ Россіи къ Востоку Православному. «Боязнь погрѣшить при разрѣшеніи хотя бы и самаго незначительнаго и неважнаго церковнаго вопроса, столь свойственная людямъ благочестивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необразованнымъ и неразвитымъ, та боязнь, которая проистекаетъ изъ непониманія, что дѣйствительно важно и существенно въ дѣлѣ благочестія и что нѣтъ, невольно приводила русскихъ къ грекамъ и заставляла ихъ искать у послѣднихъ, какъ у

людей образованныхъ и свѣдущихъ, опоры для себя, указаній и совѣтовъ, авторитетнаго рѣшенія возникавшихъ церковныхъ вопросовъ и недоумѣній». (Тамъ же).

Невѣжество и самонадѣянность и привели къ неизбѣжному результату—греки во всѣхъ вопросахъ играли активную рѣшающую роль, русскіе, вслѣдствіе невѣжества — пассивную и покорную роль. Русскіе имѣли право обвинять грековъ въ одномъ только: въ томъ, что греки, желая навсегда сохранить за собою активную роль, совсѣмъ не заботились о насажденіи просвѣщенія среди русскихъ пастырей. Они съ самаго начала, для развитія просвѣщенія въ Россіи, что было ихъ обязанностью, не настаивали на необходимости созданія школъ, хотя бы для образованія священниковъ.

Они скрывали отъ русскихъ важное обстоятельство: въ XVII в. въ предѣлахъ прежней Византіи уже не было ни одной высшей школы и сами греки свѣтское и научное образованіе черпали съ Запада, получая его на латинскомъ языкѣ; а между тѣмъ русскимъ до конца XVII в. выставляли латинскій языкъ, какъ источникъ всевозможныхъ ересей и безбожія. Этими внушеніями они закрывали въ Россію путь и свѣтской наукѣ. Такая политика грековъ привела русскую церковь, да и государство, въ весьма печальное положеніе, возникшее изъ раскола.

Недоумѣнія относительно грековъ, православны они или нѣтъ, еще болѣе усилилъ монахъ Арсеній Сухановъ, котораго еще Патріархъ Іосифъ послалъ въ Грецію за исправно-напечатанными церковными уставами. Онъ порученія не исполнилъ, обратилъ вниманіе только на нѣкоторыя обрядовыя отступленія и привезъ массу новыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ о грекахъ, что еще болѣе усилило раздвоеніе, которое и безъ того раздували старые справщики.

Но Никона нельзя уже было своротить съ дороги, мысль о новомъ исправленіи книгъ уже сдѣлалась для него какъ-бы его призваніемъ. Поступокъ Арсенія только раздражилъ его.

Никонъ самъ увидалъ порчу книгъ, на соборномъ актѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, онъ видѣлъ Символъ Вѣры безъ прибавленія *истиннаго*, тоже онъ видѣлъ на саккосѣ митрополита Фотія. Арсеній Сухановъ снова отправленъ былъ на Востокъ и привезъ до 700 древнихъ книгъ. Древнія книги со всѣхъ сторонъ свозились въ Москву, ибо въ 1654 г. Соборъ, созванный Никономъ, рѣшилъ, что новое исправленіе книгъ настоятельно необходимо. Константинопольскій патріархъ Паисій также созвалъ Соборъ, который подтвердилъ рѣшеніе Московскаго. Въ заключеніе своего положенія, Константинопольскій Соборъ просилъ Никона быть снисходительнымъ къ тѣмъ людямъ, которые заблуждались въ предметахъ внѣшнихъ, но оставались вѣрны существеннымъ догматамъ церкви.

Но къ сожалѣнію ни Никонъ, ни его противники этому благоразумному совѣту не внимали.

Справщиками назначены были монахи Андреевскаго Монастыря, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ, они переведены были въ Чудовъ Монастырь вмѣстѣ съ ихъ школою. Епифаній Славинецкій и его помощники въ исправленномъ видѣ напечатали Служебникъ съ предисловіемъ Епифанія, Часословъ, Псалтырь и др.

Въ 1656 г. въ Москвѣ былъ новый Соборъ, одобрившій исправленія. На этомъ Соборѣ были два патріарха—Антіохійскій и Сербскій и два митрополита—Никейскій и Молдавскій. Неизвѣстно почему, Антіохійскій патріархъ отнесся къ дѣлу суровѣе, чѣмъ Константинопольской Соборъ. Онъ въ Чудовомъ Монастырѣ, въ недѣлю Православія, предалъ отлученію, анаѳемѣ, за двоеперстіе.

Естественно, что новое исправленіе богослужебныхъ книгъ вызвало страшное раздраженіе старыхъ справщиковъ, у которыхъ разомъ задѣто было и самолюбіе, и религіозное чувство, возбудился испугъ передъ *новшествами*. Въ исправленныхъ книгахъ они видѣли ересь, на печатномъ дворѣ бранились съ новыми справщиками, подавали челобитныя. Послѣ утвержденія 1656 г. Соборомъ исправленій, одинъ изъ старыхъ справщиковъ, Нероновъ, смирился, и Никонъ, обласкавъ его, дозволилъ ему служить по старымъ книгамъ, ибо де доброе, все де равно; по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь.

Подобныя уступки, говоритъ Соловьевъ, не могли быть тогда поняты большинствомъ, ибо не могло быть понято самое главное, что дѣло идетъ о внѣшнемъ, не существенномъ: перемѣна относительно двоенія, или троеніе аллилуіа считалось *перемѣною въ вѣрѣ* и потому не могли успокоиться на томъ, что можно исповѣдовать *одинаково правую и неправую вѣру*, какъ кому угодно. (Соловьевъ, XI томъ, гл. 4). Подобное снисхожденіе, оказанное Неронову, ясно показываетъ, что жестокія наказанія, постигшія нѣкоторыхъ товарищей Неронова, вызваны были личнымъ характеромъ Никона, не сносившаго противорѣчія. Никонъ передъ исправленіемъ не потрудился всенародно объяснить различіе второстепенныхъ вопросовъ въ дѣлѣ религіи отъ главныхъ. Поэтому и неудивительно, что послѣдователи старыхъ справщиковъ призывали умирать за единъ *азъ*, который новые справщики выбросили изъ Символа Вѣры. Въ старыхъ книгахъ о Сынѣ Божіемъ говорилось рожденна, *а* несотворенна. Новые справщики, болѣе тонкіе теологи, союзъ *а* выбросили, какъ ненужный, ибо тутъ нѣтъ никакого противоположенія. Послѣдователи старыхъ книгъ говорили въ этомъ *азѣ великая сила*! Никонъ жестоко поступилъ съ епископомъ ослушникомъ, епископа Павла Коломенскаго безъ суда лишилъ сана и сослалъ въ монастырь, но особенно пострадалъ отъ него юрьевскій протопопъ Аввакумъ, сосланный въ Даурію. Онъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей раскола, какъ увидимъ ниже.

Нашлись защитники старыхъ книгъ даже тамъ, гдѣ Никонъ ихъ и не ожидалъ. Въ августѣ 1657 г. новыя книги присланы были въ

Соловецкій Монастырь. Архимандритъ Илія созвалъ Черный (монашескій) Соборъ, на которомъ священники и дьяконы заявили, что будутъ служить по старымъ книгамъ, «по которымъ мы сперва учились и привыкли; мы, старики, и по старымъ служебникамъ очереди свои недѣльные едва держать можемъ; а по новымъ на старости лѣтъ учиться не можемъ-же, да и некогда, что и учено было и того мало видимъ; а по новымъ книгамъ намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько не учиться, и не навыкнуть, лучше съ братіей въ монастырскихъ трудахъ быть».

Изъ Соловецкаго Монастыря вѣра въ старыя книги пошла по всей Бѣломорской окраинѣ. Изъ отдѣльныхъ личностей защитникомъ старыхъ книгъ выступилъ монахъ Капитонъ. Это былъ необыкновенный постникъ и поэтому самому въ толпѣ считался праведникомъ.

Протестъ противъ новыхъ книгъ распространился мало по малу и въ народныхъ массахъ. Мы видѣли, что передъ самымъ исправленіемъ книгъ спѣшили во что бы то ни стало замирить Псковъ, правительство узнало, что по всей русской землѣ слышатся воровскія (возмутительныя) рѣчи.—Недовольство было общее, а тутъ въ 1654 г. Россію посѣтила моровая язва, въ Москвѣ народъ волновался и противъ Никона. Оппозиція противъ старыхъ книгъ все болѣе и болѣе сливалась съ земской оппозиціей. Никонъ стоялъ на недосягаемой для подданнаго высотѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ совершенно необдуманномъ увлеченіи, далъ Никону титулъ Великаго Государя. Вотъ одинъ изъ Указовъ того времени, который показываетъ положеніе Никона. «Отъ Великаго Государя, Святѣйшаго Никона, Патріарха Московскаго и всея Руси; на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому: Указалъ Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ и Мы Великій Государь и пр.» Этотъ высокомѣрный титулъ и часто повторяемыя Никономъ слова, что не отъ царей пріемлется священство, но отъ священства на царство помазуются, дали сильное орудіе въ руки врагамъ Никона, а ихъ было довольно и кромѣ послѣдователей старопечатныхъ книгъ. Царю то и дѣло шептали, что о великомъ Государѣ Царѣ болѣе не слышно, что только и рѣчей, что про Великаго Государя Патріарха. Въ боярствѣ были самые сильные враги Никона, число которыхъ онъ увеличивалъ неистовствами своего самовластія, вмѣшательствомъ въ частныя дѣла.

Извѣстный Олеарій, въ 3 книгѣ своего путешествія, разсказывая о русскихъ костюмахъ, добавляетъ, что давно жившіе въ Москвѣ иностранцы, чтобы не отличаться отъ русскихъ, также стали носить русское платье. Но одинъ иноземецъ, не зная обычая, не снялъ шапки, когда Никонъ благословлялъ народъ. Патріархъ далъ приказаніе, чтобы иностранцы носили свои костюмы и немедленно повелѣлъ имъ снять русскую одежду. Пришлось бѣднымъ иноземцамъ ря-

диться въ старыя одежды ихъ предковъ, въ которыхъ они пришли въ Россію и которую хранили на память. Съ другой стороны и русскіе не смѣли одѣваться въ иностранную одежду. Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, близкій родственникъ Царя, часто надѣвалъ иноземную одежду; но Никонъ, не смѣя взять у него одежду, выманилъ у него ее хитростію и сжегъ. На счетъ музыки Никонъ распорядился еще самовольнѣе. Запретивши музыку на улицахъ безусловно, онъ приказалъ отобрать инструменты въ боярскихъ домахъ. Этими инструментами наполнили пять возовъ и всѣ потопили въ рѣкѣ Москвѣ. Москва принимала видъ монастыря, исполненнаго крайняго фарисейства. При Алексѣѣ Михайловичѣ запрещалась музыка, которая составляла главное увеселеніе при дворахъ Владиміра Св. и его потомства. Такимъ высокомѣріемъ Никонъ все болѣе и болѣе наживалъ враговъ, даже среди царскаго семейства. Родные царя, со стороны матери, Стрѣшневы, и со стороны жены, Милославскіе, ненавидѣли его. Сама царица была враждебно къ нему настроена. Ненависть къ нему боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, выразилась очень рѣзко и неприлично. Онъ выучилъ свою большую собаку, стоя на заднихъ лапахъ, благословлять подобно патріарху. Никонъ, не знавшій удержу и мѣры въ порывахъ своего гнѣва, предалъ его проклятію. Впослѣдствіе по этому поводу предложенъ былъ вопросъ ученому теологу, митрополиту города Газы, вызванному въ Москву самимъ Никономъ:—«Достойно ли за это проклинать?» Митрополитъ Газы отвѣчалъ: «Если-бъ мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что она причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе. Шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно предавать проклятію, значитъ считать его за ничто. (Соловьевъ, т. XI, гл. 4).

Охлажденіе между Никономъ и царемъ становилось замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Ничтожный случай привелъ къ окончательному разрыву. Въ 1658 г. пріѣхалъ въ Москву грузинскій царевичъ Теймуразъ. Во дворцѣ былъ обѣдъ, но Никона не пригласили. Онъ послалъ своего боярина узнать, въ чемъ дѣло. Его бояринъ, встрѣтивъ поѣздъ царевича, замѣшался въ толпу. Окольничій Хитрово, очищая путь царевичу, задѣлъ нечаянно палкою Никонова боярина; послѣдній сказалъ, что онъ идетъ по повелѣнію патріарха и чтобы Хитрово не смѣлъ драться. Тогда Хитрово ударилъ его еще разъ, уже не нечаянно. Никонъ за это дѣло не получилъ удовлетворенія, и разрывъ начался. Вслѣдъ за этимъ дѣломъ, князь Ромадановскій, именемъ царя объявилъ Никону, чтобъ онъ впредь не смѣлъ именоваться Великимъ Государомъ. Это запрещеніе черезъ Ромадановскаго вызвало сильное раздраженіе со стороны Никона.

Раздраженіе и несдержанность Никона помогли его врагамъ. 10 іюля 1658 г. онъ самовольно оставилъ патріаршество и удалился въ

Воскресенскій Монастырь. Въ 1660 г. Царь созвалъ Соборъ для избранія новаго патріарха; Соборъ, въ усердіи своемъ, пошелъ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ не только объявилъ низложеніе Никона, но и постановилъ считать его чуждымъ архіерейства, чести и священства. Соборный актъ велѣно было составить Епифанію Славинецкому, но послѣдній заявилъ государю, что готовъ, во исполненіе воли его, написать актъ объ избраніи и поставленіи новаго патріарха; но что онъ не нашелъ каноническаго правила, по которому архіерей, оставившій престолъ свой, но не отрекшій епископства, дѣлался чуждъ архіерейства.

Это заявленіе вызвало необходимость призвать Вселенскихъ патріарховъ для рѣшенія дѣла. Въ 1662 г. прибылъ въ Москву вышеупомянутый Паисій, митрополитъ города Газы. Онъ старался помирить царя съ Никономъ; но дѣло корчилось тѣмъ, что и онъ съ Никономъ поссорился. 2 ноября 1666 г. Соборъ, открывшійся въ Москвѣ, постановилъ, чтобы Никонъ не назывался впредь патріархомъ за нарушеніе каноническихъ правилъ, а инокомъ и старцемъ Никономъ, но тотъ-же Соборъ утвердилъ исправленіе церковныхъ книгъ. Въ 1667, по пріѣздѣ восточныхъ патріарховъ, Соборъ въ ихъ присутствіи подтвердилъ прежнія постановленія и наложилъ клятву противъ тѣхъ, которые не будутъ принимать исправленій и явятся противниками церкви. Соборъ этотъ осудилъ житіе Ефросина, изъ котораго взято ученіе о двоеперстіи; отмѣнилъ клятву Стоглава на троеперстіе и на сугубую аллилуію, а отцовъ Стоглаваго Собора назвалъ невѣждами.

Послѣ такихъ распоряженій Собора приверженцы старыхъ книгъ стали уже раскольниками и съ 1667 г. начался расколъ, это своеобразное явленіе въ русской жизни. Ревнители древняго благочестія, какъ они сами себя называли, возстали противъ всякихъ новшествъ. «Расколъ», говоритъ пр. Знаменскій, «отдѣлился отъ церкви, не вслѣдствіе движенія въ какую нибудь свою сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, напротивъ, онъ отдѣлился вслѣдствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнію церкви. Отрекшись отъ движенія, онъ остался окаменѣлостію, замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ древней жизни и древняго благочестія со всею ихъ обрядностію, привязанностію къ азамъ и со всею порчею этихъ азовъ». (272 стр.). Сужденіе вѣрное, но одностороннее. Земская, свѣтская сторона раскола опущена и оставлена безъ вниманія. Недовольныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича была масса; недовольные въ большинствѣ приставали къ расколу, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше земскій элементъ проникалъ въ расколъ. Паденіе Никона, вслѣдствіе постановленія Собора 1667 г., также усилило расколъ. Неукротимость характера Никона оказалась вредной болѣе всего его собственному дѣлу. Но и на государственный строй паденіе Никона подѣйствовало вредно:

произволъ приказовъ, бюрократизмъ, захватилъ всѣ дѣла въ свои руки.

Бояре, способствовавшіе паденію Никона одною своею силою не съумѣли сдержать развитіе крайней административной централизаціи и бюрократизма.

Чтобы дать читателю полное понятіе объ эпохѣ царя Алексѣя Михайловича, мы остановимъ его вниманіе на двухъ замѣчательныхъ личностяхъ, выдающихся въ борьбѣ церкви съ расколомъ, эти личности противоположныхъ лагерей: Епифаній Славинецкій и протопопъ Аввакумъ.

Н. И. Костомаровъ, говоря о призывѣ кіевскихъ ученыхъ въ Москву, такъ характеризуетъ Славинецкаго. Трудно было найти человѣка болѣе годнаго для того, чтобы открыть собою въ Москвѣ рядъ ученыхъ. Епифаній обладалъ большою, по своему вѣку, ученостію, отлично зналъ греческій и латинскій языки, имѣлъ свѣдѣнія въ еврейскомъ языкѣ; онъ изучилъ писанія св. отецъ, греческую и латинскую литературу, зналъ хорошо исторію и церковную археологію (Рус. ист. въ жизнеописаніяхъ, стр. 388).

Не смѣя вступить въ борьбу съ могущественными врагами Никона, Славинецкій весь отдался уединенію и своимъ книжнымъ занятіямъ. Выше было о трудахъ его по исправленію богослужебныхъ книгъ, остающихся и донынѣ въ употребленіи не только въ Россіи, но и въ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ господствуетъ греческая церковь. Кромѣ исправленія богослужебныхъ книгъ, обширна была дѣятельность Славинецкаго, какъ переводчика. Многія церковныя книги переведены были имъ вновь, многія изданы въ лучшихъ переводахъ. Епифаній Славинецкій переводилъ, однако, не однѣ церковныя, но и свѣтскія книги. Онъ перевелъ двѣ части географіи Европу и Азію;—Первую книгу греческаго историка Ѳукидида, Анатомію и пр. Но эти труды его мало принесли пользы вслѣдствіе тяжелаго языка перевода. Подъ надзоромъ Славинецкаго издана была въ Москвѣ Острожская Библія съ нѣкоторыми исправленіями. Онъ всю жизнь думалъ о новомъ ученомъ переводѣ Библіи, но успѣлъ перевести только Евангеліе и Пятикнижіе. Хотя проповѣди его писаны тяжелымъ языкомъ, но въ нѣкоторыхъ онъ касается животрепещущихъ вопросовъ того времени. Онъ сильно возстаетъ противъ ложнаго благочестія, противъ тѣхъ, которые, не исправляясь, хотятъ спастись молитвами святыхъ. Громитъ тѣхъ, которые иконы считаютъ за боговъ, говоря, что они достойны вѣчнаго огня. Относительно милостыни, онъ возстаетъ противъ господствовавшаго тогда мнѣнія, что слѣдуетъ давать всякому, кто проситъ именемъ Христа, не различая больныхъ отъ здоровыхъ. Онъ совѣтуетъ обратить вниманіе на вдовъ, покинутыхъ дѣтей, на бѣдныхъ крестьянъ; «у тѣхъ», говоритъ онъ, «скотъ палъ, у того господинъ все взялъ, у другого воинъ все ограбилъ, а тутъ

съ него требуютъ подать, оброкъ, работать бы ему, да нечѣмъ». Онъ сильно вооружается противъ шатанія монаховъ и монахинь, мірскому начальству совѣтуетъ устраивать богадѣльни для престарѣлыхъ и больныхъ. Для устраненія безчинствъ онъ предлагаетъ устроить братство или общество милосердія. Важно то, что этотъ человѣкъ XVII в., для противодѣйствія развитію бѣдности, призываетъ коллективныя силы общества. Но особенно сильно Епифаній возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые возлюбили мракъ невѣдѣнія и ненавидятъ свѣтъ ученія. Въ наставленіи къ іереямъ онъ говоритъ: «пекись и промышляй всѣмъ сердцемъ и душою, сколько твоей силы станетъ, увѣщевай царя и всѣхъ могучихъ людей вездѣ устраивать училища для малыхъ дѣтей, и за это паче всѣхъ добродѣтелей получишь ты прощеніе грѣховъ своихъ». (Тамъ же, Костомаровъ, стр. 743). Покровительство, оказанное Никономъ, Славинецкому и его друзьямъ, лучшее дѣло этого патріарха. Люди, пришедшіе съ Славинецкимъ изъ Кіева, указали путь, который долженъ былъ вывести насъ изъ тьмы невѣжества. Въ отношеніяхъ къ Православному Востоку мы указали общія причины, приведшія русскую церковь къ расколу. Но кромѣ этого было много причинъ своихъ домашнихъ, частныхъ, которыя выясняются изъ челобитной, поданной противъ Никона царю Алексѣю Михайловичу.

Въ этой челобитной, которая не могла не поколебать довѣрія къ патріарху, выяснено, что хотя Никонъ не велѣлъ брать пошлинъ за рукоположеніе, но установилъ такой порядокъ, что ставленнику обходилось дороже. Ставленники должны были подолгу проживать въ Москвѣ на своихъ харчахъ и часто даромъ: продержитъ иного недѣль 10, а то и больше, да и отошлетъ ставиться въ Казань. При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ ночевали на хлѣбнѣ, а при Іосифѣ ставленники дожидались въ Крестовой, а ночевали въ хлѣбнѣ безденежно; а нынѣ (при Никонѣ) и въ сѣняхъ не велятъ стоять; зимою мучатся на крыльцѣ. Замѣчательно одно указаніе въ челобитной, характеристичное въ смыслѣ отсутствія безопасности. Ставленниковъ не оставляли ночевать въ хлѣбнѣ, вслѣдствіе чего многіе пропадали безъ вѣсти. Вѣроятно или замерзали, или были убиваемы. Ворота патріаршаго двора постоянно заперты, никто не смѣетъ пройти къ ризничему, или къ казначею. Даже священники не смѣютъ ходить къ благословенію, *только всегда, во всякое время невозбранно ходятъ къ благословенію жонки да дѣвки*. Положеніе бѣлаго духовенства въ этой челобитной рисуется въ такомъ видѣ: *и нынѣ (при Никонѣ) похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: бей попа, что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей.*

Челобитчики находятъ, что жизнь турецкихъ или татарскихъ рабовъ куда лучше, чѣмъ жизнь русскаго бѣлаго духовенства.

О налогахъ, собиравшихся по повелѣнію Никона, въ челобитной говорится: «Да онъ-же святитель (Никонъ) велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложилъ вновь, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по восьми денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, съ пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги. Никонъ же велѣлъ собрать, въ 1666 г. во всемъ государствѣ съ церковныхъ имуществъ лошадей, да челомъ ударилъ Государю, да и тутъ лошадей съ 400 или 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь-ли, Свѣтъ Премилостивый (Государь), что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть-ли обычай святителямъ бранныя потребы строить? Сей-же Святитель принялъ власть строить вмѣсто Евангелія бердыши; вмѣсто креста топорки тебѣ на помощь, на бранныя потребы».

Послѣдняя жалоба несправедлива,—она показываетъ только, что большинство духовенства забывало, что духовенство принадлежитъ къ числу гражданъ земного царства. Въ то время шла упорная, тяжелая война со Швеціею и Никонъ тѣмъ болѣе обязанъ былъ оказать государству поддержку церковными имуществами, что эта война началась яко бы за спасеніе Православной вѣры въ земляхъ отошедшихъ къ Швеціи. Протопопъ Нероновъ, помирившись съ Никономъ, при посредствѣ Вонифатьева, высказалъ патріарху горькую правду, на которую Никонъ, къ несчастію, не обратилъ никакого вниманія. «Да какая тебѣ честь, Владыка Святой, что всякому ты страшенъ? и другъ другу грозя говорятъ; знаеши-ли кто онъ, звѣрь-ли лютый, левъ, или медвѣдь или волкъ? Дивлюсь — Государевы царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто не смѣетъ съ ними говорить, затверженъ у нихъ: знаете-ли патріарха? Не знаю какой образъ или званіе ты принялъ!» Въ видахъ утвержденія власти духовенства и полнаго подчиненія ему свѣтской власти, Никонъ издалъ Кормчую книгу. Онъ убѣждалъ царя отмѣнить Уложеніе и замѣнить его Кормчей. «Такимъ образомъ», говоритъ одинъ изъ историковъ церкви, «Никонъ хотѣлъ воротить исторію къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Кормчей книги». Замѣчательно, что въ эту Кормчую Никонъ внесъ грамоту, будто бы дарованную Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру на владѣніе Церковною Областью, не зная, что въ З. Европѣ уже въ Средніе вѣка многіе считали эту грамоту подложною.

Челобитная противъ Никона и рѣчь къ нему Неронова показываютъ, что упорство въ *азахъ*, кромѣ невѣжества, имѣло и реальную, или правильнѣе сказать, матеріальную почву. Поэтому въ церковной борьбѣ за *азы* Нероновы и Вонифатьевы отошли на заднiй планъ и вождемъ въ расколѣ явился не человѣкъ ума холоднаго или далекаго, а чистѣйшій фанатикъ, энтузіастъ той религіозной

формы, которую онъ считалъ за истинную. Простой начетчикъ, не могущій идти въ сравненіе съ ученымъ Славинецкимъ, онъ, гонимый властями, бралъ перевѣсъ надъ ученымъ, по двумъ причинамъ: 1) сочиненія Славинецкаго написаны были тяжелымъ языкомъ, между тѣмъ какъ каждое слово въ писаніяхъ Аввакума было понятно всякому. 2) Аввакумъ, въ глазахъ народа, явился мученикомъ, а извѣстно какое вліяніе идея религіознаго мученичества имѣетъ на народъ, особенно на русскій, воспитанный на житіяхъ мучениковъ. «Позднѣйшіе и современные намъ приверженцы раскола», говоритъ Субботинъ, редакторъ матеріаловъ для Исторіи раскола, «въ своихъ ученіяхъ далеко отступившіе даже отъ собственныхъ первоучителей, не питаютъ уже особеннаго уваженія къ проповѣднической дѣятельности Аввакума и къ его писаніямъ; но неменѣе предковъ чтутъ его за подвиги въ борьбѣ съ Никоніанствомъ и за мученичество ради древняго благочестія. Издавна у раскольниковъ Аввакумъ причтенъ къ лику святыхъ и призывается въ молитвахъ, какъ священно-мученикъ». (Матеріалы для Исторіи раскола за первое время его существованія; т. V, стр. 1).

Личная ненависть къ Никону играла нѣкоторую роль въ оппозиціи энтузіаста — Аввакума патріарху. Въ своей автобіографіи Аввакумъ, хотя мимоходомъ, но упоминаетъ, какъ Никонъ до патріаршества дружилъ съ вліятельными протопопами и въ томъ числѣ съ нимъ, съ Аввакумомъ.

Вотъ какъ Аввакумъ разсказываетъ о первомъ Никоновомъ гоненіи на него за противорѣчія и за грубыя ругательства, на которыя онъ также былъ щедръ, какъ и самъ Никонъ. Его, т. е. Аввакума, схватили ночью и посадили на цѣпь на патріаршемъ дворѣ. На другой день отвезли въ Андреевскій монастырь и засадили, какъ онъ говоритъ, въ темную палатку. «Никто», продолжаетъ онъ, ко мнѣ не приходилъ—только мыши и тараканы и сверчки кричатъ и блохъ довольно. Бысть же въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста передо мною, не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ и по се время не знаю. Только въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпію (цѣпію) къ лавкѣ привелъ и ложку въ руки далъ и хлѣбца немножко и щецъ далъ похлѣбать, зѣло—превкусны хороши и реклъ мнѣ довлѣетъ то ко укрѣпленію. Да и не стало его, двери не отворялись; а его не стало. Дивно если только человѣкъ, а что же Ангелъ ино нечего дивитца (sic)! вездѣ ему не загорожено».

Эта трехдневная пытка еще болѣе ожесточила Аввакума. Чѣмъ далѣе шло дѣло, чѣмъ болѣе его мучили, тѣмъ болѣе ожесточался этотъ борецъ *огнепалительной ревностію* за мнимое древнее благочестіе. Уже изъ того, что Аввакумъ заподозрилъ Ангела въ принесеніи ему щей въ тюрьму, ясно видно, что онъ былъ убѣжденъ, что, за его ревность къ благочестію, Богъ готовъ творить чудеса.

Его сослали въ Сибирь, но и тамъ онъ не умѣлъ угодить начальству, за что и вынесъ тяжкія страданія: въ Тобольскѣ онъ нашелъ врага въ дьякѣ Струнѣ, которому онъ не далъ бить одного церковнослужителя. Струна объявилъ противъ Аввакума слово и дѣло Государево, т. е. обвинилъ въ государственной измѣнѣ. Потомъ Аввакума велѣно было сослать въ Даурію; онъ попалъ подъ начальство воеводы Пашкова, который велъ въ Даурію полкъ въ 600 человѣкъ. На пути имъ встрѣтились двѣ вдовы, которыя шли въ монастырь постричься, одной было лѣтъ 60, другой болѣе, по свидѣтельству Аввакума; но, вѣроятно, желаніе попасть въ монастырь заставило ихъ прибавить себѣ года. Пашковъ, исполняя буквально правительственныя распоряженія, остановилъ этихъ вдовъ, говоря, что онъ выдастъ ихъ замужъ. «А я», говоритъ Аввакумъ, «сталъ говорить: по правиламъ не подобаетъ такихъ замужъ выдавать». И жестоко-же пострадалъ несчастный Аввакумъ за это вмѣшательство. Все это кончилось тѣмъ, что Пашковъ избилъ его и велѣлъ ему дать 72 удара нагайкой. Удивительно все таки, едва вѣроятно, что онъ остался живъ. Разсказывая о голодныхъ годахъ и какъ его, Аввакума, спасла отъ голодной смерти воеводская сноха, Аввакумъ сознается, что тогда, по его мнѣнію, совершилъ великій грѣхъ—ѣлъ кобылятину.

Возвратили упрямаго старика въ Москву; царь и бояре его обласкали, ему открывалась возможность попасть въ духовники къ царю. Но Аввакумъ одно твердилъ — я вѣрую по книгамъ Петра, Алексѣя, Іоны, Филиппа—святителей московскихъ, а отступниковъ отрицаюся. Недолго Аввакумъ пробылъ въ Москвѣ, изъ Москвы его сослали въ Мезень, а потомъ въ Пустоозерскъ.

Аввакумъ былъ сожженъ въ Пустоозерскѣ. Изъ пламени, онъ поднялъ руку съ двуперстнымъ крестомъ, и эта поднятая изъ пламени рука гораздо болѣе укрѣпила расколъ, чѣмъ всѣ его писанія и проповѣди [1]).

Аввакумъ, глубоко убѣжденный въ правотѣ своихъ мнѣній, искренно вѣрилъ въ свою чудотворную силу, въ способность изгонять бѣсовъ и, разсказывая о своихъ чудесахъ, приводитъ въ примѣръ

[1]) Вмѣстѣ съ Аввакумомъ сосланы и казнены: священникъ Лазарь и дьяконъ Ѳедоръ. Изъ свѣтскихъ людей—кн. Львовъ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь. Всѣ расколоучители обвиняли Никона въ латинствѣ. Подозрѣнія Никона въ латинствѣ возникли вѣроятнѣе всего потому, что онъ въ идеяхъ объ отношеніи церкви къ государству приблизился къ идеямъ папства, какъ выражаются церковные писатели. Но нынѣ несомнѣнно, что эти идеи шли съ востока, а на западѣ нашли только благопріятную почву. «Священство выше царства, говорилъ Никонъ, не давалъ намъ правъ царь, а похитилъ наши права: церковью обладаетъ; весь священный чинъ ему работаетъ и оброки даетъ». (Знаменскій 231—232). Подобно папѣ Иннокентію III, онъ сравнивалъ епископскую власть съ солнцемъ, а царскую съ луной, первая властвуетъ надъ душами, вторая имѣетъ силу только въ дѣлахъ міра сего.

не-много-не-мало Дѣянія Апостольскія и Посланія Павла, говоря, что и Апостолы разсказывали о своихъ чудесахъ. На этомъ основаніи онъ разсказываетъ, какъ онъ изгналъ бѣсовъ изъ своего родного брата. Разсказываетъ Аввакумъ и о другихъ своихъ чудесахъ. Разъ онъ пошелъ ночью въ церковь, чтобы взять книгу для исповѣди больной жены; на паперти стоялъ столикъ, который при входѣ Аввакума началъ скакать бѣсовскимъ дѣйствіемъ. «Я», говоритъ Аввакумъ, «осѣнилъ рукою столикъ, и столикъ пересталъ играть» и т. п. Весьма любопытенъ случай, который Аввакумъ разсказываетъ о себѣ. Въ Великій постъ на 1-й недѣлѣ, по обычаю моему, говоритъ онъ, въ понедѣльникъ хлѣба не ѣлъ, также не ѣлъ во вторникъ, середу и четвергъ. Аввакумъ въ пятницу сдѣлался боленъ, потерялъ сознаніе, очнулся только въ пятницу на слѣдующей недѣлѣ. Выздоровленіе свое онъ приписываетъ видѣнію, которое съ нимъ было. Онъ говоритъ, что языкъ у него сдѣлался зѣло великъ, потомъ и зубы сдѣлались велики, руки и ноги, а потомъ весь широкъ и распространенъ по небесамъ и по всей землѣ. «И вмѣстилъ въ меня Богъ», говоритъ онъ, «небо, и землю, и всю тварь. Такъ съ полчаса продолжалось, потомъ я всталъ здоровъ». Это видѣніе, которое Аввакумъ не считалъ за галлюцинацію, вѣря, что это было видѣніе свыше и что оно его исцѣлило, онъ разсказываетъ въ посланіи къ царю Алексѣю Михайловичу. «Ты», пишетъ онъ къ царю Алексѣю Михайловичу, «владѣешь одной русскою землею, а мнѣ сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе небо и землю». Далѣе Аввакумъ высказываетъ наивность, соединенную съ фанатическою самоувѣренностью: «Да не первому мнѣ показано сице (такое явленіе). Чти, Державникъ, книгу Палею; егда Ангелъ Великій Алтесъ древле восхитилъ Авраама выспрь, сирѣчь на высоту къ Богу, и показа ему отъ вѣка сотворенная вся, Богу тако изволшу. А нынѣ, чаешь, изнемогъ Богъ? — Нѣтъ, Богъ тотъ же всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ». Такъ кончаетъ Аввакумъ разсказъ свой о чудѣ. Наивное самомнѣніе, высказанное Аввакумомъ, результатъ религіознаго воспитанія на апокрифическихъ книгахъ. Въ посланіи къ царю Ѳедору Алексѣевичу Аввакумъ высказываетъ, не понимая значенія своихъ словъ, важную сторону раскола со стороны политической. Изъ его словъ видно, что не одинъ кн. Иванъ Хованскій крѣпко поддерживалъ Аввакума, онъ говоритъ: «Мои вы всѣ, князи и боляре, отступникамъ до васъ дѣла нѣтъ». Зная ненависть бояръ къ Никону и къ новымъ людямъ, начавшимъ тогда получать силу, есть основаніе думать, что Аввакумъ, въ простотѣ своей, сдѣлался орудіемъ бояръ; особенно сочувственно онъ относится къ представителю старой боярщины со всѣми ея надменными притязаніями, къ ненавистнику вновь возвышавшихся тогда фамилій, къ кн. Ивану Хованскому, котораго онъ постоянно называлъ миленькимъ, любилъ его какъ родного сына, и къ кн. Юрію Алексѣевичу Долгорукому. Въ

одномъ посланіи Аввакумъ выказываетъ кровожадную ненависть фанатика къ противникамъ его мнѣній. Обращаясь къ царю, онъ говоритъ, что если бы ему, Аввакуму, дали волю, «то я бы ихъ (Никоніанъ), какъ Илья Пророкъ, всѣхъ перепласталъ бы въ одинъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ бы, чаю. Да далибы мнѣ воеводу, крѣпко-умнаго, князь Юрья Алексѣевича Долгорукого. Сперва бы Никона, собаку, разсѣкли на четверо, потомъ бы Никоніанъ».

Нѣкоторые историки, считающіе Аввакума какимъ-то представителемъ народа, человѣкомъ, стоявшимъ за дѣло народное, должны были бы внимательнѣе взглянуть на отношеніе Аввакума къ кн. Юрію Долгорукому, который надъ плѣнными, взятыми имъ послѣ Разиновскаго бунта, свирѣпствовалъ до такой степени, что далеко превзошелъ требованія законной справедливости, такъ что къ его дѣйствіямъ идетъ латинская пословица: Excessit medicina modum. Аввакумъ зналъ дѣянія Юрія Долгорукаго и писалъ къ нему гораздо спустя послѣ Разинскаго бунта. Конечно, Аввакумъ, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, имѣлъ среди боярства и искреннихъ послѣдователей, безъ задней политической мысли, большею частію среди женщинъ; таковы напримѣръ были—Морозова и сестра ея, княгиня Урусова.

Жестокій фанатизмъ Аввакума и даже его фанатическая самоувѣренность были не только результатомъ религіознаго недомыслія, но и результатомъ тѣхъ гоненій, которыя воздвигнуты были на его учениковъ и единомышленниковъ. Вотъ картина этихъ гоненій, имъ самимъ написанная. «Отцевъ и братій нашихъ безчисленно губили и души таковыхъ взяли изъ сего міра: не подобаетъ имъ жить. И вотъ съ тѣхъ поръ жгутъ и вѣшаютъ исповѣдниковъ Христовыхъ. Онѣ (души эти) ради пресвѣтлыя и честныя и страшныя Троицы, пуще не сытно лѣзутъ въ глаза, слово въ слово, какъ комары, или мушицы. Чѣмъ больше подавляютъ ихъ, тѣмъ больше пищатъ и въ глаза лѣзутъ. Русаки, бѣдные, пускай глупы, рады—мучителя дождались, полками въ огонь дерзаютъ за Христа, Сына Божія. Мудры с.... дѣти, Греки да съ варваромъ Турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки. Русачки же милонькіе не такъ: въ огонь лѣзутъ, а благовѣрія не предадуть». (Матеріалы для Ист. Раск. т. V, стр. 203). Тутъ Аввакумъ весь, со справедливою горечью его жалобъ на страшныя гоненія и съ узкостію его религіозныхъ мнѣній, съ узкостью, въ которой онъ воспитался, и съ безсмысленною ненавистью къ грекамъ. Къ свѣтской наукѣ Аввакумъ, какъ и другіе начетчики, питалъ страхъ и ненависть, считая ее исчадіемъ ада. Это особенно видно изъ слѣдующаго его *разсужденія*: «Алманашники и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога внѣшнею хитростію, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своею мудростію начинающе, якоже первый Неврòдъ, а по немъ Зевесъ пре-

лагатый, блудодѣй, и Ермисъ пїяница и Артемида любодѣица, о нихъ же Гранографъ и вси кронники свидѣтельствуютъ, таже по нихъ бывше Платонъ и Пиѳагоръ, Аристотель и Дїогенъ, Иппократъ и Галинъ: вси сїи и мудры быша и во адъ угодиша.... Яко же древле рече дїаволъ: *поставлю престолъ мой на небеси и буду подобенъ вышнему*, тако и сїи глаголютъ: «мы разумѣемъ небесная и земная, и кто намъ подобенъ!» Не больше свѣдѣнїй было и у противниковъ Аввакума.

ГЛАВА XXI.

Въ то время, когда внутри московскаго государства шла борьба съ расколомъ, его правительству пришлось еще вести войну съ Польшею за Малороссію. Географическій, а потомъ и этнографическій терминъ—Малороссія, терминъ книжный, не народный, точно также, какъ и Великороссія.—Въ XIII в. великій князь Юрій, одинъ изъ потомковъ Даніила Галицкаго, въ первый разъ назвалъ себя Dux Russiae Minoris. Но здѣсь терминъ этотъ употребленъ въ смыслѣ малая часть Россіи. Пространство-же отъ Карпатъ до сѣв. Донца стало называться Малороссіей послѣ заселенія слободско-украинской линіи при Алексѣѣ Михайловичѣ [1]).

Послѣ усмиренія мятежа Гуни и Скидана казалось, что малорусскій народъ замретъ подъ польскимъ игомъ и обезличится. Санъ гетмана былъ отмѣненъ, его мѣсто занялъ генеральный комиссаръ и, для прекращенія набѣговъ за пороги, построена была крѣпость Кодакъ.

Тогда царствовалъ въ Польшѣ король Владиславъ, думавшій снять съ казаковъ запрещеніе строить чайки, ибо онъ вступилъ въ 1646 г. въ союзъ съ Венеціей противъ Турціи. Венеціанскій посолъ выдалъ королю 20 т. талеровъ на постройку казацкихъ чаекъ (лодокъ). Король призвалъ къ себѣ четырехъ казацкихъ старшинъ, въ числѣ ихъ былъ Чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій [2]). Король выдалъ казакамъ 6 т. талеровъ, обѣщаясь въ теченіи двухъ лѣтъ

---

[1]) Когда и какъ возникло названіе Великороссія неизвѣстно,—вѣроятно по противоположенію названію Малороссія. О языкахъ великороссійскомъ и малороссійскомъ думаютъ различно. Одни ученые считаютъ ихъ нарѣчіемъ одного языка русскаго, другіе двумя различными славянскими нарѣчіями. Что касается до слова Россія, то оно сформировалось отъ слова Русь, какъ называлась кіевская земля, по латинскому тексту грамотъ.

[2]) Богданъ Хмельницкій пользовался особенной довѣренностію короля. Хмельницкій въ предъидущемъ году былъ во Франціи для переговоровъ о доставленіи туда на службу казаковъ. Въ 1646 г. 2600 охочихъ казаковъ участвовали при взятіи Дюнкирхена, тогда испанской крѣпости.

выдать еще 60 т. Все это дѣлалось втайнѣ. Но тайна, разумѣется, какъ всякая тайна, не могла сохраняться долго. Король принужденъ былъ передать вопросъ о войнѣ на разсмотрѣніе сейма. Сеймъ возсталъ противъ войны, король долженъ былъ распустить войско и запретить казакамъ строить чайки. Такое рѣшеніе польскаго сейма основывалось на подозрѣніи, что король затѣваетъ войну, чтобы, собравъ войско, уничтожить власть шляхты и ясновельможнаго панства. По этому поводу ходили разные слухи, будто Хмельницкій, у котораго шляхтичъ Чаплинскій отнялъ хуторъ Суботово, жаловался королю, и что король будто-бы сказалъ: «у васъ есть сабли и постойте за себя». Какъ-бы то ни было, одно только несомнѣнно, что Хмельницкій, убѣдившійся, по собственному опыту, что Украйнѣ отъ поляковъ правды не дождаться, бѣжалъ въ Запорожье, и, получивъ помощь отъ крымскаго хана, поднялъ возстаніе. Въ 1648 г. Хмельницкій разбилъ поляковъ при урочищѣ Желтыя Воды, р. Желтая впадаетъ въ р. Ингулецъ, и подъ Корсунемъ, въ послѣдней битвѣ оба польскіе гетмана попались въ плѣнъ. Хмельницкій остановился и послалъ королю объясненія причинъ своего возстанія; но Владиславъ въ это время умеръ и пошли слухи объ отравѣ. Въ народѣ-же, какъ только разнеслась вѣсть о побѣдѣ, говоритъ Костомаровъ, во всѣхъ предѣлахъ русской земли, находившейся подъ властію Польши, даже и въ Бѣлоруссіи, болѣе свыкшейся съ порабощеніемъ, чѣмъ южная Русь, вспыхнуло возстаніе. За общимъ возстаніемъ слѣдовало поголовное избіеніе пановъ, ксендзовъ и особенно іудеевъ; всякая жалость къ послѣднимъ называлась измѣною. Иначе и быть не могло, когда сословная ненависть соединялась съ религіознымъ фанатизмомъ. Казаки рѣзали передъ глазами родителей іудейскихъ младенцевъ. При этомъ бросали зарѣзанныхъ младенцевъ родителямъ и объ однихъ говорили «ѣшьте—*кошеръ*», про другихъ «*трефъ*,—нельзя ѣсть». Говорятъ, что въ это время казаки рядомъ вѣшали — ксендза, жида и собаку, съ ругательной надписью: ксендзъ, жидъ, собака—вѣра еднака. Къ стыду духовенства обоихъ христіанскихъ исповѣданій эта надпись повторилась и въ XVIII ст., во время возстанія гайдамаковъ.

Все польское шляхетство и панство впало въ паническій страхъ, за исключеніемъ князя Іеремія Вишневицкаго. Въ лицѣ его казачество встрѣтило жестокаго врага, у котораго чувство мести задушило разсудокъ и политическій смыслъ. Онъ сформировалъ сильный отрядъ, съ которымъ одерживалъ побѣды надъ загонами (партизанскими отрядами казаковъ) и звѣрствами своими хотѣлъ превзойти возставшихъ. Приказывая казнить плѣнныхъ, онъ приговаривалъ: «мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ»!

Жестокости, совершенныя Вишневицкимъ, сдѣлали примиреніе между казаками и поляками невозможнымъ. Хмельницкій прервалъ

переговоры. Подъ Пилявкою онъ снова разбилъ поляковъ и осадилъ Збаражъ. Въ это время противъ Хмельницкаго выступилъ самъ новый король Янъ-Казиміръ. Подъ Зборовымъ Хмельницкій, во время возстанія провозглашенный гетманомъ Запорожья и всей Малороссіи, встрѣтилъ польское войско подъ начальствомъ Яна Казиміра. Побѣда и на этотъ разъ склонялась на сторону Хмельницкаго; но Хмельницкій, въ самую рѣшительную минуту, по неизвѣстной причинѣ, остановилъ битву. Причина отчасти выясняется въ письмѣ его къ Яну-Казиміру: «я съ войскомъ запорожскимъ, при избраніи вашемъ, желалъ и теперь желаю, чтобы вы были болѣе могущественнымъ королемъ, чѣмъ былъ блаженной памяти братъ вашъ». Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ плана, приписываемаго Владиславу, съ помощію казаковъ усилить королевскую власть.

Съ казаками въ 1649 г. заключенъ былъ въ Зборовѣ договоръ, по которому король возвращалъ Малороссіи всѣ права. Въ предѣлахъ казачины запрещалось стоять коронному войску и жить іудеямъ.— Іезуитамъ не дозволялось жить въ Кіевѣ, кіевскій православный митрополитъ получитъ мѣсто въ Сенатѣ. Обѣщано упразднить Унію сеймовымъ постановленіемъ. Число казацкаго войска опредѣлено въ 40 т., записывать въ казаки дозволялось изъ имѣній шляхетскихъ и королевскихъ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній—Кіевской, Полтавской, Черниговской и частію Подольской [1]).

По заключеніи договора, Хмельницкій, будучи представленъ королю, держалъ себя съ достоинствомъ; онъ сказалъ королю: «терпѣніе наше потерялось, мы принуждены были призвать чужеземцевъ противъ шляхетства.—Нельзя осуждать насъ за то, что мы защищали нашу жизнь и наше достояніе. И скотъ бодается, если его мучатъ».

Зборовскій договоръ не удовлетворилъ малороссовъ по двумъ причинамъ: во-1-хъ, поляки его не исполняли, уніи не уничтожали, кіевскаго митрополита въ Сенатъ не пускали; во-2-хъ, ограниченіе числа казаковъ 40 тысячами взволновало всю Украйну. Народъ кричалъ—развѣ не всѣ мы были казаками? Хмельницкаго бранили, и ему стоило немалаго труда покончить съ реестромъ, т. е. со внесеніемъ въ списки казаковъ, попавшихъ въ число 40,000. Казаки раздѣлены были на 16 полковъ, и каждый полкъ означалъ округъ съ полковымъ городомъ, съ сотенными городами и селами.—Во многихъ городахъ оставлено было для мѣщанъ прежнее магдебургское право съ самоуправленіемъ и самосудомъ, оставлено раздѣленіе ремесленниковъ на цехи, съ правомъ имѣть цехамъ свои гербы и печати. Тогда-же изъ земель, отнятыхъ у пановъ, образовались ран-

---

[1]) По тогдашнему въ 3-хъ воеводствахъ: кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ.

говыя имѣнія, которыя раздавались генеральной старшинѣ и полковымъ чиновникамъ.—Впослѣдствіи на этихъ ранговыхъ имѣніяхъ выросло и крѣпостное право въ Малороссіи, и малорусское дворянство. Все остальное населеніе Малороссіи, не вошедшее въ казацкіе реестры, подъ именемъ «посполььства», должно было опять работать на пановъ. Это-то обстоятельство и повело къ новой войнѣ. Хмельницкій видѣлъ, что собирается гроза и ни откуда не видѣлъ помощи. Особенно сильно раздражены были казаки противъ Москвы. Московскимъ гонцамъ они говорили: «будетъ у насъ съ вами, москалями, большая война за то, что намъ не помогли противъ поляковъ». Эти рѣчи не пошли на вѣтеръ, въ Москвѣ на нихъ обратили вниманіе и стали искать случая начать съ Польшею войну. Тогда и въ Москвѣ сообразили, что выгоднѣе имѣть за собой малорусскихъ казаковъ противъ Польши и Крыма, чѣмъ присоединять казаковъ къ своимъ врагамъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ 1651 г. казаки и поляки отъ малыхъ стычекъ перешли къ открытой войнѣ. Война изъ религіозно-сословной становилась исключительно религіозной, та и другая сторона искали опоры въ поддержкѣ своего духовенства: поляковъ благословлялъ на войну папскій нунцій, а казаковъ Коринѳскій митрополитъ. Естественно, что мрачный духъ религіозной нетерпимости все болѣе и болѣе укрѣплялся на востокѣ Европы. Въ 1651 г. поляки остались побѣдителями въ битвѣ подъ Берестечкомъ, благодаря обману хана, оставившаго Хмельницкаго въ самый разгаръ битвы. Хмельницкій хотѣлъ уговорить хана остановиться, но ханъ задержалъ его до іюля. По возвращеніи Хмельницкій увидѣлъ необходимость мириться. Поляки также изъявляли готовность мириться; во-первыхъ, потому, что поляки видѣли ожесточеніе народа, готоваго за свое дѣло пролить послѣднюю каплю крови; во-вторыхъ, еще болѣе потому, что въ лагерѣ поляковъ господствовалъ недостатокъ провіанта.

Миръ заключенъ былъ въ урочищѣ Бѣлая Церковь. По Бѣлоцерковскому договору территорія казачества ограничена однимъ воеводствомъ Кіевскимъ и числоа заковъ уменьшено до 20 т., а жидамъ по прежнему предоставлялось право заниматься откупами, шляхтѣ возвращались имѣнія. Народъ страшно волновался, даже жизни Хмельницкаго грозила не разъ опасность; но онъ устоялъ противъ бури. Никогда, говоритъ Костомаровъ, Хмельницкій не проявлялъ такого присутствія духа, какъ въ эти минуты [1]).

---

[1]) Тотъ-же историкъ говоритъ, что Богданъ въ 1648 г. имѣлъ возможность освободить не только малорусскій, но и польскій народъ. Едва-ли такъ, пришлось-бы по поводу аграрной войны нажить Малороссіи много враговъ. Хотя Германія только что успокоилась послѣ Тридцатилѣтней войны, но допустили-ли-бы императоръ и нѣмецкіе князья крестьянскую войну на своихъ границахъ?

Послѣ Бѣлоцерковскаго договора малороссы съ береговъ Днѣстра и Буга и другихъ мѣстъ стали переселяться въ южные предѣлы Московскаго Государства. Тогда основаны были города: Сумы, Короча, Бѣлополье, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и другіе. Часть короннаго войска перешла на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы помѣшать выселеніямъ въ московскіе предѣлы; но и войско выселенію помѣшать не могло. За то ожесточеніе народа возросло до крайней степени, и Богданъ не могъ считать себя безопаснымъ. Война возобновилась и крымскій ханъ, встрѣтивъ поляковъ подъ Жванцомъ, принялъ мирныя условія, ими предложенныя. Союзникъ его, Хмельницкій, опять оставленъ на произволъ судьбы. Договоръ, заключенный поляками съ ханомъ, показываетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находились военныя силы Польши. Поляки обязались ежегодною данью хану, сверхъ того обязались разомъ заплатить ему сто тысячъ червонцевъ, и дать татарамъ право брать, на возвратномъ пути, сколько угодно плѣнниковъ въ польскихъ областяхъ. Поляки измѣнили этотъ пунктъ, предоставивъ татарамъ брать плѣнныхъ въ теченіе сорока дней, но только не поляковъ, а русскихъ.

Хмельницкій видѣлъ, что долѣе медлить было нельзя и нужно было отдаться подъ покровительство или султана, или Московскаго Царя. Въ Москвѣ уже давно понимали необходимость взять сторону Хмельницкаго и не разъ, какъ тогда говорили, задирали Польшу, требуя удовлетворенія за мнимыя и дѣйствительныя обиды. Къ числу мнимыхъ обидъ принадлежали книжные отзывы о Московитахъ, какъ тогда звали русскихъ. Такъ, въ исторіи царствованія Владислава было напечатано: «Москвитяне только по одному имени христіане, а по дѣламъ и обычаямъ хуже варваровъ, мы (т. е. поляки) ихъ часто одолѣвали и покорили лучшую часть ихъ земель». Гораздо важнѣе, принимая во вниманіе тогдашнія обстоятельства, были искаженія титуловъ Государей въ офиціальныхъ сношеніяхъ. Съ какимъ-то шутовствомъ, непозволительнымъ, не только въ офиціальныхъ сношеніяхъ, не только по отношенію къ главѣ государства, но и по отношенію къ кому бы то ни было, въ грамотахъ къ Михаилу писали—то Ѳедоръ Михайловичъ, то Михаилъ Филаретовичъ; въ одной грамотѣ и Царя Алексѣя Михайловича называли Александромъ Михайловичемъ.

Всѣ эти выходки припоминались при настоящихъ обстоятельствахъ.

По поводу малороссійскихъ дѣлъ еще въ 1652 г. созванъ былъ земскій Соборъ. Въ 1653 г. онъ высказалъ свое мнѣніе о неизбѣжности войны съ Польшею, послѣ того какъ дьякъ прочелъ, что Царь предлагалъ полякамъ забвеніе всѣхъ обидъ, если они перестанутъ преслѣдовать православную вѣру и уничтожатъ унію, и что предложеніе было отвергнуто. 1-го октября 1653 г. З. Соборъ окон-

чательно заявилъ, что не слѣдуетъ допускать Хмельницкаго и войско запорожское отдаться во власть султана, или крымскаго хана и потому слѣдуетъ ихъ принять подъ высокую Государеву руку.—Съ такимъ отвѣтомъ царскіе послы прибыли въ Переяславль, куда пріѣхалъ и гетманъ. Въ Переяславлѣ собрана была казацкая Рада (вѣче), которая и заявила желаніе отдаться въ подданство русскаго Царя. Заключены были условія присоединенія.

Украина, казацкая земля, въ предѣлахъ Зборовскаго договора, присоединялась, подъ именемъ Малой Россіи, къ Московскому Государству съ правомъ сохранить свой судъ и самоуправленіе посредствомъ выборнаго гетмана; число реестровыхъ казаковъ увеличивалось до 60-ти тысячъ. Въ число условій включено было право гетмана принимать пословъ и сноситься съ иностранными государствами; эта статья впослѣдствіи подавала много поводовъ къ столкновенію съ московскимъ правительствомъ. Иначе и быть не могло; эта статья, нисколько не гарантируя правъ народа, только разжигала самолюбіе гетмановъ, и возбуждала въ Москвѣ недовѣріе не къ нимъ только, но и къ малороссійскому народу. Принятіе этой статьи въ Москвѣ показываетъ у бояръ полное отсутствіе политической предусмотрительности.

Начавшаяся съ Польшею война, была вначалѣ весьма благопріятна для насъ; Янъ-Казиміръ, узнавъ о принятіи въ Московское подданство Малороссіи, первый объявилъ войну, но Польша не была къ ней готова. Въ 1654 г. русскіе безъ труда овладѣли городами Смоленскомъ, Могилевымъ, Полоцкомъ, Витебскомъ. Города сдавались добровольно, единовѣріе и сознаніе общей народности заставляли ихъ признавать власть Московскаго Царя. Изъ этихъ городовъ только Смоленскъ оказалъ противодѣйствіе. Успѣхи наши были-бы еще значительнѣе, еслибы Россію не посѣтила моровая язва. Въ этомъ году Польша нажила еще одного врага. Христина, шведская королева, преемница Густава - Адольфа, отказавшись въ 1654 г.. отъ престола, назначила своимъ преемникомъ своего кузена Карла-Густава, зятя герцога Голштейнъ-Готторпскаго. Янъ-Казиміръ, какъ единственный потомокъ Густавъ-Вазы въ мужскомъ колѣнѣ, также принялъ титулъ шведскаго короля. Карлъ X, такъ назывался Карлъ-Густавъ, объявилъ Польшѣ войну; 1655 г., взявъ Варшаву, Краковъ, загналъ Яна-Казиміра въ Силезію.

Пока Карлъ X гонялъ за Вислою Яна-Казиміра изъ одного города въ другой, русскіе въ 1656 г. взяли Минскъ, Ковно, Гродно, Пинскъ и Вильно безъ боя; вся Литва признала власть Алексѣя Михайловича, который принялъ титулъ Великаго Князя литовскаго. Мѣщане и шляхтичи, говоритъ Костомаровъ, сохранившіе православіе, а еще болѣе, угнетенные владычествомъ пановъ поселяне принимали московскихъ людей, какъ освободителей. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, если бы московскіе люди вели войну съ

большимъ воздержаніемъ и не дѣлали безчинствъ и насилій надъ жителями. Литовскій гетманъ Сапѣга говорилъ царскому гонцу: «княжество Литовское все хотѣло къ Царскому Величеству, но воевода Урусовъ насъ забралъ и домы наши запустошилъ. И теперь все княжество Литовское хочетъ миру съ государемъ (т. е. съ Яномъ-Казиміромъ), а Польша хочетъ больше мира съ шведскимъ королемъ». (Соловьевъ, т. X, гл. VI).

Кромѣ безчинствъ, возбуждавшихъ противъ насъ жителей Литовскаго княжества, не мало вреда принесли Россіи дипломатическія ошибки правительства царя Алексѣя Михайловича. Янъ-Казиміръ не разъ подсылалъ агентовъ къ Хмельницкому, чтобы склонить его на свою сторону и къ примиренію съ Польшею. Но здѣсь всѣ попытки этого рода не имѣли успѣха и не могли имѣть. Какъ могъ Хмельницкій принять какое бы то ни было предложеніе Яна-Казиміра, когда въ Малороссіи ожесточеніе противъ поляковъ не знало предѣловъ? Происшествіе въ мѣстечкѣ Бутѣ лучше всего показываетъ тогдашнія отношенія малорусской и польской народности. Въ началѣ войны 54 г. въ Бутѣ, вмѣстѣ съ жителями и разнаго рода бѣглецами столпилось до 12 т. человѣкъ, польскіе полководцы, Чарнецкій и Ланскаронскій, предлагая имъ сдаться, обѣщали пощадить ихъ жизнь и имущество. Но жители зажгли свои дома и стали убивать другъ друга. Женщины бросали грудныхъ дѣтей въ колодцы и сами бросались за ними. Семьдесятъ женщинъ скрылись въ пещерѣ, близь мѣстечка, захвативъ съ собою ружья. Имъ предложили сдаться, онѣ отвѣчали выстрѣлами, поляки заложили выходъ пещеры хворостомъ и зажгли его, всѣ 70 задохлись въ дыму. Это стоитъ Ѳермопилъ. Но за то въ Москвѣ польской дипломаціи, ко вреду Россіи, удалось вполнѣ. Посланнику Цезаря, Алегретти, удалось склонить Алексѣя Михайловича и бояръ къ миру. Въ 1656 г. въ Вильно былъ заключенъ договоръ, по которому поляки признали Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ Яна-Казиміра. Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, обѣщался защитить Польшу отъ шведскаго короля. Этотъ необдуманный договоръ надѣлалъ много бѣдъ Россіи и еще большими грозилъ. Трудно описать весь ужасъ, который охватилъ Малороссію при извѣстіи о виленскомъ договорѣ. По Малороссіи пошелъ слухъ, что царь православный предалъ полякамъ православную Украйну. Нелѣпый слухъ получалъ нѣкоторую долю вѣроятія, ибо московскіе бояре не допустили ни одного малороссіянина присутствовать при переговорахъ. Хмельницкій, узнавъ о договорѣ, писалъ Алексѣю Михайловичу: «Великій Государь, единый православный царь въ подсолнечной, вторично молимъ тебя—не довѣряй ляхамъ, не отдавай православнаго народа на поруганіе». Хмельницкій предупреждалъ царя, что поляки обманываютъ его избраніемъ, что въ то же время они просили въ преемники Яну-Казиміру австрійскаго принца. И дѣйстви-

тельно, австрійскій посолъ Алегретти, склонившій Алексѣя Михайловича къ миру съ Польшею, очень хлопоталъ объ избраніи на польскій престолъ брата Цезаря.

Положеніе дѣлъ послѣ Виленскаго договора было таково: нѣмецкій императоръ съ угрозой требовалъ отъ Хмельницкаго прекращенія войны съ Польшею. Султанъ и ханъ были въ союзѣ съ Польшею, зная, что договоръ объ избраніи Алексѣя Михайловича въ польскіе короли—обманъ; соединеніе Малороссіи съ Москвою, усилившее Россію, не могло имъ нравиться. Это соединеніе, ослаблявшее католическую Польшу, не могло нравиться и свѣтскому представителю католицизма—римско-германскому императору.

Такимъ образомъ, бояре ставили на карту будущее Россіи, отстраняли ея объединеніе.

Цезарскій посолъ Алегретти достигъ и другой цѣли, обративъ русское оружіе противъ шведскаго короля, врага католицизма.

Алегретти такъ хорошо велъ свои дѣла въ Москвѣ, что даже Никонъ, забывъ, что говорилъ прежде, убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратить оружіе противъ шведовъ, чтобы отнять у нихъ земли, принадлежавшія Новгороду.

Удивительно видѣть, какая шаткость въ политическихъ идеяхъ господствовала въ Москвѣ; забывали о томъ, какъ издавна рѣчь идетъ о возвращеніи земель, гдѣ княжило потомство св. Владиміра; забыли о гоненіяхъ на православіе въ Малороссіи и, забывъ, что Янъ-Казиміръ до вступленія на престолъ былъ іезуитомъ, повѣрили ему и бросились на шведскаго короля Карла X, подъ предлогомъ возвратить земли, потерянныя по Столбовскому миру, а на самомъ дѣлѣ, дабы защитить будущее наслѣдіе царя Алексѣя.

Въ то время, когда гонялись за призракомъ польскаго наслѣдства, Россія едва не потеряла и того, что получила по Переяславскому миру.—Слухъ о томъ, что, по Виленскому договору, казаковъ возвращаютъ Польшѣ, все усиливался; къ этому слуху прибавился другой, что казаковъ заставятъ вмѣсто сапогъ носить лапти, т. е. обратятъ ихъ въ крестьянъ. Поводъ къ этому слуху подали распоряженія бояръ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобы всѣ носили русское платье. Поляки всячески усиливали недовѣріе казаковъ къ Москвѣ; а Янъ-Казиміръ нашелъ средство, какъ онъ думалъ, окончательно поссорить гетмана съ Москвой, но ошибся въ своихъ разсчетахъ.

Еще въ началѣ 1657 г. Хмельницкій, въ свою очередь, заключилъ договоръ съ Ракочи, княземъ Трансильваніи, и Карломъ X о раздѣлѣ Польши. Король долженъ былъ получить Великую Польшу, Ливонію и Гданскъ.—Ракочи—Малую Польшу, великое княжество Литовское, княжество Мазовецкое и часть Червонной Руси; Украйна-же съ остальными землями должна быть признана навсегда отдѣленною отъ Польши. Янъ-Казиміръ зналъ о переговорахъ Хмель-

ницкаго съ Ракочи и Карломъ X и спѣшилъ предупредить Алексѣя Михайловича, который думалъ, что Яномъ руководитъ истинное доброжелательство. Хмельницкому посланъ выговоръ, на который онъ отвѣчалъ, что у казаковъ давняя дружба со шведами, что шведы люди правдивые, слово свое держатъ, а Царское Величество примирился съ поляками. Далѣе Хмельницкій упоминаетъ о своихъ заслугахъ, напомнилъ, что еще до подданства девять лѣтъ оберегалъ южные предѣлы наши отъ крымцевъ «и нынѣ, Царь, готовы идти на твоихъ враговъ, я боленъ, но пойду, хотя за собою повезу гробъ. Его Царскому Величеству во всемъ воля, заключаетъ письмо Хмельницкій, только мнѣ дивно то, *что бояре ему ничего добраго неприсовѣтуютъ; короною польскою не овладѣли, дѣла недовершили, а съ другимъ государствомъ, со Швеціею, войну начали*».

Грубый, но честный языкъ гетмана въ Москвѣ не понравился. Ему прислали снова выговоръ, но онъ былъ уже боленъ при смерти и, больной, далъ полезный для Царя и Россіи совѣтъ— помириться со шведами и вмѣстѣ воевать Польшу. Имѣя свѣдѣнія о лукавствѣ поляковъ, онъ говорилъ: «Хотя поляки и выбрали нашего Государя на польское королевство, но это обманъ». Онъ говорилъ, что перехватилъ по этому дѣлу письмо поляковъ къ султану и отослалъ его къ Царю Алексѣю Михайловичу. Какъ переданы были Царю слова Хмельницкаго неизвѣстно; точно также неизвѣстно, передано-ли было письмо къ султану.

Больной Хмельницкій не долго пережилъ, отравившій его жизнь, Виленскій договоръ. Черезъ мѣсяцъ, послѣ сейчасъ приведеннаго разговора съ московскими боярами, въ іюлѣ 1657 г. Богданъ умеръ.— Умирая, онъ говорилъ: я «одной ногой стою въ могилѣ и не прогнѣвлю Бога нарушеніемъ обѣта вѣрности Царю». Онъ выдалъ приказъ, послѣдній въ его жизни, казацкому отряду, помогавшему Ракочи, оставить послѣдняго; и сына своего и всѣхъ казаковъ убѣждалъ оставаться вѣрными Царю.

Какъ ни испорчено было дѣло Хмельницкаго московскою политикою, но и то, что осталось отъ этого дѣла, имѣло огромное значеніе въ исторіи восточной Европы. Присоединеніе даже части Малороссіи усилило московское государство и подготовило созданіе Россійской имперіи.

Хмельницкій похороненъ былъ, по его завѣщанію, въ его хуторѣ Субботовѣ. Во вторую польскую войну, побѣдитель московскихъ полковъ, Чарнецкій, не могъ сдержать своей ненависти передъ могилою человѣка, который нанесъ смертельный ударъ Польшѣ.—Онъ приказалъ разрыть могилу гетмана и выбросить его кости на поруганіе.

Считая себя наслѣдникомъ польскаго престола, Алексѣй Михайловичъ началъ войну со Швеціей, неожиданно для послѣдней. Поэтому русскіе безъ труда заняли шесть городовъ, въ томъ числѣ Дерптъ, Динабургъ, но подъ Ригой успѣхи были остановлены. — Русскіе

отряды потомъ терпѣли одно пораженіе за другимъ; самое большое пораженіе нанесено было боярину Матвѣю Васильевичу Шереметеву генералъ-майоромъ Ливеномъ. У Шереметева было 10 т. войска, съ которымъ онъ и бѣжалъ. Делагарди вступилъ уже въ Псковскую область. Единственный успѣхъ, который имѣли русскіе—это пораженіе аріергарда Делагарди, когда послѣдній съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ сталъ отступать передъ 20 т. русскихъ.

Между тѣмъ не прошло послѣ Виленскаго договора и двухъ лѣтъ, какъ Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ убѣдиться въ справедливости предсказаній Богдана Хмельницкаго. Поляки на сеймѣ 1658 г. рѣшительно отвергли кандидатуру русскаго Царя на польскій престолъ. Вслѣдствіе того Царь спѣшилъ примириться со Швеціей и въ деревнѣ Веліесарѣ, близь Нарвы, заключено было перемиріе на три года, до 20 декабря 1661 г.

Такимъ образомъ призрачная кандидатура на польскій престолъ и неразумно-начатая нами война со Швеціей дали время оправиться Польшѣ.

По смерти Богдана Хмельницкаго, въ Малороссіи началась смута: больного Хмельницкаго просили назначить гетманомъ его 16-ти лѣтняго сына, Юрія. Но казаки уговорили Юрія уступить булаву болѣе опытному человѣку, войсковому писарю Выговскому. Писарь Выговскій, шляхтичъ родомъ, былъ не симпатиченъ большинству. Присоединеніе къ Москвѣ было дѣломъ народной массы, говоритъ Соловьевъ, меньшинство же, казацкая старшина, тянула на сторону шляхетской Польши. Выговскій и былъ представителемъ этого меньшинства. (Соловьевъ. Т. XI, гл. 1). Раздвоеніе Малороссіи на двѣ политическія партіи не замедлило тотчасъ обнаружиться послѣ выбора Выговскаго. Выговскій узналъ, что въ демократическомъ Запорожьѣ, гдѣ всегда подозрѣвали шляхетско-польскія симпатіи Выговскаго, рѣшились отправить къ Царю посольство, чтобы выяснить дѣло и просить указать новые выборы. Выговскій всячески старался задержать посланцевъ и въ то же время заискивалъ въ Москвѣ среди бояръ. Хотя Морозовъ и не игралъ уже тогда первенствующей роли, но Выговскій зналъ его доступность къ Царю и любовь къ нему царя; поэтому онъ и писалъ Морозову: «Просимъ твоей милости (sic), изволь предъ его царскимъ Величествомъ ходатаемъ быть, чтобъ Великій Государь своевольникамъ, (т. е. запорожцамъ) не изволилъ вѣрить, чтобы посланцевъ ихъ покаралъ, своевольники эти о вѣрѣ не радѣютъ, о службѣ царской не думаютъ, женъ, дѣтей, пожитковъ не имѣютъ, а мы за вѣру православную и за достоинство царскаго Величества, при женахъ, дѣтяхъ и маятностяхъ нашихъ, всегда умереть готовы». Но Запорожцы, пробравшись въ Москву, отъ имени Кошеваго атамана Барабаша, объявили, что чернь, мѣщане и войско запорожское великія притѣсненія и обиды терпятъ отъ городоваго гетмана.

«Выговскаго», говорили запорожцы, «мы не хотимъ, мы ему не вѣримъ, онъ не природный казакъ, а польскій шляхтичъ, взятый въ плѣнъ при Желтыхъ водахъ». Запорожцевъ спрашивали, правда-ли, что послѣ смерти Богдана, мѣщане и поспольство говорили, что хорошо было бы, кабы въ городахъ были царскіе воеводы, а чтобы гетманъ и полковники вѣдали только казаковъ? «И мы этого хотимъ», отвѣчали запорожцы.

Переговоры съ запорожцами ясно указывали намъ, какой стороны держаться и напоминали намъ, что волею народной массы Малороссія возсоединилась съ Московскимъ государствомъ. Но наша политика руководилась не принципами, а совѣтами, то однихъ, то другихъ. Совѣты же эти были результатомъ ни на чемъ не основанныхъ предположеній; а часто еще хуже—результатомъ внушеній иноземныхъ дипломатовъ. Мы указали выше, какъ подъ вліяніемъ разнаго вида іезуитизма, заключенъ былъ Виленскій договоръ. Іезуитъ Алегретти, не въ переносномъ, а въ настоящемъ смыслѣ іезуитъ, склонилъ даже Никона замириться съ Польшею и объявить войну Швеціи, гдѣ будто бы лютеранизмъ грозилъ православію жителей бывшихъ новгородскихъ земель. Эта опасность—не болѣе, какъ іезуитское измышленіе. Мы видѣли на шведской войнѣ результаты политики, руководимой враждебными намъ силами; но этотъ урокъ пропалъ даромъ. Когда, подъ начальствомъ князя Алексѣя Трубецкаго, послано было войско для усмиренія гетмана Выговскаго, то Трубецкому, вопреки заявленію запорожцевъ, что казаки не хотятъ въ гетманы польскаго шляхтича, дана была инструкція, стараться о примиреніи съ Выговскимъ. Результатъ безпринципности вышелъ ужасный.

Выговскій тянулъ переговоры, конечно, въ надеждѣ на своихъ милостивцевъ, Морозовыхъ, а между тѣмъ приглашалъ къ себѣ на помощь крымскаго хана. Дождавшись хана, Выговскій двинулся къ г. Конотопу, осажденному Трубецкимъ. Оставивъ татаръ и значительную часть казаковъ въ засадѣ за р. Сосновкой, Выговскій внезапно напалъ на русскій лагерь, а потомъ внезапно сталъ отступать. Русскіе воеводы, говорятъ, были предупреждены объ засадѣ, но почему-то не повѣрили. Русская конница, подъ начальствомъ князей Семена Пожарскаго и Семена Львова, бросилась за Выговскимъ. Передовые воеводы нахально кричали: «давайте ханьщину, давайте калгу, всѣхъ ихъ . . . . вырубимъ». Но только что русскіе перешли р. Сосновку, какъ изъ-за засады бросились татары и русскіе, и вся наша конница была истреблена, Пожарскій и Львовъ погибли. Трубецкой съ пѣхотою такъ поспѣшно отступалъ на Путивль, что ханъ уже не засталъ его подъ Конотопомъ.

Ужасъ въ Москвѣ былъ такъ великъ, что никто изъ бояръ не осмѣлился, по обычаю, явиться передъ народомъ и объявить о несчастіи. Самъ Царь долженъ былъ это сдѣлать и вышелъ къ народу

въ траурной одеждѣ. Народъ былъ тронутъ такимъ смиреніемъ Царя. Въ Москвѣ готовились, въ ожиданіи хана, къ осадѣ, говорили, что Царь отправится въ Ярославль. Въ войскѣ Трубецкаго сдѣлался бунтъ, съ трудомъ усмиренный при содѣйствіи Артамона Матвѣева.

Вслѣдъ затѣмъ Выговскій въ 1660 г. поразилъ подъ Нѣжиномъ князя Ромадановскаго. Въ томъ-же 1660 году польскій полководецъ Чарнецкій разбилъ, по очереди, князей Хованскаго и Долгорукаго. Осенью новое несчастіе: Шереметевъ, который велъ войско на Волынь, былъ разбитъ и окруженъ подъ Чудновымъ княземъ Любомірскимъ. Съ Шереметевымъ шелъ Юрій Хмельницкій, выбранный въ гетманы; тогда въ первый разъ явилось двое гетмановъ: русскій Юрій и польскій Выговскій. Ю. Хмельницкій такъ испугался передъ битвою, что бросилъ все, бѣжалъ и хотѣлъ постричься въ монахи. Шереметевъ долженъ былъ сложить оружіе къ ногамъ побѣдителя, холодное оружіе полагалось возвратить русскимъ. Но когда русскіе положили оружіе, поляки отдали ихъ на рѣзню татарамъ; Шереметева-же съ другими вождями передали татарамъ, какъ плѣнниковъ.

Первая причина этихъ пораженій заключалась въ безпринципности распоряженій, а вторая въ мѣстничествѣ воеводъ, о чемъ свидѣтельствуетъ официальный актъ, который гласитъ: «И въ тѣхъ полкахъ между бояры—воеводы *для случаевъ отечества ихъ* [1]) многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота, и отъ того ихъ несогласія многой упадокъ ратнымъ людямъ учинился, а именно подъ Конотопомъ и подъ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ. (Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи Государемъ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Мѣстничества, № 130, т. IV Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ). Однако однимъ мѣстничествомъ нельзя объяснить нашихъ пораженій; имъ много способствовала безпринципная политика нашихъ бояръ, руководимыхъ іезуитомъ Алегретти.

Въ Малороссіи господствовала страшная неурядица. Выговскій, еще до побѣдъ своихъ надъ Московскими воеводами, заключилъ договоръ съ Польшею, извѣстный подъ именемъ Гадяцкаго. По этому договору Украину, нынѣшнія губерніи Полтавскую Черниговскую, Кіевскую, восточную часть Волынской и южную часть Подольской рѣшено соединить съ Польшею подъ верховною властію польскаго короля, подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго. Въ рукахъ пожизненнаго гетмана оставалась исполнительная власть; проектированное Княжество должно было имѣть свой трибуналъ. Предполагалось устроить двѣ Академіи съ правами Университетовъ.

Эту федеративную идею Выговскому внушилъ шляхтичъ Юрій

---

[1]) Выраженіе *для случаевъ отечества ихъ* значитъ по причинѣ споровъ о службѣ отцовъ ихъ.

Немиричъ, долго жившій въ Голландіи.—Большая часть старшинъ одобрила этотъ договоръ но народная масса отвергла его. «Всякое соединеніе съ Польшею», говоритъ Костомаровъ, «подъ какимъ-бы то ни было видомъ, для народа стало омерзительнымъ». Замѣчательно, что человѣкъ, внушившій эту идею, Немиричъ, былъ изрубленъ народомъ въ куски. Намъ-же кажется, что народная масса инстинктивно понимала, что федерація простонароднаго княжества съ аристократическою Рѣчью Посполитою есть то же, что соединеніе волка съ овцой. Казаки отдавались въ полное распоряженіе Царя. Тогда то, подъ вліяніемъ московскаго правительства, избранъ былъ въ гетманы Юрій Хмельницкій. Бояре не нашли человѣка болѣе надежнаго. Его поставилъ въ гетманы и привелъ къ присягѣ бояринъ князь Юрій Трубецкой. Власть гетмана была ограничена, ограниченія эти были необходимы, но вводились крайне не во время; у гетмана было отнято право принимать иноземныхъ пословъ и вести войну безъ воли Государя. Старшина домогалась, чтобы кромѣ гетмана, никто не могъ сноситься съ Москвою, но на это предложеніе не согласились; ибо право сноситься съ Москвою помимо гетмана давало возможность московскому правительству слѣдить за дѣлами Малороссіи. Мы сказали, что эти разумныя ограниченія сдѣланы были не во время, и дѣйствительно, дѣлать подобныя перемѣны во время смятенія все равно, что дѣлать пристройки къ дому во время пожара.

Старшина вся была противъ Ю. Хмельницкаго; противъ протеже Трубецкаго былъ и В. Б. Шереметевъ, человѣкъ высокомѣрный, суровый. «Этому гетманишкѣ», говорилъ Шереметевъ, «идетъ лучше гусей пасти, чѣмъ гетмановать». Конечно это была правда, но царскому воеводѣ обязательно было воздерживаться отъ рѣзкихъ словъ.

Въ то время, какъ Россіи наносили удары польскіе вожди, въ самый годъ Конотопской битвы, Польша примирилась со Швеціею. Въ 1660 г. въ Оливѣ, село близъ Данцига, заключенъ былъ миръ между Швеціею и Польшей. Янъ-Казиміръ отказался отъ притязаній на шведскій престолъ, уступилъ Швеціи Лифляндію Эстляндію и островъ Эзель. Шведы возвратили Польшѣ города Маріенбургъ и Эльбингъ и занятыя ими земли въ Пруссіи и Курляндіи. Германоримскій императоръ отказался отъ завоеваній въ Мекленбургѣ и Помераніи и уступилъ Шлезвигъ и Гольштейнъ Гольштейнъ-Готторпскому дому. Бранденбургскій домъ удержалъ всѣ свои владѣнія и получилъ Эльбингъ въ залогъ. Такимъ образомъ германо-римскій, католическій императоръ употребилъ всѣ средства спасти католическую Польшу и для этой цѣли удовлетворилъ разными уступками сѣверныхъ протестантскихъ князей. Наша же дипломація, объявивъ Швеціи войну, потеряла этихъ естественныхъ союзниковъ.

Но на внутреннее развитіе Польши Оливскій миръ имѣлъ

вредное вліяніе. До этого мира строились планы благоразумныхъ реформъ, самъ король въ 1656 г.произнесъ во Львовѣ торжественное обѣщаніе, что, по возстановленіи мира, онъ со всѣми сословіями постарается освободить народъ отъ *несправедливыхъ повинностей и притѣсненій.* По заключенію мира, говоритъ польскій историкъ Бобржинскій, возгласы о реформѣ притихли, обнаружилось напротивъ того, что тяжелыя пораженія и горькая опытность совсѣмъ не вылѣчили помѣшавшагося на химерѣ *золотой свободы народа.* Разумѣется, не должно терять изъ виду, что подъ словомъ народъ здѣсь разумѣлось шляхетство. (Очеркъ исторіи Польши, ч. 2, стр. 216). Выше уже было указано, какъ авторъ съ горькой ироніей относился къ этой золотой свободѣ. Никогда liberum Veto не причиняло столько зла, какъ въ это время. Главнымъ противникомъ благоразумныхъ реформъ, задуманныхъ королемъ, былъ князь Любомирскій, который три года, 1664, 65 и 66, велъ войну съ королемъ, наконецъ, получилъ амнистію и умеръ въ Силезіи.

Положеніе Россіи было не менѣе тягостно и она спѣшила заключить окончательный миръ съ Швеціей. Миръ заключенъ былъ въ 1661 г., на основаніи перемирія въ Веліесарѣ, въ Кардисѣ, мызѣ Дерптскаго уѣзда. Россія должна была отказаться отъ всѣхъ городовъ, завоеванныхъ въ Ливоніи. Кардисскій миръ былъ едва ли не тяжелѣе мира въ Ямѣ Запольскомъ. Миръ тотъ назвали постыднымъ, говорили, что онъ былъ результатомъ тиранніи Грознаго, пролившаго побѣдоносную кровь сильныхъ во Израилѣ, какъ называлъ Курбскій бояръ. И вотъ при Алексѣѣ Михайловичѣ *сильные во Израилѣ* живы, дѣлаютъ, что хотятъ, и результатъ ихъ дѣятельности—рядъ пораженій со стороны поляковъ и шведовъ, а впереди ничего отраднаго. Во внутреннихъ дѣлахъ результатомъ боярскаго правленія было государственное банкротство. Истощеніе источниковъ государственныхъ доходовъ заставило правительство Алексѣя Михайловича выпустить нѣчто въ родѣ ассигнацій— мѣдную монету съ серебряными ободочками, одинаковой величины и вѣса съ серебряною монетою, которая и должна была ходить за серебряную. Въ 1656 и 57 гг. правительство еще пользовалось довѣріемъ, почему въ эти годы новая монета и держалась въ номинальной цѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не стали замѣчать, что бояре и дьяки скупаютъ остатки старой серебряной монеты. По мѣрѣ того, какъ исчезала съ рынка старая серебряная монета, падала цѣна монеты съ серебряными ободочками. Въ 1659 г. эти деньги только на три коп. на рубль были дешевле серебряныхъ, въ 1660 г. на двадцать к. на рубль; въ 1661 г. на 70 к., въ 1662 за 12 рублей означенной монеты давали только рубль, и въ 1663 г. рубль давали только за 15 р. означенной монеты съ серебряными ободочками. Зло, по свидѣтельству Мейерберга (Mayerberg), увеличивалось еще тѣмъ, что въ московскомъ государствѣ появилась масса фаль-

шивой монеты, какъ изъ-за границы, такъ и сдѣланной дома. Названный путешественникъ свидѣтельствуетъ, что особенно много фальшивой монеты выпустилъ Илья Даниловичъ Милославскій, тесть Алексѣя Михайловича. Въ 1661 г. въ Москвѣ поймано было до 400 фальшивыхъ монетчиковъ. Легкость поддѣлки мѣдной монеты съ серебряными ободочками увеличивала число людей, совершавшихъ преступленіе поддѣлки монеты ради наживы; и все это совершалось несмотря на жестокія казни, которыми грозило Уложеніе за поддѣлку монеты. Первая статья пятой главы Уложенія гласитъ: «Которые денежные мастера учнутъ дѣлати мѣдныя, или оловянныя, или укладныя деньги и тѣмъ государевой казнѣ начнутъ чинити убыль и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнить смертію, залить горло. Масса людей была раззорена и крупными, и мелкими фальшивыми монетчиками.

Раззореніе и безнаказанность крупныхъ злодѣевъ вызвали въ Москвѣ бунтъ въ 1662 г. Самый достовѣрный разсказъ объ этомъ бунтѣ, составленный по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, мы находимъ въ Исторіи Россіи Соловьева. Весною 1662 г., послѣ Пасхи, пошли ходить слухи, что чернь собирается разгромить дворъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго и его друзей. 25 іюля на Лубянкѣ къ столбу прибита была бумажка, на которой было написано слѣдующее. «Измѣнники: Илья Милославскій, да окольничій Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій да гость Шоринъ». Эту бумажку велѣно было снять; но слухъ о ней прошелъ уже въ народѣ, народъ вырвалъ бумагу у сотскаго и понесъ ее въ село Коломенское, къ Царю. По селу раздавались крики, въ которыхъ можно было разслышать фамиліи Милославскихъ, Ртищева. Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ церкви, догадался въ чемъ дѣло и приказалъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться въ комнатахъ Царицы и Царевенъ, а самъ остался у обѣдни. Гилевщики (бунтовщики) явились передъ дворцомъ, царь принужденъ былъ вступить съ ними въ переговоры. Нижегородецъ Мартынъ Жедринскій подалъ царю бумажку, Царь обѣщалъ разобрать дѣло и сказалъ, что, отстоявъ обѣдню, пріѣдетъ въ Москву, чтобы и они шли туда-же. Но гилевщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: «Чему вѣрить?» Царь клялся Богомъ, далъ руку въ своемъ словѣ, и когда онъ съ однимъ изъ гилевщиковъ ударилъ по рукамъ, тогда толпа двинулась въ Москву. Въ Москву впередъ царь послалъ князя Ивана Андреевича Хованскаго, который засталъ смуту и въ Москвѣ. Хованскій сталъ уговаривать толпу.—Ты, бояринъ, отвѣчалъ народъ, человѣкъ добрый, намъ до тебя дѣла нѣтъ, а Царь пусть выдастъ измѣнниковъ. Съ этимъ требованіемъ народъ двинулся снова въ Коломенское. Царь уже садился на лошадь, чтобы двинуться въ Москву, какъ толпы снова окружили его. Царь приказалъ стрѣльцамъ и дворянамъ очистить путь и такъ какъ народъ былъ безоруженъ, то исполнить прика-

заніе было нетрудно. Человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, болѣе 7 т. было перебито, или переловлено, хотя настоящихъ гилевщиковъ было не болѣе 200 человѣкъ. Но мѣдныя деньги съ серебряными ободками отмѣнены были только въ 1663 г. Мѣдныя деньги съ ободками велѣно было отбирать; но еще въ 1664 г. находили монеты мѣдныя съ ободками, натертыя ртутью. Говорятъ, что за порчу денегъ переказнено было смертію болѣе 7000 человѣкъ, да больше 15 т. наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкою, отобраніемъ имѣнія въ казну. (С. т. XI, гл. 4).

При такомъ положеніи дѣлъ объ успѣшной борьбѣ съ Польшею не могло быть и рѣчи. Чарнецкій изгналъ русскихъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи. Гродно и Могилевъ, самая Вильна, были потеряны; они опять очутились въ рукахъ поляковъ не только вслѣдствіе побѣдъ ихъ, но еще болѣе вслѣдствіе крайне жестокаго обращенія воеводъ съ жителями. Вильну взялъ самъ Янъ-Казиміръ и велѣлъ казнить русскаго воеводу, князя Мышецкаго. Въ указѣ короля было сказано, что его казнятъ не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и вѣрно служилъ своему государю, а за то, что онъ былъ большой тиранъ, много невинныхъ людей покаралъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ стрѣлялъ; сажалъ на колъ, беременныхъ женщинъ за ребра на крюкахъ вѣшалъ, и онѣ рождали младенцевъ. (Сол. т. XI, гл 2). Во время мятежа Любомірскаго, русскія войска снова, въ 1665 г., овладѣли Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ, но удержать ихъ не могли. Войска наши своимъ поведеніемъ повсюду возбуждали противъ себя жителей и даже Алексѣй Михайловичъ, и тотъ, при всемъ своемъ добродушіи, приказалъ въ Смоленской области казнить смертію за грабежъ и за изнасилованіе женщинъ.

Въ Малороссіи Юрію Хмельницкому послѣ Чуднова не удалось утвердиться на гетманствѣ. Тогда въ правобережной Украинѣ гетманомъ утвердился Тетеря, отдавшійся полякамъ, въ лѣвобережной— запорожецъ Брюховецкій. Онъ былъ выбранъ въ гетманы на Черной Радѣ, т. е. на Радѣ, гдѣ участвовали всѣ казаки, а не одна старшина. Но Брюховецкій самъ испортилъ свое положеніе: онъ поѣхалъ въ Москву, женился на дочери Шереметева, получилъ боярство, а полковники, бывшіе съ нимъ въ Москвѣ, пожалованы въ дворяне. Въ Москвѣ наивно думали, что всѣ эти пожалованія будутъ приняты въ Малороссіи съ восторгомъ; но казаки увидѣли въ этихъ пожалованіяхъ нарушеніе исконнаго казацкаго равенства. Передъ самой поѣздкой Брюховецкаго въ Москву въ правобережной Украинѣ выбранъ былъ въ 1665 г. въ гетманы Петръ Дорошенко, замѣчательно талантливый, краснорѣчивый и отважный человѣкъ, мечтавшій о самостоятельности Малороссіи.

Въ 1667 г. заключенъ былъ Андрусовскій договоръ, который подлилъ масла въ огонь. Вліяніе его на Малороссію было столь-же вредно, какъ и вліяніе Виленскаго договора. Въ Андрусовѣ,

деревнѣ Смоленской губерніи, Красненскаго уѣзда, заключено было перемиріе на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній Россія удержала только Смоленскъ и Сѣверское княжество. Лѣвобережная Украина отходила къ Россіи, а правобережная отходила къ Польшѣ. Кіевъ на два года оставленъ за Россіей. Должно замѣтить, что царь Алексѣй Михайловичъ наказывалъ отдать и Кіевъ; и если онъ остался за Россіей, то благодаря Ордыну-Нащокину. Но Малороссію оскорбляла одна мысль объ отдачѣ такой святыни, какъ Кіевъ, полякамъ. Пошли толки объ отдачѣ всей Малороссіи. Всему вѣрили, ибо на Андрусовскіе переговоры никто изъ малороссіянъ не былъ приглашенъ.

Въ Малороссіи опять появилось двое гетмановъ: Дорошенко въ правобережной Украинѣ и Многогрѣшный въ лѣвобережной. Многогрѣшный заступилъ мѣсто Брюховецкаго, который былъ убитъ по приказанію Дорошенко. Многогрѣшный, провозгласивъ себя въ лѣвобережной Украинѣ независимымъ отъ Дорошенко гетманомъ, оставался вѣренъ царю. Но послѣ Андрусовскаго перемирія, онъ собирался воевать Москву вмѣстѣ съ Дорошенко. Онъ говорилъ великорусскому гонцу Танѣеву: «Государь насъ не саблею взялъ; мы ему добровольно поддались ради единой вѣры. Если Кіевъ и другіе города ему не надобны и онъ отдалъ ихъ королю, то мы сыщемъ другого государя». Слова Многогрѣшнаго были только слабымъ отголоскомъ общаго мнѣнія. Войны казаковъ съ поляками на религіозной почвѣ довели въ Малороссіи религіозный энтузіазмъ до высшей степени, и вдругъ получается вѣсть, что царь отдаетъ Кіевъ полякамъ, царь, слывшій самымъ набожнымъ человѣкомъ! Но такъ какъ старшины не любили Многогрѣшнаго, то они его схватили и отправили въ Москву, откуда его со всѣмъ семействомъ сослали въ Сибирь. Тогда Дорошенко призвалъ турокъ, подчинившись султану. На помощь казакамъ выступилъ самъ султанъ Махметъ IV. Взятіе и раззореніе турками Каменца, крѣпости, которая считалась неприступной, навели ужасъ на Польшу, гдѣ тогда царствовалъ Михаилъ Вишневецкій, фамилія, грозная для безоружныхъ крестьянъ, но ничего не значившая въ глазахъ султана. Михаилъ, сынъ Іереміи, заключилъ съ турками миръ и уступилъ султану Подолію и Украйну и обязался платить 22 т. червонцевъ ежегодно. Вторженіе турокъ въ правобережную Украйну нѣсколько поправило ошибки русскихъ бояръ и поддержало авторитетъ московскаго царя. Масса украинцевъ съ праваго берега Днѣпра снова начала переселяться въ московскіе предѣлы [1]). Самъ Дорошенко послалъ въ Москву довѣренныхъ съ изъявленіемъ покорности царю. Довѣренные прибыли въ послѣдніе дни жизни Алексѣя Михайловича, въ январѣ 1676 г.

---

[1]) Переселялись въ предѣлы нынѣшнихъ губерній: Воронежской, Курской, Екатеринославской.

Андрусовскій договоръ самъ по себѣ не имѣетъ значенія, онъ былъ слѣдствіемъ легкомысленнаго Виленскаго договора.

Соловьевъ въ своей исторіи очень много говоритъ о шатаніи Черкасовъ, о томъ, что вслѣдствіе взаимныхъ доносовъ слово черкашенинъ сдѣлалось синонимомъ слову измѣнникъ. Удивительно, что историкъ такой проницательный, сужденія дьяковъ XVII в. перенесъ на страницы своей исторіи. Онъ утверждаетъ, что шатаніе Малороссіи между Москвой, Польшей и Турціей деморализировало малорусскій народъ, ослабило общественный смыслъ у народа, укоренило вредную привычку не вѣрить никому и вмѣстѣ вѣрить всему (т. XI, гл. III). Прежде всего надобно помнить, какъ указано выше, что начало шатанію положилъ злосчастный Виленскій договоръ и безпринципность московской политики. У народа не ослабѣлъ общественный смыслъ; народъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ вспышекъ, остался вѣренъ царю. Мы же всѣ надежды возлагали на Старшину, которая, только подъ давленіемъ массы, на Переяславской Радѣ 1654 года, присягнула царю. Разрѣшеніе вопроса, кто колебалъ довѣріе къ царю, слѣдуетъ искать въ фактахъ, а не въ приказахъ у дьяковъ, или въ сужденіяхъ бояръ. Рѣшеніе Переяславской Рады 1654 г. укрѣпило московское царство, подготовило созданіе Имперіи и, вопреки договорамъ Виленскому и Андрусовскому, да не смотря на побѣды польскихъ вождей во вторую войну съ Польшей, дало рѣшительный перевѣсъ Россіи надъ Польшей. Не шатаніе Черкасовъ, а шатаніе тогдашней московской политики, ея эгоистично-сословное направленіе, при Алексѣѣ Михайловичѣ, было причиною, что тогда же, за сто лѣтъ до Екатерины Второй, Литва, Бѣлоруссія и вся Малороссія не остались за нами [1]). Отъ насъ ждали спасенія народной массы, а наша дипломація мирволила польскимъ панамъ и казацкой старшинѣ.

---

[1]) Совершись это присоединеніе при Алексѣѣ Михайловичѣ, мы бы на сто лѣтъ въ культурномъ отношеніи были бы впереди. Литовскіе и Бѣлорусскіе города сдавались добровольно, латинскій элементъ въ этомъ краѣ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ при Екатеринѣ. Этотъ край, въ эпоху Алексѣя, былъ образованнѣе московскаго царства и вмѣстѣ съ Малороссіей могъ придать сильное движеніе нашему культурному развитію. Не такъ дѣло стояло въ XVIII столѣтіи

ГЛАВА XXII.

Административное хищничество, обиравшее народъ, и безъ того удрученный налогами по поводу войнъ съ Польшей и Швеціей, породило множество антиобщественныхъ явленій. Множество людей оставляло свои дома и бѣжало, куда глаза глядятъ. «Побѣги», говоритъ Костомаровъ, «давнее, обычное средство русскихъ избавляться отъ общественной тяготы, увеличивались, несмотря на строгія распоряженія къ удержанію людей на прежнихъ мѣстахъ; умножались разбои, несмотря на то, что ловля разбойниковъ стала одной изъ главнѣйшихъ заботъ правительства. Ненависть къ боярамъ, воеводамъ, приказнымъ людямъ и богачамъ, доставлявшимъ выгоды казнѣ и самимъ себѣ, и приводила къ тому, что жители перестали смотрѣть на разбойниковъ, какъ на враговъ своей страны, лишь-бы только разбойники грабили знатныхъ и богатыхъ, но не трогали бѣдняковъ и простыхъ людей; разбойникъ сталъ представляться образцомъ удали, молодечества, даже покровителемъ, мстителемъ за страждущихъ и угнетенныхъ [1]). При такомъ взглядѣ оставался уже только одинъ шагъ, чтобы разбойникъ сдѣлался главою народнаго возстанія». (Рус. Ист. въ Жизнеописаніяхъ, стр. 325). Особенно много бѣглыхъ скопилось въ третьей четверти XVII в. на Дону. Они зачисляли сами себя въ казаки, но старые и домовитые казаки не сливались съ этой бѣдной голытьбой или кабацкой голью, какъ бѣглыхъ звали на Дону. Шайки этой голытьбы производили грабежи по Волгѣ и сдѣлались опасными для государства, когда объединились подъ предводительствомъ отважнаго казака Стеньки Разина или Степана Тимофѣевича, какъ величалъ его въ пѣсняхъ народъ и бывшіе подъ его начальствомъ разбойники. Разинъ сначала разбойничалъ по Волгѣ и по Каспійскому Морю. Астраханскій воевода, князь Прозоровскій, выслалъ противъ него своего товарища, князя

---

[1]) На востокѣ, въ Азіи это обыкновенный взглядъ на разбойниковъ. Въ Европѣ онъ долго господствовалъ въ Италіи.

Львова, которой принужденъ былъ вступить съ Разинымъ въ переговоры и дозволить ему возвратиться на Донъ.

Разинъ десять дней пробылъ въ Астрахани; воеводы ѣли, пили, пировали съ Разинымъ, который подѣлился съ ними персидской добычей. *Воровскіе* казаки на берегу Волги торговали съ астраханцами, съ большою выгодою для послѣднихъ. Разинъ ушелъ на Донъ, воеводѣ князю Прозоровскому присланъ выговоръ. Усиливши свою шайку новыми голутвенными казаками, Разинъ, снова выступилъ на Волгу, и разбой принялъ характеръ возстанія противъ государства. Разинъ взялъ Царицынъ и поплылъ къ Астрахани, откуда противъ него выступилъ князь Львовъ. Подъ Чернымъ-Яромъ большая часть отряда Львова перешла къ Разину. Стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и всѣхъ дворянъ убили. Князь Львовъ оставленъ въ живыхъ. Астрахань взята послѣ незначительнаго сопротивленія: дѣти боярскіе, дворяне и прислуга ихъ были перебиты, имущество ихъ *подуванили*, т. е. раздѣлили казаки, князь Прозоровскій сброшенъ былъ съ раската головой внизъ. Обративъ астраханцевъ въ казаковъ и оставивъ въ Астрахани съ 10 т. казаковъ атамана Ваську Уса, Разинъ пошелъ вверхъ по Волгѣ и взялъ Саратовъ, Самару, гдѣ, по обычаю своему, повѣсилъ воеводъ, перебилъ дворянъ и приказныхъ и ввелъ казацкое устройство. Но подъ Симбирскомъ Разина постигла неудача, онъ не смогъ взять города, который защищалъ бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, къ которому пришелъ на помощь бояринъ, князь Юрій Борятинскій, съ регулярными полками. Шайки Разина были разбиты подъ Симбирскомъ.

Побѣда эта, послѣ которой разсѣялось главное полчище Разина, была тѣмъ важнѣе, что мятежъ охватилъ огромное пространство: нынѣшнія губерніи Симбирская, Пензенская и Тамбовская наполнены были воровскими казаками. Мятежъ, поднявшійся въ селѣ Лысковѣ, быстро охватилъ богатый Нижегородскій край. Уже въ лѣсномъ Костромскомъ краѣ и на берегахъ Бѣлаго Моря славили батюшку Степана Тимофѣевича. Московскимъ воеводамъ, послѣ побѣды Борятинскаго, не трудно было поражать отдѣльныя шайки. Мятежники подвергались жестокимъ наказаніямъ; особенно жестокостями прославился любимецъ Алексѣя Михайловича, Князь Юрій Долгорукій. Его жестокости перешли мѣру неизбѣжнаго правосудія: околицы Арзамаса, гдѣ была его главная стоянка, наводили ужасъ рядами висѣлицъ, отрубленными головами, руками, ногами.

Разинъ и его братъ, Фролка, были схвачены, выданы правительству и, 6 іюня 1670 г., казнены въ Москвѣ.

Въ Астрахани Васька Усъ велѣлъ сбросить съ раската митрополита за то, что онъ уговаривалъ астраханцевъ принести повинную. Усъ вскорѣ умеръ и его мѣсто заступилъ Шелудякъ, когда къ Астрахани подошелъ бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Астрахань сдалась на условіи, чтобы никто не былъ казненъ. Милослав-

скій всѣхъ помиловалъ въ силу полномочія, но награбленныя сокровища перешли въ руки боярина. Но, на бѣду его, въ 1671 г. въ Астрахань прибылъ князь Одоевскій для слѣдствія и главные мятежники были казнены [1]).

Въ то время, когда государству приходилось выдерживать борьбу съ толпами Разина, развитіе раскола не ослабѣвало. Здѣсь мы должны упомянуть о двухъ выдающихся фактахъ, относящихся къ тому времени: о столкновеніи Церкви съ двумя ультра-фанатическими боярынями, близкими къ царицѣ, и о возстаніи въ Соловецкомъ монастырѣ. Это были двѣ сестры: боярыня Ѳедосья Прокофьевна Морозова, вдова Глѣба Ивановича, брата Бориса, извѣстнаго временщика, и Евдокія Прокофьевна, княгиня Урусова. Подобно учителю своему Аввакуму, обѣ сестры показали при отсутствіи пониманія, что̀ такое религіозный догматъ, несокрушимую твердость своихъ убѣжденій, которыя онѣ считали истинными. Крутицкій митрополитъ Павелъ спросилъ Морозову, причастится ли она по служебникамъ, по которымъ причащаются царь, царица и царевны? Боярыня отвѣчала: «Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Никонова изданія. Врагъ Божій Никонъ, своими ересями, какъ блевотиною наблевалъ, а вы нынѣ то скверненіе его полизаете, ясно что и вы подобны ему».

Въ Боярской Думѣ предложено было сжечь обѣихъ сестеръ, но бояре этого не допустили, вѣроятно, отчасти по ненависти къ Никону, а отчасти и потому, что между боярами было не мало людей, которые поддерживали Аввакума. За него ходатайствовали Салтыковы, Ртищевъ и многіе другіе, уже упомянутые нами, друзья его.

Боярынь заперли въ подземную тюрьму и обѣ онѣ вскорѣ, одна за другой, умерли. Съ этимъ упорнымъ фанатизмомъ какъ то мало вяжется образъ жизни Морозовой до ея заключенія. Боярыня Морозова, наслѣдовавшая сокровища, неправильно нажитыя ея деверемъ Борисомъ, окружала себя страшною роскошью; ѣздила она всегда въ богатой каретѣ, украшенной мозаикою и серебромъ, въ шесть или восемь лошадей и т. п. Какъ всѣ знатные люди того времени, внѣшностію она хотѣла показать степень своей знатности, и въ религіи она шла на мученичество за внѣшность.

Мы уже упоминали, что исправленіе книгъ Никономъ отозвалось и въ Соловецкомъ монастырѣ. Иноки не знали, что дѣлать: царь и патріархъ требуютъ, чтобы служили по новымъ книгамъ, а архимандритъ Илья наказалъ плетьми одного монастырскаго

---

[1]) Лучшая монографія о Разинскомъ бунтѣ—Н. И. Костомарова, которая увидѣла свѣтъ благодаря Императору Александру II, улучившему, среди его многосложной дѣятельности, время ее прочитать.

попа за то, что отслужилъ обѣдню по новымъ. Все это привело къ тому, что въ 1668 г. монастырь поднялъ открытое возстаніе. Разинъ во время разгара своего мятежа прислалъ въ Соловецкій монастырь *прелестныя*, какъ тогда говорилось, т. е. возмутительныя письма; а вслѣдъ за тѣмъ успѣлъ прислать на помощь казаковъ. Возстаніе это, поддержанное казаками, было такъ упорно, что царь наконецъ потерялъ терпѣніе и въ 1673 г. поручилъ воеводѣ Мещеренинову, во что бы то ни стало, усмирить бунтъ, но монастырь сдался только въ 1676 г., въ годъ смерти Алексѣя Михайловича. Вѣсть о взятіи монастыря уже не застала его въ живыхъ.

Для уясненія событій царствованія Алексѣя Михайловича не слѣдуетъ терять изъ виду сословныя отношенія. Бояре, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, господствовали; но удержать этого господства не могли. Боярскія фамиліи, захватывавшія власть, кромѣ своихъ фамильныхъ интересовъ, не думали ни о чемъ и возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе. Нравственныхъ сдержекъ не было, религіозность была чисто внѣшняя. Такъ, Борисъ Морозовъ, только и думавшій объ обогащеніи своихъ родныхъ, свое хищническое правленіе считалъ возможнымъ искупить шестиярусныхъ серебрянымъ паникадиломъ въ 113 пудовъ, на позолоту котораго пошло 20 т. золотыхъ. Не мудрено, что при такомъ умственномъ развитіи и боярство, убаюканное лестью, не замѣтило своего паденія. Гордясь старою формою указовъ—Царь указалъ, бояре приговорили—самодовольное боярство не замѣтило, что появилась иная формула: «по указу Великаго Государя и по приказу Дьяковъ». Тутъ то начало бюрократіи, которое имѣютъ обыкновеніе приписывать Петру В. Не замѣтили бояре этой формулы или не поняли ее, это все равно, результатъ одинъ и тотъ же. Кромѣ того своеобразный этикетъ московскаго двора не давалъ имъ времени одуматься. Каждый день они должны были являться во дворецъ, опоздавшіе получали нагоняй, а то еще что-нибудь и хуже. Кто имѣлъ нужду отлучиться на время слѣдующаго засѣданія къ кому нибудь на свадьбу, на крестины, на похороны, тотъ долженъ былъ заранѣе отпрашиваться. Это правило относилось не только въ лицамъ, занимавшимъ придворныя должности, но и ко всѣмъ членамъ Боярской Думы. При такомъ порядкѣ бояре все еще считали себя единственными, прирожденными совѣтниками царя. Темныя, неясныя воспоминанія о мужахъ дружины носились въ ихъ головахъ, хотя названіе дружины уже исчезло, ибо исчезло понятіе, которое связывалось съ этимъ словомъ, понятіе товарищества. Вмѣсто дружины выступилъ дворъ и дворянинъ, дворскій человѣкъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ значеніе. Бояре поэтому инстинктивно ненавидѣли самое слово дворянинъ. Горе было-бы человѣку, который осмѣлился-бы боярина назвать дворяниномъ. Мы видѣли, какъ бояринъ Романовъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ,

обошелся въ Думѣ съ дворяниномъ Чихачевымъ, который осмѣлился мѣстничать съ княземъ. Дворянство, однако, росло и возвышалось постепенно. «Сначала», говоритъ Соловьевъ, «бояре и дѣти боярскіе сохранили относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ съ возвышеніемъ Государя и его двора, слово *дворянинъ* взяло верхъ надъ названіемъ *сынъ боярскій* и послѣднимъ означался уже низшій классъ военныхъ людей. Съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ съ вождемъ, выступило во всей силѣ понятіе о службѣ Государю, и для военныхъ явилось названіе *служилые люди*, въ противоположность остальному населенію, которое, относительно его, какъ прежде относительно мужей, называлось мужиками. Бояре, окольничіе, думные дворяне составляли первые три класса служилаго сословія и, являясь во дворецъ, не останавливались на крыльцѣ, а проходили въ переднюю, гдѣ ждали или начала засѣданія Думы, или единичнаго вызова того или другого боярина къ царю. Младшіе чины придворнаго служилаго сословія, стольники, стряпчіе, стояли на постельномъ крыльцѣ, стольники площадные добивались чести попасть въ комнаты и стоять въ прихожей, т. е. въ пріемномъ залѣ. На крыльцѣ, на площади то и дѣло происходили драки, кончавшіяся иногда весьма печально.

Странная судьба Алексѣя Михайловича: хотѣлъ возвысить церковную іерархію и низверженіемъ Никона нанесъ ей сильнѣйшій ударъ; чрезмѣрно благоволилъ боярству и подготовилъ ему паденіе. Въ древнемъ Галичѣ, на р. Днѣстрѣ, гдѣ сильна была аристократія, въ среду боярства никто не могъ попасть изъ другихъ слоевъ общества. Такъ было и въ Москвѣ до Романовыхъ. При нихъ въ среду боярства вошли родственники царскихъ женъ—Стрѣшневы, Милославскіе, Нарышкины, Матвѣевы, Апраксины. Представители стараго боярства считали себя прирожденными совѣтниками царей. Василій Васильевичъ Голицынъ, соперникъ царя Шуйскаго, говаривалъ: «насъ изъ думы не вываживали, мы (Голицыны) всякое дѣло вѣдали». Такъ говорили бояре—потомки Гедимина, Св. Владиміра и древнихъ дружинныхъ мужей.

Но не могли такъ говорить члены новыхъ боярскихъ фамилій, вошедшихъ въ боярство чрезъ брачныя связи.

Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ женился въ 1648 г., когда ему было 19 лѣтъ. Невѣста его была Марья Ильинишна Милославская. Родъ Милославскихъ былъ не изъ знатныхъ, что вполнѣ согласовалось съ политикою того времени. И дѣйствительно, какъ мать Алексѣя, Стрѣшнева, такъ и вторая жена его—Нарышкина, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1671 г., подобно Милославской, принадлежали къ фамиліямъ небогатыхъ дворянъ.

Бракъ съ Милославской, устроенный Борисомъ Морозовымъ, выказываетъ вполнѣ хитрость его. Отстранивъ подозрѣніе въ

стремленіи упрочить свое вліяніе надъ молодымъ царемъ этою свадьбою, Борисъ черезъ десять дней повѣнчался съ сестрою царицы. Не совсѣмъ безосновательно догадывался Берхъ, что Морозовъ давно намѣтилъ фамилію Ильи Милославскаго для своей цѣли. Унего были двѣ красивыя дочери, въ 1643 г. еще отроковицы; сыновей не было. Въ 20 и 30 годахъ XVII в. Илья былъ воеводою въ Туринскѣ и Верхотурьѣ. Морозовъ рано началъ возвышать его. Морозовъ отправилъ Милославскаго посланникомъ въ Константинополь, а въ 46 г. въ Голландію. Послѣ перваго посольства его пожаловали стольникомъ. Илья годился Борису, какъ опытный человѣкъ, съ которымъ Морозовъ могъ дѣлиться своими поборами; а дочери его дали ему возможность войти въ родство съ царемъ. Фамилія Милославскихъ была ненавистна Петру не только по семейнымъ отношеніямъ, но вообще какъ представительница всего, что было гнуснаго въ московскомъ царствѣ, противъ чего великій царь и великій человѣкъ возставалъ цѣлую жизнь; домъ Ильи Милославскаго остался въ воображеніи Петра центромъ всякаго рода подкуповъ, государственнаго грабительства и подкупности. Иначе и быть не могло, стоитъ вспомнить роль Ильи въ исторіи мѣдныхъ денегъ, роль Ивана Богдановича при занятіи Астрахани. (См. выше бунтъ Разина).

Царь Алексѣй Михайловичъ, опасаясь задѣвать самолюбіе бояръ, не возвышалъ вдругъ всѣхъ родственниковъ, какъ первой, такъ и второй жены. Только отецъ первой его жены, Илья Даниловичъ, пожалованъ былъ на другой день свадьбы изъ стольниковъ въ окольничіе и черезъ двѣ недѣли въ бояре. Что касается до родственниковъ второй жены, то Матвѣевъ, воспитатель Натальи Кирилловны, и отецъ ея, Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, пожалованы изъ стольниковъ въ окольничіе въ 1672 г., по случаю рожденія царевича Петра, а въ 1674 г. Матвѣевъ пожалованъ въ бояре.

Съ родственниками своими, съ новыми боярскими фамиліями, Алексѣй Михайловичъ не церемонился. Въ 1661 г. Илья Милославскій въ Думѣ расхвастался, говоря, что, если ему вручатъ войско, то онъ польскаго короля плѣннымъ въ Москву приведетъ. За это хвастовство царь далъ пощечину старому тестю, надралъ ему бороду и пинками выгналъ изъ Думы. Милославскому уже нельзя было сказать: «насъ изъ Думы не вываживали». Въ другой разъ Алексѣй Михайловичъ надавалъ пощечинъ старику Стрѣшневу по странной причинѣ: Стрѣшневъ не хотѣлъ открыть кровь въ подражаніе царю. Потомъ Алексѣй Михайловичъ раскаялся. Къ боярамъ старыхъ родовъ царь обращался съ укоризненными посланіями: такъ князя Григорія Григорьевича Ромадановскаго онъ называлъ врагомъ Креста, Іудою, за неисполненіе *нашего и божьяго* дѣла; князя Ивана Андреевича Хованскаго въ глаза назвалъ дуракомъ,

но воли рукамъ не давалъ. Этотъ Хованскій, прозванный Тараруемъ, былъ страшный реакціонеръ. Онъ помѣшалъ Ордыну-Нащокину устроить самоуправленіе во Псковѣ. Относясь высокомѣрно ко всему этому новому боярству—къ Стрѣшневымъ, Милославскимъ, Нарышкинымъ и пр., онъ ненавидѣлъ новыхъ людей, онъ обратилъ въ смѣхъ приказаніе совѣтоваться во всемъ съ Аѳанасіемъ О.-Нащекинымъ. И онъ же, Хованскій, писалъ:—«Я Аѳанасья прощаю, въ совѣтѣ съ нимъ быть—радъ, въ прежнія времена у Государей въ милости бывали и худшіе люди какъ Малюта Скуратовъ».

Характеръ царя Алексѣя Михайловича представляетъ во многихъ отношеніяхъ загадку. Такъ, онъ князя Ивана Андреевича Хованскаго назвалъ въ глаза дуракомъ, народъ, говорятъ прозвалъ его *тараруемъ*; но тотъ-же царь вручилъ этому дураку войска, которыя постоянно были биты. Зачѣмъ же такое назначеніе? Того-же Хованскаго, во время Коломенскаго бунта, царь посылаетъ успокоить Москву; крайне взволнованный народъ, не послушавъ князя, говоритъ ему:—«Мы знаемъ, князь, ты много послужилъ противъ польскаго короля, но здѣсь не твое дѣло...», и бросился искать Милославскихъ.

Не забудемъ этотъ фактъ; впослѣдствіи Милославскіе утверждали, что Хованскій хотѣлъ низложить домъ Романовыхъ, чему одинъ Петръ не вѣрилъ, вспомнимъ и казнь Хованскихъ при царевнѣ Софіи. Ясно, что вражда между Милославскими и Хованскими началась не при Софьѣ Алексѣевнѣ, а гораздо ранѣе.

Пока шла подземная борьба интригъ между боярами, самый вѣрный и самый даровитый слуга царя и царства—Ордынъ-Нащокинъ, счелъ за лучшее покинуть службу, онъ вышелъ въ отставку. Сынъ его еще прежде отставки отца бѣжалъ заграницу.

Царь Алексѣй Михайловичъ много заботился, по выраженію Соловьева, о спасеніи душъ своихъ подданныхъ. (Р. И. т. XIII, стр. 153). Въ 1660 г. въ Новгородъ прислана была Царская Грамота къ воеводамъ о томъ, чтобы священнослужители наблюдали, чтобы духовныя дѣти ихъ въ Великій и другіе посты приходили къ исповѣди и причастію. Мотивы, вызвавшіе эту грамоту, свидѣтельствуютъ, какъ клевещутъ на Петра и на XVIII в. вообще, якобы разрушившихъ русское благочестіе. Въ этой грамотѣ говорится, что многіе никогда не исповѣдаются и не причащаются даже до смерти. (А. А. Э. т. IV, № 115). Изъ Грамоты къ архіепископу Вологодскому и Бѣлозерскому видно, что Филипповъ или Рождественскій постъ до Алексѣя Михайловича въ Россіи не наблюдался. Даже въ монастыряхъ этотъ постъ стали соблюдать только съ 1660 г. Архіепископъ прямо приказываетъ Прилуцкому архимандриту Іонѣ, по полученіи его грамоты, начать съ братіею поститься. (А. А. Э. т. IV, № 121).

Въ 1659 г. повелѣно было дьякамъ, подъячимъ и всякаго чина

людямъ говѣть на страстной недѣлѣ, указъ вошедшій и въ регламенты Петра.

Занялись дѣлами церковныхъ пастырей, а царскія дѣла были забыты. Забыты были наставленія Кирилла Бѣлозерскаго, учившаго князей еще въ XIV в. больше всего заботиться о правосудіи, говоря, что эта забота вмѣнится имъ за постъ и молитву. Въ XVI в. о завѣтѣ святого мужа еще помнили, а въ XVII в. о немъ забыли.

Клерикальное, какъ нынѣ говорятъ, направленіе свѣтскаго правительства, какъ бывало и въ другихъ странахъ, кончилось разстройствомъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Крестьянинъ Посошковъ, о которомъ мы будемъ говорить въ исторіи Петра, глубокій патріотъ, сравниваетъ служилыхъ людей конца XVII в. со стадомъ: «У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми. На конницу и смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ. Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля побить, одна забота какъ-бы домой поскорѣй. Молятся: дай, Боже, рану нажить легкую, немного поболѣть отъ нея и отъ Великаго Государя получить за нее жалованье. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ-бы за кустомъ спрятаться. Иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу, выжидая, какъ пойдутъ ратные люди съ боя и они съ ними, будто тоже съ боя, ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: Дай Богъ Великому Государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать».

Уложеніе грозило страшными наказаніями за побѣгъ, но угрозы Уложенія, говоритъ Соловьевъ, не помогли: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей (И. Р. т. XIII, стр. 80, 81).

Европейская исторія представляетъ аналогическій примѣръ въ Португаліи. Во второй половинѣ XVIII вѣка нѣкогда грозная португальская армія, при рядѣ государей клерикальнаго направленія, совершенно опошлилась и представляла изъ себя оборванную толпу цыганъ; оборваны были какъ солдаты, такъ и офицеры. Послѣдніе, принужденные иногда наниматься въ поденную работу, утратили чувство чести. Министръ Помбаль принужденъ былъ ввести обязательную дуэль.

Государство, созданное великими Іоаннами, разлагалось. Созданіе государства или, другими словами, объединеніе русской земли обошлось дорого русскому народу во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. И вотъ къ третьей четверти XVII вѣка дорогое зданіе расшаталось и было бы больше, чѣмъ несправедливо, всю разшатанность приписывать Алексѣю Михайловичу. Не онъ виноватъ, что родился не геніемъ и не онъ виноватъ, что ему не сообщили точныхъ свѣдѣній о положеніи Россіи [1]).

[1]) Къ несчастію, воспитаніе Алексѣя Михайловича ввѣрено было человѣку, оказавшемуся безсовѣстнымъ мздоимцемъ, который воспиталъ царевича въ

Государство разлагалось и отъ того, что, потрясенное смутою, оно приняло направленіе, діаметрально противоположное направленію, указанному Іоаннами, особенно Іоанномъ IV, Грознымъ. Последній не допускалъ смѣшенія небеснаго съ земнымъ, почему не допускалъ и вмѣшательства духовенства въ дѣла государства. Онъ писалъ Курбскому: «Ты не найдешь примѣра, чтобы владычество духовенства не разрушило государства. Погубило оно Грецію, которая теперь повинуется Туркамъ и намъ того-же желаете?»[1]).

При Алексѣѣ Михайловичѣ, наоборотъ, власть духовенства достигла высшей степени, принявъ аскетическую форму во вредъ не только государству, но и церкви. Это-то аскетическое направленіе и возложило, фарисейскимъ обычаемъ, какъ говорилъ Грозный, непосильное бремя на русскую землю, отъ чего и произошли нежелательные результаты. Аскетическія начала, не приложимыя къ мірской жизни, прежде всего развили лицемѣріе, проникшее во всѣ слои московскаго общественнаго организма. Никонъ, истый представитель клерикальнаго властолюбія, вотъ что писалъ по поводу Уложенія: «Учрежденъ монастырскій Приказъ, повелѣно въ немъ давать судъ на патріарха, митрополитовъ и на весь священный чинъ, сидятъ въ томъ приказѣ мірскіе люди и судятъ. Написана книга (т. е. уложеніе), Св. Евангелію, правиламъ Св. Апостолъ, Св. Отецъ и законамъ Греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія; въ ней-то, въ 13 главѣ уложено о монастырскомъ приказѣ; другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать — такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я Царскому Величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить; но, кромѣ уничиженія, не получилъ ничего». (Соловьевъ И. Р. Т., XI, гл. IV).

Подъ вліяніемъ усилившагося, достигшаго преобладанія, аскетическаго направленія, самая обстановка жизни царей пріобрѣла характеръ монастырскій. Присутствіе при ежедневныхъ богослуженіяхъ, поѣздки по дальнимъ и ближнимъ монастырямъ, отнимали у царя большую часть времени.—Въ годовые праздники едва-ли у царя оставалась свободная минута. Годъ тогда начинался съ 1 сентября. Въ нѣкоторые дни царь обязательно обѣдалъ у патріарха, 21 декабря, въ день памяти митрополита Петра и въ Успеньевъ день. Нѣкоторые праздники сопровождались особенною обрядностію. Въ Прощеное Воскресеніе на масляницѣ, царь съ боярами, въ сопровожденіи ключниковъ и чарочниковъ, отправлялся къ патріарху, у котораго царя ожидали всѣ власти, т. е. архимандриты и архіе-

---

узкихъ традиціяхъ своего сословія и въ узкой религіозной обрядности. Въ Никонѣ Алексѣй встрѣтилъ властолюбца. Умеръ онъ еще молодымъ; ему было только 46 лѣтъ. Безъ сомнѣнія, тяжело ему было въ годъ смерти, онъ умеръ подъ впечатлѣніемъ Соловецкаго бунта и близости турецкой войны.

[1]) (Сказанія Князя Курбскаго, изд. Устрялова, 1868 г., стр. 142).

реи, ибо названіе власти въ XVII в. спеціально къ нимъ относилось. Царь угощалъ фряжскими винами патріарха и властей, а патріархъ угощалъ, въ свою очередь, царя и бояръ. Въ вербное воскресенье царь долженъ былъ играть дѣятельную роль въ изображеніи событія шествіе Христа въ Іерусалимъ въ недѣлю ваій: патріархъ, сидя на ослѣ, ѣхалъ въ храмъ, царь велъ осла за конецъ повода, середину повода держалъ царевичъ; подъ губой вели патріаршій бояринъ и казначей. Стрѣльцы разстилали по пути разноцвѣтныя сукна. Впереди въ красныхъ саняхъ двигалась огромная разукрашенная верба. Шествіе двигалось прямо въ Успенскій соборъ. Въ Успенскомъ-же соборѣ царь слушалъ обѣдню въ Троицынъ день, тогда во время шествія, передъ нимъ стольники несли *вѣникъ*, по нынѣшнему букетъ цвѣтовъ.

Кромѣ походовъ или поѣздокъ по монастырямъ, Алексѣй Михайловичъ любилъ предпринимать поѣздки по окрестнымъ селамъ, особенно любилъ онъ села—Коломенское, Воробьево, Измайловское и др. Туда онъ ѣздилъ иногда на день, иногда на долго. Впереди ѣхалъ постельный возокъ, его сопровождали 300 жильцовъ на коняхъ, 300 конныхъ стрѣльцовъ, 500 рейтаровъ. Затѣмъ слѣдовали царскіе кони, сбруя. Самъ царь ѣхалъ въ англійской каретѣ шестернею. На возницахъ кафтаны и шапки бархатныя, отороченныя соболемъ, украшенныя перьями. Царевичъ ѣхалъ въ экипажѣ, который назывался *избушкой*, царица и царевны въ каптанахъ.

Главная цѣль послѣднихъ походовъ была охота, любимое развлеченіе царя. Онъ любилъ охоту на птицъ, хаживалъ и на медвѣдя.

Аскетическая сѣть, накинутая на русскую жизнь, не могла задушить потребность мысли; но подъ этой сѣткою, даже въ религіозной сферѣ, безъ критики, безъ знаній, проявленіе русской мысли принимало уродливыя формы. Доказательствомъ можетъ служить такъ называемая ересь Людей Божьихъ. Эта мистическая секта появилась еще до раскола, до Никона, въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Во всѣ времена и у разныхъ народовъ существовало убѣжденіе, что въ человѣка чувственно могутъ вселяться и демоны, и божества. На такомъ убѣжденіи возникла въ концѣ первой половины XVII в. и секта Божьихъ Людей или Христовщина. Пр. Знаменскій говоритъ, что по ея ученію, посредствомъ разныхъ способовъ богоугожденія или таинственной смерти, пророкъ можетъ достигнуть до состоянія *таинственнаго воскресенія;* когда Духъ Божій, вселяясь въ него, совершенно уничтожаетъ его личность и онъ дѣлается сыномъ божіимъ по природѣ, новымъ Христомъ. (Руководство къ церковной исторіи, стр. 276, изд. 2-е, Казань). Явились Лже-Христы, исторія которыхъ полна бреднями. Лже-Христосъ, Иванъ Сусловъ, первый завелъ себѣ богородицу и 12 апостоловъ. Подъ именами первыхъ Лже-Христовъ, Данилы Филиповича и Суслова впослѣдствіи являлись и новые Лже-Христы.

Такъ, про Суслова разсказывали, что онъ былъ распятъ Никономъ и царемъ, черезъ три дня воскресъ. 30 лѣтъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ его посѣтилъ Данила Филипповичъ. Оба они вознеслись на небо. Христовщина, дожившая до нашихъ дней, выработала особенную обрядность, состоящую въ круговыхъ пляскахъ или радѣніяхъ, которыми, какъ выражается пр. Знаменскій, изувѣры, подобно мистикамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, приводили себя въ напряженное состояніе или въ духовный восторгъ. (Тамъ-же, стр. 277) [1]).

Такимъ образомъ не только расколъ, но и мистическія секты вродѣ Христовщины, получили начало свое въ темный XVII вѣкъ.

Что касается до раскола, то борьба съ нимъ продолжалась, какъ административными мѣрами, которыя не дѣйствовали, такъ и путемъ полемики. Полемика, однако, также мало приносила пользы. Ученый бѣлоруссъ Симеонъ Полоцкій, учитель царевича Өеодора, написалъ противъ книги раскольника Никиты Пустосвята «Новая Скрижаль», книгу «Жезлъ Православія». Опровергать безграмотныхъ людей легко, но убѣждать ихъ трудно. Такъ Полоцкій доказывалъ, что Никита Пустосвятъ, не зная грамматики, не понимаетъ, что читаетъ. Такъ въ словахъ молитвы при крещеніи: *да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ Господи, духъ лукавый, помраченіе помысловъ и мятежъ мыслей наводяй.....* расколоучитель, не зная различія падежей звательнаго и именительнаго, думалъ, что церковь призываетъ нечистаго духа. При этомъ мнѣніи расколъ остается и понынѣ.

Какія логическія и грамматическія доказательства могли дѣйствовать на расколъ, когда онъ основался на невѣжественномъ страхѣ попасть въ адъ, если вмѣсто Ісусъ будутъ говорить Іисусъ? Слѣдующія слова Аввакума лучше всего характеризуютъ расколъ: «Аще я и не смысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко-же пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ».

Противъ такого невѣжества только одно лѣкарство — время и просвѣщеніе. Надменность школьныхъ педантовъ, вродѣ Полоцкаго, также много вредила дѣлу, каковъ-бы ни былъ Никита, но едва-ли Полоцкому прилично было называть его смраднымъ козлищемъ, свиньею, разбойникомъ, согнившимъ удомъ? Такой полемическій пріемъ только раздражалъ расколоучителей и тѣмъ болѣе, что не только Полоцкій, но и Славинецкій не знали свѣтскихъ мотивовъ раскола. При томъ-же Симеону Полоцкому и трудно было вліять на расколъ, когда русская іерархія заподозрѣвала его въ

---

[1]) Имѣла-ли эта секта связь съ развившимися впослѣдствіи дико-мистическими сектами скопцовъ, хлыстовъ, вопросъ не изслѣдованъ. Но во всякомъ случаѣ не позволительно, какъ иногда дѣлается въ литературѣ, смѣшивать христовщину съ духоборцами.

латинствѣ. Ученый Епифаній Славинецкій указывалъ, что Полоцкій въ основу своего сочиненія Вѣнецъ Вѣры принялъ католическій, а не Никейскій символъ вѣры; что Полоцкій, какъ латиняне, учитъ, что дары пресуществляются во время произношенія словъ Спасителя: пріимите, ядите, и пр.

Такое разногласіе между защитниками исправленія богослужебныхъ книгъ благопріятствовало расколу.

Симеонъ Полоцкій не былъ основательный богословъ, греческаго языка онъ не зналъ. Главная заслуга Симеона Полоцкаго настойчивая проповѣдь о необходимости основывать школы; о дѣлѣ образованія онъ трактовалъ и въ проповѣдяхъ, и въ виршахъ, хотя образованіе онъ и понималъ въ очень узкой жесткой, схоластической формѣ. Сухой схоластикъ съ головы до ногъ, онъ восхваляетъ розгу, какъ отличное средство воспитанія.

«Плевела отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
«Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.

Это стихотвореніе онъ кончаетъ совѣтомъ — лучше въ дѣтствѣ побить деревяннымъ жезломъ, дабы взрослаго городской судья не побилъ желѣзнымъ жезломъ.

Симеонъ Полоцкій былъ совсѣмъ незнакомъ съ научнымъ движеніемъ въ Европѣ. Его космографическія понятія показываютъ знакомство съ фантазіями средневѣковыхъ астрологовъ, но нѣтъ въ нихъ и слѣда знакомства съ трудами Коперника и Галилея. Такъ онъ землю представляетъ центромъ міра, въ ней и адъ. Терзанія нечистыхъ духовъ, заключенныхъ въ нѣдрахъ ея, производятъ землетрясеніе. Какъ всѣхъ заурядныхъ схоластиковъ, его занимали часто странные вопросы, на которые онъ самъ и отвѣчалъ. О воскресеніи онъ задаетъ себѣ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: воскреснетъ-ли человѣкъ съ волосами и ногтями? воскреснутъ-ли кишки? Воскреснутъ, но будутъ наполнены изрядными влагами. На первый вопросъ отвѣчалъ, воскреснутъ насколько нужно для украшенія человѣка.

Царствованіе Алексѣя Михайловича замѣчательно поселеніемъ въ Россіи ученаго Хорвата Юрія Крижанича, всеславянскаго патріота. Онъ учился въ Римѣ, готовясь къ духовному сану, много путешествовалъ, нѣкоторое время жилъ въ Константинополѣ, откуда онъ вынесъ враждебное чувство къ тогдашнимъ грекамъ за ихъ лживость, высокомѣріе и невѣжество. Хотя самъ католическій священникъ, Крижаничъ, говоритъ Костомаровъ, уразумѣлъ, что вѣковой споръ между восточной и западной церковью истекаетъ не изъ самой религіи, а изъ мірскихъ, политическихъ причинъ, изъ соперничества двухъ древнихъ народовъ, грековъ и римлянъ, за земную власть. Такимъ образомъ, по мнѣнію Крижанича, церковная распря до славянъ не касалась. Всѣ церковные вопросы Крижаничъ разбиралъ съ точки зрѣнія славянства. Основываясь на этой точкѣ зрѣнія,

Крижаничъ и пріѣхалъ въ Москву—служить единому славянскому Государю. Но его взгляды на независимую отъ споровъ Христову церковь не нравились и православнымъ, и католикамъ. Онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ 1661 г. былъ сосланъ въ Тобольскъ. Искренность не была въ Москвѣ дѣломъ обычайнымъ, поэтому и немудрено, что его заподозрили въ чемъ-то враждебномъ Россіи, въ чемъ—неизвѣстно. Относительно церковныхъ вопросовъ его безпристрастіе свидѣтельствуется слѣдующими его мнѣніями. Иноземные духовные раззоряютъ наше церковное устроеніе, за деньги, безъ исповѣди отпускаютъ грѣхи, скитаясь между нами выпрашиваютъ милостыню. Такъ поступаютъ на Руси восточные пастыри; а западные, приходя изъ Рима къ ляхамъ, выдумываютъ юбилеи, милостивые годы и пр. и приводятъ страну къ убожеству.

Къ расколу образованный Крижаничъ относился снисходительно, споры изъ за мелочей называлъ суесвятствомъ или пустосвятствомъ. Какъ и всѣ спокойные люди, Крижаничъ главную причину видѣлъ въ невѣжествѣ. Оно такъ и было. Защищая науку, Крижаничъ говорилъ: «Развѣ на Руси расколъ поднялся не отъ глупыхъ безграмотныхъ мужиковъ»? Почти буквально эти слова повторены въ предисловіи, къ Духовному Регламенту Петра.

Крижаничъ высоко ставилъ значеніе русскаго народа въ славянствѣ: коренной славянскій народъ русскій, другіе славяне его отрасли. Точно также высоко ставитъ онъ русскій языкъ, самый полный и выразительный изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Этому обстоятельству онъ между прочимъ приписываетъ употребленіе русскаго языка въ законахъ и законодательныхъ актахъ. Не смотря на *русскій* патріотизмъ, этотъ хорватъ высказалъ горькую правду по адресу русскаго народа; онъ указываетъ, что, не смотря на богатство языка, говорить мы не умѣемъ. Неумѣнье это зависѣло отъ малоразвитости, Крижаничъ сильно настаиваетъ на необходимости научнаго образованія, но первое мѣсто онъ даетъ политическимъ наукамъ. Понятія его о міростроеніи правильнѣе, чѣмъ понятія Полоцкаго.

Въ своихъ политическихъ думахъ и въ другихъ сочиненіяхъ Крижанинъ даетъ совѣты, какъ вывести Россію изъ крайне печальнаго положенія невѣжества и безсилія. Для удобства письма совѣтуетъ упростить алфавитъ, совѣтуетъ переводить книги по земледѣлію, промышленности, совѣтуетъ преобразовать войско, укоротить одежду военныхъ людей, развить мореплаваніе, поощрять морскую торговлю. Крижаничъ не совѣтуетъ стремиться къ Балтійскому морю, а стараться объ утвержденіи власти на Черномъ морѣ, не понимая, что, не утвердившись на Балтійскомъ морѣ, о Черномъ морѣ и думать нельзя. Какъ бы то ни было, но Соловьевъ правъ, говоря, что преобразовательная программа Крижанича носилась въ воздухѣ. Намъ, однако, кажется, что мысль о ненужно-

сти Балтійскаго моря вынесена имъ изъ боярскихъ кружковъ. Крижаничъ сильно нападаетъ на славянъ вообще и на русскихъ въ особенности за чужебѣсіе; и при этомъ, порицая русскихъ за дурные нравы, ставитъ въ примѣръ намъ не только нѣмцевъ, но и турокъ. Относительно чужебѣсія Крижиничъ доходитъ до крайней нетерпимости, и Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что чужебѣсіе славянъ не свойство ихъ природы, а результатъ отсталости. Народы мало культурные всегда увлекаются подражаніемъ культурнымъ народамъ, много у нихъ заимствуя. Крижаничъ много говоритъ о необходимости учиться. Но у кого? По нелюбви его къ нѣмцамъ можно догадываться, что онъ предполагалъ обратить наши поиски за научной пищей въ католическія страны. Объ этомъ можно догадываться и потому, что несмотря на свою относительную вѣротерпимость онъ питалъ ненависть къ лютеранамъ и кальвинистамъ.

Относительно русскихъ и польскихъ порядковъ онъ былъ безпристрастенъ, говоря, что русскіе порядки страдаютъ крайней суровостію, а польскіе, наобротъ крайней распущенностію; конечно, это сказано было по отношенію къ высшимъ классамъ. Что касается до крестьянъ, то Крижаничъ говоритъ, что польская распущенность довела ихъ до большаго угнетенія, чѣмъ русская суровость.

Кромѣ политическихъ замѣчаній, Крижаничъ далъ важныя указанія относительно состоянія нравственности въ московскомъ государствѣ передъ реформой.

Значительный свѣтъ на состояніе Россіи въ XVII в. проливаетъ сочиненіе подъячаго Посольскаго Приказа, Григорья Котошихина, «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Котошихинъ въ 1664 г. бѣжалъ въ Польшу. Авторъ предисловія къ третьему изданію Котошихина обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что бѣгство литовцевъ и поляковъ въ Россію и обратно, русскихъ въ Польшу, было дѣломъ обыкновеннымъ. «Вѣдь бѣжалъ же», говоритъ онъ, «прекрасно воспитанный сынъ такого достославнаго патріота, какъ Ордынъ-Нащокинъ». (Стр. VII). Изъ Польши Котошихинъ бѣжалъ въ Швецію. Онъ самъ сознается, что въ 1663 г. оказывалъ услуги шведскому послу, сообщая послѣднему свѣдѣнія изъ Посольскаго Приказа. Привело ли Котошихина къ этому предательству корыстолюбіе, или оскорбленіе, нанесенное его семьѣ, неизвѣстно.

По хронологическимъ даннымъ можно предположить, что обида, нанесенная его семейству, играла, если не главную, то значительную роль. Онъ говоритъ: «Когда я находился при заключеніи Кардисскаго мира, у меня отняли въ Москвѣ домъ, со всѣми пожитками, выгнали изъ него мою жену; и все сдѣлано за вину отца моего, который былъ казначеемъ въ одномъ монастырѣ и терпѣлъ

гоненія отъ Думнаго дворянина Прокофья Елизарова, ложно обнесшаго отца моего въ томъ, что будто-бы онъ расточилъ ввѣренную ему монастырскую казну, что не подтвердилось. (Стр. XVIII—XIX Предисловія). Фактъ этотъ не представляетъ ничего необыкновеннаго для времени Алексѣя Михайловича. Ультра-консервативный историкъ нашъ, Устряловъ, и тотъ долженъ былъ сознаться, что въ концѣ царствованія Алексѣя—во всѣхъ частяхъ тогдашняго управленія свирѣпствовала общая зараза—безсовѣстное корыстолюбіе... Въ Москвѣ только и говорили о неправдахъ, да объ обидахъ. (Исторія Петра В., т. 1). Тоже было и съ самаго начала царствованія Алексѣя Михайловича, въ концѣ только громче стали толковать. Что касается до вліянія этого факта, то въ этомъ вопросѣ хронологія и даетъ намъ поводъ говорить объ обидѣ. Договоръ въ Кардисѣ и обида, нанесенная Котошихину, падаютъ на 1661 г., а сношенія его со шведами и его бѣгство относятся къ 1663 и 64 гг. Къ промежутку времени между 1661 и 1663 гг. вѣроятно относится и его столкновеніе съ безпощадно мстительнымъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, который, по словамъ Котошихина, уговаривалъ его подать ему, князю Юрію, письмо, съ обвиненіемъ князя Якова Куденетовича Черкасскаго, будто онъ сгубилъ войско царское, далъ возможность королю скрыться въ Польшу и такимъ образомъ выпустилъ его изъ рукъ, не давъ полякамъ битвы, тогда какъ легко было это сдѣлать. (Предисловіе къ Котошихину, стр. XX). Это уговариваніе со стороны Долгорукаго, сомнѣваться въ которомъ нѣтъ повода, показываетъ намъ, какая общественная деморализація царила въ высшихъ сферахъ русскаго общества, благодаря, конечно, мѣстничеству; унизить какимъ-бы то ни было образомъ другую фамилію считалось дѣломъ выгоднымъ для собственной фамиліи въ расчетахъ мѣстничества. Авторъ предисловія ко второму изданію такъ характеризуетъ сочиненіе о Россіи: «На него должно смотрѣть, какъ на собраніе матеріаловъ для отечественной исторіи. Если нѣкоторые факты, въ немъ упоминаемые, отчасти уже извѣстны изъ другихъ источниковъ, то неоспоримо, что, при ихъ пособіи и въ связи съ ними, оно проливаетъ новый свѣтъ на мало измѣнившуюся, въ основныхъ своихъ формахъ, древнюю Русь и облегчаетъ изученіе ея не только въ XVII в., но и въ предшествовавшихъ столѣтіяхъ. Дополняемое свидѣтельствами другихъ историческихъ памятниковъ, это сочиненіе, въ свою очередь, поясняетъ темныя преданія лѣтописей и односторонность государственныхъ актовъ, составляетъ ключъ къ правильному ихъ разумѣнію и открываетъ многое, что доселѣ таилось во мракѣ. Можно сказать утвердительно, что кромѣ иностранныхъ сказаній о Россіи, наполненныхъ, болѣе или менѣе, ошибками или недоразумѣніями, въ нашей литературѣ, до XVIII в. преимущественно состоявшей изъ духовныхъ твореній, лѣтописей и грамотъ,

не было сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ достоинство истины съ живостію повѣствованія». (Стр. XV—XVI) [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ отдѣльныхъ личностяхъ русская мысль эмансипировалась отъ клерикальныхъ оковъ; но масса, со всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ, всецѣло жила внѣ всякаго движенія мысли, что доказывается повѣстями, появившимися въ XVII в.

Такова напр. повѣсть о Саввѣ Грудицынѣ. Былъ богатый казанскій купецъ, Ѳома Грудицынъ, ѣздившій торговать по Хвалынскому морю въ *шахову* землю. У него былъ сынъ Савва, который загулялъ, пропилъ всѣ товары. Тогда къ нему явился дьяволъ подъ видомъ торговаго человѣка изъ Устюга, обѣщалъ поправить его дѣла, если Савва дастъ на себя рукописаніе. Онъ подписалъ дьяволу росписку, не зная, что отрекается отъ вѣры. Отецъ требуетъ сына къ себѣ, тогда дьяволъ уговариваетъ его записаться въ солдаты. Подъ руководствомъ дьявола онъ дѣлается бравымъ воиномъ и, послѣ разныхъ приключеній, поселяется въ Москвѣ, гдѣ онъ заболѣваетъ. Во время исповѣди является дьяволъ въ звѣровидномъ образѣ, и показываетъ богоотступное письмо. Бѣсы начали мучить при всѣхъ Савву; но его спасаетъ Богоматерь, которой онъ далъ обѣтъ идти въ монастырь. Онъ и спасается въ Чудовомъ монастырѣ. Повѣсть, говоритъ проф. Порфирьевъ, замѣчательна тѣмъ, что изображаетъ не только русскіе нравы, но и древнія русскія воззрѣнія на жизнь. Причины пороковъ и разныхъ злоключеній русскій человѣкъ искалъ не въ обстановкѣ дѣйствительной жизни, не въ отсутствіи ученія и нравственнаго воспитанія и развитія, а въ посторонней нечистой силѣ, отъ которой единственнымъ убѣжищемъ считалъ монастырь. (Ист. Рус. Словесности, Ч. I., стр. 681 и 682).

Это не что иное, какъ парализованіе воли, ибо повѣсть показываетъ, что русскій человѣкъ опускаетъ безсильно руки передъ зломъ вслѣдствіе неспособности къ противодѣйствію ему. Во многомъ такъ осталось и до сихъ поръ.

Ту же тему, но съ другой стороны, затрогиваетъ повѣсть Горе-Злочастіе [2]). Горе-Злочастіе въ повѣсти олицетворяется въ видѣ роковой силы, подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ о Горѣ. Горе-Злочастіе преслѣдуетъ добра молодца за то, что онъ проявилъ желаніе жить по своей волѣ, вопреки родительскому завѣту. На своей волѣ молодецъ разбогатѣлъ и задумалъ жениться и сталъ хвалиться своимъ счастіемъ. На похвальбу его Горе-Злочастіе и говоритъ:

---

[1]) Котошихинъ въ Швеціи принялъ лютеранство. Онъ кончилъ жизнь трагически, убивши въ ссорѣ своего хозяина, который заподозрилъ его въ связи съ женою. Котошихинъ былъ казненъ.

[2]) Открыта А. Н. Пыпинымъ въ 1856 г., въ старинномъ Сборникѣ.

«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богачествомъ:
Бывали люди у меня, Горя,
И мудрѣе тебя, и досужѣе,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое;
До смерти со мною боролися,
Во зломъ злочастіи позорилися;
Не могли у меня, Горя, уѣхати;
А только они во гробъ вселились;
Отъ меня на крѣпко они землею накрылись,
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А злочастіе на ихъ могилѣ осталось».

Такая-то страшная сила преслѣдовала молодца, разрушила его планы женитьбы, напугавъ его угрозою, что невѣста его отравитъ, жена зарѣжетъ, и толкнула она молодца во царевъ кабакъ,пропился молодецъ, утопиться хотѣлъ, Горе-Злочастіе не даетъ. Горе-Злочастіе явилось передъ нимъ

„Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано".

Вотъ это-то, лычкомъ подпоясанное, Горе и говоритъ молодцу, собиравшемуся броситься въ рѣку:

„Стой ты, молодецъ, отъ меня, Горя, неуйдешь никуды,
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиновать:
А въ горѣ жить—не кручинну быть;
А кручинну въ горѣ – погинути!
Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
И какъ тебѣ отецъ говаривалъ,
И какъ тебѣ мати наказывала.
Зачѣмъ ты тогда ихъ не послушалъ?
Не захотѣлъ ты имъ покоритися
Постыдился имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть?"

Въ этомъ стихѣ главный смыслъ повѣсти и мораль древней Руси. Сдѣлалъ-ли молодецъ въ то время, какъ жилъ на своей волѣ что нибудь дурное? Нѣтъ, онъ трудился и разбогатѣлъ. Но роковое Горе-Злочастіе казнитъ его за проявленіе своей воли. Извѣстна старая родительская поговорка: *Не дѣлай своего хорошаго, а дѣлай мое дурное.* Едва-ли эта пословица согласна съ ученіемъ Христа.

И вотъ за нарушеніе этой морали, Горе-Злочастіе не отстаетъ отъ молодца.

„Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ:
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;

Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ съ борзыми выжлецы (собаками);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травою,
А Горе пришло съ косою вострою.
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами.
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую:
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Вспамятуетъ молодецъ спасеный путь.
И оттоль молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ оставаетца,
Къ молодцу впредь не привяжется».

Какая страшная картина неотступности Горя и въ какихъ поэтическихъ образахъ! Какъ мелки, сравнительно съ этими образами, хватающими за сердце, образы Слова о Полку Игоревѣ! И этотъ молодецъ нашелъ спасеніе въ монастырѣ; монастырь втягивалъ въ себя все сильное, оставляя слабость, безсиліе—міру. Могло-ли царство не ослабѣть, потерявъ живые инстинкты?

Нельзя также не остановить вниманія читателя на двухъ стихахъ, поражающихъ психологическою глубиною, выхваченныхъ изъ пѣсни.

«А въ горѣ жить—некручинну быть,
А кручинну—въ горѣ погинути».

Жизнь высшихъ сословій отразилась въ Повѣсти о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Ордына-Нащокина, Аннушкѣ. Фролъ Скобѣевъ—плутъ, ябедникъ, задумавъ жениться на дочери Нащокина, проникъ, при помощи мамки, въ домъ стольника, когда у Аннушки были въ гостяхъ дѣвицы. Мамка предложила имъ играть въ свадьбу, переодѣтый дѣвушкою Флоръ изображалъ жениха, Аннушка—невѣсту. Молодыхъ отвели въ особый покой. По выходѣ изъ него Аннушка говоритъ мамкѣ: «Что ты со мною сдѣлала? Не дѣвица была со мною, а мущина,—дворянинъ Фролъ Скобѣевъ». «Не признала матушка, не признала, а коли онъ такое дѣло сдѣлалъ, то у насъ людей много — *можемъ скрытъ его въ смертное мѣсто*». Аннушка пожалѣла Скобѣева и просила его только объ одномъ, чтобы онъ ее не обнесъ, т. е. никому бы не разсказывалъ. Потомъ Скобѣевъ похитилъ Аннушку, женился на ней; а родители, какъ водится, простили. Тутъ все характерно: и няня, предлагающая убить Фрола, у насъ де людей много. Въ тотъ вѣкъ это предложеніе не было пустословіемъ, дворни умѣли упрятывать *въ смертныя мѣста*, какъ увидимъ при обзорѣ нравовъ. Аннушка хлопочетъ только о томъ, чтобы дѣло не разгласилось, усердно помогая Фролу обманывать ея родителей.

При ея помощи плутъ, ябедникъ, шпіонъ изъ бѣднаго и незначительнаго человѣка сдѣлался богатымъ и знатнымъ, не становясь, конечно, лучшимъ. Для дѣвушки, воспитанной по Домострою, нѣтъ дѣла до того, что называется общественною нравственностію — шпіонъ онъ, или общественный грабитель, это все равно, былъ-бы мужъ.

Сознаніе въ культурной отсталости проявлялось во всѣхъ сферахъ жизни; но сознаніе нравственной и умственной несостоятельности доступно было тогда немногимъ. Гораздо сильнѣе дѣйствовали факты внѣшніе. Начиная съ Грознаго, мы покорили татарскія царства и, въ борьбѣ съ азіатскимъ элементомъ, дошли до Восточнаго океана; но, въ борьбѣ съ европейскими народами, Россія должна была уступать свои земли.

«Это убѣжденіе», говоритъ С. М. Соловьевъ, «подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ и потому надобно было у нихъ выучиться. (И. Р. т. XIII, гл. 1).

Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, вслѣдствіе этого сознанія поднимался вопросъ, гдѣ учиться? Гдѣ брать науку: въ католическихъ, или въ протестантскихъ странахъ? Первые преемники Алексѣя, сынъ Ѳеодоръ и дочь Софья, обратились въ католическія страны и едва не предали Россію іезуитамъ.

Отъ бѣды спасъ Петръ.

ГЛАВА XXIII.

Преемникъ царя Алексѣя, сынъ его Өеодоръ Алексѣевичъ (1676—1682), четырнадцати лѣтъ вступилъ на престолъ; онъ былъ даровитъ и, по своему времени, образованъ, но, къ несчастію, онъ былъ боленъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ оставилъ огромное семейство: отъ Милославской въ живыхъ осталось двое больныхъ сыновей, Өеодоръ и Іоаннъ, и шесть дочерей; одна изъ нихъ, Софья, отличалась выдающимся умомъ. Дѣти Милославской, особенно дочери, ненавидѣли мачиху, Наталью Кирилловну Нарышкину и ея дѣтей: Петра и Наталью. На сторонѣ дочерей Милославской стояли тетки, старыя дѣвицы, Михайловны.

Вражда къ Натальѣ Кирилловнѣ обрушилась прежде всего на Артамона Сергѣевича Матвѣева, ея воспитателя. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, чтобы разстроить свадьбу съ Нарышкиной, Матвѣева обвинили въ колдовствѣ. Обвиненіе это въ ту пору было опасно; но Матвѣевъ оправдался. По смерти царя Алексѣя Михайловича на Матвѣева ополчились всѣ его враги: къ Милославскимъ присоединились бояринъ Хитрово, человѣкъ сильный при дворѣ, и еще болѣе опасный, Юрій Долгорукій, которому покойный царь завѣщалъ оберегать Өеодора. На Матвѣева взвели рядъ нелѣпыхъ обвиненій, изъ нихъ самое опасное—будто онъ, завѣдуя Аптекарскимъ Приказомъ, отравилъ Алексѣя Михайловича. Для характеристики времени, любопытно слѣдующее показаніе Матвѣева: рецепты хранились въ Аптекарской Палатѣ; всякое лекарство отвѣдывалъ сначала докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ того дядьки Государевы, бояре, князь Куракинъ, Иванъ Хитрово, остатокъ лѣкарства послѣ царя допивалъ опять онъ, Матвѣевъ. Несмотря на всѣ оправданія, Матвѣева лишили боярства, конфисковали имѣніе и, давши тысячу рублей, сослали на житье въ Пустозерскъ.

Въ невѣжественныхъ странахъ чѣмъ нелѣпѣе обвиненіе, тѣмъ опаснѣе, особенно когда оно исходитъ отъ скрытой интриги.

Ненависть Милославскихъ къ Матвѣеву понятна, а что касается до бояръ, то вѣроятна догадка Костомарова,—что Матвѣевъ указывалъ царю на злоупотребленія многихъ изъ нихъ; имъ не было за это никакого наказанія, и Матвѣевъ только даромъ наживалъ себѣ враговъ.

Бояре, однако, не желали отдать царя въ руки Милославскихъ и князь Юрій Долгорукій и Хитрово выдвинули нарочно Языкова и Лихачева. Такой разсказъ вѣроятенъ. Языковъ былъ человѣкъ умный, хорошо изучившій дворскія интриги, сперва на площадкѣ, что на крыльцѣ дворца, гдѣ собирались младшіе чины двора, а потомъ изученіе продолжилъ и во дворцѣ. Современники называли его ***человѣкомъ великой остроты, глубокимъ прежде московскихъ площадныхъ, потомъ же дворскихъ обхожденій проникателемъ.*** Что касается до Лихачева, то это былъ человѣкъ разумный и честный.

Въ 1680 г. царь женился на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой. Иванъ Михайловичъ Милославскій, думая, что невѣсту подставили Языковъ съ Лихачевымъ, сталъ чернить Грушецкую. Царь разсердился и прогналъ отъ двора Ивана Михайловича Милославскаго, за котораго потомъ ходатайствовала царица. Родъ Грушецкихъ былъ изъ Польши; этому обстоятельству Костомаровъ приписываетъ распространеніе при дворѣ польскаго вліянія, гдѣ стали дозволять носить польскіе кунтуши, стали говорить по-польски; но можно думать, что польское вліяніе началось ранѣе. Өеодоръ Алексѣевичъ и Софья Алексѣевна оба учились у Симеона Полоцкаго, оба хорошо знали польскій языкъ, оба читали польскія книги. Кіевскій ученый богословъ, Лазарь Барановичъ, написанныя имъ по-польски сочиненія посвящалъ въ 1672 г. царевичамъ Өеодору и Іоанну. Въ царствованіе ученика Симеона Полоцкаго составленъ былъ проектъ Высшаго Училища или Академіи. Но что это была за Академія? Наши историки Соловьевъ и Костомаровъ въ сужденіи объ этомъ проектѣ—сходятся. «Московская Академія, по проекту царя Өеодора», говоритъ Соловьевъ, «это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь». Костомаровъ думаетъ, что, по проекту, Академія долженствовала быть чѣмъ-то въ родѣ инквизиціи или тайной полиціи по религіознымъ дѣламъ. Блюстители и учители должны были наблюдать, чтобы не являлись неправомудрствующіе. На такихъ доносили царю, который, посовѣтовавшись съ патріархомъ, долженъ былъ, не принимая во вниманіе словесъ и разсужденій, судить виновныхъ безъ всякаго помилованія. Однимъ словомъ, говоритъ Соловьевъ, произнесутъ блюстители съ учителями—«виновенъ въ неправославіи» и костеръ запылалъ. Костеръ долженъ былъ запылать и для тѣхъ, кто читалъ книги, противныя православію. Проектъ не допускаетъ, чтобы обращенные изъ римской вѣры, равно какъ изъ лютеранской или кальвинской, занимали мѣсто блюсти-

теля или учителей, а между тѣмъ іезуиты свивали себѣ гнѣздо въ Москвѣ. Такова-то была заря просвѣщенія, которая грозила, по мѣткому замѣчанію Костомарова, худшимъ мракомъ, чѣмъ прежнее невѣжество. О вліяніи въ ту пору польскаго языка С. М. Соловьевъ говоритъ слѣдующее: «Русскій языкъ запестрѣлъ полонизмами, стоитъ только прочесть письма и донесенія русскаго резидента въ Варшавѣ, Тяпкина, чтобы убѣдиться въ силѣ вліянія польскаго языка на русскій и какъ это вліяніе обнаружилось безсознательно, помимо воли русскаго человѣка. (Т. XIII, гл. 2).

Безсознательное подчиненіе чужому вліянію и есть главный признакъ невѣжества. Къ чему вело отсутствіе знаній, къ какого рода заимствованіямъ оно могло вести, лучше всего показываетъ примѣръ Никона, издавшаго Кормчую книгу съ приложеніемъ Дарственной Грамоты царя Константина. Время царя Ѳеодора и Софьи Алексѣевны, время при патріархахъ, преемникахъ Никона, при Іосафѣ Второмъ, (1667 и 73), при Питримѣ 1673 г., а особенно при Іоакимѣ (1673 и 1690), было временемъ возбужденія русской мысли, которая по признанію одного изъ изслѣдователей нашей церковной исторіи, священника Смирнова, явилась теперь на пути къ эмансипированной дѣятельности, а между тѣмъ не обладала необходимой стойкостію и выработанностію, не имѣла принциповъ, чтобы могла твердо и спокойно идти по новопроложенной дорогѣ. Проще сказать, цѣлые вѣка водили русскаго человѣка на помочахъ, но онъ такъ выросъ, что пришлось идти безъ помочей, и гигантъ съ младенческимъ умомъ поползъ туда, куда направляла его чужая рука. Мыслить русскому человѣку даже въ религіозной сферѣ запрещалось, и онъ ощупью хватался за букву. Подъ вліяніемъ инквизиціонныхъ идей главные расколоучители — Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ и Епифаній, были сожжены, что дало еще большую силу раскольничьему фанатизму. Ихъ жгли за дерзкія слова противъ государей, но виновенъ былъ одинъ Аввакумъ, который въ грубыхъ выраженіяхъ упрекалъ царя Алексѣя Михайловича за изнѣженность, по его словамъ, недостойную христіанскаго царя. Но костры только усиливали фанатизмъ. Кострами хотѣли испугать людей, которые въ дикомъ фанатизмѣ сами сожигались. Число самосожигателей росло. Въ Тобольскомъ уѣздѣ одинъ монахъ завелъ пустынь, построилъ кельи, часовню, гдѣ пѣли вечерни, заутрени, всѣхъ чиновъ люди стекались со всѣхъ сторонъ; какіе-то старцы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ отверзтое небо, видятъ Богородицу, видятъ вѣнцы, уготованные для постригающихся въ пустыни. Воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ приказалъ схватить монаха со всѣми его приверженцами; но отрядъ, посланный захватить изувѣровъ, нашелъ только кучи пепла. Послѣдователи монаха предали себя самосожженію.

Какъ поступали служилые люди съ уклонившимися въ расколъ,

показываетъ челобитная 1679 г. отъ крестьянъ одной сибирской деревни, которые жаловались, что приказные люди требовали съ нихъ по полтинѣ за человѣка, чего они дать не могли, за что ихъ выставляли по цѣлымъ днямъ на морозъ. Они просили, чтобы ихъ не нудили къ новой вѣрѣ, говоря, что иначе имъ придется послѣдовать примѣру тобольскаго монаха и сжечь себя.

Борьба насиліемъ усиливала расколъ, а борьба съ расколомъ нравственными силами была невозможна, по отсутствію богословскихъ знаній у священниковъ. Соборъ 1667 г. заявилъ, что въ священство ставятся невѣжды, которые даже скотъ пасти не умѣютъ, кольми паче людей. Съ XVI в. явились крестовые, бродячіе попы, которые нанимались служить въ домашнихъ церквахъ, дрались, ругались на перекресткахъ, отбивая службу другъ у друга. (См. Знаменскаго, стр. 245). Огромное количество монастырей не только не способствовало успѣху въ борьбѣ съ расколомъ, но усиливало его, благодаря бродячимъ монахамъ, монахинямъ, и монастырямъ въ лѣсахъ, которые служили притономъ раскола. Вслѣдствіе такой роли монастырей правительство, задолго до реформъ Петра, пришло къ необходимости уменьшить число монастырей: оказывалось, что многіе монастыри возникали единственно по личному благочестію ихъ основателей, безъ особенной нужды, ихъ десятками приписывали къ большимъ монастырямъ, а соборы 1667 и 1681 гг. старались ограничить излишнюю свободу постриженія въ монашество. Отдано было приказаніе ловить бродячихъ монаховъ и монахинь.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сильно было вліяніе дьяковъ и этому вліянію слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что въ 1679 г. послѣдніе слѣды земскаго самоуправленія, даннаго Грознымъ, были отмѣнены. Отмѣнены были губные старосты и цѣловальники. Всѣ дѣла были переданы воеводамъ и слѣдовательно дьякамъ, которые завѣдывали Приказами.

Къ весьма важнымъ перемѣнамъ въ государственномъ строѣ московскаго царства повела война съ Турціей, подъ покровительство которой отдался гетманъ Дорошенко.

Съ 1677 г. безпрерывно ходили слухи о томъ, что султанъ готовится идти въ походъ на Кіевъ. Но когда началась война, то Дорошенко оставилъ турецкое подданство и присягнулъ царю Алексѣю Михайловичу. Онъ сдалъ Самойловичу и князю Ромодановскому свою столицу Чигиринъ и всю заднѣпровскую Украйну. За Чигиринъ и началась борьба съ турками.

Турки осадили Чигиринъ, крымскіе татары шли имъ на помощь. Но царскія войска въ 1677 году разбили крымцевъ и турки отступили отъ Чигирина. Въ 1678 г. турки снова осадили Чигиринъ; князь Григорій Ромодановскій съ братомъ Михаиломъ и Самойловичъ снова двинулись на выручку. Визирь выслалъ турецкій корпусъ и крымскаго хана, чтобы не допустить ихъ помочь Чигирину.

Русскіе, однако, пробились и приближались къ стѣнамъ Чигирина; но помощи не оказали. Визирь, находясь между гарнизономъ и московскими полками, взорвалъ подкопомъ нижнюю крѣпость и отступилъ. Ромодановскій, вмѣсто того, чтобы съ гарнизономъ вмѣстѣ напасть на отступающаго визиря, приказалъ гарнизону оставить и верхнюю крѣпость и присоединиться къ нему. Чигиринъ былъ разрушенъ. Всѣ эти неудачи привели къ тому, что въ 1681 г., по Бахчисарайскому миру, Россія уступила Турціи правобережную Украйну, представлявшую пустыню [1]).

Изъ частнаго разговора знатнаго войсковаго товарища, впослѣдствіи гетмана Ивана Степановича Мазепы, съ думнымъ дьякомъ Лопухинымъ, яснѣе, чѣмъ изъ оффиціальныхъ актовъ видно, какъ шла наша первая турецкая война. Надобно, говорилъ Мазепа, чтобы войска было много, а воеводъ и бояръ мало, чтобы главный воевода былъ одинъ, чтобы ратные люди слушались воеводъ. У Ромодановскаго, продолжалъ Мазепа, ратныхъ людей было много, а какъ пошли на выручку Чигирина и назадъ шли, то на бояхъ ратныхъ людей было мало, только были солдатскіе полки, да стрѣлецкіе приказы, да и въ стрѣлецкихъ приказахъ въ бою людей было мало же, человѣкъ по триста, остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телѣгъ, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ; къ гетману полковники и головы присылали безпрестанно, просили людей въ помощь, и гетманъ людей своихъ къ нимъ посылалъ, а самъ остался только съ дворомъ своимъ, да съ драгунскимъ полкомъ. (Соловьевъ, И. Р. Т. XIII, гл. 2). Вѣрность разсказа Мазепы подтверждается Посошковымъ, который, какъ выше указано, утверждалъ, какъ наши ратники цѣлыми ротами прятались во время боя и какъ умѣли пристать къ шедшимъ съ боя, какъ будто и сами были въ огнѣ.

Путаница и неудача подъ Чигириномъ убѣдили правительство покончить съ источникомъ зла, съ мѣстничествомъ. 24 ноября, 1681 г., собраны были выборные изъ военнаго сословія для пересмотра Ратнаго Устава, призваны были стольники, генералы и полковники полковъ райтарскихъ и пѣхотныхъ, выборные стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ. Предсѣдателемъ въ совѣщаніяхъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ товарищами изъ бояръ. Князь В. В. Голицынъ объявилъ, что Государь, видя, что ратный уставъ устарѣлъ, считаетъ необходимымъ перемѣнить его на лучшій. Послѣ этого вступленія Голицынъ спросилъ: «Въ какомъ устроеніи служить стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ»? Выборные отвѣчали, что вмѣсто прежнихъ

[1]) Гетманы Лѣвобережной:
Брюховецкій.
Многогрѣшный.
Самойловичъ.

Гетманы Правобережной Украйны:
Тетеря.
Дорошенко.

сотенъ, ихъ слѣдуетъ раздѣлить на роты, въ полку по 6-ти ротъ, вмѣсто головъ быть у нихъ ротмистрамъ и поручикамъ, быть послѣднимъ межъ себя безъ мѣстъ и подбору. Вообще выборные просили уничтожить мѣстничество, совершенно искоренить его, чтобы всѣ чины были безъ мѣстъ, гдѣ кому Государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ не считаться. Θеодоръ Алексѣевичъ, прочтя эту челобитную, созвалъ членовъ Боярской Думы и Освященнаго Собора на особое засѣданіе.

Голицынъ прочелъ челобитную, и царь обратился къ Освященному Собору съ рѣчью, въ которой изложилъ весь вредъ мѣстничества. «Сіе мѣстничества дѣло», говорилъ царь, дѣло «благословенной любви вредительно, мира и братскаго соединенія искоренительно, противу непріятелей общаго (т. е. согласнаго) и пристойнаго промышленія, усердія разрушительно». (С. Г. Гр. и Д. Т. VI, № 130). Царь привелъ примѣръ, какой вредъ оказало мѣстничество подъ Чудновымъ, подъ Конотопомъ и въ иныхъ мѣстахъ. Патріархъ, отъ имени Архіерейства, отвѣтилъ, что въ Архіерействѣ царь встрѣтитъ только поддержку на такое дѣло и благословеніе. Царь обратился къ боярамъ, чтобы они высказали свое мнѣніе. Но что могли сказать бояре противъ выборныхъ отъ военнаго сословія людей и противъ Освященнаго Собора, оказавшихъ поддержку Государю? Бояре волей или неволей, а должны были согласиться.

Царь приказалъ сжечь разрядныя книги, этотъ приказъ встрѣченъ былъ возгласомъ: «Да погибнетъ во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество». Всѣ книги по мѣстничеству были сожжены въ тотъ-же день, 12 января 1682 г. въ сѣняхъ передней Палаты въ присутствіи патріарха и князя Юрія Долгорукова.

Такъ пало учрежденіе, которое принесло много вреда Россіи и самому боярству, которое, благодаря мѣстничеству, никогда не могло сложиться въ сильную корпорацію, ибо мѣстничество развило крайній фамильный сепаратизмъ.

Безъ сомнѣнія, въ виду общаго желанія, при Θеодорѣ уничтоженъ былъ обычай, льстившій боярскому чванству.—Запрещено было, при встрѣчѣ на улицѣ съ боярами, кланяться имъ въ землю.

Современники не замѣчали, что боярство—древо, у корня котораго давно лежитъ сѣкира. Не замѣчали этого и сами бояре, да передъ самымъ паденіемъ боярства составили удивительный проектъ. Въ Москвѣ былъ обычай въ сношеніяхъ съ иностранными державами давать посламъ или уполномоченнымъ, для парада, какъ выражается одинъ изслѣдователь, титулы намѣстниковъ разныхъ городовъ. Такъ, Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Великихъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, при переговорахъ, титуловался,

намѣстникомъ Шацкимъ. На этомъ обычаѣ построили такой проектъ: раздѣлить государство на нѣсколько *несмѣняемыхъ* намѣстничествъ. *Палатстіи бояре* хотѣли, чтобы въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани и въ другихъ областяхъ были царскіе намѣстники *вѣчно*. Царь далъ согласіе и проектъ, за подписью Думнаго дьяка, посланъ былъ къ патріарху, чтобы испросить его благословеніе.—Патріархъ Іоакимъ, при всей его простотѣ, понялъ, что проектъ, приведенный въ исполненіе, можетъ разрушить цѣлость государства и возобновить въ иной формѣ удѣльныя смуты. (См. Боярская Дума В. Ключевскаго, изд. 2-е, стр. 482, 483).

Можетъ быть *палатстіи бояре* мечтали и о феодализмѣ съ польскимъ пошибомъ, какъ выражается проф. Ключевскій; но дѣло не въ томъ, о чемъ мечтали бояре, а въ томъ, что этотъ фактъ наглядно показываетъ политическую слѣпоту боярства.

Кромѣ уничтоженія мѣстничества, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ законодательствѣ обнаружилось стремленіе смягчить уголовныя кары.

Въ 1679 и въ 1680 гг. не велѣно было ворамъ-рецидивистамъ отсѣкать руки и ноги, велѣно было отсылать ихъ на пашню (на поселеніе) въ Сибирь.—Въ 1680 г. запрещено было въ челобитныхъ Государю писать, *какъ Богъ*. Въ указѣ было сказано: «Стольники, стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы! На выходахъ подаете челобитныя, а въ тѣхъ своихъ челобитныхъ пишете, чтобъ онъ, Великій Государь, *пожаловалъ*, *умилосердился*, *какъ Богъ*; и то слово въ челобитныхъ писать непристойно. Если кто впредь дерзнетъ такъ писать и тѣмъ за то отъ него Великаго Государя быть въ великой опалѣ».—(С. Г. Гр. и Д. Т. IV, № 120). Подъ вліяніемъ Языкова, Лихачева и особенно Голицына, готовилась еще важная мѣра, уравненіе податей; но смерть Ѳеодора помѣшала исполненію этой благой мѣры.

Гуманныя мѣры не касались раскольниковъ и была еще область, въ дѣла которой совѣтники Ѳеодора, повидимому, не мѣшались; область эта—Стрѣлецкій Приказъ, во главѣ котораго стоялъ князь Юрій Долгорукій съ сыномъ Михаиломъ. Князь Юрій, хотя человѣкъ со взглядами совершенно противоположными взглядамъ князя В. В. Голицына, пользовался большимъ довѣріемъ царя. Новые совѣтники Ѳеодора или не рѣшались съ нимъ бороться, или не вѣдали, что въ Стрѣлецкомъ Приказѣ творилось.

Стрѣлецкое войско при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Ѳеодорѣ было сильно деморализовано взяточничествомъ начальниковъ.— При Ѳеодорѣ начались открытыя волненія. Въ февралѣ 1682 г. стрѣльцы полка Пыжова били челомъ Государю, съ великимъ *прилежаніемъ* (т. е. убѣдительностію) *и со слезами*, что онъ, Пыжовъ, вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья, а у иныхъ и больше. Языкову велѣно было произвести слѣдствіе. Но въ это

время, какъ разъ возникалъ вопросъ—кто будетъ наслѣдовать Өеодору; царица Агафія умерла, и царь 14 февраля вступилъ во второй бракъ съ Мареой Матвѣевной Апраксиной, родственницей Языкова. Говорятъ, Языкову велѣно было скрыть злоупотребленія, будто-бы по приказу князя Юрія Долгорукаго. Челобитчиковъ жестоко наказали; но 23 апрѣля вышло дѣло еще серьезнѣе. Стрѣльцы Грибоѣдовскаго полка подали еще болѣе сильную челобитную на своего полковника. Долгорукіе, не разбирая дѣла, велѣли наказать кнутомъ стрѣльца, принесшаго челобитную. Стрѣльцы бросились его выручать, и, утромъ 24 апрѣля, 16 полковъ рѣшили требовать отъ правительства жестокихъ наказаній своимъ полковникамъ, къ нимъ въ тотъ-же день пристали солдаты Бутырскаго полка, а черезъ три дня, 27 апрѣля 1682 г., Өеодоръ скончался.

По смерти Өеодора Алексѣевича съ увѣренностью можно было ожидать борьбы за престолъ, тѣмъ болѣе, что орудіе для смуты было готово во взволнованныхъ, притѣсненіями своихъ начальниковъ, стрѣлецкихъ полкахъ; можно было предвидѣть, что стрѣльцы воспользуются временемъ междуцарствія, чтобы отомстить Милославскимъ и лицамъ, окружавшимъ Өеодора. Поэтому, когда разнеслась вѣсть о смерти царя Өеодора, то большинство бояръ, имѣя въ виду возможность бунта 16-ти полковъ стрѣльцовъ и солдатскаго Бутырскаго полка, поспѣшило избраніемъ наслѣдника престола.

Патріархъ и большинство бояръ стояло за Петра, за сына Натальи Кирилловны Нарышкиной. Того-же хотѣли и люди, близкіе къ Өеодору, Языковъ и Лихачевъ, боявшіеся мщенія Софіи за Милославскихъ, которые, по милости ихъ, потеряли при Өеодорѣ всякое значеніе и только по просьбѣ покойной царицы Агафьи получившіе позволеніе являться ко двору. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ патріархъ съ архіереями и боярами смѣло вышелъ къ народу, гдѣ собраны были всѣхъ чиновъ люди Московскаго государства и спросилъ: «Кому царствовать»? Раздались крики: «Петру Алексѣевичу». Только нѣсколько слабыхъ голосовъ назвало имя Іоанна.

Патріархъ Іоакимъ, врагъ Полоцкаго и учениковъ его, имѣвшихъ такое вліяніе при Өеодорѣ, презиравшихъ его власть, дѣйствуя за Петра, работалъ въ данномъ случаѣ и на себя: онъ боялся власти Милославскихъ. Іоакимъ совершилъ большое дѣло, но справедливо упрекаетъ его Устряловъ въ важной ошибкѣ; именно, что онъ не назначилъ торжественно и положительно опеки, какъ бывало всегда, до совершеннолѣтія царя. «Сколь ни очевидны были блестящія способности Петра, самъ онъ, десятилѣтній отрокъ, управлять не могъ. Царица же Наталья Кирилловна, принявъ на себя завидную (не лучше-ли тяжелую?) обязанность правительницы, безъ положительнаго опредѣленія, вскорѣ горькимъ опытомъ убѣдилась, какъ не тверда была ея власть. Она видѣла всю опасность свою и

спѣшила вызвать въ Москву славнаго Матвѣева. (Ист. царствованія П. В., т. I, стр. 16).

Но «славный Матвѣевъ» не оказался на высотѣ своего призванія. Матвѣевъ, безъ сомнѣнія, былъ преданъ Натальѣ Кирилловнѣ, съ участью которой неразрывно была связана и собственная его участь. Но, не имѣвшій твердаго, энергическаго характера, лишенный дара инициативы, онъ растерялся въ трудныхъ обстоятельствахъ. Событія же въ Москвѣ принимали все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Во главѣ правленія, силою обстоятельствъ, поставлена была царица Наталья Кирилловна, женщина въ дѣлахъ правленія неопытная, не имѣвшая, въ данную минуту, человѣка, который бы далъ ей умный совѣтъ. Стрѣльцы, въ большинствѣ, подали голоса за Петра, въ надеждѣ найти въ его матери и вообще въ Нарышкиныхъ защиту противъ приближенныхъ Өеодора, сына Милославской. Но правительство окаменѣло отъ страха, и, не понимая, что сила, въ данную минуту, на его сторонѣ, цѣлые два дня, 28 и 29 апрѣля, не подавало голоса и не дѣлало шага, чтобы благоразумными мѣрами успокоить волненіе. Не дождавшись голоса изъ дворца, 30 апрѣля толпа челобитчиковъ, отъ 16 стрѣлецкихъ полковъ и солдатскаго Бутырскаго полка, уже готовившаяся подать челобитную царю Өеодору, съ шумомъ явилась во дворецъ. Нарышкины растерялись, съ помощію патріарха Іоакима имъ удалось уговорить стрѣльцовъ предоставить правительству наказаніе полковниковъ, но пятисотенные, сотенные и приставы предоставлены были на волю стрѣльцовъ. Такое неблагоразумное распоряженіе повело къ страшному самоуправству: началось избіеніе пятисотенныхъ и приставовъ; многихъ изъ нихъ сбрасывали съ каланчи на копья при крикахъ толпы: «Любо, любо».

Ясно было, что допущеніе самоуправства поведетъ къ полной распущенности стрѣльцовъ. Всѣ ждали Матвѣева, надѣясь, что онъ укротитъ стрѣльцовъ, что̀ показываетъ, что партія Натальи Кирилловны была еще въ эти дни сильна и что, вопреки укоренившемуся мнѣнію, Милославскіе въ тѣ дни не могли расчитывать, обратить счастіе въ свою сторону. Въ данную минуту, вмѣстѣ съ приближенными Өеодора, и они могли опасаться мщенія стрѣльцовъ. Стрѣльцы же ожидали окончательной кары своихъ враговъ отъ того-же Матвѣева. Была-ли возможность Милославскимъ, при такихъ обстоятельствахъ, возмущать стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ?

Но, въ несчастные первые дни, по смерти Өеодора, Наталья Кирилловна сдѣлала еще ошибку, которая оскорбила служилое сословіе и старыхъ бояръ. Мы видѣли, съ какою осторожностію цари Алексѣй и Өеодоръ возвышали родственниковъ своихъ женъ. Наталья Кирилловна, наоборотъ, сейчасъ послѣ избранія Петра, слѣдовательно въ самый день смерти Өеодора, шестерыхъ Нарышки-

ныхъ пожаловала въ спальники; вслѣдъ за тѣмъ братъ царицы, 23-хъ-лѣтній Иванъ, получилъ званіе боярина и оружейничаго; Аѳанасій, двоюродный братъ царицы—комнатнаго стольника; Кириллъ Алексѣевичъ получилъ — кравчаго. Тогда, несдержанный на языкъ, князь Иванъ Хованскій-Тараруй говорилъ то одному, то другому стрѣльцу: «Вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ ярмѣ, теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя, по матери стрѣлецкаго сына [1]), увидите, не только денегъ и корму не дадутъ, но и работы будете работать тяжкія, и дѣти ваши будутъ невольниками, а что всего хуже—и васъ, и насъ предадутъ какому нибудь чужеземному непріятелю, Москву сгубятъ и вѣру православную искоренятъ.»

Князь Хованскій, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, ненавидѣлъ одинаково всѣ новыя фамиліи — Стрѣшневыхъ, Милославскихъ, Нарышкиныхъ, Матвѣевыхъ, Апраксиныхъ. Онъ возбуждалъ стрѣльцовъ, но уже отнюдь не въ пользу Милославскихъ. Припомнимъ, что во время Коломенскаго бунта, при Алексѣѣ Михайловичѣ, одинъ изъ Милославскихъ говорилъ, что князь Иванъ Хованскій ищетъ его головы.

Что-же въ это время дѣлалъ *знаменитый* Матвѣевъ?

Матвѣевъ, во время описанныхъ событій, жилъ въ городѣ Лухъ, въ который онъ переведенъ былъ изъ дальней ссылки, изъ Мезени. Участь его облегчена была по просьбѣ Марфы Матвѣевны, урожденной Апраксиной, второй супруги Ѳеодора. Когда къ нему пришли вѣсти о московскихъ событіяхъ, онъ понялъ опасность разнузданности стрѣльцовъ и быстраго возвышенія Нарышкиныхъ; но опасность ему представлялась отдаленной. Поведеніе его въ дорогѣ и въ Москвѣ обнаружили въ немъ и близорукость, и недостатокъ энергіи и, къ несчастію, обиліе мелкаго самолюбія.

Въ первыхъ числахъ мая въ Лухъ прибылъ стольникъ Алмазовъ и подалъ ему указъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Москву; но Матвѣевъ, выѣхавъ второго или третьяго мая, добрался до Москвы только 12-го. Разстояніе не болѣе 360 верстъ потребовало десять или девять дней пути, чего нельзя оправдать даже при распутицѣ. 11 мая онъ прибылъ къ Троицѣ и здѣсь выказалъ, какъ онъ услаждался почетными встрѣчами, когда нужно было спѣшить и спѣшить. У воротъ обители, онъ встрѣченъ былъ настоятелемъ, всѣми монастырскими властями и иноками съ великимъ почетомъ. Здѣсь послѣ литургіи, молебнаго славословія, въ покояхъ келарскихъ *отъ вышеупомянутыхъ властей преизобильнымъ столомъ всепочтенно удовольствованъ былъ*. Въ то же 11 число пріѣхалъ сюда думный дворянинъ Лутохинъ съ указомъ о возвращеніи ему боярства, 12-го онъ пріѣхалъ въ с. Братовщину, гдѣ его встрѣтилъ Аѳанасій На-

---

[1]) Словами стрѣлецкій сынъ по матери, Тараруй намекалъ на происхожденіе Натальи Кирилловны: отецъ ея былъ стрѣлецкій голова.

рышкинъ. Только къ ночи 12-го пріѣхалъ въ Москву. Что же дѣлалъ онъ въ Москвѣ? 13 мая видѣлся съ царской семьей и весь день занимался своими дѣлами о возвращеніи ему вотчинъ; 14-го посѣтилъ князя Юрія Долгорукаго, столь ненавидимаго стрѣльцами. Понятно, какъ это посѣщеніе раздражило стрѣльцовъ. Вотъ это-то посѣщеніе и было дѣйствительно масличною вѣткою для царевны Софьи и для всѣхъ враговъ новаго правительства. Только, послѣ посѣщенія Долгоруковыхъ, онъ посѣтилъ патріарха Іоакима, что̀ ему слѣдовало сдѣлать въ первый-же день, ибо Іоакимъ, при всѣхъ его недостаткахъ, не отличался ласкательствомъ передъ боярами, и, въ виду собственныхъ интересовъ, онъ былъ-бы самымъ надежнымъ союзникомъ Матвѣева.

С. М. Соловьевъ, очень расположенный къ Матвѣеву, думалъ, что Милославскіе, яко-бы давно составившіе заговоръ, ждали только Матвѣева, чтобы убить его. Но отъ чего же, они не убили 13 или 14 мая? Дѣло въ томъ, что до 13 и 14 числа стрѣльцы все еще ждали рѣшенія своей участи. Они боялись, что ихъ обвинятъ въ самоуправствѣ, хотя бы и дозволенномъ правительствомъ, за которое они и стояли. Стрѣльцы волновались отъ неизвѣстности, а Матвѣевъ подливалъ самъ масло въ огонь, грозилъ стрѣльцамъ, заискивалъ въ боярахъ. «Старикъ», говоритъ Соловьевъ, «не растерялъ въ Пустозерскѣ и Мезени ничего изъ прежней своей ловкости, умѣнья привлекать къ себѣ людей. Какъ онъ умѣлъ принять каждаго, къ нему пріѣзжавшаго, обласкать! Всѣ были въ восторгѣ, даже тѣ, которые не очень были расположены къ нему». (И. Р. Т. XIII, гл. 3).

Въ этой похвалѣ нѣтъ ни одной черты, достойной похвалы, ни одной черты государственнаго человѣка; мы видимъ только портретъ ловкаго придворнаго. Такимъ Матвѣевъ и былъ. Вѣроятно, 13 и 14 числа—Милославскіе начали дѣйствовать какъ разъ въ ту минуту, когда разнеслась вѣсть между стрѣльцами о посѣщеніи Матвѣевымъ Долгорукихъ. Это посѣщеніе и угрозы, которыя Матвѣевъ исполнить не имѣлъ силъ, предали стрѣльцовъ всецѣло въ руки враговъ Нарышкиныхъ. Поводъ къ возстанію придуманъ былъ Хитрово, въ стрѣлецкихъ слободахъ пущенъ былъ слухъ, что Нарышкины убили царевича Іоанна. Рано утромъ, 15 мая взволновалась стрѣлецкая слобода. Ударили въ набатъ, въ барабаны, и стрѣльцы со знаменами и пушками двинулись въ Кремль. Ловкій старикъ, какъ называетъ Соловьевъ Матвѣева, узналъ обо всемъ, что̀ дѣлалось въ Москвѣ, только тогда, когда стрѣльцы подошли къ стѣнамъ Кремля. Ловкій старикъ не потрудился даже устроить наблюденіе за стрѣльцами, за ихъ и своими врагами. Матвѣевъ и бояре, испуганные криками стрѣльцовъ, послали за патріархомъ, который и явился. Царица Наталья Кирилловна, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, вывели царевича Іоанна и царя Петра. Стрѣльцы спрашива-

ли царевича Іоанна: «Кто тебя изводитъ?» — «Никто меня не изводитъ», отвѣчалъ царевичъ. Матвѣевъ успѣлъ уговорить стрѣльцовъ. Все готово было успокоиться, но князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій началъ кричать на стрѣльцовъ, гнать изъ Кремля. Этотъ, не во время, начальническій тонъ человѣка, котораго, говоритъ Соловьевъ, стрѣльцы ненавидѣли и презирали, раздражилъ ихъ до крайности. Стрѣльцы бросились на Михаила Долгорукова, сбросили его на копья и изрубили бердышами. Такая-же участь постигла Аѳанасія Нарышкина, Языкова, князя Григорія Ромодановскаго и другихъ. Потомъ двинулись въ домъ старика Юрія Долгорукаго и его убили.

Такъ кончилось 15 мая. На другой день разыгралась во дворцѣ страшная сцена, которая свидѣтельствуетъ о постыдномъ малодушіи придворныхъ, бывшихъ въ то же время и воинами. 16 числа стрѣльцы отправились на поиски лицъ, которыхъ искали. 17-го мая стрѣльцы требовали выдачи другого брата царицы Натальи Кирилловны, Ивана. Царевна Софья, по крайней мѣрѣ, откровенно говорила царицѣ — «Не погибать намъ всѣмъ изъ-за твоего брата». Бояре со слезами просили избавить ихъ отъ смерти, выдать брата. Иванъ Нарышкинъ былъ выданъ; послѣ пытки, его изрубили. Ивана Нарышкина нелѣпымъ образомъ заподозрили въ посягательствѣ на жизнь царевича Іоанна. Въ тотъ-же день убили доктора Гадена. 18-го числа убійствъ не было; но, по требованію стрѣльцовъ, Кириллъ Полуэктовичъ Нарышкинъ постриженъ былъ въ монахи.

Но ничто такъ не объясняетъ причины деморализаціи и упадка дисциплины въ войскѣ и ничто столь не характеризуетъ состояніе государства въ финансовомъ и административномъ отношеніи, какъ челобитная солдатъ, пушкарей и стрѣльцовъ о заслуженныхъ деньгахъ съ 1664 г. Вотъ какъ выдавали жалованье въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Недодано было 240,000 рублей. Такой, по тому времени большой, суммы въ казнѣ не было, и велѣно собирать со всего государства даже серебряною посудою. Можно-ли послѣ этого обвинять Петра В., что онъ, цѣною разоренія государства, сдѣлалъ Россію европейской державой? Что было разорять?

Въ Москвѣ всѣ потеряли голову. Только князь Хованскій, да царевна Софья сохранили присутствіе духа и всѣмъ распоряжались. Неизвѣстно, когда они вошли въ соглашеніе, и было ли такое соглашеніе. Вѣрно только одно, что Хованскій, никѣмъ не назначенный, самовольно принялъ въ свои руки Стрѣлецкій Приказъ. 23 мая Хованскій донесъ, о требованіи стрѣльцовъ, чтобы царствовали оба брата. Требованіе было исполнено. 26 мая, Боярская Дума съ освященнымъ Соборомъ, желая угодить стрѣльцамъ, согласилась на новое ихъ требованіе, чтобы Іоаннъ назывался первымъ, а Петръ вторымъ царемъ. 29-го мая стрѣльцы потребовали, чтобы, по молодости царей, государствомъ правила царевна Софья Алексѣевна. Патріархъ Іоакимъ, не назначивъ регентства,

сдѣлалъ еще одну крупную ошибку: онъ не созвалъ полнаго Земскаго Собора со всей русской земли, для утвержденія престола за Петромъ и далъ, такимъ образомъ, разыграться смутѣ. Одинъ слухъ о такомъ Соборѣ могъ обуздать стрѣльцовъ, которые не осмѣлились бы поднять головы противъ всей земли и мирно ждали бы рѣшенія своей участи. Іоакимъ же обращался къ людямъ Московскаго государства, подъ которыми въ данномъ случаѣ разумѣлись только жители Москвы и остатки Собора служилыхъ людей для уничтоженія мѣстничества. Голосъ полнаго Земскаго Собора былъ бы несомнѣнно за Петра.

Есть два наиболѣе достовѣрныя сказанія о страшной московской трагедіи—Сильвестра Медвѣдева и датскаго посла Розенбуша. Хотя Медвѣдевъ и былъ сторонникомъ Софьи Алексѣевны, но въ его разсказѣ нѣтъ ни слова, враждебнаго Нарышкинымъ. Его спокойныя разсужденія совершенно согласны съ замѣчаніями Розенбуша. Оба страшную трагедію приписываютъ жестокому обращенію съ стрѣльцами ихъ начальниковъ, равно какъ и безсовѣстному грабежу этихъ начальниковъ, грабежу, долгое время остававшемуся безнаказаннымъ. У Розенбуша есть драгоцѣнное указаніе о степени вліянія Софіи Алексѣевны на Хованскаго во время бунта. Розенбушъ разсказываетъ, что царевна Софья Алексѣевна и царица Маѳа Матвѣевна тщетно просили пощадить жизнь доктора Гадена, князь же Иванъ Хованскій спасъ жизнь самому Розенбушу, которому грозила большая опасность, ибо у него укрывался Гаденъ съ сыномъ.

Изъ разсказа Розенбуша видна опасность, которой подвергалась Наталья Кирилловна. Онъ слышалъ, какъ Хованскій спрашивалъ: «хотятъ-ли они, чтобы царица Наталья не оставалась во дворцѣ?» Любо! любо! отвѣчали стрѣльцы. Ей грозило постриженіе; но Софья Алексѣевна на это дѣло не рискнула и когда этого дѣла нельзя было свалить на царевну, то тѣмъ болѣе Хованскій не хотѣлъ его взять на себя и усилить сторону царевны.

Самый недостовѣрный источникъ для исторіи перваго стрѣлецкаго бунта—записки Матвѣева. Во первыхъ 13 и 14 числа онъ не отходилъ отъ отца и слѣдовательно ничего не зналъ, какъ и отецъ его, что дѣлалось въ стрѣлецкихъ слободахъ. Во вторыхъ вся цѣль записокъ Матвѣева—оправдать недѣятельность и близорукость его отца, т. е. Артамона Сергѣевича. (См. мои статьи «Московскія смуты въ концѣ XVII в.», въ Журналѣ М. Н.-Пр-нія январь и февраль, 1887 г.).

При разсмотрѣніи бунта стрѣльцовъ нужно въ одно и то же время имѣть въ виду слѣдующее: 1) виновность людей, которые довели стрѣльцовъ до бунта; и 2) виновность стрѣлецкаго самоуправства.

Бунтъ и самоуправство, конечно, преступленіе; но этимъ не слѣдуетъ закрывать виновность людей, доведшихъ стрѣльцовъ до этого преступленія, что̀ дѣлаетъ Матвѣевъ.

Стрѣльцы, совершивъ избіенія своихъ враговъ, заявили, что они совершили побіеніе за домъ Пресвятой Богородицы и за Великихъ Государей. Они просили, чтобы на Красной площади воздвигли столбъ, гдѣ-бы начертаны были имена убитыхъ и вины ихъ; чтобы дали имъ жалованную грамоту, въ которой бы прописано было, чтобы никто не смѣлъ называть ихъ бунтовщиками. Все было исполнено.

Главнымъ руководителемъ стрѣльцовъ оставался Хованскій; но Софья Алексѣевна не могла допустить, чтобы Хованскій строилъ честолюбивые планы на раздорѣ Милославскихъ и Нарышкиныхъ. Поэтому можно было предвидѣть близкое ея столкновеніе съ Хованскимъ. Столкновеніе произошло на почвѣ церковной.

Около 20 мая въ одномъ полку, въ которомъ было значительное число раскольниковъ, пошла рѣчь о томъ какъ-бы постоять за старую вѣру. Обратились къ посадскимъ, чтобы отъискать человѣка, который-бы постоялъ за старую вѣру и написалъ-бы челобитную. На это дѣло выбрали Сергія, нижегородскаго инока, который слылъ за ревнителя отеческихъ преданій и твердаго адаманта. Дѣло доложили Хованскому, другу Аввакума; но Хованскій видѣлъ, что ревнитель не въ состояніи будетъ отвѣчать передъ Соборомъ. Тогда вспомнили о Никитѣ, суздальскомъ протопопѣ, который защитниками исправленія книгъ прозванъ Пустосвятомъ. Хованскій далъ слово помогать раскольникамъ, «а того», сказалъ князь, «что, по старому, васъ будутъ казнить, вѣшать и жечь въ срубахъ и въ умѣ не держите». Раскольники требовали собора *на площади* передъ народомъ и царями. Патріархъ Іоакимъ и Софья Алексѣевна поняли опасность созванія Собора на площади и настояли созвать Соборъ въ Грановитой Палатѣ. Хованскому едва удалось уговорить раскольниковъ переступить ея порогъ. Толки и пренія на Соборѣ ни къ чему не привели; но раскольники считали себя побѣдителями и, выбѣжавъ на улицу, кричали: «всѣхъ архіереевъ пострамихомъ» и, сложивъ два перста, возглашали: «тако молитеся».

Софья Алексѣевна въ эту минуту предупредила большія бѣды, на площадяхъ среди народа раскольники брали перевѣсъ въ умахъ народа. Особенно сильное впечатлѣніе производили раскольники-монахи съ испитыми лицами, съ клобуками, надвинутыми на глаза.

Царевна уговаривала стрѣльцовъ не мѣнять царства на четырехъ чернецовъ. Ея слова и увѣщаніе подѣйствовали на нихъ. Они схватили главнаго расколоучителя, Никиту Пустосвята, и выдали правительству; Никитѣ отрубили голову. Можно себѣ представить, какая злоба закипѣла въ душѣ Хованскаго. Онъ обѣщалъ раскольникамъ безопасность, положась на его слово, раскольники двинулись въ Грановитую палату. И что-же, его слово, его клятва поруганы. Можетъ быть царевна, казня Никиту, хотѣла поколебать авторитетъ Хованскаго?

Съ 5 іюля, т. е. со дня Собора, Хованскій, и прежде баловавшій стрѣльцовъ, сталъ баловать ихъ еще болѣе, 16 августа въ Думѣ шелъ вопросъ: выдавать-ли стрѣльцамъ по 25 р. подможныхъ на каждаго человѣка? Дума отказала. Тогда князь Хованскій, выйдя изъ Думы, сказалъ стрѣльцамъ: «Дѣти, уже и мнѣ грозятъ за васъ бояре, я ничего не могу сдѣлать». Тогда-же по Москвѣ пошелъ слухъ, что сынъ *Набольшаго*, Андрей Ивановичъ Хованскій, величаясь родствомъ съ домомъ Ягеллоновъ, замышлялъ, женившись на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, присвоить себѣ верховную власть.—19 августа, въ день иконы Донской Божьей матери, царская семья, опасаясь большой бѣды, не приняла участія въ Крестномъ ходѣ. Черезъ нѣсколько дней цари, царевны, царицы, удалились въ Коломенское. Хованскій уговаривалъ ихъ возвратиться въ Москву, онъ пугалъ царевну слухомъ, что идутъ новгородскіе дворяне за жалованьемъ и хотятъ всѣхъ сѣчь (рубить) безъ разбору. Софья потребовала, чтобы это дѣло извѣстили всѣмъ людямъ московскаго государства. Хованскій сталъ просить не разглашать дѣла. Мрачно начался новый 1683 годъ. На другой день новаго года, 2 сентября, царское семейство уѣхало въ Воздвиженское. Изъ Воздвиженскаго послано было приказаніе боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ быть въ Воздвиженское. Во Владиміръ, Суздаль и другіе ближніе города, посланы грамоты звать дворянъ и служилыхъ людей на защиту царей противъ измѣны Хованскаго.

17 сентября, въ день имянинъ царевны, въ засѣданіи Боярской Думы думный дьякъ Шакловитый прочелъ вины Хованскихъ. Главныя вины состояли въ самовольной раздачѣ стрѣльцамъ денегъ, въ потачкѣ буйствамъ стрѣльцовъ и проч. Но къ несомнѣннымъ винамъ присоединили вины предполагаемыя и на слухахъ основанныя, какъ напр., слухъ о намѣреніи Андрея Хованскаго жениться на Екатеринѣ Алексѣевнѣ, или еще хуже, слухъ о намѣреніи истребить царскую семью... Эти слухи были высказаны въ подметныхъ письмахъ. Вѣроятно, письма эти были дѣломъ Ивана Милославскаго, который прикидывался испуганнымъ кознями Тараруя. Какъ-бы опасаясь за жизнь свою, онъ все время ссоры Софьи съ Хованскимъ гдѣ-то скрывался. Хованскихъ внезапно захватили и казнили. Такой ходъ дѣлъ придалъ суду и казни характеръ безсудности, насилія и беззаконности. Правительсвво послѣ казни Хованскихъ осталось въ рукахъ одной Софьи Алексѣевны. Шакловитый былъ назначенъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа. Въ законодательствѣ, какъ и при Ѳеодорѣ, смягчались жестокіе законы; ибо былъ одинъ и тотъ же совѣтникъ Василій Васильевичъ Голицынъ. Такъ, повелѣно было, женъ за убійство мужей не окапывать въ землю, а отрубать головы. Не велѣно было со вдовъ и дѣтей взыскивать долги, если отецъ не оставилъ пожитковъ. Но относительно раскольни-

ковъ законы издавались варварски жестокіе. Въ 1685 г. повелѣно, *которые раскольники святѣй церкви противятся и стоятъ въ томъ своемъ воровствѣ упорно и тѣхъ воровъ пытать; буде не покорятся, сжечь въ срубѣ и пепелъ развѣять.* (А. А. Э. Т. IV, № 284). Этотъ законъ, подъ которымъ подписался-бы Торквемада, изданъ отъ имени царей Іоанна и Петра, когда всѣ дѣла были въ рукахъ Софьи Алексѣевны. Іоаннъ, по болѣзненности своей, никогда не принималъ участія въ дѣлахъ, а Петру было только 13 лѣтъ [1]).

Едва ли не главнымъ виновникомъ такихъ страшныхъ законовъ былъ патріархъ Іоакимъ. Время, въ которое Іоакимъ вступилъ на патріаршій престолъ, было тяжелымъ временемъ и для церкви, и для государства. Это было время, когда, по выраженію отца Смирнова, одного изъ изслѣдователей дѣятельности этого патріарха, русское общество поворотило на новую дорогу, когда, по его выраженію, *дѣтски безпечальное состояніе миновало наконецъ для русскаго общества, которое,* по его же выраженію, *до тѣхъ поръ не разсуждало и не знало какъ и для чего живетъ. Его жизнь всецѣло принадлежала опекѣ власти гражданской и церковной.* (Моск. Смуты конца XVII в.—Ж. М. Н. Пр. 1887 г.).

При томъ запросѣ, который ставила русская жизнь, Іоакимъ не соотвѣтствовалъ требованію времени. Онъ былъ до такой степени врагъ просвѣщенія, что даже не одобрялъ проекта Славяно-Греко-Латинской академіи. Въ русскомъ обществѣ вѣками насаждалось недовѣріе къ наукѣ; Іоакимъ это недовѣріе питалъ. Современный ему англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что русскіе не имѣютъ никакого просвѣщенія и, видя въ наукахъ чудовище, боятся ихъ какъ огня, оправдывая такимъ образомъ древнее изреченіе—ars nullum habet inimicum, praeter ignorantem, т. е. у науки нѣтъ врага, кромѣ невѣжды.

Естественно, что будучи врагомъ просвѣщенія, Іоакимъ отличался духомъ нетерпимости и узкостію взгляда. Онъ былъ безпощадно жестокимъ врагомъ раскольниковъ и защитникомъ бороды, подобно Аввакуму, не безъ его совѣта, сожженному. Въ близорукости своей, онъ радовался, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ искорененъ былъ гнусный обычай брадобритія.—Не забудемъ, кстати, что и Никонъ преслѣдовалъ иностранную одежду съ такою же ревностію, какъ и Аввакумъ.

Кто тутъ виноватъ? По поводу преслѣдованія раскольниковъ, историкъ С. М. Соловьевъ говоритъ: «Если въ XVII вѣкѣ явились люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, го-

---

[1]) Петръ В. относительно раскола дѣйствовалъ обратно, въ 1703 г. онъ дозволилъ въ Выговской Пустынѣ совершать богослуженіе раскольникамъ по ихъ обряду. Въ 1714 г., обложивъ раскольниковъ двойнымъ окладомъ, дозволилъ имъ жить безъ сомнѣнія и страха, и такимъ образомъ, по мнѣнію преосв. Макарія, призналъ ихъ гражданское существованіе.

товы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли-бы отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденіе меньшей братіи». (Т. XIII, стр. 138).

Осуждать нельзя, но фактъ возстановить слѣдуетъ. Суевѣріе и нетерпимость были общими недостатками. Въ 1655 г. въ Вологду прислали плѣнныхъ бѣлоруссовъ православнаго вѣроисповѣданія; возникъ вопросъ, пускать-ли ихъ въ церковь, или нѣтъ? Дѣло доходило до патріарха, который приказалъ крестить вновь обливанцевъ. Подобный фактъ повторился въ Новгородѣ: когда изъ за шведскаго рубежа приходили въ Новгородъ русскіе, жители областей, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору, въ Новгородѣ ихъ не допускали въ церковь изъ опасенія, что они отклонились отъ православія. Такое отношеніе имѣло слѣдствіемъ, что многіе русскіе перешли въ лютеранизмъ, въ чемъ ни за что, ни про что винили шведовъ.

Вѣкъ, конечно, не отличался терпимостью, но и личность много значила. У патріарха Іоакима всякое дѣло принимало крутой и жесткій характеръ. Въ 1685 г. на Московскомъ Соборѣ состоялось присоединеніе кіевской митрополіи, зависѣвшей отъ константинопольскаго патріархата, къ патріархату московскому. Въ Малороссіи особенно много содѣйствовали этому дѣлу Мазепа и Полуботокъ. Но кіевская митрополія, присоединяясь къ московскому патріархату, выговорила себѣ слѣдующія льготы: право свободнаго печатанія книгъ въ Печерской типографіи и право изученія свободныхъ наукъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Вѣроятно дѣло это совершалось въ свойственной Іоакиму грубой формѣ; ибо возбуждало сильное неудовольствіе въ восточныхъ патріархахъ. Само же по себѣ дѣло присоединія кіевской митрополіи къ московскому патріархату было дѣломъ неизбѣжнымъ и полезнымъ. Іоакимъ, былъ тогда въ постоянномъ страхѣ за русскую церковь. Онъ боялся лютеранъ и кальвинистовъ; болѣе же всего боялся напора римскаго католицизма; но спасеніе видѣлъ тамъ, откуда шла опасность, — въ невѣжествѣ, въ стѣсненіи мысли. Онъ зналъ, что въ З. Россіи многіе шляхтичи переходили въ Унію, чтобы получить доступъ въ католическія академіи; но это явленіе истолковывалъ по своему— «не нужно никакихъ академій».

Боязнь напора католицизма была, однако, не совсѣмъ безъ основанія. Въ царствованіе Ѳеодора и въ правленіе Софіи Алексѣевны въ Москвѣ жили іезуиты—Георгій Давидъ и Тобій Тихановскій. Они доносили по начальству, что царь Ѳеодоръ былъ къ нимъ благосклоненъ, «обѣщалъ для насъ воздвигнуть коллегію; назначилъ даже для этого мѣсто; но смерть разрушила его *святыя* предначертанія». Царевна и В. В. Голицынъ продолжали оказывать имъ благосклон-

ность. Литературнымъ защитникомъ терпимости и даже уваженія къ римской церкви былъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго. Іоакимъ началъ отчаянную борьбу противъ іезуитовъ. «Умри я», говорилъ онъ, «и вся Москва будетъ въ ихъ рукахъ». Іоакимъ настоялъ на изгнаніи іезуитовъ, благодаря отсутствію князя В. В .Голицына, и благодаря бурѣ, которую въ Москвѣ подняли противъ іезуитовъ протестанты. Они, какъ говорятъ іезуиты, выставили ихъ московскому правительству причиною всѣхъ волненій на западѣ, говорили, что іезуитовъ со всего земного шара слѣдуетъ собрать въ одинъ городъ и сжечь и очистить землю отъ заразы.—Вліяніе протестантовъ было велико. Тогда въ Москвѣ сожгли визіонеровъ (духовидцевъ) Кульмана и Нордермана и въ казни ихъ ошибочно видѣли преслѣдованіе протестантовъ со стороны русскаго правительства, тогда какъ визіонеровъ преслѣдовали собственные пасторы. Послѣдователи ихъ назывались іезуэлитами (іисусоборцами).

Защитники схоластическаго образованія, *среди которыхъ впервые проявилась критическая мысль*, одновременно были врагами и раскола, и патріарха Іоакима. Представителемъ этого направленія, послѣ Симеона Полоцкаго, былъ ученый монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго и другъ Шакловитаго. Онъ сильно порицалъ нашихъ грамотѣевъ за безусловное довѣріе къ грекамъ, отъ которыхъ все принимали безъ повѣрки, яко младенцы. «Увы», говорилъ Медвѣдевъ, «нашему такому неразумію вся вселенная смѣется! Неточію та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: Русь глупая, ничто-же свѣдущая. И неточію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти нарицаютъ, вѣщающе сице: мы куда хощемъ, тамо духовныхъ сихъ чадъ и обратимъ, видимъ бо ихъ ничто самихъ знающихъ и намъ яко безсловесны суще, во всемъ, въ немъ-же хощемъ, послѣдствуютъ».

Все это высказывалось и прежде, но въ первый разъ критическая мысль выразилась столь ясно и опредѣленно; въ первый разъ высказывалось требованіе, чтобы все обсуждалось своимъ умомъ, что невозможно было безъ помощи науки.

Патріархъ Іоакимъ, врагъ всякой науки, ненавидѣлъ Симеона Полоцкаго, учителя Медвѣдева, но ничего не могъ ему сдѣлать, ибо царь Ѳеодоръ былъ сильнымъ покровителемъ своего учителя; ненавидѣлъ Медвѣдева, но Медвѣдевъ нашелъ покровителей въ царевнѣ Софьѣ и въ князѣ Василіи Васильевичѣ Голицынѣ.

Полоцкаго и ученика его обвинили, что они въ католическомъ духѣ толковали о времени пресуществленія даровъ въ эвхаристіи; будто-бы оно совершается не во время призыванія Св. Духа, какъ учитъ греческая церковь, а при произнесеніи словъ Спасителя: «Пріимите, ядите», какъ учитъ латинская церковь. Патріархъ Іоакимъ называлъ это ученіе *хлѣбопоклонной ересью*, ибо, какъ онъ выразился, хлѣбу поклонялися прежде дѣйствительнаго пресуществленія.

Должно замѣтить, что мнѣнія, защищаемаго Сильвестромъ, дер жались и люди незаподозренные въ склонности къ католицизму, высокопоставленные въ духовной іерархіи, какъ напр. митрополитъ Павелъ Рязанскій.

Сильвестръ Медвѣдевъ и Іоакимъ стояли, такимъ образомъ, въ противоположныхъ лагеряхъ. Первый былъ поклонникомъ латинской, схоластической учености, другой боялся какой-бы то ни было науки. Такой серьезный историкъ, какъ С. М. Соловьевъ, и такой изслѣдователь, какъ Аристовъ, признаютъ фактъ незнанія Іоакимомъ постановленій Флорентійскаго собора. Одинъ изъ послѣдующихъ изслѣдователей русской старины, г. Шляпкинъ, желая оправдать Іоакима относительно незнанія постановленій Флорентійскаго собора, изъ открытой имъ рукописи приводитъ слѣдующія слова Іоакима: «Писахомъ въ кіевскую эпархію (о Флорентійскомъ соборѣ) писахомъ-же сія *неневѣдяще* о томъ сборищи и бывшихъ на немъ, но хотяща *извѣститися*, аще они во всемъ согласны суть святѣй восточной церкви». Т. е. онъ слыхалъ, что былъ Флорентійскій соборъ; но не зналъ его постановленій и согласны-ли они съ постановленіями греческой церкви. Эти слова, однако, только подтверждаютъ взглядъ Соловьева и Аристова.

Въ одномъ только пунктѣ Сильвестръ Медвѣдевъ сходился съ Іоакимомъ, въ отсутствіи вѣротерпимости и въ ненависти къ расколу. О раскольникахъ Медвѣдевъ отзывался такъ: «Невѣжды, ничтоже знающіе и грамотѣ неумѣющіе». Объ извѣстномъ расколоучителѣ, Никитѣ Пустосвятѣ, Медвѣдевъ говоритъ, что Никита «весь народъ проклятому своему упорству учиша».

Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго, былъ сторонникомъ царевны Софіи Алексѣевны и былъ сторонникомъ убѣжденнымъ. Іоакимъ былъ сторонникомъ Петра, но сторонникомъ случайнымъ; страхъ, быть низвергнутымъ съ патріаршества партіей Милославскихъ, заставилъ Іоакима содѣйствовать избранію сына Нарышкиной и крѣпко держать его сторону, и должно сознаться, что Россія такъ или иначе многимъ обязана Іоакиму за охрану правъ Петра. Время борьбы Іоакима съ Медвѣдевымъ было для Россіи временемъ великаго раздумья— откуда брать Россіи науку?

Партія Медвѣдева, сильная покровительствомъ царевны и князя В. В. Голицына, думала искать схоластическаго просвѣщенія въ земляхъ католическихъ; но время требовало не схоластики, а наукъ точныхъ, физики, механики, математики, нужны были инженеры и артиллеристы; нужны были тѣ науки, которымъ въ латинскихъ школахъ научиться было нельзя. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ уже по смерти Іокима, Петромъ В., который повелъ Россію за наукой, къ ея счастью, къ другому, болѣе свѣжему, источнику.

Но пока живъ былъ Іоакимъ, обѣ стороны продолжали ожесточенный споръ о времени пресуществленія. Въ споръ вмѣшались

поляки и вышеуказанные iезуиты. Въ Москвѣ на сторонѣ Iоакима не оказалось своихъ силъ, для борьбы съ партiей Медвѣдева. Патрiархъ вызвалъ грековъ, братьевъ Лихудовъ; но борьба продолжалась до паденiя Софiи Алексѣевны. Побѣди она, и Россiя, не замѣчая того, очутилась-бы въ рукахъ iезуитовъ. Такимъ-то образомъ, въ древней Москвѣ, подъ темнымъ для массы теологическимъ споромъ скрывался вопросъ о будущности Россiи. Что бы понять, какъ важенъ въ ходѣ нашей исторiи этотъ споръ о пресуществленiи, должно знать, что не только священники, но и мiряне, даже женщины, при встрѣчѣ другъ съ другомъ повсюду спорили о времени пресуществленiя. Преемникъ Iоакима, Адрiанъ, боялся этого спора, опасаясь католицизма. Кромѣ того здѣсь могли повториться въ другой формѣ явленiя, бывшiя въ Новгородѣ въ концѣ XV в.— начали споръ о времени второго пришествiя и многiе кончили его полнымъ отреченiемъ отъ христiанства. Во всякомъ случаѣ споръ о пресуществленiи былъ послѣднiй теологическiй споръ, въ которомъ принимало участiе все русское общество. Послѣ этого спора совершилось разстриженiе русской мысли—ея выходъ въ свѣтскую науку.

Въ гражданскихъ дѣлахъ правленiе царевны Софьи было мудро и предусмотрительно. Исторiя можетъ ее упрекнуть только за фанатическое преслѣдованiе раскольниковъ.

Стрѣльцы были укрощены дьякомъ Ѳеодоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ, который ихъ быстро дисциплинировалъ не столько строгими наказанiями, сколько большимъ порядкомъ при раздачѣ жалованья, строгимъ запрещенiемъ полковникамъ брать стрѣльцовъ на частныя свои работы.

Во внѣшней политикѣ замѣчателенъ договоръ, который правительница заключила въ Москвѣ съ Польшею въ 1686 г. По этому договору Кiевъ, уступленный Россiи, по Андрусовскому перемирiю только на два года, постоянно удерживавшiйся, уступленъ былъ Россiи навсегда. Россiя обязалась помогать Польшѣ въ войнѣ съ Турцiей, вслѣдствiе чего и предпринимались крымскiе походы.

Приверженецъ Софiи Алексѣевны и Голицына, Сильвестръ Медвѣдевъ, вѣрнѣе своихъ патроновъ судилъ о тогдашней нашей политикѣ. Вотъ что онъ говорилъ Леонтiю Неплюеву: «Нашъ нынѣшнiй миръ съ поляками Московскому государству будетъ убыточенъ, а польскому королю прибыленъ, потому какъ нынѣ съ поляками миръ учинится и съ крымцы разорвется, и война съ нами учинится; Крыма не разорите, а государству московскому податьми и иными поборами великое учините разоренiе».

И онъ былъ правъ, это понимали умные люди, начиная съ самого Грознаго до конца XVII в., Крымъ отдѣленъ былъ тогда отъ Россiи обширными незаселенными пространствами которыя

ничего не значили только для крымцевъ, бравшихъ въ походъ по по двѣ, по три лошади.

Кромѣ трудностей похода въ Крымъ, бояре, ненавидя В. В. Голицына, какъ виновника уничтоженія мѣстничества и какъ выдающагося государственнаго человѣка, ставили ему значительныя преграды. Еще въ 1686 г. князья Долгоруковы, Яковъ, Лука и Григорій Ѳедоровичи, Василій и сынъ его Юрій уклонились отъ службы въ рындахъ (почетная охрана царей при пріемѣ пословъ) съ Голицыными, за что и переписаны были въ городовые дворяне. Сдѣлавши глупость, они со слезами просили прощенія и были прощены.

Но этотъ случай ни Долгорукихъ, ни другихъ княжатъ отъ племени Св. Владиміра, ни мало не вразумилъ.

Въ 1687 г. передъ самымъ крымскимъ походомъ, они устроили протестъ противъ новаго росписанія служилыхъ людей. По новому росписанію служилыхъ людей по ротамъ, вмѣсто прежнихъ сотенъ, многимъ стольникамъ пришлось быть рядовыми въ стряпческихъ и жилецкихъ ротахъ. Князья Борисъ Долгоруковъ и Юрій Щербатовъ, въ маѣ этого года, явились на смотръ въ траурныхъ одеждахъ, на коняхъ, подъ черными попонами. Другіе царедворцы готовы были слѣдовать ихъ примѣру. Князь В. В. Голицынъ, справедливо опасался дурного вліянія этихъ траурныхъ одеждъ на войско. Кто знаетъ степень суевѣрія русскихъ въ XVII в. и вѣры въ примѣты, тотъ пойметъ раздраженіе Голицына и его опасеніе. Осенью 1612 г., когда Пожарскій подошелъ къ Троицѣ съ своимъ ополченіемъ, вѣтеръ, подувшій въ глаза ратникамъ, навелъ на нихъ ужасъ и, только послѣ перемѣны вѣтра, ополченіе бодро двинулось впередъ. — Появленіе кого-либо въ траурѣ на крестинахъ, и особенно на свадьбѣ, наводило печаль и страхъ за жизнь новокрещенаго, или новобрачныхъ. Князь В. В. Голицынъ, зная силу вліянія разныхъ знаменій и предзнаменованій на суевѣрные умы, требовалъ для виновныхъ *жестокаго наказанія*, *такого указа*, *отъ котораго всѣ-бы задрожали.*

Но виновные нашли поддержку въ Боярской Думѣ и были оправданы. Это оправданіе вывело В. В. Голицына изъ терпѣнія, и онъ писалъ къ Шакловитому, отъ котораго получилъ извѣщеніе о томъ, что происходило въ Думѣ. «У дураковъ», писалъ Голицынъ, «нечего хотѣть, *кромѣ дурости*, еслибъ воли не было дано, того-бы не было.—Для Бога поступай покрѣпче, какъ я тебѣ билъ челомъ: чтобъ сказки были крѣпки, которыя состоялись; надежда въ Бозѣ, что поговоря и покинутъ. А чтобъ та грамота объ ротмистрахъ была вѣдома боярамъ, потому-что указъ при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ состоялся. (Устряловъ, И. П. В., т. I., приложеніе VII). Между тѣмъ войско выступило въ походъ, подъ начальствомъ князя В. В. Голицына, который, подобно Ордыну-Нащокину, но-

силъ титулъ—Царственныя Большія Печати и Государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ Оберегатель.

Перейдя рѣчки Самару и Конскія Воды, впадающія въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, русскіе углубились въ степь; но тутъ загорѣлась трава, едва можно было дышать, а до Крыма оставалось верстъ 200. Голицынъ приказалъ возвратиться къ Днѣпру.

Такъ кончился, первый крымскій походъ 1687 г. Тогда среди малороссійскихъ казаковъ игралъ видную роль генеральный есаулъ Мазепа, который, желая самъ занять мѣсто гетмана, обвинилъ въ степномъ пожарѣ гетмана Самойловича. Онъ, при помощи Голицына, и достигъ своей цѣли: Самойловичъ былъ свергнутъ, сосланъ и Иванъ Мазепа занялъ его мѣсто.

Въ 1689 г. предпринятъ былъ второй походъ, снова подъ предводительствомъ В. В. Голицына. На этотъ разъ подъ рукою у Голицына были иностранные офицеры, ирландецъ Патрикій Гордонъ и женевецъ Францъ Лефортъ. Гордонъ совѣтовалъ держаться ближе р. Днѣпра и черезъ каждые четыре перехода строить укрѣпленія для обезпеченія тыла; но на его совѣтъ не обратили вниманія. Дошли, однако, до Перекопа, гдѣ, на пространствѣ семи верстъ проведенъ былъ ровъ въ шесть футовъ глубины и въ двѣнадцать ширины. За рвомъ возвышалось шесть башенъ. Войско ждало битвы; но князь Голицынъ, замѣчательный государственный человѣкъ, но плохой полководецъ, вступилъ съ ханомъ въ переговоры.—Эти переговоры подали поводъ говорить, что князь В. В. взялъ съ хана боченокъ золота. Слухъ этотъ поддерживалъ и Мазепа, которому Голицынъ доставилъ гетманство.

Дѣло въ дѣйствительности было такъ: Голицынъ, не видя возможности скоро взять крѣпость и торопясь возвратиться въ Москву, гдѣ дѣла принимали крутой для царевны Софьи оборотъ, завелъ съ ханомъ переговоры, надѣясь на уступки съ его стороны; но уступокъ не послѣдовало и Голицынъ возвратился ни съ чѣмъ.

Софья Алексѣевна осыпала наградами своего любимца, за что Петръ, достигшій тогда семнадцатилѣтняго возраста, вознегодовалъ.—Разная оцѣнка заслугъ В. Голицына, повела къ рѣшительной борьбѣ между братомъ и сестрою.

Борьба была неизбѣжна. Россіи необходимо было выйти изъ ненормальнаго положенія, созданнаго двоевластіемъ.

Положеніе Софьи, говоритъ С. М. Соловьевъ, было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили союзъ съ злымъ духомъ—пользоваться до извѣстнаго времени всѣми благами жизни, но, по прошествіи срока, сдѣлаться добычею ада.

Конечно, она понимала, что съ совершеннолѣтіемъ Петра ея роль Правительницы должна кончиться. Приверженцы Софьи были въ безъисходномъ положеніи, мы говоримъ о стрѣльцахъ и горожанахъ. Они думали, что служатъ законному, старшему царю Іоанну

и, видя, приближающуюся роковую минуту столкновенія, поняли, что, въ случаѣ торжества Петра они окажутся мятежниками. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, стали поговаривать—хорошо-бы было великимъ государямъ раздѣлиться.

Уже съ 1687 г. между Софей Алексѣевной и Натальей Кирилловной возникло неудовольствіе. Тогда царевна стала писаться Самодержица. Наталья Кирилловна жаловалась на это и говорила—у насъ есть люди и они этого не потерпятъ.—Главными изъ этихъ людей были: князь Борисъ Голицынъ и Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Партія Петра, конечно, тоже была въ раздумьѣ, что будетъ съ ними, когда царевна восторжествуетъ?

Такое-то положеніе дѣлъ создали бояре и патріархъ въ маѣ 1682 г., не укрѣпивъ избранія Петра Полнымъ Земскимъ Соборомъ.

Толчекъ къ борьбѣ далъ юный Петръ. 8 іюля 1688 г., въ день Казанской Божьей Матери, Петръ приказалъ сказать Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобы она за крестнымъ ходомъ не ходила. Царевна не послушалась. Тогда Петръ самъ оставилъ Москву и удалился въ село Коломенское. Погодинъ совершенно справедливо ставитъ этотъ шагъ на первый планъ. «Жребій брошенъ», говоритъ этотъ историкъ, «кому быть и не быть?». Обѣ стороны боялись другъ друга и тамъ и тутъ ходили страшные слухи, Софья Алексѣевна чаще и чаще жаловалась, что ей нѣтъ житья отъ Натальи Кирилловны, и ото Льва Кирилловича и отъ Бориса Голицына. Шакловитый окружаетъ себя избранными стрѣльцами, *чтобы ему отъ противной стороны убивства не было.* Въ Преображенскомъ, куда Петръ удалился изъ Коломенскаго, ходили слухи о намѣреніи убить Петра. Въ Москвѣ разсказывали, что конюхи (потѣшные Петра) придутъ въ Москву, убьютъ Іоанна и всѣхъ сестеръ его.

Случилось, что въ ночь съ 7-го на 8-е августа въ Кремлѣ стрѣлецъ Гладкій и товарищи его побили стольника Петровскаго двора, Плещеева. Въ ту же ночь, въ Преображенское поскакали доносчики съ извѣтомъ на стрѣльцевъ, что ихъ товарищи готовы идти въ Преображенское и убить Петра. Погодинъ думаетъ, что этотъ доносъ вызванъ сторонниками Петра, чтобы напугать послѣдняго и заставить дѣйствовать. Разборъ дѣла Шакловитаго подтверждаетъ, что доносъ былъ ложный. Какъ-бы то ни было, но Петръ, получивъ извѣтъ, повѣрилъ ему и ночью, раздѣтый, бѣжалъ къ Троицѣ. Изъ Троицы пошли призывныя грамоты къ московскимъ и городовымъ дворянамъ, которые, вооружившись, шли на призывъ. Къ Троицѣ отправился и патріархъ, ибо прошелъ слухъ, что сторонники Софьи хотятъ его убить и возвести на патріаршій престолъ Сильвестра Медвѣдева.

Положеніе царевны было критическое; она пыталась помириться съ братомъ, но это примиреніе не удалось.—Она ожидала нападенія

открытою силою, чтобы имѣть право призвать къ оружію стрѣльцовъ для защиты царя Іоанна и своей собственной. Но Борисъ Голицынъ удержалъ Нарышкиныхъ отъ неблагоразумнаго шага, отъ вооруженнаго нападенія на противную сторону.

1-го сентября 1689 г. отъ Петра пришло къ Софьѣ требованіе выдать Шакловитаго и Медвѣдева. Ясно было, что дѣло Софьи проиграно; 4-го сентября, по призыву Петра, къ Троицѣ двинулись служилые иноземцы. 6 сентября къ Софьѣ явились челобитчики отъ стрѣльцовъ, чтобы она выдала Шакловитаго и Медвѣдева.

Начался розыскъ, о которомъ М. П. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «Розыскъ этотъ дѣлался какъ будто для исполненія обряда, формы. Судьи считали заранѣе главными виноватыми — Шакловитаго, Медвѣдева, Гладкаго, Рязанова. Ихъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочіе допрашивались какъ будто для того, чтобы заручиться лишними аргументами въ пользу заранѣе опредѣленныхъ казней. Эти прочіе, зная желаніе судей, напускались на Софью, на В. В. Голицына, на Шакловитаго, особенно на Голицына и, кажется, къ ихъ дѣйствительнымъ винамъ прибавили свои выдумки. (Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Царя Петра Великаго, стр. 210).

Для пытокъ отыскиваются, продолжаетъ тотъ же историкъ, едва десять человѣкъ стрѣльцовъ, да и тѣ обвиняются только въ непристойныхъ рѣчахъ, прочіе привлекаются, какъ свидѣтели неважныхъ распоряженій. Дѣйствій никакихъ не было, и самъ Шакловитый обвиняемъ былъ только въ намѣреніяхъ и то по извѣтамъ доносчиковъ. (Тамъ же, стр. 211).

Шакловитый былъ казненъ, а потомъ и Медвѣдевъ. Князь Василій Голицынъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ. Весьма жалко, что этого даровитаго государственнаго человѣка, тогда уже думавшаго объ освобожденіи крестьянъ, невозможно было примирить съ Петромъ.

Такъ кончилась Московская Смута конца XVII в.—(О процессѣ Шакловитаго см. мои статьи въ Ж. М. Н. Пр., январь — февраль 1887 г.).

Въ 1689 г. кончилось правленіе царевны Софьи, въ 1690 г. скончался патріархъ Іоакимъ, упорный противникъ науки. Петръ хотѣлъ въ патріархи просвѣщеннаго архіерея Маркелла Псковскаго; но, по настоянію Натальи Кирилловны, назначенъ былъ Адріанъ, родственный по духу Іоакиму, закончившій собою рядъ патріарховъ.

Передъ реформой Петра В., котораго обвиняли и въ потрясеніи основныхъ началъ русской жизни, и въ колебаніи религіозныхъ вѣрованій, еще разъ позволимъ себѣ указать, какихъ результатовъ достигло насажденіе благочестія свѣтскою властью, часто забывавшею свои прямыя обязанности. Мы укажемъ на печальныя явленія

въ церковной области, возникшія благодаря невѣжеству, и закончимъ эти замѣчанія свидѣтельствомъ человѣка, въ словахъ котораго сомнѣваться нельзя—именно свидѣтельствомъ св. Димитрія Ростовскаго. Самъ же Петръ о благочестіи русскихъ отзывался такимъ образомъ: «О вѣрѣ у насъ имѣютъ понятіе смутное, а о любви къ Богу и о надеждѣ на Бога и не слыхивали».

С. М. Соловьевъ, говоря въ исторіи Петра объ отмѣнѣ патріаршества, высказалъ ту мысль, что Петръ взамѣнъ патріаршества далъ церкви просвѣщеніе. Оно-то болѣе всего было необходимо и церкви, и государству.

Патріаршество, заканчивая свое существованіе въ Россіи, оставило за собою печальныя явленія. Въ исторіи раскола вообще и въ біографіи Аввакума въ частности, было указано, въ какомъ положеніи высшая іерархія оставляла бѣлое духовенство. Приведемъ тому еще нѣсколько примѣровъ.

Въ 1686 г. въ Арзамасѣ дворянинъ Ржевскій звалъ къ себѣ пѣть молебенъ попа Ивана и обѣдать съ попадьею. Тутъ же обѣдалъ и дворянинъ Шадринъ, который велѣлъ своимъ людямъ бить и увѣчить попадью. Попадья избита была до полусмерти. Потомъ Шадринъ съ сыномъ Ржевскаго избили самого попа, а затѣмъ вытащили изъ клѣти попа Варѳоломея, который исповѣдывалъ жену избитаго Ивана, и вытащили за эпитрахиль, избили, а Св. Тайны пролили и топтали ногами. Замѣчателенъ мотивъ святотатства и избіенія попа Варѳоломея. «А ты», говорилъ ему сынъ Ржевскаго, «ты, попъ Михайлы Аргамакова, зачѣмъ въ нашъ приходъ съ дарами ѣздишь»? Въ народѣ разныя ученія проповѣдывались иногда въ безобразной формѣ. Таковъ напр. былъ Мартынко Кузьминъ, который говорилъ, что лѣтъ десять назадъ пріобщался онъ Св. Таинъ изъ нынѣшнихъ просфоръ и изъ него пошли зміи и стало его трясти, и съ того часу на исповѣди не бывалъ. (Соловьевъ, т. XIV, гл. 1). Этотъ же Мартынка проповѣдывалъ, что апостолы Петръ и Павелъ ему сродники; что въ трехперстномъ крестѣ сидитъ бѣсъ кика. Учителемъ Мартынки оказался Ивашка Меркульевъ. Бояре приговорили: Ивашку Меркульева сжечь и пепелъ его разметать и растоптать. Ивашекъ жгли, а расколъ съ невѣжествомъ возрастали; въ увлеченіи фанатизма, раскольники на правительственныя ауто-да-фе отвѣчали самосожиганіями, которыя, какъ мы видѣли, такъ одобрительно и горячо привѣтствовалъ Аввакумъ. На Западѣ такого явленія не бывало, чтобы, въ отвѣтъ на инквизиціонные костры, люди добровольно сожигались цѣлыми толпами. Всѣ эти Ивашки, Мартынки, самосожигатели—все это результатъ ненависти къ человѣческой мысли.

Чего же достигли?

Вотъ что пишетъ Димитрій Ростовскій о своей эпархіи въ 1702 году, когда о вліяніи реформъ Петра не могло быть и рѣчи, ибо

реформы еще только начинались: «Сѣятель слова Божія не сѣетъ, а земля не принимаетъ, іереи небрегутъ, а люди заблуждаются».

При Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ выше было сказано, очень заботились о томъ, чтобы служилые люди ежегодно говѣли, а между тѣмъ тотъ-же св. Димитрій Ростовскій свидѣтельствуетъ, что іереи, жены ихъ и дѣти по многу лѣтъ не пріобщались. Замѣчательно, что въ XVII в. цѣнились только тѣ духовные писатели, которые допускали духовенство и монастыри владѣть населенными имѣньями.

Въ заключеніе сдѣлаемъ краткій очеркъ завоеваній русскихъ въ Сѣверной Азіи въ продолженіе XVII вѣка. Борисъ Годуновъ, продолжавшій дѣло Грознаго, основалъ, какъ мы видѣли, нѣсколько городовъ и, между прочимъ, Томскъ. Во время смуты постройка городовъ и вообще движеніе на востокъ пріостановились, но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича то и другое дѣло возобновились. Въ его царствованіе пріобрѣтено 70 т. кв. миль пустыхъ земель,—плохое вознагражденіе за потери по Деулинскому и Столбовскому договорамъ, которыми Россія была отодвинута отъ образованнаго міра въ непроходимую глушь. Казаки все далѣе пробивались къ Великому океану и къ Китайскимъ предѣламъ. Покоривъ земли тунгусовъ, построили тамъ города Енисейскъ и Красноярскъ. Въ 1630 г. началось покореніе земель якутовъ по р. Ленѣ. Построены города: Киренскъ, Олекминскъ и Якутскъ. Въ 1635 г. спустились уже къ устьямъ Лены. Въ 1639 г. открыты рѣки Яна и Индигирка; а Копыловъ дошелъ до Охотскаго моря. Шли казаки впередъ, собирая съ дикарей ясакъ и часто выводили туземцевъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя приходилось иногда платиться жизнью. До какого ожесточенія доходили дикари, видно изъ слѣдующаго примѣра: тунгузъ Чепчугай отказался сдаться, и когда русскіе зажгли его юрту, онъ выбросилъ черезъ отверзтіе жену съ дѣтьми, а самъ остался въ юртѣ и сгорѣлъ вмѣстѣ со старшимъ сыномъ. Тщетно изъ Москвы шли наказы воеводамъ и служилымъ людямъ, чтобы ясакъ взимать разъ въ годъ; женъ и дѣтей инородцевъ во дворъ къ себѣ не брать, насильно не крестить; а крестить только такихъ, которые добровольно изъявятъ на то желаніе. При Алексѣѣ Михайловичѣ покорены земли по рѣкамъ: Нерча, Шилка, Аргунь; построены города Нерчинскъ и Иркутскъ. Благодаря отважнымъ подвигамъ казаковъ и ихъ вождей, достойныхъ преемниковъ Ермака, вся С. Азія отъ Урала до Тихаго океана и отъ Алтая до Ледовитаго океана была завоевана въ продолженіе 100 съ небольшимъ лѣтъ (около 120). Подвиги Атласова, Бекетова, Бузы, Дежнева, Копылова, Корытова, Перфирьева, Пояркова, Стадухина ждутъ еще историка.

Съ казацкой отвагой, съ огнестрѣльнымъ боемъ, занять всю С. Азію, при ея крайне малочисленномъ и дикомъ населеніи, было не трудно; но гораздо труднѣе оказалась задача охранять, обере-

гать, заселять занятыя земли и управлять ими. Инородцевъ притѣсняли въ то время, когда между самими казацкими вождями не было согласія; такъ Стадухинъ, въ виду дикарей, избилъ по щекамъ Дежнева, отнявъ у него мѣха, собранныя съ инородцевъ. Русскихъ ратныхъ людей не берегли, относились къ нимъ презрительно. Поярковъ билъ и мучилъ служилыхъ людей ни за что, ни про что, приговаривая: «Не дороги они, служилые люди, десятнику цѣна 10 денегъ, рядовому—два гроша». Вообще о Поярковѣ разсказывали едва вѣроятныя вещи. Такъ, говорили, что онъ заставлялъ служилыхъ людей ѣсть убитыхъ инородцевъ. (Соловьевъ. Т. XII, изд. II. Стр. 307).

Инородцы не пускали людей Пояркова на берегъ, называя русскихъ людоѣдами. Поярковъ какъ бы подтверждалъ это названіе. Весною на берегахъ Амура его ратные люди голодали и съ голодухи стали копать травянистый корень и имъ питались; но Поярковъ приказалъ выжечь луга, чтобы заставить служилыхъ людей покупать у него хлѣбъ. Попытка Пояркова овладѣть Амуромъ въ 1643 г. не имѣла успѣха, вслѣдствіе корыстолюбія и жестокаго обращенія съ подчиненными. Но пышные разсказы его людей о Пѣгой Ордѣ, какъ они называли Пріамурскій край, вызвали при Алексѣѣ Михайловичѣ новаго, отважнаго *новыхъ землицъ* опытовщика, Ерофея Павловича Хобарова идти по слѣдамъ Пояркова. Хобаровъ, съ согласія Якутскаго воеводы, отправился на Амуръ, на собственный счетъ, съ небольшимъ отрядомъ, и совершилъ туда два похода въ 1649 и 1650 годахъ. Хабаровъ овладѣлъ Даурской крѣпостцей Албазинъ и засѣлъ тамъ. Хабарова замѣнилъ Степановъ, который, хотя и отбивался мужественно отъ китайцевъ, но погибъ въ неравной борьбѣ, вмѣстѣ съ 270 казаками. Изъ Якутска заселеніе Амура не удалось; однако дѣло это не было оставлено: за него взялся Енисейскій воевода, Аѳанасій Пашковъ, рѣшившій удержаться, пока, въ верхнихъ частяхъ Амура, а потому онъ приказалъ возобновить покинутые города (Нерчинскъ на Шилкѣ и Албазинъ на Амурѣ). Вооруженныя столкновенія съ китайцами возобновились; они повели къ переговорамъ, начатымъ Нерчинскимъ воеводою, Аршинскимъ. (Еще прежде въ Китай посылали боярскаго сына, Байкова, но его посольство не имѣло успѣха). Въ 1675 г. отправленъ въ Китай грекъ Спафари, переводчикъ Посольскаго Приказа. Переговоры Спафари съ китайскимъ правительствомъ къ положительнымъ результатамъ не привели. Въ 1685 г. въ правленіе царевны Софіи непріязненныя дѣйствія снова начались, и воевода Толбузинъ долженъ былъ оставить Албазинъ. Въ 1686 г. велѣно было возобновить этотъ городъ, вслѣдствіе чего явилось китайское войско и осадило крѣпостцу. Толбузинъ былъ раненъ въ началѣ осады; но, къ счастью, китайцы, узнавъ, что въ Китай отправляется русскій посолъ, пріостановили военныя дѣй-

ствія. Этотъ посолъ, окольничій Головинъ, добрался до Нерчинска только въ 1689 г. Въ Нерчинскѣ уже ждали его китайскіе послы, при которыхъ, въ качествѣ переводчиковъ, находились іезуиты. Послѣ длинныхъ объясненій, договоръ былъ подписанъ. Русскіе, не имѣя достаточно силъ въ Сибири, должны были уступить Албазинъ. Граница проведена была по рѣкамъ Шилкѣ и Аргуни.

Положеніе Сибири сдѣлалось въ XVII ст. еще затруднительнѣе, вслѣдствіе появленія новаго врага.

Въ первой четверти XVII в. къ границамъ Сибири приблизились калмыки и вошли въ сношенія съ родственниками Кучума, все еще бродившими въ степяхъ. Калмыки осаждали городки, въ которые сбѣгались укрыться и крестьяне.

Въ 1663 г. остяки вошли въ сношеніе съ Девлетъ-Киреемъ, царевичемъ изъ Кучумова рода, и составили обширный заговоръ: внезапно всѣмъ инородцамъ, съ калмыками, напасть на русскихъ, всѣхъ истребить и надъ Сибирью снова доставить власть роду Кучума. Заговоръ былъ открытъ случайно. Опасность увеличивалась еще и отъ того, что въ стычкахъ съ инородцами у послѣднихъ оказались ружья со значительнымъ запасомъ пороху и свинцу. Въ 1679 г. киргизы осаждали Красноярскъ, самоѣды—Обдорскій городокъ. За два года до того тунгусы перебили казацкій отрядъ, шедшій изъ Якутска въ Охотскъ.

ГЛАВА XXIV.

Въ заключеніе мы посвятимъ послѣднюю главу этой книги обзору отношеній между разными слоями служилаго сословія передъ его объединеніемъ. Въ связи съ этими отношеніями разсмотримъ и центральныя учрежденія Московскаго государства. Нравы и обычаи должны будутъ показать, какого сорта нравственность мы принесли съ собой въ XVIII вѣкъ. Вліяніе расколомъ порожденныхъ, богословскихъ споровъ не могло не отразиться и на гражданской жизни Московскаго Государства. Бояре, игравшіе главную роль въ государственныхъ учрежденіяхъ, сильно были заняты означенными спорами.

Но возникаетъ вопросъ—князья и бояре, подстрекавшіе Аввакума къ борьбѣ съ Никономъ, дѣйствительно-ли вѣрили, что безъ двухперстнаго сложенія креста и безъ сугубой аллилуіи они не внидутъ въ царство небесное? Конечно, немногіе такъ и думали; но между боярствомъ была партія, видѣвшая въ расколѣ удобное орудіе оппозиціи самовластію Никона; могли быть и другіе виды.

Смѣшеніе теологіи съ политикой продолжалось однако и послѣ. Такъ называемая Безпоповщина—боярскаго происхожденія; устроителями ея были князья Мышецкіе, а одинъ изъ князей Урусовыхъ былъ основателемъ одного изъ видныхъ *толковъ* Безпоповщины—Ѳеодосѣевщины.

Не отъ этой-ли между прочимъ смѣси церковнаго элемента съ политическимъ *маховое колесо* администраціи XVII в., какъ назвалъ Боярскую Думу проф. Ключевскій, дѣйствовало все тише и тише и само собой остановилось въ началѣ XVIII вѣка?

О происхожденіи боярства, занимавшаго первое мѣсто среди служилыхъ людей, и о происхожденіи Боярской Думы было уже говорено. Не нужно забывать, что бояринъ боярину былъ не равенъ. Званіе боярина не было чиномъ въ древнѣйшія времена, а классомъ лучшихъ, что значило тогда сильныхъ и богатыхъ людей. Одинъ изъ изслѣдователей юридической исторіи Россіи, Проф. Сер-

гѣевичъ, въ объясненіи самаго слова бояринъ держится указанія извѣстнаго нашего филолога И. И. Срезневскаго, который находилъ одинаково возможнымъ производить это слово отъ существительнаго бой и отъ прилагательнаго боль, болій, т. е. большой или лучшій человѣкъ. (Русскія Юридическія Древности, т. I, стр. 297). Это и были предки великихъ, нарочитыхъ, думныхъ бояръ, предки которыхъ, какъ Родіонъ Нестеровъ, приводили съ собою свои дружины; эти дружины сохранились до конца XVII в. подъ названіемъ боярскихъ дворовъ. Въ 1674 г. при встрѣчѣ персидскаго посла велѣно быть на выѣздѣ *боярскимъ дворамъ*, изъ которыхъ первымъ поставленъ дворъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго. За боярскими дворами слѣдуютъ дворы кравчаго, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, постельничаго и ясельничаго.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы боярскій дворъ обозначалъ вообще дворъ лица высшаго состоянія, какъ говоритъ проф. Сергѣевичъ. Позволяемъ себѣ думать, что здѣсь, въ разрядной книгѣ 1674 г., сначала указаны дворы ближнихъ думныхъ бояръ, а за тѣмъ дворы тѣхъ окольничихъ, которые засѣдали въ Думѣ, за ними и слѣдуютъ дворы думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, людей, засѣдавшихъ въ Думѣ по жалованію изъ дворянъ со временъ Грознаго. Сюда же причислены дворы придворныхъ чиновъ, опять людей жалованныхъ. Впереди окольничихъ поставленъ дворъ кравчаго, дворы же постельничаго и ясельничаго поставлены послѣ дворовъ Думныхъ дьяковъ, по нынѣшнему Статсъ-Секретарей Его Величества.

Въ памятникахъ XIV в. упоминаются Путные бояре, которые поставлены ниже Большихъ бояръ. Въ XV в. упоминается званіе Введеннаго боярина.

Для объясненія значенія термина Путный бояринъ, проф. Сергѣевичъ разбираетъ этимологическое значеніе слова путь въ нашемъ древнемъ языкѣ. Выраженіе путь-дорога противополагается бездорожью, словомъ путь обозначается удобство, выгода; отсюда выраженіе—будетъ-ли изъ тебя путь? Въ смыслѣ выгоды волости и города, дававшіеся въ кормленіе, называютъ путями, кормленщикъ и назывался Путнымъ бояриномъ. Въ 1645 г. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ пожалованъ въ кравчіе *съ путемъ* и ему данъ былъ въ кормленіе Гороховецъ. Должности съ кормленіемъ давались, какъ высшимъ, ближнимъ боярамъ, такъ и боярскимъ дѣтямъ, поэтому и въ Путные бояре зачислялись и высшіе, и средніе, и меньшіе разряды бояръ, или вольныхъ слугъ. (Р. Юр. Древн. т. I, гл. VIII).

Введенные бояре и бояре, назначаемые для разбора судныхъ дѣлъ, вѣроятно, назначались временно. Но едва ли ихъ можно смѣшивать съ пожалованными боярами.

Окольничій сначала, вѣроятно, была должность, въ которую на-

значались бояре, что видно изъ грамоты В. К. Рязанскаго, Олега Ивановича, данной монастырю, въ которой въ числѣ бояръ встрѣчается одинъ Окольничій, одинъ Чашникъ. Въ московскомъ періодѣ нашей исторіи значеніе Окольничихъ получило другой видъ.

Обязанности окольничихъ состояли въ устройствѣ всего необходимаго для путешествія царя и въ представленіи Государю иностранныхъ пословъ. При Василіи Ивановичѣ былъ только одинъ окольничій. Число ихъ возрастало, съ нѣкоторыми колебаніями, до конца XVII в. Въ лѣтописяхъ, но не въ оффиціальныхъ актахъ, встрѣчается еще выраженіе — *бояринъ-окольничій*, выраженіе бытовое. Были боярскіе роды, члены которыхъ, помимо окольничества, изъ спальниковъ или комнатныхъ стольниковъ прямо жаловались въ бояре, когда умиралъ представитель ихъ рода въ Боярской Думѣ. Но были боярскіе роды, члены которыхъ до боярства доходили черезъ окольничество. Окольничіе изъ этихъ родовъ и бывали членами Думы. Случалось, что они въ одинъ годъ получали и окольничество, и боярство.

Кромѣ бояръ и окольничихъ въ Думѣ засѣдали со временъ Грознаго Думные дворяне. Было указано, что чинъ этотъ введенъ Грознымъ въ оппозицію боярамъ. Любопытно, что первыми Думными дворянами, по свидѣтельству проф. Ключевскаго, были Олферьевъ и Безнинъ, изъ захудалаго стариннаго рода Нащокиныхъ, Зюзинъ и Нагой—члены фамилій тверскаго боярства. (Боярская Дума). Замѣчательно, что и главный совѣтникъ отца Грознаго, Шигона-Поджогинъ, былъ тоже изъ тверскихъ бояръ. Вообще число всѣхъ членовъ Думы отъ смерти Грознаго до Петра возрастало съ каждымъ царствованіемъ, съ этимъ возрастаніемъ умалялось вліяніе Думы. Явленіе это зависѣло отъ вторженія въ Боярскую Думу элементовъ враждебныхъ старому, древнему боярству, т. е. коренной основѣ Думы.

Приводимъ личный составъ Думы при преемникахъ Грознаго. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ — 10 бояръ, 1 окольничій, 1 кравчій, 1 казначей и 8 Думныхъ дворянъ.

При Борисѣ—18 бояръ, 8 окольничихъ, трое Думныхъ дворянъ.

При Самозванцѣ—18 бояръ, 18 окольничихъ, двое Думныхъ дворянъ.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ—20 бояръ, 9 окольничихъ и одинъ Думный дворянинъ.

При Алексѣѣ—13 бояръ, 4 окольничихъ, 1 казначей, 1 думный дворянинъ.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—23 боярина, 12 окольничихъ, 1 кравчій, 1 казначей, 1 постельничій, 21 человѣкъ Думныхъ дворянъ, 6 Думныхъ дьяковъ.

При Іоаннѣ и Петрѣ—67 бояръ, 3 кравчихъ, 57 окольничихъ, 2 постельничихъ, 38 думныхъ дворянъ, 14 думныхъ дьяковъ.

(Исторія Права Московскаго Государства Загоскина, т. 2, 46 стр. Казань).

Выше уже было указано, что изъ четверыхъ Думныхъ дворянъ двое были изъ захудалаго московскаго боярства и двое изъ прежняго тверскаго боярства. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ число думныхъ дворянъ вступаютъ двое, изъ временно захудалой княжеской фамиліи, князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Число Думныхъ дворянъ при Ѳеодорѣ возвысилось вдвое; но при Борисѣ и при Самозванцѣ упало вчетверо, при Шуйскомъ на половину. При двухъ первыхъ Романовыхъ по одному, что при явномъ перевѣсѣ въ Думѣ того и другого Государя бояръ, ясно показываетъ, какъ временно, послѣ смуты, поднялось боярство; но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ Думѣ засѣдаютъ 21 дворянинъ и 6 Думныхъ дьяковъ. Въ двоецарствіе 38 Думныхъ дворянъ и 14 Думныхъ дьяковъ противъ 67 бояръ и 57 окольничихъ, т. е. 52 человѣка Думныхъ дворянъ и дьяковъ противъ 124 бояръ и окольничихъ. Но при этомъ весьма ясно, что оба первые разряды боярства запестрѣли, тамъ появились члены, чуждые старымъ боярскимъ фамиліямъ, *всѣ эти* Милославскіе, Матвѣевы, Апраксины, какъ выражался князь Иванъ Хованскій.

Проф. Сергѣевичъ говоритъ, что нѣкоторые изъ этихъ новыхъ людей весьма быстро возвышались, указывая на Матвѣева, сына дьяка, и на Кирилла Нарышкина, забывая, что они возвышались, какъ царскіе родственники, одинъ, какъ воспитатель, другой, какъ отецъ царицы. Точно также и Семенъ Заборовскій возвысился, какъ родственникъ первой супруги Ѳеодора.

Число дьяковъ не указано до царствованія Ѳеодора Алексѣевича потому, что до его царствованія число Думныхъ дьяковъ почти всегда было опредѣленное, именно не болѣе четырехъ, которые завѣдывали основными Четвертными Приказами. (Загоскина, Боярская Дума, стр. 47). Думаютъ, что усиленіе дьяческаго элемента въ Думѣ началось въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ выше приведенномъ спискѣ составъ Думы этого царя показанъ, вѣроятно, по началу его царствованія; тогда Дума, во время силы Морозовыхъ и Шереметевыхъ, небольшая по числу, была сильна единодушіемъ; но изъ этой силы ничего не съумѣла сдѣлать. Котошихинъ говоритъ, что на вопросы царя иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, а многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и ***не студерованые*** (необразованные). (Котошихинъ, гл. 2).

Правительственный строй Московскаго Государства и значеніе въ немъ знатныхъ фамилій отлично обрисовывается въ слѣдующихъ статьяхъ 2 главы сочиненія Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

1) Прежніе большіе роды, князей и бояръ, многіе безъ остатку миновалися. Нынѣ же по тѣхъ родахъ, роды, которые бываютъ въ боярехъ, а въ околничихъ не бываютъ: князей Черкаскихъ, князей Воротынскихъ, князей Трубецкихъ, князей Голицыныхъ, князей Хованскихъ, Морозовыхъ, Шереметевыхъ, князей Одоевскихъ, князей Пронскихъ, Шеиныхъ, Салтыковыхъ, князей Репниныхъ, князей Прозоровскихъ, князей Буйносовыхъ, князей Хилковыхъ, князей Урусовыхъ.

2) Роды-жъ меньше тѣхъ, которые бываютъ въ околничихъ и въ боярехъ: князей Куракиныхъ, князей Долгоруковыхъ, Бутурлиныхъ, князей Ромодановскихъ, князей Пожарскихъ, князей Волконскихъ, князей Лобановыхъ. Стрѣшневыхъ, князей Борятинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещеевыхъ, Львовыхъ. Въ этотъ второй рязрядъ боярства вошли, какъ мы видѣли, родственники Алексѣя Михайловича; но до конца своего существованія боярство не допустило ни одной знатной фамиліи, изъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, въ ряды Московскаго боярства. Напримѣръ, въ Твери была фамилія Полевыхъ, члены которой въ трехъ поколѣніяхъ облекались саномъ Тысяцкаго Городовыхъ Полковъ и эта фамилія далѣе окольничества при Московскомъ дворѣ не была допущена.

3) Роды-жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянехъ и въ околничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ середнихъ и изъ дворянъ; и тѣ роды болши *тоѣ* чести не доходятъ. Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, толко еще въ честь не пришли, за причиною и за недослуженіемъ.

Выше было указано, по какому случаю нѣкоторые думные дворяне достигали боярства—большею частью по брачнымъ связямъ съ царской фамиліей. Что касается до списка боярскихъ фамилій и раздѣленія ихъ на два класса, то въ этомъ спискѣ и раздѣленіи встрѣчаются неточности, на которыя указываютъ изслѣдователи русской старины, проф. Ключевскій и проф. Сергѣевичъ. (См. «Боярская Дума», Ключевскаго. Изд. II, прим. на стр. 387, и «Юридическія древности» Сергѣевича, т. I, стр. 367—370). Но сущность дѣла отъ этой разности въ спискахъ не измѣняется. Гораздо важнѣе слѣдующее замѣчаніе Ключевскаго: «Подъ руками у царя Алексѣя былъ разбитый боярскій классъ со спутавшимися политическими понятіями, съ разорваннымъ правительственнымъ преданіемъ. Онъ падалъ генеалогически и даже экономически. У царя Алексѣя не оставалось бояръ родовитѣе князей Одоевскихъ, но они находились въ крайней бѣдности. Одного изъ Одоевскихъ нечѣмъ было похоронить. Царь, пославъ, что было нужно на выносъ и погребеніе, писалъ Одоевскимъ: «А узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, никого у васъ нѣтъ».

Боярская Дума, составленная такимъ образомъ, иногда выдѣляла изъ себя думныя комиссіи. Московскіе цари весьма часто отлучались изъ столицы или въ подгородныя села свои, или въ подгородные монастыри для богомолья, или, что особенно часто случалось, въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Подобныя поѣздки носили техническое названіе походовъ. Вся боярская дума слѣдовала за царемъ, но въ Москвѣ оставалось нѣсколько ея членовъ для завѣдыванія текущими дѣлами, или, какъ тогда выражались, дѣла вѣдать, какія прилучатся. Занятія этой комиссіи носили названіе *вѣданіе Москвы*. Замѣчательно, что бояре и думные люди, оставленные въ Москвѣ, должны были ночевать въ *верху*, т. е. въ государевыхъ хоромахъ; съ ними тамъ же ночевала дежурная смѣна дворянъ, жильцовъ и дьяковъ. Эта комиссія черезъ старшаго члена своего сносилась съ отсутствующимъ государемъ. Писалось обыкновенно такъ: «Такой-то съ товарищи»...

Были еще комиссіи Отвѣтныя. Бояре и думные люди обязаны были вести съ иноземными послами, прибывшими въ Москву, дипломатическіе переговоры насчетъ миссій этихъ пословъ. По пріѣздѣ посла, ему давалась аудіенція, носившая названіе *пріема на пріѣздѣ*. Черезъ нѣсколько дней царь указывалъ посламъ быть у бояръ въ *отвѣтѣ*. На этихъ *отвѣтахъ* и велись дипломатическіе переговоры. Отвѣтныя комиссіи на каждый разъ назначались изъ новыхъ членовъ.

Кромѣ того изъ членовъ боярской думы составлялись спеціальныя комиссіи; такъ въ 1662 г. учреждена была комиссія по дѣлу Никона, въ которой засѣдало двое духовныхъ членовъ—Ростовскій митрополитъ Іона и рязанскій епископъ Илларіонъ; въ 1682 г. назначена была, извѣстная уже намъ, думская комиссія подъ предсѣдательствомъ боярина кн. Вас. Вас. Голицына, для пересмотра устройства всего ратнаго дѣла.

Возникалъ вопросъ, не раздѣлялась-ли Дума на отдѣленія съ особенными спеціальными назначеніями. Нѣкоторые ученые даже такъ и полагали, но проф. Загоскинъ обстоятельно объяснилъ причину этого заблужденія. Вотъ его доказательства. «Понятіе Думы боярской выражается въ источникахъ или описательно, или же наименованіемъ того помѣщенія, въ которомъ происходило данное засѣданіе; а такъ какъ въ царскихъ хоромахъ не было опредѣленнаго помѣщенія для думныхъ засѣданій, то вслѣдствіе этого является большое разнообразіе въ наименованіяхъ думы. Такимъ образомъ встрѣчаемъ мы понятія: Верха, Комнаты, Грановитой, Большой Золотой Палаты, Золотой Средней или Меньшей Палаты, Золотыхъ Подписныхъ Палатъ, Столовой Палаты, Отвѣтной Палаты». (Исторія права Моск. Государства, томъ II, стр. 84). Только въ послѣдней четверти XVII столѣтія возникаетъ при Думѣ отдѣленіе подъ именемъ Расправной Палаты.

Это судебное отдѣленіе Думы было высшимъ аппелляціоннымъ учрежденіемъ. Въ Расправной Палатѣ были постоянные опредѣленные члены.

То, что Дума не имѣла опредѣленнаго помѣщенія и ея кочевой характеръ доказывается отсутствіемъ канцелярій и, слѣдовательно, какихъ бы то ни было архивовъ. О дняхъ засѣданій Думы мы знаемъ слѣдующее. Это были: понедѣльникъ, среда и пятница. Вѣроятно, во вторникъ, четвергъ и субботу подготовлялись доклады для Думы. Приговоръ Думы передавался въ одинъ изъ приказовъ и передавался безъ всякой переписки. Каждый приказъ имѣлъ въ Думѣ своего представителя, которому и передавалось рѣшеніе Думы. Въ случаяхъ важныхъ записывался не только приговоръ Думы, но и самое мнѣніе Думныхъ людей. Эти записи передавались въ Посольскій Приказъ, ибо подобныя засѣданія были только по вопросу о международныхъ отношеніяхъ. Сила приговоровъ Думы была велика. Они вполнѣ уравнивались съ Царскимъ указомъ, ибо приговоры эти составлялись по указу царя. Можно думать, что указъ царя не выражалъ собою сущности приговора, а только по указу Государеву то или другое разсмотрѣнное дѣло вызывало приговоръ Думы Боярской. Отъ этого и обычная формула: «По указу Царя бояре приговорили» или «Царь указалъ, бояре приговорили». Мы уже указывали, что со второй половины царствованія Алексѣя Михайловича значеніе Боярской Думы падало болѣе и болѣе, и что тогда явилась новая формула: «Царь указалъ, а дьяки приговорили». Много имѣло вліянія на упадокъ значенія Думы и то обстоятельство, что дѣла, шедшія на докладъ въ Думу, стали разсматриваться предварительно въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Вѣроятно эти разсмотрѣнія вызваны были малоспособностью бояръ къ обсужденію государственныхъ дѣлъ. Разсказываютъ современники-иностранцы, что уже Дмитрій Самозванецъ нерѣдко смѣялся, слушая длинныя безплодныя пренія членовъ Думы своей и въ минуту разрѣшая, къ общему удивленію бояръ, трудный для нихъ вопросъ, при чемъ ласково упрекалъ ихъ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали и ничему не учились. Между тѣмъ предметы вѣдомства Думы были велики. Они заключались въ высшемъ вѣданіи международныхъ сношеній и военныхъ мѣропріятій, въ общемъ надзорѣ надъ центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ. Точно также Дума завѣдывала исполненіемъ разнаго рода чрезвычайныхъ мѣръ, не употреблявшихся при нормальномъ теченіи государственныхъ дѣлъ. Особенно важно было участіе Думы Боярской въ законодательствѣ. Дума судила также и политическія преступленія.

Какъ пала самостоятельность Думы, показываетъ ея тихая кончина. Никто ее не уничтожалъ. Послѣднее достовѣрное извѣстіе о существованіи Боярской Думы относится къ 18 февралю 1700 года. «Затѣмъ», говоритъ проф. Загоскинъ, «о послѣдующей судьбѣ этого

учрежденія, отживавшаго уже послѣднія минуты предсмертной агоніи своей, ничего не извѣстно». (Т. II стр. 156). Съ 1704 г. дѣйствуетъ уже ближняя канцелярія, составленная изъ лицъ, завѣдывавшихъ разными приказами.

Мы видѣли форму присяги при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича; она вся проникнута чрезвычайной подозрительностью, которая не покидала дворъ до конца царствованія.

Котошихинъ во II главѣ своего сочиненія о Россіи говоритъ, что если какой-нибудь человѣкъ прошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, то этого человѣка пытали трижды, не хотѣлъ-ли онъ погубить царя, или кого нибудь изъ его бояръ; пытали, впрямь-ли онъ шелъ своимъ умысломъ, а не по наущенію. Если онъ скажетъ, что съ умысломъ и по наущенію бояръ и думныхъ людей или иныхъ какихъ людей, тѣхъ всѣхъ людей велятъ похватати и пытати. Но если эти люди не повинятся, то сказавшаго на нихъ пытали въ другой разъ. Если же онъ скажетъ въ пыткѣ, что впрямь по ихъ наущенію ходилъ, тѣхъ людей пытаютъ въ другой разъ. Если же они не повинятся на второй пыткѣ, то сказавшаго на нихъ человѣка начнутъ пытать въ третій разъ. Если этотъ человѣкъ скажетъ прежнія свои рѣчи, то тѣхъ всѣхъ бояръ и думныхъ людей также будутъ пытать въ третій разъ. Если-жь послѣ этого никто изъ нихъ не повинится, то ихъ всѣхъ посадятъ въ тюрьму, доколѣ не представятъ поруки. Въ народѣ боярство потеряло всякое уваженіе и всѣ злоупотребленія власти приписывались исключительно боярамъ. Народныя пѣсни, то смѣшивая, то сближая Ермака съ Разинымъ, въ боярствѣ видятъ одну злобу. Грозный въ пѣснѣ спрашиваетъ бояръ, какъ поступить съ кающимся Ермакомъ? Одинъ изъ бояръ говоритъ: «Мало его казнить, мало вѣшать». Ермакъ убиваетъ боярина въ глазахъ Грознаго царя. Казни бояръ Разинымъ, вопреки исторіи, выставляются дѣломъ правосудія. Когда повели на казнь Астраханскаго воеводу кн. Прозоровскаго, казаки ему говорятъ: «Не дорога намъ твоя золотая казна, дорога намъ твоя буйная головушка; ты добре вѣдь къ намъ, добре строгонекъ былъ, ты вѣдь билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ, на воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ». Казаки, изрубивъ воеводу, пощадили его жену и малыхъ дѣтушекъ, какъ разсказывается въ пѣснѣ изъ сборника Кирши Данилова. Фактъ не соотвѣтствуетъ исторіи, но, по замѣчанію Галахова, автора Исторіи русской литературы, указываетъ на стремленіе народной поэзіи поставить даже эту расходившуюся голь въ нравственномъ отношеніи выше служилой боярщины. Такое великодушіе казацкой голи показываетъ сознаніе виновности своей въ истребленіи боярскихъ женъ и дѣтей. Въ боярскихъ преданіяхъ такого сознанія нѣтъ. Напротивъ, жестокости, совершенныя Долгорукими и Борятинскими надъ сообщниками Разина, жестокости, превосходившія мѣру правосудія, прославлялись какъ актъ государ-

ственной мудрости. Паденіе значенія боярства лучше всего показало цѣну этой мудрости, осмѣянной въ народной сказкѣ Объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и о Горшенѣ, т. е. горшечникѣ, записанной Аѳанасьевымъ. Предлагаемъ содержаніе ея вниманію читателей.

Царь Иванъ встрѣтилъ въ дорогѣ горшечника, задремавшаго на возу съ глиняной посудой, и завелъ съ нимъ разговоръ. «На свѣтѣ не безъ худа», сказалъ между прочимъ Царь.—«Да, Ваше Царское Величество, на свѣтѣ есть три худа: первое худо — худой сосѣдъ, второе худо—худая жена, третье худо—худой разумъ».—«А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» спрашиваетъ Царь. Горшеня отвѣчалъ: «Отъ худого сосѣда уйду, отъ худой жены уйду, а отъ худого разума не уйдешь—все съ тобой».—«Такъ, вѣрно, Горшеня, говоритъ Царь «ты—мозголовъ. Слушай-же, *ты для меня, я для тебя*». Посмотрѣвши товаръ, Царь изъявилъ желаніе заказать горшечнику 10 возовъ глиняныхъ тарелокъ. Царь даетъ ему мѣсяцъ сроку, чтобы выполнить заказъ, но горшечникъ отвѣчаетъ: — «Довольно и двухъ недѣль. *Я для тебя, ты для меня*». Замѣчательны слова Царя—*ты для меня, я для тебя* и тѣ же слова, сказанныя Горшенею. Въ словахъ этихъ кроется ясный смыслъ единенія царя Ивана Васильевича съ простонародьемъ. Сказка не отличается богатствомъ фантазіи, но не лишена большого историческаго смысла. Царь, возвратясь въ Москву, приказываетъ, чтобы на пирахъ не подавалось никакой посуды, кромѣ глиняной. Пріѣхалъ Горшеня въ городъ и, по настоятельнымъ просьбамъ одного боярина, согласился уступить ему посуду, заказанную Царемъ, но уступилъ за такую высокую цѣну, что когда дѣло дошло до расплаты, то боярину пришлось отдать горшечнику всю свою казну, а посуды еще много. Тогда горшечникъ предлагаетъ отдать боярину весь остальной товаръ даромъ, если тотъ провезетъ на себѣ возъ. Повезъ бояринъ. У того дома, куда горшечникъ условился доставить Царю товаръ, встрѣчается самъ Царь. И спрашиваетъ онъ горшечника: «Да ты на чемъ ѣдешь?»—«На худомъ разумѣ, Государь».—«Ну, мозголовъ, Горшеня», говоритъ Царь: «Не много послужилъ, да много удружилъ. Ну, Горшеня, говоритъ загадку Царь. Прилетали гуси съ Руси (изъ Кіева)? — «Прилетали».—«Перушки ощипалъ, а по правильному покинулъ»?—«Нѣтъ, Великій Государь, на голо ощипалъ».

Въ послѣднихъ словахъ кажется можно видѣть, какъ Иванъ Васильевичъ, съ помощью могучаго простонародья, возстановилъ уложеніе дѣда и отца, т. е. отобралъ у потомковъ удѣльныхъ князей имѣнія, захваченныя ими разными хитростями.

Въ процессѣ русской исторіи замѣчательно то обстоятельство, что бояре достигли въ борьбѣ съ Грознымъ противоположныхъ своимъ стремленіямъ результатовъ: всѣ симпатіи народа обратились на сторону Грознаго. Коллинсъ, англійскій врачъ, посѣтившій Рос-

сію въ XVII в., замѣчаетъ, что Іоаннъ IV, крайне жестокій съ боярами, былъ любимъ народомъ, что и отразилось, какъ мы видѣли, въ сказаніяхъ народа о Грозномъ. Въ пѣсняхъ о гибели историческихъ личностей, симпатичныхъ народу, отражается то же недовѣріе къ боярству, какъ мы это видѣли на пѣснѣ о кн. Михайлѣ Вас. Скопинѣ - Шуйскомъ. Въ боярствѣ народъ олицетворилъ силу мрачную, эгоистическую; исторія не можетъ отрицать этого народнаго приговора. Этотъ мрачный взглядъ вызванъ высокомѣріемъ и жестокостью боярства, презрѣніемъ его къ народу. Боярство не поняло, что эта масса, безсильная сама по себѣ, вслѣдствіе своей безсознательности, давала страшную силу тому, кто умѣлъ пробудить въ ней къ себѣ довѣріе и сочувствіе.

Замѣчательно, что прекращеніе засѣданій Боярской Думы не вызвало никакого протеста.

За боярами и Думными людьми слѣдовали меньшіе чины: 1) *спальники*, которые спятъ у царя въ комнатѣ попеременно, человѣка по четыре, и многіе изъ нихъ—женатые люди и бываютъ въ томъ чину многіе годы. «Царя обуваютъ и разуваютъ», какъ говоритъ Котошихинъ. Въ спальникахъ бываютъ сыновья бояръ, окольничьихъ и Думныхъ людей. Изъ спальниковъ жалуютъ, смотря по роду ихъ отцовъ, или прямо въ бояре, или въ окольничьи. Ихъ называютъ комнатные бояре или окольничьи, а въ дипломатическихъ актахъ или, какъ тогда говорили, въ посольственныхъ письмахъ пишутъ: ближними боярами или ближними окольничьими, потому что отъ «близости пожалованы», по выраженію Котошихина.

2. *Стольники*—точно также сыновья бояръ, окольничьихъ, думныхъ людей и Московскихъ дворянъ. Они служатъ за столомъ у Государя во время торжественыхъ обѣдовъ. Число ихъ простиралось до 500 человѣкъ.

3. *Стряпчіе*. Въ торжественныхъ выходахъ они носили передъ царемъ скипетръ, въ церкви во время богослуженія держали шапку и платокъ, а въ походахъ возили панцырь, саблю и саадакъ (колчанъ съ лукомъ и стрѣлами). Число стряпчихъ доходило до 800 человѣкъ. Стряпчіе и стольники жили въ Москвѣ по полугоду для царскихъ услугъ, а на остальную половину года могли уѣзжать въ свои деревни.

4. *Дворяне Московскіе*. Ихъ посылали по сыскнымъ дѣламъ. Изъ нихъ назначали начальныхъ людей—полковниковъ и стрѣлецкихъ головъ.

5. *Дьяки*. Они жалуются изъ дворянъ Московскихъ, изъ дворянъ городовыхъ, изъ гостей и изъ подъячихъ. Они были въ нѣкоторыхъ случаяхъ помощниками бояръ, окольничьихъ, думныхъ и ближнихъ людей.

6. *Жильцы*. Они точно также сыновья дворянъ, дьяковъ и подъячихъ. Ихъ производили въ стряпчіе, стольники, думные люди. Изъ

нихъ-же бывали начальники въ конницѣ и пѣхотѣ. Число жильцовъ доходило до 2000 человѣкъ. Изъ нихъ 40 человѣкъ ежедневно ночевало во дворцѣ.

7. *Дворяне городовые и дѣти боярскіе.* Первые, какъ уже было выше сказано,—потомки дворянъ удѣльныхъ князей, но послѣ войнъ Польши со Швеціей, по окончаніи смутнаго времени, многіе крестьяне освобождены были отъ крестьянства, отъ рабства за свои заслуги и записаны были въ городовые дворяне. Этимъ новымъ городовымъ дворянамъ были даны и небольшія помѣстья, но когда потомство этихъ новыхъ городовыхъ дворянъ умножилось, и отъ пожалованныхъ помѣстій остались одни клочки, тогда многіе изъ членовъ означеннаго потомства записаны были въ безпомѣстные дѣти боярскіе. На службѣ въ Москвѣ дворяне городовые и дѣти боярскіе служили по нынѣшнему въ фельдъегеряхъ, т. е. ихъ посылали во всякія посылки для передачи экстренныхъ порученій по воеводствамъ; они также жаловались въ начальные люди къ рейтарамъ (конница) и солдатамъ.

8. *Постельничій.* Чинъ этотъ стоитъ особо. По близости своей къ царю, постельничій примыкалъ къ высшимъ чинамъ, каково-бы ни было его происхожденіе. Онъ, во-первыхъ, завѣдывалъ царскою постелью и спалъ съ царемъ въ одной комнатѣ, когда, говоритъ Котошихинъ, царь не опочивалъ съ царицею; во-вторыхъ, у постельничьяго хранилась печать для скорыхъ и тайныхъ Царскихъ Дѣлъ. Примѣръ значенія постельничьяго представляетъ ложничій (тоже, что и постельничій) Алексѣй Адашевъ въ началѣ царствованія Грознаго.

Кромѣ этихъ чиновъ при дворѣ состояли царевичи Сибирскіе, Кассимовскіе, крещеные въ христіанскую вѣру. Котошихинъ говоритъ: «Честію они бояръ выше, а въ Думѣ никакой не бываютъ и не сидятъ». (Котошихинъ. Гл. II).

Высшимъ административнымъ органомъ послѣ Боярской Думы были, конечно, Приказы. Историкъ Соловьевъ говоритъ, что Приказъ одно изъ самыхъ выпуклыхъ, самыхъ характеристическихъ явленій въ политической жизни Московскаго государства. Время происхожденія Приказовъ опредѣлить трудно; одно несомнѣнно, что большая часть ихъ возникла въ царствованіе Алексѣя Михайловича и вообще въ концѣ XVII в. Число ихъ доходило до 42 и 47; тогда—то учреждались временные Приказы, то по два соединялось въ одинъ.

Проф. В. Будановъ въ своей «Исторіи русскаго законодательства» распредѣлилъ Приказы въ слѣдующія системы по роду ихъ дѣятельности. а) *Органы дворцово-финансоваго управленія:* 1) *Приказъ Большаго Дворца*, вѣдалъ дворцовые доходы. Ему подчинены были дворы: Кормовой, Хлѣбенный и Сытенный. Къ приказу Большаго Дворца принадлежали и приказы—Конюшенный, Ловчій, Со-

кольничій. 2) *Приказъ Большой Казны* завѣдывалъ прямыми налогами. 3) *Приказъ Большаго прихода* завѣдывалъ косвенными налогами. 4) *Приказъ счетныхъ дѣлъ*—родъ контроля.

в) *Органы военнаго управленія.* 1) *Разрядъ или Приказъ разрядный.* Основнымъ предметомъ вѣдѣнія было военное дѣло во всѣхъ его проявленіяхъ. «Въ томъ приказѣ», говоритъ Котошихинъ, «вѣдомы были всякія воинскія дѣла, которыя сводятся къ двумъ пунктамъ: къ наблюденію за вооруженіемъ, какъ крѣпостей, такъ и людей, и къ наблюденію за служилыми людьми». Изъ этого приказа выходили распоряженія о назначеніяхъ на службу, о наказаніяхъ и наградахъ военно-служащимъ; 2) *Стрѣлецкій Приказъ*, вначалѣ Стрѣлецкая Изба — завѣдывалъ корпусомъ стрѣльцовъ; 3) *Казачій*; 4) *Рейтарскій* съ 1651 г.; 5) *Иноземный приказъ* завѣдывалъ служилыми иноземцами; 6 и 7) *Оружейный и бронный* Приказы; 8) *Пушкарскій* завѣдывалъ артиллеріей.

Проф. Владимірскій-Будановъ думаетъ, что только со временъ Ѳеодора Алексѣевича всѣ эти приказы подчинены были Разряду, который какъ-бы составилъ военное министерство.

с) *Судебно-административные Приказы*: 1) *Помѣстный*—раздача помѣстій и тяжебныя дѣла о нихъ; 2) *Холопій*—укрѣпленіе и освобожденіе холоповъ; 3) *Разбойный*—уголовный судъ и тюрьмы находились въ его завѣдываніи.

д) *Органы центральные областнаго управленія* съ присоединеніемъ удѣловъ переносились въ Москву; сначала было три, а потомъ четыре приказа, называвшихся четвертями. Но къ концу XVII в., вопреки буквальному значенію такого названія, возникло 5, а затѣмъ 6 четвертей: Нижегородская, Устюжская, Костромская, Галицкая, Владимірская, Новая четверть (ранѣе Приказъ Владимірскій). Они вѣдали питейные доходы безъ всякаго областнаго характера. Эти приказы были и судебными мѣстами для посадскихъ людей; служилые же люди изъ этихъ четвертей судились въ Московскомъ, Владимірскомъ и Рязанскомъ судебномъ приказахъ, чѣмъ и нарушался областной характеръ приказовъ: Нижегородскаго, Устюжскаго и т. д.

Въ послѣднее время возникъ между учеными споръ по поводу четвертей: стали доказывать, что они не составляли отдѣльныхъ приказовъ, а поручались завѣдыванію дьяковъ, управлявшихъ какими нибудь другими приказами, и такимъ образомъ будто бы четверти иногда назывались по имени дьяковъ. Дѣйствительно, въ актахъ встрѣчаются такія выраженія: «четверть дьяка Щелкалова, четверть дьяка Вылузгина». Но эти названія едва-ли рѣшаютъ вопросъ. При постоянныхъ перемѣнахъ въ составѣ приказовъ, при возникновеніи новыхъ, при сліяніи двухъ старыхъ приказовъ въ одинъ—перемѣны въ порученіи дьякамъ той или другой четверти были весьма возможны.

Но намъ этотъ вопросъ важенъ съ точки зрѣнія усиленія дьяковъ, усиленія бюрократическаго элемента, которое повело къ гибели земскихъ началъ. Нѣчто подобное, но не тождественное, было и во Франціи.

У французскихъ королей въ Тайныхъ Совѣтахъ играли весьма важную роль клерки—то же, что наши приказные, которые во Франціи назывались Clercs du secret. Послѣдніе мало по малу возвысились до ранга статсъ-секретарей. Генрихъ II въ 1547 г. установилъ четырехъ статсъ-секретарей. Первый управлялъ Нормандіей и Пикардіей и завѣдывалъ сношеніями съ Англіей и Шотландіей, на второго были возложены внутреннія дѣла въ Провансѣ, Лангедокѣ, Гіэни и Бретани и сношенія съ Испаніей и Португаліей. Третій управлялъ Шампаніей и Бургундіей, землями герцога Савойскаго и сносился со Швецаріей и Германіей. Четвертый управлялъ Дофинэ и сносился съ Италіей и Востокомъ. Такой странный порядокъ продолжался до учрежденія министерствъ при Людовикѣ XIV. Что же мудренаго, если у насъ путались съ четвертями? Во первыхъ наши четверти въ XVII в. не имѣли строго-опредѣленной организаціи. Областной характеръ ихъ былъ спутанъ. Новгородская четь соединена была съ Нижегородской и въ вѣдѣніе Новгородскаго приказа перешли такіе города: Арзамасъ, Нижній-Новгородъ. Остальные города большею частію находились на территоріи бывшей Новгородской республики. Замѣчательно, что къ этой чети присоединены были и города Вятской общины или Хлыновской. Въ Костромскую Четверть попали Малый Ярославецъ, Муромъ, Одоевъ. Въ Галицкую четверть—Коломна, Ростовъ, Суздаль. Посольскій приказъ вѣдалъ 4 города; изъ нихъ Вязьма, какъ пограничный тогда городъ, еще можно понять, почему отданъ былъ въ вѣдѣніе этого Приказа; но зачѣмъ попалъ въ посольскій приказъ Касимовъ, понять трудно. Точно также трудно понять на какомъ основаніи города перемѣщались изъ одного приказа въ другой. Болѣе областной характеръ сохранили приказы Малороссійскій, Казанскій, Сибирскій.

е) *Спеціальные Приказы*. 1) *Посольскій*. Сначала онъ былъ только канцеляріей при Боярской Думѣ, по сношеніямъ съ иностранными державами подъ именемъ Посольской Палаты, которая съ 1601 г. преобразована въ Приказъ. Особенное значеніе онъ пріобрѣлъ со времени Андрусовскаго договора, когда во главѣ приказа поставленъ былъ дьякъ Ордынъ-Нащокинъ. Посольскій приказъ завѣдывалъ почтою и нѣкоторыми городами. 2) *Патріаршій разрядъ* или патріаршій дворъ. Это приказъ Церковныхъ Дѣлъ. По замѣчанію проф. Градовскаго, этотъ приказъ находился въ такой же зависимости отъ свѣтской власти, какъ и Коллегіумъ Духовныхъ дѣлъ. 3) *Монастырскій Приказъ* выдѣлился изъ Патріаршаго разряда; при Ѳеодорѣ былъ закрытъ. 4) *Приказъ Тайныхъ Дѣлъ*, важнѣйшій

изъ всѣхъ. Это былъ родъ государственной полиціи, который наблюдалъ за всѣми прочими приказами. Его вѣдѣнію подлежали царскія увеселительныя учрежденія, напр. соколиная охота, до отдѣленія отъ него приказовъ Ловчаго и Соколинаго. Чѣмъ болѣе увеличивалось число приказовъ и чѣмъ болѣе усиливалось ихъ значеніе, тѣмъ болѣе падало значеніе Боярской Думы.

Въ заключеніе должно сказать нѣсколько словъ о соколиной царской охотѣ по отношенію къ Приказамъ. Соколиная охота вѣдалась сначала въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, потомъ въ Соколиномъ Приказѣ. Тутъ вѣдались птицы: кречеты, соколы, ястребы, челики и иныя. «А бываетъ тѣми птицами потѣха», говоритъ Котошихинъ, «на лебедей, гусей, утокъ, журавлей и на иныхъ птицъ, а также и на зайцевъ». Для этой потѣхи подъ Москвою устроенъ былъ особый потѣшный дворъ; 100 человѣкъ сокольниковъ обучало хищныхъ птицъ, изъ нихъ ежедневно по 20 человѣкъ дежурило на этомъ дворѣ. А честію, т. е. по нынѣшнему чиновнымъ рангомъ, равнялись съ жильцами, получали жалованье и платье. Кромѣ того имъ давались и вотчины, и помѣстья. Во время дежурства у птицъ пили и ѣли все Царское. Всѣхъ потѣшныхъ птицъ было больше 3000. Съ царскаго двора выдавали на нихъ мясо говяжье и баранье. Кромѣ сокольниковъ въ Москвѣ, въ городахъ и Сибири были кречетники и ихъ помощники, которые ловили и учили птицъ. Этихъ кречетниковъ съ помощниками насчитывали 100 человѣкъ, которые всѣ получали жалованье или, какъ тогда говорилось, были люди пожалованные. Кречетники и ихъ помощники кромѣ того доставляли въ Москву для корма хищныхъ птицъ живыхъ голубей, для которыхъ былъ устроенъ въ Москвѣ дворъ—Голубиный Дворъ. На немъ обыкновенно бывало до 100,000 голубиныхъ гнѣздъ; а кормъ, ржаныя и пшеничныя высѣвки шли съ Житнаго Двора.

Одно изъ характерныхъ и выдающихся явленій въ Московской исторіи царскаго періода это—Земскіе Соборы.

О происхожденіи Земскихъ Соборовъ проф. Сергѣевичъ высказалъ предположеніе, что Земскіе Соборы есть продолженіе Народнаго Вѣча. Отчасти въ нѣкоторыхъ государствахъ на Западѣ такъ и было. Во Франціи въ началѣ ея исторіи всѣ свободные франки или фрилинги участвовали въ народномъ собраніи. Но съ Карла Великаго характеръ народныхъ собраній измѣнился: вмѣсто общаго собранія фрилинговъ созывались епископы, лейды—главные сподвижники и сановники франкскихъ королей. Этимъ собраніямъ императорскихъ чиновниковъ присвоили также имя народныхъ собраній. Однако была большая разница между собраніями фрилинговъ и франкскихъ сановниковъ при Карлѣ В. Эти послѣднія собранія имѣли только голосъ совѣщательный, между тѣмъ какъ собранія фрилинговъ имѣли голосъ рѣшающій. Точно также и въ Англіи у англо-саксовъ, какъ и у всѣхъ германцевъ, въ народномъ собо-

ранiи участвовали всѣ свободные люди, но впослѣдствiи, когда гептархiя (семикоролевiе) сложилась въ одно государство, тогда и здѣсь народное собранiе замѣнилось Витенагемотомъ. Витенагемотъ собирался подъ предсѣдательствомъ короля. Членами Витенагемота были: архiепископы, епископы, аббаты, ольдермены графствъ, шерифы и другiе королевскiе таны (служилое дворянство), эрлы или ярлы (потомки древнихъ англо-саксонскихъ старшинъ). Ни мѣсто. ни время собранiя Витенагемота не было опредѣлено разъ навсегда.

Ничего подобнаго у насъ не было. Напомнимъ читателю объ отношенiи княжескихъ дружинъ и самихъ князей къ Вѣчамъ городовъ. Какъ въ самомъ Кiевѣ, такъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ вмѣстѣ съ дружиною, преобладала княжеская власть, вездѣ вѣчевая жизнь замирала. Въ Кiевѣ, сильнѣе. чѣмъ гдѣ либо на югѣ, коренились вѣчевыя преданiя; поэтому свободныя проявленiя вѣчевой жизни, хотя и немногочисленныя, вызывали сильное раздраженiе въ дружинахъ. Только этимъ раздраженiемъ и можно объяснить варварство дружинниковъ въ 1169 году. Андрей Боголюбскiй двинулъ противъ Кiева почти всѣхъ князей и естественно. что дружины княжескiя пошли на этотъ городъ съ большой охотою. Мы уже говорили, что въ этомъ разоренiи Кiева участвовали не только дружины сѣверныхъ князей, которыхъ притомъ тогда было немного, но и дружины князей южныхъ, особенно Черниговскихъ во всѣхъ ихъ развѣтвленiяхъ. Это не была вражда двухъ вѣтвей русскаго племени—Великороссiянъ и Малороссiянъ, какъ нынѣ говорятъ; это была вражда дружинъ и вѣчеваго начала. Въ обзорѣ Кiевскаго и Владимiрскаго перiодовъ указано было громадное значенiе дружинъ въ ходѣ тогдашней русской исторiи. Дѣйствительно, въ Кiевской Руси была сильная закваска аристократическаго элемента. Оттуда этотъ элементъ пошелъ на западъ въ Галицiю и на сѣверъ во Владимiръ-на-Клязьмѣ. Послѣднiй передалъ его Москвѣ. Когда черезъ Москву дружинный элементъ приблизился къ сѣверо-западнымъ вѣчевымъ городамъ. то и конецъ вѣчеваго начала въ этихъ городахъ былъ неизбѣженъ. Великiй Ростовъ первый испыталъ послѣдствiя этого близкаго сосѣдства. Въ горькой участи Ростова виноватъ не только Иванъ Даниловичъ Калита, но и его дружинники, предводитель которыхъ, Кочева, дѣйствовалъ въ Ростовѣ хуже всякаго баскака. Вѣче, слѣдовательно, было подавлено, но дѣйствiя мужей, т. е. бояръ, не могли къ нимъ расположить народъ за исключенiемъ развѣ жителей городовъ Владимiра-на-Клязьмѣ и Москвы, которые обращены князьями изъ пригородовъ въ значительные города, съ униженiемъ старшихъ городовъ. Мѣстныя вѣча этихъ городовъ, т. е. вѣча, рѣшенiя которыхъ не имѣло никакого значенiя за ихъ околицею, не могли возбуждать опасенiя князей и дружинниковъ. Но и въ Москвѣ, когда

замѣтили возрастаніе значенія тысяцкаго, начальника городовыхъ полковъ, съ чѣмъ сопряжено было и возвышеніе значенія городского населенія, сейчасъ-же развилась вражда къ фамиліи, въ которой въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ сохранялось званіе тысяцкаго. Казнью тысяцкаго Вельяминова нанесло боярство первую жестокую рану себѣ, ибо эта казнь, какъ мы доказали въ своемъ мѣстѣ, была дѣломъ самаго боярства. Въ Московскомъ боярствѣ Иванъ III и Василій III нашли послушное орудіе для нанесенія окончательнаго удара оплотамъ вѣчеваго начала, Новгороду и Пскову. Оно нанесло ударъ не только вѣчевому началу въ сѣверной Россіи, но и подорвало земскую автономію, унизивъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ удѣльныхъ княжествъ. Гордыня Московскаго боярства, какъ мы видѣли, послужила орудіемъ для нивеллировки княжествъ, присоединенныхъ къ Москвѣ. Теперь предложимъ вопросъ, гдѣ же лѣстница, черезъ которую отъ вѣчевыхъ собраній городскихъ перешли къ земскому собору? Собраніе Карла В. и Витенагемотъ англосаксовъ были результатомъ того обстоятельства, что, разбросанный на огромномъ пространствѣ народъ, трудно было собирать для рѣшенія дѣлъ, и Собранія Карла В., и Витенагемотъ выходили такимъ образомъ комитетами народныхъ собраній, комитетами, которые заслонили самыя собранія. У насъ подобной обстановки не бывало.

У насъ Земскіе Соборы вызваны центральной властью для прекращенія произвола бояръ, потомковъ тѣхъ мужей-дружинниковъ, которые говорили князьямъ: «Ты это затѣялъ одинъ, и дѣлай одинъ». Съ этимъ характеромъ опоры противъ боярства, Земскій Соборъ выступилъ на сцену въ Смутное время и особенно при воцареніи Романовыхъ. Мы видѣли, какъ Земскіе Соборы, представляя авторитетъ земли, внушительно дѣйствовали на боярство. Не даромъ время Царя Михаила называли золотымъ вѣкомъ Земскихъ Соборовъ. Тогда всего чаще употреблялось, при созваніи ихъ, выраженіе: «Ради Государева и Земскаго Дѣла». Такая формула потомъ стала употребляться все рѣже и рѣже и сократилась въ выраженіе: «Ради Государева Дѣла». Въ царствованіе Алексѣя Михайловича всякій разъ прибѣгали къ Земскому Собору, когда требовалось поддержать авторитетъ власти. Въ примѣръ можно напомнить бурное возстаніе во Псковѣ, съ которымъ правительство не могло сладить. Тогда отправлено было посольство во Псковъ отъ Земскаго Собора.

Во время нѣкоторыхъ Соборовъ высказывалось неудовольствіе противъ излишнихъ денежныхъ поборовъ. По той ли, по другой ли причинѣ, но въ царствованіе Алексѣя Михайловича Соборы созывались все рѣже и рѣже. Боярская Дума, Земскіе Соборы и вся земская самостоятельность, ловкими руками дьяковъ, прикончены были измором.

Составъ Земскихъ Соборовъ былъ не одинаковъ. По большей же части онъ былъ слѣдующій. Во-первыхъ въ составъ Собора входилъ самъ Царь, участіе котораго на Соборѣ не ограничивалось произнесеніемъ рѣчи при открытіи Собора. На Соборѣ же Государь выслушивалъ выборныхъ людей, отвѣты на свою рѣчь и постановлялъ свой приговоръ. Во-вторыхъ: Боярская Дума вся поголовно. Въ-третьихъ: высшее духовенство также входило поголовно, т. е. патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены. Этотъ отдѣлъ Земскаго Совѣта носилъ названіе Освященнаго Собора. Въ-четвертыхъ: выборные посадскіе и уѣздные.

Проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «Благодаря тому обстоятельству, что Государь, какъ Верховный глава государства, его неизмѣнный представитель, входилъ самолично въ составъ Земскаго Собора, оппозиція на Земскомъ Соборѣ была невозможна. Мы указали составъ полныхъ Земскихъ Соборовъ. Бывали и Соборы неполные. Таковъ былъ Соборъ 1566 г. при Грозномъ, въ которомъ изъ посадскихъ людей участвовали только жители Московскихъ и Смоленскихъ городовъ и представители служилаго сословія. Соборъ 1682 г., отмѣнившій мѣстничество, состоялъ только изъ представителей служилаго сословія.

Административное управленіе Московскаго государства основывалось на историческихъ случайностяхъ присоединенія того, или другого удѣльнаго княжества къ Москвѣ. Присоединенныя княжества дѣлились на уѣзды, если были велики, а если были малы, то составляли одинъ уѣздъ. Поэтому и величина уѣздовъ была различна. Такъ, Двинской уѣздъ заключалъ въ себѣ весь бассейнъ Сѣв. Двины. Другіе уѣзды состояли изъ одного города и небольшой округи. Уѣздъ дѣлился на волости и станы. Дѣленіе это было довольно неопредѣленно. Часто оба названія смѣшивались, иногда одинъ станъ заключалъ въ себѣ нѣсколько становъ и волостей. Волости иногда назывались погостами, а иногда погостами назывались и станы и волости вмѣстѣ. Это зависѣло оттого, что въ каждомъ удѣльномъ княжествѣ была своя административная терминологія. Въ большіе города отправлялся Большой Воевода съ Товарищемъ. Хотя въ законѣ не было рѣчи о кормленіи, но есть много указаній, что воеводства давались на кормленіе. Царь Алексѣй Михайловичъ далъ одному служилому человѣку воеводство съ тѣмъ, чтобы онъ нажилъ 800 рублей и купилъ себѣ деревню. Управленіе сосредоточивалось въ большихъ городахъ—въ Съѣзжей Палатѣ, а въ малыхъ городахъ—въ Съѣзжей Избѣ. Воеводъ и ихъ товарищей назначало правительство. Отъ воеводъ зависѣли городскіе приказчики и городничіе, осадные головы, засѣчные головы, оберегавшіе засѣки, казачьи, стрѣлецкіе и пушкарскіе головы, ямскіе головы и проч.

Кромѣ того были выборныя должности:

1) Таможенные и кабацкіе головы и цаловальники. Они обязаны были вносить въ казну опредѣленный доходъ.

2) Губные старосты. Ихъ обязанностью было преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ. Названіе ихъ происходитъ отъ древняго слова *Гу́ба*, что значитъ округъ. Губные старосты выбирались всѣми сословіями. Имъ помогали, тоже выборные, губные цаловальники. Обыкновенно въ губные старосты выбирались дворяне. Это учрежденіе, если не возникло, то получило особенное значеніе при Іоаннѣ Грозномъ; отмѣнено при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

3) Земскіе Старосты и цаловальники. Они завѣдывали мѣстною полиціею, раскладкою податей и сборомъ разныхъ повинностей.

Такимъ образомъ ясно, что во всемъ административномъ и судебномъ строѣ не было никакихъ твердыхъ началъ. Произволъ воеводъ доходилъ до высшей степени. Воеводы назначались только на три года, дабы дать возможность покормиться и другимъ. Каждый новый кормленщикъ спѣшилъ нажиться въ эти три года. Жаловаться на злоупотребленія воеводъ было совершенно безполезно. Кормленщики, отправляясь въ воеводство, конечно, уже заранѣе задаривали приказныхъ людей и не безъ того было, чтобъ не посылали мзды въ приказы въ продолженіе своего воеводствованія.

До какой степени система кормленій истощала русскую землю, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1665 г., во время войны съ Польшей и Швеціей, со Пскова и Псковскаго уѣзда не могли собрать опредѣленнаго налога. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ дѣло изслѣдовать. По его велѣнію Земскіе Старосты сошлись для всенароднаго Совѣта съ лучшими людьми. Всенародный Совѣтъ постановилъ, что единственное средство поправить бѣдственное состояніе жителей — установить новые порядки для городского управленія. Положено было: 1) выбирать на три года 15 земскихъ старостъ, которые бы, по пяти человѣкъ, поочередно, управляли городомъ; 2) гражданскій судъ предоставить выборнымъ, а суду воеводы оставить только тяжкія преступленія—измѣну, разбой и душегубство; 3) кружечные дворы (кабаки) предполагалось уничтожить, а сборъ съ вина разложить на посадскихъ людей.

Тогда воеводою во Псковѣ былъ благожелательный къ народу Ордынъ-Нащокинъ, который, не дожидаясь царскаго разрѣшенія, привелъ эти постановленія въ исполненіе. Но эти постановленія встрѣтили сильное неудовольствіе въ боярствѣ и особенно въ другѣ Аввакума, въ князѣ Иванѣ Хованскомъ. Хотя Алексѣй Михайловичъ и говорилъ Хованскому: «тебя всѣ дуракомъ зовутъ», но совѣты этого дурака взяли однако перевѣсъ надъ совѣтами замѣчательно умнаго Ордынъ-Нащокина. Не даромъ сынъ послѣдняго бѣжалъ изъ Россіи; а самъ Аѳанасій Ордынъ-Нащокинъ, не умѣвшій уступать боярамъ и заискивать въ нихъ, подобно Мат-

вѣеву, отъ тоски ушелъ изъ міра и кончилъ жизнь въ монастырѣ. Онъ постригся въ 1672 г. Ордынъ-Нащокинъ и не могъ остаться среди этого общества, гдѣ не было, по выраженію проф. Дитятина, иныхъ заботъ у человѣка, кромѣ заботъ о личномъ благѣ, гдѣ все дѣлалось ради своего я, только его одного, гдѣ вся нравственность покоилась лишь на страхѣ: здѣсь на землѣ — передъ уголовнымъ наказаніемъ, а тамъ на небѣ—передъ вѣчными муками ада.

Нравственное состояніе общества въ Московской Руси было крайне печально. Трудно понять, говоритъ Забѣлинъ, извѣстный изслѣдователь Московской старины, всю силу нравственнаго растлѣнія, которая охватила все собравшееся въ Москвѣ общество самовластцевъ и олигарховъ. Самое благочестіе русскихъ не было дѣломъ сердца и духа, говоритъ другой изслѣдователь, а какою-то грубой сдѣлкой порочнаго человѣка со своею совѣстью. И что могло быть въ этомъ обществѣ, гдѣ надо всѣмъ царилъ холодный безпощадный эгоизмъ? За наглымъ эгоизмомъ естественно слѣдовало циническое проявленіе его во всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ отношеніяхъ. Властный человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія давилъ своихъ беззащитныхъ подчиненныхъ. «Женскій полъ», говоритъ Мейербергъ, «не въ почтеніи у Москвитянъ. Здѣсь въ Москвѣ никто не преклонитъ колѣна передъ женщиной, какъ это дѣлается среди другихъ народовъ Европы, и печальное положеніе женщины возрастаетъ по мѣрѣ поднятія ея по общественной лѣстницѣ. Такъ изъ всѣхъ дѣвушекъ самыя несчастныя—сестры и дочери царей. Это существа—заранѣе обреченныя на вѣчное одиночество». Положеніе замужней женщины было крайне тяжелое, она вполнѣ зависѣла отъ воли мужа. Бить жену считалось почти обязательнымъ. Побои она считала ни за что, но въ этомъ отношеніи не нужно дѣла преувеличивать, и безъ того картина выходитъ крайне неприглядна.

На основаніи сомнительнаго анекдота говорятъ, что русская женщина считала побои доказательствомъ любви. Противоестественность такого понятія бросается въ глаза сама собою, и уже Олеарій задавалъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ побои, которыхъ одинаково боятся и люди, и животныя, могли считаться доказательствомъ любви. Это недоумѣнье возникло изъ анекдота, который разсказываетъ Герберштейнъ о нѣкоемъ нѣмецкомъ кузнецѣ, Іорданѣ, котораго, неизвѣстно почему, Олеарій превращаетъ въ итальянца. Онъ говоритъ, что разъ жена этого Іордана будто-бы сказала ему: «За что ты меня не любишь»?—«Я люблю тебя, сказалъ мужъ» и поцѣловалъ ее.—«Ты ничѣмъ не доказалъ этого», отвѣчала жена: «ты меня ни разу не билъ».—«Я этого не зналъ», говорилъ мужъ, но если побои нужны, чтобы доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ». Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того она стала любезнѣе и услуж-

ливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она пролежала нѣсколько времени въ постели, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родные подали на него жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти. Нѣкоторые историки принимаютъ буквально этотъ разсказъ.

Но насъ этотъ разсказъ приводитъ къ другому выводу: вѣроятно Іорданъ, недовольный женою, забилъ ее до смерти и имѣлъ средства откупиться отъ суда. Но едва-ли какая женщина просила сама бить ее. Это мнѣніе, что женщины просили сами бить ихъ, основано на неправильномъ толкованіи нѣкоторыхъ пословицъ. Такова и существующая донынѣ поговорка: «Кто кого любитъ, тотъ того и лупитъ».

Но не всегда русскія женщины терпѣливо сносили такую тяжелую жизнь. Мужеубійства въ XVII в. сдѣлались весьма частымъ преступленіемъ несмотря на жестокую казнь. Мужеубійцъ закапывали живыми въ землю по грудь съ руками вмѣстѣ и отоптывали землю кругомъ ногами. Закопанная, такимъ образомъ, умирала или въ тотъ-же, или на другой, иногда даже на третій только день. Самъ законодатель нашелъ нужнымъ сдѣлать дополнительное замѣчаніе: держать ее въ землѣ *до тѣхъ мѣстъ пока умретъ.* Счастливы были еще тѣ, которыхъ казнили въ зимній холодъ. Другія жены мстили за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена передъ мужемъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, но точно также мужья были безгласны передъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу Царскаго Дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы разсказываютъ замѣчательный случай: жена одного боярина, по злобѣ на мужа, который ее билъ, донесла, что онъ умѣетъ лечить подагру, которою Царь тогда страдалъ и, хотя бояринъ увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и грозили смертной казнью, если онъ не сыщетъ лекарства для Государя. Тотъ, въ отчаяніи, нарвалъ какихъ-то травъ и сдѣлалъ Царю ванну, случайно Царю послѣ того стало легче и лекаря еще разъ высѣкли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. («Очеркъ дом. жизни и нравовъ. Н. И. Костомарова. Стр. 151).

При деспотизмѣ, отъ котораго страдала русская женщина, нельзя было ожидать отъ нея особенной сдержанности въ половыхъ отношеніяхъ. Пьянство было тогда общимъ порокомъ, какъ среди мужчинъ, такъ среди женщинъ и въ пьяномъ видѣ женщина отдавалась первому мужчинѣ. Относительно внѣбрачныхъ сношеній съ иностранцами у русскихъ женщинъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сложился особенный догматъ. Онѣ говорили, что женщинѣ простительно соблудить съ иностранцемъ, ибо дитя, рожденное отъ иностранца,

будетъ крещеное; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, то дитя будетъ не крещеное, оно и грѣшнѣе. Некрещеная вѣра множится. (Тамъ же. Стр. 152).

Къ зажиточнымъ и домовитымъ людямъ въ домъ проникали *потворенныя бабы*, которыя молодыхъ женъ съ чужими мужьями сваживали. Онѣ входили въ дома подъ разными видами—подъ видомъ торговокъ, гадальщицъ, а иногда набожныхъ богомолокъ. Потворенныя бабы служили часто и мужу, и женѣ. Бояре-мужья заводили часто цѣлые гаремы, несмотря на строгія преслѣдованія закона. Кстати сказать, и самая строгость законовъ выражалась весьма циничнымъ образомъ и вслѣдствіе цинизма своего дѣйствовала обратно. Строгость эту такъ рисуетъ Котошихинъ. «А которые люди воруютъ т. е. вступаютъ въ связь съ чужими женами и съ дѣвками и какъ ихъ изымаютъ и того-жъ дня, или на иной день обѣихъ, мужика и женку, ктобъ каковъ ни былъ, водя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ бьютъ кнутомъ». (Глава VII). Но разумѣется, для бояръ, заводившихъ гаремы, этотъ угрожающій законъ смысла не имѣлъ.

Вотъ какъ жили бояре, думные и ближніе люди. Они въ домахъ своихъ держали мужскаго и женскаго пола прислуги человѣкъ по сто, по двѣсти, по 300 по 500 и по 1000, сколько кто могъ по его состоянію. Этимъ людямъ давали жалованья отъ 2-хъ до 10 рублей, кромѣ того имъ дается одежда и домишки на боярскомъ дворѣ или на иныхъ дворахъ того-же боярина. Женатыхъ изъ нихъ посылаютъ погодно въ вотчины, села и деревни и даютъ имъ право съ своихъ крестьянъ брать всякіе поборы и поживиться чѣмъ можно. Холостымъ даютъ гораздо меньше. Вдовы живутъ въ мужнихъ домахъ и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ. Тѣхъ молодыхъ вдовъ и дѣвицъ бояре выдаютъ замужъ съ надѣломъ за своихъ слугъ. Такъ какъ боярскіе дворы представляли весьма значительное пространство земли, окруженное заборомъ, то въ сущности эти дворы, среди которыхъ стояли боярскія хоромы, а за ними избы ихъ людей, представляли миніатюру Московскаго Царства.

Къ этой обстановкѣ боярскихъ дворовъ должно еще прибавить то обстоятельство, что боярамъ запрещалось держать въ своей дворнѣ вольныхъ людей, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Они обязаны были держать только холоповъ и кабальныхъ. При такой обстановкѣ, какой глазъ могъ проникнуть за заборы боярскихъ дворовъ и кто оттуда могъ подать голосъ о томъ, что тамъ дѣлалось?

Способъ заключенія брачныхъ союзовъ, не спрашиваясь жениха и невѣсты, весьма много способствовалъ безурядицѣ въ половыхъ отношеніяхъ. Все дѣло происходило черезъ свахъ, только онѣ и родственницы жениха видали невѣсту до брака. Это подавало поводъ къ едва вѣроятнымъ обманамъ. Котошихинъ разсказываетъ, что если у какого-нибудь отца было двѣ или три дочери-дѣвицы и

старшая изъ нихъ слѣпа, сухорука, или хрома, а другія сестры ея и красивы, и умны, то если приходятъ свататься за старшую дочь, обыкновенно, вмѣсто больной и уродливой дочери показываютъ здоровую и красивую ея сестру. Женясь на ней, молодой мужъ и при вѣнчаніи, и послѣ вѣнца не могъ разсмотрѣть, что она имѣетъ вышеуказанные недостатки, потому что вѣнчали ее покрытою тафтой; а послѣ вѣнца, по обычаю, за нее говорили свахи и водили ее подъ руки. Только въ брачной комнатѣ, оставшись наединѣ, молодой съ ужасомъ видѣлъ какого урода ему дали въ жены.

Тутъ начиналась обыкновенная въ то время исторія: мужъ билъ жену до тѣхъ поръ, пока она не рѣшалась постричься, или наложить на себя руки. Эту картину Котошихинъ заключаетъ такими словами: «Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная тому есть правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвокъ обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ». (Гл. XIII).

Но никто не рисуетъ такъ ярко нравственную распущенность, господствовавшую въ Московскомъ государствѣ, какъ выше упомянутый, сербъ Крижаничъ. «Всѣ Славяне расточительны и любятъ попировать. Нѣмцы тоже большіе пьяницы. Однако ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства. По улицѣ въ грязи валяются мущины и женщины, міряне и духовные и многіе отъ пьянства умираютъ. У турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противоестественнымъ грѣхомъ, но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ». Историкъ Соловьевъ говоритъ по поводу этихъ словъ Крижанича: «Читая описаніе этихъ язвъ у нашего автора, чувствуешь, какъ сердце его обливалось кровью при исполненіи печальнаго долга обличенія. (И. Р. Т. XIII. Гл. I).

Лучше, или нѣтъ была нравственность въ западной Европѣ, объ этомъ мы не будемъ входить въ разсужденіе. Здѣсь замѣтимъ только, во-первыхъ, что деморализація нигдѣ не проявлялась такъ цинично, какъ у насъ; во-вторыхъ, что люди, любящіе мракъ невѣжества, утверждали и до сихъ поръ утверждаютъ безъ всякаго стыда, что поврежденіе нравовъ началось у насъ съ Петра В. и Екатерины II.

Профессоръ Сергѣевскій въ своей книгѣ «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.» говоритъ: «Прежде всего большое количество казней женъ за убійство мужей, встрѣчающееся въ памятникахъ, отлично показываетъ намъ, что приходилось иногда терпѣть женамъ, и обратно — въ какомъ состояніи непрерывной борьбы и опасностей должны были находиться мужья, эти, по идеѣ тогдашней семьи, неограниченные владыки семейнаго очага. Бывали, продолжаетъ онъ, вещи и похуже простого разврата и жестокаго

обращенія между супругами. Петрей разсказываетъ, какъ бѣдный московскій дворянинъ добываетъ въ случаѣ нужды деньги посредствомъ своей жены, если она молода и красива. Поздно вечеромъ онъ отправляется по улицамъ приглашать желающихъ къ своей женѣ, а жена сидитъ дома и ждетъ гостя. Когда гости приходятъ, мужъ сторожитъ передъ воротами, чтобы не пришелъ кто посторонній, а затѣмъ получаетъ плату 2—3 талера, смотря по условію и по обстоятельству и идетъ отыскивать гостя. (Наказаніе... Стр. 58). Этотъ фактъ имѣетъ отношеніе къ правиламъ тогдашней ходячей морали: строгое благочестіе запрещало даже ѣсть и пить съ иновѣрцами и въ этомъ отношеніи государственная церковь въ ея представителяхъ ничѣмъ не отличалась отъ раскольниковъ. Но, какъ мы видимъ, иностранные талеры дѣйствовали сильнѣе ходячей морали.

Изъ всѣхъ предписаній тогдашней морали строгаго благочестія всего ненарушимѣе сохранялись предписанія, касавшіяся нищенства: нищаго, каковъ бы онъ ни былъ, даже осуждать считалось грѣхомъ. Мейербергъ разсказываетъ о злодѣяніяхъ нищихъ, которыя къ стыду нашему едва ли не продолжаются и до сего дня. Онъ разсказываетъ о нищихъ, которые крадутъ маленькихъ дѣтей, уродуя ихъ, ломая имъ руки и ноги, ослѣпляя ихъ, выходятъ съ ними на большія дороги, перекрестки, и, сами притворяясь калѣками, заставляютъ ихъ просить милостыню.

Естественно, рождается вопросъ, какъ шло воспитаніе сыновей и дочерей бояръ? Вотъ что объ этомъ говоритъ нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ: «Главное зло для тогдашняго общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ, или тѣмъ что превосходно выражаетъ слово образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, физическое развитіе нисколько не соотвѣтствовало духовному и что же удивительнаго, что онъ является передъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ. (И. Р., т. XIII, гл. I).

Укажемъ въ краткихъ чертахъ времяпрепровожденіе русскаго человѣка въ XVII в. Цари и знатные люди обѣдали отдѣльно въ своихъ комнатахъ, а жены съ дѣтьми въ своихъ. Столъ накрывался скатертью, но не всегда. Въ случаяхъ, когда семья обѣдала вмѣстѣ, то жидкое кушанье подавалось въ одной мисѣ на двухъ или трехъ человѣкъ, и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. «Такой способъ обѣдать», говоритъ Костомаровъ, «приводилъ въ омерзеніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; имъ не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, потягивались, рыгали и къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другія зловонія».

Въ пріемѣ гостей у знатныхъ людей проявлялась страшная надменность и соблюдался особый этикетъ. Важныхъ гостей хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатѣ. Костомаровъ замѣчаетъ совершенно справедливо: «Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и церемонности съ грубостью татарской. Изъ за одного какого нибудь слова вслѣдъ за церемонной напыщенностью раздавалась площадная неприличная брань. Олеарій говоритъ, что эту неприличную брань пускали въ ходъ и женщины, и дѣвицы, и даже дѣти. Хотя церковь преслѣдовала эту дурную привычку, но среди всеобщей грубости нравовъ и сами духовные, даже монахи въ самой церкви, оскверняли сь этой бранью. Грубымъ характеромъ отличались и русскія пиршества. При приглашеніяхъ опять соблюдалась извѣстная церемонность: къ тѣмъ лицамъ, которые по своему общественному положенію, дѣлали хозяину своимъ посѣщеніемъ честь, онъ ѣздилъ приглашать самъ, а которымъ онъ дѣлалъ честь приглашеніемъ, къ тѣмъ посылалъ слугъ. Когда гости, по чину, усаживались, выходила хозяйка, кланялась гостямъ въ поясъ и становилась у дверей. Хозяинъ кланялся до земли и просилъ цѣловать жену; гость кланялся до земли и цѣловался съ хозяйкой. Хозяйка подносила каждому гостю по чаркѣ вина. Первый гость передавалъ чарку хозяину, прося его выпить самого; а хозяинъ просилъ сначала выпить жену. Жена отвѣдывала изъ чарки и передавала ее мужу. Мужъ допивалъ чарку и послѣ этого начинался пиръ горой. Въ половинѣ пира, когда подавался круглый пирогъ, тогда изъ внутреннихъ покоевъ выходили жены сыновей хозяина, его братьевъ, племянниковъ и родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ. При входѣ этихъ женщинъ, съ виномъ и чарками, мужья ихъ вставали изъ за стола, кланялись гостямъ въ ноги и просили цѣловать ихъ женъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что обычаи эти восходили ко временамъ глубокой языческой старины. Число кушаній доходило до пятидесяти перемѣнъ. Хозяинъ считалъ за долгъ чести накормить гостей до отвалу и главное напоить. Кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина; кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, пировавшія съ хозяйкой, не отставали отъ мужчинъ. Многихъ боярынь отвозили домой безъ сознанія; на другой день посылали узнавать о здоровьѣ гостей. Угощенныя отвѣчали, каждая за себя: «Мнѣ вчерась было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой пришла». Кромѣ пиршествъ такого рода, были еще пиршества братчины—пиры въ складчину. Пиры обыкновенно тянулись отъ полудня до ночи. Крестьянскія пирушки назывались «Особое пивцо».

Церковь противодѣйствовала пьянству, но аскетическія поученія и требованія относительно увеселеній достигали, по своей нетерпимости, противоположныхъ результатовъ. Всякое увеселеніе выстав-

лялось грѣхомъ и это вело къ тому, что пьянство распространялось во всѣхъ слояхъ общества. Особенно сильно пьянство распространилось, когда казна продажу водки обратила въ доходную статью.

Къ несчастію въ то же время церковь усилила преслѣдованіе самыхъ невинныхъ удовольствій, особенно преслѣдовалась музыка. Мы видѣли, какъ, по повелѣнію Никона, уничтожались музыкальные инструменты; но русскій народъ любилъ соблазняться запрещеннымъ удовольствіемъ.

Въ то время какъ церковь преслѣдовала музыку, она не могла остановить представленія скомороховъ. Скоморохи—весьма древнее явленіе въ русской жизни, откуда бы это явленіе ни вело свое происхожденіе. Ихъ представленія носили антицерковный характеръ, почему Курбскій и называетъ пѣсни скомороховъ пѣснями, отводящими мысли отъ теологіи. Скоморохи были не только музыканты, но они умѣли разными способами развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, третьи плясали, четвертые показывали народу выученныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы (отъ глагола глумиться) и стихотворцы потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто въ соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ *позорами или дѣйствіями*, т. е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное скоморошье платье и надѣвали на себя маски, называвшіяся тогда личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древенъ и еще въ XIII в. митрополитъ Кириллъ осуждалъ *позоры* (представленія) *нѣкаки бѣсовскіе со свистаніемъ кличемъ и плясомъ*. Въ числѣ такихъ позоровъ было между прочимъ вожденіе кобылки, представленіе какого то языческаго торжества, называвшагося, благочестивыми лицами, бѣсовскимъ. Скоморохи ходили большими толпами, человѣкъ въ 50 и болѣе изъ посада въ посадъ, изъ села въ село и представляли свои позоры преимущественно въ праздники. (Очеркъ домашней жизни и проч. стр. 200).

Но въ глубокой древности скоморохи ходили еще большими скопищами; ибо были случаи, что они грабили небольшіе города и наводили страхъ и на гражданскія, и на церковныя власти. Пѣсни ихъ не только были непристойны, но и носили антицерковный характеръ. Глумцы эти дозволяли себѣ глумленіе надъ монахами, монахинями, и вообще надъ духовенствомъ. Можно предполагать, что многіе изъ неприличныхъ разсказовъ и прибаутокъ о попахъ, попадьяхъ и т. д., сохранившихся до сего времени, ведутъ свое начало отъ *скоморошьихъ дѣйствій*. Нѣкоторые изъ ихъ позоровъ (зрѣлищъ) касались предметовъ и болѣе важныхъ, чѣмъ вышеупомянутыя шутки. Нѣтъ сомнѣнія, что скоморохи въ своихъ пред-

ставленіяхъ выставляли всѣ стороны жизни всѣхъ классовъ общества съ истинно Аристофановской свободой. Изъ скоморошьихъ позоровъ могъ-бы развиться національный театръ, но этому, вѣроятно, помѣшало грозное противодѣйствіе какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ властей, особенно въ XVII вѣкѣ. Скоморошество все болѣе и болѣе падало: ѣдкіе злые глумцы превратились въ шутовъ; грозные разбойники—въ какихъ-то надувалъ простоватыхъ бабъ. Въ изустныхъ пересказахъ сохранилась сцена, въ которой двое скомороховъ обкрадываютъ простодушную деревенскую бабу. Одинъ изъ нихъ забавляетъ бабу, а другой забрался въ чуланъ къ хозяйскому добру, какъ-бы нечаянно и распѣваетъ всякій вздоръ. Не найдя мѣшка, куда-бы сложить уворованное, онъ громко поетъ: «Куда класть, куда класть»? а другой ему отвѣчаетъ:

«А ужъ бабья то рубаха не тотъ же-ль мѣшокъ?
«Рукава то завяжи, да что хошь положи».

Содержаніе скоморошьихъ представленій все болѣе съуживалось и мельчало, и нынѣшніе масляничные дѣды, своими однообразными прибаутками, не даютъ и слабаго понятія о скоморошьихъ представленіяхъ.

Заканчивая періодъ русской исторіи передъ реформой Петра, приведемъ слова нашего историка, С. М. Соловьева, о поворотѣ въ умственномъ состояніи Россіи. «Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе, чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь рѣшенъ, новшества являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова—«у другихъ лучше» и не перестанутъ эти слова повторяться: слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, на время ученія, духовнаго ига, хотя и облегченнаго политическою независимостью и могуществомъ, но все-же тяжелое. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызвало борьбу, вело къ перевороту, т. е. къ дѣйствію насильственному. Церковныя преобразованія пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ, но мы видѣли, какъ были встрѣчены они. Свои, православные показались не православными». (И. Р. Т. XIII. Стр. 163).

Нравственное и экономическое состояніе Россіи ставили ее въ крайнюю опасность, и если она въ XVII в. вышла изъ затруднительнаго положенія въ международныхъ отношеніяхъ, то этимъ обязана благопріятнымъ для насъ обстоятельствамъ въ исторіи нашихъ сосѣдей. Во-первыхъ, въ Польшѣ при Михаилѣ Вишневецкомъ окончательно воцарилась анархія. При Янѣ Собѣскомъ внѣшняя политика Польши запуталась, увлекшись австрійскимъ

союзомъ противъ Турціи, Собѣскій долженъ былъ уступить Москвѣ Кіевъ на вѣчныя времена и, что было еще опаснѣе для Польши, онъ упустилъ благопріятный случай для борьбы съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, у котораго тогда была война со Швеціей. Въ Швеціи преемница Густава Адольфа, Христина, занималась преимущественно внутренними дѣлами, а ея преемникъ, Карлъ X, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, начавшій успѣшно войну съ Польшею, потерялъ плоды своихъ побѣдъ, когда сторону Польши приняли курфюрстъ Бранденбургскій и Россія; послѣдняя вопреки своимъ выгодамъ. Завоевательныя стремленія его преемника, Карла XI, остановлены были пораженіемъ, которое нанесъ ему курфюрстъ Бранденбургскій, Фридрихъ Вильгельмъ, въ 1675 г. при Фербеллинѣ. Эта побѣда положила начало возвышенію Бранденбургскаго дома, который сбросилъ вассальную зависимость отъ Польши. Курфюрсты Бранденбургскіе, такимъ образомъ, невольно оказали услугу Московскому государству, которое съ трудомъ поддерживало внутренній порядокъ.

Тогда въ самой Москвѣ жить было не безопасно. Издали, говоритъ Олеарій, Москва походила на великолѣпный Іерусалимъ, а внутри представляла бѣдный Виѳлеемъ. Въ этомъ Виѳлеемѣ «не проходитъ ночи», говоритъ Олеарій, «чтобы на утро не оказалось нѣсколько мертвыхъ тѣлъ на улицѣ». Въ Москвѣ XVII вѣка, говоритъ Соловьевъ, на основаніи офиціальныхъ документовъ, чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго; не потому чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и ограбилъ его; но у этого знатнаго домовладѣльца нѣсколько сотъ дворни, праздно и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину, или простой прохожій. Люди боярина князя Юрія Ивановича Ромодановскаго позвали съ товарами старосту Серебряннаго ряда къ себѣ во дворъ и убили, они повинились сверхъ того въ убійствѣ 20 человѣкъ, оговорили свою братію, дворовыхъ людей. На Дмитровкѣ не было ни прохода, ни проѣзда отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татева. На Коломенскую дорогу должны были высылать за разбойниками по 300 стрѣльцовъ. Въ 1675 году велѣно *чистить дороги*, т. е. очищать отъ разбойниковъ, по причинѣ разбойныхъ пристанищъ, чтобы около Москвы разбоевъ и душегубства больше не было, чистить отъ Москвы въ длину на 50 верстъ, а по берегу по 100 саженъ. (И. Р., т. XIII, стр. 159).

Число убійствъ особенно было велико по праздникамъ. Однажды, на второй день масляницы поутру поднято было 40 труповъ, а бывало и больше. Вотъ что пишетъ Котошихинъ о похоронахъ Царя: «Горе тогда людямъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое мно-

жество Московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ, а Московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужескаго и женскаго пола по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дня, какъ бываетъ Царю погребеніе мертвыхъ людей, убитыхъ и зарѣзанныхъ, болѣе ста человѣкъ».

Нельзя не согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые умѣли за этими явленіями разсмотрѣть, что въ русскомъ народѣ таились великія нравственныя силы.

«Мы», говоритъ одинъ изъ историковъ-юристовъ, «найдемъ въ исторіи нашей XVII вѣка колоссальное явленіе, въ которомъ сказались великія душевныя силы русскихъ людей. Мы говоримъ о расколѣ—явленіе, развитію котораго еще и нынѣ конца не предвидится. Твердость, съ которой исповѣдники старой вѣры, Аввакумы, Лазари, переносили всѣ преслѣдованія и муки, отлично показываетъ настроеніе эпохи. Тутъ выдвигаются не единицами, а сотнями и тысячами образцы мученичества, мало чѣмъ уступающіе мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Положимъ, очень часто дѣло идетъ о какихъ-нибудь двухъ, трехъ обрядахъ, о десяткѣ словъ, нисколько не измѣняющихъ ни догмы религіи, ни нравственныхъ идеаловъ; но вѣдь каждый вѣритъ по своему и отдать жизнь за свое, хотя бы и убогое убѣжденіе, во всякомъ случаѣ великое дѣло. Невольно проникаешься уваженіемъ къ силѣ духа этихъ людей, когда читаешь описаніе ихъ страданій и терпѣнія или подвиговъ самосожженія». (Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка проф. Н. Д. Сергѣевскаго, стр. 66). Въ общемъ мы не будемъ противорѣчить почтенному изслѣдователю; но, несмотря на великое сожалѣніе, которое вызываютъ къ себѣ мученики раскола, мы не можемъ не сказать, что это явленіе, выказывающее величіе русскаго духа, въ то же время показываетъ весьма малое развитіе русскаго ума. По нашему же мнѣнію, настоящее величіе духа русскаго народа проявилось не въ расколѣ, а въ первой половинѣ XVII вѣка въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ и въ укрѣпленіи престола за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Романовымъ.

Любопытно, что тотъ же изслѣдователь выставляетъ организацію крѣпостнаго права, какъ заслугу XVII вѣка. Будто бы это право надолго укрѣпило государство. Этотъ парадоксъ легко опровергается элементарными фактами. Въ XVII вѣкѣ особенно, крѣпостное право вызывало массу побѣговъ, борьба съ которыми много отнимала у правительства времени и средствъ. Въ Разиновщинѣ, которая грозила разрушеніемъ государственному строю Россіи, крѣпостное право играло едва-ли не первенствующую роль. Въ самомъ расколѣ крѣпостное право играло важную роль. Масса крѣпостныхъ бѣжала въ расколъ. Въ XVIII в. крѣпостное право доставляло главный контингентъ разбойническимъ шайкамъ. На этомъ правѣ выросла Пугачевщина. Въ XIX вѣкѣ два раза внѣшніе враги грозили Россіи под-

нятіемъ крѣпостныхъ крестьянъ — Наполеонъ I въ 1812 г. и Наполеонъ III съ Пальмерстономъ въ 1854 году. Само правительство едва раздѣлалось съ этимъ институтомъ, который не укрѣплялъ, а ослаблялъ государственный организмъ. Поэтому думаемъ, что и въ процессѣ развитія русскаго государства крѣпостное право никогда благодѣтельной роли не играло.

Только просвѣщеніе, умственное развитіе, могло вывести Россію на большую дорогу всемірно-историческаго развитія и избавить ее отъ удручавшихъ ее золъ.

Изъ этихъ золъ самое большее было неуваженіе къ человѣческой личности. Это неуваженіе человѣческой личности составляетъ отличительную черту Московскаго періода русской исторіи. «Водворилась», говоритъ Соловьевъ, «страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго; сокрушеніе правъ слабаго передъ сильнымъ ставило человѣка въ безотрадное положеніе, дѣлало его жертвою случайности». Стремленіе подчинить общественную жизнь монастырскому принципу безусловнаго повиновенія игумену также сдѣлало свое дѣло. Старшіе привыкли смотрѣть на младшихъ, какъ на своихъ безмолвныхъ рабовъ. Этотъ духъ, вмѣстѣ съ жестокостью московскою, проявлялся и въ XVIII в. и далѣе. Заслуга Петра, введеніе въ общество свѣтской науки, состояла въ томъ, что онъ совершилъ разстриженіе Россіи. Онъ отстранилъ преобладаніе монастырскихъ воззрѣній. Онъ ненавидѣлъ предшествовавшее ему время, зналъ хорошо его темныя стороны, сознавая ихъ и въ себѣ и не имѣя силъ отдѣлаться отъ нихъ. Онъ вынесъ изъ XVII в. жестокость, несдержанность въ порывахъ гнѣва, подозрительность. Понятіе о человѣческомъ достоинствѣ стало утверждаться въ русскомъ обществѣ съ царствованія Екатерины II, но путь ему все же уготовилъ Петръ Великій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

